

Преданный служитель Церкви. О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева)

сост. Надежда Балабанова, Евгений Полищук

Читателям книги «Преданный служитель Церкви»

От издательства

Книга посвящена памяти скончавшегося в 2003 году архипастыря Русской Православной Церкви митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева). Она включает в себя избранные труды Владыки, а также воспоминания о нем. В книге приняли участие свыше восьмидесяти авторов, среди которых церковные иерархи, священнослужители, общественные деятели, педагоги, писатели, художники, композиторы, ученые, генералы. Помимо основного дела жизни приснопоминаемого митрополита, которым стало более чем тридцатилетнее руководство Издательским отделом Московского Патриархата, Владыка был подлинным Пастырем, воспитывавшим своих сотрудников по Издательству, иноков Иосифо-Волоцкого монастыря, находившихся под его окормлением, студентов, которым он преподавал, прихожан храмов, где он служил и среди которых было много представителей творческой интеллигенции и армии. Митрополит Питирим запомнился людям и как общественный деятель в новую эпоху России, когда Церковь наконец заняла достойное положение в обществе. Все перечисленные стороны деятельности митрополита Питирима нашли в той или иной мере отражение в настоящей книге. Сборник издан к 5-й годовщине со дня кончины выдающегося церковного иерарха.

Читателям книги «Преданный служитель Церкви»

Пять лет прошло со дня завершения земного пути видного архипастыря Русской Православной Церкви – митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Вся его жизнь была связана со служением Святому Православию, которое он

совершал в различных формах и направлениях. Будучи профессором Московской Духовной академии, Владыка способствовал воспитанию и профессиональной подготовке новых, молодых кадров священнослужителей. Как церковный издатель – содействовал православному просвещению верующих, в том числе широких слоев научной и творческой интеллигенции. Занимаясь общественной деятельностью, он активно налаживал в новых условиях связи Церкви с властными структурами, армией, средствами массовой информации. Вместе с тем, как викарий Московской епархии, Владыка достойно представлял Нас и нашу Святую Православную Церковь на многочисленных межхристианских и межрелигиозных встречах

Как и многим другим архипастырям моего поколения, митрополиту Питириму суждено было начинать свое служение в трудные для Церкви годы гонений со стороны безбожного государства, когда власть использовала различные способы экономического и административного давления на нее. Конечно, непреложны слова Спасителя: создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф.16:18). Но для торжества Истины необходимы наши личные усилия, наше соработничество Господу, и в каждую историческую эпоху Господь воздвигает святых, исповедников, тружеников церковных. Одним из таких тружеников и был приснопоминаемый архипастырь.

Надеюсь, что выход книги памяти митрополита Питирима станет значимым событием современной духовной и культурной жизни российского общества.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси
От издательства

Настоящая книга посвящена памяти скончавшегося в 2003 году архипастыря Русской Православной Церкви митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева).

Многообразной была церковная и общественная деятельность приснопоминаемого Владыки. Основным делом его жизни стало более чем тридцатилетнее руководство Издательским отделом Московского Патриархата, который при митрополите Питириме достиг выдающихся успехов и поднялся

на уровень, не превзойденный и по сей день, несмотря на появление новейших издательских технологий. Поистине, Владыка Питирим войдет в историю Русской Церкви как Издатель с большой буквы.

Но кроме издательского дела, к которому призвало архиерея Священноначалие, Владыка запомнился всем и как Пастырь – и также с большой буквы, поскольку окормлял и сотрудников отдела, воспитав из них ряд священнослужителей, в том числе и архиереев, и прихожан храма Воскресения словущего на Успенском Вражке, его кафедрального храма, и иноков Иосифо-Волоцкого монастыря, также находившегося под его управлением, и многих представителей творческой интеллигенции, и студентов – как церковного вуза (Московская Духовная академия), так и светского (Московский государственный университет путей сообщения – МИИТ); наконец, Владыка Питирим был среди тех церковных деятелей, которые стоят у истоков возрождения церковного окормления армии, а также духовно-патриотической работы с верующими, особенно с молодежью.

Митрополит Питирим принимал участие в многочисленных межхристианских и межрелигиозных встречах и всегда с честью и достоинством представлял на них Русскую Православную Церковь. Но какие бы административные поручения не исполнял Владыка, он всегда считал своим главным долгом предстояние пред престолом Божиим – совершение богослужений.

Наконец, митрополит Питирим запомнился людям и как общественный деятель в новую эпоху России, когда Церковь наконец заняла достойное положение в обществе.

Все перечисленные стороны деятельности митрополита Питирима нашли в той или иной мере отражение в настоящей книге, которая состоит из вступления и 12-ти разделов. Во вступлении архипастырский путь Владыки представлен его начальными и конечными вехами: речью будущего Владыки при наречении его во епископа и Словом Святейшего Патриарха Алексия I при вручении новопоставленному епископу архиерейского жезла – и Словом Святейшего Патриарха

Алексия II при отпевании митрополита Питирима и некрологом о нем в «Журнале Московской Патриархии».

Основное содержание книги – воспоминания об архипастыре, условно сгруппированные по разделам, соответствующим той или иной стороне деятельности Владыки. Условно, потому что в воспоминаниях о целокупной личности митрополита порой представлены сразу несколько ипостасей его многогранного облика, так что отнести эти воспоминания к какому-то одному разделу невозможно. Собранные вместе, они поражают разнообразием круга общения почившего митрополита, – здесь и собратья-архипастыри, и коллеги-соработники по издательскому поприщу, и общественные деятели, в том числе президент СССР М. С. Горбачев, и такие неординарные личности, как чемпионы мира по шахматам В. В. Смыслов и А. Е. Карпов... Всего в сборнике приняли участие свыше восьмидесяти авторов, среди которых священнослужители, писатели, художники, композиторы, ученые, генералы.

Книга включает в себя также избранные труды Владыки, в совокупности дающие представление о его творческом облике, – это 24 работы митрополита Питирима, сгруппированные по пяти различным рубрикам: «Проповедь», «Богословие и религиозная мысль», «Церковная история», «Катехизические беседы», «Культурология».

Для настоящего сборника впервые была составлена библиография трудов почившего архипастыря (конечно, не претендующая на полноту).

Книга подготовлена к пятой годовщине со дня кончины выдающегося церковного иерарха.

Вступление

**Слово при вручении архиерейского жезла
новопоставленному епископу Волоколамскому
Питириму в Богоявленском патриаршем соборе 23
мая 1963 года**

Патриарх Московский и всея Руси
Алексий I

Преосвященный епископ Питирим!

Дух Святой, повелевший пастырям и учителям Антиохийской Церкви отделить Ему *Варнаву и Савла на дело, на неже призвал их* (Деян.13:2), внушил и нам, смиренным предстоятелям Православной нашей Церкви, призвать тебя к приятию жребия святительского служения.

Так веруем мы. И с верою в это божественное избрание мы, соединенною молитвою и рукоположением сопастырей, молитвенно призываем Божественную благодать в помощь тебе в этом новом твоём служении Церкви Христовой.

Ты исповедал перед нами твой страх перед высотой этого служения и твою немощь.

Но тебя должно утешать вечно живое и действенное святое слово Самого Господа: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2Кор.12:9).

Благодать Божия есть сила, даруемая человеку-христианину по вере его, – сила очищающая, освящающая, просвещающая, вспомоществующая в делании добра и удалении от зла, утешающая и ободряющая в напастях и скорбях, содействующая в получении вечных благ, уготованных Господом на небесах для избранных Его.

Эту благодать, врачующую немощь нашу и восполняющую нашу скудость духовную, ты воспринял ныне при вступлении на дело, к которому призвал тебя Господь.

Нам ведомо, что ты, скажу словами святого апостола Павла к Тимофею, – *измлада Священная Писания умееши, могущая тя умудрити во спасение верою, яже о Христе Иисусе* (2Тим.3:15). А также, что немалое время прошло у тебя в церковном служении в качестве служителя высшей

богословской науки и воспитателя духовного юношества, будущих пастырей, притом в священном уделе земном великого пастыря, Преподобного Отца нашего Сергия, под кровом его святой обители. И таким образом непостижимыми судьбами Провидения Божия (Рим.11:33), предопределяющими пути человека, ты духовно был подготовлен к тому высокому пути, который ныне предлежит тебе.

В глубоком сознании и своих немощей, и всех трудностей предстоящего тебе подвига, который поистине выше человеческих сил, и вместе с тем в глубокой вере, что тако изволися о тебе действующему и всесовершающему Духу Божию, Который, по откровению св. апостола, Сам поставляет епископы (Деян.20:28), – с миром вступи в предлежащий тебе путь, на новое служение твое Святой Церкви.

Прими сей жезл, вручаемый тебе как знамение опоры духовной, с нашим братским молитвенным приветствием, да сотворит тебя Господь пастыря доброго, пастыря любящего, пастыря попечительного и мудрого, пастыря, за овцы своя душу свою положить готового. Аминь.

Речь при наречении во епископа Волоколамского

Архимандрит

Питирим (Нечаев)

Ваше Святейшество, Святейший Владыко и Отец! Преосвященные архипастыри! Определение Ваше призывает меня на служение епископское. Верую, что не без воли Божией оно совершается, но, говоря словами церковного канона, «исчезает дух мой» в борении помыслов.

Смущение мое рождается не от сожаления об оставлении любимого своего дела. Лишаться – удел монашеский, и скорбь лишения врачуетя долгом монашеского послушания. Мое смущение и не от боязни высоты и тяжести нового служения, ибо я верю, что с призыванием даруются и силы к его прохождению. Страшит меня то, что призывающий голос застиг меня неготовым, что, занятый служебными своими заботами, как бы вымывая сети после всенощного лова, я менее всего ожидал в этот час услышать голос Владыки и время, данное мне, не употребил благоразумно. Но голос Призывающего достиг меня, и я, хотя и не достиг того, чтобы быть призванным, должен встать и идти за Ним.

В этот трудный и священный для меня час я с надеждой обращаюсь к Святой Кафолической Церкви, в которой Дух Святой поставляет епископов. «Не имеющий Матерью Церковь, не может иметь отцом своим Бога!» – восклицает св. Киприан Карфагенский.

Церковь растила и воспитывала меня, она показала мне таинства веры, учила богословию, укореняла в моем сердце любовь к Отечеству, к людям и каждому человеку вместе с желанием служить им, а я в своих богословских занятиях стремился постичь законы ее благодатной жизни. И потому теперь, вступая в новое свое служение, я возлагаю свою надежду на материнскую помощь Церкви.

Церковь Христова – это благодатная жизнь духа в совершенном единении с Богом. *Аз в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино* (Ин.17:23).

Церковь – это тело Христово, *полнота Наполняющего все во всем* (Еф.1:23), в ней действует сила Христова, в ней же совершается исполнение Его искупительного подвига.

Церковь Христова – это неиссякающий поток благодати Святого Духа, Который свободно изливается в ней, раздавая многообразные дарования, *созида* человека *в жилище Божие* (Еф.2:22) *в любви, во всякой благодати, истине и правде* (Еф.5:2,9).

Церковь Христова – это град Божий, имеющий в стенах своих мир (Пс.121:7), мир с Богом, мир в душе каждого, *единение духа в союзе мира* между собою и со всеми людьми (Еф.4:3).

Эта Церковь создана Господом Иисусом Христом и устроена руками апостолов. К апостольскому служению Господь призвал *Сам кого хотел*, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь (Мк.3:13). В день Пятидесятницы на первых членов Церкви сошла благодать Святого Духа, и с того времени Церковь сама поставляет себе избранных Богом на апостольское служение. В ней *никто сам собою не приемлет этой чести* (Евр.5:4). Так, Савл, призванный в чудесном явлении Господа Иисуса Христа и принятый в Церковь чрез апостолов, имел обильные дарования пророка и учителя, проповедовал в Дамаске и устраивал Церковь в Антиохии, но стал апостолом не ранее, чем Церковь поставила его на это служение. Так же и Варнава, близкий сотрудник апостолов, любимый в Иерусалимской общине и там прозванный «сыном утешения», апостольское звание свое получил чрез руково́зложение Церкви (Деян.13:1–3).

Епископское служение – это жребий апостольский. Епископ – соработник апостолов и *верный строитель* Церкви (1Кор.4:2; Тит.1:7), *хранящий таинство веры в чистой совести* (1Тим.3:9).

Епископ – архиерей, дающий ответ пред Богом за все происходящее в Церкви и приносящий без гнева и сомнения молитвы Богу «о своих грехах и людском неведении». О спасении людей, о благостоянии Церкви, о мире всего мира и соединении всех приносит епископ мирную жертву пред

Престолом Божиим. Епископ, постоянно трезвясь, хранит в душе своей глубокий и неотъемлемый мир, так как только в мирном духе, как в дыхании тихого ветра, ему открывается Бог.

Кто может сказать о себе, что он готов к такому служению? Но таковых епископов поставляет Святая Церковь. К такому служению сегодня призывают меня, и что я могу сказать призывающим?

В течение нескольких столетий мои предки служили у Престола Божия. Я, как они, хотел быть священником и в своем призвании не могу не видеть проявления особой милости Божией. Здесь, Святейший Владыко, 19 лет назад я впервые получил Ваше благословение, и с того времени Вы провели меня по всем ступеням послушаний от ученика до наставника духовной школы, от церковного служителя до совершителя Божественных тайн. Вы были для меня благостным и строгим отцом и богомудрым детоводителем, наставляя благодатным словом и высоким примером, *как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь (1Тим.3:15)*. И теперь, призывая меня к епископству, Вы как бы в третий раз вопрошаете меня, а я, вспоминая, как с радостью воспринимал от Вашей руки благодать священства, как легко и радостно вступил на путь иночества, теперь, когда *изнемогла во мне душа моя, готов встать и бежать от лица Господня (Иона 2:8; 1:3)*. Я хотел бы сказать: *Господи Боже! Я еще молод (Иер.1:6), не научился мудрости и познания святых не имею (Притч.30:3)*. Но, предаваясь на волю Божию во всецелом послушании Вашему Святейшеству, я в третий раз отвечаю Призвавшему: *Ты вся веши (Ин.21:17)*, Ты Сам испытал меня и знаешь мои дела.

Вас, Святейший Владыко, прошу, Преосвященных архиереев и всю братию благословить меня в путь апостольский и помолиться о беспорочном его прохождении.

В душевном трепете обращаюсь я с молитвой к Пастыреначальнику Иисусу Христу и Пречистой Его Матери Приснодеве Марии, призываю на помощь святых угодников, от дней апостольских просиявших в Церкви. Наиболее же – святых равноапостольных Константина, покровителя моего в мирской

моей жизни, и богомудрую Елену, материнской молитвой утверждавшую его начинания; Святителя и Чудотворца Алексия, у святых мощей которого судил мне Господь принимать все степени священного служения; Преподобного и богоносного отца и игумена нашего Сергия, в чьей обители я несу послушание и дал обет не разлучаться иноческого братства; Святителя Тамбовского и Чудотворца Питирима, от клира которого ведет начало мой священнический род и чье святое имя выпало мне носить в монашестве. Молю их, чтобы снисшедшая на меня чрез возложение рук святительских благодать Святого Духа, облакающая меня белой одеждой архиерейства, даровала мне и силу пребыть верным до смерти и получить венец жизни.

Утешительное для себя знамение я хотел бы видеть в том, что в день воспоминания Вознесения Господня предстоит мне воспринять благодать архиерейства. В этот день Церковь прославляет завершение Божия смотра о спасении мира, преславное вознесение обновленного естества человеческого и спосаждение его одесную Престола Славы. Этот день – праздник утешения осиротевших учеников Христовых обетованием вечного пребывания Господа Иисуса Христа с Его Церковью. Да послужит это и мне залогом верного служения Церкви чрез обновление естества моего. Аминь.

Слово перед отпеванием митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

Патриарх Московский и всея Руси

Алексий II

Собратья архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Мы провожаем сегодня в путь всея земли одного из старейших архипастырей нашей Святой Церкви – Преосвященного митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Мы молимся о том, чтобы Господь простил его согрешения, вольные и невольные, и упокоил бы его там, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания.

Вся жизнь покойного архипастыря была посвящена служению Церкви Христовой. Почти 60 лет тому назад он начал иподиаконское служение у приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия I.

Он окончил Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, был оставлен профессорским стипендиатом, а затем стал преподавателем, доцентом и профессором Московских духовных академии и семинарии, возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета. За годы его педагогической деятельности многие нынешние архипастыри и пастыри учились у него и помнят его как своего наставника, инспектора Московских духовных школ, как преподавателя, возвещавшего евангельские истины.

Более тридцати лет покойный архипастырь возглавлял Издательский отдел Московской Патриархата и был главным редактором «Журнала Московской Патриархии». Для Церкви это было трудное время, когда не только каждая статья, но и каждое выражение, которое публиковалось в журнале, проходили жесткую цензуру чиновников Совета по делам религий.

В этом году исполнилось сорок лет епископского служения покойного Владыки Питирима. Все эти годы он носил титул

епископа и архиепископа Волоколамского, а в последние пятнадцать лет – митрополита Волоколамского и Юрьевского.

Покойный архипастырь принимал участие в многочисленных межхристианских и межрелигиозных встречах и всегда с достоинством и честью представлял на них нашу Святую Православную Церковь. Но, исполняя различные административные послушания, он никогда не переставал быть пастырем, и служение Церкви Христовой, совершение богослужений он считал своим главным долгом и основным призванием.

Особым для покойного митрополита Питирима был нынешний год, когда в Великую Субботу он стал свидетелем ежегодного чуда сошествия Благодатного огня на Гроб Господень. С Благодатным огнем он прибыл в Москву, и этот огонь, доставленный нам Владыкой, был отправлен дальше – в обители и храмы Москвы и других городов. Не имея возможности совершать богослужение в пасхальную ночь по болезни, я просил митрополита Питирима возглавить богослужение в Храме Христа Спасителя. Радость о Воскресшем Господе Спасителе через его уста передавалась всем тем, кто был в храме или смотрел телевизионную трансляцию богослужения, приобщаясь к радости Светлого Христова Воскресения.

В этом году митрополита Питирима посетила тяжелая болезнь. После Пасхи он перенес хирургическую операцию, но, несмотря на это, Владыка стал участником торжеств, которые проходили в Сарове и Дивееве в связи со 100-летием прославления преподобного Серафима Саровского. Тогда Владыку Питирима спросили: «Как же Вы после тяжелой операции участвуете в торжествах?» И он ответил: «Разве могу я не быть на этом общеправославном торжестве?»

После возвращения из Сарова и Дивеева болезнь его вновь обострилась, и в течение многих недель архипастырь находился в госпитале. 12 октября я посещал Владыку Питирима в госпитале. Он встречал меня и провожал. Мы беседовали с ним, и он выражал надежду, что ему удастся присутствовать в храме за Божественной литургией и причаститься Святых

Христовых Таин, хотя и в больничных условиях он часто причащался. Он сказал тогда: «Я живу от праздника к празднику. Но на Святителей Московских вряд ли уже смогу осуществить свою мечту».

Затем наступило празднование Казанской иконе Божией Матери. И именно в день этого праздника Господь призвал Владыку к Себе. В этот день он был напутствован Святыми Тайнами.

А сегодня мы провожаем его в путь всея земли. Я выражаю соболезнования архипастырям, которые потеряли собрата и сослужителя, с которым мы в течение четырех десятков лет вместе совершали богослужения, молились и разделяли радости праздников.

Выражаю мое сочувствие родным и близким покойного.

Я соболезнаю всем тем, кому покойный архипастырь был близок и дорог. Здесь присутствуют министр путей сообщения, ректор университета путей сообщения, в котором учился покойный Владыка, и многие другие, хорошо и близко знавшие его люди. Я хочу отметить, что каждый мог получить от покойного архипастыря и укрепление в вере, и утешение в скорбях, трудностях, болезнях и испытаниях.

А сегодня он нуждается в наших молитвах и обращается ко всем нам словами тропаря из чина отпевания: «Братие мои возлюбленнии, не забывайте мя, егда поете Господа, но поминайте братство и молитесь Богу, да упокоит мя с праведными Господь».

Мы верим, что за свое преданное и верное служение Церкви Христовой, за свое послушание Священноначалию (ибо безотказно покойный Владыка выполнял любое церковное послушание, совершал любую поездку, представляя нашу Церковь на торжествах многих Поместных Православных Церквей) он услышит милостивое призывание Отца Небесного: *Рабе благий и верный, в малом ты был верен, войди в радость Господа своего (Мф.25:21).*

Помолимся же об упокоении души новопреставленного Преосвященного митрополита Питирима, прося у Господа прощения его согрешений, вольных и невольных, и упокоения

там, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителим

4 ноября 2003 года, в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, в Москве, в Центральном военном госпитале в Сокольниках, после тяжелой продолжительной болезни Владыка скончался.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителим был одним из старейших и наиболее почитаемых иерархов Русской Православной Церкви. Более тридцати лет он возглавлял Издательский отдел Московского Патриархата.

Высокопреосвященный Пителим (в миру – Константин Владимирович Нечаев) родился 8 января 1926 года в городе Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской области, в семье потомственного священнослужителя, предки которого в течение нескольких столетий служили у престола Божия. Как и они, юноша с детства хотел быть священником, и в том, что он смог осуществить свое призвание, нельзя не видеть проявления к нему особой милости Божией.

Его отец, Владимир Нечаев, вскоре после рождения сына был репрессирован и умер в 1937 году. Несмотря на это, Константин Нечаев получил широкое и разностороннее образование. В частности, он был талантливым музыкантом-виолончелистом. В то же время это был человек напряженной духовной жизни. Долгие годы его духовным отцом являлся знаменитый старец – преподобный Севастиан Карагандинский, духовный преемник и наследник последних Оптиных старцев.

По окончании средней школы в Москве в 1943 году Константин Нечаев поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ). Но профессия железнодорожника не могла удовлетворить духовных запросов юноши, а потому одновременно с учебой юный студент начал подвизаться в церковном служении – сначала в качестве иподиакона Святейшего Патриарха Алексия I в Богоявленском соборе (в 1945 году он стал старшим иподиаконом), а затем и работая в Патриархии в качестве ризничего.

То было время религиозного подъема, время массового обращения людей к Богу, вызванного Великой Отечественной войной. Военная осень 1943 года знаменовала поворотный пункт в изменении отношения власти к Церкви: после исторической встречи митрополитов Сергия, Алексия и Николая со Сталиным начали возвращать из тюрем и ссылок духовенство, было восстановлено патриаршество, решился вопрос о воссоздании Духовных учебных заведений.

14 июня 1944 года по благословению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (будущего Патриарха Московского и всея Руси) в Москве, в Новодевичьем монастыре, был открыт Богословский институт и Богословско-пастырские курсы (в 1946 году они были преобразованы в Московские Духовные академию и семинарию). Юный Константин Нечаев, ощущавший свое церковное призвание едва ли не на генетическом уровне, уже через год пребывания в светском вузе стал также и одним из студентов первого призыва возрожденной Духовной школы. Некоторое время он совмещал духовное образование с техническим, но в конце концов высшие потребности духа вытеснили все побочное и МИИТ был оставлен. (Как оказалось, не навсегда: через шестьдесят лет в стенах института будет восстановлен храм, начнутся регулярные богослужения, и Владыка Питирим вернется в alma mater в качестве заведующего кафедрой теологии.)

В 1947 году Константин Нечаев успешно окончил Московскую Духовную семинарию, а в 1951 году – Московскую Духовную академию – первым по списку и со степенью кандидата богословия, полученной за сочинение «Значение христианской любви в аскетических воззрениях преподобного Симеона Нового Богослова». Как подававший большие надежды, Константин Нечаев был оставлен в академии преподавателем и одновременно профессорским стипендиатом по кафедре истории и разбора западных вероисповеданий (его стипендиатская работа – «Каталог богословско-исторической литературы по западным вероисповеданиям и патрологии III–V веков», 1953 год). Вскоре он был назначен доцентом, а затем

профессором кафедры Священного Писания Нового Завета, где с 1957 года читал курс лекций.

15 февраля 1952 года Святейший Патриарх Алексей I рукоположил молодого преподавателя во диакона, а 4 декабря 1954 года – во иерея. Свое служение отец Константин проходил в крестовом патриаршем храме.

13 апреля 1959 года священник Константин Нечаев принял иноческий постриг, получив в монашестве имя Питирим, что свершилось не без Промысла Божия, ибо священнический род будущего Владыки ведет свое начало от клира святителя Тамбовского Питирима.

8 октября того же года инок Питирим был возведен Святейшим Патриархом в сан архимандрита и назначен инспектором Московских Духовных академии и семинарии.

Когда в 1960 году был создан сборник «Богословские труды» – периодическое издание, целиком посвященное богословской тематике, архимандрит Питирим вошел в состав его первой редколлегии, утвержденной 6 октября 1960 года решением Святейшего Патриарха Алексея I.

2 января 1962 года архимандрит Питирим был назначен ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии» – ежемесячного официального органа Русской Православной Церкви.

Постановлением Святейшего Патриарха Алексея I и Священного Синода от 14 мая 1963 года инспектору Московской Духовной академии, редактору «Журнала Московской Патриархии» архимандриту Питириму (Нечаеву) определено было стать епископом Волоколамским, викарием Московской епархии, с назначением Председателем Издательского отдела Московской Патриархии.

23 мая 1963 года, в праздник Вознесения Господня, за Божественной литургией в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе архимандрит Питирим был рукоположен во епископа Волоколамского. Хиротонию возглавил Святейший Патриарх Алексей I. Таким образом, восприняв ранее от руки Предстоятеля Русской Церкви благодать священства и

иночества, инок Питирим воспринял от той же руки и благодать архиерейства.

Став в сане епископа Председателем Издательского отдела Московского Патриархата, Владыка возглавлял его с 1963 по 1994 год, будучи также главным редактором «Журнала Московской Патриархии», а с 1986 года – и председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды».

В 1964–1965 годах епископ Питирим временно управлял Смоленской епархией. 9 сентября 1971 года Владыка был возведен в сан архиепископа, а 30 декабря 1986 года – в сан митрополита с титулом «Волоколамский и Юрьевский».

Период жизни нашей страны, когда началось служение Владыки Питирима в высшем церковном сане, был сложным и противоречивым. Вместе с разоблачением «культа личности» Сталина нарастал культ нового генсека – Хрущева, осуществлявшего возврат к «ленинским нормам» жизни не только массовым возвращением из тюрем и лагерей незаконно репрессированных людей, но и ожесточенными гонениями на Церковь. По всей стране закрывались храмы, наиболее активные священники и даже архиереи отстранялись от служения, а порой и арестовывались.

По требованию властей был отстранен от всех должностей и отправлен на покой митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, занимавший жесткую позицию по отношению к гонителям Православия. Было запрещено проводить крестные ходы, духовенство не имело права говорить проповеди без предварительного просмотра текста уполномоченными Советом по делам религий.

На Архиерейском Соборе 1961 года была проведена реформа приходской жизни, в результате которой священник оказался на положении наемного совершителя богослужений, не имеющего реальной власти. Запугивая людей, власти ввели контроль над совершением треб, требуя от священников заносить данные о крещениях, венчаниях и отпеваниях в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных и адресов, чтобы на верующих можно было оказывать давление по месту их работы. Хрущев открыто обещал людям показать по

телевидению в качестве музейного экспоната «последнего советского попа». И хотя с падением зарвавшегося «волютариста» в 1964 году период оголтелых притеснений закончился, но и при новом «руководстве» положение Церкви оставалось непростым.

Тем не менее и в этих трудных условиях Владыка Питирим смог сделать очень многое. Его имя навсегда связано с возрождением разрушенной большевиками издательской деятельности Русской Православной Церкви. Прежде всего он сформировал большой и высокопрофессиональный коллектив, который в течение ряда лет выполнял огромную работу по обеспечению Церкви книгами Священного Писания, богослужебными книгами и православным церковным календарем; в пределах существовавших тогда возможностей издавалась также духовно-просветительная и богословская литература. Более того, несмотря на жесткий государственный надзор, осуществлявшийся Советом по делам религий, Владыка умел, преодолевая многие ограничения, постоянно увеличивать тиражи и номенклатуру церковных изданий.

В ноябре 1971 года Владыка Питирим создал английскую редакцию «Журнала Московской Патриархии», что позволило зарубежным читателям в более чем пятидесяти странах мира получать всестороннее представление о жизни Русской Православной Церкви и способствовало повышению ее международного авторитета. Выпускались и книги о нашей Церкви для зарубежных читателей на иностранных языках.

В начале 1980-х годов Владыка Питирим задумал и осуществил строительство нового трехэтажного здания для Издательского отдела на Погодинской улице. 22 сентября 1981 года, в день памяти преподобного Иосифа Волоцкого, это здание было торжественно освящено Святейшим Патриархом Пименом. Под руководством Высокопреосвященного Питирима были осуществлены такие большие проекты, как издание полного собрания богослужебных Миней по уточненному и восполненному церковному календарю, а также восьмитомное издание «Настольной книги священнослужителя».

Но не только конкретными издательскими свершениями измеряются заслуги Владыки Питирима перед Церковью. Не менее важным было то, что под знамена издательского дела он призвал множество новых церковных тружеников, в том числе выдающихся богословов, литургистов, церковных историков, ученых-славистов. Владыка привлекал к работе как недавних выпускников Духовных академий и даже учащихся Духовных школ, которых он брал на стажировку в Издательский отдел, так и светских специалистов с высшим техническим и гуманитарным образованием, для которых сама работа в Издательском отделе становилась духовной школой.

Значительная часть московской православной интеллигенции была в те годы так или иначе связана с Издательским отделом: кто-то работал в его штате, кто-то сотрудничал с ним как автор, переводчик, исследователь. Многие из этих людей впоследствии приняли священный сан и в этом звании продолжали трудиться на поприще издательского дела, считая себя учениками и воспитанниками Владыки.

Владыка поощрял многообразную исследовательскую работу в области изучения и освоения накопленного за века исторического бытия Русской Православной Церкви духовного наследия – православных агиографических памятников, древних рукописей, иконографии. При нем систематически обследовались многие известные хранилища и фонды, велась реконструкция древних церковных распевов. Особую актуальность эта деятельность приобрела в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси.

Митрополит Питирим широко известен как крупный церковный ученый, интересы которого преимущественно сосредотачивались в области истории Церкви и церковного искусства. Им написано и опубликовано множество статей в различных богословских и церковных журналах и сборниках (только в «Журнале Московской Патриархии» и «Богословских трудах» их более восьмидесяти). Он автор нескольких вышедших за рубежом книг, посвященных жизни Русской Православной Церкви и церковному искусству. Митрополит Питирим был доктором богословия Московской Духовной

академии, а также доктором богословия *honoris causa* Богословского факультета в Прешове (Словакия, 1983 год) и Богословского факультета имени Яна Амоса Коменского в Праге (1985 год). Владыка уделял внимание и современной проблематике (экология и т. п.), опубликовав ряд работ в светских изданиях. Он был членом Российской Академии естественных наук, заведовал кафедрой теологии Московского института инженеров транспорта, был профессором кафедры ЮНЕСКО «Золотое наследие Руси».

Большое значение митрополит Питирим придавал возрождению и популяризации русского православного пения. По его инициативе было создано несколько церковных хоров, выступавших с концертными программами в нашей стране и за рубежом.

Митрополит Питирим был первым, кто начал широко представлять Церковь средствами кино и телевидения. За годы его руководства при непосредственном участии Издательского отдела вышли в свет свыше тридцати церковных документальных фильмов, чем был сделан значительный вклад в расширение миссионерской деятельности Русской Православной Церкви.

Значительное место в церковном служении Владыки занимало участие в различных богословских комиссиях, делегациях, собеседованиях и иных мероприятиях, проводимых Русской Православной Церковью. Митрополит Питирим был членом правления Международного фонда славянской письменности и славянских культур, членом правления многих других фондов, а также членом различных обществ дружбы с народами зарубежных стран.

Особенно много времени это направление деятельности стало требовать от Владыки после празднования 1000-летия Крещения Руси, в годы последовавшей затем «перестройки». В то время митрополит Питирим часто выступал с трибун различных общественных собраний, по радио и телевидению, комментировал для прессы многие вопросы христианства и церковной жизни.

«В то время сам облик митрополита Питирима, библейского благообразного старца, производил ошеломляющее впечатление на полностью расцерковленное общество. А когда оказалось, что этот человек, будто сошедший со страниц священной истории, еще и в курсе всех современных событий, обладает уникальным даром проповедника, знает, как кажется, все на свете, видевшие и слышавшие митрополита Питирима невольно начинали внимательнее приглядываться к тому, что он представлял – к православной церковной традиции» (интернет-газета «Страна.ru»).

17 марта 1989 года митрополит Питирим был избран народным депутатом СССР от Советского фонда культуры. В своей депутатской деятельности Владыка призывал людей к покаянию, возврату к отеческой вере, поддерживал все программы, направленные на нравственное оздоровление общества, выступал против явных и замаскированных попыток вернуться к старым идеологическим схемам. Архиерей, избранный народным депутатом, неустанно разъяснял приоритетное значение культуры как гуманитарной сферы, имеющей духовно-нравственное значение, всемерно содействовал физической и нравственной реабилитации солдат, вернувшихся из Афганистана, многое сделал для последующего принятия закона о свободе совести и религиозных объединениях.

Как депутат, Владыка являлся членом комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов, членом Комиссии по вопросам депутатской этики.

В конце 1980-х годов митрополит Питирим стал помимо своих прежних обязанностей еще и настоятелем возвращенного Церкви Иосифо-Волоцкого монастыря, где до последнего времени часто служил по воскресным и праздничным дням. Владыка многое сделал для восстановления монастыря и воссоздания в нем духовной жизни согласно уставу его первооснователя.

В последние девять лет своей жизни митрополит Питирим по поручению Священного Синода и Святейшего Патриарха не раз возглавлял представительные делегации, посещавшие

многие страны в связи с различными событиями церковной жизни. Не оставлял Владыка и преподавание, которому он отдал более пятидесяти лет, будучи до конца жизни «служителем высшей богословской науки и воспитателем духовного юношества, будущих пастырей» (Святейший Патриарх Алексий I).

Церковное и общественное служение митрополита Питирима было высоко оценено Священноначалием Русской Православной Церкви и государством. Он был награжден орденами святого равноапостольного князя Владимира I и II степеней, Преподобного Сергия Радонежского I степени, святого благоверного князя Даниила Московского II степени, а также орденом «Дружбы народов». В январе 2001 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вручил митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму орден Святителя Московского Иннокентия за обширные просветительские и миссионерские труды и в связи с 75-летием со дня рождения.

Нет сомнения, что подлинный масштаб личности митрополита Питирима – богослова, проповедника, церковного строителя, человека глубокой духовной культуры, являвшего собой истинный образец православной учености, с течением времени будет только возрастать. Забвению будут преданы случайные детали облика Владыки, но тем рельефнее выдвнутся на первый план черты иерарха, без деятельного и творческого участия которого не прошло ни одно значительное событие новейшей церковной истории второй половины минувшего века.

В связи с кончиной митрополита Питирима Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий направил епархиальным архиереям Русской Православной Церкви телеграмму следующего содержания:

«Всем Преосвященным. Со скорбью извещаю о кончине одного из старейших архипастырей Русской Православной Церкви митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, последовавшей после тяжелой болезни 4 ноября. Призываю к молитве о новопреставленном собрате и сослужителе.

Алексий, Патриарх Московский и всея Руси».

Два дня, 5 и 6 ноября, гроб с телом митрополита Питирима находился в московском храме Воскресения словущего на Успенском Вражке (в Брюсовом переулке). В этом храме Владыка служил многие годы. Здесь традиционно собиралась творческая интеллигенция столицы – люди искусства и науки, писатели и художники, актеры и режиссеры, а в последнее десятилетие – и многие общественные деятели. Они приходили в этот храм специально для того, чтобы послушать проповеди и беседы митрополита Питирима, некоторые из них становились впоследствии его духовными чадами. Здесь же Владыка возглавлял отпевание выдающихся деятелей русской культуры: Сергея Бондарчука, Евгения Евстигнеева, Олега Борисова и многих других.

Все эти дни в храме Воскресения словущего совершались заупокойные богослужения, и тысячи верующих приходили сюда, чтобы проститься с Владыкой. Затем гроб был перевезен в Богоявленский кафедральный собор в Елохове, где 7 ноября было совершено отпевание митрополита. На это отпевание пришла «вся церковная Москва», многие ученики и соратники Владыки Питирима. Присутствовали и государственные руководители: Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном Федеральном округе Г. С. Полтавченко, министр путей сообщения В. А. Морозов, мэр Москвы Ю. М. Лужков и вице-мэр В. П. Шанцев. Службу, в которой участвовали двадцать архиереев, возглавил Святейший Патриарх Алексий, сказавший перед отпеванием теплое задушевное слово о своем многолетнем соратнике.

Митрополит Питирим похоронен в Москве на Даниловском кладбище, где ранее упокоились его родители – протоиерей Владимир и матушка Ольга, а также его родные братья и сестры.

Вечная память выдающемуся церковному деятелю – митрополиту Питириму, оставившему яркий след в новейшей истории страны и Церкви!

Е. Полищук

Архипастыри о Владыке Питириме

Подражайте наставникам вашим

Митрополит Минский и Слуцкий
Филарет

В 1953 году я начал учиться в Московской духовной семинарии. Нашим классным руководителем был назначен диакон Константин Нечаев, будущий митрополит Питирим. И эти отношения учителя и ученика между нами сохранились, можно сказать, до конца его жизни. Последняя наша беседа состоялась в Дивееве, на юбилее преподобного Серафима.

Владыка Питирим вел меня через всю мою сознательную жизнь, начиная с первого класса семинарии, а потом, продолжая свое попечительство надо мной в академии, привел к монашеству.

Однажды Владыка Питирим, возвратившись от старца Севастиана, которого я не знал лично, передал мне, тогда студенту второго курса академии, спелую грушу и спросил: «Ты понял знак, который прислал тебе старец?» Я сказал: «Понял, благословите». И через некоторое время я перешел на жительство из академии в монастырь.

Еще одна ниточка уходит глубже, в 1943 год. В тот год я должен был идти в первый класс, и в день Успения Божией Матери мама привела меня в храм Иоанна Воина, что на Якиманке, чтобы получить благословение от настоятеля отца Александра Воскресенского, который, как я узнал позднее, был духовником Владыки Питирима. Вот такие у нас духовные связующие нити. По-моему, этого достаточно для того, чтобы охарактеризовать наши отношения с Владыкой и проиллюстрировать, что такое Промысл Божий, который ткется из таких тонких нитей. И спустя годы мы можем только вспоминать и сожалеть о том, сколько было возможностей сделать эти нити более прочными...

Владыка был коренным москвичом и, конечно, прекрасно знал Москву. Я тоже москвич, и у нас была договоренность, чтобы найти время и вместе проехать по святым местам Москвы. Потому что мне зачастую бывает стыдно перед

людьми, которые, приезжая в Москву, очень хорошо ее изучают и знают, а я знаю плохо. И вот, у нас была такая договоренность с Владыкой, – а тогда храмов в Москве было чуть больше сорока и объехать их все было легко... (Теперь вы можете понять, какая красота, какой духовный сад расцвел в Москве, когда количество храмов так увеличилось!) Но, к сожалению, наша договоренность так и не осуществилась.

Помню, когда мы закончили первый класс семинарии, наш наставник устроил нам поездку в Москву всем классом. Мы тогда побывали в нескольких храмах и в том числе посетили Богоявленский собор. Служил протопресвитер Николай Колчицкий, и после полиелея мы все приложились к Евангелию, приложились к мощам и получили в благословение от отца Николая иконку святителя Алексия, которая у меня хранится до сих пор. А потом мы поднялись на Воробьевы горы, и на фоне университета вот такая группа бурсаков во главе с Владыкой в белом макинтоше сфотографировалась. У меня есть эта фотография 1954 года.

Подражайте наставникам вашим, завещал нам апостол Павел (Евр.13:7), и мы стараемся запомнить этот образ благостного нашего архипастыря и подражать вере, жизни и делам дорогого Владыки.

Владыка Питирим

Архиепископ Новосибирский и Бердский

Тихон

Я пришел в Издательство в 1976 году, и с митрополитом Питиримом меня связывают десять лет жизни. Во втором классе Московской Духовной семинарии протоиерей Борис Демушкин, мой зять, познакомил меня с отцом Иннокентием (тогда протоиереем Анатолием Просвирниным), а тот познакомил меня с Владыкой Питиримом и сказал, что хочет меня взять в богословский отдел «Журнала Московской Патриархии». На что Владыка Питирим ответил, что начнем с иподиаконства. В то время как раз шла смена иподиаконских поколений: те, которые были до нас, получили священнический сан, так что иподиаконами стали мы с Владимиром Ригиным (ныне протоиерей). И следующие десять лет мы были вместе около Владыки.

В пору моего иподиаконства я много ездил с Владыкой. Он очень любил служить в Волоколамске. Святейший Патриарх Пимен благословлял его служить вместо себя, когда уезжал в Троице-Сергиеву Лавру (на Троицу, на преподобного Сергия) и в другие моменты, когда сам не мог служить. Я прислуживал Владыке в Елоховском соборе и в других московских храмах. Хорошо помню свое первое участие в богослужении – тогда Владыка служил на Иверскую в храме Воскресения Христова в Сокольниках, у чудотворной Иверской иконы. Прихожане, везде и всегда принимавшие Владыку с большой любовью, особенно любили приходить на его богослужения в храм Воскресения словущего на Успенском Вражке – храм обычно был полон молящихся. Этот храм он считал своим кафедральным и вкладывал в его ремонт издательские деньги; так же Владыка относился и к храмам Волоколамского благочиния, возродив многие из них буквально из руин. И он мечтал, что когда-нибудь ему отдадут Иосифо-Волоцкий монастырь и можно будет возродить в нем монашескую жизнь, сделать его монастырем для ученого монашества, чтобы там можно было работать над

церковными изданиями (об этом они мечтали вместе с отцом Иннокентием).

Когда Владыка проповедовал за богослужением, то это всегда был экспромт и слушать его было чрезвычайно интересно, потому что он всегда говорил по вдохновению. Помню такой случай: однажды на Акафисте мы не подали ему молитву, которую положено было читать, и Владыка тут же произнес молитву, составленную им экспромтом, – ему это было легко, так как он прекрасно знал богослужебные тексты. При этом Владыка говорил, что следует практике Святейшего Патриарха Алексия I, который также любил экспериментировать с Уставом. Он вообще во многом старался копировать Предстоятеля Церкви – и в манере поведения, и в общении с людьми, и даже в походке. Владыка считал, что Патриарх Алексий I как дворянин являл собой образец русского православного человека. Впрочем, от многих я слышал, что и сам Владыка является для них образцом православного архипастыря, и многие духовные люди мне говорили, что держатся того направления, которое идет от Владыки Питирима, видимо, зная, что он, в свою очередь, всегда придерживался наставлений преподобного Севастиана Карагандинского.

Что касается отношения к Владыке как преподавателю Московской Духовной академии, то следует сказать, что далеко не все студенты его понимали. Он преподавал у нас Новый Завет и подходил к нему, как исследователь: обращал наше особое внимание на разночтения в текстах, на подстрочный аппарат и т. д. Но многие студенты пришли в Академию только для того, чтобы получить сан священника, их такая глубина не интересовала и на его лекциях они скучали. Владыка же знал, как далеко продвинулся Запад в библеистике, какое значение там придается анализу разночтений в Священном Писании, и сам считал, что именно на таком сравнительном анализе студент может вырасти как богослов.

Вообще, Владыка все время пытался поднять уровень образования в Академии. Иногда он даже говорил на редакционных советах, что поскольку многие сотрудники

Издательства или учатся, или преподают в Московской академии, то надо пытаться как-то повлиять в том отношении, чтобы там наконец началась какая-то перестройка в системе подготовки священнослужителей, что семинария действительно должна ориентироваться на подготовку священнослужителей, но в Академии следует готовить богословов-ученых.

И Владыка пытался что-то делать, но ему всегда катастрофически не хватало времени, потому что он часто бывал в зарубежных поездках, совершал богослужения, постоянно участвовал в различных общецерковных мероприятиях. На Академию у него почти не оставалось времени, приезжал он на занятия редко, всегда его кто-то замещал, не было у него времени и для более тесного общения со студентами. Но сам я с интересом посещал его лекции и по сей день считаю важным то, к чему он нас на них призывал: критически мыслить, сравнивать, анализировать – для студентов Академии все это очень важно. И то, что сейчас Академия перестраивается и превращается в такое учебное заведение, где готовятся ученые, богословы Русской Православной Церкви, – это было его мечтой, в осуществление которой вложен и его молитвенный труд.

Владыка был человеком энциклопедических знаний. Как он сам рассказывал, с Издательством его связало тоже иподиаконское дело: когда он был иподиаконом у Святейшего Патриарха Алексия I, то вместе с другими иподиаконами выпускал домашний журнал, который всегда читал Святейший; и Патриарх тогда уже заметил, что у Владыки (тогда у Кости Нечаева) хорошо получается – вот почему впоследствии и благословил его на должность главного редактора «Журнала Московской Патриархии». Будучи на этом послушании, Владыка старался поднять издательское дело на новый, более высокий уровень, и в этом весьма преуспел. Он был знаком со многими учеными людьми в Москве, часто посещал архивы и рукописные отделы библиотек, считая важным печатать что-то новое с рукописей, еще не известное, а не перепечатывать уже опубликованное. К работе с источниками он приучал и нас, молодых своих референтов, а потому архивы и библиотеки

были излюбленным местом работы многих сотрудников Издательства.

Владыка очень любил фотографировать и всегда носил с собой фотоаппарат. Каждому новому сотруднику, приходящему в Издательство, он обязательно давал фотоаппарат. А когда мы во время богослужения начинали со всех сторон его фотографировать – не обращал на это внимания, отчего наши прихожанки говорили, что Владыка очень любит фотографироваться (не понимая, что таким образом он обучает нас, делая потом различные замечания о наших снимках).

Я считаю, что Владыка был образцом православного архипастыря, потому что он с детских лет окормлялся ныне канонизированным старцем Оптиной пустыни отцом Севастианом. Преподобный Севастиан скончался в Караганде. А в то лихолетье на Руси, когда закрывались храмы и монастыри, он из Козельска попал в город Козлов (Мичуринск), где жила семья будущего Владыки Питирима и служил его отец Владимир Нечаев. Уже с детских лет Костя Нечаев был знаком со старцем и, конечно, им воспитывался: старец приучал его к молитвенному деланию. О том, что Владыка Питирим был делателем молитвы Иисусовой, мне говорил и митрополит Зиновий (Мажуга) – старец, который жил в Тбилиси и скончался в 1985 году. Он очень любил Владыку и считал его опытным молитвенником. И сами мы замечали, что Владыка внутренне сосредоточен, имеет внутреннюю молитву, любит ее. Он и нам, своим молодым иподиаконам, пытался передать эту любовь и часто говорил с нами о важности Иисусовой молитвы. Но нам как-то трудно было окормляться у архиерея, ибо хотя мы постоянно находились около Владыки, но не были его духовными чадами: ведь мы учились в Московской академии и нашими духовниками были монастырские старцы.

Я помню, что когда в 1986 году мы издавали «Канонник», у нас оставалось еще в запасе несколько страниц и зашел разговор о том, чем бы их заполнить. Тогда Владыка Питирим принес из своей библиотеки книгу «Уставы» знаменитых монастырей по чтению сотниц Иисусовой молитвы. И эти уставы иноческого келейного правила мы как раз и опубликовали в

приложении к «Канонику». Надо сказать, что до этого я не только ни у кого не видел такой книги, но даже не слышал о ее существовании. Но он такую книгу имел, у него вообще была хорошая библиотека и дома, и в Издательстве.

В библиотеке Издательства хранилось много интересных рукописей: ведь тем людям, которые оставляли какие-то воспоминания о церковной жизни, о положении Церкви в Советском Союзе, о своем жизненном пути, связанном с Церковью, – просто некуда было их нести: других церковных издательств тогда не было и все это попадало к нам и хранилось в Издательском отделе. Помимо этого, в нашей библиотеке было собрано множество ценных и интересных книг, в основном – материалы по издательскому делу, различные словари, энциклопедии. Все это очень помогало нам в работе: любую справку можно было найти, не выходя из помещения Издательства.

Владыка старался окружать вниманием и заботой свои молодые церковные кадры, вырастить из них настоящих церковных журналистов. В Издательство часто приезжали коллеги-иностранцы, он устраивал встречи с ними. Владыка входил во «Всемирную Ассоциацию христианских коммуникаторов» и «Экуменический круг по информации в Европе». Они часто устраивали различные мероприятия, на которые он выезжал за границу и брал с собой кого-нибудь из сотрудников. Потом Владыка приглашал их в Издательство и тоже с ними были встречи, беседы. Темами таких бесед в то время были защита мира во всем мире, экуменические контакты и, конечно, христианская информация в Европе и мире. Для нас было очень важным изучение новых средств массовой коммуникации, новых масс-медиа, которые уже повсюду применялись на Западе, – в СССР ничего этого тогда не было, но Владыка старался не отставать от жизни.

Кое-что (например, прекрасные фотоальбомы) он издавал за границей, используя хорошие зарубежные полиграфические базы – все это отнимало много времени и сил и также требовало частых поездок за рубеж. Ему очень нравилась заграница – я думаю, потому, что он любил порядок, любил,

чтобы все делалось на высшем уровне. К сожалению, у нас в то время добиться этого было невозможно, а Владыка постоянно старался подтягивать свое Издательство к европейскому уровню.

Всем, что происходило в Издательстве, Владыка живо интересовался. В частности, он следил не только за правильным ходом производственных дел, но и за бытом своих сотрудников, всегда утверждая, что работа и жизнь – это одно и то же. Старайтесь, говорил нам Владыка, чтобы вам было на работе комфортно; некоторые проводят разделение: вот это – моя работа, здесь я зарабатываю деньги, а это – моя жизнь; но такое разделение неправильное, потому что человек раздваивается и ни здесь, ни там не получает удовлетворения; и поскольку большую часть жизни мы проводим на работе, отдавая ей очень много времени, то и быт с этой стороны, рабочая обстановка должны помогать человеку не только трудиться, но и жить.

И чтобы сделать эту жизнь интереснее, он перенимал опыт дипломатов – в дипломатических кругах бывают такие дни недели, когда все работающие за границей сотрудники посольства собираются вместе и устраивают какое-то общее мероприятие – концертный или литературный вечер, показ фильма и т. д. Такой день был и у нас – в среду мы на час раньше заканчивали работу и в 16 часов собирались в конференц-зале. Как правило, зал всегда был полон, ведь все это происходило в рабочее время. На таких вечерах некоторые из наших сотрудников рассказывали о своих поездках (помню свое выступление с показом слайд-фильма после поездки в Данию). Владыка часто приглашал на них интересных людей, устраивались концерты, пел хор храма Воскресения словущего на Успенском Вражке, который фактически был музыкальной редакцией Издательства (приход храма не мог их содержать, поэтому они получали деньги в Издательстве, здесь же проходили спевки, а иногда и концерты). Характерной чертой их выступлений был углубленный подход к творчеству того или иного церковного композитора. Например, если они занимались композитором А. А. Архангельским, то устраивали концерт

только из его песнопений, стараясь полностью выявить все их характерные особенности. Потом они так же прорабатывали Д. С. Бортнянского, В. Н. Зиновьева и др.; для сотрудников это было чрезвычайно интересно. Более того, они изучали их жизнь, старались отыскивать могилы, где они похоронены. Так, я помню, удалось найти могилу композитора-священника Василия Зиновьева, привести в порядок уже заросшее мхом надгробие. А поскольку многие в этом хоре имели высшее музыкальное образование, то они могли также писать и публиковать в нашем Журнале статьи о тех самых композиторах, творчество которых изучали.

Если это был рождественский вечер или пасхальный утренник, то сотрудники приходили с детьми, для которых заказывались мультфильмы, приглашались Дед Мороз со Снегурочкой. Составлялся план таких вечеров чуть ли не на год вперед, и там все было расписано; всем этим занимались сами сотрудники, конечно, с подсказки и благословения Владыки.

Частыми были и паломничества по святым местам. Нанимался автобус, и все с удовольствием ездили в Иосифо-Волоцкий монастырь, во Владимир, в Суздаль. Это также спланировало коллектив, а ведь среди нас всегда было много людей одиноких, не имеющих семьи. Владыка обычно заранее созванивался с архиереем той епархии, в пределы которой мы направлялись, и это давало свои плоды; хорошо помню, как потечески нас принимал во Владимире Владыка Серапион: и подарки всем подарил, и сам во всех мероприятиях участвовал. Когда Владыка Питирим служил в Волоколамске, то мы приезжали туда даже с ночевкой, причем ехали в село Пески, в котором жила псаломщица Надежда Прохоровна (недавно она умерла); она нас радушно встречала – бывало, пойдем в лес, наберем грибов, она нам их нажарит. Старые сотрудники Издательства до сих пор вспоминают эти замечательные поездки, которые устраивал для нас Владыка Питирим, во время которых все мы чувствовали себя единой православной семьей. И когда я занимал должность Председателя Издательского Совета в 1995–2000 годах, то старался эту традицию продолжать.

Но мы и помногу работали, никто не считался со временем. Ведь в советское время в церковные структуры приходили энтузиасты, они знали, на что шли, им хотелось помочь Церкви и они полностью отдавали себя работе. Владыка старался замечать тех, кто хорошо трудился, как-то их поощрять и продвигать. Как руководитель он был строгим и взыскательным, так что не только ему приходилось терпеть нас, но и нам приходилось смиряться и терпеть. Но мы видели, что Владыка по своим знаниям намного выше всех нас, и очень его уважали. Он всегда говорил: не стесняйтесь обращаться ко мне, потому что у меня большой опыт и я знаю ответы на многие вопросы. И действительно, когда приходилось готовиться к каким-то докладам в Московской Духовной академии, к каким-то выступлениям на вечерах, посвященных памяти святых, то он мог сходу, не пользуясь никакой литературой, сообщить множество сведений практически на любую тему. И, конечно, он прекрасно знал особенности духовной жизни Православной Церкви, поскольку сам воспитывался старцем. Он хорошо знал, как надо молиться, что надо читать, и это, я думаю, помогало ему правильно вести и церковное издательское дело.

Прежде всего Владыка был главным редактором «Журнала Московской Патриархии», каждый номер которого он прочитывал и редактировал. Но когда у него не было времени, он говорил: я прочитал этот номер «по диагонали». Но так как он был редактором высокого класса, то сразу замечал, сырой это материал или нет... Действительно, опытному человеку не надо прочитывать каждое слово, по ходу текста он сразу видит, какие у него есть недостатки.

В то время идеологию Журнала контролировал Совет по делам религий, и положено было каждый номер возить туда на утверждение. Часто они вычеркивали то одно предложение, то целый абзац, где им что-то не нравилось. Помню, я написал в одной статье фразу о том, что Церковь указывает человеку верный путь и дает правильный идеал, – эти две строчки они у меня вычеркнули. Богослужебные книги они, как правило, не правили, а вот всякие предисловия к ним или журнальные тексты – тут они старались, чтобы не было никаких покушений

на линию партии. Впрочем, и к этой своей работе они во многом относились формально. Так, когда мы делали «Настольную книгу священнослужителя», материал шел сотнями страниц и они, как правило, ничего не читали, полагаясь на нас, что мы сами следим, чтобы все было «нормально». И действительно, нам отнюдь не хотелось, чтобы был какой-то конфликт с государством, потому что от Совета по делам религий зависели все бумажные фонды.

Прерогативой Владыки было проведение редсоветов. Это случалось не очень часто, но на таких редсоветах всегда выслушивали всех. Обсуждались и стратегические вопросы, например, рубрики Журнала. Конечно, были и устоявшиеся рубрики, но Владыка всегда был готов ввести что-то новое, насколько это тогда было возможно. Но это было трудно, потому что, если уж что-то менять, то менять нужно было кардинально.

Иногда менялись люди. Владыка экспериментировал: пробовал ставить на какой-нибудь отдел одного человека, другого... Кстати, сотрудники, работающие в Журнале, занимались и изданием книг, так как специальной книжной редакции тогда не существовало; и кому-то поручали заниматься Требником, кому-то Псалтирью и т. д. – они готовили свои книжные издания в свободное от работы над Журналом время.

Владыка постоянно старался создавать новые направления в работе Издательства – у нас делали и кинофильмы, и слайд-фильмы, создавали фототеку. Для последней использовались работы своих фотографов, которых у нас было много; высококлассные фотографы нанимались и со стороны. Специально занимались и церковной музыкой, записью различных хоров.

Нас часто посылали ездить по епархиям для сбора материалов о церковной жизни. Мы снимали храмы, монастыри, богослужения архиереев, иконы в музеях и храмах, накапливался самый разнообразный материал. Что-то из этого шло в книги, что-то в Журнал. Многие материалы никуда не шли и просто откладывались – думаю, и до сих пор собрание фототеки включает в себя множество никогда не

использованных фотографий, которые были сделаны во времена Владыки Питирима. Конечно, тогда были возможности оплачивать командировки, оплачивать работу хороших фотографов. Ведь все это стоило очень дорого – и пленка, и бумага, да и «Кодак» в то время не каждое издательство имело. У нас работали журналисты-фотокорреспонденты из ТАСС и АПН, многие люди, лица которых мы потом видели на экранах телевизоров, прошли через наше Издательство. В то время те, которые не хотели работать на советскую пропаганду, шли в церковные структуры и попадали или в ОВЦС, или в Издательский отдел (тогда в Русской Церкви только и были эти два отдела). Многие из светских журналистов и ученых в той или иной форме работали в нашем Издательстве – здесь они зарабатывали какие-то деньги и в то же время, имея настоящее образование, поднимали уровень Журнала. Конечно, им было труднее входить в церковную тематику, – обычно на это требовалось несколько лет, зато потом они давали для Журнала множество серьезных работ.

«Журнал Московской Патриархии» иногда упрекали, что он не очень интересен; но я думаю, что если бы на месте Владыки Питирима был другой человек, то многие наши проекты просто не осуществились бы. Потому что у него были налажены хорошие контакты со всеми, он умело подходил ко всем вопросам, а потому все-таки печатались и богослужебные книги, и «Богословские труды»; регулярно выходил и «Журнал Московской Патриархии». Но когда на Синоде с него требовали, чтобы было больше молитвословов и Евангелий, Владыка только улыбался и говорил: у нас ограниченные фонды по бумаге – сколько нам государство выделяет, столько мы и издаем. А выделяли тогда буквально крохи: 200 тонн бумаги на все религии Советского Союза, и надо было эти 200 тонн разделить по всем конфессиям и по всем религиям, так что Издательству оставалось немного. Так, при каждом издании Библии – а это был все же особый случай – вопрос о выделении бумаги на печатание решался на очень высоком уровне и тиражи разрешались не очень большие. Себестоимость книг в советское время была невысокая – например, одна Библия

обходилась что-то около рубля – в продаже, конечно, она была намного дороже, но Владыка старался, чтобы она продавалась не дороже 30 рублей (правда, храмы могли делать свою наценку).

Конечно, монопольное положение Издательства в экономическом отношении способствовало его процветанию. У нас были средства для того, чтобы содержать большое количество сотрудников. Поскольку я тоже занимался кадрами, то помню, что по списку у нас работало около 900 человек (хотя не все из них были оформлены в штат). Конечно, имелись большие проблемы с их профессиональной подготовкой – ведь в то время ни Академии, ни светские вузы не готовили ни церковных журналистов, ни церковных редакторов. Поэтому Владыка брал этот подвиг на себя и все старался из нас, простых семинаристов, из которых многие и пришли-то не для издательской карьеры, а чтобы стать священнослужителями, – сделать профессиональных работников.

Он приглашал к нам известных мастеров устного слова – помню, приходил чтец-декламатор Д. Н. Журавлев и читал нам лекции по основам ораторского искусства. Владыка приглашал известных писателей, которые занимались с нами литературным русским языком, потому что, к сожалению, у русских людей всегда самое слабое место – литературный язык. Приглашал и опытных светских фотографов и пишущих журналистов, которые с нами беседовали и учили, как надо обрабатывать тот или иной материал, как сделать его интересным. Словом, Владыка всячески старался подтянуть нас до соответствующего уровня в журналистике.

Поэтому скучать не приходилось, работа была всегда интересной, много работали в архивах, в первую очередь в архивах Санкт-Петербургской, Московской, Казанской, Киевской духовных академий, знакомились с рукописями как студентов, так и преподавателей. Интересного материала было очень много, мы отыскивали работы, которые не успели выйти в свет до революции, а после об этом не могло быть и речи. Мы их обрабатывали и давали и в «Богословские труды», и в «Журнал Московской Патриархии».

Владыка рос в большой семье, у него было много братьев и сестер и он, конечно, рассказывал о своем детстве, об отце. Помню, отец Иннокентий очень уважал маму Владыки Ольгу Васильевну – даже его исследования о святой княгине Ольге были как-то связаны с ней, поскольку она носила имя этой святой.¹ Интересно отметить, что у мамы митрополита было имя Ольга, у отца – Владимир, у самого Владыки светское имя – Константин, т. е. в этой семье все небесные покровители – благоверные князья и княгини, очень знаменитые, важные для православной Церкви люди.

По словам архимандрита Иннокентия, мама Владыки Питирима, когда его вынашивала, видела сон, и в нем ей явился Патриарх Тихон и вручил цветок лилии, сказав: береги этот цветок. И она так и подумала, что ее Костя будет особым человеком, что от нее, может, даже родится преемник Святейшего Патриарха Тихона. В целом этот сон, я думаю, был вещим, если учесть, каким важным для Церкви человеком стал ее сын: и скончался в сане митрополита, и как издатель сделал для Церкви очень многое, притом в те времена, когда сделать это было очень не просто. Ведь он три десятка лет возглавлял Издательство, а редакцию небольшого по объему Журнала преобразовал в современное громадное Издательство. И не его вина в том, что в конце 1994 года он был освобожден от своей должности, да и Издательский отдел прекратил свое существование. Полагаю, что этого потребовало время, поскольку в стране шли уже глубокие политические и экономические преобразования, требовались другие подходы и методы в осуществлении издательской деятельности. К тому же возможность выпускать церковную литературу обрели и другие издательства, поэтому острой необходимости в большом церковном издательстве уже не было. Были, вероятно, и другие причины, но как бы то ни было, что случилось – то случилось.

Владыка Питирим дружил с очень многими интересными людьми: так, в Издательстве можно было увидеть и академика Б. В. Раушенбаха, и академика Д. С. Лихачева – они были его друзьями, бывали у него на богослужениях, беседовали с ним на различные темы – и богословствовали, и философствовали.

Как-то Дмитрий Сергеевич пришел в Издательство в день памяти его мамы, и Владыка Питирим в домовом храме Издательского отдела во имя преподобного Иосифа Волоцкого служил панихиду. Я часто бывал на службах с митрополитом – и в качестве иподиакона, и в качестве иерея, но другого такого богослужения я не помню: в храме ощущалась какая-то особая атмосфера, как в воздухе перед грозой – это была атмосфера духовности, поскольку и сам академик Лихачев был человеком высокой духовности, и, конечно, духовным человеком был Владыка Питирим. То было незабываемое богослужение.

Какая-то информация доходила до нас и о том, о чем Владыка беседовал с академиком Раушенбахом. Как правило, они обсуждали научные вопросы, например, можно ли на иконах изображать облака. Раушенбах доказывал, что нельзя, поскольку облака – это атмосферное явление. А Владыка Питирим возражал, что облака на иконах – это не те облака, которые мы видим на небе и из которых идет дождь, – это совершенно другие облака, о них говорится в Священном Писании и они всегда связаны с какими-то Божественными явлениями, с проявлением Божественной энергии.

Вообще я думаю, что многие ученые, приходившие к Владыке и беседовавшие с ним, укрепляли свою веру; после таких бесед и своих встреч с ним они считали себя его духовными детьми. И многие начинали сотрудничать с нами: конечно, они не могли печатать статьи под своими настоящими именами, приходилось использовать псевдонимы, но это были очень интересные статьи, особенно на исторические темы – они имели высокий научный уровень.

Владыка Питирим хорошо знал и любил старцев, которые еще оставались в СССР, несмотря на все гонения. Он поддерживал с ними отношения с неизменной внимательностью, всегда относился к ним бережно, с любовью. И я помню, как во время какого-то официального визита в Грузинскую Православную Церковь, в котором он участвовал и днем был очень занят, он даже ночью специально поехал, чтобы встретиться с Владыкой Зиновием, побывать у него в келье, взять благословение. Он много раз бывал в Караганде, где

после ссылки остался жить преподобный Севастиан, брал с собой и отца Иннокентия. И я видел фотографии, где они оба сидят за столом рядом со старцем. Я думаю, что и весь жизненный путь отца Иннокентия определился влиянием и воспитанием Владыки Питирима, – и то, что он из простого семинариста стал богословом и церковным ученым, и то, что он тоже любил старцев, любил молитву, стремился к этой молитве и старался воплотить в своей жизни высшие достижения Православия – традицию исихазма. А ведь традиция эта включает в себя настоящий молитвенный подвиг – не просто некое посильное дело, а именно серьезный и тяжелый труд.

Но Владыка Питирим, как и архимандрит Иннокентий, был беззаветным тружеником, он трудился, не считаясь ни со временем, ни со своим здоровьем. К тому же он приучал и нас, однако не все это понимали и принимали, некоторые даже роптали, что из нас делают каких-то роботов, которые обязаны работать день и ночь. Но тот, кто полюбил издательское дело, а тем более дело издания богослужебных и богословских текстов, – тот понимает, какую великую пользу он приносит не только другим, но и самому себе, так что он уже не нуждается в принуждении, напротив, у него появляется желание потрудиться для Церкви, появляется любовь к своей профессии. Ведь работая в церковном издательстве, он получает большую пользу и для своей души.

У Владыки Питирима была дача в Подмоскowie, иногда он там бывал, летом там жили его сестры (одна из них была инвалидом-колясочницей), и мы как помощники Владыки помогали им. Кстати, они всегда были дома на телефоне и фактически выполняли секретарские обязанности: при необходимости им можно было позвонить в любое время дня и ночи, и если Владыки нет, сестры всегда примут телефонограмму, все обстоятельно запишут и обязательно передадут Владыке. Часто и он, если не мог до кого-нибудь дозвониться, звонил домой, а уже его сестры разыскивали нас и передавали задание, которое давал Владыка.

Отношения с другими архиереями складывались у Владыки по-разному: с некоторыми архиереями он дружил, был с ними

единомыслен, часто общался. Но были и такие, которые не считали его своим, быть может, в силу различий в характерах. Ведь дружба невозможна без взаимности: человек ищет в друге свое продолжение, и то, что, наверное, хотел бы видеть в себе – находит в друге своем; как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься. Поэтому с теми, с которыми он получал какую-то пользу, он поддерживал отношения. Были архиереи, отношения с которыми у него были чисто официальными. Но так ведь и в жизни у каждого человека: каждый сам себе выбирает, с кем ему идти по жизни, – и те, кто подходят, с теми он общается больше, с другими же отношения только по необходимости, по работе, по послушанию.

К Патриархам он относился очень уважительно и всегда, когда собирался ехать на доклад в Чистый переулок, очень напрягался, сосредотачивался – чувствовалось, что он весь уже там. Если в этот момент станешь задавать ему какой-то вопрос, он рассеянно говорил: потом, потом; он весь как-то концентрировался, собирался, хотя особых промашек у него никогда не было. Он старался показать Предстоятелю Церкви каждое свое новое издание, брать благословение на новый издательский план – и это было в порядке вещей, так было заведено.

Первоначально мы работали в Успенском храме Новодевичьего монастыря. Сотрудников у нас было много, а потому подсобные помещения храма были разделены буквально на клетушки (размером два с половиной на два с половиной метра), в которых сидело по несколько сотрудников. Было очень тесно, неудобно, но зато там были очень хорошие подвальные помещения – это было хорошо и для книжного склада, и для экспедиции. Взять, например, издания богослужебных книг: быстро продать их нельзя, поэтому их печатали и складывали там же, в подвале; потихоньку эти издания расходились – как для нужд Русской Православной Церкви, так и за границу, для Патриарших приходов за рубежом, православные храмы которых вели богослужения на церковнославянском языке.

Но хотя начало Издательства было положено в Новодевичьем монастыре, расширение издательского дела требовало новых помещений. Владыка все время искал такие помещения и наконец добился, чтобы ему передали несколько зданий на Погодинской улице, некогда принадлежавших Новодевичьему монастырю. Под одно из них (одноэтажное) был подведен новый фундамент, на котором и возвели несколько этажей; был такой церковный строитель И. И. Макаров, который ранее занимался строительными работами в Пюхтицком монастыре – он и руководил строительством. В результате сотрудники получили очень хорошие помещения, где уже можно было не только выпускать журнал, но подготавливать и другие издания. Появилось сразу несколько новых редакций, которые занялись разными издательскими направлениями. Сотрудники для них были уже подготовлены. Вообще, начало 1990-х годов – это время наивысшего расцвета Издательства, его золотой век. Ну и как всякий золотой век – длился он недолго, потому что уже начиналась перестройка... Сам я ушел из Издательства в 1986 году, получив на это благословение Владыки Зиновия. Конечно, Владыка Питирим воспринял это тяжело, он вообще очень огорчился, когда уходил кто-то из Издательства. Но остальные сотрудники еще работали, и работа шла полным ходом...

Когда в 1991 году меня рукоположили во епископа Новосибирского, Владыка был первым, от кого я получил поздравительную телеграмму. И оказывается, что он задолго до этого говорил сотрудникам: когда рукоположат отца Тихона, мы первые должны послать ему в Новосибирск поздравительную телеграмму, потому что он наш первый архиерей из Издательства.

И потом, когда меня назначили в Издательство в 1995 году, он первый позвонил и сказал, что хочет приехать. Приехал, мы с ним около часа проговорили. Кое-что он рассказал, как уходил. Кое-что попросил, какие-то свои личные вещи, которые накопились за 30 лет и которые сразу не увезешь.

После 1995 года, когда он уже был не у дел, а только иногда служил и выполнял отдельные поручения Святейшего

Патриарха, мы также порой пересекались. Это бывало, например, на патриарших богослужениях. Обычно мы, сослужащие архиереи, приезжаем за час до Патриарха, сидим в алтаре и в ожидании Святейшего беседуем. Иногда мне выпадало сидеть рядом с ним и перемолвиться несколькими фразами: он спрашивал, как дела, я что-то рассказывал ему. На одной из таких бесед я сказал ему: Владыка, помните, как Вы обижались на нас, иподиаконов: мол, с вами говоришь, а всё будто в песок уходит – никакого отклика, никакой реакции; но ведь, Владыка, все это проявляется не сразу... вот, скажем, семя бросишь в землю – и ему нужно какое-то время, чтобы прорасти. Так и с нами: все что Вы, Владыка, в свое время посеяли – надеюсь, когда-то прорастет. Вот, например, когда я выезжаю сейчас за границу, то неизменно следую некогда услышанным от Вас советам: старайтесь, чтобы у вас все всегда было под рукой, размещалось удобно; допустим, если вы берете фотокамеру, то чтобы был к ней удобный чехол; и такой же чехольчик к перочинному ножу; и чтобы сумка была с собой удобная и можно было в одно отделение документы положить, в другое очки – тогда и не будете искать по карманам, где что положили... Не знаю, утешали ли Владыку такие мои речи, но то, что даже таким мелочам жизни он старался нас научить, – это ведь тоже характеризует человека.

Встречались мы и на различных церковных и культурных мероприятиях (например, на праздновании 70-летнего юбилея выдающегося дирижера Евгения Светланова), и всегда общались нормально. Когда в 1998 году нас подкосил дефолт, я от разных людей слышал, что Владыка очень за нас переживал и спрашивал (хотя и не лично у меня, а у других), как идут наши дела. И как-то раз на какое-то мероприятие в Издательстве мы его пригласили, и он пришел; но когда по окончании мероприятия мы хотели пригласить его на чай, оказалось, что он исчез. Я спрашиваю: где же Владыка Питирим? А мне говорят: он ушел. Правда, перед этим зашел в картинную галерею каминного зала, посмотрел, увидел, что все картины на месте, и сказал: слава Богу...

Когда я пришел в Издательство, я старался восстановить всё – взаимоотношения, редакторскую работу, быт – именно в том виде, как было при нем. Потому что мне казалось и кажется сейчас, что тогда наш Отдел был эталоном того, каким должно быть церковное издательство. Конечно, возможности были уже не те, появилось и много новых проблем. Но я рад, что издательское дело в нашей Церкви живет, а его начало было положено Владыкой Питиримом.

Поминайте наставников ваших. О Владыке Питириме

Архиепископ Орехово-Зуевский

Алексий,

викарий Московской епархии, заведующий кафедрой
теологии МИИТа

Размышляя о людях, подобных митрополиту Питириму, о тех, чей путь жизни уже исполнен, хочется, восхищаясь, с благоговением хранить молчание. Жизнь каждого человека сокровенна и всегда – тайна, особенно сокровенна жизнь человека духовного, и нам приоткрывается только видимая, внешняя ее часть. Опыт Церкви говорит, что Богу угодно, чтобы мы поминали наших наставников и не только поминали в молитвах, но и, *взирая на кончину их жизни, подражали вере их* (Евр.13:7). И в этом видится всепопечение Божие о нас и о тех наших братьях и сестрах, которым предстоит идти по жизни после нас и учиться дорожить духовными традициями и опытом других людей.

Мне хотелось бы это подчеркнуть, потому что наша память о Владыке необходима в первую очередь нам самим. Она должна нас созидать и, конечно, объединять. Нельзя ограничиваться только лишь констатацией множества присущих ему добрых качеств и перечислением его заслуг, выдающихся способностей и природных талантов, всесторонней образованности. Сам Владыка Питирим говорил: «Достоинство человека не в талантах, а прежде всего – в мере его ответственности». В нас должно появиться доброе желание духовно породниться с такими людьми, как Владыка, почувствовать в этом необходимость и пожелать вместить нечто, что было и есть общее и объединяющее всех подвижников веры, искренних служителей Церкви и Отечества.

Личность митрополита Питирима производила на людей почти полностью расцерковленного общества громадное впечатление.

Один человек мне сказал, что единственная встреча и беседа с Владыкой стала самым важным событием в его жизни. Отчего это могло произойти? – Оттого, что через Владыку Питирима люди соприкасались с живой глубокой православной церковной традицией, носителем которой он был. Это было открытие смысла жизни.

Высокопреосвященный митрополит Питирим был выдающийся иерарх, замечательный педагог, человек высокой культуры. Для многих он был и духовным отцом.

Мое знакомство с ним состоялось в 1972 году, когда я стал воспитанником Духовной семинарии. Сначала были только короткие встречи, когда, увидев Владыку, мы, студенты, бежали взять у него благословение. Затем, когда Владыка читал лекции, мы с большим вниманием и интересом слушали его слова о самых разных предметах: об иконе, о русской книжности, об издательской деятельности.

С 1975 года по рукоположении в диаконы мне посчастливилось служить с Владыкой в различных храмах – как московских, так и волоколамских.

Он мало говорил о том, как надо относиться к храму, богослужению, святым. Но он это показывал всем своим существом. Вообще надо сказать, что когда мы говорим о Владыке Питириме, мы ведь говорим не просто о хорошем человеке. Нечто особое отличало его от всех других людей. Он был иным, носителем иной жизни. Эта «инаковость» была зрима, чувствуема, вызывала трепет и нередко благоговейный страх; то была его духовность, внутреннее сердечное предстояние пред Богом, высота его невидимого для окружающих подвига делали его и внешне красивым.

Но, несмотря на высоту его служения, Владыка был прост и доступен. Для нас, студентов, это было очень важно: часто на ходу мы задавали ему различные вопросы, и он с любовью, с необычайной тактичностью, нередко с юмором, но всегда с большим уважением к вопрошающему на них отвечал. Владыка был очень деликатным человеком, и многие отмечали, что он никогда никого не убеждал, не уговаривал, не настаивал. При этом он говорил, что надо дать возможность действовать

самому Богу, не мешать Ему человеческой волей, своим желанием. Для нас каждая встреча с Владыкой была событием, о котором говорили, часто вспоминали.

Владыка часто выезжал в зарубежные командировки по благословению наших Патриархов с различными миссиями и по делам издательства. Нас всегда поражало его благоговейное отношение к опыту других конфессий: католиков, протестантов. Но это ни в коем случае не значит, что Владыка не был принципиальным человеком. Я думаю, что это показатель очень высокой духовной культуры человека, который блестяще знал Православие и жил им. К нему с большим уважением относились и миряне, и церковнослужители, и богословы различных исповеданий. Он очень интересно рассказывал о своих поездках. Но при этом мы всегда отмечали, что при всём обилии этих впечатлений он с неизменной любовью относился к своему Отечеству, своей Церкви и нашему замечательному народу.

«Какое великое счастье – родиться на нашей земле», – говорил он.

Прошли годы. Многие изменилось в нашей жизни. И именно в это время, время больших перемен, митрополит Питирим, будучи исполнен высокого духовного опыта и имея огромный опыт преподавательской деятельности, пришел в родной для него институт (Московский государственный университет путей сообщения – МИИТ), откуда он начинал свой жизненный путь, пришел, чтобы заинтересовать идеей создания кафедры теологии.

Принято считать, что духовный опыт – привилегия, дарованная некоторым избранным. Остальным же приходится довольствоваться (в силу якобы объективных причин) только возможностью его изучать. Отчасти это верно, пока утверждающие так сами стремятся к духовному опыту по своим силам, сверяясь с опытом преуспевших. Но если этого не происходит, то возникает незаметная, но очень опасная ошибка. Незаметно происходит подмена того, ради чего мы трудимся, самим трудом. И тогда мы перестаем жить, а начинаем изучать жизнь. Для нас же, православных христиан, свойственно не

отделять конечную цель жизни от самой жизни и от путей, по которым она нас ведет. Другими словами, православное сознание не мыслит отдельно теорию от практики, обучение от опыта, богословие от аскетики, науку от доброго практического применения ее достижений. Восточное предание никогда не проводило резкого различия между практической жизнью христианина и догматическим учением. Более того, никогда оно не разделяло духовного и материального, а лишь определяло всему свое должное место.

Мне хотелось бы, чтобы мы задумались, обращаясь к памяти дорогого нашим сердцам Владыки Питирима, не только о том, как он жил и чего достиг в своей жизни, что, конечно же, чрезвычайно важно. Мне хотелось бы, чтобы мы задумались о том, *ради чего* он прожил свою жизнь. Только тогда память о Владыке может быть по-настоящему полезной для нас, принесет нам пользу реальную, обогатит нас духовно.

В дорогих нам людях, в тех, кого мы любим, нам всё дорого и нет ничего несущественного и маловажного, нет мелочей. Это происходит потому, что мы любим. Жизнь становится житием, когда она исполнена любовью. И поэтому говорить о единении в любви без общих целей в жизни нельзя, так же, как невозможно достигать понимания вне любви, вне этой общей жизни, имея разный взгляд на конечную ее цель.

Нас могут поражать отдельные черты и качества в человеке, мы можем восхищаться теми или иными его достижениями и подвигами. Но сколько бы мы ни углублялись в отдельно взятые подобного рода частности, нам невозможно по-настоящему узнать человека без глубокого осмысления его жизненной мотивации и, значит, без того, чтобы разделить с ним жизнь и быть с ним в единстве.

Возвращаясь снова и снова к памяти митрополита Питирима, хочется сказать, что всё, что он делал в своей жизни, осмыслялось и направлялось им к главной и единственной цели – той, что объединяет всех святых, всех праведников и подвижников и должна объединять всех христиан, и нас с вами в том числе. Владыка никогда не разделял в своей жизни духовное любомудрие и науку, духовное благочестие и быт,

отношения деловые и личные, вообще личное и общественное. Все эти понятия и ещё многие для него, были скорее условными, а реально живым было то, что можно назвать жизнью во Христе, церковностью без всякого существенного разделения на отдельные сферы этой жизни, смысл которой – любовь к Богу и исполнение Его воли.

Воздавая честь святым и подвижникам нашей веры, мы тем самым прославляем Самого Бога. Они – плод Его дела на земле, Его слава на земле, исполнение Церкви – Тела Христова, как говорит апостол Павел. Поэтому, вспоминая митрополита Питирима, обращаясь к его личности, мы делаем это по любви к Самому Богу, если делаем правильно. И тогда воля Божия и единое с ней желание Владыки исполнятся. И совершится это ради нас с вами, ради нашей пользы, ради нашего спасения. Поэтому, как учат нас наши наставники, что бы мы ни делали в жизни, в любой области, надо стремиться к основной ее цели – возвращению себя в Отеческий Дом, не к временному, но к вечному и совершенному единению с Богом и в Боге друг с другом.

Воздавая славу Богу за Его милость через дарование нам в лице митрополита Питирима выдающегося наставника, будем стремиться прославлять Бога в каждом нашем слове. И во всём остальном в нашей жизни будем также учиться у Владыки, как учился и он у наставников своих, учился всю жизнь.

Митрополит Питирим жил по святоотеческой многовековой традиции и в традиции, жил ради одного: «Да святится Имя Твое, Боже!» и «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу!» Понять по-настоящему Владыку мы сможем, лишь имея в какой-то, пускай и в несравнимо малой мере, такой же мотив наших дел и жизненных устремлений. И тогда есть надежда, что встреча с нашим дорогим наставником реально произойдет и он будет с нами своей любовью и дарованной ему от Бога благодатью.

Блаженной памяти митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

Епископ Венский и Австрийский
Иларион

Мое сознательное вхождение в жизнь Церкви произошло в конце 1970-х годов и связано с храмом Воскресения словущего на Успенском Вражке. Этот храм расположен в самом центре Москвы, в квартале, где проживает творческая интеллигенция: рядом находятся Дом композиторов и Дом художников, в нескольких минутах ходьбы – Консерватория. В советское время в храме можно было за богослужениями видеть певца Ивана Козловского, актеров Иннокентия Смоктуновского, Владимира Заманского, многих других известных деятелей искусства. Как и все московские церкви того времени, храм Воскресения словущего был переполнен молящимися в каждый воскресный и праздничный день, а в пасхальную ночь все примыкающие к нему улицы заполнялись народом, стоявшим с зажженными свечами.

В храме Воскресения словущего на протяжении четырех десятилетий служил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, одновременно занимая должность председателя Издательского отдела. Настоятелем тогда был протоиерей Леонид Ролдугин. В храме пел прекрасный хор, один из лучших в Москве. Но самые яркие воспоминания связаны с богослужениями, которые совершал Владыка Питирим, тогда архиепископ Волоколамский. В этих службах раскрывалась глубокая любовь Владыки к Богу и Церкви – любовь, которую он унаследовал от своего отца-священника, репрессированного в 1930 году, от своего духовного отца преподобного Севастиана Карагандинского, от своего наставника Святейшего Патриарха Алексия I. Люди, знавшие Патриарха, утверждали, что в своем служении Владыка Питирим – вольно или невольно – подражал ему. Но мы, представители молодого поколения, об этом не задумывались. Мы могли лишь восхищаться служением

архиепископа – торжественным, величественным и в то же время глубоко молитвенным.

Однажды, когда мне было лет тринадцать, в канун Великой пятницы я был в храме Воскресения словущего. Читали Двенадцать Евангелий. Несмотря на продолжительность службы, усталость не чувствовалась – настолько ярко возникали в уме образы, связанные с последними днями земной жизни Спасителя. Евангелия читали поочередно архиерей и священники, все стояли с зажженными свечами. Вдруг по окончании последнего чтения Владыка Питирим обернулся ко мне – а я стоял возле кафедры, прямо за его спиной, – и протянул мне свою горящую свечу. Я не понял, зачем он это сделал и почему именно мне, незнакомому мальчику, а не кому-либо из своих иподиаконов отдал он эту высокую и тонкую архиерейскую свечу (которую я храню вот уже четверть века). Но что-то загорелось в моей душе от этой свечи, какой-то огонь зажегся в глубинах сердца. Может быть, именно тогда пробудилось во мне желание посвятить жизнь служению Церкви.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я попросил отца Леонида Ролдугина взять меня в алтарь. Он согласился. С тех пор я начал регулярно прислуживать в алтаре и читать за богослужением. Поначалу Владыка Питирим разрешал мне участвовать в богослужениях только по будням, так как лицам, не достигшим восемнадцати лет, принимать участие в церковной службе в те годы запрещалось. Но вскоре Владыка закрыл глаза на этот запрет, и я стал ходить в алтарь на все службы, в том числе воскресные и праздничные. За архиерейскими службами я иподиаконствовал. В пасхальные и рождественские дни Владыка Питирим брал меня в свои архипастырские поездки в Волоколамск. И там он служил так же торжественно, как и в Москве.

Еще будучи учеником музыкальной школы, я по приглашению Владыки начал сотрудничать с Издательским отделом: печатал статьи по церковной музыке в «Журнале Московской Патриархии», занимался редактурой и корректурой литургических книг, в частности, некоторых томов

богослужебной Минеи. Это сотрудничество продолжилось и во время моей учебы в Консерватории, и даже тогда, когда я служил в армии. Уходя на военную службу, я получил благословение Владыки Питирима, который напутствовал меня образом святителя Феодосия Черниговского. А когда через два года вернулся из армии, Владыка предложил мне поступить на работу к нему в отдел. Я ответил отказом, так как не мыслил себя кадровым сотрудником синодального учреждения. Владыка удивился: «Тогда скажи, чего ты хочешь». Я сказал, что хочу быть священником и служить алтарю. Сошлись на том, что я буду готовиться к поступлению в семинарию, работая одновременно алтарником в храме Воскресения словущего и оставаясь внештатным сотрудником отдела.

Издательский отдел, возглавлявшийся Владыкой Питиримом на протяжении тридцати лет, был мощной кузницей кадров для Русской Православной Церкви. Некоторые воспитанники Владыки впоследствии стали архиереями, наместниками монастырей, ведущими сотрудниками синодальных учреждений. Во времена моей юности в «команду» Владыки входили диакон Леонид Емельянов (ныне – архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон), диакон Николай Моисеев (ныне – епископ Брянский и Севский Феофилакт), Владимир Грезин (епископ Пермский и Соликамский Иринарх), Георгий Шевкунов (ныне – наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон), Всеволод Чаплин (протоиерей, заместитель председателя ОВЦС). Думаю, что все они, ныне занявшие высокие и ответственные посты в Церкви, хранят в сердце добрую память о Владыке Питириме.

Мое общение с Владыкой прервалось более чем на десять лет после того, как в 1987 году я уехал в Литву, где вскоре принял монашеский постриг и священный сан. Возобновилось наше общение лишь после моего назначения на должность секретаря ОВЦС по межхристианским связям осенью 1997 года. Несколько раз мне довелось сопровождать Владыку Питирима в зарубежных поездках. К этому времени Владыка постарел, хотя совершенно не утратил прежней ясности ума и бодрости духа. И, что меня особенно порадовало, стал более простым и

доступным. В советские годы, когда Владыка находился на ответственной должности, в нем всегда чувствовалась некоторая напряженность – он, видимо, следил за каждым своим словом, чтобы, не дай Бог, не сказать чего-нибудь лишнего. Теперь же этого напряжения не было, и я радовался общению с умудренным опытом архипастырем, который простыми словами рассказывал о своей долгой, яркой и многотрудной жизни.

Жизнь – пример духовного подвига

Митрополит Ловчанский

Гавриил

(Болгарская Православная Церковь)

Главной угрозой для будущего не только России, но и всего мира становится сегодня духовный и моральный кризис общества, отсутствие у людей твердого нравственного чувства, неспособность решительно следовать нравственным правилам. В такие времена, во времена великих испытаний и политических перемен особенно возрастает роль духовного пастыря, способного воздействовать на общественное сознание.

Таким настоящим пастырем был Владыка Питирим, человек, сочетавший в себе государственную мудрость и высокую нравственность. Будучи истинно русским человеком, гражданином, настоящим патриотом России, той православной России, которая была государством духа, он всю свою жизнь посвятил служению Богу, Родине и Православию. Всегда и везде, используя все возможности, он старался приобщать людей к нравственным ценностям, к благочестию.

Мое знакомство с Владыкой Питиримом произошло задолго до нашей встречи. В то время духовным наставником моим была русская старица схиигумения Мария, и однажды, когда мы с ней рассматривали православный календарь Русской Православной Церкви, она сказала, указав на фотографию митрополита Питирима: «Это один из подвижающихся монахов России». Сказала это торжественным голосом, а старица просто так никогда ничего не говорила. После ее кончины я решил поехать к Владыке Питириму.

Так и получилось. И мое общение с Владыкой продолжалось 25 лет.

Он оставил огромное наследство: пример духовного подвига – свою жизнь. И чем дальше будет уходить время, тем более будет возрастать то, что сделал Владыка для России и не только для нее, но и для всего Православия. Он общался со многими людьми во всём мире, и люди ощущали большую

духовную пользу от этого общения. Владыка не игнорировал тех, кто не исповедовал православную веру, и, если это были честные и искренние люди, готовые постичь истину, относился к ним внимательно, был терпелив в общении с ними. Я знал людей, которые не будучи православными, относились к нему с огромным уважением как к человеку и как к православному Архиерею, а значит, и к Православию в целом.

Вся жизнь Владыки прошла в постоянном напряженном труде. В Советской России, государстве агрессивного атеизма, священнослужитель не мог воспользоваться средствами массовой информации как своей трибуной, только храм был тем местом, где он мог обратиться к людям. И Владыка Питирим пользовался любой возможностью, чтобы войти в контакт с человеком. Он общался с творческими людьми, с учеными, политиками, военными, простыми людьми; к каждому находил свой подход и всегда умел сказать умное назидательное слово. Он мог начать говорить о чем-то, казалось, далеком от веры, а человек в результате этого общения приходил к вере. Владыка был очень терпелив и постоянен в этой нелегкой работе. Он спас многих людей. Были даже известные функционеры, которые находились под духовным влиянием Владыки, люди из высшего эшелона власти настолько доверяли ему, что становились верующими православными людьми, хотя и вынуждены были в то время скрывать это. Ради спасения людей стоило так работать. Ведь иногда легче даже мученически пострадать, чем много лет жить в таком напряжении, в постоянном труде и риске. Владыка однажды сказал мне, что он как будто идет по туго натянутой струне, и можно сорваться в любой миг и упасть в одну или другую сторону, вправо или влево. Так он и шел всю свою жизнь.

Один греческий подвижник, с которым меня познакомил Владыка Питирим, на мою жалобу о том, что я не в силах так неутомимо подвижнически общаться с людьми, как Владыка, ответил, что этим общением Владыка спасся, а подражать ему я не смогу, так как то было другое время, другая эпоха, в которой Владыка нашел свой правильный путь спасения людей.

Он был исключительный человек, скромный, очень требовательный к себе. Даже близким людям он почти ничего не рассказывал, скрывая свою глубокую духовность, которую, однако, мы всегда чувствовали, как чувствовали и понимали его мудрость, его молитвенный подвиг.

Владыка лично не писал книг (хотя, когда он был главным редактором Издательского отдела Русской Православной Церкви, по его инициативе и под его редакцией издавались многие книги). Мне кажется, что были две причины такого положения. Во-первых, у него просто не было времени на это. Все минуты его трудовых дней были заняты. Помню, как приезжая из Болгарии, я, чтобы иметь возможность пообщаться с Владыкой свободно и подольше, ждал его в Издательском отделе по несколько часов (а однажды даже с полудня до 12 часов ночи). И пока терпеливо ждал, видел, какой поток людей к нему шел: были люди известные и обыкновенные, и он внимательно относился к каждому, стараясь понять их и помочь им.

А во-вторых, по смирению считал, что святые отцы-подвижники уже всё, что нужно, сказали, и он ничего нового не добавит. Даже проповеди свои он не записывал, говорил экспромтом то, что думал, что чувствовал. Это были прекрасные проповеди, полные живого чувства и мысли. Иногда во время его проповедей делались магнитофонные записи, но не для публикации, а для внутреннего пользования, для себя. Владыка часто сожалел, что у него не хватало времени, чтобы подготовиться к проповеди так, как хотелось бы ему. Тем не менее это были волнующие и запоминающиеся выступления, которые оказывали живое воздействие на слушателей.

Могу сказать точно, что Владыка Питирим добивался этого молитвой. Однажды я присутствовал вместе с Владыкой на его занятиях в Троице-Сергиевой Лавре. Он спрашивал студентов, как подготовиться к проповеди. Они отвечали, что надо прочитать наставления святых отцов, Евангелие... Не могу дословно передать слова Владыки Питирима, но помню, как он тогда сказал: то, что вы назвали, – это всё правильно и хорошо, но главное, что надо сделать обязательно, так это хорошо

помолиться, и вместе с молитвой откроется ваше сердце. Тогда всё сказанное будет пропущено через него, будет прочувствовано и дойдет до сердца каждого слушателя, и запомнится надолго, даже, возможно, навсегда. А если смысл проповеди не пропустить через свое сердце, то слушавшие скажут, что батюшка хорошо говорил, но, выйдя из храма, быстро забудут услышанное. Душу, сердце согревают молитвой!

Так что свои проповеди Владыка Питирим готовил с молитвой, и они у него были сильные, впечатляющие. И лекции его были превосходные. Когда я находился в Троице-Сергиевой Лавре, мне не надо было посещать лекции, так как я закончил Духовную академию в Болгарии, а в России писал кандидатскую работу. Владыка преподавал Священное Писание Нового Завета. Так я два года подряд ходил на его лекции, так они были хороши и интересны, я просто сидел с открытым ртом, не замечая, как пролетали 45 минут. Когда я на второй год опять пришел на занятия к Владыке, он шутя даже спросил меня: «Что, соскучился?» Хотя я закончил и среднюю школу, и технический институт, я не встречал нигде таких познавательных, интересных и незабываемых лекций.

Три десятилетия Владыка Питирим собирал Издательский Отдел Московского Патриархата. В 1960–1980-е годы деятельность единственного церковного издательства была каждодневной борьбой. В эти тяжелые годы отдел публиковал писания святых отцов Православной Церкви, богословские сочинения, богослужебную литературу... В такой атеистической стране издавать церковные книги было настоящим чудом. И в этом несомненная заслуга Владыки Питирима. В то время на Западе издавалась православная литература, но оттуда ее невозможно было ввезти в страны советского блока, а из Советского Союза ввозить книги было разрешено. И для нас, болгар, это была единственная возможность приобретения церковных книг. Весь православный мир, особенно тот, что находился за железным занавесом, пользовался литературой, изданной Владыкой Питиримом. Значение этого переоценить невозможно.

Когда Владыку отстранили от работы в Издательском отделе и на него обрушились с критикой средства массовой информации, Никита Михалков выступил по российскому телевидению в защиту Владыки. Он показал книги, выпущенные отделом под руководством митрополита Питирима, подчеркнул огромное значение этого труда во благо всего Православия.

Господь ниспослал Владыке очень тяжелый крест, и он безропотно, смиренно его нес. Последние годы жизни Владыки были связаны с большими скорбями. Он был человеком праведным, а Господь попускает скорби праведникам. Если посмотреть на жизнь отцов-подвижников, то она была связана со многими страданиями. Моя духовная старица, которая указала мне на Владыку, последние годы жизни тяжело болела. Читая труды многих подвижников благочестия, она говорила: «Да, я болею, но сколько они страдали!» Ничего не делается без воли Божией! И Господь попускает скорби, чтобы тяжелее был крест праведника и чтобы вследствие этого воздаяние было больше.

Конечно, все невзгоды сказались на здоровье Владыки. Потеря близких людей была для него тяжела, особенно последней сестры. Когда она умерла, Владыка говорил, что ему не хочется даже идти домой. Раньше он делился с ней своими радостями, трудностями. «Вот, – говорил, – есть у меня редкий снимок, обязательно покажу сестре... новый архитектурный план подготовлю – опять с ней обговорю. А сейчас и рассказать некому, не с кем поделиться».

Владыка как-то цитировал подвижников, которые говорили, что «рак – это дверь в Царствие Небесное...». Так с ним и произошло.

Трагедия нашего времени в том, что всё меньше у людей настоящей веры и настоящей любви. Господь сказал: *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк.18:8) Но пока есть хоть один человек, который спасается, Господь будет держать мир; когда же не станет таких людей – придет конец миру. Люди должны жить верой! Чтобы привести людей к истине, помочь избрать праведный путь, надо им дать знания,

любовь к Богу и надежду на спасение, которые помогут справиться с искушениями, одолеть трудности.

Огромная ответственность лежит на священнослужителях, на нас, епископах, за это дело. Господь взыщет с нас за душу каждого человека. И чтобы оправдать доверие Господа, надо отдавать всего себя служению Церкви. Владыка Питирим был последователем отцов-подвижников и всего себя отдавал на благо Православия и Отечества. У него было всё, что способствовало этому служению: и духовные корни (он стал священнослужителем в 9-м поколении), и талант, и собственная воля, – он в полной мере использовал это счастье.

И последнее, о чем я хотел бы сказать. Несколько лет назад в России была издана книга о Владыке Питириме с пессимистическим названием «Русь уходящая». Как не подходит это к личности Владыки! Владыка Питирим боролся за возвращение духовной жизни в России, стремился каждому человеку дать надежду на возрождение... Какая же это уходящая Русь – это Русь возрождающаяся!

Главный издатель Церкви

Памяти Митрополита Питирима

Ушел от нас в путь всея земли Митрополит Питирим... Будущий историк, даже просто внимательный наблюдатель без труда выделит это имя среди деятелей Русской Церкви второй половины XX века.

Одиннадцатый ребенок в дружной многодетной семье, Константин Владимирович Нечаев (так звали в миру Владыку) родился 8 января 1926 года. По духовной генеалогии он был человек «родовитый»: отец, дед и прадед его были священники.

В семнадцать лет, по окончании школы, Константин становится студентом Московского института инженеров транспорта (МИИТ), в девятнадцать – иподиаконом Святейшего Патриарха Алексия и студентом открывшегося тогда в Москве Богословского института, преобразованного вскоре в Московскую Духовную Академию. Не став инженером-путейцем, пошел Константин изучать пути в Царствие Небесное.

Это было время, которое историки, выявляя внутреннюю противоречивость, даже парадоксальность духовной ситуации, назовут эпохой сталинского Церковного Возрождения. В годы Великой отечественной войны Церковь возглавила чрезвычайный духовный подъем нашего народа, благословив верующих и неверующих на защиту своей земли, самого русского права на жизнь. На волне всенародного нравственного подвига только и стало возможным церковное возрождение послевоенных лет. Душой и вождем этого движения стал Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) – ближайший сподвижник Патриарха Сергия, носитель традиций еще дореволюционной русской церковности.

Митрополит Питирим – во всем ученик Святейшего Патриарха Алексия. Не только в том смысле, что церковный его путь на всех этапах осенен благословением великого первоиерарха: Алексий рукоположил Константина Нечаева во иерея (в Елоховском соборе, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 4 декабря 1952 года), благословил к принятию иночества в 1959-м, рукоположил во епископа в 1963-

м. Но еще важнее духовное влияние, которое имел наставник на ученика. От него унаследовал митрополит Питирим глубокий церковный традиционализм – как в богословском мышлении, так и в богослужении, и в неизменно патриотической гражданской позиции, и в самых формах церковного сознания и строительства.

В начале XX столетия у церковных писателей сложилось было представление о «двух колоритах» русской церковности: православии петербургском и московском. Понятно, что первое было преимущественно связано с европейским стилем и светской культурой имперской столицы. Московское православие было другим. Оно восходило к духовной культуре допетровских времен, вдохновлялось философией славянофилов, строилось по заветам преподобного Серафима Саровского и оптинских старцев. Знаковой фигурой, как теперь сказали бы, этого направления был святитель Филарет, митрополит Московский. Лучшим его представителем, наследником и продолжателем в наши дни – митрополит Питирим.

...По окончании Духовной академии К. В. Нечаев был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата, а с 1956 года в звании профессора возглавил кафедру Нового Завета. Тридцать пять лет (до 1991 года) отдано им работе по обучению будущих служителей алтаря сокровенным тайнам Слова Божия. Он вообще любил работать с молодыми, приобщать их к духовному наследию, готовить церковную смену. В 1950–1960-е годы это было делать очень сложно, слишком невелик и ограничен по образовательному уровню был контингент молодежи, допускаемой властями к академическому образованию.

Одной этой деятельности оказалось бы для другого более, чем достаточно, чтобы наполнить до краев долгую и плодотворную жизнь. Но Владыке Питириму Бог готовил другое, не менее ответственное служение. В 1962 году, еще архимандритом, он был назначен главным редактором «Журнала Московской Патриархии» – единственного тогда печатного органа Русской Православной Церкви. Год спустя, с

1963 года, уже епископ Волоколамский, Питирим становится Председателем Издательского отдела Московского Патриархата (с оставлением в должности профессора МДА).

Вспомним, что это было за время. Рубеж 1950–1960-х годов ознаменован разгулом так называемых «хрущевских гонений» – последней попытки тотального наступления на религию со стороны атеистического государства. По настоянию властей был отправлен на покой митрополит Николай (Ярушевич) – легендарный Николай Крутицкий, занимавший со времен войны два ответственных поста: председателя Отдела внешних церковных связей и председателя Издательского отдела Московского Патриархата. В сложных условиях Патриарх Алексей I нашел тогда мудрый и оптимальный выход – доверить эти посты молодым архимандритам, еще не известным и не успевшим сделаться ненавистными для Совета по делам религий. Наступает эпоха «молодого епископата». Во главе Отдела внешних церковных связей был поставлен 30-летний Никодим (Рогов), во главе Издательского отдела 36-летний Питирим.

Издательский отдел, созданный Патриархом Алексием в феврале 1945 года и связанный потом на протяжении более 30-ти лет с именем митрополита Питирима – это отдельная большая глава в истории современной Русской Церкви. Трудно поверить, но в условиях строжайшей цензуры, при господстве откровенно антирелигиозной идеологии, была создана уникальная церковно-издательская структура, восстановлено печатание Священного Писания (несколько изданий Библии и отдельно Нового Завета), богослужебных книг (Минея Праздничная, двенадцать томов Минеи Служебной, Триодь Цветная и Постная), восемь томов «Настольной книги священнослужителя». И главное – церковные периодические издания: ежемесячно выходивший «Журнал Московской Патриархии» и тридцать выпусков «Богословских трудов».

При этом Владыка Питирим огромное значение придавал не только содержательной, но и внешней стороне изданий. Они соответствовали современным издательским и полиграфическим требованиям, были актуальны и интересны

для современного, не только церковного читателя. И журнал, и ежегодные церковные календари, и иная издательская продукция Отдела отличались насыщенностью зрительного ряда, яркостью и убедительностью фоторепортажей, портретных, иконописных и церковно-архитектурных репродукций. Владыка сам был большой любитель и мастер фотографии, свободно владел фото- и кинокамерой, тому же учил своих учеников и сотрудников.

Сегодня трудно себе представить, какое значение имели тогда для всех нас публикации Издательского отдела. Каждого тонкого номера журнала (объем был строго ограничен 80 страницами) ждали как глотка свежего воздуха, как живоносного источника в пустыне. Журнал впервые делал доступными для читателя творения святых отцов, проповеди великих иерархов, работы церковных историков и богословов.

Но, может быть, еще важнее – прорыв информационной блокады Русской Церкви, впервые достигнутая возможность свидетельствовать от ее имени если не *граду*, то *миру*. Стесненная и гонимая внутри страны, Церковь обрела голос и явила сокровенную духовную жизнь и несломленную силу Православной России зарубежному читателю. Вопреки утверждениям «научных атеистов» об «отмирании» религии в СССР, издания митрополита Питирима в слове и в фоторепортаже говорили о другом – о том, что церковная жизнь России продолжается, развивается богословское и литургическое творчество, бьется, пусть слабый, пульс религиозной мысли.

Информационный прорыв стал возможен благодаря тому, что митрополит Питирим, не ограничивая себя задачами собственно церковной журналистики, сумел сделать Издательский отдел мощным научно-исследовательским центром церковной истории и отечественной богословской мысли, привлек к работе талантливых и преданных Церкви светских молодых ученых и литераторов. В духовной жизни общества открылось вдруг новое внутреннее измерение.

...Современники, как в светском, так и в духовном мире, редко бывают справедливы. Своеобразная «медийная

империя», созданная Владыкой Питиримом, вызывала в одних раздражение и ненависть, в других зависть и ревность – слишком он был независим в суждениях, широк в богословских поисках, независим даже цензурно и экономически. Цензурная самостоятельность была обусловлена личным авторитетом и личными связями митрополита с всесильным тогда Советом по делам религий. Независимость экономическая простиралась до того, что нередко покойный Патриарх Пимен звонил председателю Издательского отдела с просьбой «подкинуть» три-четыре миллиона рублей на те или иные церковные нужды. И Владыка «подкидывал».

В конце 1994 года Издательский отдел, в том виде, как он работал в прежние годы, был расформирован, а позже преобразован в Издательский Совет Русской Православной Церкви. Я был у Владыки Питирима в один из последних декабрьских вечеров. Народ уже разошелся. Мы прошли по опустелой редакции, говорили о том, что обязательно нужно подготовить хотя бы небольшую книгу – к 50-летию ИОМП... Митрополит был грустен и спокоен. Нападки в средствах массовой информации сделали его в те годы одной из самых одиозных и пререкаемых фигур.

Но благословения Божии и таланты человеческие неисчерпаемы и многообразны. «Владыка-пенсионер», как он в шутку себя называл, продолжал работать не покладая рук. В 1989 году Церкви был возвращен Иосифо-Волоцкий монастырь, и митрополит Волоколамский назначен его игуменом. В руках Владыки монастырь, ведущий свои традиции от основателя, преподобного Иосифа Волоцкого, стал образцом и моделью церковного воздействия на окружающий мир – воздействия, пронизывающего деловыми и экономическими связями всю округу – Волоколамскую землю.

Так митрополит Питирим, «нестандартный» Владыка, «нестандартный» игумен, которому до всего было дело, строил пути воцерковления общественной и народной жизни, взаимопроникновения и взаимообогащения сферы духовной и сферы хозяйственной.

До многого из задуманного, по обстоятельствам времени, у него так и не дошли руки. Но сделал он много больше, чем кто другой. Опережая время, делал даже больше, чем было тогда возможно.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что Высокопреосвященный Питирим был самым умным и образованным, самым широким – в смысле духовной и культурной широты – из русских иерархов нашего времени. Он обладал совершенно особой духовной энергией, понимал собеседника с полуслова и раздражался, когда ему продолжали что-либо рассусоливать и аргументировать. Нередко говорил подчиненным, что «у нас разный ритм мышления».

Потому многие любили его, охотно шли на контакт и сотрудничество. Для работавших с ним (автор настоящих строк имел такое счастье с 1969 года) это были лучшие годы жизни. Но другие, и тоже многие, неспособны были понять его, поспеть за его «ритмом», его мыслью и энергией.

...С прошествием времени личность и подвиг Питирима вырисовывается все ярче и отчетливей, и значение его в истории Русской Церкви лишь возрастает и будет возрастать.

...Что кому на роду написано, читается в храме в день рождения и в день кончины – тоже рождения, но только в жизнь вечную. Родился он на второй день Рождества Христова, когда Церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы. И умер в праздник Казанской иконы. В этот день вновь звучит в храме гимн Богоматери: «Величит душа моя Господа». И еще: в день его блаженной кончины по уставу ежедневных литургических чтений в храме читалось Евангельское зачало о Пастыре добром.

Митрополит Питирим был для верующих истинно «пастырем добрым», подлинным Архипастырем и Наставником, сполна свершившим свой церковный и человеческий долг, земной и духовный подвиг. Три дня церковная Москва прощалась со своим любимым архиереем. И не мне одному приходила в голову одна и та же мысль. В тот последний свой год, 2003-й, в канун Пасхи Владыка по благословению Святейшего Патриарха Алексия II отправился в Иерусалим для

принятия Благодатного огня в Великую Субботу в Храме Гроба Господня. И в пасхальный вечер, доставив Святой Огонь в Москву, узнал о том, что ему предстоит вместо заболевшего Патриарха возглавить главное пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя. Соединение этих двух служений – иерусалимского и московского – тогда уже многим показалось неслучайным, промыслительным. Господь словно указал митрополиту Питириму завершить после всех страданий и испытаний земной свой путь служением Патриаршим.

Ис полла эти, деспота! Вечная Вам память, дорогой деспот, что в переводе с греческого означает – всегда и во всем Владыка!

Николай Лисовой, старший научный сотрудник
Института русской истории РАН

С Владыкой – в Издательстве и на приходе

Мои воспоминания связаны как с Издательским отделом Московского Патриархата, где я работал под руководством Владыки Питирима почти 15 лет, а впоследствии сотрудничал с ним до его кончины, так и с Волоколамским благочинием, в котором я и сейчас служу и в котором викарий Московской епархии митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим был моим непосредственным наставником. С 1982 года я являюсь настоятелем Преображенского храма села Спас Волоколамского района, а с 2002 года настоятелем по совместительству Троицкой церкви с. Новлянское; с 1999 года к Преображенскому храму приписана церковь-усыпальница в имении великого князя Константина Константиновича Романова в с. Осташово (оба последних храма были сильно разрушены и в настоящее время нами восстанавливаются).

Мой жизненный путь к Церкви, знакомству с Высокопреосвященным Питиримом и сотрудничеству в Издательском отделе – не совсем обычен. До этого я окончил институт, а затем очную аспирантуру во ВНИИ экономики сельского хозяйства (при ВАСХНИЛ) и защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук. Около десяти лет проработал в НИИ планирования и нормативов при Госплане СССР. Теоретическая подготовка у нас была достаточно высокой, и уже в 1970-х годах как экономист я осознал, что никакой научной теории «экономики социализма» нет, понял и бессмысленность моего пребывания в науке. Одновременно я созревал духовно. Будучи прихожанином Преображенского храма в Переделкине, я познакомился с его настоятелем, который с 1972 года стал моим духовником.

В январе 1981 года я распрощался с наукой и по благословению духовного отца начал трудиться в Елоховском Богоявленском соборе простым рабочим. Продолжалась эта работа менее года: вскоре мой духовник предложил мне обратиться к отцу Иннокентию (Просвирнину), заместителю главного редактора «Журнала Московской Патриархии», а тот

познакомил меня с Владыкой (его кабинет тогда был в Новодевичьем монастыре). После беседы Владыка предложил мне работу в Издательском отделе. Вспоминаю, когда я подал в Елоховском прошение на увольнение, ктитор собора Николай Семенович Капчук настойчиво уговаривал меня остаться, говоря, что мне предстоит нести послушание ризничего собора. Я до сих пор благодарен ему за доверие и благое отношение ко мне, грешному. Мне и самому не хотелось уходить из собора, где пребывают мощи Святителя Московского Алексия и можно ежедневно ему молиться и поклоняться святым мощам.

Следуя благословению духовного отца, я в августе 1981 года пришел в Издательский отдел и был зачислен на должность референта. Как я впоследствии понял, Владыка пригласил меня в Отдел, предполагая в будущем (если не будет канонических препятствий) поставить в иереи. Это произошло в 1982 году – на Троицкую родительскую субботу Владыка рукоположил меня в сан диакона в нашем домовом храме во имя преподобного Иосифа Волоцкого; иерейская же хиротония состоялась в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Волоколамске, 1 августа, в день обретения мощей преподобного Серафима Саровского. На следующий день (день памяти святого пророка Илии) Господь сподобил меня участвовать в богослужении, которое совершали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий и архиепископ Волоколамский Питирим в Сретенской церкви с. Пески Шаховского района. Через несколько дней по благословению Высокопреосвященного Ювеналия я приступил к стажировке в Успенском храме Новодевичьего монастыря, которая продолжалась в течение трех месяцев.

С 10 ноября 1982 года я начал служить в Преображенском храме села Спас Волоколамского района, продолжая работать в Издательстве. Как референт я вначале работал с В. П. Овсянниковым, ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии», выполнял его поручения по сбору различных материалов, подготовил несколько статей. По благословению главного редактора, Высокопреосвященного Владыки, готовил к изданию на престольное Евангелие,

Апостол, Служебник большого формата. Одновременно Владыка благословляет меня участвовать в работе по составлению Симфонии или словаря-указателя к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета.

Задача подготовки Симфонии к тексту синодального перевода Библии была поставлена Владыкой еще в 1970-е годы. Практически работа была начата в двух направлениях: составление Словника с подбором цитат из текста Библии и нахождение параллельных мест в тексте. Непосредственным руководителем группы внештатных сотрудников, занимавшихся ручной алфавитной распиской Библейского текста, был тогда Е. А. Карманов. В 1983 году Высокопреосвященный Владыка уточняет и значительно расширяет план предстоящей работы: «многотомное издание должно содержать не только элементы Симфонии, но и разделы богословского словаря с иноязычными соответствиями из еврейского, греческого, латинского и церковнославянского текстов Библии», и назначает меня ответственным по составлению словаря.

В 1988 году под редакцией Владыки выходит в свет 1-й том Симфонии, а в 1995-м – 2-й том. В январе 1995 года в результате ликвидации Издательского отдела составители Симфонии были уволены. Однако в марте того же года, по милости Божией, наш проект получил поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), а группе составителей были выделены бюджетные средства (грант) на 1995–1997 годы. За счет этих средств в конце 1998 года был подготовлен оригинал-макет 3-го тома, но по причине отсутствия дальнейшего финансирования этот том был издан только в 2000 году, когда при содействии Владыки были найдены средства на его издание, а затем на подготовку и издание в январе 2003 года 4-го тома. В 2008 году с Божией помощью закончена подготовка последнего 5-го тома Симфонии-словаря (в двух частях).

В процессе работы в Издательском отделе со временем менялись и расширялись мои должностные обязанности. В 1986 году Владыка назначил меня заведующим плановым отделом, а с 1989 года – своим заместителем с правом подписи договоров

и финансовых документов. В эти годы в стане шла «перестройка», Совет по делам религий перестал контролировать церковные организации, а затем и прекратил свое существование. В результате открылись большие возможности для издательской деятельности, но возникали новые проблемы и трудности. Владыка много работал. Обычно он работал с материалами допоздна и оставался ночевать в Издательском отделе. Иногда и я разделял с ним эту участь. С особым чувством вспоминаю, как в такие вечера Владыка приглашал меня разделить с ним трапезу, сам подогревал ранее приготовленное, кипятил и заваривал чай, отвергая мои попытки сделать это.

В эти годы стремительно возросли тиражи изданий. Так, только в 1990 году нами была переиздана (совместно с издательством «Малыш») дореволюционная детская книга «Моя первая священная история» тиражом 200 тыс. экз., а также изданы «Православный молитвослов» тиражом 500 тыс. экз. и «Православный катехизис» тиражом 200 тыс. экз. В 1993 году был издан «Православный церковный календарь на 1994 год» тиражом 400 тыс. экз. (200 тыс. на Тверском полиграфкомбинате и столько же на Чеховском). Эти огромные тиражи требовали большого количества бумаги и переплетных материалов. Так, в 1994 году было закуплено и израсходовано на издания более десяти вагонов бумаги. Организация приобретения, доставки и хранения всех необходимых для издания материалов была в то время самым сложным делом, возложенным на меня Владыкой.

Как всем известно, в декабре 1994 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение ликвидировать Издательский отдел. В январе 1995 года Владыка и большинство опытных сотрудников были уволены – как раз тогда, когда они готовились к празднованию 50-летия Отдела, созданного по решению Поместного Собора Русской Православной Церкви 1945 года. Владыка со смирением принял это решение и по-отечески утешал всех оставшихся без любимой работы. Я думаю, что Владыка совершал в это время подвиг: хотя он никогда не жаловался и внешне не показывал

свои переживания, но можно себе представить, как трудно человеку, когда становятся не востребуемыми накопленные знания и опыт, когда его лишают дела, на которое он положил много сил и которому отдал много лет своей жизни.

Я продолжал часто встречаться с Владыкой и после января 1995 года – он оставался викарным архиереем в Волоколамске и игуменом Иосифо-Волоцкого монастыря. Как и раньше, Владыка служил на Пасхальной седмице во всех храмах благочиния: в пятницу и субботу – в двух храмах г. Волоколамска, в Фомино воскресенье – в Преображенском храме с. Спас, на Радоницу – в Сретенском храме с. Пески. В нашем Преображенском храме Владыка часто служил 19 августа на престольный праздник и 9 июля на праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери, на который собиралось духовенство и прихожане из других храмов благочиния. (Кстати, в 1970-е годы Владыка из-за временного отсутствия священника служил почти месяц иерейским чином в Сретенской церкви с. Пески, совершая там и требы – крестины, отпевания покойников и т. д.; а в Преображенском храме с. Спас во время болезни священника служил по субботам и воскресеньям.)

В августе 1998 года мне исполнилось 60 лет, и Владыка приехал ко мне в Спас поздравить и послужить вместе со мной; одновременно приехал и тогдашний главный редактор Издательства Московской Патриархии епископ Бронницкий (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский) Тихон. Это богослужение в нашем храме, совершенное двумя архиереями, – самое яркое и незабываемое событие в жизни нашего сельского прихода и моей жизни.

Последний раз я видел Владыку Питирима в день обретения мощей преподобного Иосифа Волоцкого – это произошло 12 июня 2003 года. Вечером была служба – мощи уже лежали в ковчеге, а после всенощного бдения все служащие иереи положили мощи в раку. Теперь в Русской Православной Церкви есть еще один день памяти преподобного – день обретения его мощей.

В последние годы жизни Высокопреосвященного Владыки я многократно встречался с ним по издательским делам Иосифо-

Волоцкого монастыря. В 2000 году при моем участии была издана Библия, в 2001 году – «Православный молитвослов и Псалтирь», а в 2005 году, уже после смерти Владыки – Новый Завет (все эти книги тиражом 5 тыс. экз.). Издание Нового Завета Владыка поручил мне еще при жизни в 2002 году, подарив для работы экземпляр издания 1979 года с дарственной надписью:

«Доброму другу и соиздателю о. протоиерею Игорю в светлый день Святой Пятидесятницы.

† М. Питирим. 2002 г.».

В 2003 году мною был подготовлен оригинал-макет этого издания, но издать его в то время не удалось из-за отсутствия в монастыре необходимых средств.

Последний раз я говорил с Высокопреосвященным Владыкой по телефону 28 августа 2003 года, когда он приезжал на престольный праздник монастыря. Первый вопрос, который задал мне Владыка: «Как Новый Завет?» Я ответил ему: «Макет готов, вопрос только в деньгах». Владыка ответил: «Деньги есть». Но после этого разговора мы с ним не виделись и не говорили. Я, как и многие, надеялся, что Владыке станет лучше, мы увидимся с ним и продолжим наше сотрудничество.

После кончины Высокопреосвященного я не мог не выполнить его поручения. В 2004 году для издания был сделан новый набор текста, более крупным кеглем, выполнено новое художественное оформление. На авантитуле отпечатано: «Настоящее издание посвящается светлой памяти Высокопреосвященного Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского». На обороте титула приводится аннотация к изданию, записанная мною со слов Высокопреосвященного Владыки.

Много чувств, связанных с моим общением с Владыкой Питиримом, наполняют мое сердце, но описать их и выразить словами не хватает моих способностей, поэтому я ограничиваю свои воспоминания этим довольно неполным перечислением фактов, встреч и общений.

Я премного благодарен Господу за то, что Он даровал мне счастье многолетнего общения с выдающимся архипастырем

Русской Православной Церкви, тонким и чутким человеком, человеком особой души, получившим от Господа множество талантов.

Протоиерей Игорь Бондарев, настоятель храма Преображения села Спас Волоколамского района Московской области

Памяти митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

На отпевание митрополита Питирима, которое Святейший Патриарх Алексей II совершил 7 ноября, пришли десятки священнослужителей и многие сотни верующих. Среди них было немало пастырей и мирян, которые начали служить Церкви в те годы, когда присутствие в ней интеллигенции кому-то казалось чудовищным недоразумением, а кому-то – маленьким чудом и залогом будущего возрождения. Тонкая интеллектуальная прослойка в тогдашнем церковном организме во многом объединялась именно вокруг Владыки Питирима – председателя Издательского отдела Московского Патриархата, главного редактора «Журнала Московской Патриархии».

В шестидесятые-восьмидесятые годы деятельность единственного церковного издательства была каждодневной борьбой. Совет по делам религий при Совете министров СССР жестко ограничивал тиражи, номенклатуру и объем изданий, проверял «на мракобесие» каждую строчку журнала, требовал полного отказа от упоминания о чудесах и знамениях, от положительных оценок тех церковных деятелей начала XX века, которые противостояли революции и красному террору. Однако даже находясь в жестких тисках, издательство смогло выпускать насыщенный мыслью журнал, издавать и понемногу распространять Библию, печатать богослужебную литературу.

Через Издательский отдел прошло несколько поколений церковных тружеников. Молодые люди с хорошим светским образованием, которым из-за кадрового диктата властей было трудно устроиться даже пономарями в московские приходы, принимались на работу в Отдел или становились его внештатными сотрудниками – переводчиками, авторами, редакторами, – а затем поступали в семинарию и принимали священный сан. Так начали «профессиональную» церковную деятельность архиепископ Новосибирский Тихон, епископы Венский Иларион, Пермский Иринарх и Брянский Феофилакт, архимандрит Тихон (Шевкунов), протоиереи Владимир Ригин и

Александр Макаров, многие другие известные московские пастыри.

Владыка Питирим не делал ошибки, свойственной многим тогдашним руководителям, – не проверял за подчиненными каждую мелочь. Он был живым хранителем эталона того, как надо писать, говорить, поступать. Ему были свойственны глубочайшая церковная культура и изысканное чувство вкуса. Он не терпел неуклюжести при богослужении – как «лапотной», так и «интеллигентской». У него вызывали иронию елейные тексты, попытки подделать церковный стиль, вычурно-«православная» манера одеваться и держаться в обществе. При этом он был настоящим хранителем церковных традиций. Свои молодые годы будущий митрополит провел среди тех, кто застал дореволюционную церковную жизнь, – он был иподиаконом и помощником Патриарха Алексия I, учился у наследников «старой» богословской школы, которые в сороковые годы вышли из лагерей и вскоре скончались. Он прекрасно знал церковную Москву, мог часами рассказывать о ее традициях и притчах, знал каждую священническую могилу на центральных московских кладбищах, куда часто приходил «проведать» духовенство прежних десятилетий.

Его интересовали естественные науки, техника, политика, философия, искусство, да и вообще буквально все стороны жизни. Владыка играл на виолончели, был прекрасным редактором и самобытным фотохудожником, умел общаться с людьми самых разных кругов и статусов. Не случайно его богослужения в храме Воскресения словущего на Успенском Вражке привлекали ученый мир и творческую интеллигенцию. Не случайно и то, что в перестроечные годы он одним из первых церковных иерархов вышел на телевидение, смог установить контакты с министрами, академиками, другими известными в позднесоветском обществе людьми. Немало представителей духовенства критиковали его за «излишнюю» активность и вообще за «светскость». Однако беседы Владыки с тогдашним истеблишментом стали для многих его представителей буквально первым контактом с Церковью. Эти люди вдруг, неожиданно для себя, начинали понимать: Церковь – не

сборище темных старушек. В ней есть умные и культурные люди, имеющие что сказать стране и миру.

Владыка Питирим имел много друзей на Западе. Выставки, организованные им в конце восьмидесятых годов в Германии и других странах, открыли живую Русскую Церковь для тех, кто давно похоронил ее. Его участие в многочисленных межхристианских, межрелигиозных, церковно-общественных встречах всегда было содержательным и ярким.

Впрочем, при всей своей общительности Владыка не был «свойским попом», не любил фамильярности и «дружеских» тусовок. Он редко кому открывал душу. Став народным депутатом СССР, он буквально убегал со съездов на богослужения и, входя в храм, говорил: «Какой контраст»! Вообще он много служил, стараясь никогда не пропускать значимых дней церковного календаря. Менее чем за месяц до кончины митрополита, когда Святейший Патриарх Алексий посетил умирающего в госпитале, тот посетовал, что не может приехать в храм, и сказал Патриарху: «Я живу от праздника до праздника». Действительно, так проходила вся жизнь почившего архипастыря. Да дарует ему Господь вечное торжество, вечный Свой праздник.

Протоиерей Всеволод Чаплин, заместитель председателя ОВЦС

Воспоминания о митрополите Питириме

Мои воспоминания – это не продуманная повесть о жизни владыки; думаю, что для написания таковой вообще еще не пришло время. Но и те разрозненные заметки о нем, которые я решаюсь представить читателю, дополненные словами и мыслями многих других людей, все же, надеюсь, послужат хотя бы мелкими штрихами к будущему портрету владыки, который, вне всякого сомнения, войдет в историю Русской Православной Церкви.

Начало

Начну с моих отроческих воспоминаний: о Владыке мне рассказывала моя бабушка Клавдия Георгиевна, которая жила в Сергиевом Посаде тем, что выращивала цветы и продавала их на рынке. Она говорила, что Владыка Питирим, выходя из Академии после воскресных или праздничных служб, всегда заходил на рынок и покупал у нее большой букет (иногда даже несколько). Шел он всегда неторопливо, торжественно; иногда проезжал на машине (обычно после Академии он ехал к себе на дачу)... Так что первый образ в моей памяти – знаменитый профессор, епископ (или тогда еще архимандрит), покупающий у бабушки цветы...

Бабушка говорила еще, что когда Владыка только учился в Академии и не принял еще монашества, женская половина города считала его самым завидным женихом: красивый, статный, имевший замечательные усы... Составить себе представление о том, как он тогда выглядел, можно, посмотрев фильм об избрании и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, – там будущий Владыка впервые иподиаконствует у Святейшего и стоит рядом с Патриархом во время его облачения (этот фильм Владыка потом часто показывал).

Издавна была знакома с Владыкой и другая моя бабушка, Анна Михайловна, жена моего деда отца Павла Флоренского. Но еще ближе к нашей семье был отец Иннокентий, ближайший помощник Владыки Питирима, его первый иподиакон с 1963

года (он-то впоследствии и пригласил меня в Издательский Отдел). Узнав о том, что в Сергиевом Посаде живет вдова Флоренского, о. Иннокентий (в то время – Толя Просвирнин) стал часто к нам заходить, опекать ее, расспрашивать об отце Павле, записывать ее воспоминания. Один раз с этой целью он принес в портфеле магнитофон и начал делать запись, не спросив на то разрешения, что чуть не привело к скандалу: хотя Флоренский в 1958 году был уже реабилитирован, но и 1960-е годы были еще временем страха... Впрочем, чистота намерений юного Анатолия была вне сомнений, ему только сделали соответствующее внушение, не отлучив от дома и отнеся инцидент на счет юношеской горячности...

После окончания школы я поступил в историко-архивный институт, и когда заканчивал его, уже начались разговоры о том, чтобы мне поступить на работу в Издательский отдел. Со мной также учился Николай Моисеев (нынешний епископ Брянский Феофилакт), я с ним знаком с июля 1970 года, когда мы еще абитуриентами работали на уборке территории института. С тех пор мы с ним двадцать лет были вместе: пять лет учились в институте на одном факультете («Исторические архивы»), по окончании нас направили в один архив, потом вместе работали в Издательском отделе (правда, я пришел туда немного раньше: меня на год призвали в армию, а он должен был три года отработать по распределению); оба были иподиаконами у Владыки, вместе учились в семинарии, в академии – и так до 1990 года, когда я уехал на Валаам, а он вскоре стал настоятелем Гефсиманского Черниговского скита...

Когда я вернулся из армии, отец Иннокентий сказал мне: переходи в Издательский отдел, и привел к Владыке в кабинет. Это было в ноябре 1976 года. Беседа была недолгой – Владыка знал всю нашу семью, слышал обо мне, образование мое весьма подходило для работы в Отделе, поэтому он сказал только: поступай под начало отца Иннокентия, помогай ему, он введет тебя в курс дела; а все остальное – потом... Под остальным понималось – семинария, иподиаконство и т. д., словом – церковное служение... Так я был принят в Издательский отдел.

Работа в Отделе

Она была очень интересной и захватывающей. Мне выпало счастье принять участие в осуществлении таких больших проектов, как издание богослужебных Миней в 24 книгах, «Настольной книги священнослужителя» в восьми томах, в написании и редактировании ряда статей для «Журнала Московской Патриархии», «Богословских трудов» и т. д. Приходилось участвовать и в редактировании текстов самого Владыки, который, надо сказать, к редакторской работе относился чисто профессионально, без всяких амбиций (что, мол, раз я так написал – так и оставьте). Написав какой-то текст, он давал его нам, своим сотрудникам: редактируйте; посмотрев нашу правку, еще и укорял: что так мало сделали? – снова редактировал сам, отдавал на перепечатку, а потом опять нам; смотрим – вновь все позачеркнуто; говорим: Владыка, ведь мы и Вы этот материал уже смотрели; ну и что же, отвечает он: сколько смотрю, столько буду править; вы должны были мне помочь, но не все исправили, придется мне...

В подтверждение необходимости подобной работы Владыка любил рассказывать случай с преподавателем Академии протоиереем Алексием Остаповым, который очень обижался, что его работы в Журнале чересчур редактируют; тогда Владыка однажды взял и поместил статью профессора как есть, без редакции, – и тот пришел в ужас²... Одним словом, как редактор Владыка действительно был на своем месте...

В нашей работе Владыка предоставлял нам очень большую свободу действий. Так, когда мы начали работать над Минеями, Владыка разрешал включать в них новые службы, которых не было в дореволюционных Минеях, – лишь бы они были когда-то опубликованы, т. е. имели благословение; в прежние времена для включения новой службы в Минею требовалось чуть ли не решение Синода, потому что включение в Минею означало изменение Устава. Но мы убедили Владыку и он согласился с нами, что Минеи – это не Устав, а такая богослужебная книга, в которой могут быть представлены все когда-либо напечатанные службы. К сожалению, в некоторых из таких новых служб встречались и ошибки и их все же следовало лучше

редактировать; но в то время мы сами были недостаточно грамотными...

Иногда Владыка принимал очень смелые решения. Так, когда я нашел вторую службу мученику Уару (в которой говорится, что святой Уар имеет благодать молить Бога за «поганных» – умерших без крещения) и, увидев, что это из ряда вон выходящая служба, обратился к Владыке с прошением благословить ее публикацию – то он написал мне в резолюции, что это «великолепная служба, первый раз вижу такой подход, обязательно ее надо опубликовать». Сейчас уже пошли искажения: призывают служить молебны за некрещеных; в службе Уару, конечно, такого нет, там говорится, что надо молиться Уару, а уж как он будет ходатайствовать за некрещеных – это его дело. А потом там речь идет о «поганском роде», то есть о некрещеных предках христиан, что эти предки могут как-то соприкоснуться с милостью Божией в своих детях... И Владыка богословски оценил эту службу и дал резолюцию, которую не каждый архиерей решился бы дать...

Значительную свободу Владыка Питирим предоставлял нам и в отношении наших командировок: езжайте, куда хотите, говорил он, пожалуйста, только занимайтесь...

Непосредственно с Владыкой рабочие моменты мы обсуждали не часто – в основном он давал нам указания через отца Иннокентия. Но были моменты, когда мы взаимодействовали непосредственно. Так, я не раз обсуждал с ним вопрос о молитвах в Минеях: ему не нравилось, когда мы стали помещать в Минеи длинные молитвы. Он говорил: ну кому нужны такие длинные тексты; ну, помещайте, что сделаешь, раз они опубликованы; но я сам сокращаю их во время чтения. Вот увидите: если будут помещены молитвы краткая и длинная, то духовенство обязательно будет читать краткую. Помню, он мне говорил: ну, попробуй, сократи сам и дай второй вариант. Показываю Владыке, что у меня получилось, а он говорит: нет, надо еще сокращать, разве не видишь, что можно язык сломать? Сейчас я, конечно, вижу и сам, что многие из этих молитв тяжеловаты: бывает, я сам не понимаю, что читаю, – а что из этого может понять простой

верующий в храм? разве удивиться сей великой и непонятной премудрости? Мои отношения с Владыкой в Отделе складывались не всегда безоблачно. В частности, я недоумевал, почему Владыка не дает мне, несмотря на мои два образования и большой опыт работы, возглавить богослужебный отдел. Еще один конфликт случился, когда, как говорится, «в сферах» возникла и прорабатывалась мысль о посылке меня в Русскую Духовную Миссию в Иерусалим. Тогда председателем ОВЦС был Владыка Филарет, и это дело я обсуждал с ним. И, конечно, когда Владыка Питирим узнал об этом, он пришел, скажем так, не в ярость, но в очень большое огорчение, что такой вопрос обсуждается помимо него. Конечно, в этой истории мои действия были мало сказать неправильными и нетактичными – по-христиански и даже просто как сотрудник Издательского отдела я должен был первым делом сообщить обо всем митрополиту. Но я понимал, что это бесполезно, он не захочет терять своего сотрудника и зарубит эту идею на корню... Как бы то ни было, но Владыка, узнав обо всем, говорил мне: ну что ж, старайся, старайся, дело твое, ты сам пошел на это, сам и пытайся, смотри только потом об этом не пожалей... А позже, когда все эти планы (думаю, не без его участия) расстроились, он мне сказал: характер у тебя очень упрямый, ты во что бы то ни стало всегда хочешь настоять на своем, но учти: в церковной жизни тебе это очень помешает и может полностью разрушить твою карьеру; конечно, живи, как хочешь, но я тебе скажу: на этом деле ты можешь споткнуться. Наверное, он был прав, и действительно, карьера в обычном понимании у меня не состоялась...

Издательство как монастырь

Руководя Издательским отделом, Владыка имел еще и некую более высокую цель, сверхзадачу: создать в нем своего рода братство. Он говорил нам: надо создать монастырь, но не как там у вас в Лавре, да и в любом современном монастыре, где не столько молятся, сколько осуществляют хорошо отрепетированную театральную постановку (конечно, в хорошем смысле). А вот подлинного братства – трудового, идейного – нет нигде. И он пытался такое братство создать у нас. Нельзя

сказать, что результаты были велики: многие ведь приходили не для того, чтобы послужить делу христианского просвещения, а чтобы получить сан, после чего уходили на приходы. К тому же Владыка предъявлял своим соратникам очень высокие требования и считал многих своих сотрудников (в том числе и в священном сане) малоспособными для того великого дела, к которому призван Издательский отдел, что также побуждало их уходить.

Но Владыка пытался нас как-то развивать, проводя с нами различные занятия. Он давал нам разные книги, например, предлагал изучать Поснова³ – потом мы по нему сдавали что-то вроде экзамена. Но Владыка был слишком занят и хватало его ненадолго – месяца полтора-два позанимаемся – и всё. Нам читали и лекции, помню, отец Иннокентий организовал для нас занятия по греческому языку – была такая преподавательница МГУ Лидия Георгиевна Горбунова – ну, конечно, мы на этих занятиях спали, т. к. были очень уставшими; все это оказывалось, к сожалению, нереальным и больше чем полгода не продолжалось... И все же в первые годы моей работы в Отделе у нас действительно сложился настоящий коллектив единомышленников и даже друзей: Леонид Емельянов (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон), Николай Моисеев, Валентин Никитин...

Владыка всегда говорил так: я очень люблю монашество, но очень не люблю монастырь, потому что монахи в монастыре – вечно у них свои мнения, ничего они не понимают, много о себе думают, все время претензии ко мне, сами ходят грязные и видят в этом подвижничество и т. д. Я ему говорил: Владыка, ну как же так, ведь без монастырей не будет и монашества; а он отвечал: ну вот вы поживете – увидите. И еще он говорил: я и вообще-то предпочел бы жизнь семейную, но, к сожалению, не смог найти спутницу жизни, с которой можно было бы создать такую семью, какую я видел у моих родителей и которая мне представляется идеалом христианской семьи вообще, – поэтому я и избрал монашеский путь.

Советы в отношении монашеской жизни Владыка давал хорошие, правда, не очень реализуемые; например, он меня

спрашивал – а холодильник у тебя в келье есть? Я отвечал: Владыка, а зачем? – Ну, как, приезжаешь ты поздно, надо, чтобы продукты были, лекарства... В те времена я был еще послушником, но ездил на работу в Издательский отдел и то оставался ночевать там, то возвращался в Лавру действительно поздно... Так что советы и правда были весьма разумные, однако Владыка не спрашивал меня: в какой келье я живу, есть ли там место для холодильника, а главное: на какие деньги я мог купить холодильник (при зарплате в 120 рублей). Это было обидно: мы знали, что Издательство весьма богато, многие траты нам казались совершенно ненужными, однако нас Владыка далеко не баловал в смысле жалованья... И не только в смысле жалованья: помню, он стоит в своей ризнице около шкафа, смотрит в него и говорит: сколько же у меня подрясников, сколько ряс – никогда мне их не износить, да некоторые уже и не налезают на меня... Но мне он ни разу подрясника не подарил... Потом, когда я уже сам приобрел опыт, то понял почему – все это доставалось ему большими трудами: попробуй, организуй ризницу, найди портниху, которая бы сплетни не разносила, и т. д.; все это очень сложно...

Владыка как преподаватель

Некоторые из нас, в том числе и я, одновременно с работой в Отделе учились в Академии, и для нас Владыка был еще и нашим педагогом, преподавателем. В 1970–1980-е годы лекций Владыка читал уже не так много. И на его преподавательской деятельности также сказывалась в те годы его огромная загруженность: с одной стороны – он, конечно, давно достиг уровня профессора-наставника, а с другой – должность воспитателя студенчества требует постоянной повседневной работы, ежедневного присутствия, а этого у него как раз и не получалось...

Представление о его невероятной занятости дает следующий случай. В то время на покое в Лавре проживал архиепископ Сергей (Голубцов), его однокашник. Не раз он передавал свою просьбу к Владыке навестить его в келии, а Владыка все не заходит и не заходит; наконец он пришел и... тут же заснул, сидя на стуле... Владыка Сергей его будит и

говорит ему: так нельзя, Владыка, вам нужно отдохнуть, иначе вы себя доведете до нервного расстройства...

Обычно первые несколько лекций, когда он давал общий обзор Евангелий, говорил об особенностях каждого евангелиста и т. д., – у него были просто блестящими: это была полупроповедь-полулекция, точнее, проповедь, оснащенная богословскими экскурсами, или лекция, носившая черты возвышенной поэтичности. А дальше бывало так: он уезжал за границу или еще по каким-то причинам не мог приезжать в Академию, иногда его заменяли другим преподавателем, иногда (чаще) – нет; и вдруг он неожиданно приезжал (бывало, и без всякого предупреждения), и было видно, что к занятиям он не подготовился. Обычно все дальнейшее разворачивалось по одному из двух сценариев: либо он рассказывал всякие истории из жизни Церкви, из своего опыта, случаи большей частью занимательные и, конечно, назидательные. Но бывали и такие сцены:

– Давайте приступим к занятиям. Откройте Евангелие.

А в те годы Евангелие не так просто было достать, свои книги были человек у трех из всего класса, а остальным надо было брать в библиотеке. Ну как тут заниматься? Владыка сидит на кафедре, сложив руки. Молчание.

– Почему не принесли Евангелие на урок?

Молчание. Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Тогда мы, как иподиаконы Владыки, толкаем кого-нибудь: попросите прощения. Поднимает руку Иларион, наш староста с Украины (теперь архимандрит, духовник Академии):

– Владыка, можно обратиться? Владыка, простите нас, пожалуйста!

Владыка в гневе:

– Что значит простите, причем здесь – простите? Что мы будем делать?

Тут мы опять подсказываем: скажи, что из библиотеки принесем.

– Владыка, разрешите сходить в библиотеку и принести.

– Ну, несите.

Пока принесут из библиотеки книги – урок и кончился... Сначала после таких историй мы очень переживали, волновались, но потом привыкли и смотрели на все происходившее спокойно.

Бывало и так, что Владыка говорил: «Ну вот, к уроку мы не подготовились, поэтому давайте просто почитаем Евангелие», после чего Владыка читает какое-либо зачало, а потом спрашивает: «Теперь рассказывайте: что у вас возникает по чтении этого отрывка, какие мысли и чувства?» Кто-то начинает: Златоуст говорит, что... А Владыка: нет, не надо мне Златоуста, вы скажите, что вы сами чувствуете? – Встает другой: Владыка, святые отцы это место толкуют в том смысле, что... А Владыка опять: да нет, попробуйте обойтись без святых отцов и воспринять этот текст так, будто в первый раз его слышите...

Еще у Владыки был любимый педагогический прием (его усвоил и отец Иннокентий): «Вот, я сейчас буду учить вас научной работе. Берите лист бумаги или перфокарту, очеркивайте поле, здесь пишите тему, а здесь – все, что вы можете сказать по поводу этой темы. И вот у вас должен быть набор таких карточек, которые вы мне можете показать и которые раскрывают такой-то вопрос (например, представляют собой комментарий главы из Евангелия)»... Нас такая технология работы как-то не очень увлекала – ведь в то время уже появились компьютеры. .. Бывало, старые воспитанники Владыки нас спрашивали: ну что, про карточки еще рассказывает? – Рассказывает. – Ну-ну... А они учились у него лет двадцать назад...

Но я могу свидетельствовать о том, что Владыка постоянно беспокоился о том, не теряет ли он контакт с молодежью. По этому вопросу однажды у меня произошла с ним интересная беседа в Успенском соборе Лавры. Это было в году, наверное, 1994-м, когда я сам уже работал в Академии, а Владыка там уже не преподавал. (Кстати, то, что его в начале 1990-х годов отстранили от преподавания в Академии, – конечно, безобразие: хотя тогда был финансовый кризис и сократили сразу 20 преподавателей, но Владыку-то надо было оставить, если и не преподавателем Нового Завета, то хотя бы для

чтения пастырских вступительных лекций...) Владыка интересовался, как я веду занятия, и мы с ним обсуждали, надо ли излагать православное вероучение более светским языком; при этом я говорил о том, что молодежи Церковь интересна в своей основе, и этот интерес не повысится, если начать ее осовременивать. В конце разговора Владыка сказал: ну, ты как-нибудь зайди ко мне – чаек попьем и продолжим разговор на эту очень важную для меня тему... К сожалению, все это так и осталось неосуществленным...

Владыка как богослов

Еще студентом Академии я смотрел в библиотеке кандидатскую работу Владыки: мне было интересно, каков Владыка как научный работник. И я увидел, что эта работа, посвященная гносеологии Симеона Нового Богослова, действительно очень серьезна и глубока. Помню также рассказы митрополита о том, как увлеченно собирал он библиографию к теме по разным библиотекам.

Потом, после кончины митрополита Антония (Мельникова), Владыка сам возглавлял «Богословские труды», и надо сказать, что как богослов он был человеком очень хорошо подготовленным. Но, конечно, времени что-то писать самому у него не было. И Владыка говорил так: я, конечно, хотел бы заниматься богословием, но заниматься этим серьезно сейчас для меня абсолютно невозможно, я плаваю по поверхности, это все пена, а для настоящих занятий необходимо погрузиться в глубину... Поэтому нечего и думать изображать из себя богослова; сложишь жизнь по-другому, может, я и стал бы богословом... Такие слова и самооценка лишний раз подтверждают духовную трезвость Владыки...

Три периода жизни

Я слышал много критических отзывов в отношении воспоминаний, которые вышли у Владыки: мол, записывали их женщины, все там неверно... Я скажу так: там все абсолютно верно. От себя я добавил бы еще вот что: жизнь Владыки как бы делилась на два периода – до кончины Патриарха Алексия I и после. В первый период – все было хорошо, все было интересно, все было радостно. Во второй – все стало обыденно,

рутинно (может, потому его так привлекали заграничные поездки: новые люди, новая деятельность)... Так Владыка и мыслил, и жил. Был и третий период – последние девять лет его жизни, когда митрополиту пришлось уйти из Отдела.

Значительную часть своей жизни он посвятил тому, чтобы сделать Издательский отдел более самостоятельным в своей деятельности. Ведь по старому Уставу Русской Православной Церкви Издательство не было Синодальным отделом, а потому, как Пенсионный и Учебный комитеты, подчинялось Управлению делами Московской Патриархии. Сейчас уже нет прежнего Издательского отдела, но существующий вместо него Издательский Совет уже является, как и Учебный комитет, Синодальным отделом.

Богослужение

Богослужение для Владыки было делом самым первостепенным. Например, свои именины он отмечал тем, что уезжал в Лавру и служил там в церкви Смоленской иконы Божией Матери в день празднования этой иконе, который как раз совпадает с днем памяти святителя Питирима Тамбовского. И так как в 1970-е годы в Лавре не разрешали служить во всех храмах, то в этом храме служили вообще чуть ли не раз в году, именно в этот день и именно по настоянию Владыки. Но потом, говорят, все же и Владыке сделали замечание: мол, знаете, народ вас хочет поздравить, собирается в ваш храм на улице Неждановой, а вас там нет, получается неудобно. После этого он стал служить в свои именины в Москве.

В отношении стиля богослужения Владыка руководствовался примером Патриарха Алексия I. Святейший вообще был для него идеалом архипастыря, и он очень многое от него впитал. А для самого Алексия I идеалом был святитель Филарет (Дроздов). Владыка рассказывал, что у Патриарха всегда лежало на столе собрание проповедей и резолюций Филарета и он в нужных случаях говорил: ну-ка, посмотрим, что там у Филарета есть по этому вопросу; листал он эти книги и просто так, чтобы что-то оживить в памяти... Конечно, издать труды святителя в те годы было невозможно, он был под запретом как монархист и реакционер; но для внутреннего

употребления, говорил Владыка, мы всегда должны ориентироваться на Филарета (в 1960-х годах ему все же удалось напечатать в Журнале четыре проповеди святителя).

И сейчас можно услышать от многих священников, что традиционный московский стиль служения – строгий, но не монашеский и не «поповский», а настоящий церковный стиль – это то, как служил митрополит Питирим; а он, конечно, научился этому у Патриарха Алексия.

Из всех праздников Владыка больше всего любил Вознесение. Он считал, что Вознесение – это вершина евангельской истории, вершина богословия, к тому же его и рукоположили на праздник Вознесения. В этот день он всегда служил в особом белом облачении, подаренном ему Патриархом Алексием I. Был у него и замечательный омофор, который он надевал в этот день, и когда мы однажды забыли этот омофор, Владыка разгневался и со словами: я целый год жду, чтобы его одеть, а вы его забыли? – послал во время службы одного из иподиаконов (Виктора Казанцева) привезти его на машине из Издательства; и когда омофор был привезен к середине службы, все же надел его и продолжал служить в «правильном» облачении...

Кстати об отношении Владыки к иподиаконам: прежде всего их у него было очень много; скажем, служат вместе с ним в какой-нибудь высокаторжественный день пять архиереев, так у них у всех вместе иподиаконов было меньше, чем у одного Владыки Питирима (вокруг него вообще всегда было много молодежи). При этом он хотел, чтобы каждый из иподиаконов умел делать всё. У других архиереев совершенно не так: скажем, если ты выходишь с трикирием, то так всегда и будешь выходить... А Владыка требовал, чтобы мы все время менялись: сегодня ты пономаришь, завтра – держишь рипиду и т. д. Конечно, нам было трудно все это освоить, от того и случались ошибки... Чаще всего Владыка делал вид, что не замечает их, и нам говорил: не обращайтесь внимания, в народе этого никто не заметит. Так всегда бывало, когда Владыка служил в гостях. Когда же он служил у себя в храме – бывало по-разному: то все шло спокойно и благостно, а то – просто

гром и молния и чуть ли не табуретки летали – так мы его расстраивали своей неумелостью...

Теперь в отношении его храма в Брюсовом переулке: его положение там было до некоторой степени неопределенным – ведь он не был в нем настоятелем. И когда мы говорили Владыке: вот надо бы то или то поправить, он нам отвечал: я не настоятель. Он считался только почетным настоятелем и всегда это подчеркивал: в жизнь храма я не вмешиваюсь. Хотя, конечно, большинство вопросов с ним согласовывалось.

К попыткам что-то улучшить в храме, обновить, он относился очень осторожно. Например, уже в новейшие времена ему пытались навязать какой-то полупрофессиональный квартет, но он это начинание, как говорится, спустил на тормозах: квартет попел какое-то время, а потом исчез. Спрашиваем его: почему? – а он отвечает: ребята консерваторские, пришли-ушли, никто не знает, придут ли снова... А на бабушек всегда можно положиться... И в этом сказывалась его церковность, он считал, что следует опираться на людей, которые не отступили от Церкви в тяжелые годы государственного атеизма. Действительно, на клиросе в этом храме были замечательные бабушки (помню, одну звали Варвара), которые пели там до самой смерти.

Пытался у него петь и профессиональный хор Анатолия Гринденко, но Владыка говорил, что церковное пение надо, конечно, развивать, но не в храме; в храме же был осторожен и считал, что предпочтительнее общенародное пение. Но и здесь он не любил новаций: однажды отец Иннокентий, к которому приехали из другой епархии несколько женщин, на одной из служб решил сделать Владыке подарок: перед началом расставил их по храму и сказал прихожанам: сделаем так – они будут запевать, а вы подхватывайте... И что из этого вышло: «Символ веры» они еще как-то спели, но когда попытались начать пение евхаристического канона (при этом отец Иннокентий подбадривал всех, мол, давай-давай!), Владыка вышел и резко все это оборвал, сказав: прекратите это безобразие, а Иннокентию потом: что ты лезешь не в свое дело, надо готовиться к пению, а не петь как попало... В храме у него

был свой хор под управлением Ариадны Рыбаковой, конечно, довольно светский, но для рядового московского храма хороший; Владыка брал его с собой и за границу, и этот хор обычно имел большой успех...

Волоколамск

Особо нужно сказать о поездках в Волоколамск. С одной стороны – он тут отдыхал, с другой – пытался привлечь в такие поездки иностранцев... Когда монастырь стали возрождать, он со многими людьми обсуждал вопрос о том, чтобы привлечь к этому делу немцев: раз немцы его разрушили, они и должны дать на его возрождение деньги. Был и такой полужанитарный проект: провести трассу из Прибалтики, которая будет проходить мимо монастыря; на ней через каждый километр поставить придорожные кафетерии, чтобы был доход монастырю, и т. п. – и все это обсуждалось на полном серьезе. Потом он устраивал в монастыре летом спортивно-молодежный лагерь. Но с налаживанием там собственно монашеской жизни, к сожалению, ничего не вышло. Зато при его наместничестве (в конце 1999 года монастырь стал ставропигиальным) произошло главное духовное событие в новейшей истории обители – обретение святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого...

Приезжая в свою Волоколамскую «епархию», Владыка особенно любил посещать самый дальний приход в Песках, где жила недавно скончавшаяся баба Надя, запечатленная, кстати, в известном фильме о митрополите Питириме «Архиерей»; она его всегда встречала, топила ему баньку, он в этой баньке парился (конечно, один – мы в это время где-нибудь гуляли), потом бегал прыгать в пруд... Он всё говорил – люблю ходить по траве босиком, по росе... Конечно, в этих словах – ностальгия по юности: где и когда Владыка мог теперь ходить по росе, живя в мегаполисе и проводя много времени за границей?

Владыка как общественный деятель

Владыка ощущал себя не просто издателем, а церковно-государственным деятелем, и Издательство для него было важно не само по себе, а как дающее ему определенный, достаточно высокий статус, а также потенциальную возможность и способ высказаться («Журнал Московской

Патриархии»). Именно с этим связано его упорное нежелание уезжать из Москвы. Владыку много раз пытались отправить на кафедру – Смоленскую (временно управляющим), Тамбовскую (где как раз был в свое время Пителим Тамбовский), – и он каждый раз возвращался в Москву. Он прекрасно понимал, что вся политика делается в Москве, и если его не будет в столице, то очень скоро, а особенно после смерти Патриарха Алексия I, он просто будет в забвении где-нибудь в провинции.

В своем Издательском отделе Владыка – в годы всевластия КГБ и Совета по делам религий – делал вид, что их не существует. Я знаю, что некоторые архиереи рассказывали своим сотрудникам, как надо общаться с этими структурами, давали им советы на этот счет, учили: мол, вам могут сказать то-то и то-то, а вам надо уметь где-то отстоять себя, а где-то пойти на компромисс... Не бойтесь этого... В нашем отделе все делали вид, будто этого вообще не существует. В годы жесткой цензуры, когда всё надо было согласовывать с Советом по делам религий, отец Иннокентий говорил: какой там Совет, он нас не трогает, у меня за все время только один раз одну строчку вычеркнули... Так же держал себя и Владыка – но ведь он мог бы нас предостеречь, сказать: вас будут вербовать, а вы поступайте по совести... Если уж пришлось сотрудничать, то используйте эти связи не для своей карьеры, а чтобы как-то защитить Церковь. Понятно, что всё он рассказывать не мог (вдруг я завтра пойду и заявлю на него), но все же Владыка мог бы как-то помочь нам войти в эту жизнь. Но он был наглухо закрыт...

В начале 1990-х годов в стране появились компьютеры, были они закуплены и у нас и... лежали на складе, почти никто ими не пользовался – боялись (а вдруг кто-то начнет размножать листовки?) Кстати, в конце 1970-х у нас, помню, даже пишущие машинки по окончании рабочего дня продолжали печатывать, когда уже нигде в стране этого не делали... Все же Владыка вырос в этой системе и ему было трудно из нее выходить, да он и не хотел из нее выходить. Ведь он привык быть монополистом и ему всё разрешали: чего еще хотеть? Мы ему говорили: Владыка, Вы можете сейчас Библию издать

миллионным тиражом и будете миллиардером... Но делая так, он рисковал вступить в конфликт с Советом по делам религий, – и еще неизвестно, что будет; а так он со своим Издательством – и без этого уже миллионер...

Владыка и перестройка

Когда наступила «перестройка», Владыка, конечно, перестал попевать за жизнью, начал терять привычные ориентиры, ему было трудно переходить на новые рельсы. В своих воспоминаниях он пишет: началась коммерциализация всего и мне это было противно... Но дело было не только в коммерциализации. Некоторые его поступки той поры были необъяснимы. Вот два воспоминания. Одному случаю я был непосредственным свидетелем: как-то раз я случайно попал на заседание фонда культуры и сидел там рядом с митрополитом Питиримом. Приходит радостный Никита Сергеевич Михалков и говорит: у меня только что была встреча с президентом Ельциным, он дает нам карт-бланш, обещает большие деньги; Владыка, мы хотим ваше мнение услышать, что нам сейчас надо делать, с чего начинать?... А Владыка на полном серьезе отвечает: вот я сейчас возвращался из провинции (не помню, из Тамбова или из Смоленска) и зашел в лес подышать; смотрю – лес весь загажен. Так вот, надо возродить дружины (наподобие пионерских), которые мы будем посылать в лес; они будут там собирать банки и таким образом мы поднимем патриотизм, улучшим экологию... На таком серьезном заседании – и говорить о собирании банок? – я так и не понял: то ли он смеялся над ними, мол, собрались тут думать о культуре и не знаете, с чего начать, – то ли говорил вполне серьезно...

Другая знаменитая история – как Владыка с архимандритом Тихоном (Шевкуновым) собирались совершить поездку по русскому Северу. В то время в стране разрушались целлюлозно-бумажные комбинаты, и Владыка хотел договориться с ними о заключении контрактов на поставку бумаги на несколько лет вперед; выгода Издательства состояла в закупках материалов по фиксированным ценам в условиях идущей в стране инфляции, комбинаты же получали столь необходимые им на сегодняшний день оборотные денежные

средства. Причем задумывалась эта поездка как просветительская, в ней должны были участвовать и выступать перед рабочими известные писатели, такие как Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, артисты, хор. Со всеми всё было согласовано, осталось только взять билеты. Но когда отец Тихон позвонил Владыке и сказал: ну всё, берем билеты, – тот отвечал: какие билеты, куда? – нет, всё отменяется... Это было где-то в начале 1990-х годов. Конечно, сейчас задним числом понимаешь, что поездка эта, возможно, была авантюрой; может, Владыка действительно подумал, что глупо заключать какие бы то ни было договора на много лет вперед в условиях, когда всё вокруг рушится; но ведь дело было согласовано с людьми серьезными, от него просили ответа и он дал согласие... У Флоренского в его работе «Имена» есть статья «Константин», где утверждается, что человек с таким именем, по этимологии вроде бы обязанный быть постоянным, на самом деле более непостоянен, чем человек с любым иным именем. Владыка Питирим, первое имя которого было Константин и который часто отменял свои решения так, словно их никогда и не было, – вполне соответствует такой характеристике отца Павла...

В политическом отношении Владыка искренне не верил, что Горбачев и вся коммунистическая система в одночасье рухнут. Но не только он – многие архиереи не спешили принимать перестройку с ее новшествами, аргументируя так: а вдруг вернется старое, и что мы тогда будем делать?..

В результате, когда перестройка уже шла полным ходом, Издательский отдел подвергался серьезной критике за то, что боится печатать правду о репрессиях против Церкви, когда эта правда уже печатается в «Огоньке» и других изданиях; что не издает нужную литературу, когда она уже выпускается другими издательствами; за то, что в нем редактируют направленные в «ЖМП» статьи так, что от них ничего не остается... Правда, нельзя не сказать, что порой нам присылали такие слабые тексты, что просто было стыдно за их авторов, их нельзя было не редактировать, – но люди все равно были недовольны...

Родные Владыки

По своему характеру Владыка был человеком довольно закрытым. Например, его отец был в лагере, был, в сущности, священноисповедником, но он никогда об этом не говорил... Казалось бы, он мог сыграть на этом хотя бы за границей, заявив: мол, у меня тоже отец был в лагере, но все же я положительно отношусь к советской власти, и т. п.; но эта тема была для него полностью закрыта.

С братьями и сестрами он был дружен, да и вся его семья была дружной. Он часто приезжал в Лавру, где у него жила сестра, навещал ее сам, по его просьбе за ней ухаживали и студенты. Он помогал брату. Вообще, семья была большой частью его жизни, но это также было закрыто от посторонних глаз.

Была у него под Москвой дача, и в свое время в «Науке и религии» расписали, что архимандрит Питирим возвел себе целый дворец... Видели бы они, что это была за дача, смешно и сказать... Как-то Владыка решил что-то там отремонтировать, послал одного человека помочь. Тот приезжает на дачу, его встречают две сестры Владыки. – Ну, что делать надо? – Да вот, надо новый забор поставить. – А где доски-то? – Да вот, старые, перебирайте их и из них делайте. – А где гвозди? – И гвозди старые берите, вытаскивайте и снова используйте. Так этот человек распсиховался, ничего не стал делать, а архиерею сказал: Владыка, из чего Вы хотите сделать конфетку? – разве так можно, ведь Вы же митрополит!.. Так что лично для себя он не очень-то и стремился что-либо сделать.

* * *

Завершая эти заметки, хочу отдельно обратиться к тем, кому они покажутся недостаточно почтительными. Мне не раз приходилось писать и редактировать различные жития, я хорошо знаком с этим жанром. Но когда речь идет о воспоминаниях, то они интересны не тогда, когда являют собой род речей на поминальном обеде, а когда показывают живого человека. Именно этим руководствовался и я. А в заключение хочу сказать: сам я глубоко почитаю Владыку и благодарен ему за многое, что было в моей жизни. Чем старше я становлюсь,

тем более остро ощущаю, как не хватает мне общения с Владыкой Питиримом, его руководства.

Игумен Андроник (Трубачев), доцент Московской Духовной академии

Навсегда в истории Церкви

Я могу сразу признаться, что люблю его и не буду скрывать этого, хотя знаю, что церковная общественность относится к нему по-разному. Тем не менее личность митрополита Питирима – со времени его кончины прошло уже пять лет – заставляет нас пристально взглянуться не только в его судьбу, не только в его жизненный путь, но и в тот путь, который прошла наша страна и Церковь в то время, когда митрополит Питирим совершал свое сложное служение, когда он нес и как священнослужитель, и как общественный деятель, и как человек свет, идею, заботу, любовь. Для нас, священнослужителей – тех, кто сегодня служит в Церкви, и для тех, кто был знаком с ним, работал с ним, – отношение к Владыке было как к отцу, и до сих пор мы воспринимаем его как своего старшего наставника, хотя у нас были и другие духовные отцы. Так, несомненно, и должно быть в жизни Церкви, потому что мы поминаем по завету апостола своих наставников. Митрополит Питирим, как бы мы ни относились к тому, что происходило вокруг него, действительно был нашим наставником, он нас воспитал, и это воспитание наложило отпечаток на всю нашу последующую жизнь. И не только на жизнь сотрудников Издательского отдела Московского Патриархата, где мы тогда работали, но и на жизнь наших семей. В частности, в моей семье все любили митрополита Питирима, и даже мой далекий от Церкви тесть, ныне покойный, очень любил его и всегда очень уважительно отзывался о нем. Он был рад, что я имею счастье работать вместе с Владыкой, быть рядом с ним, и что дети мои тоже бывали и в Издательском отделе, и на Рождественских праздниках, и находились рядом с митрополитом Питиримом.

Владыка с детства мечтал посвятить себя священническому служению. И это само по себе уже было подвигом в те годы. Я думаю, не надо объяснять, что в годы, когда он уже юношей во время войны готовился к самостоятельной жизни, служение в Церкви представлялось для него несбыточной мечтой. В начале

1940-х годов, когда на свободе оставалось меньше епископов, чем их сидело и было расстреляно, мечтать о том, чтобы получить духовное образование и стать священником, значило мечтать о несбыточном; сам Владыка говорит об этом в своих воспоминаниях.

Эпоха, которую прожил митрополит Питирим, удивительна, разнообразна и по-своему замечательна. Он родился тогда, когда старый уклад жизни был еще достаточно властен, и он вырос почти что в прежнем укладе типичной духовной потомственной семьи. Но уже в тридцатые годы, когда Владыка мог себя помнить, жизнь семьи священника коренным образом изменилась. В нее вошли аресты, ссылки, скитания без дома и без квартиры, голод, нужда. Но, пожалуй, труднее всего из того, что досталось на долю духовенства того времени, было – воспитать детей в христианской православной вере, передать им живую церковную традицию. Это было самое трудное, и поэтому мы должны прежде всего помянуть родителей каждого священника, которые продолжали воспитывать своих детей в православной традиции. И вот Владыка принадлежал к тем людям, которые сохранили эту традицию живой, действенной, принесли ее в жизнь Церкви, нашего общества, поделились этой традицией с нами. Это уже дар Божий – в роковые тридцатые годы вырасти в такой реликтовой духовной среде, которая постепенно иссохла с уходом из жизни этих людей. Владыка Питирим принадлежал к той духовной традиции, которая жила в русской христианской интеллигенции и которой ныне нет. Как бы мы ни пытались ее реконструировать и восстановить – сделать это, наверное, уже невозможно, к сожалению, мы можем говорить о ней лишь в прошедшем времени. Вообще, в истории Церкви есть особая тема – это жизнь духовенства. Посмотрите в учебниках по истории Церкви – Голубинского, Карташева или других авторов, и увидите, что жизнь духовенства выделена в этих трудах в отдельные, хотя бы и небольшие, главки.

Даже в «Истории древней Церкви» Лебедева существуют главы, посвященные тому, как жило духовенство в ту или иную эпоху. Духовенство всегда было выделено из общей церковной

жизни, и тому есть как объективные, так и субъективные причины. К субъективным я бы отнес национально-исторические условия, в которых жило духовенство. В воспоминаниях митрополита есть такое замечание, что русское духовенство всегда было обречено на нищету. Это касалось не только сельского духовенства, но и городского. Епископы жили, конечно, не нуждаясь, но, как говорит Владыка Питирим, были в значительной степени изолированы и находились в своего рода гетто. Вообще, священник в обществе – это изгой, и семья его – изгой. Не в плохом смысле, как могут быть изгоями люди, презираемые в человеческом обществе, – изгоем может быть и уважаемый человек. Семья священника, дети священника, сам священник в нашем обществе и в обществе дореволюционном всегда находились на особом положении. Требования, которые сформировались в русском обществе, в русской культуре к образу жизни священника, его супруги, его детей, – были очень высокие. Считалось и считается, что священник и его семья вообще люди особые, они как бы святые. В их семье не может быть тех разладов и тех конфликтов, которые бывают в семьях мирян или людей, далеких от Церкви. В душе и личности священника не может быть тех проблем, которые бывают в жизни обычного человека. И жена священника – это вообще как монахиня, как святая. Так думают многие, но это совершенно не соответствует истине, которая заключается в том, что и сам священник, и его семья встречаются с теми же проблемами, что и все остальные.

Но поскольку и церковное, и внецерковное общество относятся к священнику как к особому человеку, и сам он, и его жена, и его дети оказываются в некоторой изоляции, и в этом смысле они – изгой. Это не беда, это просто факт; это нужно иметь в виду, когда мы говорим об истории духовенства, тем более об истории духовенства в советское время. Советское время перевернуло и отношение к священнику – оно, действительно, выделило его как изгоя, как проклятого, как преступника априори. В священника можно было кидать камнями, облить его грязью, в него можно было кидать тухлыми помидорами; молодежь, мальчишки издевались; донос на

священника вменялся в доблесть пионерам и комсомольцам. Я знаю такие духовные семейства, детей которых били в школе только за то, что они были сыновьями священников. И это не могло не отразиться на личности этих священников, которых я знал и знаю, которые служили и до сих пор еще служат в Русской Православной Церкви. Они пережили это в своем детстве, и их дети это пережили. Только в самые последние десятилетия XX века, может, лет за десять-пятнадцать до перестройки отношение к священнику изменилось. И оно сначала было подпольно уважительным, а потом стало и открыто уважительным – в последние годы и тем более в перестройку. И всё это наши батюшки выдержали и вырастили своих сыновей. Не все, конечно, сыновья священников становятся священниками. Вообще, судьба детей священника подчас бывает трагична именно потому, что к ним и Господь, и люди, и Церковь предъявляют особые, иногда невыполнимые требования. А ведь судьба каждой личности уникальна, каждый человек есть для нас и для общества непредсказуемая жизнь. Да, мы иногда ожидаем, что сын священника станет священником или хотя бы пойдет по духовной линии. Однако в жизни бывает далеко не так. И чаще даже, пожалуй, не так. Но для сына (и для дочери тоже) его происхождение не может быть отменено никем и ничем, оно остается в душе, как особая печать.

Владыка Питирим был одним тем уже счастлив, что продолжал древнюю духовную традицию, которой, как он позже напишет, насчитывалось более трехсот лет. Счастье это заключается не в том, что счастливо сложилась его священническая судьба, а в том, что он не разошелся с этой глубокой линией, написанной в сердцах его предков и в его собственном сердце. Счастлив он в том, что не только стал монахом, священником, наконец, епископом, а в том, что продолжил то великое дело служения Церкви, служения людям, служения Богу, которое и может для человека составлять действительное духовное счастье. Среди удивительных откровений, с которыми мы можем познакомиться из его воспоминаний, мне прежде всего вспоминается его выбор. В ту

ночь, когда был арестован его отец, он, еще мальчик, сказал себе: я буду монахом. И, как потом он сам объяснил, это решение было принято именно под воздействием той трагедии, которую пережила вся семья в момент ареста отца. Он понял, что быть священником в нашей стране в то время было лучше так, чтобы твое служение как можно меньше задевало ближних. Быть может, это было детское или отроческое восприятие мира, восприятие судьбы, но решение, которое было тогда принято, так и осталось записанным на скрижалях сердца и потом осуществилось в его жизни.

Последний раз я встречался с Владыкой в институте, а потом уже в университете транспорта, где он учился, будучи юношей. В МИИТе Владыку очень любили, он был для этого института свой и старался сделать для него всё, что было в его силах. По его благословию и при его непосредственном участии там открыли кафедру теологии, на которой пришлось и мне побывать и выступить вместе с Владыкой на первом кафедральном семинаре. На этот семинар пригласили различных специалистов – богословов, художников, писателей; на нем обсуждались самые животрепещущие проблемы духовной жизни, жизни России, ее истории. Это была моя последняя встреча с Владыкой Питиримом, года за два или полтора до его кончины.

Умер Владыка 4 ноября 2003 года, в праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. На его отпевании в Елоховском соборе присутствовало так много духовенства, что мы, молодые священники, пришедшие в самом начале службы, постепенно оказались на периферии, так что мне пришлось стоять около мощей святителя Алексия, то есть довольно далеко от центра храма, где стоял гроб с телом митрополита; и вся служба отпевания, длившаяся несколько часов, проходила в предстоянии сонма духовенства. На отпевании я видел многих людей, которые работали с Владыкой, а среди молящихся, пришедших проститься и поклониться его праху, было очень много лиц, которых никто не знал, поскольку митрополит Питирим был связан с необыкновенно широким кругом российского общества и людей из других стран – это

были представители духовного сословия, политики, ученые, деятели искусств – Елоховский собор был полон, как на Пасху...

А познакомился я с митрополитом Питиримом, когда он только что был возведен в сан митрополита. Я тогда работал сторожем московского храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Переяславской слободе, куда митрополит Питирим любил приезжать молиться. Это было уже после 12 часов ночи, и мы, дежурившие внутри храма, вдруг услышали звонок, что бывало крайне редко. Мы подумали, возможно – это хулиганство какое-то или просто кто-то пошалил. Звонок находится на внешней стороне колонны ворот. Мы подбежали к окнам и увидели машину – черную «Волгу» – и две высокие фигуры.

Даже издали было видно, что это лицо духовное, и мы вышли открывать. Подойдя к воротам, мы увидели, что это Владыка Питирим; его фигуру нельзя было не узнать. Среди всех архиереев она была совершенно замечательная – прежде всего высоким ростом, худобой и длинной бородой, к тому времени уже совсем седой. Я был очень рад и бросился открывать ворота, потому что Владыку Питирима тогда знал и знал, что он уже стал митрополитом. Открыв ворота и взяв первым делом благословение, мы вместе с моим напарником, тоже теперь уже священником Сергием, поздравили его, а он очень скромно, даже не переступая линии ворот, сказал, что, понимаете, дело позднее, он только что вернулся из командировки и просит нашего разрешения приложиться к иконе мученика Трифона (его он всегда почитал) и к иконе Божией Матери «Знамение».

Был декабрь, день или два спустя после нашего престольного праздника. Мы зажгли малый свет в храме, он прошел помолиться, а референта и нас попросил отступить и не докучать ему. Подойдя к святыням, он несколько минут сосредоточенно молился... С той самой поры я всегда помнил, что митрополит опытно знает, что такое молитва.

Конечно, тогда Владыка меня не запомнил; второе же мое знакомство с ним было достаточно заочным, когда я пытался устроиться в Издательский отдел работать, но назначение не

состоялось. Наконец, когда уже началась «перестройка», по рекомендации своего духовного отца я предстал перед светлыми очами Владыки в его кабинете на Погодинской и с тех пор стал сотрудником Издательского отдела Московского Патриархата.

Я с большой радостью вспоминаю все проведенные там мною три с половиной года и прежде всего потому, что это было общение с удивительной личностью. Личность митрополита – это не только высокий сан или высокое звание. Это – удивительная церковная культура, традиции которой ныне утрачены, культура, встреча с которой если и не переворачивает твою жизнь, то производит в душе след, который остается очень надолго, навсегда. Встреча с митрополитом означала, что твоя духовная жизнь, твое понимание Церкви и христианства отныне будут иными.

Работать рядом с ним было непросто. Более того, многие его распоряжения, его идеи были нам не близки; мы спорили – чаще за глаза – боялись открыто возражать Владыке: авторитет его был исключительным и сила его духа, сила его личности были таковы, что возражать просто не было никакой возможности.

Вот приходишь к митрополиту, говоришь Нине Николаевне, его секретарю, можно ли увидеть Владыку? А у него в кабинете всегда кто-нибудь есть. Чаще это были какие-нибудь иностранные гости; в перестроечные годы это были депутаты, артисты, бизнесмены, люди самого разного призвания. Получить аудиенцию у Владыки было крайне тяжело даже нам, ближайшим сотрудникам «Журнала Московской Патриархии». И вот если эта минута наступала и можно было поговорить, то говорилось прежде всего самое важное и самое существенное. Владыка редко смотрел прямо в лицо – он молча слушал и шевелил усами. И вот в какой-то момент он начинал отвечать, и, несмотря на то, что ответ тебе не нравился, возразить ему было невозможно, потому что он посмотрит на тебя голубыми глазами – вроде бы кроткими – но сила этого взгляда такова, что возражать невозможно. Потом на себя злишься: почему того не сказал, почему это не высказал, – но сделать уже ничего нельзя.

Я знаю, что Владыка на нас обижался: мы, к сожалению, не всё исполняли из того, что он нам поручал, не осуществили всех тех замыслов, которые он вынашивал. Но любое общение с Владыкой вспоминаю как благодатный дар встречи. Так бывает в жизни, когда встреча определяет гораздо большее, чем то, что она дала как видимый результат. Есть что-то внутреннее, что-то невидимое, что происходит помимо нас...

Владыка создал современный Издательский отдел. В годы его председательства для него было построено замечательное здание на Погодинке. Это был двухэтажный особняк, из него по сути дела сделано здание в четыре этажа с домовым храмом во имя преподобного Иосифа Волоцкого, который для нас был, конечно, духовным центром, как и кабинет митрополита. В том здании сосредоточились удивительные духовные ценности – множество старинных икон, которые собирались жертвованиями москвичей и не только москвичей. Это были подарки, это были находки. Кроме храма, была удивительная библиотека, хранившая рукописи, которым нет цены и поныне. Мне довелось составлять список этих рукописей: по благословению митрополита я участвовал в этой работе. То, с чем я тогда познакомился, наверное, я никогда больше не увижу и не подержу в своих руках. Была создана замечательная фонотека, в ней хранились записи богослужений и голоса давно ушедших священнослужителей, хоров, удивительных музыкантов – и не только церковных.

Кроме того, в Издательском отделе была замечательная гостиная, которая называлась Каминным залом, – туда приходили многие известные музыканты, артисты, люди самой разнообразной деятельности и происхождения. Бывали там и особы царского рода. Эта гостиная представляла собой галерею живописи, которой могли бы позавидовать многие музеи. Там же была представлена коллекция часов. Из гостиной дверь вела в своеобразный музей фотоаппарата «Лейка». Это всё собирал Владыка. Считалось, что у него огромное богатство, собранное за эти годы благодаря его деятельности, благодаря его широким знакомствам. Его кабинет представлял собой кунсткамеру. В нем было много икон, картин, подарков. Книги громоздились на

его столе, и когда мы приходили побеседовать с ним как с главным редактором, мы садились не вокруг его письменного стола, не вокруг большого стола для совещаний, а за журнальным столиком, который находился в противоположном конце кабинета. Вот там всё по сути дела и решалось: все остальные столы были завалены книгами, рукописями и разными раритетами.

И вот при всем этом Владыка оставался человеком нестяжательным. Я должен это сказать, потому что от многих людей, прежде всего от тех, которые имели отношение к Церкви, я слышал ранее, что Владыка – самый богатый человек среди русских православных епископов. Я приведу один пример, который, мне кажется, можно привести. Я думаю, что Владыка мне простит эту мою нескромность. Я был тогда диаконом и служил вместе с Владыкой в храме в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке. Этот храм в Брюсовском переулке никогда не закрывался и имеет удивительные святыни и иконы. В одно из воскресений Владыка не пришел на службу – он заболел (у него был грипп) и после службы меня направили к нему передать просфору. Я приехал в Издательский отдел (в воскресный день там было пусто), подошел к его кабинету и попросил разрешения войти. Владыка глухо откликнулся из своей комнаты, которая соединялась с кабинетом, и я вошел в нее. В этой комнате я до этого никогда не бывал. Там находились шкафы с его облачением, стояли чемоданы для того, чтобы ехать на служение в Волоколамское благочиние, где очень часто Владыка служил. Но Владыку я и здесь не увидел. Я еще раз попросил его разрешения, Владыка отозвался откуда-то из-за шкафов, и вот тогда я зашел туда с просфорой. Там за шкафами, около голой стены стояла раскладушка, на которой лежал Владыка, накрытый пледом, – больше там ничего не было, а я ожидал увидеть роскошную кровать с балдахином.

Затем я как-то был у него на квартире около метро «Сокол», где он жил вместе со своими двумя сестрами. Здесь я тоже ожидал увидеть роскошь – но это была обычная квартира московского интеллигента, ничего более. Когда я был назначен

в московский храм во имя пророка Илии, что в Обыденском переулке, я первым делом поехал рассказать об этом митрополиту Питириму. Встретил его в коридоре и объявил ему эту радостную новость. (Я тогда только что был рукоположен во иерея). Он поднял свои брови, удивился такому замечательному моему назначению и сказал: «Выше этого уже ничего не может быть». И тогда, набравшись нахальства, я попросил у Владыки, чтобы он подарил мне служебник и подписал его. И до сих пор я этот служебник храню, как самую драгоценную для себя священническую святыню.

И еще одно воспоминание, очень болезненное. Это был конец 1994 года, когда время служения митрополита Питирима на посту председателя Издательского отдела и главного редактора «Журнала Московской Патриархии» подошло к концу. Я случайно оказался в Издательском отделе – не помню, по какой причине. И я увидел: на крыльце стоит Владыка – один, со своей виолончелью. Он был музыкантом и иногда даже играл для нас, сотрудников, – правда, это было очень редко. Я не могу оценить искусство его игры, но играть он любил. И вот он уезжал из Издательского отдела – с одной своей виолончелью... Несколько лет после этого я не знал, где Владыка и что он делает. Потом только встретился с ним в Университете инженеров транспорта (МИИТе), незадолго перед его кончиной.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что уважение, которое вызывал митрополит, исходило от всего – даже от его внешности. Да, он был необыкновенно красив – не только ростом, не только длинной бородой: и из его лица, и из его рук сквозила какая-то глубина, которой никто постигнуть не мог. Он видел и ощущал то, что недоступно. Тонкость его восприятия истории, Церкви и жизни была совершенно иного рода.

Да, в последние годы, когда мы, молодые диаконы и священники, стремились использовать для возрождения Церкви все возможности, быть более откровенными и более открытыми, говорить на злободневные темы, Владыка был для нас консерватором и всячески сдерживал нас. Но теперь это уже не так важно. Важно то, что Господь, по крайней мере мне лично, послал этот величайший дар встречи. Господь присоединил

меня к сонму его почитателей, его духовных последователей, его детей – ибо я причисляю себя к его духовным детям. Нет, Владыка не был моим духовным руководителем, но годы, проведенные с ним рядом, сделали меня его почитателем. Оглядываясь теперь на историю Русской Церкви и на судьбу митрополита Питирима (Нечаева), мы видим, что он навсегда останется в истории церковной как просветитель, как деятель образования, как один из иерархов, кто поднимал именно духовное образование, духовно-издательское дело. И до сих пор мы пользуемся Минеями, изданными под его редакцией. Многие ругают эти Минеи, потому что они изданы гражданской печатью (славянский текст русскими буквами⁴). Тем не менее я был необыкновенно счастлив, когда еще до перестройки Господь дал мне возможность (я был еще диаконом) выкупить весь комплект богослужебной литературы. Это были большие деньги, я еще не знал, зачем мне это нужно, но знал, что нужно будет обязательно. И до сих пор я прибегаю к книгам, которые были изданы непосредственно под редакцией митрополита Питирима, например, «Настольная книга священнослужителя».

Возвращаясь еще раз к его роду, к его значению в истории нашего времени, я хотел бы отдать дань уважения и любви этому замечательному русскому человеку. Когда он иногда выступал, я вспоминал, что он высоко ценил простое священническое служение и рассказывал много историй про священников, которых он знал. Владыка умел служить, служил он необыкновенно тонко, проникновенно, внутренне – хотя могло показаться иногда, что только для себя, – но служить ему было в радость. Это не всегда было просто: он был человек импульсивный. Но то, что он молился и молился так, как никто другой, – это было очевидным. Однажды его спросили: как в наше смутное, суетное время, когда на нас обрушивается такой поток информации, когда так много людей, так много встреч, – как можно сохранить молитвенный дух, как можно научиться молитве? Не отвечая прямо на вопрос, Владыка спросил: «А как вы думаете, можно ли оказаться в одиночестве среди шумной толпы, на оживленном перекрестке большого города?» Владыка говорил о том внутреннем одиночестве и той внутренней

тишине, которая бывает доступна человеку. Но это была иная культура духа, которая была открыта Владыке.

Вообще, Владыка был достаточно закрыт и неохотно делился своими духовными наблюдениями. Я не знаю, были ли у него друзья. Были священники, которых он любил и которым доверял, среди них – ныне здравствующий протоиерей Владимир Ригин и протоиерей Геннадий Огрызков, который умер задолго до смерти митрополита Питирима (он служил в храме в честь Вознесения Господня, или, как говорят москвичи, в Малом Вознесении на Большой Никитской, напротив консерватории). Я не принадлежал к числу его любимцев, но всё равно с благодарностью вспоминаю все его уроки – хотя, может быть, они и были для меня не очень приятны. С теплотой вспоминаю его служение в храме в Брюсовском переулке. Туда приходят и доныне многие артисты, там Владыка совершал отпевания многих наших актеров. Я помню, как привезли в роскошном гробу Евстигнеева. В храме было очень много народа, и какими глазами смотрели на митрополита многие известные актеры, которых мы знаем только по кино! Я тогда подумал: какое счастье, что есть такое место, и как замечательно, с каким доверием относятся к нему эти люди с изломанной судьбой, с непонятным мировоззрением, с идеологической и духовной кашей в голове и сердце. Но они ему верили.

Митрополит создал в этом храме особый духовный климат. Так, соблюдалась замечательная традиция: на Новый год, после новогоднего молебна, вечером, уже в темноте, он приглашал нас к себе в кабинет – а кабинет у него в Брюсовском переулке был не очень большой – там накрывались столы, на которых было шампанское, мандарины, апельсины. Я помню два новогодних вечера, проведенных в этой комнате. Был приглашен Никита Сергеевич Михалков, присутствовали священники, диаконы – в том числе я и моя семья – и еще несколько актеров, уже не помню кто; и академик Борис Викторович Раушенбах, который долгие годы дружил с митрополитом Питиримом, тоже ныне покойный, еще некоторые известные люди – всего, может быть, человек 25. И хотя еще

продолжался пост, в этот новогодний вечер была удивительная теплота общения и взаимопонимания друг друга. Я думаю, каждый участник таких вечеров помнит и хранит в своем сердце эти встречи.

Еще многое можно рассказать об этом человеке и этом времени. Последние десятилетия XX века были сложными, и я хотел бы привести на память последние строки из воспоминаний митрополита Питирима. Как-то Владыку спросили о будущем России. С глубокой верой он сказал, что у России есть особое призвание. Бог учит тех, кого любит. Бывает невозможно научить дурака, говорил он, но России научение пойдет впрок. Он не говорил об особой миссии России – он говорил о том, что у России есть будущее, выстраданное перенесенными ею тяжелыми испытаниями. Я очень благодарен за эти слова митрополиту Питириму, потому что эти слова вселяют веру. При его знаниях, при его эрудиции, при его происхождении – он продолжал верить в Россию, несмотря на все испытания, которые выпали на его собственную долю, долю его семьи и всего народа.

Я думаю, что в сонме праведников есть и его высокая фигура, что среди их голосов, молящихся Господу за нас, за нашу Церковь и многострадальную землю, его особый голос тоже есть.

Иерей Андрей Лоргус, клирик храма святителя Николая Чудотворца на Трех Горах в Новом Ваганькове

По благословению Владыки Питирима...

В детстве я занимался в фотокружке у талантливого преподавателя – фотожурналиста Бориса Васильевича Чигишева. Он привил мне любовь к фотографии, как искусству. Там я изучал основы композиции, построение кадра, работал со светом.

В Издательском отделе Московского Патриархата я начал работать в 1977 году. Владыка Питирим многим из своих иподиаконов давал редакционную фототехнику, а потом просматривал, что у них получается. Мне также был выдан фотоаппарат, и я в скором времени смог попробовать свои силы в качестве фотокорреспондента на конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», проходившей в Москве весной 1977 года. Многие из того, что я снимал, было опубликовано. Небольшая редакция «Журнала Московской Патриархии», размещавшаяся в Новодевичьем монастыре, на моих глазах выросла трудами Владыки Питирима в огромный Издательский отдел на Погодинской улице. По его инициативе получили рождение и развитие такие структурные подразделения как отдел звукозаписи с музыкальной редакцией, отдел кино – и видеосъемки, отдел слайд-фильмов и фотоотдел. Последний состоял из фотолаборатории, фототеки, репортажного подразделения и подразделения фотовыставок. Владыка неизменно содействовал успехам своих начинающих сотрудников, и через некоторое время я также начал работать в фотоотделе.

Постепенно нами стали выпускаться пластинки с церковными песнопениями, видеофильмы, слайд-фильмы. Те или религиозные мероприятия обычно сопровождалась фотовыставками о жизни Русской Православной Церкви, в связи с чем велась фото- и видеолетопись, расширялся ассортимент печатной продукции. И всеми этими направлениями в деятельности Издательского отдела также руководил Владыка Питирим. Будучи человеком высокой

культуры, душевной широты, он был двигателем всего редакционно-издательского механизма.

Вокруг него собирались и работали вместе, казалось, совершенно противоположные и несовместимые по характеру люди. Он мог не только увлечь, вдохновить, но и предоставить новое поле для творческой деятельности.

Я счастлив, что принимал участие в фотоиллюстрировании практически всех изданий, выходивших в Издательском отделе Московского Патриархата с 1977 по 1994 годы. Владыка Питирим находил для нас, своих иподиаконов, время, чтобы разбирать богослужебные тексты, прививать нам любовь к церковнославянскому языку, к молитве, к церковной службе. Прививая благоговейное отношение к богослужению, следил, чтоб под стихарем была всегда белая, чистая рубашка.

С развалом страны и появлением таких понятий, как «рынок», «коммерция», «конкуренция», нужно было менять стиль работы, сокращать сотрудников, сворачивать некоторые виды деятельности, сдавать помещения в аренду. Владыке трудно было «урезать» свое детище, с таким трудом и любовью созданное.

Следует подчеркнуть, что он никогда не смотрел на появившиеся новые церковные издательства, как на своих конкурентов. И его заместитель и ближайший сподвижник архимандрит Иннокентий (Просвирнин), следуя такой установке, говорил: «Пусть выпускают репринты – это нужно для Церкви, а мы займемся тем, чего никто, кроме нас, сделать не сможет» – и продолжал, в частности, трудиться над иллюстрированной Русской Библией, открыв ее издание книгами Священного Писания Нового Завета.

Практически все церковные издательства, существующие в настоящее время, пока они не встали на ноги, обращались за помощью в Издательский отдел; в некоторых из них и поныне работают высококвалифицированные специалисты – бывшие сотрудники Издательского отдела.

В эпоху перемен многие испытали чувство ненужности. Поле деятельности сворачивалось, и я написал заявление об уходе. Трудным было прощание, мне были сказаны жесткие

слова... Но, когда через полгода мы встретились с Владыкой, то лицо его вновь светилось доброжелательством и отеческой улыбкой.

У каждого человека бывают в жизни скорби, попускаемые Господом для спасения души. *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян.14:22)*. Попустил Господь поскорбеть в последние годы жизни и Владыке Питириму, но перенес он скорби, как и должно христианину, – всех простив и примирившись со всеми; посетил в больнице архимандрита Иннокентия и, когда он скончался, пришел попрощаться с ним в Новоспасский монастырь.

Духовный отец Владыки Питирима – преподобный Севастиан Карагандинский – говорил: «Рак – это в рай за так». Владыка понес и эту болезнь. Его жизнь и смерть являются для меня назидательным примером.

В Издательский отдел я пришел молодым человеком и на все основные вехи своей жизни получал благословение Владыки Питирима. Он благословил меня заняться фотографией, поступать в Духовные школы, благословил мой брак и предоставил Каминный зал Издательского отдела (где обычно проходили дипломатические приемы) для того, чтобы отпраздновать свадьбу. Он представлял меня к церковным наградам, повышал, а иногда и понижал в должности.

Митрополит Питирим сослужил Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, когда он рукополагал меня во священный сан в Богоявленском соборе.

Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет (Лк.8:16).

Будучи архипастырем Церкви Православной, он и сейчас, когда я его вспоминаю, проливает свет в мою душу. Всё житейское и мелочное умирает, а великое живет вечно.

Вечная память Владыке Питириму!

Иерей Виктор Казанцев, клирик храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове, на Серебряном острове

Редактор, автор, издатель (несколько штрихов к характеристике личности митрополита Питирима)

Владыка Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский, стал редактором и издателем совершенно для него неожиданно. Об этом он сам говорил сотрудникам нашей редакции – редакции «Журнала Московской Патриархии».

В конце декабря 1961 года, в один из вечеров, Святейший Патриарх Алексий (Симанский; его теперь принято называть Патриархом Алексием I) пригласил к себе в кабинет инспектора (иначе говоря, проректора) Московских Духовных академии и семинарии архимандрита Питирима и предложил ему возглавить редакцию «Журнала Московской Патриархии» в должности ответственного редактора (теперь эта должность называется «главный редактор»). Архимандрит Питирим вначале отказался принять это назначение, чем очень огорчил Святейшего Патриарха. Ночь для отца Питирима прошла в размышлениях. А наутро он пришел к Патриарху «с повинной» – со словами прощения за «дерзостное непослушание». Святейший Патриарх принял раскаяние отца архимандрита и 31 декабря 1961 года подписал Указ о его назначении ответственным редактором. Через день, 2 января 1962 года, архимандрит Питирим прибыл в редакцию (находившуюся тогда в Новодевичьем монастыре) и приступил к своим новым обязанностям. 23 мая 1963 года архимандрит Питирим был возведен во епископа Волоколамского и назначен еще на одну, более высокую должность Председателя Издательского отдела Московского Патриархата.

В общей сложности в редакции Владыка Питирим проработал 33 года. При нем коренным образом изменились и «лицо», и «существо» редакции: постепенно расширился штат сотрудников (с 25 до нескольких сот человек), увеличивались номенклатура и тиражи церковных изданий, из года в год улучшалось их качество. Оставаясь профессором Московской Духовной академии, он тем не менее все свои силы, все

дарованные ему Богом таланты отдавал своему новому послушанию.

По существу, он создал новую редакцию. Диапазон, масштабы ее деятельности чрезвычайно расширились. Редакция стала не только и не просто высокопрофессиональным церковным издательством, но и важнейшим культурным и церковно-общественным центром, получившим широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом.

Владыка Питирим руководствовался основополагающим принципом: нынешняя издательская деятельность Русской Православной Церкви является продолжением многовековой издательской деятельности, каковая основана на традиции рукописной и печатной книги. Истоки этой традиции восходят ко времени святого князя Владимира, крестителя Руси, и даже к эпохе святых Кирилла и Мефодия, просветителей славян.

Всякий раз, создавая новую книгу, указывал Владыка Питирим, мы обращаемся к истокам нашей отечественной культуры. Издревле нравственная сила христианских истоков вдохновляла людей на подвиг служения Богу и ближнему, сохраняла русский народ. Литературный труд на Руси был особой формой молитвы.

В тяжелые периоды истории, когда русские люди не могли защитить свободу Руси мечом, они брались за перо. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (не раз бывший гостем нашей редакции) подчеркивал: «Издревле литература внезапно поднималась как огромный защитный купол над всей Русской Землей».

На свой труд древний книжник и инок-летописец смотрели как на высокое служение людям. Вспомним слова одного из наших великих святителей XIX века – епископа Феофана (Говорова), выдающегося церковного писателя и переводчика: «Писать – это служба Церкви нужная». А книгопечатание на Руси изначально было делом и Церкви, и государства.

«При изучении многогранной издательской деятельности Русской Православной Церкви, – говорил Владыка Питирим, – по-новому открывается значение русской церковной истории,

культуры, ее неиссякаемого нравственного потенциала». Совершенно очевидно, что на плечи нового поколения церковных деятелей (1960–1990-х годов) легла большая ответственность за осуществление издательских программ.

Митрополит Питирим постоянно подчеркивал: каждый, кто берется за редактирование, должен проделать определенный объем научно-исследовательской работы. Редакторы обязаны быть в постоянном творческом поиске; серьезных научно-богословских разработок требует от сотрудников Издательского отдела участие в научных межцерковных и миротворческих встречах.

От дореволюционного периода осталось немало специфических проблем. Эти проблемы Издательский отдел постепенно решал посредством систематической работы основной редакционной коллегии и редколлегий отдельных изданий, в составе которых трудились высококвалифицированные редакторы – богословы, историки, источниковеды, археографы, специалисты по русскому языку и по многим другим языкам – как новым, так и древним – художники, фотографы, опытные администраторы и так далее. К своим работам Издательский отдел всегда привлекал консультантов – специалистов по отдельным темам.

Помимо всего сказанного, редакция Владыки Питирима отличалась уникальной особенностью: по свидетельству самих сотрудников, она была для них не только местом работы и центром по совершенствованию церковно-издательского профессионального мастерства, но и училищем благочестия и постоянного нравственного возвышения, духовно-нравственной школой Владыки Питирима.

Вот некоторые из принципов этой школы: особо бережное отношение к святыне; благоговейная строгость и мерность при совершении богослужений; любовь к порядку и чистоте во всём, наипаче в том, что касается храма и совершаемых в нем служб; умение видеть проблему и правильно, своевременно ее решать; развитие в себе способности искреннего, открытого общения с людьми; умение находить прекрасное даже в малом; умение проявить в нужный момент выдержку и терпение; умение ждать

и не форсировать события, а с другой стороны, быть быстрым и энергичным; быть бережливым и одновременно щедрым хозяином-руководителем; иметь любовь к иллюстрации и уметь в совершенстве владеть фотоаппаратом и другой техникой журналиста; профессионально видеть текст и проявлять способность работать с ним быстро и весьма качественно...

Это были не просто слова и пожелания – в них отображались личность и творческий характер Владыки Питирима.

Работа над словом имела в редакции первостепенное значение. Принципы Владыки Питирима прямо соотносились с тем, что некогда писал великий святитель XIX века Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский: «Слова не мелочи, когда дело идет о догматах и о святых, и особенно в такое время, когда правильность и точность слова нужно охранять с разумением, от умножения в письменности невнимания к законам языка, логики и вкуса».

На одной из учебных лекций в МИИТе Владыка Питирим обратил внимание студентов на одно интересное обстоятельство: издательское дело – это область коммуникаций; железные дороги – это пути сообщения, которые также называют коммуникациями (одним из видов коммуникаций). Дома я решил посмотреть, а как, положим, у англичан называются «пути сообщения»? Оказалось: «means of communication» («means» и есть «пути, средства»).

Вячеслав Овсянников, кандидат богословия, сотрудник Издательского отдела в 1966–1995 годах

Годы с Владыкой Питиримом

Мне довелось (можно сказать, посчастливилось) проработать в редакции «Журнала Московской Патриархии» и в книжной редакции Издательского Отдела Московского Патриархата под непосредственным руководством митрополита Питирима с 1976 по 1992 год: сперва литературным редактором, с 1985 года – старшим научным редактором, с 1991-го – заведующим новым отделом «Вера и знание».

Владыка Питирим жил в те годы на Часовой улице, в обычном доме, недалеко от улицы Красноармейской, по соседству с замечательным писателем Владимиром Алексеевичем Солоухиным. Квартира знаменитого писателя (я у него брал интервью), начиная с прихожей, изобиловала старинными иконами и предметами антиквариата, производила впечатление роскоши. А вот квартира митрополита Питирима не казалась богатой, но в ней ощущалась особая атмосфера и реял дух здорового аристократизма. Что касается мебели – не знаю, я едва ли различу карельскую березу от красного дерева, а вот книг было предостаточно; иконы же занимали строго подобающее им место. Пожалуй, можно говорить не столько об архиерейской квартире, сколько о жилище столичного интеллигента. Не зря о Владыке шла молва, как о подлинном интеллектуале. Был он еще и музыкантом, обладал тонким музыкальным слухом; не просто любил музыку, но и сам играл на виолончели.

Жил Владыка, насколько я помню, со своей сестрой (у митрополита Питирима было четыре сестры, все они ушли из жизни до его кончины), их связывала трогательная взаимная забота и подлинно христианская любовь. Надо сказать, что с родными, с людьми своего круга, с духовно близкими ему людьми митрополит Питирим был очень обходителен и приветлив, даже предупредителен. Но он не переставал быть архиереем с неким «внутренним стержнем», пусть даже незаметным для постороннего взгляда.

Вспоминается он, прежде всего, как настоящий харизматик, истинно человек Церкви. Как подлинно духоносная личность. Таких сейчас почти нет: раз, два – и обчелся... Прихожане его просто обожали.

Я неоднократно видел его молящимся в храме Воскресения словущего на богослужениях Страстной Седмицы; за пасхальной заутреней – в алтаре, где с ним традиционно из года в год христосовались сподвижники-сотрудники. Помню его особенно хорошо на службе Двенадцати Евангелий в Страстной четверг. Помню, как проникновенно и сосредоточенно, со слезами в глазах он служил в те волнующие дни...

Что касается его особой «иерархической» харизматичности, то его можно сравнить, пожалуй, с митрополитом Сурожским Антонием (Блумом). Оба несли с собой ауру некоей особой одухотворенности; казалось, они обладают тайной выхода в духовное измерение. Не случайно они были доверительно дружны. У меня сохранилась фотография, где они стоят рядом, с красивыми и вдохновенными лицами, но с разным выражением глаз – строгим и взыскательным у митрополита Питирима, мягким и каким-то печальным – у митрополита Антония.

Жизнь простых людей напоминает лотерею, в которой удачный жребий вершит случай. Но судьба тех, кто отмечен призванием свыше – система глубоко закономерных координат, определяемых Промыслом Божиим. Если воля человека совпадает с провидением о нем, то такую предопределенность свыше можно считать судьбой. Люди с судьбой – по-настоящему творческие личности, и, как правило, личности исторические; они обладают даром **пассионарности**, то есть избытком энергии, пафосом переустройства, превозмогающим инстинкт самосохранения. Что бы ни говорили о них, именно пассионарии являются «закваской» рода человеческого, его избранниками. Мне кажется, Владыка Питирим относился именно к этому разряду избранников.

В период государственного атеизма лишь в «Журнале Московской Патриархии» (из легальных изданий) публиковалось то, что не могло в ту пору нигде быть опубликованным – и, во

многом, благодаря стараниям Владыки Питирима. Порой это просто казалось каким-то чудом в условиях богоборческого режима.

Хорошо помню, в каких трудных условиях работал в середине 70-х – начале 80-х годов минувшего века Издательский отдел Московской Патриархии. Мы трудились в Успенском храме Новодевичьего монастыря, в тесном помещении, похожем на подводную лодку, перегороженную фанерными переборками. Пообедать, как следует, в такой тесноте было невозможно, – обходились одним чаем.

Благодаря стараниям Владыки Питирима, осенью 1981 года был получен дом на Погодинской улице, переоборудованный под редакцию и обставленный с отменным вкусом. Там стало гораздо удобней трудиться, но был утрачен духовный микроклимат старинной обители, позволявший обходиться без пищи много часов.

Надо подчеркнуть, что Владыка был незаурядным, безусловно, очень вдумчивым и взыскательным редактором. Он умел заметить и исправить то, что на первый взгляд выглядело вполне приемлемым, «проходным». Или обозначить пунктиром, в ремарках, что надо исправить, как доработать тот или иной текст. Почерк у него был весьма неразборчив – ремарки и резолюции приходилось просто «расшифровывать». Имея опыт многолетней читательской работы с рукописями в отделах рукописей РГБ, ЦГАЛИ и ИМЛИ, я уже научился к тому времени хорошо разбирать – как бы по наитию – весьма сложные, прихотливые и странные почерки, поэтому с «криптограммами» главного редактора довольно уверенно справлялся; более того, время от времени помогал в «дешифровке» своим старшим коллегам – Вячеславу Петровичу Овсянникову, Константину Михайловичу Комарову, Павлу Васильевичу Уржумцеву – и другим.

Владыка был строг, но отнюдь не суров с подчиненными. Он смотрел глубоко в душу человека. Не раз удивляла его пронизательно-настороженная «снисходительность» к приходящим со стороны льстецам и хитроумным (мягко выражаясь) кураторам. Всё это объяснялось текущей

конъюнктурой и искусной дипломатией, без которой в то время обойтись было нельзя. А на похвалу по отношению к своим сподвижникам и помощникам он был скуповат. Но если такая похвала звучала из его уст – то это была воистину похвала.

Следует подчеркнуть его редкую эрудицию, его остроумие и обаяние – он, ведь, был не просто красивым внешне человеком, но воистину обаятельным. А остроумием он мог просто блистать. Ему некоторые в Отделе пытались подражать – и в остроумии, и в манерах вообще – но тщетно.

Являясь убежденным поборником христианского единства, митрополит Питирим отнюдь не избегал молиться вместе с католиками или протестантами. Он не раз цитировал излюбленное выражение митрополита Антония (Вадковского), что конфессиональные перегородки *до неба не достигают*.

Этот так называемый *экуменизм* для него был, прежде всего, возможностью донести православную истину, которую он знал и любил. И он делал это повсюду, где бы ни был, а он ведь очень много ездил по всему миру. Он вообще обладал какой-то редко встречающейся – особенно в наше время – не только внешней, но и внутренней энергией. Они в нем гармонично сочетались. И это было очень важно в перестроечное и постперестроечное время, когда к Владыке благоволила «первая леди» СССР Раиса Максимовна Горбачева.

В редакционных делах митрополит Питирим серьезно подстраховывался даже в те сравнительно либеральные годы: перемены происходили слишком быстро, идти с ними в ногу в таком убыстренном темпе для человека уже немолодого было непросто. Ощущалась явная и естественная для него инерция осторожности, связанная с опытом минувших выстраданных лет. Но при всех неизбежных уступках по отношению к контролировавшему нас Совету по делам религий, осуществлявшему цензурные функции, митрополит Питирим оставался на высоте – ему не изменяла врожденная интуиция, когда речь шла о вещах важных и принципиальных.

Помнится, как в конце декабря 1987 года по чрезвычайному поручению митрополита Питирима, за несколько дней до его январской встречи с М. С. Горбачевым, я готовил важный

фрагмент о Русской Православной Церкви для предполагаемой вставки в речь генерального секретаря ЦК КПСС. Речь эта должна была прозвучать на глобальном форуме, организованном международным Фондом «За выживание человечества». В руководство Фонда от Советского Союза кроме митрополита Питирима входили академики А. Д. Сахаров, Е. П. Велихов, Р. З. Сагдеев. (Владыка Питирим был одним из учредителей этого Фонда). В то время власть пыталась продемонстрировать свое благоволение к Церкви: приближался великий юбилей 1000-летия Крещения Руси, и, разумеется, надо было сделать какой-то эффектный шаг в сторону Церкви. Казалось, витает в воздухе и напрашивается само собой: «Идя навстречу пожеланиям верующих, Советское правительство предполагает открыть Киево-Печерскую Лавру». За этой элементарной фразой – чаяния миллионов православных... К этому призывал известный правдоискатель епископ Полтавский Феодосий (Дикун) в самиздатовском письме, ходившем по рукам; письмо было опубликовано в Париже в «Вестнике русского христианского движения». Эту идею поддерживали академик Б. В. Раушенбах, летчик-космонавт В. И. Севастьянов и др.

Помню всё ясно, как будто это было вчера. Владыка Питирим, надев очки, стал смотреть подготовленный текст и... увидев эту фразу, взял ручку и хотел ее вычеркнуть; тут моя рука как-то непроизвольно коснулась его плеча. Владыка посмотрел на меня с неким сострадательным пониманием и.. оставил эти слова.

И вот, в июне 1988 года, когда юбилейные торжества достигли кульминации, Русской Церкви возвратили ее древнюю святыню – Киево-Печерскую Лавру. Верующие вновь получили доступ в Дальние пещеры, где покоятся честные главы святых. Под намоленными сводами обители вновь зазвучали молитвы, в пещерном храме во имя святого Феодосия Печерского возобновились богослужения. Как бы в благодарность за это, свершилось чудо: главы святых стали вновь мироточить... О чем вскоре сняли на Свердловской киностудии документальный фильм «Радость моя». В Лавру тогда неожиданно приехала,

чтобы убедиться в достоверности чуда, Р. М. Горбачева, руководившая (вместе с акад. Дмитрием Лихачевым) Советским фондом культуры. Она посадила в Лавре елочку и стала с тех пор носить на груди православный крестик; еще больше сблизилась с митрополитом Питиримом. В марте 1989 года он стал народным депутатом СССР от Фонда культуры. А вскоре, после смерти Патриарха Пимена – одним из шести кандидатов в Патриархи, официально зарегистрированных на первом этапе Поместного Собора в 1990 году. Конечно, объяснялось это, главным образом, именно его добрыми отношениями с Раисой Максимовной.

Принятая в 1977 году и действовавшая тогда «брежневская» Конституция СССР была дискриминационной по отношению к верующим. Согласно ее 52-й статье, глобальной атеистической пропаганде нельзя было противостоять миссионерством и проповедью, разрешалось лишь совершать богослужения, да и то только в храмах. Конституция ограничивала проявление религиозности в таких общественно-значимых формах жизни, как воспитание и образование, наука и искусство, литература и политика. Христианская совесть с таким бесправным положением смириться не могла, отсюда циркуляция писем с протестами церковных диссидентов, которые транслировались религиозными программами зарубежных радиостанций. Митрополит Питирим знал обо всем не понаслышке, а из первоисточников, он был вообще превосходно информирован. Из зарубежных командировок Владыка привозил много «тамиздатской» литературы, преимущественно религиозно-философской и богословской, которая находилась на Погодинской в «спецхране». В качестве спичрайтера Владыки, я имел время от времени, по мере надобности, доступ к этому спецхрану; должен сказать, что состав хранения отличался тщательным подбором и безупречностью – здесь не было ничего случайного и вторичного.

Часто бывая в командировках в странах Западной Европы, митрополит Питирим ощущал на себе, как представитель гонимой в СССР Церкви, заинтересованное внимание и весьма

благожелательное отношение. Этим он умело пользовался, расширяя свои контакты в интересах Издательства. Уместно будет, например, вспомнить о сотрудничестве Отдела с Институтом Восточных Церквей в Регенсбурге, ФРГ. С директором этого Института монсеньором Альбертом Раухом мы подготовили несколько совместных изданий: «Tausend Jahre Heiliges Russland» («Тысяча лет Святой Руси»). Basel. Wien. 1987; «Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein» («Тысяча лет между Волгой и Рейном»), München-Zürich, 1988; «Tausend Jahre Marienverehrung in Russland und Bayern» («Тысяча лет почитания Богородицы в России и Баварии»), München-Zürich, 1988; [Warszawa, изд. «Новум», 1989; М., изд. Московской Патриархии, 1989].

Митрополит Питирим, конечно, имел доступ к известным привилегиям, что в советское время являлось отличительным признаком правящей бюрократической касты, называемой *номенклатурой*. Слово «номенклатура» (от лат. «nomen» – имя) в значении особого *перечня имен* восходит к Древнему Риму: «номенклатором» назывался глашатай, называвший на приемах по особому списку имена входивших высокопоставленных гостей. Под номенклатурой в СССР подразумевался список ключевых постов и наиболее привилегированных управленческих должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались руководящими партийными органами различных уровней. Парадоксально, но факт: к тому времени, помимо партийной и административно-хозяйственной номенклатуры, сформировалась и номенклатура церковная – в первую очередь, правящие архиереи, получавшие негласную санкцию на должность от Совета по делам религий, инфильтрованного, в свою очередь, сотрудниками КГБ. Отсюда и клички, которые присваивались не только приспешникам-осведомителям, но и поднадзорным-подопечным. Среди них митрополит Питирим, имевший кличку «Аббат», выделялся (для людей, знающих истинное положение вещей), как «белая ворона».

К номенклатуре он относился брезгливо, ее ограниченность раздражала Владыку; более того, он мог позволить себе в узком

кругу близких людей довольно резкие на этот счет высказывания. Номенклатурный круг общения, однако, казалось, волей-неволей отодвигает архиерея от общения с рядовыми сотрудниками редакции, порождая между ними известную дистанцию – главный редактор становился чиновником труднодоступным; возникала грань, не всегда преодолимая для подчиненных.

К счастью, Владыка обладал даром общения и умел легко эту демаркационную линию преодолевать. Умная сосредоточенность и живая непосредственность были органической сердцевиной его обаяния. Вспоминать о Владыке, уже перешедшим за грань земного мира, горестно, но и отраднo...

Валентин Никитин, академик РАЕН,
главный редактор православного радио «Логос»

Человек, бесконечно преданный Церкви

Бог привел мне познакомиться с Владыкой Питиримом, когда он был еще молодым человеком, студентом Московского института инженеров транспорта, а я в то время был студентом Института связи. Но когда я вдруг услышал, что открылся Богословский институт, меня это так потрясло, что я подал туда заявление и летом 1945 года уже начал готовиться к экзаменам. Как-то я сидел в скверике, и у меня на коленях лежала Библия. Вдруг ко мне подходит молодой человек и так грозно спрашивает: «Библия?» Я говорю: «Да, Библия». Мы с ним разговорились, познакомились – звали его Константин Владимирович Нечаев – и, удивительная вещь, оказалось, что он тоже подал заявление в Богословский институт и тоже готовился к экзаменам. Вот так состоялось наше знакомство, и дальше фактически вся наша жизнь прошла вместе. Мы начали учиться в одном институте, потом оба закончили академию, и одновременно он трудился в Патриархии, а я, будучи студентом, поступил работать в Отдел внешних церковных связей.

Он был удивительный человек по своим дарованиям. У него действительно, что ни возьми, все было в превосходной степени. Яркий был человек. И мы знаем, какой невероятный объем работы он выполнял. После его кончины осталось множество начинаний. Исключительный вклад Владыка внес в издательскую деятельность (а я был по своей работе связан с Издательским отделом). Владыка трудился и день и ночь. Он сумел в очень нелегкое время качественно поднять издательство и привлечь лучшие силы Церкви к участию в его работе. Когда критикуют «Журнал Московской Патриархии» послевоенного периода, я внутренне протестую. Потому что его не критиковать надо, а понимать, на какой высокий уровень сумел Владыка поднять этот журнал.

На протяжении всей своей деятельности Владыка очень много работал с Отделом внешних церковных связей. И не осталось ни одной стороны деятельности отдела, в которой бы

Владыка не принимал участия. Это и конференции, и его зарубежные поездки. Кстати, в наших приходах за рубежом к нему было особое, сердечное отношение. Владыку любили и в неправославных христианских кругах, и в мусульманских... Мы утратили человека, который был бесконечно предан Церкви, и эта преданность давала огромные результаты, которые останутся не только в нашей памяти, но и в истории Церкви.

Алексей Бувский, консультант ОВЦС

Фотослужба, слайд-фильм и художественные издания в Издательском отделе Московского Патриархата

Владыка Питирим очень любил фотографию, и в Издательском отделе он создал прекрасный фотоотдел, по тем временам хорошо оснащенный; были фотоаппараты для проведения различных видов фотосъемки, аппараты исторические и последние современные модели, в фотолаборатории налажена цветная печать, которая тогда у нас в стране только начала развиваться. Организована богатейшая фототека, слайды покупали у талантливых фотографов, которые проводили съемку в Государственном музее-заповеднике «Московский Кремль», в лучших галереях и музеях страны. Раздел иконографии включал в себя уникальные материалы редчайших икон, которые широко использовались для печати цветных вкладок к Минеям и различным изданиям Библии. Существовал огромный архив уникальных черно-белых фотографий.

Владыка воспитал прекрасных фотографов, все наши корреспонденты и журналисты хорошо владели фототехникой, они проходили различные специальные курсы обучения в области фотографии. Талантливыми учениками митрополита были Виктор Петрович Казанцев и Иван Брониславович Сирота, впоследствии принявшие священный сан.

Владыка всегда приветствовал инициативу и создавал хорошие условия для работы – и вот результатом титанического труда заместителя главного редактора по научной работе архимандрита Иннокентия (Просвирнина) и его помощников стало издание иллюстрированной Русской Библии.

Архимандрит Иннокентий, верный и преданный помощник митрополита Питирима, его ученик и воспитанник, работал над этим проектом около 20 лет. В основу издания положена первая русская Библия 1499 года (общеславянская). Комиссия по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси одобрила издание Геннадиевской Библии в 1986 году. С

того времени, после успешных переговоров на уровне министерств и ведомств, началась фотосъемка Библии 1499 года в Отделе рукописей Государственного исторического музея и всех доступных иллюстрированных Библейских книг в основных книгохранилищах страны. Фотосъемка проводилась собственными силами Издательского отдела.

При жизни архимандрита Иннокентия из печати вышли два тома – 7-й и 8-й. Оба тома включают около 500 миниатюр. В седьмом томе представлено 50 рукописных Библейских кодексов с XI по XIX века. Особую ценность представляет Четвероевангелие из Библейского свода 1502–1507 годов (так называемый «Десятоглав Матфея Десятого»), принадлежавшее ранее Супрасльскому монастырю (хранится в БАН). В восьмом томе особое значение имеют миниатюры Апокалипсиса XVI века из собрания Егорова (РГБ). Лицевой Апокалипсис впервые представлен в полном объеме, раскрывая Откровение о последних судьбах мира так, как это видели наши духоносные отцы. Митрополит Питирим называл это издание «антологией русской книжности».

С 1991 года по новому закону о печати Издательский отдел Московского Патриархата мог заниматься издательской деятельностью только при наличии лицензии, однако на тот момент у Издательского отдела были определенные затруднения с быстрым ее получением. Издание «Русская Библия» находилось в типографии, и производственный процесс нельзя было прекращать. 27 апреля 1991 года было официально объявлено об открытии музея Библии в Иосифо-Волоцком монастыре с представительством в Москве. Учредитель музея Библии митрополит Питирим назначил его директором архимандрита Иннокентия. Быстрое оформление музея как юридического лица с получением лицензии на издательскую деятельность дало архимандриту Иннокентию возможность продолжать реализацию Библейского проекта – действовать по получению валютного кредита на издание, затем, по предоставлении кредита, по получению бумаги и переплетных материалов и т. д.

Музей Библии, созданный митрополитом Питиримом, был уникален. В мире имеется только три музея, посвященных Библии (не считая Израиля): в Амстердаме (частный музей лютеранского пастора), в Будапеште, открытый реформатским епископом, и в Иосифо-Волоцком монастыре. Последний представлял собой личную коллекцию митрополита Питирима, которую он собирал всю жизнь. Это были Библии разного времени и на разных языках. Там находилось старообрядческое переиздание 1913 года Острожской Библии, переиздание Нового Завета XIX века, изданного Тишендорфом, богато иллюстрированная Библия XIX века на французском языке, Апостолы на немецком языке, Библия на греческом языке, изданная монастырем Параклит на Афоне, миниатюрная Библия, которую можно было прочесть только под микроскопом. Музей занимал несколько комнат. Издания помещались в восьми шкафах и красивых витринах.

Любимым изданием Владыки стал альбом «Волоколамская земля», посвященный 400-летию прославления преподобного Иосифа Волоцкого. Старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Московский Кремль» Людмила Александровна Щенникова сказала об этой книге: «Что ни разворот, то поэма» – такой была художественная съемка Виктора Петровича Казанцева!

В 1983 году Издательский отдел организовал научную экспедицию на Святую Гору Афон. Она проходила с 12 сентября по 21 октября.

Экспедиция, в которую вошли крупнейшие ученые-археографы современности – Николай Борисович Тихомиров и Анатолий Аркадьевич Турилов, талантливый фотограф Издательского отдела Виктор Петрович Казанцев, сотрудник Института славяноведения и знаток греческого языка Андрей Валентинович Лебедев, была беспрецедентной в новейшей истории.

В очень сжатые сроки были отсняты рукописи из библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря, отсняты материалы для книги-альбома о нем и составлен план книги. Был составлен Акт о передаче материалов Афонской экспедиции в Библиотеку

Академии наук, представлены также хозяйственные материалы научной экспедиции – описи, счета, из которых видно, как обстоятельно и продуманно готовилась экспедиция, с какой любовью и вниманием формировались подарки и посылки для монастырской братии, как аккуратно и тщательно велся учет израсходованных средств.

После трагедии, происшедшей с архимандритом Иннокентием, по словам Владыки Питирима, он предлагал отцу Иннокентию длительный отпуск и средства на лечение и уговаривал его не покидать Издательский отдел, но состояние отца Иннокентия было тяжелое, и он ушел на покой в Новоспасский монастырь.

Владыка дружил со многими выдающимися фотомастерами с мировым именем – и результатом такой дружбы стал альбом знаменитого фотографа Фреда Майера «Русская Православная Церковь». Сам Владыка хорошо фотографировал, но говорил, что эту способность ему развивать некогда, хотя Союз журналистов принял решение присудить Владыке премию для фотографов-любителей (вручить ее не успели). Он очень любил фототехнику, особенно фотоаппарат «Лейка». Его коллекция составила музей фотоаппарата «Лейка» при Издательском отделе Московского Патриархата. В музее были представлены все виды этого аппарата от первой модели до последней, объективы к различным типам «Лейки», моторы, видоискатели, отдельные приспособления к аппарату. В музее экспонировалась и другая продукция фирмы «Лейтц». В свое время этот музей посетил директор этой фирмы и остался им очень доволен, обогатив экспозицию своими подарками.

В начале декабря 1989 года в Манеже проходил I Всесоюзный фотофестиваль, посвященный 150-летию фотографии, организованный Союзом журналистов СССР, Министерством культуры СССР и другими организациями. Принять участие в этом фестивале пригласили и Издательский отдел, который был представлен работами его лучших фотографов В. П. Казанцева и И. Б. Сироты. С успехом демонстрировались слайд-фильмы. С большим интересом посетители слушали речь митрополита Питирима о значении

фотографии. Это было одним из первых выступлений Владыки перед светской публикой России. Издательский отдел был награжден дипломом Союза журналистов. Дипломами были также награждены фотографы Казанцев и Сирота.

Выставочное подразделение Издательского отдела устраивало замечательные фотовыставки в России и за рубежом. В самом Издательском отделе существовала постоянно действующая фотовыставка с меняющейся экспозицией. Организовывали персональные выставки отдельных фотографов, проходили фотоконкурсы. Особенно была интересна фотовыставка, посвященная 45-летию победы в Великой Отечественной войне. На ней были экспонированы фотографии военных лет, полученные в ТАССе. На одной из них было изображено, как митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) передает войскам танковую колонну имени Димитрия Донского, построенную на деньги, собранные Русской Православной Церковью. Владыка Питирим разыскал оставшихся в живых ветеранов, воевавших на этих танках. Он пригласил их в Издательский отдел, устроил им прием, водил по выставке. Трогательно было видеть бывших воинов, стоявших перед памятной фотографией. Впоследствии они не раз бывали на Погодинской.

В связи с юбилеем в Издательском отделе прошла конференция «Роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне». Собралось много священнослужителей – участников войны. Особенно запомнился один диакон – полный кавалер ордена Славы. У некоторых вся грудь была в орденах и медалях. Их очень интересные, яркие, пламенные патриотические речи записывали на магнитофон, была проведена полная фотосъемка – готовили к изданию книгу.

В Издательском отделе проходили и научные выставки. В 1989 году Русская Православная Церковь отмечала 400-летие установления Патриаршества в Русской Церкви. На Поместном Соборе были канонизированы Святейшие Патриархи Иов и Тихон. В праздновании этого знаменательного события Издательский отдел принял активное участие. В конференц-зале была организована выставка документов из собрания

Центрального Государственного архива древних актов, на которой представлялись редчайшие материалы, была также отснята Грамота о поставлении Патриарха Иова.

Необходимо сказать о знаменательном символическом событии, которое состоялось в дни юбилейных торжеств, посвященных 1000-летию Крещения Руси. Удалось получить из Государственного исторического музея на временное хранение икону Божией Матери «Державная». Икона находилась в Издательском отделе в алтаре домового храма во имя преподобного Иосифа Волоцкого в течение двух лет. В 1990 году она была передана в храм в честь Казанской иконы Божией Матери в Коломенском.

Новым начинанием Владыки стало создание Отдела слайд-фильмов. Слайд-фильмы в стране тогда только появились. Наши слайд-фильмы были синхронизированы с хорошей текстовой и музыкальной фонограммой при художественных кадрах с наплывом. Динамичный показ 160 слайдов за 40 минут давал большой объем информации.

Некоторые слайд-фильмы составлялись почти целиком из фотосъемки Владыки, таков фильм «Ванкувер», посвященный международной конференции в этом канадском городе; особенно он интересен галереей портретов разных лиц. Портретная съемка Владыке всегда удавалась. Другой такой фильм – «Кирхентаг», Дни Церкви в Германии, в них принимает участие очень много молодежи. Владыка не раз обращался к ним с приветствием, возлагал венки к могилам наших воинов. Надо сказать, что кладбища эти хорошо ухожены: кругом растет низкий подстриженный кустарник, на могилах – цветы, в центре кладбища – памятники, выполненные не лишь бы как, а художественно. А первый слайд-фильм назывался «Русская Православная Церковь» – он посвящен внутреннему устройению Церкви и различным сторонам ее служения. К 1000-летию Крещения Руси Церкви был возвращен древнейший, самый первый в Москве Данилов монастырь, основанный святым благоверным князем Даниилом Московским в 1282 году. Этому событию был посвящен слайд-фильм «Данилов монастырь», повествующий об его истории, разрухе и возрождении.

Перед празднованием 1000-летия Крещения Руси Владыка организовал две фото-кино-экспедиции по пути апостола Андрея Первозванного, проповедавшего христианство на территории нашей Родины. Экспедиции привезли уникальнейший материал – фотосъемку пещерных храмов Крыма, в которых сохранились фрески XII века. Сохранился пещерный храм, в котором служил священномученик Климент, папа Римский († 101). В этом храме находится древний престол. Участники экспедиции прошли по местам, где служили равноапостольные Кирилл и Мефодий, учителя Словенские, посетили Успенский пещерный монастырь в Крыму, прошли Инкерман, Севастополь, Херсонес и многие другие труднодоступные места. В результате были сделаны слайд-фильмы «По стопам апостола Андрея» и одноименный кинофильм. Когда Владыка смотрел слайд-фильм, он сказал: «Я недавно был в Италии и восхищался ее красотами, но такой красоты, как у нас, там нет!». Промыслом Божиим апостол Андрей откликнулся на возобновление его особого почитания на Руси, и в 2003 году в Россию были привезены его мощи со Святой Горы Афон, которые пронесли по всем епархиям Русской Православной Церкви.

К 1000-летию Крещения Руси по заказу Владыки студия «Диафильм» выпустила три диафильма: «Русская Православная Церковь», «Русский православный храм», «Русская православная икона», редакционно подготовленные в Отделе слайд-фильмов Издательского отдела.

Древнему городу Волоколамску был посвящен слайд-фильм «Волоколамску 850 лет». Когда остро встал вопрос о передаче Церкви Иосифо-Волоцкого монастыря, был сделан слайд-фильм «Иосифо-Волоцкий монастырь – памятник пяти столетий». При этом был собран уникальный материал. В Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени преподобного Андрея Рублева и в Русском музее проводили фотосъемку древних икон из иконостаса монастыря, вышитых пелен и покровцов; в библиотеке Академии наук в Петербурге и в Российской Государственной библиотеке фотографировали миниатюры и древние книги из монастырской библиотеки.

Историко-художественный слайд-фильм рассказывал о духовных сокровищах монастыря. Его показывали членам различных комиссий, светскому и церковному руководству. Этот слайд-фильм внес свою лепту в открытие монастыря.

К 60-летию Владыки Питирима, в год, когда он был возведен в сан митрополита, был подготовлен слайд-фильм «Погодинская, 20», посвященный издательской, научной и общественной деятельности Владыки, который заканчивался его же словами: «Рабочий день Владыки длится 24 часа».

Это малая часть видимых трудов митрополита Питирима. Душу свою он скрывал, неся, как преподобный Иосиф Волоцкий, тяжелый подвиг духовного просвещения и миссионерского служения. Господь призвал Владыку от земной жизни в праздник Казанской иконы Божией Матери, а сороковой день по его кончине совпал с днем памяти апостола Андрея Первозванного.

Екатерина Яковлева, заведующая отделом цветной полиграфии Издательского Совета Московского Патриархата
(до 2001 года)

Духовный строй Владыки

Владыка был мне интересен не как государственный муж, о деятельности которого я мало что знала, но как духовное лицо, святое вместилище духовного опыта предыдущих поколений. Извечное «брать пример с кого», чтобы стать человеком во всей троической полноте духа, души и тела. Владыка был для многих той высотой, которую оценить мог только равный ему, мы же смотрели на него снизу вверх. Я благодарна судьбе за то, что хотя бы отчасти смогла прочувствовать величие души, живущей в Боге, благоговая богомольно перед красотой его духа. Патетика, которой всегда избегал Владыка, все же заставляет вспомнить апостольские слова о славе звезд разной величины. Для сотрудников Издательского отдела Владыка Питирим был звездой первой величины, излучающей свет на ближних и дальних. Думаю, все-таки не удалось избежать доли эмоциональной оценки. Стараюсь честно передать свое первое впечатление от личности Владыки.

Владыка прекрасно владел русской речью, говорил спокойно, без пауз, умел найти точное слово. Кроме духовного обогащения, слушающие проповеди Владыки испытывали еще и эстетическое наслаждение правильной литературной речью умудренного опытом подвижника благочестия. Музыкальный строй фразы, баритональное звучание голоса оказывали, в хорошем смысле, такое же чарующее воздействие на душу, как и благоговейное предстояние Владыки у Престола Божия. Именно в храме душа наиболее полно ощущает свою принадлежность миру святых. Благородные седины Владыки будили духовные струны души.

Помню, как весь Богоявленский храм плакал вместе с Владыкой во время коленопреклонных Троицких молитв. В храме яблоку негде было упасть, под ногами ковер из свежескошенной луговой травы, на сцене – тонкие белоствольные березки, икона Святой Троицы, украшенная венком из цветов. О чем плакал Владыка? Прошли торжества по случаю тысячелетия Крещения Руси, год 1989-й. Обычно

сдержанный, он плакал, не стесняясь своих слез. Боги гневаются, смеются, человек плачет. Что прозрел в то время Владыка?

Владыка был не просто архиереем-администратором, он был отцом для соратников Издательства. Праздничные трапезы напоминали древние пиры с новозаветным благочинием. Концерты устраивали в конференц-зале силами самих сотрудников, на них выступали дети священников, которые, как правило, получали классическое музыкальное образование. Всегда радовал гостей хор храма Воскресения словущего под управлением регента Ариадны Рыбаковой.

Солью программы была песня о покаявшемся разбойнике Кудеяре – святом иноке Питириме. Владыка, пряча улыбку, многозначительно пошевеливал усами. В зале царила совершенно домашняя атмосфера, была одна большая дружная семья.

Уверена, что Владыка наблюдал за моим духовным становлением. Он чувствовал искренность покаяния, видел нелицемерную любовь к святым, доброе желание шествовать узким и тесным путем самоотречения вдали от житейских утех. С приходом на работу в Издательство мне открылся огромный мир духовной жизни, отраженный в житийной литературе и в сочинениях святых. Совсем по-детски душа воспротивилась тому, что духовные обязательно должны быть гонимы от своих собратьев: я начала проливать слезы. Если мать слышит плач ребенка, тем более Бог должен был услышать слезную молитву. За что должны страдать лучшие из лучших? Господи, защити, сохрани их от всякого зла!

Вместе мы были не только в праздники, но и в дни утрат. Во второй половине 1980-х годов Владыка похоронил трех сестер – Александру, Надежду, Марию. И это накануне торжеств 1988-го года! В прощальных словах Владыка с присущим ему самообладанием рассказывал краткую историю жизни своих сестер, подчеркивая достоинства каждой. Даже в горе он оставался величественно-сдержанным, хотя утрата близких не могла не отозваться на его здоровье. Мне кажется, в те дни все

рыдали не столько об уходе из жизни дорогих ему людей, сколько просили Божию Матерь укрепить силы Владыки.

После похорон Надежды Владимировны мне пришлось добираться до Издательства своим ходом, в «рафике» поместились только близкие родственники, автобус уехал еще раньше. С опозданием пришла я в Малый каминный зал, где, как и в Большом зале, был накрыт поминальный стол. Через какое-то время к нам из Большого зала вышел Владыка и забрал меня с собой. Для меня было неожиданностью, что он усадил меня рядом с собой по правую руку, исподволь наблюдая за моей реакцией, попросил принести мне прибор. На нас смотрели сотни внимательных глаз. Почему Владыка так поступил, трудно сказать. Может, из чувства благодарности – причиной было мое искреннее сочувствие, желание облегчить молитвой его горе. Не зря говорят: «Разделенное горе слабеет».

В храм к Владыке меня привела Долотова Надежда (ныне покойная), известная в московских церковных кругах своей любовью к переписыванию духовных книг, которые в то время были большой редкостью. Именно от нее я узнала об отцах-пустынниках первых веков Антонии Великом и Макарии Египетском. Мыслила раба Божия Надежда исключительно по «Добротолюбию».

Владыка имел наблюдательный трезвый ум, с мягким юмором замечал смешные особенности окружающих его людей. Особенностью моей наставницы было предубеждение против чистки зубов с утра перед причастием, а причащалась она в разных храмах каждый день. Строго следуя предписаниям молчальников пустыни, она не разговаривала после причастия, но непременно приглашала меня домой, давая указания жестами. Я про себя посмеивалась над ее необычным безмолвием: если уж она не хотела рассеиваться, не нужно было меня приглашать в гости.

Вспомнила Надежду Григорьевну не случайно. Познакомились мы с ней в храме святого Иоанна Воина, где часто служил Владыка Питирим. Он и был настоящим воином Христовым, ему подражали любящие его прихожане.

Надежде Долотовой мы с мамой обязаны поездкой в Пюхтицы, после которой и состоялось знакомство с Владыкой.

Произошло оно следующим образом. Накануне дней памяти митрополитов Платона и Филарета (конец ноября – начало декабря по новому стилю) Владыка после акафиста у иконы Божией Матери «Взыскание погибших» рассказывал о просветительской деятельности архипастырей. В числе прочих заслуг митрополита Филарета он упомянул об организации женских богословских курсов для дочерей священников. Заинтересовавшись рассказом, подошла к Владыке узнать, где в наше время женщина может получить богословское образование.

Владыка очень внимательно посмотрел мне прямо в глаза и назначил время для беседы, которая состоялась в этот же день в архиерейском доме. Узнав, что я корректор по образованию, он неожиданно пригласил меня работать к себе в Издательство. Но у меня были совсем другие планы, я хотела петь и, по благословению духовника, поступила в музыкальную школу для взрослых на вокальное отделение. На что Владыка ответил: одно другому не мешает, в Издательстве есть домовый храм, в котором поют сотрудники редакции, и, если у меня есть способности, он лично даст мне направление в регентский класс. Усвоив, что в Церкви ничего не делается без благословения духовного отца, я отказалась что-либо менять в своей жизни, потому что протоиерей Г. благословил меня заниматься вокалом.

Владыка неожиданно рассердился: «Вы что, кокетничать сюда с Богом пришли!» Не понимая, чем вызвала гнев Владыки, я, как маленькая, позорно заревела. Владыка умилосердился, видя у меня полное отсутствие канонических норм поведения; конечно же, он понял, что и в мыслях я не собиралась пренебречь благословением архиерея. «Хорошо, если Вас духовник благословит, приходите к нам в редакцию на Погодинскую, нам сейчас нужны корректоры». Так я оказалась отделенной от государства, в обществе «не от мира сего»...

Духовный строй Владыки Питирима я бы сравнила со звучанием знаменного древнерусского распева, настолько

собранным и сосредоточенным предстоял он перед Престолом Божиим. Духовный труд архиерея подобен управлению мудрым кормчим большим кораблем – так принято называть Церковь. Житейское море своенравно, только сильный духом мог совершать в то время плавание под Андреевским флагом.

Однажды сотрудники Издательского отдела собрались в Большом каминном зале, чтобы поздравить Владыку с сорокалетием «Журнала Московской Патриархии». Заведующая редакцией А. Г. Чулюкина в торжественной обстановке вручила Владыке букет из красных роз, шипы были срезаны чьей-то заботливой рукой: «В этот праздничный, знаменательный для всех нас день мы дарим Вам эти прекрасные розы без шипов, Вы их не заслужили, пусть шипы достанутся другим» (цитирую по памяти)...

Людмила Вьюнова,

сотрудник Издательского отдела в 1987–1996 годах

Питиримовские Минеи

Владыка был великолепен: красив, умен, изящно мудр.

Каждую среду в нашем домовом храме в честь преподобного Иосифа Волоцкого служилась Литургия, регентовали и пели здесь сотрудники редакции – простой «домашний» хор, который мог спеть и по нотам, но главное было – пение по слуху, в соответствии с московской традицией. Навеща по праздникам храмы своей епархии, Владыка предпочитал брать именно этот хор: певцы (точнее, певицы, поскольку «басики» были редкостью и должны были сочетать свои певческие устремления с иподиаконскими обязанностями), – певцы эти не боялись потерять голоса и готовы были несколько часов трястись в рафике и спать по-походному, получая удовольствие от пения на службе.

Однажды, под Николу зимнего, мы отправились в Волоколамск. На Волоколамском шоссе, возле «ежей», владыкина машина затормозила; остановился и наш певческий рафик. Выходим и, вслед за Владыкой, поднимаемся к памятнику. Холодно, кругом бело, все засыпано снегом, вровень с бетонным помостом. Не помню, была ли отслужена лития. Помню другое: Владыка, в развевающейся рясе, идет с посохом по краю помоста, вдруг нагибается – и посох уходит в снег по самую рукоять. Восклонившись, с посохом, он произносит только одну фразу: «А в сорок первом здесь воевали...»

Выездное богослужение всегда заканчивалось праздничным обедом, приготовленным хлебосольными хозяевами с любовью и подобающим случаю изысканным изобилием. Владыка главенствовал за трапезой: не было равных ему в остроумии, в умении вести застольные беседы. Это были чаще всего воспоминания, соединенные с поучением и тонким юмором – представление о них можно получить из книги «Русь уходящая». Мне вспоминается такой эпизод: обед заканчивается, все встают, пропеты благодарственные молитвы, и тут Владыка говорит, оглядывая все еще не пустой стол: «В хороших

московских домах еще и с собой давали!..» – все смеются, а уходящие гости запихивают в карманы вкуснейшие пирожки.

Эти воспоминания согревают душу. Но главное – здесь, в Издательском отделе Владыки Питирима, я состоялась как профессионал.

В Отдел я пришла зимой 1985–1986 года. Воцерковлялась я, учась на филфаке МГУ. В издательство меня направил отец Владимир Ригин, молодой тогда священник, из иподиаконов Владыки. Мне было сказано: «Там нужна девочка в фототеку, ты иди, там разберутся. Ты ж филолог».

И я пошла.

О том, как проходило собеседование, рассказывать не буду: это прелюбопытный материал, но не имеющий прямого отношения к Владыке. Хотя, конечно, любая деталь в постановке дела говорит о руководителе Отдела.

Сотрудников издательства поразило вот что: меня взяли в штат сразу по написанию прошения и заполнении анкеты. Обычно к человеку долго присматривались, оформляли внештатно – и вдруг берут сразу в штат. Я никак не относилась это на счет своих талантов и вообще долго поражалась, как это я, девушка, оказалась в роли справщика богослужебных книг! Что-то несопоставимое: XVII век, справщики Печатного двора – и я.

Лишь много лет спустя, прочитав воспоминания Владыки Питирима о его родственниках, об учебе в Московском институте инженеров транспорта, а также его лекции для студентов МИИТа, я вдруг подумала: в анкете, которую Владыка рассматривал вместе с прошением, значилось, что родители мои – инженеры-конструкторы, так что я не какой-нибудь «потомственный филолог»...

Я попала в Минейную группу. Здесь шла работа над Минеями, и за полгода до моего прихода скончалась А. З. Трубачева, выполнявшая работу редактора-справщика богослужебных текстов. Группе нужен был человек, знающий церковнославянский язык. Таким человеком оказалась я. Работа моя заключалась в том, чтобы «стилизовать» вновь включаемые в Минею тексты под язык богослужения конца XIX

– начала XX века, то есть времени, когда в последний раз до революции был издан круг Миней.

Тот, кто готовил тексты к публикации, знает, что в них неизбежно встречаются так называемые темные места, то есть части текста, которые можно как-то понять лишь в том случае, если нечто в тексте изменить. Так мы и работали: я предлагала варианты – можно поменять окончания там-то и там-то и поставить запятую, получится такой-то смысл, а можно там-то и там-то и без запятой, получится такой-то смысл. Какой смысл предпочтительнее? Этот вопрос адресовался моему непосредственному начальнику, игумену Андронику (Трубачеву); он и решал этот вопрос.

Ежедневный филологический анализ текста очень много дал мне как профессионалу: я наглядно увидела, что существующие пособия по языку богослужения отражают лишь часть реальности, что море текстов просто не прочитано и не исследовано, что построить достоверную историю богослужебного языка Русской Православной Церкви, не говоря уж о истории русского литературного языка, пока не удалось никому – слишком обширен неисследованный океан.

Издание Миней – непрерывный процесс. Каждый выпуск годового богослужебного круга, традиционно разделявшегося на 12 томов, по числу месяцев в году, отражал свое время, каждый век приносил в состав Миней свое видение: то вселенские святые стояли на первом плане, то выступали вперед святые русские; события государственные – и нестроения, и победы – находили отражение в богослужебных текстах. Так было в допечатную эпоху, о чем свидетельствуют комплекты рукописных церковнославянских Миней, сохранившиеся с XI века; так было в XVI веке, когда началось книгопечатание на Руси; то же самое происходит на наших глазах. И «зеленые» (по цвету переплета) Минеи – Питиримовские Минеи 1978–1989 годов – это издание, составившее целую эпоху в нашем церковном книгопечатании.

Когда в 70-е годы встал вопрос об издании для нужд Церкви служебных Миней, возникла идея выпустить круг минейных текстов с дополнениями: следуя заповеди *чти отца*

твоего и мать твою (Исх.20:12), Церковь должна почитать всех своих святых, и хорошо бы издать богослужебные книги с памятями и службами всем русским святым.

Дело в том, что до революции многие святые считались местночтимыми: Святейший Синод, куда обращались с просьбой о канонизации, очень редко кого канонизировал для всероссийского почитания, с включением службы святому в общецерковные Минеи. Некоторые службы увидели свет в местных дореволюционных изданиях, но многие оставались лишь в рукописях, по которым служили только там, где хранилась память о подвигах святого. Однако в советское время появилась опасность исчезновения не только этих письменных памятников, но даже памятей святых.

Надо было спасти исчезающую традицию, и сделать это можно было путем письменной фиксации, включением памятей в календарь и в Минеи. Традицию искореняли, выкорчевывали, но... что написано пером – не вырубить топором. Именно поэтому Владыкой Питиримом была поставлена грандиозная научная задача: из архивов и библиотек, светских, церковных и частных собраний, извлечь службы, жития, похвальные слова в честь святых и памятных для Русской Православной Церкви событий – и все это опубликовать.

Работа мыслилась как подготовка к приближающемуся 1000-летию Крещения Руси. Проект был представлен в Совет по делам религий при Совете Министров СССР и... его «зарубили». Было сказано примерно следующее: «Какие такие особые Минеи русским святым? Печатайте только самое необходимое, без чего невозможно отправление религиозных потребностей». И тогда Издательский отдел пошел по другому пути: решили, не привлекая внимания Совета, просто вставлять новый материал в старые Минеи.

Первый том, Минея сентябрь, вышел в 1978 году, вышел неожиданно. На тщательную подготовку не хватило времени, так что даже по стилю верстки он отличается от других томов, в нем множество недочетов, но он вышел, и с этого тома началось издание «зеленых» Миней.

Причина такой поспешности была в том, что надо было использовать отпущенную государством бумагу. Сегодняшним тридцатилетним уже надо объяснять: все, что печатал в те времена Издательский Отдел, печаталось на государственной бумаге в государственных типографиях, потому что другой бумаги и типографий в СССР просто не было. Издательские планы и книги, подготовленные Отделом к сдаче в набор, посылались в Совет по делам религий. Нелишне напомнить, что набор происходил не как сейчас, на редакционном компьютере, а в типографии, совершенно обособленной от редакции.

Том за томом, в течение 12-ти лет, постепенно выходили в свет, и многие даже не подозревали, что Минеи, изданные в конце XX века, сильно отличались от тех, что были выпущены в его начале. Этот минейный свод до сих пор ценен прежде всего тем, что наиболее полно представляет в печатном виде православное гимнографическое наследие: он содержит богослужебных текстов в два с половиной раза больше, чем было в дореволюционных изданиях. В нем не 12 томов, а 24, причем некоторые месяцы уместились в одном томе, тогда как другие потребовали двух и даже трех томов.

Сотрудники Издательского отдела, штатные и внештатные, разыскивали по архивам и переписывали службы и отдельные тропари, кондаки, молитвы святым, не входившие в круг богослужебных Миней начала XX века. Многие из московской и тогда ленинградской интеллигенции трудились бесплатно и анонимно, не афишируя своего сотрудничества с Издательским Отделом.

Впрочем, владыка Питирим не жалел средств на научные командировки. Штатные сотрудники были разделены на четыре группы. Одна работала в Москве, по разным направлениям: в Государственном Историческом Музее, в Румянцевской библиотеке (тогда ГБЛ, ныне РГБ), в ЦГАДА (ныне РГАДА) и других хранилищах. Вторая группа работала в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде), в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве Санкт-Петербургской Духовной Академии. Третья группа – в Киеве, в архиве Киевской Духовной Академии. Четвертая группа была направлена в Казань, в архив Казанской

Духовной Академии. Ездили и по другим городам: были обследованы библиотека Тартусского Университета (архив Псково-Печерского монастыря), архивы многих бывших уездных городов, в том числе северных, а также архивы Сибири – в Новосибирске, Томске, Иркутске, Барнауле.

В годичный круг богослужебных Миней Русской Православной Церкви вошли службы из дореволюционной Минеи дополнительной и сборника служб Киево-Печерским святым, из изданий, выпускавшихся в XX веке православными в Америке, службы болгарским и сербским святым, которые не нужно было переводить. Ряд текстов был привезен с Афона, где славянская богослужебная традиция тогда, казалось, почти умирала. Переводили на церковнославянский с греческого языка – службы, не входившие в Минеи до 1917 года; таким же путем вошли в Минеи службы грузинским святым.

Много материалов было найдено в личных архивах. Так, из подмосковных Петушков привезли двенадцать чемоданов архива святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского. В его архиве было обнаружено множество служб, канонов, тропарей и кондаков русским святым, которые святитель предполагал включить в богослужебный обиход. Здесь были тексты в виде отдельных изданий (местных синодального периода и старообрядческих), а также машинописные копии и рукописи, содержащие службы, каноны, тропари, кондаки и другие тексты, посвященные русским святым. Были и другие частные архивы: например, в архиве отца Павла Флоренского нашлось редкое издание службы в честь Софии, Премудрости Божией.

Некоторые сотрудники сами составили тогда службы святым, которых почитали: в июльской Минее, к примеру, можно найти одну из таких служб, причем по грамматическим особенностям текста можно догадаться, что составитель – женщина. Были архиереи, которые стремились прославить святых вверенных им епархий: например, по некоторым соборным службам можно судить о служебных перемещениях владыки Максима (Крохи). Иногда над составлением службы работали несколько человек – так, по благословению владыки

Филарета (Вахромеева), была составлена служба Собору белорусских святых. Порой текст складывался из разрозненных листочков, по которым служили в каком-нибудь храме, как служили в те годы в московском Донском монастыре, у Донской иконы Божией Матери. Использовали и научные издания XIX века – по ним были подготовлены, например, две службы Василию блаженному, Московскому Христа ради юродивому.

Основная цель была – включить как можно больше памятней и богослужебных текстов; если память повторялась, делали ссылку, где в Минеях помещен текст, посвященный тому или иному святому. Сразу возникла масса уставных проблем: как использовать памяти и тексты, куда их включать, какую память ставить вперед – мучеников ли древнехристианских, византийских святых или русских, кого в какой последовательности, куда помещать памяти празднований в честь икон Божией Матери.

Архимандриту Матфею (Мормылю), игумену Андронику (Трубачеву), игумену Иоанну (Самойлову) – нынешним членам Синодальной богослужебной комиссии, да и другим знатокам богослужения, которые рядом с ними работали над Минеями, было ясно, что сразу решить все уставные вопросы невозможно. Главное – сохранить память.

Новшеством для Миней было включение в них молитв святым, читаемых на молебнах. Молитвы брали в основном из сборника «Молитвы, чтимые на молебнах» и из указанных выше источников.

Руководством издательства был найден еще один интересный ход: в богослужебные Миней включили тексты «четьи», а именно жития тех святых, которым находился хотя бы тропарь, кондак или молитва. Это должно было частично утолить голод на житийную литературу, которую в то время почти невозможно было достать: старые издания мало у кого сохранились, государственные издательства этой темой не занимались, а Издательский отдел – единственное тогда церковное издательство – был ограничен извне в своих планах.

Предполагалось, что священнослужители будут пользоваться этими житийными справками при подготовке

проповедей или даже будут читать их пастве вслух, подобно древним синаксарям. Церковь в те годы была заперта в стенах храма, и пастырские усилия в основном сосредотачивались на богослужении. Именно поэтому такое внимание было обращено к одной из основных на богослужении книг – Минее.

Над житийными справками много потрудились Н. А. Моисеев (архимандрит Феофилакт), историк-архивист по светскому образованию (ныне епископ Брянский и Севский), Н. Н. Лисовой (ныне вице-президент Императорского Православного Палестинского общества, доктор исторических и кандидат философских наук), В. А. Никитин и множество других авторов.

Кроме текстов, сотрудники Издательского отдела, работая на местах, собирали материал иконографический, причем стремились найти местное изображение святого. Иногда найденное изображение было примитивным, но встречались иконы очень хорошего письма. Решено было снабдить новые Минеи прорисями икон Божией Матери и святых, приходящихся на каждый день (большую часть иконописных прорисей, сопровождавших житийные справки, выполнил отец Вячеслав Савиных), а также вкладками с цветными репродукциями икон и фресок.

В процессе работы эти вкладыши совершенствовались. Поначалу изображения располагали в календарном порядке, по числам месяца, но потом, по просьбе священнослужителей, которые использовали эти репродукции как аналойные праздничные иконы, стали размещать образы так, чтобы святые дня помещались не на двух сторонах одного листа, а на разных листах. Таким образом, имея всего один комплект репродукций, можно было положить на аналой сразу несколько праздничных икон, – ведь о современном иконном изобилии тогда можно было только мечтать.

Владыка, обладая хорошим вкусом, был весьма внимателен к художественной составляющей книги. Любопытна общая концепция художественного оформления «зеленых» Миней: заставки, концовки, буквицы, традиционно украшающие богослужебные книги, в этом издании различаются от тома к

тому, поскольку выполнены в разных стилях, известных палеографам: тератологическом, неовизантийском, старопечатном. Это должно было в какой-то мере дать представление о книжных традициях нашей Церкви.

Владыку Питирима иногда ругают за то, что Минеи 1978–1989 годов вышли гражданским шрифтом, усматривая в этом некий умысел. Многие люди, и даже некоторые священнослужители из молодых, не понимают, что в те годы в СССР набрать книгу традиционным церковнославянским шрифтом было попросту невозможно: после октябрьского переворота все типографские наборные кассы церковнославянского шрифта были уничтожены. Можно было выпустить репринт, как это было сделано с Октоихом, Триодью постной и цветной и другими богослужебными книгами, но тогда в Минеи не попало бы огромное количество служб, которые входят в них и используются за богослужением вот уже 30 лет.

Откройте мартовский том, вышедший в 1984 году, – там, под 2 марта, найдете две службы Божией Матери в честь Ее иконы, именуемой «Державная». Маленькая справочка об иконе и две службы. Напомним, что икона эта была явлена в тот день, когда царь-страстотерпец Николай подписал отречение от престола. На иконе изображена Мать Божия с Младенцем Христом, сидящая на троне, со знаками царской власти в руках – скипетром и державой. Пресвятая Богородица воспринималась как хранительница России в отсутствии царя, и службы в честь этой Ее иконы имеют политический подтекст. Тем не менее в 1984 году эти тексты были опубликованы.

В Совете по делам религий из житийных справок вычеркивали упоминания о местонахождении мощей и чтимых икон; слово «новомученики» в названии службы византийским святым, пострадавшим в XV веке, вызвало шок и было несколько видоизменено. Но, видимо, загруженные работой, сотрудники Совета внимательно читали прежде всего житийные справки, написанные более понятным им языком, а богослужебные тексты... да что там может быть интересного современному человеку?

Несмотря на масштаб работ, в широких научных кругах об особенностях зеленых Миней стало известно далеко не сразу. Характерная ситуация, повторявшаяся неоднократно: на конференции к сотруднику Издательского Отдела (или Издательского Совета) подходит ученый со словами: «Я занимаюсь святым N., обследовал все рукописи, связанные с ним, нашел неопубликованный текст службы, думаю, Церкви это должно быть интересно». – «Очень интересно. А Миней смотрели?» – «Смотрел». – «Зеленые Миней?» – «А что это такое?..» – Объяснение, обмен телефонами. Через несколько дней в Издательском Отделе (или Совете) раздается звонок: «Эта служба там уже опубликована...»

Хотя научных комментариев в зеленой Минее нет, ее вполне можно считать серьезным источником, играющим важную роль в лингвистическом источниковедении. В те годы, когда работа начиналась, наши хранилища были в трудном положении. Даже в Москве, в Библиотеке имени Ленина (ныне Российская Государственная Библиотека), в хранилищах росли грибы. Рукописи горели, затоплялись. Кто помнит 70-е годы, и предположить не мог, что все переменится и что спустя 30 лет вообще будет о чем говорить, не то что писать. Тогда казалось, что все идет к концу, и надо было хоть как-то законсервировать те тексты, которые мы имели. Тексты должны были быть опубликованы, чтобы не исчезнуть с лица земли.

О важности этого можно судить по простому примеру. «Слово о полку Игореве» – маленькая повесть, на 5–7 страниц, рассказывающая о событиях 1185 года и возникшая предположительно в конце XII века. «Слову...» посвящено множество исследований. Источник, некая рукопись XVI века новгородско-псковского происхождения, в которой повесть была обнаружена, не сохранился, и все эти горы ученой литературы написаны на основании писарской копии, сделанной для императрицы Екатерины II, и на основании издания, предпринятого А. И. Мусиным-Пушкиным, тираж которого почти полностью сгорел в московском пожаре 1812 года. На основании нескольких уцелевших экземпляров и писарской копии пишутся трактаты. Обсуждаются вопросы, настоящий ли

это памятник или подделка, какую роль он сыграл в литературе; сделан не один десяток переводов; по-разному интерпретируются «темные места», обычные для древних рукописей... Маленький текст – и шкафы ученой литературы.

В отношении литургических памятников ситуация полностью противоположна. Шкафы, горы богослужебных текстов, которые не то что не изданы и не исследованы, а даже не описаны, не каталогизированы. О доставшемся нам наследстве можно писать научные работы по самым разным отраслям книговедения: истории, лингвистике, литургике, гимнографии, литературоведению, искусствоведению – работы хватит на несколько НИИ и Духовных Академий, и не на один год.

Сегодня Издательский Совет Русской Православной Церкви, продолжая труды, начатые Издательским Отделом Московского Патриархата, собирает богослужебные тексты, не вошедшие в наши Минеи, – службы, отдельные тропари, кондаки, стихиры и молитвы, которые не были обнаружены сотрудниками Издательского Отдела потому, что поиск был все же затруднен: исследователю в читальный зал выдавались рукописи на основании описей, а они не всегда сделаны корректно. Нередки случаи, когда единица хранения описана, скажем, как сборник слов Златоуста, но в рукописи реально находится лишь одно его слово – в начале, а потом выписаны службы или другие интересующие нас тексты. Приходится просто-напросто перелистывать сборники по листочкам, и такое перелистывание дает свои плоды.

Российские архивы – это еще не все. В Болгарии, например, свое море текстов. В Греции, в Грузии, в англоязычных странах – тоже, причем это службы как новым святым, так и древним, жившим до 1054 года. Кроме того, мы занимаемся каталогизацией и сбором новейших богослужебных текстов. Сейчас, когда возрождается церковная жизнь по всей Руси, во многих монастырях и даже в некоторых приходах составляются тропари, кондаки, молитвы и полные службы (об акафистах и не говорю), которые вполне могли бы войти в Минеи.

А начало было положено тогда.

И думаю, что размах работы, в которой мне посчастливилось участвовать, во многом определен размахом личности Председателя Издательского отдела Московского Патриархата, вокруг которого в те непростые годы не просто сформировалась «команда» – образовалась церковно-культурная среда, в которой многие смогли найти применение своим талантам.

Людмила Медведева,
заведующая Отделом богослужебных книг
Издательского Совета Русской Православной Церкви

«Решение Владыки определило мою судьбу»

О Владыке Питириме я впервые услышал в конце 1970-х годов от человека, который в то время уже был на пенсии, но до этого много лет работал в Издательском отделе. Это был протоиерей Николай Павлович Иванов. И по выходе на пенсию он продолжал заниматься богословием, более того, именно тогда он взялся за главный труд своей жизни – толкование первых глав Книги Бытия с привлечением современных научных знаний. Для этой работы отец Николай привлекал множество людей – специалистов в области физики, биологии, филологии и т. д., стремясь в то же время всех их воцерковить; меня он также привлек с целью консультаций по вопросам соотношения библейского Шестоднева с современными научными представлениями. Кроме того, я помогал ему и с общим редактированием книги (кстати, у меня это был первый опыт, очень пригодившийся мне впоследствии).

О митрополите Питириме он говорил так: Владыка – человек сложный, и рассказывал историю своего преждевременного, как он считал, увольнения на пенсию (отношению Владыки к Н. П. Иванову посвящено несколько страниц книги «Русь уходящая»). Впрочем, хотя в этом рассказе еще видны были следы не совсем забытой обиды, но заканчивал его отец Николай всегда рассуждением о том, что благодетельность Божия Промысла открывается нам далеко не сразу («уж как я негодовал, но спустя десять лет вижу, что никогда бы не написал свой труд, если бы меня не отправили на пенсию»).

В конце концов книга была завершена и перепечатана на машинке в нескольких экземплярах.⁵ Один из них отец Николай отвез в библиотеку Московской Духовной академии, с другим поехал к Владыке Питириму, сказав при этом: надеюсь, что Владыка возьмет мою работу и что-нибудь мне заплатит. Я сопровождал отца Николая и таким образом впервые попал на Погодинскую улицу (это было уже в середине 1980-х годов). На проходной мне пришлось ждать часа два, зато спустился он со

второго этажа сияющий и на мои расспросы сказал: «Владыка очень ласково поговорил со мной и приобрел для Издательства рукопись, заплатив мне 2000 рублей». Я говорю: «Вот это да, это почти моя зарплата за год!», на что отец Николай заявил: «Так я одним машинисткам заплатил почти 500 рублей!». Как бы то ни было, но первое мое соприкосновение с Владыкой Питиримом (пока заочное) явило его как человека весьма щедрого.

И во второй мой приход в Издательский отдел мне не пришлось вступить в личный контакт с Владыкой, хотя на этот раз я уже в течение некоторого времени подвизался здесь, правда, «по счетам». Это было в 1988–1989 годах, я тогда работал в Вычислительном центре МГУ, занимался химической информатикой – разработкой баз данных по химическим соединениям; попал же в отдел проповеди «Журнала Московской Патриархии», который тогда возглавлял протоиерей Михаил Дронов. Его «коньком» также была информатика, только информатика христианская – он создавал базу данных по экзегетике, расписывая в определенной системе цитаты из Священного Писания в творениях святых отцов. Мы почувствовали себя родственными душами, я даже приезжал к нему домой, чтобы что-то там наладить в его компьютере. В то время переход с больших ЭВМ на персональные компьютеры еще только начинался, и я был поражен тем, что компьютерная техника в Издательском отделе лучше, чем в Вычислительном центре Московского государственного университета; поражал и тот факт, что сотрудник Московской Патриархии, да еще священнослужитель, имел компьютер дома, о чем я, профессиональный программист, и помыслить не мог (тогда его стоимость равнялась моей зарплате за 20–30 лет).

Для базы данных, которую создавал отец Михаил, мы (а нас был не один десяток человек) подготавливали данные, записывая их на обычной каталожной карточке; вводили их в компьютер уже его штатные сотрудники. Мне в этом проекте достался «Алфавит Духовный» святителя Димитрия Ростовского, а цитаты мы все должны были брать только из Евангелия от Матфея.⁶ Работа была не только душеполезной,

но и материально выгодной: нам платили по 1.30 руб. за одну карточку, так что за месяц я мог заработать 100–130 р., что составляло существенную прибавку к жалованию в университете. Однако работа эта, которую отец Михаил хотел представить как свою магистерскую диссертацию, почему-то не нашла поддержки в Академии; сам он вскоре уехал в Германию (где и по сей день является настоятелем православного прихода во Фрайбурге), после чего проект этот был заброшен. Но хотя на сей раз мне не удалось закрепиться в Издательском отделе – вероятно, я и сам внутренне еще не был готов к этому, – но уже до некоторой степени приобщился к его духу, к интереснейшим разговорам за чаепитиями на чрезвычайно для меня важные темы.

Еще через год я наконец-то впервые увидел Владыку (ибо в храмах, которые я обычно посещал, он никогда не служил). Это было в мае 1990 года, когда в возрасте 85 лет скончался мой духовный наставник протоиерей Николай Иванов. Его отпевал отец Борис Балашов, ныне митрофорный протоиерей, благочинный Клинского округа Московской епархии. Отпевание проходило в любимом храме отца Николая – Илии пророка в Обыденском переулке. Народу пришло очень много, поскольку почивший был по своему характеру и темпераменту подлинным миссионером, просветителем и катехизатором. И вдруг по церкви пролетело ветерком: митрополит, митрополит!.. Действительно, в боковую дверь вошел Владыка Питирим, стал там же и скромно простоял до конца службы, отдав, таким образом, последний долг своему многолетнему сотруднику и однокашнику по Академии. Хорошо помню, как была этим утешена вдова покойного Елена Павловна – ведь в то время Владыка был очень большим и очень занятым человеком!..

Осенью того же 1990 года началась история моей третьей, на этот раз – успешной попытки поступления в Издательский отдел. Перестройка, которая вовсю уже разворачивалась в стране, пришла наконец и в Церковь. Выразилось это, в частности, в том, что 10 сентября в Москве состоялось большое собрание под названием «Русская Православная Церковь – история и современность», на котором одновременно

выступали и церковные иерархи (митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир), и церковные диссиденты (отец Димитрий Дудко, Виктор Капитанчук) – дело в прежние времена совершенно немыслимое. Активно обсуждался вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства – с докладом на эту тему выступил, в частности, Георгий Шевкунов (нынешний настоятель Сретенского монастыря архимандрит Тихон). Он также сообщил о предстоящем собрании группы друзей, интересовавшихся церковными вопросами, сказав: было бы хорошо, если кто-нибудь из вас подготовил бы выступление о Патриархе Сергии. Так получилось, что из всей той группы только я воспринял эти слова как призыв к немедленному действию и действительно написал соответствующий доклад; но, увидев в зале большое количество священнослужителей, как-то оробел и не стал выступать. Однако текст этот не пропал, он был опубликован в начале следующего года в «Вестнике РХД» (№ 161).

Новые веяния коснулись и редакции «Журнала Московской Патриархии»: там стали искать авторов, способных писать о деятелях русского религиозно-философского возрождения начала XX века, обратились к известному уже в то время философу и богослову С. С. Хоружему (моему другу и однокашнику по физфаку МГУ), а он порекомендовал меня. Так в конце 1990 года я впервые появился в редакции и тут же предъявил в качестве некоей визитной карточки вышеуказанный текст о Патриархе Сергии. Увы, там сочли статью слишком острой и явно не имеющей шансов быть опубликованной (замечу, что всего через два года она была напечатана в Журнале⁷ – такова в те годы была скорость перемен в церковно-общественном сознании).

Тогда я попытался заинтересовать редакцию другой идеей – проектом создания Православного информационного центра. Отправляясь от решения задачи христианского возрождения в стране, я в нем рассматривал информационный аспект этой задачи и выдвигал программу формирования ряда компьютерных баз данных в области христианства (по

агиографии, иконографии, гимнографии, экзегетике, христианской библиографии и персоналии), а также компьютерных симфоний по Священному Писанию и богослужебным книгам. Конечно, появившийся позднее интернет до некоторой степени снял остроту поиска всякой информации, но в 1990 году не существовало не только интернета, но даже полного электронного текста русской синодальной Библии!

Однако и этот проект, с которым я тогда носился с разным успехом по разным организациям,⁸ не произвел особого впечатления на сотрудников редакции. Мне сказали: всё это, конечно, хорошо; а вот не могли бы Вы написать статью по русским религиозно-философским обществам?

Я так хотел попасть в Издательский отдел, что был заранее согласен на любую работу; а тут мне предлагают написать статью по теме, которой я действительно много занимался, изучал архивы, вел переписку с Н. А. Струве о возможности издания книги на эту тему в «YMCA-Press». И я с восторгом взялся за эту статью, которая и появилась в апрельском номере Журнала.⁹

После этого я был представлен митрополиту Питириму. Тогдашний заместитель Владыки диакон Андрей Лоргус привел меня к нему.

– Владыка, вот раб Божий Евгений хочет работать у нас, написал хорошую статью о Религиозно-философских обществах в предреволюционной России.

– Кто Вы?

Я рассказал, что по образованию я – физик, однако с давних пор интересовался вопросами сначала философскими, потом и богословскими; был в дружеских отношениях с бывшим ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии» Анатолием Васильевичем Ведерниковым, а также Н. П. Ивановым, которые и руководили моим самообразованием в этой области; с давних пор мечтаю попасть в такое место, где богословием можно будет заниматься официально.

– Что ж, я не возражаю, давайте, попробуем.

– Владыка, только я не хотел бы сейчас сразу уходить из МГУ: а вдруг я Вам не понравлюсь?

– Ну, что же – сейчас это можно, сейчас совместительство допускается...

Глядя из сегодняшнего дня на этот разговор, я до сих пор поражаюсь кротости и вместе с тем пронизательности Владыки: не знаю, как бы я сам вел себя в ситуации, когда человек, которого ты намереваешься взять на работу в штат, проявляет нерешительность, начинает выдвигать какие-то условия... Но Владыка, видимо, понял мое внутреннее состояние и не поставил мне в вину нежелание сжечь все мосты в своей прежней жизни... И это решение Владыки определило мою судьбу – я наконец-то попал на работу в Издательский отдел, где работаю и по сей день...

Ежедневно бывая в Отделе, я не раз встречался с митрополитом, брал у него благословение. Иногда, когда Владыка прогуливался во дворе, он останавливал меня для разговора, спрашивал: над чем Вы сейчас работаете? – и выслушивал мои планы. После каждой такой беседы я, конечно, испытывал большой эмоциональный подъем и готов был «свернуть горы». Помню, говорил он мне и об отце Сергии Булгакове, которого Патриарх Алексий I завещал ему богословски «реабилитировать».

Понятно, что в то время я как рядовой редактор задания получал от своих прямых начальников; но дважды я получал задания и непосредственно от Владыки. Первый раз это было так: на одном из редсоветов Владыка обратился ко всем присутствующим, что вот нужно бы написать статью по истории экуменизма, как-то оправдать его, а то уже это слово становится среди православных едва ли не бранным; кто возьмется?

Я, конечно, вызвался и для начала подготовил публикацию старой статьи архимандрита Киприана (Керна) «Дореволюционное русское духовенство за границей», в свое время напечатанной в трудах Сергиевского богословского института в Париже.¹⁰ Она имела подзаголовок «Экуменизм до экуменического движения» и была посвящена деятельности

священников при наших иностранных посольствах, знакомивших западный мир с Православием задолго до экуменических съездов XX века. Однако затем Владыка как-то охладел к этой теме, и дальнейшего развития на страницах Журнала она не получила.

Более плодотворным оказалось другое задание Владыки. Как-то весной 1994 года митрополит вызвал меня к себе в кабинет, рядом с ним на диване сидел незнакомый мне архиерей, а перед ними на журнальном столике – толстая подшивка газет. Архиереем оказался архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир, а газетной подшивкой – его еженедельник «Слово жизни» за три года издания. Митрополит Питирим попросил меня написать заметку об этом тогда еще достаточно редком опыте налаживания епархиальной церковной печати, что я и исполнил.¹¹ В то время я уже приступил к разработке компьютерной информационно-поисковой системы «Христианская информатика»,¹² но занимался в первую очередь ее агиографической и иконографической подсистемами; задание Владыки дало мне повод продвинуть ее библиографическую часть, и в ходе подготовки публикации я ввел в соответствующую базу данных описания статей всех 112 номеров указанного еженедельника (их оказалось 837), что не только помогло написать заметку, но и позволило отработать технологию ввода данных, систему ключевых слов и рубрик, словом – приобрести опыт, которым я и воспользовался позднее уже для статей «Журнала Московской Патриархии».

Но добиться официальной поддержки этой тематики мне так и не удалось, несмотря на хороший повод – исполнившееся осенью 1993 года пятидесятилетие непрерывного выхода Журнала. На редсовете прямой вопрос заведующей редакцией Аллы Георгиевны Чулюкиной: а не отметить ли нам этот юбилей созданием указателя статей за эти 50 лет – Владыка оставил без ответа: скорее всего он понимал, что быстро сделать такой указатель не получится. И действительно, это удалось сделать только к 2006 году, когда соответствующий указатель появился

на сайте Издательского Совета;¹³ сейчас (на начало 2008 года) он уже содержит свыше 30 тыс. статей.

Начало 1990-х годов было в стране временем трудным, многие церковные организации получали тогда гуманитарную помощь из-за рубежа. Владыка также заботился о своих сотрудниках, и нам частенько выдавали крупу, топленое масло, сухие сливки, колбасу «салями». Происходило это в подвале здания на Погодинке. Иногда колбасы было так много, что она лежала там прямо на полу и чуть ли не полуметровым слоем, так что запах чувствовался даже на проходной...

Яркие воспоминания остались у меня от разговлений в трапезной Отдела после ночной службы на Пасху и на Рождество, куда нас всех привозили из храма Воскресения словущего на автобусах.

Хорошо запомнился один из последних редакционных советов, который был в Малом Каминном зале. Владыка почему-то угощал всех его членов полным обедом. Он был в настроении грустно-элегическом – думаю, что уже ожидал своей отставки. Среди сказанного им тогда меня поразила такая фраза: «за свою жизнь я стольким людям сделал добро – и никто не ответил мне благодарностью...»

Но я думаю, что сам факт выхода этого сборника свидетельствует об обратном.

Последнее деяние Владыки в Отделе было таким: он выписал сотрудникам премию, причем всем – вплоть до уборщиц – одинаковую...

Евгений Полищук, заместитель главного редактора
Издательства Московской Патриархии,
член Фонда «Наследие митрополита Питирима»

Хор Издательского отдела

В одном из кабинетов Издательского отдела Московского Патриархата висел портрет Владыки Питирима. Этот портрет обладал необычайными свойствами, о которых знали немногие. Глядя на него, можно было с большой вероятностью узнать, в каком Владыка пребудет настроении. Если левая бровь чуть приподнята, жди выговора, если правая – Владыка настроен шутить. А иногда казалось, будто брови Владыки сходились к переносице, а пышные усы несколько надувались, что предвещало ураган. Я уже не говорю о глазах Владыки, которые глядели то по-детски беззащитно, то карающе грозно. Но решающим моментом, определяющим твою судьбу в этот день, было благословение Владыки. Любая мелочь в этот момент имела значение: холодная или теплая у него рука, придерживает ли он твою руку в момент, когда ты прикладываешься к его руке, позволяет ли он после этого прикоснуться к своей бороде, если да, то какую часть бороды он подставляет для этого: нижнюю, среднюю или в районе щеки; колются ли его усы или они шелковистые, от прикосновения к которым в сердце появляется сладкое щекотание. Но очень огорчительно, когда разгонишься, бывало с вытянутыми губами к щеке Владыки, навстречу его движению, а он в последний момент твердо остановит тебя рукопожатием, отчего чувствуешь себя навязчивым болваном. Но и после благословения его удаляющаяся поступь, движения, с какими он закрывал дверь своего кабинета или оставлял ее нараспашку, продолжали рассказывать внимательным и преданным сотрудникам издательства о настроении архиерея.

И был еще один очень важный для понимания характера Владыки предмет, о котором в Издательстве мало кто знал – это темно-коричневый лакированный футляр, стоявший в его келье, где хранилась старинная виолончель, которую он иногда вынимал и, когда его никто не мог услышать, играл. Я об этом знаю потому, что сам играю на смычковом инструменте, и Владыка, зная об этом, просил меня найти для него хорошего

учителя по виолончели. Возможно, благодаря любви к музыке в характере Владыки была та гибкость и подвижность, которой не может быть у тех, кто никак не подвластен музыке...

Моя первая встреча с Владыкой была такова: двое певчих и я, основа будущего хора, зашли в залу Издательского отдела. У окна сидели Владыка Питирим и профессор Н. Д. Успенский, специалист по древнерусскому пению. Перед ними выступал служебный хор Владыки. Пели «Покаяние» композитора Веделя. Помню, как дирижер хора вскинул руки высоко над головой и хор взревел, а в конце регент опустошенно уронил руки и хор замолчал.

Затем вышли мы, «трое отроков», и затянули знаменную песнь. По окончании ее Владыка назначил мне день встречи, на которой благословил набирать мужской хор. Это был 1985 год. Разумеется, прежде, чем принять это решение, Владыка читал труды по древнерусскому пению, беседовал с учеными, посылал экспедиции в старообрядческие общины, собрав большой архив записей знаменного пения. Всё это поставило митрополита Питирима в ряд с такими иерархами Русской Православной Церкви, как Преосвященные Порфирий Успенский и митрополит Евгений Болховитинов, обратившими внимание на каноническое богослужбное искусство.

12 человек хора были зачислены на должность младших референтов Издательского отдела с окладом 140 рублей (зарплата инженера в то время), и начались каждодневные репетиции. Владыка изредка заходил на спевки и очень осторожно делал кое-какие замечания по поводу манеры и стиля пения, а однажды пригласил хор на чай. Но пригласил не для того, чтобы накормить, а чтобы понаблюдать, кто как ест и как себя ведет, так как предполагал со временем использовать хор в различных официальных мероприятиях, при которых почти всегда бывают застолья. Стол в каминном зале был сервирован чайным сервизом и тарелками для закусок. Один из певчих положил себе в тарелку шпроты, капнув маслом на скатерть. Владыка заметил нам, что еду не вываливают через край, а накладывают. Другой певчий слишком громко размешивал в

стакане с чаем сахар, третий неправильно манипулировал салфеткой...

Спустя некоторое время Владыка благословил нас петь по средам на Литургии в домовой церкви Издательского отдела, на которой сам всегда молился, крестился, клал поясные и земные поклоны, как бы на себе испытывая воздействие древних распевов, и, наконец, решился выпустить нас «в люди», предоставив хору вечер среды и утро четверга в своем «кафедральном соборе» в Брюсовском переулке. Поначалу бабушки сочувствовали нам, думая, что мы поем в один голос, потому что не выучили другие, но Владыка однажды сказал на проповеди, что таким образом пели преподобный Сергей Радонежский, Иосиф Волоцкий, Савва Сторожевский и другие древние святые. Тогда бабушки стали вспоминать, что они действительно в детстве слышали в каких-то монастырях такое пение...

Самым памятным богослужением было всенощное бдение под праздник перенесения мощей преподобного Сергия Радонежского. Народу в храме было, как на Пасху. Возглавлял богослужение сам Владыка. Пели большим знаменным и строчным распевами. Запевал и канонаршил несравненный диакон Петр Дьяченко (ныне игумен Иосиф). К счастью, запись сохранилась.

О Владыке я бы хотел написать как можно больше, но вдруг обнаружил, что почти ничего о нем не знаю, хотя и встречался с ним вплоть до реорганизации Издательского отдела. Некоторым казалось, будто у него на счетах несметные богатства, их раздражало врожденное благородство Владыки, его принадлежность к старинному священническому роду. Митрополит Сурожский Антоний (Блум; † 2003) и архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Василий (Родзянко; † 1999) были одними из близких Владыке иерархов. В число тех, с кем он поддерживал дружеские отношения, входили люди самых разных профессий. Общим у них всех было то, что каждый в своем деле был оригинален. Но имелась у Владыки одна черта, причинившая немало огорчений тем, кого он приручал. Как только человек вводился в штат сотрудников,

Владыка терял к нему прежний интерес. Отчасти это происходило по вине самого человека. Будучи еще нецерковным, он общался с Владыкой запросто и по имени-отчеству; когда же «воцерковлялся», то терял прежнюю простоту, начинал гнуть спину и брать бесконечно благословения. Это митрополиту Питириму не нравилось...

Я не помню, чтобы Владыка кому-либо предлагал уйти из Издательского отдела, но он мог ничего не предпринять для того, чтобы удержать человека – подобно толстовскому Кутузову, не вмешиваясь в естественный ход событий. Однажды я испытал эту его позицию на себе. Вот как это было.

В штат Издательского отдела после меня были зачислены еще два регента и одна расшифровщица древнерусских рукописей. Владыке свойственна была осторожность, и он на всякий случай – мало ли что со мной случится – оформил в штат моего хора этих двух людей. Послесоветская перестройка была в самом разгаре, выезды за границу упростились, что сделало мое место экономически крайне привлекательным. Хор практически развалился. Со мной осталось 4 человека. От Владыки никаких указаний я не получал, и мы продолжали еженедельно петь в храме впятером. Я много раз начинал писать письмо митрополиту, но дальше первого слова «Владыка» дело не продвигалось. Всё разрешилось само собой. В очередной раз мы пришли в храм и увидели, что клирос занят другими певчими. Я спросил, в чем дело, и мне ответили, что Владыка нас уволил. Приезжаю в Издательский отдел, захожу в кабинет к Владыке и спрашиваю у него, нужно ли мне писать прошение об увольнении. «Зачем?» – спросил меня удивленно Владыка. «Мне сказали, что Вы нас уволили», – ответил я. Митрополит показал мне донос на меня и приказал позвать автора этого сочинения. Владыка посадил нас друг перед другом и попросил его объяснить свое поведение. Тот начал говорить, что произошла ошибка. «Нет, это больше, чем ошибка», – сказал Владыка.

Во всё это время я не проронил ни слова и радовался, что не написал Владыке своей жалобы. Со временем все певчие вернулись в хор и службы пошли своим чередом.

Разумеется, расшифровка и исполнение знаменных рукописей – дело непростое и не всегда однозначное. Даже академик Ю. В. Келдыш после одного прослушивания высказался по поводу строчного многоголосия, что оно так же невероятно для Руси XVII века, как увидеть в то время жирафа на улицах Москвы. Спустя время была доказана правильность наших расшифровок, но академик не дожил до этого времени.

В заключение моих обрывочных воспоминаний я хочу рассказать об одном случае, в котором Владыка сыграл малозаметную, но, возможно, самую значительную для меня роль.

Однажды наш хор пригласили в Тель-Авив на фестиваль старинной музыки. В то время из хоров мало кто выезжал за границу, а тем более в Израиль. В консульстве Израильского посольства нам поставили въездные визы, а в то время нужны были еще выездные визы, которые МИД нам не давал. В Отделе внешних церковных сношений мне помочь не смогли. Когда я вернулся домой, мне вдруг пришла мысль позвонить Владыке Питириму. Я знал, что Владыка был дружен с одним очень влиятельным лицом в МИДе. Был уже вечер накануне предполагаемого вылета. Владыка выслушал меня и сказал, чтобы я позвонил ему через час. Звоню через час, и Владыка ровным, тихим голосом произнес: «Ваш выезд нежелателен по политическим соображениям». Я спрашиваю: «Значит и пытаться бессмысленно?»

«Можете пытаться», – сказал Владыка. Что он имел в виду, я не знаю, но от отчаяния я решил, что это его благословение. Звоню певчим и говорю, что всё в порядке и что завтра в такое-то время всем быть в Шереметьево II. Утром мы встречаемся на регистрации билетов, проходим ее и становимся в очередь на паспортный контроль. Здесь только я открыл хор, что дела наши плохи, что виз выездных нет и что нас могут не пропустить. Говорю певчим, чтобы все до единого произносили про себя молитву «Богородице Дево, радуйся» и ни о чем больше не думали. Я пошел первым. Подхожу к окошку, за которым сидит офицер, и подаю ему свой паспорт с билетом. И

вижу, как у него брови поползли вверх. «А-а где выездная виза?» – спросил он.

«Не знаю, – ответил я, – может быть, забыли поставить? Я руководитель хора, нас 12 человек».

– А у остальных есть виза? – продолжал офицер.

– Не знаю, – соврал я, пожав плечами.

Офицер посмотрел в следующий паспорт и сказал:

– Соберите все паспорта.

Получив их, он ушел. Минут через десять возвращается и зовет меня в небольшую комнатку рядом с контролем. Захожу и вижу – на столе перед ним разложены наши паспорта с нужными визами. Не буду описывать наше поистине чудесное паломничество ко Гробу нашего Господа Иисуса Христа, совершенное, вероятно, по молитвам Владыки Питирима, оно навсегда осталось в нашей памяти.

Оправдались ли надежды митрополита Питирима, связанные с нашим хором, я не знаю, но ясно одно, что без него и то малое, что было достигнуто хором, оказалось бы невозможным. После того, как Владыка благословил хор служить по средам и четвергам в храме в честь Воскресения словущего, в течение десяти лет был исполнен практически весь богослужебный круг знаменного пения. Как митрополит и замыслил, хор стал своеобразной творческой лабораторией, где осуществлялось содружество теоретиков и практиков, а задачей его являлось: восстановление алфавита понятий, необходимых для прочтения древнерусского искусства; озвучивание рукописных памятников в их полноте и возвращение их в живую богослужебную практику; концертно-просветительская деятельность, цель которой свидетельствовать о феномене профессиональной древнерусской певческой культуры. В России – это лекции-концерты, а также выступления хора с одновременным показом на большом экране фрагментов древнерусской и византийской живописи.

Восстановление древнерусского церковного пения – это занятие прежде всего мировоззренческое. Чтобы правильно воспроизвести тот или иной певческий памятник, необходимо реконструировать в своем сознании и творчестве процессы и

причины, породившие его, поэтому первейшим условием существования древнерусского пения должно быть богослужение, при котором хотя бы главные виды церковных искусств были бы адекватны друг другу. Иконы, фрески, архитектура воспитывают глаз певчих, и суть зримого образа неизбежно переводится в ритмическую и динамическую концепцию пения.

Ощущение богослужебной полноты возникало у меня, когда хор пел знаменным распевом в Троицком и Успенском соборах Троице-Сергиевой Лавры, в Покровском храме Свято-Данилова монастыря. В храме в честь Воскресения словущего этого чувства не было из-за реалистической живописи на стенах, барочных икон и иконостаса, за исключением служб, которые совершал сам Владыка.

В 1988 году хор получил первую премию и Гран-При на конкурсе хоров в Хайнувке (Польша). Вместе с деньгами, по тем временам большими, мне вручили деревянного зубра с соответствующей надписью на подставке. Я передал его митрополиту. Он грозно посмотрел на зубра и поставил его на шкаф. В 1992 году хор получил Гран-При на фестивале «Охридское Лето».

Владыка часто бывал на концертах хора в Москве. Особенно запомнился концерт в Малом зале консерватории, на который он пригласил выдающихся писателей России: Виктора Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Крупина, а также кинорежиссера Никиту Михалкова и других знаменитых деятелей культуры. Это было приблизительно в 1987 году. Впервые после революции на светской сцене появился церковный хор. Черные церковные облачения вызвали у директора зала сильный испуг. Но всё обошлось.

Итоговыми работами хора были записи на компакт диски: Всенощного Бдения пр. Иосифу Волоцкому, Знаменной Литургии, Строчной Литургии, Пасхального канона демественного и греческого пения, Песнопений Великого Поста знаменного, демественного, строчного распевов, Песнопений Рождества Христова знаменного и строчного распевов и другие.

13 компакт-дисков было выпущено в Париже на фирме «Orpus III», три в Москве, один в Польше.

Деятельность хора вызвала большой резонанс в церковной среде. При монастырях в самых отдаленных областях России стали образовываться большие хоры, поющие за богослужениями древнерусским распевом. Стали появляться курсы по изучению знаменного пения. По мнению международной критики, хор «Древнерусский распев» совершил переворот в представлении о русской певческой культуре, которая традиционно связывалась в Европе с композиторами XIX-XX веков, и мало кто знал, что XV-XVII века в России были расцветом профессионального церковного искусства. В наших достижениях, безусловно, огромная заслуга Владыки Питирима, который вовремя поддержал зарождающееся духовное движение.

Анатолий Гринденко, регент хора «Древнерусский распев»

Музыкальная редакция Издательского отдела Московского Патриархата

Воспоминания о митрополите Питириме я хочу начать с того момента, когда регентом хора храма в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке стала Ариадна Владимировна Рыбакова. Произошло это так. В начале 1970-х годов наш приход перед праздником Пасхи остался без регента. Владыка поручает Ариадне Владимировне руководить хором во время богослужений на Страстной седмице и на Пасху. Молодому регенту, не имеющему опыта, боязно было принять это предложение. Однако ее ободрили слова Владыки: «Не теряйтесь, главное – чтобы не было пауз, заполняйте их пением «Христос Воскресе"». Службы прошли хорошо. Владыка присматривался к новому регенту, внимательно следил за репертуаром хора, подбором голосов, отмечал удачное и неудачное исполнение песнопений. Если из услышанных песнопений его что-то особенно трогало, Владыка просил запомнить и сохранить. Владыке очень нравилось, как наш хор исполнял «Покаяние» Артемия Веделя в переложении Григорьева. Часто бывало, что после всенощной Владыка выносил Ариадне Владимировне розу. Так по благословению Владыки А. В. Рыбакова стала регентом нашего храма. Вспоминая прошлое, убеждаешься, что выбор Владыки был не случайным, а промыслительным. Отец Ариадны Владимир и его брат Герман Агафонниковы были знаменитыми церковными регентами и композиторами, их песнопения и по сегодняшний день исполняют в храмах Москвы и Московской области. Деды Ариадны Владимировны протоиерей Александр и протоиерей Василий расстреляны на Бутовском полигоне. Протоиерей Александр канонизирован Русской Православной Церковью в лике священномучеников. Во имя священномученика протоиерея Александра в Подольске возведена часовня.

Шли годы, но внимание и любовь Владыки к нашему храму никогда не ослабевали. В 1980-х годах по благословению Владыки была произведена очень серьезная реставрация храма

– восстановлены по архивным данным прекрасная роспись начала XIX века и иконостас. Примерно в это же время Владыка посетил остров Корфу (Греция), где находятся нетленные мощи святителя Спиридона, епископа Тримифунтского. В своих проповедях Владыка неоднократно рассказывал, как в Греции торжественно отмечают память святителя – совершают крестный ход вокруг всего острова с воинскими почестями. Владыке была подарена рукавичка с руки святителя Спиридона и святое масло. Вспоминается, как впервые Владыка принес в храм эти святыни в день памяти святителя (25 декабря). Атмосфера в храме была очень торжественная. На богослужении присутствовал посол Греции, и хор исполнял некоторые песнопения на греческом языке. Надо сказать, что примерно с 1930-х годов в нашем храме находилась старинная икона святителя с его мощами из разрушенного храма во имя Спиридона Тримифунтского, что в Спиридоньевском переулке. Но данная святыня была как-то в тени. Народ забыл про этого святого угодника Божия, никаких торжественных служб в день его памяти в Москве не совершалось. И вот Москва обрела вновь великого чудотворца: в день его памяти с 1980-х годов и доныне по благословению Владыки в нашем храме на торжественное богослужение собирается множество народа, а еженедельно по вторникам ему служат акафист.

Вспоминается также, как осуществилась давняя мечта Владыки – построить дом для Издательского отдела. Издательский отдел Московского Патриархата в то время ютился в очень маленьком помещении Новодевичьего монастыря. Добиться разрешения на постройку нового здания в Москве для нужд Церкви практически было невозможно. Но с Божией помощью и по молитвам Владыки всё устроилось, и дом был построен на Погодинской улице. Безусловно, это произошло благодаря деловым качествам и личному обаянию Владыки.

Оглядываясь назад, невозможно представить, что в то безбожное время в Москве печатались Библия, Новый завет, богослужебные книги, сборник «Богословские труды», а также регулярное периодическое издание «Журнал Московской

Патриархии», который сейчас очень высоко ценится нашим духовенством.

В новом просторном здании Владыка мог осуществить многие свои проекты. Он организовал английскую редакцию, отдел звукозаписи, музыкальную редакцию, собрал огромную нотную библиотеку. В ней хранилось много старинных духовных произведений в крюковой записи. Покупали целые нотные библиотеки композиторов – так была куплена библиотека Александра Димитриевича Кастальского.

Певцы нашего хора делали доклады о жизни духовных композиторов, а потом исполняли их произведения. На эти концерты приходили не только сотрудники, но и многочисленные гости. Конференц-зал Издательского отдела всегда был полон.

Был создан фотоотдел с современно оснащенной фотолабораторией и богатой фототекой. Созданы отдел кино и отдел слайд-фильмов – впервые в церковной сфере. Появились реставрационные мастерские по старинной мебели и многое другое.

Наш хор относился к музыкальной редакции. В нее входили еще два мужских хора. Один – под управлением Анатолия Гринденко. Сам А. Гринденко занимался научной деятельностью, он расшифровывал древние напевы и переводил их на современный нотный стан. Другой мужской хор был под управлением Николая Носова (ныне иеромонах Амвросий). Они в основном исполняли монастырские напевы и, надо сказать, что более сладкозвучного пения этих распевов я не слышала никогда.

С записью этого хора в 1987 году вышел альбом из двух пластинок под названием «Тебе поем». Это единственная запись подлинных образцов раннего литургического многоголосья, расшифрованного и реставрированного с учетом последних достижений музыкальной науки в этой области на тот период времени.

Наш хор начал изучать творчество Александра Андреевича Архангельского. Это последний регент, который со своим Синодальным хором был за рубежом, – а наш церковный хор

после революции и всего безбожного времени выехал за рубеж первым. В 1987 году выходит альбом с записью нашего хора под названием «Пою Богу моему дóндеже есмь». В него вошли «Всенощная» А. А. Архангельского и его запричастные концерты. Владыке очень нравилась запись «запричастных». Он неоднократно говорил, что лучшего исполнения концертов Архангельского не слышал. Музыковеды также высоко оценили это издание.

Эти альбомы записывались сотрудниками отдела звукозаписи Анатолием Иннокентиевичем Шаговым и Наталией Владимировной Диваковой. Всего к 1000-летию Крещения Руси они подготовили двадцать альбомов с записью хоров различных городов страны.

Вскоре началась концертная деятельность музыкальной редакции. Первый большой концерт в двух отделениях состоялся в Доме кино. В первом отделении пел мужской хор под управлением Анатолия Гринденко. Во втором отделении выступал наш хор. Это выступление имело большой успех. Было приятно, что на совершенно расцерковленных людей духовное пение произвело сильное впечатление.

Владыка получил предложение от немецкой телевизионной и радиовещательной компании осуществить прямую трансляцию и запись вечера Валаамского распева. В 1989 году Владыка принимает решение отправить с этой целью наш хор в Кельн, предусматривалось также концертное турне по другим городам ФРГ. Немецкая публика встречала нас очень тепло. Удивительно, что духовная музыка вызывала такой интерес. Залы были всегда полны. Публика стояла даже в проходах между рядами. Но вот наступил день записи вечера. Рано утром мы отправились в Кельн. Было очень волнительно, нам сообщили, что будет не только запись, а одновременно прямая трансляция для многих городов Германии и Европы. Можно представить, как это было для нас ответственно. Мы пели в большом лютеранском соборе. Вечерню служил Владыка Питирим. Хоть он нас и подбадривал, но было видно, что он и сам волнуется. Началась вечерня, волнение улеглось. Надо сказать, что песнопения Валаамского распева одухотворяют не

только слушателей, но и исполнителей. В храме была необыкновенная тишина. Все слушали, затаив дыхание. Но вот служба закончилась. Еще несколько мгновений тишины, а потом собор «взорвался» аплодисментами, хотя у них аплодисменты в храме не положены. Слушатели встали, и еще долго звучали аплодисменты, так что нам пришлось повторять фрагменты из вечера.

Данное событие осталось в памяти и потому, что это была первая поездка за рубеж, и по другим причинам. Дело в том, что в силу сложившихся обстоятельств Владыка не сказал нам, что запись вечера Валаамского распева станет кульминацией поездки. Сказал, что программа поездки свободная, на ваше усмотрение. Не была подготовлена служба святому на этот день. Подготовленные нами стихиры и тропари не были расписаны на Валаамский распев. К тому же древние распевы принято исполнять мужским составом. Представьте себе наше недоумение, когда у нас спросили, подготовились ли мы к вечерне Валаамского распева и прямой трансляции. Надо сказать, что перед концертом Ариадне Владимировне был подарен сборник песнопений Валаамского распева. Ничего случайного не бывает! Мы быстро переложили тексты из Минеи на Валаамский распев по этому сборнику и четыре ночи репетировали. Так мы вышли из создавшегося положения. Владыка и сам волновался, так как не слышал в нашем исполнении Валаамского распева.

Мы давали концерт также в знаменитом Кельнском соборе, в крипте которого находятся святые мощи евангельских волхвов. Перед концертом мы пришли в собор поклониться их мощам. Приложившись, стали петь тропарь и кондак Рождеству Христову. По окончании к нам подошел местный священник и попросил еще спеть. В соборе было много туристов, они подходили к нам и просили: «спойте, спойте еще», – и мы пели, пели и пели перед святыми мощами.

После этой поездки нас неоднократно приглашали в Германию, в том числе и для записей православных песнопений. Вышли еще две пластинки. Поскольку трансляция шла не только на Германию, но и на другие страны Европы, наш

хор приобрел популярность, и нас стали приглашать в разные страны. Мы посетили Германию (в то время ФРГ и ГДР), Англию, Швецию, Италию, Грецию, Японию, Швейцарию.

Мы ездили не только за рубеж, но были и за полярным кругом в Норильске, во Владивостоке, Южно-Сахалинске и во многих других городах. Запомнилась поездка именно в Южно-Сахалинск. Владыка должен был освящать там камень на месте закладки храма, а мы – выступать с благотворительными концертами, средства от которых шли на постройку будущего храма. Концерты проводились в театре Южно-Сахалинска, а так как храма не было, то Литургия в праздник Преображения Господня совершалась на стадионе. Народа собралось очень много, и какие счастливые и радостные лица были у молящихся на стадионе. Люди просили перед концертами объяснять смысл исполняемых песнопений, и было так отрадно видеть, с каким вниманием и интересом они слушали. Владыке очень хотелось, чтобы в российской глубинке простые русские люди вновь смогли бы услышать красоту церковных песнопений.

В рамках празднования 1000-летия Крещения Руси хор посетил Омск. Владыка Феодосий тепло приветствовал митрополита Питирима и наш хор.

Торжества начались всенощной, а на следующий день – Литургией в кафедральном соборе при огромном стечении народа. Служили митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим и архиепископ Омский и Тюменский Феодосий. Пели два хора – наш и Омский архиерейский.

Концерты проходили в местном театре. Благодарные слушатели писали:

«Сердечная вам признательность за то, что прекрасный хор пропагандирует национальные истоки русского хорового пения. Высокая профессиональность звучания хора овладевает душой и чувствами. Хоровое пение – душа народа. Служите русскому народу, искусству, несите людям знание о корнях русской культуры».

С глубоким уважением П. Репова, Л. Юсопова, г. Омск

«Благодарность вам, чудесные певцы, чудодеи – вы творите великое дело Божие и прославляете нашу Отчизну, в

вашем делании духовном представляете величайшую культуру духовной музыки в песнопениях знаменитых и безвестных авторов. Дай Бог вам сибирского здоровья, мирного долголетия, успехов в пении «гласы преподобными».

Позвольте пригласить вас в собор Божией Матери в честь Ее Покрова в Тобольске.

Искренне Ваш протоиерей А. Пивоваров».

С 24 по 28 мая 1988 года в Новгороде Великом проходило празднование Дней славянской письменности и культуры, основным организатором которых был митрополит Питирим. В то время только что разрешили богослужение в Софийском соборе Новгородского Кремля, в котором в день открытия празднеств митрополит Питирим совершил Божественную литургию в сослужении множества духовенства. Пело несколько хоров, в том числе и наш. Было очень торжественно.

В Новгород Великий приехали хоры из Москвы, Ленинграда и других городов. Гостиницы были заняты певческими коллективами, с площадей слышалось церковное пение, весь город наполнился праздником. Висели афиши о предстоящих концертах и научных конференциях, схемы-планы по реставрации многочисленных храмов города. Желающих попасть на выступления было множество, поэтому всё транслировалось на улицу, где стояло огромное количество народа.

Концерты хоровых коллективов музыкальной редакции Издательского отдела Московского Патриархата проходили в Софийском соборе Новгородского Кремля, в Крестовоздвиженском соборе Юрьева монастыря, в Знаменском соборе.

Митрополит Питирим сделал доклад о значении славянской письменности в русской культуре, посетил выступления церковных хоров. Он любил выискивать «новинки» в исполнении песнопений. Ведь не секрет, что обычное осмогласие даже в Москве в разных храмах поется по-разному. Выступления понравившихся хоров записывали – с нами приехали сотрудники отдела звукозаписи.

Владыка Питирим нес церковную культуру в народ. Ему хотелось разбудить людей от долгой спячки безбожия. Мы объехали всё Волоколамское благочиние, посетили самые отдаленные деревни и поселки, в которых были храмы.

Владыка и в храме стремился, чтобы народ пел «Верую» и «Отче наш», акафист перед иконой Божией Матери «Взыскание погибших», который читали нараспев и пели в нашем храме в честь Воскресения словущего по воскресеньям вечером. Каждое последнее воскресенье месяца богослужение возглавлял митрополит Питирим. Потом было пастырское слово. Какие это были проповеди!

Постоянным прихожанином храма в последние годы жизни был Иван Семенович Козловский. Ему очень хотелось спеть с нашим хором «Ныне отпускаеши...» композитора Соколова.

В храме в честь Преображения Господня (в народе его называют Скорбященским) на Большой Ордынке управлял хором знаменитый регент Николай Васильевич Матвеев. Это был большой мастер и знаток своего дела. С 1948 года в храме сложилась традиция: в ближайшую субботу перед днем кончины С.В. Рахманинова (28 марта) исполнять его «Всенощную», а в день кончины П. И. Чайковского, 8 ноября, – его «Литургию». Полностью «Всенощная» Рахманинова звучала только там, позднее, в 1970–1980-е годы ее стали исполнять и государственные хоры.

Надо сказать, что эти произведения больше подходят для концертного исполнения, но Н. В. Матвеев добился такого звучания, что, как говорил Владыка Питирим, «под это пение можно молиться». Владыка всегда посещал эти службы. Желающих помолиться в эти дни было очень много. Приходили не только верующие люди. Послушать эти произведения можно было только в храме на Ордынке – оторваться от действительности, задуматься о высшем, вспомнить о душе. Старшее поколение помнит, какое это было время.

В конце 1980-х годов многие светские коллективы стали исполнять духовные произведения. Да, музыка прекрасна, но главное – не хватало в том исполнении выразительности и духовности, потому что многие руководители хоров понятия не

имели о том, что они поют, не понимали смысла слов. Владимир Минин это понимал и часто бывал среди гостей на концертах нашего хора в Издательском отделе. А еще гостями были Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, члены семьи Дома Романовых, летчики-космонавты, Раиса Максимовна Горбачева, супруга первого и последнего Президента СССР, и многие другие известные люди.

Владимир Минин – великий мастер хорового пения, уловил, что в прекрасно выстроенном пении его хора чего-то не хватает, и тогда он стал приглашать к себе наших певцов, чтобы те объяснили смысл церковнославянского текста.

Он начал вникать в слово. Наши солисты стали солистами в хоре Владимира Минина – так, Геннадий Обухов всегда солировал в «Литургии» С. В. Рахманинова. Ирина Никольская принесла Минину клавир песнопения «Разбойника благоразумного» и исполнила ему – он тут же включил его в свой репертуар.

Наш хор выступал в Большом зале консерватории, запись нашей грампластинки проходила в Рахманиновском зале, неоднократно пели в Концертном зале им. П. И. Чайковского, в Концертном зале гостиницы «Москва», во многих домах культуры и даже в Большом театре (в день памяти И. С. Козловского.)

С Владыкой Питиримом работать было очень непросто, каждому приходилось тянуться, профессионально совершенствоваться до самой высшей планки, на какую он был способен. Владыка был очень требователен и не терпел застоя в работе.

В настоящее время многие из его сотрудников успешно трудятся на музыкальном и других поприщах. Один из регентов мужского хора – Сергей Кривобоков – управляет хором в главном Патриаршем соборе Москвы – Храме Христа Спасителя. Ариадна Владимировна Рыбакова имеет не только церковные награды, но и получила звание Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации.

Общественная деятельность митрополита Питирима была направлена на сохранение и передачу потомкам огромного

духовного и культурного богатства России.

* * *

Уже после кончины митрополита Питирима, когда в 2004 году террористы взорвали школу в городе Беслане, муниципалитет Милана пригласил хор под управлением А. В. Рыбаковой дать благотворительный концерт в пользу пострадавших.

Концерт состоялся в огромном соборе, вместимостью более 5 000 человек. Собор был полон. Звучание – идеальное, без микрофонов. Звук долетал в самые отдаленные уголки собора. Успех был огромный. На улицах нас узнавали и тепло здоровались. Это тепло – дань благодарной памяти Владыке Питириму.

Людмила Красноложкина, певчая хора храма в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке

В храме Воскресения словущего

В одном храме с Владыкой

18 декабря 1942 года во время всенощной накануне праздника Святителя Николая в храме в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке, где мы, дети, стояли на амвоне, меня и еще двух мальчиков по благословению настоятеля храма отца Николая Баженова ввели в алтарь и облачили в стихари. В то смутное и тяжелое время в алтаре было достаточно много алтарников и среди них Алексей Сергеевич Бувевский – звали мы его дядя Леша – который был для нас примером во всех послушаниях, возложенных на алтарников.

Впервые в этом храме во время служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского) в праздник в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» я познакомился с одним из его иподиаконов Костей Нечаевым. Впоследствии, будучи иеромонахом, он часто посещал наш храм и читал акафист Божией Матери.

По прошествии многих лет, в начале 1970-х годов, при настоятеле храма протоиерее Владимире Елоховском, будучи уже в сане архиепископа, Владыка Питирим стал служить в нашем храме, придавая всей службе высокое, духовное, молитвенное торжество. У Владыки всегда было много молодых иподиаконов, многие из которых стали священнослужителями, а некоторые даже архиереями. В отсутствие по разным причинам некоторых из них меня, раба Божиего, всегда звали участвовать в выходах с дикирием, омофором, жезлом и так далее. К этому времени у меня было благословение на ношение орая архиепископа Чебоксарского и Чувашского Илария (Ильина), бывшего ранее настоятелем храма во имя святых Космы и Дамиана, который служил у нас в 1944 году. Во время службы Владыки Питирима, видя, что у него много помощников, я порой не надевал ораль. Однажды после малого входа ко мне подошел иподиакон и сказал, чтобы я подошел к горнему месту, где находился Владыка. С поклоном я подошел к нему, а он вручил мне ораль и благословил со словами, чтобы он меня без

него не видел. После этого я всегда исполнял повеление Владыки. Мне порою часто приходилось получать от него «сердитые» замечания, в том числе по случаю разговоров его же иподиаконов во время службы. Он считал меня ответственным за порядок в алтаре. Видя, что у меня после этого случалось грустное настроение, он с улыбкой говорил: «Не грусти».

По традиции под Новый год совершалось в нашем храме всенощное бдение в память святого мученика Вонифатия, а по окончании – новогодний молебен, после которого нас приглашали к столу с бокалом шампанского и чаем. Собравшиеся: духовенство, ктитор и другие сослуживцы храма – достаточно долго ожидали Владыку, так как к нему уже стояли для поздравления его знакомые из разных кругов общества: артисты, врачи, военнослужащие и многие другие. Начало предновогоднего чаепития, как обычно, начиналось с молитвы ко Господу, после которой Владыка поздравлял всех присутствующих с наступающим Новым годом и желал нам с великой радостью встретить славное Рождество Христово. Потом брал телефон и поздравлял А. С. Бувеского. Не кладя трубку, он подзывал меня и передавал трубку мне. Я был счастлив услышать голос Алексея Сергеевича и пожелать ему и всем его близким всего доброго.

Когда я прихожу на Даниловское кладбище, где покоятся мои родители, брат и много родственников, при выходе из храма я иду прежде к могилке моего Владыки.

Царство небесное Высокопреосвященнейшему митрополиту Питириму. Вечная ему память!

Герман Бухтеев, прихожанин храмов честь Воскресения словущего на Успенском Вражке

Служитель Неба и земли

*Есть вечные истины, вокруг которых вращается мир.
Вокруг*

библейских заповедей, а не вокруг смены «диктатуры на демократию»

и социализма на капитализм. Истина проста, но это не значит,

что ей просто следовать... Поэтому так необходимы люди, которые

напоминали бы об этих простых и вечных истинах...

Митрополит Питирим

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим был личностью яркой, будто данной Земле свыше.

Осуществляя неведомый нам замысел, Бог щедро одарил его умом, красотой, способностями и талантами. Священнослужитель, проповедник, ученый-богослов, общественный деятель, музыкант – это всё органично сочеталось в нем, и в нужное время его неумная энергия выплескивалась в осуществлении каких-либо проектов.

Знания его были столь глубоки, что приходилось только удивляться, когда и где они были получены, как успевал он прочитывать, анализировать, усваивать, слушать, видеть.

Его величественная осанка, пронизывающий душу взгляд заставляли людей подтянуться, притихнуть, всмотреться в себя и устремить мысль к высокому.

Ему было чуждо желание угодить, понравиться, его отличало удивительное чувство собственного достоинства. Невозможно было представить его говорящим льстивые речи. И в то же время он был прост, доступен, понятен. Понятен, потому что говорил с каждым человеком на его языке.

Мало кто мог устоять перед его обаянием. Им были очарованы женщины, мужчины глубоко уважали и почитали его.

«Когда он идет в окружении сотрудников, – писала о нем одна журналистка, – седовласый и целеустремленный, полный

скрытой силы и энергии, мне кажется, я вижу морского офицера на палубе военного корабля.

Его цвета – черный с белым. Тусклым золотом поблескивает панagia... Митрополит Питирим... умеет тревожить мысль и совесть людей, побуждать их к нравственному совершенствованию. Так же, как его далекий предшественник,¹⁴ он поставил перед собой задачу подвижничества и служит обществу на пределе сил, выкладываясь без остатка».

Уже по своему внешнему облику он разительно отличался ото всех, кто его окружал. В последнее десятилетие камеры операторов на богослужениях, как правило, не фиксировали внимание на личности Владыки Питирима. Но когда это случалось, контраст был огромный.

В его кабинете Председателя Издательского отдела Московского Патриархата, а затем и в келии при храме в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке всегда толпился народ. Встречи с ним ждали генералы и адмиралы, солдаты, милиционеры, артисты, ученые, нищие с паперти. К нему приходили целыми семьями. Он был нужен всем: кто-то благодарил его за помощь, кто-то о чем-то просил, кто-то желал обсудить с ним насущные проблемы, кто-то предлагал содействие...

Во двореике храма стояли и терпеливо ждали возможности получить благословение прихожане. Иподиаконы в это время уже несли к машине чемодан с облачениями, и после долгого вечернего богослужения (а он помазывал всех сам) митрополит отправлялся в Волоколамское благочиние, в Иосифо-Волоцкий монастырь, игуменом которого он был.

Думается, нет человека, который мог бы сказать, что он хорошо знает Владыку. Да, многие сотрудники Издательского отдела проработали с ним более 30 лет, но и от них была скрыта его сокровенная сущность. Он весь – будто айсберг, надводная часть которого хорошо видна и сверкает в лучах солнца. Но сколько там сокрыто под водой – не знает никто. А он, как правило, избегал откровений. Внимательный, готовый помочь, он держал дистанцию и никого не допускал в мир своей души.

«Аристократы духа» – так называли их, иерархов уходящего поколения: епископа Василия Родзянко, митрополита Антония Сурожского, митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Они ушли из нашего мира – люди высокой культуры, интеллигенты, достойные представители Православной Церкви. Но и в этом коротком ряду митрополиту Питириму принадлежит особое место.

Как в мозаичном портрете важна каждая деталь, каждый составляющий его камешек, так и воспоминания самых разных людей, имевших счастливую возможность встреч с митрополитом Питиримом, составят и запечатлеют на долгие времена многогранный образ этого удивительного человека – иерарха Русской Православной Церкви XX-XXI веков.

В храме Воскресения словущего на Успенском Вражке митрополит Питирим по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена начал свое служение в 1972 году. До настоящего времени храм посещают прихожане, которые молились с Владыкой с первого дня его появления. Здесь была его кафедра, он возглавлял все праздничные, торжественные богослужения, и это, конечно же, были незабываемые дни и часы.

В середине 80-х годов ему сослужили такие известные священники, как отец Леонид Ролдугин, отец Владимир Ригин, отец Артемий Владимиров, отец Геннадий Огрызков (ныне покойный), а также священники из Издательского отдела Московского Патриархата, который возглавлял тогда митрополит Питирим.

Настоятелем храма был в то время протоиерей Борис Цепенников, который почитал Владыку и всегда сослужил ему.

В те давние годы машину митрополита встречал староста – Автоном Семенович; в храме и на ступенях храма расстилали ковровые дорожки, и священники выходили на улицу встречать Владыку.

Когда же наступили трудные для Владыки времена, ему часто приходилось самому открывать ворота в церковный двор – сторожа «забывали» открывать их. Автоном Семенович в то время был лишен должности старосты.

Первая встреча с Владыкой потрясла, перевернула всю мою жизнь и определила дальнейший ее ход. Будучи невоцерковленным человеком, я изредка забежала в храм, чтобы поставить свечу, послушать церковное пение. И вот однажды перед работой я зашла в храм на утреннее богослужение, прошла вперед и обмерла. На амвоне стоял священник, величественный и строгий. Поражали одухотворенное лицо, благородство облика, достоинство, мягкость и гармония в движениях.

«В этом храме особая благодать, ведь с нами на молитве всегда Царица Небесная», – он указал на икону Божией Матери «Взыскание погибших». Так начиналась проповедь. Помню, что речь его была безукоризненной, мысль выражалась точно и, главное, доступно. Он говорил о талантах, которые не следует зарывать в землю; о том, что надо развивать те способности, которые даровал человеку Бог, и в заключение прочитал несколько поэтических строк...

Это был человек из неведомого мне мира, и было ясно, что здесь, в Церкви, есть что-то тайное, глубокое, что постиг и знает этот прекрасный человек, и что я на пороге новой жизни...

После службы я вышла из храма и подошла к группе людей у ворот. Во дворе стояла машина, толпились люди. Я осторожно спросила стоявшую рядом пожилую женщину: «Скажите, пожалуйста, когда будет служить батюшка, который служил сегодня?». «Это не батюшка, – мягко и в то же время с оттенком превосходства поправила она меня, – это Владыка, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим».

В дальнейшем, когда я стала прихожанкой этого храма, приходилось часто видеть Владыку Питирима на богослужениях, и я, как и другие, после службы шла во двор и ждала, когда он выйдет и благословит всех нас.

Владыка не любил этих массовых ожиданий и провожаний, гневался, часто намеренно долго задерживался. Ему хотелось после службы побыть в тишине, незаметно уехать, но это было невозможно. Женское обожание, порой назойливое, сопровождало Владыку всю жизнь – и в городских и отдаленных сельских приходах, и в дальних странах. Однажды, в день его

Ангела – 10 августа, небольшая группа прихожан поднялась к нему в келию, чтобы поздравить, и кто-то спросил: «Владыка! Что мы можем для Вас сделать?..» «Самое большее, что вы можете сделать для меня, – это не ждать меня во дворе после службы», – мягко ответил он.

На время эти провожания прекратились, а затем возобновились вновь. Это был его крест, он нес его, но не всегда выдерживал.

Однажды, когда Владыке в очередной раз подарили букет роз, он отреагировал: «Что я вам – балерина? Что вы меня цветами одариваете!» И все цветы, все букеты по его указанию ставились к иконе Божией Матери «Взыскание погибших».

Владыка Питирим порой гневался, но всегда справедливо, особенно из-за беспорядка на службе в храме, когда, например, толпа прихожан, еще несколько минут назад тихо стоявшая и углубленно молившаяся, вдруг устремлялась к чанам с крещенской водой. Гремели бидоны, банки; людские выкрики и гул голосов заполняли храм. И только гневный голос Владыки мог остановить людей: «Православные, остановитесь! Посмотрите на себя! Как вы себя ведете возле святыни! Не будем воду разливать, пока не успокоитесь...» Голоса стихали, порядок восстанавливался.

Помню, на паперти возле церкви собирала милостыню пожилая, больная, неопрятная женщина. Теперь ее уже давно нет, Царствие ей небесное. На деньги, которые ей подавали, она покупала дорогие свечи и ставила их к иконам, в первую очередь к иконе Божией Матери «Взыскание погибших». Толпа расступалась, пропуская ее вперед, несмотря на то, что когда служил Владыка, в церкви было полно людей. Так было и на этот раз. Когда открылись царские врата, Владыка и священники вышли на амвон и начали спускаться по ступеням. Нищая, поставив свечу, полная и неповоротливая, замешкалась и преградила им путь. Тут кто-то из прихожан дернул ее за рукав, отчего она едва не упала, и громко воскликнул: «Отойди! Ты что, не видишь, Владыка идет!» У того лицо побелело, глаза сузились. «Не трогайте ее!» – грозно и громко крикнул он и

посохом указал ей на место рядом с собой. Нищая спокойно шла рядом с ним по направлению к выходу.

Говорят, что он читал мысли. Сам он это отрицал, но многие из прихожан знали, что если тебя долго мучает какой-то вопрос или не решается проблема, в ближайшей проповеди Владыки он получит ответ. Думается, ему многое было открыто, но он тщательно скрывал это.

Прихожанка А. рассказывала: ее единственного сына должны были забрать в армию. Она тревожилась о нем, много слез пролила. А потом, после службы, поднялась к Владыке в келию и рассказала обо всем. Он выслушал ее и коротко сказал: «Молись святителю Спиридону Тримифунтскому... И я помолюсь». Молодого человека оставили в воинской части под Москвой, каждое воскресенье А. навещала его, предварительно помолившись святителю Спиридону. И каждый раз благодарила Господа и Владыку Питирима.

В один из воскресных дней она, помолившись, как обычно, должна была спешить на электричку, но какая-то сила удерживала ее дома, она не могла сдвинуться с места. По времени ушла уже следующая электричка, и она окончательно опоздала. Вдруг раздался звонок в дверь. На пороге стоял ее сын, которому неожиданно дали увольнительную. Шло время, я посещала храм, на воскресных и праздничных службах видела митрополита Питирима. Иногда мы, прихожане, получали билеты на богослужения в Успенский собор Московского Кремля, где Владыка и другие иерархи сослужили Патриарху. И вот однажды, после такой службы, я догнала Владыку (ходил он всегда быстро, стремительно) и попросила благословить меня на то, чтобы бросить мирскую работу и пойти на работу в Церковь. Тайно я мечтала о работе в Издательском отделе под руководством Владыки и, обращаясь к нему, именно это и имела в виду. Владыка замедлил шаг. «А где Вы работаете?» – поинтересовался он. «В библиотеке», – ответила я. «Ну, что Вы. Книги – святое дело!» – сказал он как-то очень серьезно и, не благословив, быстро зашагал дальше. Через какое-то время Издательский отдел был упразднен, все сотрудники, работавшие с Владыкой, были уволены.

Наиболее сильным воспоминанием о Владыке для меня, да и для других прихожан храма в честь Воскресения словущего, являются воспоминания о его архиерейских служениях. Эти торжественные службы производили необыкновенно сильное впечатление и своим чином, и эстетикой, и духовным накалом.

На Владыку Питирима были устремлены сотни глаз, часто фотоаппараты и кинокамеры, но он ничего не замечал. Он был сосредоточен в молитве. Возглашал он негромко, движения его были плавными, но его духовный подъем ощущался присутствующими и его состояние передавалось стоящим в храме. Для людей это были редкие состояния и переживания, поэтому на службы Владыки собиралось очень много людей.

На всю оставшуюся жизнь в моей душе останутся радостные воспоминания о чудных, благодатных Пасхальных богослужениях. Сама по себе эта ночь несла в себе великое напряжение, ожидание и великую духовную радость. Богослужение Владыки Питирима придавало празднику особое звучание.

Владыка в белом праздничном облачении с белой сверкающей митрой на голове, радостный и торжественный, шел впереди; за ним шли такие же радостные батюшки нашего храма. Вокруг церкви с горящими свечами в руках стояли москвичи, и в эту ожидающую чуда толпу Владыка бросал свой торжественный и радостный возглас: «Христос Воскресе!» «Воистину Воскресе!» – отвечала ему восторженная толпа, и эхо «Воистину Воскресе!» летело над Москвой...

В Пасхальную неделю 2000 года вместе с другими прихожанами я поднялась поздравить Владыку. И не учла того, что все пасхальные яйца я уже подарила. Случилось так, что к митрополиту я подошла первой и произнесла: «Христос Воскресе!» За этим возгласом, естественно, ничего не последовало, и я тихо сказала: «Владыка, простите! У меня нет пасхального яйца...» Он тут же взял с блюда яйцо, протянул его мне со словами «Воистину Воскресе!»

Многие москвичи и гости запомнили надолго службу в Большом соборе Донского монастыря, которую совершал митрополит Питирим в мае 2000 года. Это был день, когда в

России совершался чин погребения праха нашего замечательного русского православного писателя – Ивана Сергеевича Шмелева.

Собор был великолепно украшен. На амвоне, у стен стояли необыкновенной красоты вазоны с прекрасными букетами. Храм был щедро украшен ветвями и листьями клена, пахло травой и зеленью, как на Троицу.

Через узкие окна пробивались яркие солнечные лучи, пронизывающие полутемное пространство храма. В этих лучах клубами курился дым от ладана. Проникновенно пел хор. В алтаре в лучах солнца стоял сосредоточенный, углубленно молившийся Владыка Питирим. И красота вокруг была необыкновенная.

«И радостно, и зелено, и чудесно...», как писал И. С. Шмелев. Прибыли Патриарх, духовенство, официальные лица, гости... Митрополит Питирим служил Литургию в этот день по просьбе родственников И. С. Шмелева. Владыку любили, почитали и принимали люди, совсем не знавшие его. Было в нем что-то, что отзывалось на любой человеческий взгляд, на человеческое горе и беду. Этот отзвук не был явным, показным, навязчивым. Иногда человек и не знал о том, что ему помог именно Владыка. Он, когда мог, помогал всем.

На службах Владыки Питирима в Брюсовском храме присутствовало много людей и много детей, особенно по воскресным дням. Дети чувствовали себя рядом с Владыкой совершенно спокойно. Величественный, а порою и грозный вид митрополита не смущал их. Они спокойно сидели на его кафедре, а когда он вступал на нее, стояли рядом и с изумлением смотрели на Владыку снизу вверх. Ему нравилось это беспокойное окружение, и иногда он, сунув руку под широкий рукав облачения, извлекал просфору и дарил ее маленькому счастливчику. С особой любовью он помазывал детей. Помню, как на службе однажды вышел вперед и остановился перед кафедрой малыш – голубоглазый, светленький, в немыслимых штанах, подпоясанных веревочкой, с соской во рту. Он растопырил ручонки и уставился своими глазницами на Владыку. У того лицо как-то расплылось, глаза

засияли, залучились, он заулыбался искренней, широкой, счастливой улыбкой. Так и смотрели они друг на друга: большой и маленький...

По благословению митрополита Питирима в храме Воскресения словущего в конце 80-х годов была создана община милосердия, которая носила имя святого праведного Иоанна Кронштадтского. Это была идея Владыки, он всячески поддерживал деятельность общины и часто помогал установить контакт с нужными людьми и организациями. Длительное время члены общины посещали больных в детском онкологическом центре, в доме престарелых, в больницах. Детям привозили подарки, книги, духовно просвещали и помогали им. Многих детей и матерей батюшки нашего храма крестили непосредственно в онкологическом центре (многих детей перед смертью), помогали им словами утешения и молитвой. Были организованы акции по сбору одежды, продуктов для неимущих прихожан, для дома престарелых.

По благословению митрополита Питирима и при усердии членов общины в храме была создана воскресная школа, которая действует до сих пор.

Митрополит Питирим ввел в церковную практику пение прихожанами акафиста Божией Матери «Взыскание погибших». Это были незабываемые службы. Хор, который, конечно же, присутствовал на воскресных вечерних службах, вел мелодию. За этими голосами следовали и голоса прихожан. Собиралось на эти службы множество людей, и воцерковленных, и вовсе не церковных, случайно зашедших, молодых и пожилых. Приходили и молодые ребята, мужчины, и они тоже пели.

Эта необыкновенная атмосфера создавалась личным участием каждого в пении акафиста. Читал акафист Владыка всегда проникновенно, слова шли от сердца, и часто в его глазах появлялись слезы. Это искреннее, благодатное переживание передавалось присутствующим. После акафиста мы слушали проповедь Владыки, а потом, подходя к кресту и под благословение, все вместе пели, славили Божию Матерь.

Этой незабываемой атмосферой и высокими душевными переживаниями мы были обязаны митрополиту Питириму. Его

проповеди также запоминались надолго. Темы были самые разные, по большей части они содержали в себе духовный анализ определенного кондака или икоса акафиста, а также воспоминания Владыки и рассказы о церковных праздниках, жития святых. Часто Владыка рассказывал о своих командировках и говорил о том, как он скучал вдали от России, скучал по нашему (так он и говорил) храму. Владыка был сдержанным человеком, не позволял себе лишних эмоций, и эти редкие откровения многого стоили...

Прихожане записывали его проповеди на свои личные магнитофончики, и, возможно, у кого-то записи эти сохранились.

... Многие, особенно женщины, начинали регулярно посещать храм в честь Воскресения словущего, поддавшись обаянию Владыки Питирима. Но чем чаще они бывали на службах, тем заметнее становились изменения, происходившие с ними. Свою работу совершал Святой Дух. И люди, пришедшие в Церковь к человеку, постепенно приходили к Богу и оставались с Ним навсегда.

Конечно же, прихожане каждый год готовились ко дню Ангела Владыки (10 августа) и ко дню его рождения (8 января). Зная, как не любит он подарков и поздравлений, мы старались не докучать ему. Да и сам он в эти дни уезжал в монастырь, дабы не явиться причиной искушений и не искушаться самому.

Храм в честь Воскресения словущего посещали известные артисты, литераторы, общественные деятели. Мы, прихожане, часто видели на службе, а потом идущих в келию к Владыке В. В. Смыслова, И. С. Козловского. В последние годы жизни Владыки храм посещали Ю. Борисова, А. Лиєпа, В. Крупин и другие.

Вспоминается незабываемая поездка в село Ярополец Волоколамского района, где находится могила гетмана П. Дорошенко. Родом гетман из украинского села Марьяновка, где родился и И. С. Козловский, который чтит этого героя.

Мы, прихожане, принимали участие в этой поездке, ехали в автобусе вместе с сотрудниками Издательского отдела.

На могиле гетмана П. Дорошенко была отслужена панихида, а потом состоялся небольшой концерт. Исполнялись

духовные песнопения, Иван Семенович Козловский читал стихи на украинском и русском языках. Худой, постаревший, он читал вдохновенно, голос его по мере чтения становился всё громче, сильнее, глаза светились от вдохновения и внутренних переживаний.

Останавливались машины, к могиле подходили люди, толпа становилась всё больше. Никто не шумел, не задавал вопросов, люди смотрели и слушали. Рядом с И. С. Козловским, опираясь на посох, стоял Владыка в белом клобуке.

Мне вспоминается поездка в Дивеево в июле-августе 1991 года, когда были обретены и перенесены мощи преподобного Серафима Саровского. Это было всенародное торжество. Мы приехали в 4 часа утра, потом сидели на скамеечке на платформе, ждали, когда отправится первый автобус. К нам подошел иподиакон Владыки Питирима Александр. Он встречал Владыку. Митрополит должен был приехать следующим поездом. Минут через 30 пришел поезд, пассажиры быстро разошлись, платформа была пуста. И вдруг мы увидели, как от головных вагонов по направлению к нам идет Владыка. Всклотившее солнце светило ему в лицо, и он не видел нас... он шел одной своей стремительной, летящей походкой. Лицо его было вдохновенным.

На торжественной, трепетной, незабываемой Литургии мы причастились у митрополита Питирима, который служил в Троицком соборе в ту незабываемую ночь.

* * *

В конце 1988 года после службы на амвон вышел Владыка Питирим и объявил, что для прихожан нашего храма он намеревается организовать семинар по изучению трудов святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. И пригласил желающих остаться...

Желающих было много. Все поднялись в помещение рядом с келией Владыки, где были расставлены столы и стулья. Митрополит объяснил, что именно он хотел бы сделать содержанием этих занятий, удивился, что среди желающих были только женщины, и, подняв указательный палец, сказал: «Только прошу вас – без женских шуток!».

Руководил занятиями отец Сергей Данков. Владыка привез сочинения святителя; тома расхватывались мгновенно. Мы, пользуясь систематическими указателями в конце каждого тома, готовили тематические подборки цитат и материалов из сочинений. Например, «О покаянии», «О причастии Святых Христовых Таин», «Об исповеди» и так далее.

Эти материалы использовались потом в работе Издательского отдела.

Время шло, группа спланировалась. На этих занятиях прихожане познакомились, узнали друг друга, а, главное, почувствовали, пусть косвенную, но все-таки причастность к издательской деятельности. Кроме того, мы имели редкую по тем временам возможность держать в руках тома сочинений святителя Василия Великого и изучать их.

Приблизительно через полгода занятия были перенесены в Издательский отдел. Характер их тоже изменился, они носили уже просветительский характер. Вел занятия В. Чаплин (ныне протоиерей Всеволод) и темы семинаров были самые разные. Как правило, это были тематические лекции, такие, например, как «О вере», «О подвижничестве», «О монашестве», «О пророках... Осии, Ионе, Иове...». В 1991 году на семинарах изучали труд святителя Василия Великого «Толкование на книгу пророка Исаии».

По благословению митрополита Питирима В. Чаплиным для прихожан были организованы паломнические поездки в Ново-Иерусалимский монастырь, в Покровский Хотьковский женский монастырь, в Церковно-археологический кабинет Московской Духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре. Каждый раз к храму подходил автобус, и мы отправлялись в путь. Поездки, экскурсии для нас были бесплатными. Вот так проявлялась пастырская забота Владыки о прихожанах храма, где он служил.

Семинары сплотили нас, стали школой терпения, умения слушать и слышать другого.

В Издательском отделе до 1994 года шла насыщенная событиями жизнь. Помимо собственно издательской деятельности здесь проходили литературные вечера, отмечались церковные праздники, организовывались просмотры

первых фильмов православной тематики, на которых мы, прихожане, имели возможность присутствовать.

В Издательском отделе царила особая духовная атмосфера. Часто мы присутствовали на службах в домовом храме отдела во имя преподобного Иосифа Волоцкого, на молебнах. Проходя по коридору, слышали духовные песнопения. Это репетировал хор или прослушивались пластинки с духовной музыкой. С большим вкусом был обставлен Каминный зал, в котором часто проходили наши занятия. Митрополит Питирим иногда появлялся в дверях Актового или Каминного залов, стоял, слушал минуты две, а затем также незаметно исчезал. Занятый важными делами, он не забывал о прихожанах, контролировал ход занятий.

Это были золотые, прекрасные дни нашей жизни. Я пишу нашей, потому что эти дни, занятия, службы, наставления Владыки вспоминают все прихожане, которым посчастливилось принять участие в работе семинара и в жизни Издательского отдела.

Мы были очень разными: образованными и необразованными, имущими и неимущими, молодыми и пожилыми... Мы были поначалу совершенно посторонними, незнакомыми Владыке людьми. Но его ненавязчивое внимание, пастырская любовь и забота сделали нас ближе, сплоченнее. Он каждого потом уже знал в лицо, и невидимой духовной силой была создана духовная семья, во главе которой стоял наш пастырь, наш отец – митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

* * *

9 мая 1989 года группа прихожан по благословению митрополита Питирима отправилась в поездку в Волоколамский район в Дубосеково на торжественный митинг в честь Дня Победы и возложение венков на могилу героев-панфиловцев.

Владыка и архимандрит Иннокентий ехали в машине. За их машиной шли автобусы. Нас встречали представители районного начальства, и у памятника начался митинг. Затем возложили венки и отслужили панихиду. Владыка предложил заехать в Иосифо-Волоцкий монастырь. Все с радостью

приняли приглашение, и автобусы с гостями и прихожанами направились в Теряево, в монастырь. Успенский собор монастыря внутри был завален бетонными плитами, строительными балками, и наша группа с трудом разместилась на небольшом свободном пространстве. Владыка Питирим коротко рассказал об истории обители, житии его основателя преподобного Иосифа Волоцкого и пригласил всех присутствующих на торжественную службу в Успенском соборе монастыря в день памяти преподобного Иосифа Волоцкого – 22 сентября. «Какого года?» – спросил кто-то из присутствующих. «Как какого, этого, разумеется», – ответил Владыка. Трудно было представить, что за такой короткий срок можно расчистить завалы в соборе, привести в порядок территорию и подготовить всё к торжественной церковной службе. Но с Божией помощью и при огромном усердии митрополита Питирима и множества людей работы по расчистке и частичной реставрации собора были закончены. В восстановительных работах принимали участие жители Теряева и других близлежащих населенных пунктов, школьники из Москвы и Ленинграда, паломники.

На научно-практической конференции, которая проходила в стенах монастыря 17 сентября 1989 года, Владыка Питирим сделал доклад «Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель».

Планы митрополита Питирима были огромны. Он надеялся превратить монастырь в центр православной культуры, мечтал развивать монастырское хозяйство, способствовать развитию земледелия, пчеловодства, животноводства на Волоколамской земле. Он намеревался возродить традиционные ремесла и промыслы: деревообработку, ткачество, художественное литье. Он мечтал создать в Теряеве гимназию с расширенным курсом художественного и музыкального обучения, открыть в Яропольце православный лицей. (Музыкальная школа была открыта при его жизни...) Это были не абстрактные, оторванные от жизни мечтания, а вполне реальные, выполнимые дела. Но рядом не было людей, которые могли бы реализовать эти идеи, и не было достаточных средств. Те деньги, которые жертвовали монастырю, шли на реставрационные работы, на покупку необходимого для жизни монастыря оборудования. Да и размах

планов Владыки кое-кого раздражал, так как угрожал в перспективе спокойной жизни.

Владыка часто бывал в приходах Волоколамской епархии. Народ любил его, ждал на службах, Владыка отвечал им взаимностью...

Как и было обещано, 22 сентября, в день памяти преподобного Иосифа Волоцкого, в монастыре состоялось торжественное богослужение. Стоял сухой, солнечный, не осеннему теплый день. Божественную литургию совершали митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим и архиепископ Дюссельдорфский Лонгин. Им сослужили архимандрит Гавриил (ныне митрополит Болгарской Церкви) и игумен афонского монастыря Ставроникита схиархимандрит Василий, другие священнослужители. Успенский собор с настенными росписями, частично сохранившимися, с его резным иконостасом был прекрасен. Светлыми и вдохновенными были лица людей. Звучали церковные песнопения. От ворот монастыря ко входу в собор бежали дети, старухи, верующие и просто любопытные. Но радовались все одинаково. В воздухе, в пространстве над монастырем были разлиты радость, великая благодать.

... Был совершен торжественный крестный ход. За Владыкой бежали люди и подставляли свои лица под капли воды, которыми щедрой рукой Владыка кропил всё вокруг. Затем гости, в том числе и мы, прихожане, поехали в Спирово, потом в Волоколамск, где в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Возмище для гостей была приготовлена трапеза. Поездка и этот праздник надолго запомнились нам, прихожанам.

Вспоминаю, как однажды Владыка пригласил прихожан помочь на сельскохозяйственных работах в совхозе, с которым монастырь поддерживал связи. Откликнулись многие. Приехав в монастырь, мы тут же получили задание и отправились на поле на прополку свеклы.

Автобус ушел, и наша группа осталась на огромном поле, где не было никаких укрытий, не виднелось жилья. Работали тихо, добросовестно. Никаких криков, песен, перекуров и

обедов. Над полем, высоко-высоко, пел жаворонок... Когда к вечеру мы, уставшие, вернулись в монастырь, к нам вышел Владыка и поблагодарил за работу.

Владыка не терпел лени, безделья, праздно шатающихся по территории монастыря. Всем паломникам давались послушания: работа на кухне, уборка в храмах, на скотном дворе и так далее. На праздниках, во время молебнов или после службы Владыка Питирим вовлекал всех в церковное пение. Слушал, как поют. И гневался, сердился, когда пели плохо, недружно. Тогда на помощь приходили диаконы и те, кто мог петь, а остальные подтягивали.

Выражение лица Владыки смягчалось, гнев уходил, и он улыбался...

Средства на содержание монастыря, на его продолжающуюся реставрацию митрополит Питирим изыскивал постоянно. Он часто выезжал за рубеж, встречался с известными деятелями культуры.

Каких усилий стоили митрополиту эти поездки и получение финансовой помощи, мы не узнаем никогда. Но монастырь постепенно восстанавливался, хорошел, благоустраивался. Был разбит сад, посажены фруктовые деревья, розы. В птичнике и на скотном дворе несли послушание монахини, жившие за территорией монастыря. Усилиями Владыки была заасфальтирована дорога, ведущая через Теряево к монастырю и в Спирово.

Он планировал строительство нового здания больницы в Теряеве с тем, чтобы освободить здание старой больницы, находившейся на исторической территории монастырского скита, и воссоздать «тропу Иосифа Волоцкого».

Однажды осенью, 22 сентября (год не помню), я самостоятельно добралась до Теряева и шла к монастырю пешком. Лил сильный дождь, ветер выламывал зонт. Впереди меня под дождем, опираясь на клюку, медленно двигались по направлению к монастырю две старческие фигуры. На большой скорости меня обогнала легковая машина черного цвета. Догнав старушек, машина остановилась. Из нее вышел митрополит Питирим в черной рясе, в белом клобуке, открыл дверцу, усадил

старушек на заднее сидение, сам сел впереди, и они покатали к монастырю...

В надвратном храме Петра и Павла и в Успенском соборе монастыря продавала свечи и следила за порядком «баба Надя» – так все ее называли. Мне как-то пришлось заночевать у нее в домике за монастырскими стенами.

Баба Надя рассказала мне о своей тяжелой жизни, о том, что Владыка Питирим пришел ей на помощь в драматической жизненной ситуации, буквально спас ее, дал работу и жилье – эту небольшую комнату. В комнате была печь, в сенях баба Надя оборудовала для себя кухоньку, возле дома у нее был небольшой огород, и всем этим она была счастлива. Она верно служила Владыке и всегда с особой теплотой говорила о нем. «Он ведь нас, старух-то, жалеет, – рассказывала она мне, – подойдет после службы, достанет откуда-то из широкого рукава шоколадку и поздравит с праздником. Домой придешь, обертку снимешь, а там – 25 рублей. Вот так. И не мне одной помогает. И делает так, чтобы не обидеть, не унижить...» 25 рублей в те времена были неплохие деньги.

Многим прихожанам памятни, конечно, поездки в 6-е воскресенье после Пасхи в село Спирово, где в храме в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы находится скульптурный образ святителя Николая Чудотворца (Можайского). Этот праздник зародился в XVIII веке, когда в Волоколамске свирепствовала чума. Жители молились об избавлении от эпидемии святителю Николаю, образ которого находился тогда в Волоколамском кремле, и Иосифу Волоцкому. Были совершены крестные ходы, группы мужчин несли тяжелый скульптурный образ святителя Николая и икону преподобного Иосифа Волоцкого. Эпидемия прекратилась осенью, но празднование в честь чудесного избавления от чумы позднее было перенесено на начало лета, когда не так размыты дороги. Скульптурная икона святителя Николая Чудотворца была перенесена в храм в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Спирово, и позднее был возобновлен памятный крестный ход. Со всех уголков Волоколамского района едут и идут люди на этот праздник. Несметное

количество машин и экскурсионных автобусов стоят у дороги. Местные жители одеты нарядно, празднично. Слышится: «А Питирим-то будет?» «А как же! Какой же праздник без Питирима!» И бесполезно поправлять, добавлять: «Владыка». Для них он был своим, родным, он многих знал в лицо и знал их проблемы. Его уважали и просто любили, поэтому и подходили к нему запросто. После Литургии начинался крестный ход. На руках мужчины выносили из храма скульптурный образ Николая Чудотворца и с ним шли вокруг храма. Это было дивное зрелище: под колокольный звон среди цветущих яблонь и вишен плыл Николай Чудотворец и шли в праздничных облачениях Владыка и духовенство. За ними устремлялись в разноцветных платочках женщины, по-праздничному одетые мужчины... А затем каждый должен был пройти под образом святителя Николая мимо Владыки, и каждого он окроплял святой водой.

Когда заканчивался этот людской поток, а поначалу он казался нескончаемым и только удивляться приходилось, как выдерживал Владыка это напряжение, он садился в машину и ехал к монастырю. Там его уже ждали священники, у ворот монастыря стояла большая икона преподобного Иосифа Волоцкого. Образ святителя Николая Чудотворца помещали на украшенный цветами грузовик и медленно везли к монастырю. Так до настоящего времени сохраняется этот древний обычай. Обе иконы вносили на территорию монастыря, и у стен Успенского собора начинался торжественный молебен, который совершал митрополит Питирим.

Только Господь знает, сколько сделал Владыка для возрождения Иосифо-Волоцкого монастыря. Тот, кто не был там в конце 80-х годов, и представить себе не может, в каком состоянии был передан монастырь Русской Православной Церкви. Нынешнее великолепие, внутреннее обустройство, налаженное хозяйство, отремонтированные здания на территории монастыря – всё это неимоверные усилия Владыки, его заслуга, помощь Божия и благословение преподобного Иосифа Волоцкого.

Вновь пришедшим в монастырь после кончины первого после его возрождения игумена – митрополита Питирима –

остается только сохранять и приумножать то, что здесь было восстановлено и создано.

* * *

О том, что Владыка серьезно болен, я узнала одной из последних. Тема эта не была предметом разговоров и обсуждений. Летом меня не было в Москве, и о том, что Владыке была сделана операция и он неизлечимо болен, мне стало известно только в сентябре.

Однако я сразу почувствовала, как изменилась атмосфера в храме. Богослужения совершались ежедневно, как и полагалось, но печаль и горестное настроение поселились надолго. Во время службы слышались всхлипывания, носовые платки не выпускались из рук.

21 сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, больной Владыка приехал на богослужение в храм. Молился он в алтаре. Диакон отец Николай, чтобы не беспокоить Владыку, вставал перед ним на колени, держа Евангелие в руках, и тот читал нужный текст.

После службы прихожане проводили митрополита Питирима к машине, и он снова отправился в госпиталь.

12 октября 2003 года митрополит Питирим последний раз был в храме в честь Воскресения словущего. Он приложился к иконе Божией Матери «Взыскание погибших», затем всех нас на прощание благословил.

* * *

Прошло пять лет с того дня, как не стало Владыки Питирима.

В дни памяти митрополита Питирима идут к его могиле на Даниловском кладбище, как когда-то в его келию, священники и миряне, генералы, адмиралы, артисты и простые православные люди, почитавшие его. Здесь всегда много цветов, горят свечи, мерцает свет лампы. Множество птиц, синиц и голубей слетаются сюда, садятся на плечи, на руки и головы молящихся, будто передают привет от Владыки. Божья благодать льется с небес, и уходишь отсюда просветленным, с чистым сердцем и успокоенной душой.

В этом тихом святом месте, у его могилы, особенно остро ощущаешь связь неба и земли, служителем которых был митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Для нас, простых людей, прихожан, он был наставником, советчиком и другом.

Наблюдая какую-то часть его жизни, слушая его проповеди, мы многому научились. Надеемся, что не заблудимся теперь в терниях земного пути, ибо путь этот нам освещает свет далекой звезды. Этот свет освещает путь множеству людей на планете. Ведь где бы ни бывал митрополит Питирим, он оставлял в людских душах неизгладимый след. Сын Земли, человек планетарного масштаба, Владыка говорил: «Земля – наша общая лодка. У нее прекрасные ходовые качества, но ей нужна хорошая команда. Если будет совместная работа Церкви и общества, культуры, науки и хозяйства, если народы будут жить вместе и работать для того, чтобы вместе прокладывать путь этой лодке, я думаю, она будет плыть беспрепятственно».

Валентина Доброва, прихожанка храма в честь Воскресения словущегона Успенском Вражке

Памятные годы (1982–1996)

Господи благослови!

Отмечая Богом благословенный юбилей 80-летия своей жизни, невольно мысленно воспроизводишь в своей памяти годы и встречи с видными деятелями ушедшей в историю эпохи. Тяжелые испытания пришли с началом Великой Отечественной войны, которую я в 16 лет встретил сначала в осажденной Москве, работая на производстве, а через год уже был в действующей армии, участвуя в обороне Ленинграда, в боях на Карельском перешейке под Выборгом, в Прибалтике (освобождение Эстонии и Таллина), в Венгрии, Австрии (взятие Вены), в освобождении Чехословакии. Часто приходилось смотреть смерти в глаза, но по Промыслу Божию Господь уберег меня и сохранил мою жизнь.

После всех ужасов военного лихолетья во мне зародилась мысль: видимо, Богу угодно, чтобы я смог еще и еще быть полезен людям. И если Господь продлевает мою жизнь, то и я должен быть благодарен Ему – Создателю всяческого Бытия. Посещая храм, я молился, благодарил и просил Господа нашего Иисуса Христа, чтобы Он помог мне полностью посвятить себя служению Ему. По настоянию моей родительницы Евдокии Николаевны и по своему убеждению я поступил в Московскую Духовную семинарию, а затем Академию, которую закончил в 1963 году со степенью кандидата богословия.

За время учебы я также работал шофером, помогая Академии и монастырю в обслуживании профессуры, ректора, наместника, а также эконома Троице-Сергиевой Лавры. Трудновато было, но легче, чем на фронте. Свободного времени не было ни минуты. Приходилось много читать духовной литературы, готовиться к экзаменам, писать сочинения, рефераты. Много было интересного и много встреч с замечательными людьми: духовными пастырями, профессурой, архиереями и Святейшими Патриархами, председателями Отдела внешних церковных связей, где я трудился потом в течение 22-х лет. Но сейчас я хочу сказать об уникальной

личности, которая, как яркая звезда, вспыхнула на церковном небосклоне; казалось бы, вспышка – только миг, но миг этот продолжался в моем видении 50 лет.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский) – благороднейший интеллигент, молитвенник Земли Российской. В его движениях и разговоре наблюдалась степенность, в общении – теплота, никаких резких высказываний и лишних слов. Его большие глаза пронизывали человека насквозь. Он был доверителен и требовал к себе того же. Мне приходилось наблюдать его встречу с императором Эфиопии Хайле Селассие – как он чисто говорил по-французски! У такой личности, как Святейший Патриарх Алексей I, можно было поучиться многому, самое главное – выдержке и смирению.

Несколько раз Господь удостоил меня побывать с Патриархом в узком кругу, когда мы выезжали в лес на прогулки. Однажды, когда все разошлись, мы со Святейшим остались вдвоем. Он сидел в автомашине с открытыми дверями, попросил меня подойти к нему и начал расспрашивать: кто я, чем занимаюсь? Я сказал, что учусь в семинарии и помогаю, когда такая возможность представляется, в качестве шофера. «Это хорошо, – ответил он. – Молодец». Вот этот яркий эпизод мне запал в душу на всю жизнь. Если этот благородный человек так ведет себя в быту, то как он ведет себя во время богослужения? Много прошло незаурядных личностей перед моими глазами, но такого благородства я больше не встречал.

И вот в то время, когда я изучал и впитывал азы духовного образования, мне много приходилось общаться с преподавателями, профессурой и духовными наставниками. Среди множества личностей ярко выделялся диакон Константин Нечаев. Я никогда не видел, чтобы он празднично проводил время. Он всегда находился в движении. Под воскресные и праздничные дни он уезжал в Москву – перекинув плащ на руку, он спешил на поезд. В то время он был, если не ошибаюсь, старшим иподиаконом у Святейшего Патриарха Алексия. Если Патриарх был в Лавре – а он часто приезжал, и это было

заметно – то отец Константин часто делал короткие переходы из покоев Святейшего в Академию. Позже, когда он принимал монашеский постриг с именем Питирим, я повстречал его у проходной монастыря, откуда он шел в Троицкий собор на трехдневное стояние на солее. Под мышкой у него были валенки. Я спросил: «А это зачем?», на что он ответил: «чтобы ногам было потеплее – холодно, на полу камень». Я пожелал ему помощи Божией в прохождении всех его послушаний, и мы расстались.

Позже, когда он стал иеромонахом, игуменом и вскоре архимандритом, он преподавал нам в Семинарии и Академии. Его лекции всегда были интересны, поучительны, легко запоминались. Хорошо воспринимались его лекции по Новому Завету, по сравнительному богословию и по многим другим дисциплинам. Помимо материала по данному предмету он всегда добавлял примеры, сравнения из жизни, приводил примеры из опыта заслуженных архиереев, и в особенности Патриарха Алексия. Очень было заметно, как у архимандрита Питирима, а впоследствии у Владыки Питирима, появилось много заимствованного от Патриарха Алексия: в движении, в голосе, манерах, разговоре, жестах и многом-многом другом. Всё, что он воспринял от Патриарха Алексия, он пронес через всю свою насыщенную, интересную и трудную жизнь.

За многие годы совместного общения, работы в храме в честь Воскресения словущего на улице Неждановой (ныне Брюсов переулок) мне очень редко приходилось видеть его расстроенным или в нервных срывах. Они были, но он всегда – я думаю, не ошибусь – помнил и видел перед собой пример и сдержанность своего духовного наставника – Святейшего Патриарха Алексия, и всячески сдерживал себя в любых проявлениях раздражения и несправедливости. И это приснопамятному митрополиту удавалось, и больше того: во всех проповедях, которые он произносил после каждого богослужения и каждого акафиста, он призывал прихожан к смирению, послушанию и кротости, говоря им: *Любите друг друга* (Ин.15:12).

Детищем митрополита Питирима был Издательский отдел Московского Патриархата. В январе 1962 года архимандрит Питирим был назначен главным редактором «Журнала Московской Патриархии». Я – живой свидетель, как он принимал издательство. Небольшое помещение в Новодевичьем монастыре, несколько полуподвальных помещений под склады, немного сотрудников, одна выработавшая свой срок машина «Победа» – вот и всё, что принял отец Питирим. Будучи помощником инспектора, а затем и инспектором Московской Духовной академии, отец Питирим предложил мне поработать у него во время Рождественских каникул. Я не посмел отказаться, предварительно поехал и посмотрел машину. При виде изношенной, просевшей машины и рядом сидящего пожилого и обиженного судьбой человека, я задумался. А когда я посмотрел и прощупал всё содержимое машины, понял, что ей давно пора быть на свалке. Приехав в Академию, я доложил, что на таком утиле работать невозможно, тем более в Москве. Отец Питирим внимательно меня выслушал и безобидно сказал (он, конечно, знал состояние машины): «Автоном Семенович, я с тобой согласен, но я имел в виду, что ты водитель военных лет и что для этих водителей нет преград». Вот тут я и задумался, что он прав: приходилось ездить без света всю войну, на плохой резине, с разбитым лобовым стеклом. И это меня задело. «Хорошо, – говорю, – отец инспектор, машина будет работать». Попросил слесаря из Патриархии, чтобы он мне помог сделать тормоза и свет, и выехал на линию. Две недели возил бухгалтера в банк и выполнял некоторые поручения, за что получил от отца Константина благодарность. Вот так у нас с ним началась трудовая дружба. Позже мне приходилось с отцом Константином бывать на их даче в Калистово. Простой рубленый дом, где проживала в то время его мама Ольга Васильевна с его сестрами. Бывал и на улице Чаплыгина в Москве, где также проживали сестры Владыки. Принимал участие в траурных событиях – похоронах братьев и сестер на Даниловском кладбище. Много приходилось совершать различных поездок, во многом принимать участие.

Особенно запомнились похороны жены Даниила Андреевича Остапова. Молодое поколение, наверное, не знает эту личность, но мы-то помним – это был верный помощник Патриарха Алексия I. Впереди – катафалк с покойной, следом ЗИМ; я за рулем, в машине – Даниил Андреевич и архимандрит Питирим, который всю дорогу от Загорска до кладбища читал Евангелие.

Второй запоминающийся случай. Встречал я митрополита Питирима из зарубежной поездки в аэропорту «Шереметьево». Только проехали Березки, это один километр. Осень, темно, и вдруг в машине погас свет. Встал в сторонку, проверил предохранители и всё, что возможно, – нет света. Минут десять простояли, я волнуюсь, наверное, волновались и они. Я применил все свои знания, но света нет. И вот тут вспомнил ту единственную молитву, к которой прибегал в трудные минуты жизни: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги мне, грешному». И вскоре свет как погас, так и загорелся. Одному Богу известно: быть может, кто-то тоже творил молитву, стоя недалеко от машины. Много было и других таких случаев.

Мы провожали в армию воспитанников нашего класса семинарии: Юрия Смирнова (ныне архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий), Николая Соколова (ныне протоиерей, настоятель храма во имя святителя Николая Чудотворца в Толмачах при Третьяковской галерее), Геннадия Кузнецова (ныне протоиерей) и многих других. И вот около семи утра стоим мы небольшой группой у ворот монастыря, прощаемся, и вдруг неожиданно в утренней мгле подходит к нам в плащ-накидке отец Питирим – а он у нас в то время был классным руководителем – и говорит: «Ну что, юноши, загорюнились, запечалились? Это долг каждого человека – послужить Отечеству. Этот небольшой срок из вашей жизни – служба армейская – быстро пройдет и останется одно воспоминание. С Богом и вперед!». Приободрил он наших призывников, благословил каждого на ратный подвиг. Мы долго стояли и провожали взглядом наших однокашников, а они пошли в сторону военкомата, воодушевленные и приободренные нашим духовным наставником. И слава Богу! Все они отслужили,

вернулись живыми и здоровыми и продолжили свои занятия по духовному совершенствованию.

Хотелось бы еще сказать несколько слов о работе митрополита Питирима в Издательском отделе. Он много приложил физических и духовных сил для развития отдела. Он сумел увеличить автопарк до 30 единиц, а число сотрудников – от десятка до 300 человек. Их трудами и трудами Владыки издавались богослужебные книги, издавалась духовная и богословская литература, которая была так необходима для церковнослужителей, для всего православного мира. Когда он совершал богослужения, он молился как за себя, так и за всех православных великой нашей России. Он был как великий молитвенник, так и великий труженик. История должна еще сказать свое слово об этой личности!

Будучи викарным епископом Московской епархии, Владыка Питирим получил благословение от Патриарха Московского и всея Руси Пимена капитально отреставрировать и восстановить храм в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке, что в Брюсовом переулке, где Владыка служил. Финансирование этих работ Патриарх также благословил Владыке Питириму. К тому времени в храме случился пожар – и это указывало на необходимость восстановительных работ. Несколько попыток найти человека, который мог бы взяться за исполнение поставленных задач, ни к чему не привели. И Промысл Божий вновь свел нас с Владыкой Питиримом. Мне было предложено взяться за эту нелегкую задачу, и я позже узнал, что предложено не без участия Владыки. Было благословение Патриарха Пимена, и я приступил к этому нелегкому послушанию. При анализе состояния храма и при составлении ведомости по учету дефектов у меня, казалось бы, должны были опуститься руки, но я следовал словам Владыки, что солдат и христианин не должны забывать слов Спасителя, переданных нам апостолом Павлом: *сила Моя совершается в немощи* (2Кор.12:9).

И начались трудные дни и годы восстановительных работ. Самое деятельное участие в них принял Владыка Питирим. Кроме богослужений, которые он совершал в праздничные и

воскресные дни, чтения акафиста перед иконой Божией Матери «Взыскание погибших» каждое последнее воскресенье месяца, Владыка часто, при всей своей занятости, надевал комбинезон и залезал на леса, чтобы проследить, как идут реставрационные работы. Он привлек к работе Московскую областную реставрационную мастерскую. Были восстановлены почти все иконы главного иконостаса и иконостасов двух приделов, а также иконы трапезной, промыта настенная живопись; были заменены песчаные плиты пола, позолочена рама главного иконостаса, восстановлена резьба по дереву иконостасов двух приделов и трапезной. Было устранено постоянное затопление храма техническими водами соседних учреждений, построен дом причта с подземным переходом из дома в храм.

Когда шло это строительство, время было трудное, без разрешения ничего нельзя было делать, и я как-то сказал: «Владыка, как у меня сердце болит». А он: «А у меня как!!!» Полностью были заменены рамы и двери вместе с коробками, крыша четверика и трапезной были покрыты медью, укреплен фундамент Елисеевского придела. Богослужения во время работ не прерывались.

Почти ежегодно в день празднования иконы Божией Матери «Взыскание погибших», 18 февраля, к нам вечером прибывал в сопровождении митрополита Питирима Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен и прикладывался к святому образу, которому был сделан новый киот с художественной оградой. Возжигались все паникадила, и в храме было очень торжественно и величественно. Первосвященник в эти минуты был умиротворен и благорасположен.

Всегда было очень трогательно наблюдать картину посещения храма его родными сестрами: Александрой Владимировной, Надеждой Владимировной, Ольгой Владимировной, когда они все вставали в сторонку, молились и умилялись на родного молитвенника – своего младшего брата. Часто привозили с собой одну из сестер – Марию Владимировну, которая не могла ходить и ее завозили в храм на инвалидной коляске. Ее обычно сопровождал Ваня Сирота,

впоследствии иерей Иоанн. Я помню его как верного и честного помощника Владыки.

После перестройки наш храм стал первым, на колокольне которого зазвучали колокола; у нас был и первый крестный ход вокруг храма. У нас же у первых раздались детские голоса учеников воскресной школы. С началом перестройки Владыка Питирим обратился к духовенству храма: «Выходите из «окопов», идите в народ!». Сам он всегда показывал пример: просил не закрывать двери храма, удовлетворять просьбы прихожан и всячески помогать разрешению их наболевших вопросов. Он всегда находил время ответить спрашивающему и помочь просящему, утешить обиженного. Его часто навещали в храме высокопоставленные лица государства, военачальники, работники искусства, ученые.

У митрополита Питирима была давняя дружба с Иваном Семеновичем Козловским. Они часто встречались на концертах. Последний раз, я помню, это было в 1993 году в Колонном зале на Рождественском концерте. И. С. Козловский очень уважал и любил митрополита Питирима. Проживал он на улице Неждановой (Брюсов переулок) недалеко от храма и в последние годы своей жизни часто приходил в наш храм на вечернее богослужение. Приходил задолго до начала службы. Сидел во дворе храма. Мне много раз приходилось с ним беседовать. Во время службы мы ставили ему стул на солее около левого хора. И он слушал и молился. Я всегда ставил в известность митрополита, что у нас сегодня на службе присутствует Иван Семенович. Митрополит Питирим во время помазывания святым елеем всегда приходил на солею и помазывал его особо. Отпевали И. С. Козловского тоже в нашем храме. Митрополит Питирим находился тогда за рубежом, и отпевал его протопресвитер Матфей Стаднюк. Вечная память великому тенору!

В нашем храме Владыка отпевал многих видных деятелей. Неожиданная трагическая смерть журналиста Владислава Листьева потрясла множество людей. Десятки камер кино- и фотожурналистов снимали отпевание, которое совершал митрополит Питирим.

В храме по благословению Патриарха Пимена проходили съемки фильма «Багратион» – снимали венчание полководца. Съемка шла несколько дней при участии многих артистов. По завершению картины режиссер, он же исполнитель роли Багратиона, на встрече в Издательском отделе благодарил Владыку Питирима за оказанное содействие в работе над фильмом, а потом похвалил и меня.

Приятно вспомнить, как митрополит Питирим в нашем храме принимал поздравления в связи со своим 70-летием от различных организаций и видных деятелей. Поздравления длились несколько часов. Много было у Владыки поклонников и людей, любящих его за преданность вере христианской, за его молитвы, за любовь к прихожанам. Люди видели в нем верного пастыря, призывающего их ко спасению.

Будучи председателем Приходского совета храма, я мог видеть, как к нему приходило много молодежи, некоторые впоследствии становились иподиаконами, а затем и священнослужителями. И вот на девятый день после кончины Владыки Питирима все батюшки, рукоположенные им в сан священника, пришли на Даниловское кладбище на могилу своего духовного наставника и долго и слезно молились о его упокоении. Я молился вместе с ними и вспоминал весь пройденный путь митрополита Питирима, как истинного иерарха Русской Православной Церкви и верного сына Отечества, который оставил неизгладимый след в сердцах многих христиан и его сподвижников. Вечная ему память!

Автоном Климашин, кандидат богословия, председатель Приходского совета храма в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке

Архипастырь Волоколамска

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим – наместник Иосифо-Волоцкого монастыря

Я хотел бы немного рассказать о деятельности Владыки Питирима как игумена, как наместника Иосифо-Волоцкого монастыря, о деятельности Владыки по восстановлению монастыря.

Конечно, эта деятельность митрополита – лишь верхушка айсберга. Он был выдающимся богословом, выдающимся человеком, и его дух в монастыре чувствуется. Самое главное, что произошло, – это то, что сейчас Иосифо-Волоцкий монастырь, преподобный Иосиф и Владыка Питирим – как бы сроднились. Когда слышат об Иосифо-Волоцком монастыре, вспоминают о Владыке. В Москве или Волоколамске, да и по всей стране первая ассоциация: монастырь Иосифо-Волоцкий – это монастырь Владыки Питирима. Это – первое, что приходит на ум, и это действительно так. В нашем монастыре чтят память Владыки – установлен памятный крест при содействии Фонда «Наследие митрополита Питирима». Мы поминаем его на панихидах, и все насельники хранят о нем теплую память. Когда заходит разговор о монастырской жизни, вспоминают: Владыка говорил то-то; при жизни Владыки было так-то. Всё это – память о Владыке и отзвук его жизни. Важен тот дух, который зародился при Владыке Питириме, дух просвещения и возрождения монашеской жизни.

Монастырь был открыт 15 мая 1989 года. 12 июля состоялось малое освящение храма во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла и была совершена первая Божественная литургия, которую отслужил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. В своем слове он сказал: «Ради этого дня стоит жить. Пятьсот лет тому назад преподобному Иосифу было указано место для создания обители. Многими путями послушания пришел он сюда для того, чтобы создать здесь новую обитель, – обитель, которая с самого начала должна заявить о своем служении миру. Помолимся преподобному и богоносному отцу нашему Иосифу,

игумену Волоцкому, чтобы он вместе со всей единомышленной братией укрепил эту святыню и дал нам силу и разум продолжить это священное дело».

22 июля 1989 года митрополит Питирим с собором духовенства Казанского благочиния и Издательского отдела Московского Патриархата совершил освящение стен монастыря и здания надвратной церкви во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. С особым благоговением были встречены мощи святых, доставленные из Москвы, с крестным ходом они были обнесены вокруг монастыря. Так началась новая жизнь обители.

Монастырь преподобного Иосифа после революции был в запустении. В нем в разное время находились интернат, детская школа; во время войны – немецкий госпиталь. Потом молитвами преподобного Иосифа, а также стараниями Владыки Питирима началось восстановление монастыря. В течение 1989 года Успенский собор и нижний храм во имя преподобного Иосифа Волоцкого были расчищены. Ко дню празднования преставления преподобного Иосифа Волоцкого на месте погребения его святых мощей установили гробницу, зажгли лампы. 31 октября была совершена первая Божественная литургия в этом храме. С 1990 года Владыка Питирим совершал богослужения в соборе в честь Успения Пресвятой Богородицы: 28 августа – в праздник Успения Пресвятой Богородицы, 22 сентября – в день памяти прославления преподобного Иосифа Волоцкого. Появились первые монахи, послушники. Их было немного, но они под руководством Владыки Питирима начали постепенное возрождение обители. Делали то, что было в их силах: ремонтировали братские корпуса, устраивали столярную мастерскую, ферму, птичник, гараж; привлекали на хозяйственные работы местных жителей, желающих потрудиться в этом святом месте, а также приезжающих паломников. В монастыре сложился небольшой коллектив сестер – сотрудниц обители. На протяжении всей этой деятельности в качестве игумена монастыря митрополит всегда живо интересовался делами обители и постоянно контролировал деятельность всех ее подразделений.

Благодаря международным контактам Владыки, в частности, с Германией, у нас сложилась тесная дружба с немецким городом Майнцем. С 1994 года дважды в год к нам приезжали немецкие музыканты и школьники, а также русские дети – ученики музыкальных школ и училищ. В течение месяца они обменивались опытом, давали благотворительные концерты в Волоколамске и в Москве. Немецкая сторона оказывала материальную помощь монастырю. На эти средства был отремонтирован новый братский корпус. На 1-м этаже этого корпуса была устроена трапезная, кухня, котельная, зал для приема гостей, часовня во имя преподобного Сергия Радонежского. На 2-м и 3-м этажах были отремонтированы братские келии, библиотека, ризница, а также приемная Владыки Питирима, гостиничные комнаты. В 1991 году в монастыре был организован музей Библии. Цель деятельности музея – собрание рукописных и печатных библейских текстов, исследование и экспонирование их, издание Библии, исследовательских работ по Священному Писанию, проведение научных изысканий и конференций. В результате была собрана коллекция Библий, начиная с XVI века, на разных языках. Были изданы несколько томов Русской Библии с фотографиями оригиналов рукописных текстов, считающихся шедеврами древнерусской книжной культуры. К сожалению, это благое дело продолжалось недолго, до преждевременной кончины одного из помощников Владыки Питирима – архимандрита Иннокентия (Просвирнина), после которой работа музея частично остановилась. Митрополит Питирим пытался продолжить эту просветительскую деятельность настолько, насколько это было возможно при его большой загруженности церковными делами.

В 1996 году ремонтные работы продолжились. Постепенно старый и новый корпуса были восстановлены, и сейчас они уже пригодны для жизни, для работы братии в монастыре. В 1997 году в нижнем храме преподобного Иосифа силами братии было проведено отопление, и здесь начали регулярно совершать богослужения.

Все знают о любви Владыки Питирима к Московскому государственному университету путей сообщения (МИИТу).

Многие миитовцы приезжали к нам в монастырь. С 1998 года по благословению Владыки и при участии Центра труда и занятости молодежи был организован и ежегодно стал действовать летний трудовой лагерь для несовершеннолетних подростков, детей из многодетных семей, безработных и одиноких родителей. Во время ремонта фундаментов нижнего храма, где поднимали старый белокаменный пол, были проведены глобальные археологические исследования. В результате их были обретыны, а затем осенью 2001 года выставлены для поклонения мощи преподобного Иосифа Волоцкого. Преподобный Иосиф как бы снова пришел в свою обитель.

Велись ремонтные работы и в Успенском соборе. В 2003 году был отреставрирован (покрыт медью) его купол. Владыка ничего не жалел для восстановления обители. Были такие случаи, когда чего-то не хватало: надо было купить для отопления солярку, еще что-то, – и Владыка отдавал свои деньги, чтобы поддержать обитель.

В заключение хотелось бы сказать, что Владыка был в качестве игумена поистине добрым пастырем, полагающим свою душу для спасения ближних, вверенных ему чад, вверенного ему монастыря. Дай Бог, чтобы и дальше по его молитвам монастырь жил и преуспевал. Чтобы мы жили так же свято, как жил сам Владыка.

Игумен Сергей (Воронков),

наместник Иосифо-Волоцкого монастыря

Духовный наставник

Владыка Питирим был назначен викарием Московской епархии на Волоколамскую землю в 1963 году. В 2003 году он отметил сорокалетие архиерейской хиротонии и этого назначения.

На Волоколамской земле при непосредственном участии Владыки Питирима благоукрашались храмы и строились церковные здания. В трудные для Церкви годы мы вместе с ним принимали участие во встречах с руководителями государственных структур Волоколамского района, посещали памятные места в День Победы, имели возможность посетить различные учреждения района. Никто не мог ответить Владыке отказом. И всё это было тогда, когда шли разговоры об уходе Церкви в небытие.

В 1989 году, когда возвращенные Церкви разрушенные святые обители можно было пересчитать по пальцам, усилия Владыки способствовали передаче Иосифо-Волоцкого монастыря Русской Православной Церкви. И с тех пор он являлся игуменом этого монастыря.

Многие никогда не забудут торжественные богослужения митрополита Питирима, его проникновенный голос, слова проповеди. Он приглашал с собой в Волоколамск как иностранцев, так и известных людей нашего государства, и они приезжали, считая это за честь.

Мы помним Владыку открытым в общении. Он легко и быстро находил общий язык как с профессорами и государственными чиновниками, так и с простыми людьми и маленькими детьми. Его любили и уважали, к нему прислушивались все, кто с ним общался. Он имел удивительное обаяние и обладал исключительной мудростью.

Венцом его жизни стало обретение его трудами мощей покровителя нашей земли – преподобного Иосифа Волоцкого. Святые мощи находятся в нижнем храме Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря. Мы ждали этого события долго и безгранично благодарны Владыке за этот духовный подвиг.

Можно приводить множество примеров, подтверждающих всё вышеизложенное и характеризующих нашего Владыку. У каждого эти примеры свои: как он играл с детьми; как никогда не ставил в неловкое положение людей, с которыми общался; как многие видели у него слезы во время последних посещений им храмов Волоколамского благочиния.

Он любил Волоколамскую землю.

Вспоминать Владыку можно бесконечно. В завершение скажем, что он останется в этих воспоминаниях мудрым, величественным человеком. Однажды Никиту Сергеевича Михалкова спросили во время предвыборной встречи Владыки с избирателями (известный кинорежиссер был его доверенным лицом в ходе выборов на Съезд народных депутатов): «Почему Вы, Никита Сергеевич, с митрополитом Питиримом?» Тот ответил просто: «Он мне нравится».

Своим пастырским примером Владыка Питирим учил нас молиться углубленно, сосредоточенно; именно так мы поминаем его в своих молитвах.

Протоиерей Константин Попов,
благочинный Волоколамского округа

Владыка как Волоколамский благочинный

Окончив курс семинарского образования, я поступил в Московскую Духовную академию. В этот период у меня появились проблемы с голосом – не мог служить, а в связи с женитьбой возникли материальные трудности. Владыка отнесся ко мне по-отечески, приняв меня в Издательский отдел Московского Патриархата. Начинал я с курьерских обязанностей, затем ездил с ним по Волоколамским приходам, как диакон, и постепенно возрастал. После рукоположения в сан священника, по ходатайству Владыки, в 1971 году я был направлен служить настоятелем в Волоколамский храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы. И в течение 30-ти лет вся моя жизнь проходила под его попечением и духовным надзором.

Владыка очень любил Волоколамский край, часто его посещал, окормлял, знал в лицо многих прихожан каждого храма, всегда поддерживал их и словом, и советом, а часто и материально. Вспоминаю, как в первый год моего служения заходит Владыка в алтарь, перекрестился, посмотрел, ничего не сказал, положил конвертик на аналой: на, – говорит, – возьми на нужды. Я спрашиваю: какие? А он отвечает: какие считаешь необходимыми. Не стал говорить – сделай то-то, построй то-то – как обычно бывает. Он видел, что начался ремонт храма, понимал, что здесь трудности, а двадцать тысяч в те времена были большими деньгами. И впоследствии он старался помогать – то материал какой-то пришлет, который ему пожертвуют, то еще что-нибудь. Не было у него алчности, смотрел он на материальные средства, как на мусор, но без которого нельзя обойтись. И это давало пример всем нам. Всем нам хотелось что-то от него услышать, что-то получить от него. Он заботился обо всех храмах своего благочиния: или находил для храма жертвователя, или сам непосредственно чем-то помогал, и все храмы были отремонтированы, несмотря на то, что в те тяжелые времена, чтобы покрасить крышу, надо было идти в исполком и просить разрешение. У меня был такой

случай, когда я пришел с просьбой в исполком (а пред этим Владыка Питирим там побывал), а мне говорят: «надоел ты нам, то одно тебе надо, то другое», и дали документ, в котором было написано: «разрешается всякое строительство на территории храма», что в то время было просто невероятно.

Мы могли свободно ходить на кладбища, ходить с требами по домам, и за всё время его пребывания в Волоколамске в самые застойные времена не было ни одного инцидента, чтобы администрация обращалась в вышестоящие органы с доносом, что вот, священник ходит по кладбищу, ходит по домам, строит, что не положено. Уважение к Владыке со стороны руководства города давало нам возможность жить спокойно.

Каждая встреча с Владыкой оставляла неизгладимое впечатление. На престольные праздники храмов своего благочиния он всегда старался приезжать и служить (если ему не давали послушание служить где-то в другом месте). На эти богослужения съезжалось всё наше духовенство. За трапезой он обычно вел с нами глубокие духовно-назидательные беседы. Но Владыка меньше учил словом, а больше своим жизненным примером. Он обладал особым даром вести беседу, и когда он говорил, слушая его, я забывал о времени. А поскольку он был во многих странах, посещал Иерусалим, европейские государства, даже экзотические страны, он рассказывал, как живет мир, а нам это было, конечно, очень интересно.

Каждое Рождество широко праздновалось в Волоколамске. Была общая елка, собиралось духовенство. Владыка всегда привозил детям подарки, весело раздавал их.

Митрополит Ловчанский Гавриил, будучи тогда еще настоятелем Болгарского подворья в Москве, часто бывал у Владыки Питирима в Волоколамске. Архиепископ Орехово-Зуевский Алексей приезжал туда, еще будучи в сане диакона, кадило нам подавал. Были космонавты, певица Людмила Зыкина несколько раз приезжала, бывал и Иван Семенович Козловский. Приезжали послы многих стран, бывали академики Е. П. Велихов, Б. В. Раушенбах, Р. З. Сагдеев, министры образования, культуры. И через это шло воцерковление людей,

и в то же время Церковь могла жить в достаточно благоприятной обстановке.

Владыка был натурой цельной – не раскрывая себя перед всеми, внутренне он всегда готовился к службе. Вспоминаю, как рано утром едем мы в машине из Москвы в Волоколамск (тогда я был еще диаконом), он сидит и читает каноны перед причастием, он себя уже настраивал.

Он всегда принимал меня как своего. Когда я был еще диаконом, служили мы в Новодевичьем монастыре. Как-то после пасхального богослужения Владыка говорит мне: «Давай, на кладбище съездим». И мы поехали на кладбище, он показал мне могилы всех старцев, похороненных на Ваганьковском и Даниловском кладбищах, и везде со всеми похристосовался.

Главное, что Владыка мне дал – это правильное, не казенное отношение к Православию. Владыка очень любил совершать богослужения, всегда служил благоговейно и красиво. За внешним благолепием стояла высокая духовность, внутреннее понимание совершаемого Таинства. Многие мы тогда не понимали, а после его отшествия он как бы нас вразумляет.

Вся жизнь моя связана с митрополитом Питиримом. Владыка принимал меня в семинарию. С четвертого класса семинарии меня забирают в армию, а Владыку переводят на Смоленскую кафедру – думаю: прощай, Владыка. Возвращаюсь из армии – Владыка опять на прежнем месте. Он был освобожден от занимаемой должности, а я перешел служить в Москву. Но я всегда ощущал на себе его отеческую заботу.

Он любил жизнь, именно жизнь как духовное начало, он ушел из нее последним из своих братьев и сестер. Они его поддерживали, он с ними порой советовался. Вспоминается одна из его сестер – Мария Владимировна. Она многие годы пролежала без движения, но была человеком жизнерадостным; приходишь – никогда не увидишь на ее лице грусти, никогда она не говорила: «Мне нездоровится» – она всегда улыбалась. Ольга Владимировна была архитектором, участвовала в восстановлении памятников культуры и много содействовала реставрации храмов Волоколамского благочиния. Николай

Владимирович, брат Владыки – инженер-строитель, очень помог нашему храму в восстановлении отопительной системы, тогда мы топили еще дровами. Нужно было подводить газ, воду – он приезжал к нам несколько раз.

Их семья была, как один букет, и каждый цветок издавал свой аромат, вместе они жили одним духом. И на Даниловском кладбище похоронены рядом со своими родителями.

* * *

Митрополит Питирим проявлял большую заботу о храмах Волоколамского благочиния. Так, в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Возмище были проведены не только ремонт, но и реставрация – раскрыты уникальные фрески XVI века школы Дионисия.

В храме в честь Сретения Господня в селе Пески был проведен грандиозный ремонт-реставрация. Этот деревянный храм XVIII века построен из колоссальных бревен очень большого диаметра. Со временем эти бревна стали подгнивать. И вот Владыка нашел в Караганде талантливого инженера – специалиста по строительству шахт (к сожалению, не помню его имени). По его проекту в бревна были вставлены металлические пломбы, а храм был обшит просмоленными досками, позолочены кресты. Был проведен капитальный ремонт в храме в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Спирове: заменены перекрытия, заново покрыта крыша, позолочены кресты, отремонтирован дом причта, построен хозяйственный комплекс, двор храма выложен брусчаткой.

В селе Спас при храме в честь Преображения Господня построен дом причта.

Все эти работы проведены на средства Издательского отдела.

На благоустройство Волоколамского благочиния митрополит Питирим изыскивал средства и в других организациях. Так была отремонтирована дорога от поселка Теряево к Иосифо-Волоцкому монастырю, асфальтирована территория вокруг монастыря. Построена новая хозяйственная дорога от шоссе к монастырю с целью улучшения экологической обстановки в

районе монастырских прудов (сейчас там пешеходная зона). Асфальтирован поселок Теряево, отремонтирована полностью разбитая дорога к храму в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Спирове, отремонтирован подъезд к кладбищу. Все эти работы проведены при помощи современной техники на высоком профессиональном уровне.

Когда Владыка начинал здесь служить, асфальтированной дороги вообще не было. К храму вела проселочная дорога. Осенью, весной и после дождя глина так размокала, что по ней невозможно было ни проехать, ни пройти. Владыке иногда высылали подводу, а иногда приходилось надевать резиновые сапоги и идти по размокшему полю. А летом, в жару, после проезда машины пыль стояла столбом несколько минут, ничего не было видно.

Большое внимание митрополит Питирим уделял благотворительной деятельности. Им был создан благотворительный фонд «Благовест» для помощи детям, помогал он детскому дому «Солнышко» в Волоколамске. Владыка Питирим очень много помогал людям, но об этом мало известно.

Протоиерей Николай Попов, настоятель храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Возмище в Волоколамске до 2001 года¹⁵

И сохранит сердце память

Нашему Волоколамскому краю, богатому историческими событиями почти девяти веков, повезло: на этой земле жили и творили благо Господне два великих деятеля русского Православия: это создатель Иосифо-Волоцкого монастыря преподобный Иосиф Волоцкий и его недавний игумен – митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Оба этих неповторимых человека внесли огромный вклад в сохранение духовной чистоты русской нации и укрепление в ней нашей Православной веры. И если преподобному Иосифу Волоцкому, в общем-то, уже определен пьедестал в истории Государства Российского, то имя и дела Владыки Питирима еще займут свое достойное место в ней – после того, как по прошествии времени будут изучены и подытожены его благие деяния.

Я рад, что лично был знаком с Владыкой, что имел возможность периодически общаться с ним и всякий раз оставаться после этих встреч более просветленным душой, более окрыленным на добрые дела и помыслы.

Таким он был, наш священнослужитель митрополит Питирим, память о котором всегда будет жить в людях. Думаю, что на земле Волоколамской мы сделаем всё, чтобы увековечить его в бронзе или граните, как сердце подскажет.

Вячеслав Карабанов, глава администрации Волоколамского района

Большое видится на расстоянии

Самым значительным событием в моей жизни стало знакомство с Владыкой Питиримом, открывшее возможность общения с ним.

.. .Неделя 6-я по Пасхе 1974 года. Храм в Спирове. Крестный ход. Владыка кропит святой водой, и щедрые капли падают на головку моей дочери. Ей пять лет. Она, раскрыв глаза, стоит, не шелохнувшись, и смотрит на архипастыря, а тот, улыбаясь, смотрит на нее, потом, перекрестив и возложив руку на ее головку, говорит мне: «Умница, какой светлый лобик!». Пройдет 17 лет, и Владыка напишет дочери на Библии благословение на исполнение высоких помыслов в служении лекарем. Это произойдет на выставке «Русской книжности – 1000 лет».

Я знаю, что у многих волоколамцев хранятся автографы Владыки, многие общались с ним, испытали на себе его благотворное влияние. Он многим помог, а потому снискал себе добрую память.

Владыка был почетным гостем нашего школьного музея. Я помню, как ему понравилось простое, но емкое название музея – «Волоколамская земля». Оно и стало впоследствии названием его замечательной книги. Посетив музей, он внимательно, я бы сказала, пристрастно разглядывал экспонаты, относящиеся к культуре прошлого. В память о встрече я подарила ему старенькое ветхое издание Жития преподобного Иосифа Волоцкого, написанного Топорковым, чему он очень обрадовался – как ребенок. В долгу Владыка не остался: через несколько минут, как по мановению волшебной палочки, появилась в его руках удивительно красивая книга – только что вышедшее издание «Библейские сказания», посвященное 1000-летию Крещения Руси. Книга издана под общей редакцией митрополита Питирима. На форзаце он написал: «Многоуважаемой Т. И. с благословением и благопожеланием в большой работе учителя иметь радость. 7 марта 1991 года. Питирим».

В тот же вечер мы долго говорили и о книгах, которые он издал и собирался еще издать, и о планах монастыря, и, главное, о том, как привлечь молодое поколение к нравственному духовному труду. Тогда же мыслился ему музей Библии в монастыре, и он ждал возвращения своего помощника архимандрита Иннокентия, чтобы начать реализацию планов и сразу же проводить экскурсии для всех желающих. Надо сказать, что практически все планы Владыки были так или иначе связаны с детьми: в них ему виделся залог реализации любых проектов.

Владыка был удивительным собеседником и интересным рассказчиком. Его можно было слушать бесконечно. Он покорял любую аудиторию. Блестящее владение языком, начитанность, эрудиция, способность к аналитическому мышлению – всё привлекало к нему.

Я вспоминаю, как оргкомитет книжной выставки «Русской книжности – 1000 лет» впервые собрался у Владыки. Очень робко, скованно мы чувствовали себя сначала, но как только увидели, что, улыбаясь, идет нам навстречу Владыка, всю нашу оторопь как рукой сняло. А он по русскому обычаю сразу проводил нас в комнату, где был накрыт стол. И хотя пища была скромной – шел пост – у нас было ощущение, что мы находимся за великолепно щедрым столом – так было уютно и спокойно. В кабинете Владыки я увидела макет родного монастыря, разумеется, с колокольней. Он надеялся, что когда-нибудь у монастыря появится колокольня; может, не такая, как была, но всё же...

Работая в оргкомитете выставки – дело это для всех нас было абсолютно новым и, естественно, во многом непонятным – мы нашли ощутимую опору и поддержку в лице митрополита Питирима. Он шел навстречу любым нашим пожеланиям. Он понимал, что подобное мероприятие должно стать событием для района, да и для области. По его протекции в Волоколамск на выставку повезли сотни книг различных издательств: нам открыли двери московские книжные запасники. Нас везде встречали доброжелательно и со вниманием. Артисты, литературные критики, поэты, музыканты, корреспонденты – все

с огромным почтением преклоняли головы перед Владыкой, а мы с ним общались, как с родным отцом. Когда на выставку приехали священнослужители из разных уголков России, мы в оргкомитете заволновались, сумеем ли организовать достойный прием. Владыка нас успокоил и сумел повести встречу так непринужденно, как только он один умел это делать.

Большое видится на расстоянии. Только теперь понимаешь, какое счастье общения подарила судьба: приблизиться к этому человеку уже было счастьем. Когда-то давно я спросила его о том, что меня очень беспокоило: бывшим «комсомольским атеистам» нелегко поднять руку, чтобы перекреститься. А он мне ответил: «Не старайтесь поднимать ее, просто идите в храм. Рука поднимется сама – не заметите, как...» Так оно и произошло. Само собой. Только далеко не сразу... Именно так и должно всё быть в нашей жизни. Никакой фальшивой ноты – в этом залог истины.

Не знаю, имею ли я право писать всё это? Но, мне кажется, я слышу, как Владыка митрополит говорит: «Что идет от сердца, да услышат». Так он сказал мне в нашем первом разговоре. Узнав, что я до шестнадцати лет жила в скиту, он поинтересовался, где я научилась общению и грамотной речи. А секрет очень простой: в этом скиту святой Иосиф Волоцкий начинал подвижнический труд по созданию монастыря, здесь он выкопал и освятил колодец, из которого я пила воду все шестнадцать лет, наша школа размещалась в монастырских келиях.

Я никогда не забуду уроков истории, которые вел у нас замечательный учитель Соколов Алексей Иванович. В проливной дождь он привел нас в Успенский собор монастыря. Крыши почти не было, и потоки воды лились по стенам, размывая росписи. Особенно доставалось изображению Страшного Суда. Учитель стоял с обнаженной головой, молчал, глядя на нас, а потом сказал: «Если вы такое забудете, вы никогда не станете настоящими людьми».

Когда я рассказала об этом Владыке, он сказал, что вот такие люди и сохранили цепочку веры в период гонения на нее, тем самым выполняя свое жизненное предназначение. Владыке

очень хотелось сделать монастырь и земли, его окружающие, образцовыми: должна была на полную мощь функционировать больница-богадельня; как и в былые времена, он во многом способствовал строительству и открытию школы в центре села Теряево. Это Владыка ее освящал, дарил детям счастливую возможность учиться в оснащенных им по последнему слову педагогики кабинетах, библиотеке, мастерских...

Владыка Питирим и храм – едино. Думается, что еще очень долго будут прихожане испытывать приступы глухой боли от сознания, что после богослужения уже не будет стоять Владыка, терпеливо благословляя каждого из нескольких сотен, всем ласково улыбаться и пристально глядеть в глаза, находя в каждом лице только ему открывающиеся оттенки.

20 ноября 2003 года в Рузе состоялась областная краеведческая конференция. На ней в числе других докладчиков выступил ученик 9 «Б» класса гимназии № 1 Волоколамска Николай Ильин. Тема его сообщения «Ко святым местам...»(опыт литературно-духовной экскурсии по Иосифо-Волоцкому монастырю). Мальчик посвятил свое сообщение светлой памяти игумена Иосифо-Волоцкого монастыря Владыки Питирима.

Есть несколько предпосылок, вдохновляющих на занятия литературным краеведением: первая – если в твоей местности проживали деятели искусств и языка; вторая – если твой край неоднократно воспет в связи с чем-то; третья – если любишь землю и хочешь знать о ней больше. Все три условия питали работу гимназиста. Однако он соединил литературу с особым обстоятельством.

Всё началось еще в пятом классе, когда, готовясь к празднованию 2000-летия Христианства, дети всем классом писали (каждый по странице) общую рукописную книгу «Свет Вифлеемской звезды», а позже работали с духовной поэзией Л. Мея, Я. Полонского, Н. Некрасова, Б. Пастернака и других авторов, посвященной красоте русских храмов и важности веры в непростом бытии человека на земле.

«Мой первый опыт, – пишет мальчик, – был связан со стихотворением Н. Некрасова «Сельская церковь». Почему я

считаю этот момент значительным? Потому что за полнотой впечатлений я пошел к храму. Так в моем сознании навсегда соединилась действительность с искусством слова...»

Русский философ И. Ильин сказал: «Быть русским – значит не только говорить по-русски. .. Быть русским – значит верить в Россию так, как верили в нее все великие люди, все ее гении и строители». Примеры такой любви видим мы в тех, кто пришел в монастырь после его возвращения Православной Церкви в 1989 году. И здесь нельзя не сказать несколько слов об архимандрите Иннокентии (Просвирнине), реализовавшем мечту многих о создании в обители музея Библии... Как горько от мысли, что такой человек стал жертвой пьяных молодчиков, но, с другой стороны, он пострадал за веру, не дав попать святыни, и потому велик его подвиг.

А 12 ноября 2003 года в нашей гимназии состоялась поминальная молитва. Это был девятый день со дня кончины наместника монастыря митрополита Питирима. Мы (около 500 человек) просто застыли, глядя на горящую лампаду, которая своим огоньком освещала лицо на фотографии, с которой в черном облачении, опершись на посох, смотрел на нас Владыка Питирим. Снят он был на фоне монастыря, которому отдал многие годы своей жизни. И, конечно, не случайно 12 июня 2003 года Божий Промысл судил именно ему обрести мощи преподобного Иосифа Волоцкого, великого русского святого. И теперь мы, посещая монастырь и преклоняя колени пред мощами нашего святого земляка, всегда будем помнить, что вместе с тем склоняем голову перед памятью человека, подарившего нам счастливую возможность общения с Богом и Его святым угодником – общения, ставшего для нас более осязаемым.

Наши гимназисты помнят день 28 мая 2002 года, когда под звон колоколов у Святых ворот монастыря нас встретил Владыка митрополит, а потом долго стоял, был внимателен к каждому, кто подходил к нему, спрашивал имена, не устал ли, здоров ли, впервые здесь или нет, как настроение...

Я помню его слова, обращенные к гимназистам в трапезной, в них всё было обращено в будущее. Владыка

отслужил молебен преподобному Иосифу и испросил Божиего благословения отрокам, пришедшим пешком из Волоколамска и повторившим великий крестный ход XVIII века, в результате которого была остановлена страшная эпидемия чумы.

А как вкусно нас накормили! Это было так здорово: горячие вкусные сырники со сметаной – пальчики оближешь. А я стояла и думала: вот так в течение многих десятилетий кормил монастырь нищих и голодных людей. Какой же это подвижнический труд и как важно помнить и знать прошлое, чтобы ценить настоящее.

В Новоспасском монастыре Москвы находится могила архимандрита Иннокентия Просвирнина. Погребен на Даниловском кладбище столицы Владыка Питирим. Но стоит на Волоколамской земле их обитель, и покоятся мощи преподобного Иосифа Волоцкого, и читается нами прекрасная книга «Волоколамская земля».

Я точно знаю, что монастырь будет стоять вечно, потому что вечна духовная жизнь, вечны добрые человеческие помыслы.

«Да! Я вижу тебя, Божий Дом...» – такими словами закончил гимназист Н. Ильин свое сообщение на конференции. Он стал ее победителем, и теперь будет выступать на уровне конференции Российской. Господь поможет ему.

Думаю, было бы справедливо, если бы на нашей земле был установлен памятный знак в честь вклада Владыки в духовное просвещение Волоколамской земли. Туда учитель приведет своих учеников, мать и отец – детей, старожил – гостя Волоколамской земли, чтобы в лице Владыки Питирима почтить память духовных просветителей нашего края и всей России.

Татьяна Бабурова,

преподаватель волоколамской гимназии № 1

Наш митрополит

Это было 9 мая 1983 года. К тому дню я уже месяц работал заведующим отделом Волоколамского горкома КПСС и заканчивал Высшую партийную школу, в которой, кстати сказать, в свое время сдал зачет по научному атеизму (во второй раз, если учесть, что впервые сделал это десятью годами раньше – в университете).

Была вторая половина дня, я сидел в своем кабинете и отдыхал после большого мероприятия – митинга на Дубосековском мемориале, посвященного Дню Победы. В это время мне позвонил по внутренней связи первый секретарь горкома и попросил зайти к нему. Он сказал, что через час на мемориал для возложения венков приедет высокое духовенство, и поручил мне отправиться туда для контроля обстановки.

Смысл этого поручения ясен читателям старших поколений, но вряд ли понятен молодежи. Ей и объясню: в то время ни о каких тесных и прежде всего публичных контактах между партией и Церковью (соответственно, между Церковью и комсомолом, пионерами), а тем более о проведении совместных мероприятий, даже таких общенациональных, как День Победы, – не могло быть и речи. И поэтому на мемориале 9 мая сначала проходил районный митинг, на котором не было никого из священнослужителей, а потом, несколькими часами позже, приезжали представители церковных структур.

Так что когда первый секретарь отправлял меня на мемориал, он в своем поручении ставил мне отнюдь не представительскую цель. Напротив, я не только не должен был общаться с «церковниками», но и был обязан проследить за тем, чтобы их действия не приобрели общественной окраски.

Должен сказать, что ранее, когда я работал в горкоме инструктором того же отдела, я не только не получал подобных поручений, но и ни разу не видел, как 9 мая на мемориале проходит церковная церемония.

И вот я приезжаю на место назначения. Что сразу бросилось в глаза: недалеко от железнодорожного разъезда Дубосеково, то есть на стороне поля, противоположной той, на которой стоят бетонные скульптурные изображения панфиловцев, – много народа. Этого я никак не ожидал: ведь митинг уже давно закончился.

В толпе сразу выделяется большая группа ребят в пионерских галстуках. Подхожду к ним, спрашиваю, кто старший. Показывают на свою учительницу, молодую женщину. Представляюсь ей, показываю служебное удостоверение и вступаю в разговор. Оказывается, это школьники аж из Ступина. Специально приехали сюда 9 мая, чтобы поклониться памяти павших, положить к подножию памятника цветы.

Вижу, что цветов у ребят нет.

– Цветы уже возложили? – спрашиваю.

– Возложили, – отвечает учительница.

– А чего ждете?

Учительница в замешательстве отводит взгляд и лепечет что-то насчет электрички. Вдруг кто-то из мальчишек выкрикивает:

– Питирима ждем!

– Замолчи! – кричит учительница и, сердито буркнув мне: «извините», отходит в сторону.

Хотите – верьте, хотите – нет, но я тогда не знал, кто такой Питирим. Однако необычное звучание имени сразу навело на мысль о том, что речь идет о каком-то «церковнике». И тут до меня дошло, что вся эта толпа ждет этого Питирима.

По закону жанра я сейчас вроде бы должен написать что-нибудь типа: «меня бросило в пот». Нет, не напишу я так, ибо это было бы неправдой. Наоборот, во мне появилась какая-то жесткость и абсолютная решимость четко выполнить данное мне поручение.

В это время люди, вглядываясь в сторону Нелидова, заволновались: «Едет... Едет...» (прямо как в рассказах о приезде Ленина в Кашино). Показалась кавалькада машин с включенными фарами.

Подъехали. Из машин стали выходить люди в церковных одеждах. Кое у кого были кинокамеры. Смотрю, народ особо не реагирует. Но вот на дороге показалась «Волга».

Автомобиль подъезжает к нам и останавливается прямо напротив меня. Толпа заколыхалась. Женщины взяли на руки маленьких детей, мужчины сняли головные уборы.

Открывается правая передняя дверца, из машины выходит человек в обычной гражданской одежде и открывает заднюю дверцу с той же стороны.

Повторю фразу: хотите – верьте, хотите – нет. Первым, на кого, еще не выйдя из машины, посмотрел относительно молодой, с густой бородой, человек, для которого открыли дверцу, был я. И меня сразу поразили два момента: его потрясающая красота и необыкновенной душевности улыбка.

Он выходит из машины, поправляет на себе церковное облачение и подходит к толпе. Глаза лучатся теплым светом, улыбка становится еще добрее.

– Здравствуйте, православные! – приветствует он людей.

– Здравствуйте! – дружно отвечает толпа.

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – хором отвечают люди, многие крестятся.

И вот тут, дорогой читатель, я как раз и напишу то, что полагается по закону жанра: я почувствовал, что у меня побежали мурашки. Я вот пишу эти строчки и чувствую то же самое.

Я никогда ничего подобного не видел и не слышал. И я был просто ошарашен тем, что десятки людей, со школы воспитанных в атеизме, в настороженности (это мягко сказано) по отношению к Церкви, к попам, так влюбленно смотрели на священнослужителя и, что главное, так вот уж воистину единогласно произнесли «Воистину Воскресе!».

Дальше – больше. Женщины протягивали на руках священнослужителю (а я уж, конечно, догадался, кто это был) малышей:

– Благословите, Владыка.

Священнослужитель (я тогда не знал, в каком сане он был, и мне было непонятно, что значит «Владыка») ласково гладил детишек по головкам и что-то говорил. И ни один из них не испугался чужого дяди и не заплакал. А вот некоторые мамы не могли сдержать слез от переполнявшего их чувства, по-моему, даже и не понятного им самим.

Священнослужитель еще минут десять общался с народом: расспрашивал о житье-бытье, как-то ненавязчиво, не свысока, но по-отечески наставлял.

Наконец, он обвел всех прощальным взглядом:

– До свидания, волоколамцы! С великим вас праздником Победы! Спаси вас Христос! И осенил всех крестным знамением.

Священнослужители, неся несколько венков, направились к месту их возложения. Толпа же осталась на месте. Никому и в голову не пришло присоединиться к процессии: никто не хотел мешать.

И вдруг та самая молоденькая учительница бросает ребятам:

– Пойдемте с ними.

Я в доли секунды представил себе картину: церковники потом показывают свое кино, на экране – Питирим возлагает венки на мемориале 28 героям-панфиловцам в соучастии целого школьного класса в красных галстуках. Потом это дойдет до партийного начальства, начальства образовательного, и учительницу неминуемо уволят с работы, а ребят затаскают по пионерским собраниям. Ну, и мне достанется по первое число, а может, и по последнее.

Во мне снова проснулась та самая жесткость, к тому же подогретая моим абсолютным атеистическим несогласием с тем, что я только что видел. Я застыл перед молоденькой учительницей.

– Стой, где стоишь!

– Пустите! – запальчиво начала было требовать учительница.

– Стоять! – сдавливая голос, приказал я.

Видимо, в глазах моих было что-то такое... Она испугалась. Заплакала.

– Ну, пожалуйста, пустите, – прошептала. И тут мою жесткость подкосило.

– Пожалуйста, – тоже шепотом сказал я, – не ходи. Прошу тебя, не ходи... И они не пошли. Пионеры смотрели на меня исподлобья...

В тот день я не сомневался в том, что четко выполнил партийное поручение. Но на душе было противно...

Таким было то время... Вернее, таким мы его сделали.

И мог ли я тогда предположить, что спустя восемь лет я, уже секретарь горкома партии по идеологии, буду вместе с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом работать в оргкомитете книжной выставки «Русской книжности – 1000 лет».

Вот как я писал об этом в областной газете, в статье «Выставка закрыта. Да здравствует выставка!»:

«Во время подготовки выставки мы еще раз убедились, сколь великое объединяющее начало несет в себе занятость конкретным делом. Рука об руку, сердце к сердцу работали верующие и атеисты, коммунисты и беспартийные, рабочие и представители интеллигенции, молодежь и ветераны» («Ленинское знамя», 3.04.1991, № 63).

И тогда, и потом у меня было много-много встреч с Владыкой, интереснейших совместных дел и бесед...

Прошли годы. Я снова работал в газете. И вот бывший тогда настоятелем храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Возмище отец Николай Попов задумал выпуск «Православного вестника» в «Волоколамском крае» и предложил мне взяться за эту работу. Я согласился.

Почему я, и до сегодняшнего дня человек материалистических убеждений, согласился? Да потому, что на меня сильнейшее влияние оказал пример Владыки Питирима, которого я всегда называл и буду называть «наш митрополит». Владыка был открыт всем. Он неустанно строил добрые взаимоотношения между людьми различных воззрений.

Я не хочу, чтобы верующие и неверующие смотрели друг на друга исподлобья, как смотрели на меня некогда пионеры, с которыми, между прочим, я был тогда вроде бы одной веры, коммунистической...

Простите, Владыка...

Владимир Якубенко, заместитель главного редактора газеты «Волоколамский край»

Дорогие сердцу воспоминания

Как рассказать о человеке выдающемся, таком значительном, как митрополит Питирим, и таком близком и родном, как наш дядюшка Константин Владимирович Нечаев?! С чего начать? Долгие годы я был рядом с ним, и в каждодневном общении многое казалось обыденным, обыкновенным, и только сейчас, по прошествии пяти лет после его кончины, начинаешь понимать, что был свидетелем неутомимого духовного подвига, ежедневного и ежечасного. Дядюшка беспрестанно верил в Бога – и как Бог есть любовь, так он был весь заполнен любовью, что и вело его к духовному совершенствованию. Ему было интересно жить и трудиться для блага людей православных, для блага России.

Он был неутомим в познании, его интересы распространялись на все сферы жизни, а его мощный интеллект позволял ему проникать в такие глубины бытия, что, казалось, человеку просто невозможно всё это понять.

Я работал с ним в Издательском отделе. Часто в конце рабочего дня, когда сотрудники расходились по домам, заглядывал к нему в кабинет, и мы забывали за разговором о времени. «А знаешь...» – то и дело говорил дядюшка и рассказывал мне о новых открытиях, достижениях в науке, о новых технологиях и многом другом. Все это было так увлекательно, что, когда мы спохватывались, то обнаруживали, что засиделись до полуночи. Тогда дядюшка отправлял меня домой на машине, а сам, предупредив свою сестру, которая ждала его дома, оставался ночевать в отделе. Каким образом узнавал он все новое – загадка, но, узнав что-то, он подстегивал и наш интерес и часто давал поручения по более глубокому изучению того или иного открытия или изобретения. Бережно храню в своем личном архиве некоторые подобные документы. Вот, например, поручение ознакомиться с новым способом нанесения на металлы покрытия, имитирующего золото. Этот метод вроде бы можно было применять вместо покрытия металлов или пластмасс сусальным золотом.

Изучение вопроса показало нерентабельность разработки на тот период времени, но, возможно, в дальнейшем при определенной доработке этот способ найдет свое применение.

Владыка постоянно держал на контроле решение нескольких задач. Он занимался лично вопросом передачи земель, примыкающих к Иосифо-Волоцкому монастырю, Издательскому отделу Московского Патриархата. Много трудился над разработкой концепции создания целого комплекса духовного развития, воспитания и нравственного образования с Иосифо-Волоцким монастырем в центре. В трудные 90-е годы, когда остро стоял вопрос о хлебе насущном, митрополиту Питириму приходилось решать многие социальные проблемы. Православная Церковь не могла быть в стороне от бед российского народа. Вот отрывок из циркулярного письма Отдела по церковной благотворительности и социального служения Московского Патриархата: «Если Ваша епархия имеет интерес к выращиванию фасоли, цветной капусты, свеклы, моркови, кольраби (разновидность капусты), то Отдел по церковной благотворительности и социальному служению может помочь Вам получить семена этих культур. Предварительно нам необходима в связи с этим информация о количестве пахотной земли в Вашей епархии, принадлежащей церковным общинам или монастырям, о климатических условиях и образцы почв». Митрополит Питирим свободно ориентировался в этих вопросах и руководил активно их решением.

О многообразии и широте интересов Владыки, его желании помочь в любом богоугодном начинании свидетельствует и его помощь в становлении акционерного общества «Лада», учредителем которой стала Ассоциация «Возрождение». «Лада» – предприятие по созданию и пошиву моделей одежды в русском стиле. Свою задачу «Лада» видела в выпуске простой и удобной женской одежды, в основе которой лежит образ русского сарафана, а цель – в возрождении культуры русского народного костюма. И шить всё это великолепие должны были многодетные матери, инвалиды, к отдельным операциям по программе обучения могли привлекаться подростки-сироты. В общем, люди, страдающие от социального одиночества, от

не востребованности в новых условиях рынка и свободного предпринимательства. «Лада» создавала рабочие места для этих людей прямо у них на дому или в мастерских, а также обучала необходимым трудовым навыкам тех, кто их не имел и не мог учиться в ПТУ или на профессиональных курсах.

К Владыке Питириму каждодневно обращались люди с вопросами и просьбами, и я не помню ни одного случая, когда бы он не выслушал человека, не вник в суть его обращения, отмахнулся от просителя.

Будучи очень требовательным к себе во всем, он порой проявлял снисходительность по отношению к другим людям и никогда никого не заставлял делать то, чего тот не хотел. Он мог объяснить, убедить, но не принудить. Был часто снисходителен и к нам, его племянникам, но только по мелочам, в быту, а в решении рабочих вопросов требовал неукоснительного их выполнения, был строг. Однажды я разбирался с рабочими, которые были задействованы в восстановительных работах в Иосифо-Волоцком монастыре. Работали они плохо, постоянно устраивали какие-то разборки, и я, не выдержав, резко сказал им, что больше мы не нуждаемся в их услугах, что они могут собирать свои вещи. Когда в монастырь приехал Владыка, рабочие тут же пожаловались ему, представив себя незаслуженно обиженными. Владыка не терпел, когда обижали простого человека, и устроил мне разнос. Это происходило в монастырском дворе у колодца. Я до сих пор помню его взволнованное лицо и возмущенные слова. Было обидно, но я, растерянный, стоял и молча слушал. За меня вступились свидетели моего конфликта с рабочими. Потом, разобравшись, Владыка очень переживал, что так отчитал меня, но само это происшествие очень показательно: оно свидетельствует об уважении к рабочему человеку и требовательности к своим сотрудникам, независимо от их положения.

Владыка Питирим обладал удивительной способностью владеть собой, проявлять хладнокровие в критических ситуациях. Вспоминаю такой случай. Вместе с Владыкой возвращались из Волоколамска в Москву. Была зима 1991 года.

Ехали по Новорижскому шоссе. Как обычно, Владыка сидел на заднем сидении с правой стороны, я – рядом с ним, с левой, непосредственно за водителем. Дорога была сложная: из-за неожиданной оттепели шоссе было покрыто мокрым рыхлым снегом, под которым скрывалась наледь. Машину то и дело «вело» по дороге, в какой-то момент водитель не смог удержать автомобиль и, потеряв управление, машина закружилась, перегораживая шоссе. По направлению к Москве за нами следовало несколько автомобилей, и, казалось, столкновение неизбежно, тем более, что я успел заметить, оглянувшись назад, как некоторые машины стало заносить так же, как и нашу. Непроизвольно, повинаясь внутреннему чутью, обострившемуся в минуту опасности, я ухватился рукой за ручку двери со стороны Владыки, тем самым своей рукой прижав его к спинке сиденья. Наконец съехав к обочине, машина остановилась. Побледневший водитель попросил разрешения выйти из автомобиля и несколько минут стоял возле него, пока не успокоился. Только после этого он смог снова сесть за руль.

В течение всего инцидента Владыка не проронил ни звука, на его лице не дрогнул ни один мускул, он оставался собранным и совершенно спокойным. И когда, увидев, что мы пришли в себя, Владыка заговорил, его голос был всё таким же ровным и тихим. Я был поражен его выдержкой.

Чем дальше уходит время, тем дороже становится каждое воспоминание о дядюшке, каждая фотография, каждое свидетельство о его деятельности, о его жизни. И, пройдя уже достаточно долгий жизненный путь, я только могу снова и снова поражаться его вере, его мужеству, смирению и любви к людям и Отечеству.

Сергей Нечаев,

сотрудник Издательского отдела в 1990–1992 годах

Гражданин России

Выдающийся гражданин Отечества

С митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом я довольно близко познакомился в 1980-е годы. На период начинавшейся тогда перестройки пришлась замечательная дата – 1000-летие Крещения Руси. Руководство Советского Союза решительно взяло курс на доброжелательный подход к священникам и прихожанам.

Широкое празднование годовщины Крещения Руси стало, как теперь говорят, «знаковым» событием. Я много общался с иерархами Русской Православной Церкви.

Владыка Питирим обращал на себя внимание отнюдь не только своей внешностью, хотя и она была незаурядной: высокий, стройный (хотя уже и не молодой), красивый человек с открытым, благородным лицом, которое светилось доброжелательностью.

Чем больше я с ним общался, тем больше поражала его энергия, активность – очень многосторонняя и в то же время целенаправленная. Конечно, я не берусь судить о его церковном служении, хотя знаю: сотоварищи его ценили очень высоко. Он долгие годы занимал ответственный пост председателя Издательского отдела Московского Патриархата.

Но прежде всего я с интересом и симпатией следил за его активной общественной деятельностью.

В марте 1989 года митрополит Питирим был избран народным депутатом СССР, вошел в состав комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов. И особо хочу подчеркнуть: он совершенно не случайно стал также членом Комиссии по вопросам депутатской этики.

Заслуги митрополита Питирима были оценены по достоинству. Наряду с высокими церковными знаками отличия он был награжден государственным орденом Дружбы народов.

Владыка деятельно заботился о сохранении российской природы. В 1993 году он вместе со мной участвовал в создании серьезной экологической организации – Международного

Зеленого Креста. Он искренне и энергично пекся об обеспечении мирного будущего для наших сограждан. Его вклад в дело защиты мира трудно переоценить. Вполне заслуженно ему была вручена почетная золотая медаль «Борцу за мир».

Помимо полученного им солидного церковного образования, Питирим учился в знаменитом Московском институте инженеров транспорта (МНИИТ). В годы перестройки он учредил в МИИТе кафедру теологии и возглавлял ее. Действительный член Российской Академии естественных наук, он имел также звание доктора теологического факультета Пражского университета и профессора кафедры ЮНЕСКО «Золотое наследие Руси».

Русский интеллигент с большой буквы, митрополит Питирим глубоко вникал в проблемы развития отечественной культуры, внес большой вклад в возрождение русского духовного пения. По его инициативе было создано несколько церковных хоров. Он и сам был талантливым музыкантом, великолепно играл на виолончели.

Его глубоко волновали вопросы культурной жизни нашего общества. И совсем не случайно он вошел в состав руководства созданного в те годы Советского фонда культуры.

Членом президиума Фонда культуры была и моя жена, Раиса Максимовна. Между нею и Владыкой Питиримом установились уважительные и дружеские отношения. Они нередко вели доверительные беседы. Об одной из них Раиса рассказывала мне так: она поведала митрополиту о своих тревогах и заботах и попросила совета – как быть?

«Ну, надо с Богом общаться», – отвечал Питирим.

«Но я даже не знаю слов ни одной молитвы, – возразила Раиса. – Вам ведь известно, в каких условиях мы росли и воспитывались».

«Это не главное, – возразил ее собеседник. – Вы просто говорите то, что на душе у Вас...»

... Митрополит не раз посещал и мой Фонд – участвовал в наших конференциях, любил приходить на наши праздники. А мы всегда были рады видеть его.

Когда он ушел, мы остро ощутили утрату.

Митрополит Питирим был замечательный человек,
выдающийся гражданин нашего российского Отечества.

Михаил Горбачев,
первый Президент СССР

«В аудитории ВКШ словно повеяло добротой...»

Наверное, время и обстоятельства моего знакомства с митрополитом Питиримом покажутся достаточно интересными. В 1989 году я, журналист, работавший в узбекской партийной газете «Наманганская правда», поступил в Высшую комсомольскую школу. В группе нашей было 30 человек: 29 членов КПСС и один комсомолец – я. В один из дней нам сообщают, что следующую лекцию у нас прочтет какой-то «крупный священник», митрополит Питирим. ВКШ уже много лет была кузницей кадров комсомола, партии, а в нашей группе были будущие журналисты, потому и чутье к чуждым идеологиям, и прочие разные боевые рефлексy нам прививались тщательнейшим образом. А еще сделайте поправку на политический момент (в КПСС – две платформы, в стране чуть ли не ежедневно учреждаются новые партии). У нас в ВКШ на тот момент уже побывали и Борис Ельцин, и Александр Руцкой, и Нина Андреева, и Дмитрий Васильев (основатель общества «Память»), и Алексей Аджубей, и Александр Бовин. И все они использовали свое трибунное время в основном, чтобы указать нам врагов, так сказать, «притравить». Да и сама аудитория была, по правде говоря, вполне готова к такому «притравливанию». Подобное внимание к нашей группе объяснялось, конечно, и тем, что мы готовились для работы в СМИ, влияние и тиражи которых были тогда очень значительны.

Митрополита Питирима большинство из нас представляло себе посланником из вражеского лагеря. Да-да, сейчас это странно и выговорить, но вспомните те годы: полстраны на демонстрациях, митингах и контрмитингах. В общем, клерикалу готовились дать идеологический бой.

Поразил он нас сразу же, с первых минут своей – даже не знаю, как это правильнее назвать – лекции, беседы, проповеди? Кое-что я до сих пор помню дословно: «Не разжигайте розни и дурных страстей... Пишите обо всем, но всегда с точки зрения вековых, тысячелетних ценностей! Это и будет – ваш истинный

человеческий и профессиональный долг». Многие, как и я, почувствовали: в аудитории ВКШ словно повеяло добротой, теплом, светом. А после этой лекции митрополит Питирим пригласил нас к себе в Издательский отдел. И то, что на это мероприятие, совсем не обязательное в учебном графике, пришла вся группа, было удивительным. Владыка познакомил нас с работой своего отдела, дал полезные и совершенно уже профессиональные издательские советы. Прощаясь, каждому из нас подарил Библию и сказал еще несколько напутственных слов.

В общем, из всей группы лишь трое остались несогласными с тем, что нам говорил митрополит Питирим, но и они признавали, что им повезло беседовать с совершенно особым человеком. Для остальных же и меня, конечно, лекция митрополита Питирима стала важным моментом духовного, профессионального и гражданского становления. Представьте: люди, строго воспитанные системой, до тридцати лет не предполагавшие никакой иной точки зрения, кроме коммунистической, – вдруг впервые убедились, что есть и другая картина мира. Услышали вдохновенные и убедительные слова о тех самых тысячелетних ценностях. И сейчас, многие годы спустя, когда я узнаю о хороших опубликованных статьях, вышедших передачах или просто достойных поступках своих бывших однокашников, я уверен, что дело не обошлось без влияния митрополита Питирима.

Роберт Байрашев, журналист, издатель

Счастлив, что знал Владыку

Моя встреча с Владыкой Питиримом произошла в тот период, когда, будучи депутатом Верховного Совета СССР, я возглавлял комиссию по культуре. Владыка стал активным ее членом. До этого знакомства я никогда близко не общался со священнослужителями, тем более такого высокого ранга, однако с Владыкой сразу завязался оживленный разговор и, что очень важно, установилась теплая, располагающая к общению атмосфера.

Я мгновенно почувствовал душевное притяжение, исходящее от этого человека. Мы разговорились о книгах. Читать я очень люблю и приучен с детства к системности в чтении; позже, учась в консерватории, продолжал много читать, постепенно переходя от древне-греческой литературы к европейской и русской классике и считал себя достаточно подготовленным в этой области человеком. Однако Владыка Питирим поразил меня своим знанием литературы, свободным владением материала. Он никогда не апеллировал к догмам, прекрасно владел информацией, доходчиво, просто и интересно передавал ее, имел обо всем свое собственное суждение, свои оценки.

В процессе нашей деятельности в комиссии по культуре Верховного Совета СССР мы изучали положение, сложившееся с московскими храмами, которые должны были быть переданы Православной Церкви. В основном, они находились в районе Замоскворечья. То, что мы видели, приезжая туда, производило удручающее впечатление. В храмах располагались склады, мастерские... В одном церковном помещении, помню, вместо икон висели плакаты с высказываниями Антона Макаренко – и зрелище было страшное. Во многих местах стены были замазаны краской, здесь же пилили дрова. Увидев всё это, невозможно было не возмутиться. Однако Владыка ничем не выражал своего негодования. Он был очень корректен с партийными и советскими руководителями тех объектов, которые размещались в церквях. Он говорил с ними без обиды,

без агрессии, спокойно и достойно, с убежденностью в правоте своего дела – и противиться ему, препятствовать было невозможно. Благодаря его умению владеть собой, умению общаться, благодаря удивительно сильному обаянию его личности мы вернули тогда Православной Церкви многие храмы. Ему нельзя было не доверять.

В процессе нашей депутатской деятельности мы о многом разговаривали. Однажды я рассказал Владыке Питириму о своих поездках по Бессарабии, о том, как нашел в селе Ченак на юге Бессарабии одну из чудом сохранившихся старинных деревянных церквушек. С каким же интересом, с каким увлечением он слушал, глаза его светились, он готов был поехать туда немедленно, но тогда этого так и не случилось. Я поведал Владыке, что когда меня избрали в депутаты, то первым наказом избирателей было восстановление этой церкви. Раньше там стоял вокруг нее необыкновенной красоты деревянный забор, потом его снесли. Заложили вокруг церкви навоз, облили бензином, хотели поджечь. Причем власти для поддержки этого преступного намерения пригнали солдат Одесского военного округа, но люди с вилами и косами встали вокруг церкви и не допустили кощунства. Так повторялось дважды, и все-таки народ не допустил злодейства.

Когда я уже по депутатскому наказу приехал туда, картина была плачевная. Иконы в церкви были сняты и беспорядочно сложены в углу, без всякой описи, без регистрации. На стенах храма вместо ликов святых висели фотографии передовиков производства, прячась в полумраке; вместо распятия были развешены плуги, косы и другие орудия сельского хозяйства.

Так огорчило увиденное, что сердце сжалось. Смотрю: одна икона стоит отдельно, прислоненная ликом к стене. Повернул ее и застыл в благоговейном изумлении: потрясающее изображение скорбящей Матери Божией, красоты необыкновенной. По манере живописи, думаю, что ближе к романской школе иконописи, чем к византийской.

Рассказал я Владыке Питириму, как случайно узнал историю этой удивительной иконы, когда приехал в Бухарест к дяде и увидел в его квартире на стене фотографию

«Богоматери Скорбящей». От дяди узнал, что был в одном из бессарабских скальных монастырей монах, который, когда в 1946 году монастырь закрыли, ушел, забрав самое дорогое – икону. Кстати, икона эта выставялась позже на выставке в Париже. К сожалению, до нас дошла только копия, где оригинал – неизвестно...

В той же старинной маленькой церкви нашел я два ящика с крюковой записью песнопений. Эти знаки древнерусского безлинейного письма применялись в записи церковного пения с конца XI века. Как загорелся Владыка Питирим, услышав об этом! Взмолвленный, он воскликнул: «Вот получить бы это сокровище!» «Нет, – говорю, – получить не удастся: это достояние молдавского народа. А посмотреть можно». В конце концов Церковь-то у нас единая – Православная, и неважно, где это сокровище будет храниться, – важно, что оно есть.

Владыка всегда слушал с большим интересом, с уважением к собеседнику, увлекался рассказанным. У меня постоянно было желание поделиться с ним своими впечатлениями, мыслями, идеями. Он так отличался от армии равнодушных, безразличных ко всему, кроме своего благополучия, людей.

Чем меня привлекал этот удивительный человек, Владыка Питирим? Он смотрел на мир, на жизнь аналитически. Ему всё было интересно, он умел слушать и, главное, слышать других. Он видел вещи неординарно. У него надо учиться отношению к окружающему миру, чтобы принимать этот мир таким, как он сотворен, не нарушая гармонии мироздания.

И еще, очень важно сказать, что это был настолько духовный человек, что я никогда не ощущал в нем проявлений таких чувств, как враждебность, злоба, агрессия, отвращение... И при этом он всегда был честен.

Уже после кончины Владыки мне пришлось выступать с концертами в дорогом для его сердца Волоколамске. Там так много связано с именем митрополита Питирима. И имя это пробудило столько тепла в душе, столько добрых чувств!.. Вспомнились наши поездки, беседы, работа в комиссии.

Сегодня нам очень не хватает таких людей, духовных, целомудренных, убежденных, искренних, интеллектуальных.

Сколько можно призывать любить Россию – надо сделать ее такой, чтобы не любить ее было нельзя! Любовь должна быть действенной, такой, какая была у Владыки.

Во время работы в комиссии по культуре я многому научился у него. Взрывной по характеру, я учился у него выдержке и терпению, которые придают особое качество человеческому достоинству.

Сам сан священнослужителя – только сан; чтобы стать священником, нужна душа, способная вместить в себя любовь к людям.

Я счастлив тем, что имел, пусть даже краткую, возможность общения с таким человеком, как Владыка Питирим, который, являясь священнослужителем, служил людям и Отечеству.

Евгений Дога, композитор, народный артист СССР

«Хотелось ему подражать...»

В тяжелый и памятный 1993 год мы открывали наш Центр народной помощи. Когда выбирали название, были варианты – и «Надежда», и еще группа слов, выражающих состояние и движение души, которые Владыка любил: соучастие, сострадание, сочувствие, содействие. Но что-то мешало нам остановиться в поисках, пока мы с Владыкой Питиримом не нашли вот это емкое и радостное название – «Благовест». И вот уже 14-й год наша организация работает, и, главное – мы не подвели Владыку Питирима, нашего духовного отца. Он написал о нас очень радующие, душу греющие слова:

«... мне довелось быть участником и инициатором великого множества всевозможных организаций, о которых остались одни воспоминания. А в «Благовесте» все налицо: дети, старики, инвалиды, им вручается одежда, продукты питания, все это можно ощутить и потрогать руками. «Благовест» все время с ними в одной семье. «Благовест» – это поистине колокол пробуждения, призывающий каждого стать благовестником и нести милосердие из своего дома, своего сердца, повсюду, без границ. Пусть же будет больше у него добрых последователей». Он даже и не ожидал, что дело «Благовеста» так разовьется. Он благословил нас и освятил этот наш скромный, но истинно благотворительный дом, где мы столько лет работаем. Никогда у нас не было таблички с часами приема – это он нам так посоветовал. Разве можно людское горе, страдание загнать в строго ограниченные часы? К нам обращаются в любое время, особенно матери с детьми. Как я написала: «Творить добро – счастливый мой удел». Начинали мы, кстати, не с этого дома – у нас были две комнатки в центральном здании ВДНХ, где помещался комитет комсомола.

Мы собирали на встречи до 10 000 ветеранов, разворачивали полевые кухни, накрывали столы и старались создать атмосферу душевного участия, помогали людям вернуться в мир их воспоминаний. Владыка всегда посещал эти встречи (слово «мероприятие» он не любил), входил и нес свое

слово – такое точное, значительное. Тут все замолкало, каждый стремился уловить и записать это мгновение в своем сердце.

Мы прибегли к помощи музейных работников, выделили уголок под историю благотворительности в России. Ведь это огромный пласт нашей духовной истории. Здесь и меценатство, и милосердие. Кто-то построил больницу (Морозовская, Елисеевская, Голицынская), кто-то помог всего одному ребенку. В наши последние встречи с Владыкой Питиримом – это только потом я поняла, как тяжело ему было говорить, как сильно он болел – он в очень мягкой, деликатной форме дал мне понять, что следующий шаг я должна сделать сама. Он говорил, что уже 10 лет «Благовест» работает над оказанием помощи в режиме «здесь и сейчас», но мы должны идти дальше, готовить людей быть волонтерами, быть добродетельными. Владыка хотел подготовить группы людей, которые могли бы идти дальше, основывать новые центры, нести идею благого дела. Человек должен и работать за зарплату, и сердце иметь большое. Очень многие не выдерживают. Вообще благотворительность требует быстрых решений. Представьте, приезжает из Кемеровской области отец восьмерых детей, жена его заболела, а тут еще корова, главная кормилица их, померла. Он в Москву приехал, в Госдуму, просил помочь – они его и направили в «Благовест». Понятно же его отчаянное положение, и семью нельзя надолго оставить. В общем, купили ему корову.

При всех сегодняшних моих нагрузках я всегда стремлюсь сюда, в «Благовест». Я получаю истинное удовольствие от этой работы. Читаю письма, пакую посылки. Среда у нас день, когда мы надеваем халаты и все – и главбух, и я, разумеется, – становимся паковать посылки. Вся российская нужда стекается в «Благовест».

Я рассказала о Центре «Благовест» как о детище митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Еще хочу немного рассказать о том, каким я его помню. Он был моим другом. Приходил в дом ко мне, к моей дочери. Очень скромный и совершенно неприхотливый в еде. Вел себя так, что хотелось ему подражать. Я училась, иногда украдкой записывала его слова. Как болело у него сердце за нашу страну, но я никогда не

слышала от него слов осуждения в чей-либо адрес. Он только предлагал задуматься над тем, как надо было бы поступить на таком-то месте, на такой-то должности. Но особенно он преображался в Иосифо-Волоцком монастыре. Там все – земля, природа – приносило ему радость.

Зинаида Драгункина,
член Совета Федерации РФ

С верой, надеждой и любовью в человека!

За долгий срок общественной деятельности у меня было много встреч с замечательными людьми, но среди них особенно запомнились встречи с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом. Прежде всего это были встречи в Советском фонде мира, председателем правления которого я был с начала 1980-х годов и до начала горбачевской «перестройки». Память сохранила глубокие анализы состояния миротворческого движения и перспектив его развития в условиях меняющегося мироустройства, которые делал Владыка и которые были основаны на его вере в человека и в мирное решение споров в условиях «холодной войны».

Следующие памятные встречи с Владыкой были в конце 1980-х годов, когда мы оба были народными депутатами СССР. Трудно передать словами чувства и переживания, которые испытывали под сводами Кремлевского Дворца участники первого съезда народных депутатов. Среди делегатов можно было встретить представителей разных религиозных конфессий, которые не просто отбывали роль, как прежде, а были активными участниками дискуссий. И центром притяжения, вокруг которого собирались народные избранники, всегда был Владыка, чье авторитетное слово имело особый вес и значение. Говорили о многом и разном... И именно Владыка Питирим точно сформулировал то главное, что объединяло нас всех тогда, – надежда на человека и на качественное изменение жизни граждан нашей страны.

Особое место во встречах с митрополитом занимала наша совместная работа в правлении Советского фонда культуры. Именно в этот период Владыка открылся для меня в высшей степени духовно богатым и глубоко эрудированным человеком. Я узнал, что он прекрасно разбирается в классической музыке, меня поразило, что он сам прекрасно играет на виолончели. Не забыть мне и его профессиональной оценки культурного состояния общества в середине 1990-х годов. В его публичных выступлениях на заседаниях правления фонда культуры

слышалась боль за все, что произошло с духовной жизнью страны. И это были не просто слова. В них каждый слышал, что только любовь к человеку может спасти культуру!

Незабываемыми стали и приватные встречи. Например, однажды вместе с Н. Михалковым и космонавтом В. Аксеновым я был приглашен Владыкой на масленичную трапезу. И здесь он открылся как простой, гостеприимный и любящий застолье хозяин. Задушевная беседа и доверие митрополита окрасили праздник в еще более яркие тона.

Я благодарен судьбе, подарившей мне короткие, но такие запоминающиеся, полные мысли и чувств встречи с выдающимся Архиереем.

Анатолий Карпов,

двенадцатый чемпион мира по шахматам

«Биг рашен Патер»

История моего знакомства с Владыкой Питиримом – это совокупность удивительных совпадений, а может, и проявление какого-то Промысла.

Двадцать лет назад, в апреле 1985 года, умерла моя тетка, отпевание проходило в храме святого Трифона, что у станции метро «Рижская». Я – тогда студент, отслуживший в армии, комсомольский лидер – чуть ли не первый раз был в церкви, оглядывался с удивлением. И вдруг во время чина отпевания, в храм входит человек в священническом облачении, высокий, импозантный. И сразу возникла некая аура вокруг него, и мы все, в том числе и служивший батюшка, оборотились к нему, чувствуя это. Он нас благословил, и вот тогда я впервые услышал это имя – митрополит Питирим.

Прошло ровно десять лет, в течение которых я не очень-то вспоминал об этой первой встрече; и вот в апреле 1995 года я получаю от Зинаиды Федоровны Драгункиной, тогда депутата Мосгордумы, ныне – сенатора, приглашение на открытие благотворительного фонда «Благовест». Мероприятие это проходило в Издательском отделе Московской Патриархии. Когда я вошел, первым, кого увидел, был Владыка Питирим. Мне сразу вспомнилось, как десять лет назад в храме святого Трифона он нас благословил. Вот с того дня и началась наша совместная с Владыкой работа, я стал членом совета фонда «Благовест», мы объездили с митрополитом десятки детских домов, многие регионы России, страны мира.

Не только на меня, но и на большинство тех, кому посчастливилось общаться с Владыкой, впечатление он производил двоякое: величественность, даже некая пафосность облика его, движений и поступи, а с другой стороны – редкая простота в разговоре. В Норвегии его называли «биг рашен патер» (большой русский отец). Еще интересный момент: хотя светское образование у Владыки было вполне технического характера (МИИТ), он как-то тяготел к деревне, сельскому хозяйству. Особенно он покровительствовал выставке «Садовод

и фермер», что ежегодно проходит на ВВЦ. Очень трогательная бывала картина. Народ часто приходил, чтобы увидеть Владыку Питирима. В тех павильончиках, где он освящал рассаду, семена или просто к которым он подходил, мгновенно раскупалось все подчистую. И слухами земля полнится: говорили о необыкновенной всхожести тех семян.

На тех выставках Владыка всегда произносил напутственное слово, он вообще был очень демократичный человек. ВВЦ он посещал еще и в периоды книжных ярмарок. Это ему очень было интересно и как главе Издательского отдела, и просто как человеку с необычайно широким кругом интересов.

Теперь перехожу к нашей последней большой встрече в 2001 году. В номере газеты, который должен был выйти к Пасхе, мы дали большое интервью с ним. «Тверская, 13» – вообще единственная газета, которая регулярно публикует пасхальные послания митрополита и Патриарха, и в том номере, наряду с патриаршим посланием, была помещена беседа с Владыкой Питиримом. Через несколько дней мы привезли ему экземпляр газеты и книги нашего издательства для его школ. Он нам устроил чудесную экскурсию по Иосифо-Волоцкому монастырю. О той встрече мы дали небольшую заметку с фотографией. После этого мы виделись только мельком на некоторых мероприятиях, я подходил под благословение, мы обменивались буквально несколькими фразами. И когда я узнал о его кончине – это было просто шоком для меня. Как-то был уверен, что Владыка Питирим – это такой дуб, что будет стоять вечно.

Это был настоящий подвижник веры. Подвижник – это ведь не обязательно нищенствующий, бродящий с сумой, гремящий собираемыми копеечками. Вот, к примеру, П. Третьяков – он не был нищим, но был настоящим подвижником. Так и Владыка. Служа Церкви и государству, он зачастую применял очень рациональные доводы и решения, был толерантным, понимал, что упертость безрезультатна. Я вот могу сказать, что хорошо знаю нашу деревню, и по журналистской работе в том числе. И вижу, что остатки нашего села держатся на стариках,

сплоченных вокруг храмов. И если где сельский батюшка напоминает Владыку Питирима – такой же деятельный подвижник, не сосредоточенный нудно лишь на материальных вопросах, – там, значит, действительно зажжена свеча веры и надежды.

Александр Нефедов, исполнительный директор газеты «Тверская, 13»

Удивительный человек

С Владыкой Питиримом я познакомился во 2-й половине 1991 года. Будучи учредителем Фонда социальной защиты сирот и детей-инвалидов «Благодарность», я попал к Владыке на прием, и с первых же минут у нас зародилась взаимная симпатия. В то время я занимался большим бизнесом, связанным с поставками товаров народного потребления, имел свободные деньги, не вовлеченные в оборот, и готов был к проявлению милосердия. Я предложил Владыке свою посильную помощь в финансировании издания религиозных книг. Не хочу хвалиться, но, безусловно, испытываю чувство гордости за то, что на средства, которые я смог предоставить Издательскому отделу Московского Патриархата, были напечатаны богослужебные книги, среди которых Триодь Постная и Триодь Цветная. Владыка Питирим подарил мне по экземпляру этих книг с прекрасной теплой дарственной надписью, которая с тех пор по сегодняшний день согревает меня своей сердечностью и добротой пожеланий. У нас сложились очень искренние дружеские отношения, продолжавшиеся до последних дней Владыки.

С чувством глубокой признательности я вспоминаю все наши встречи. Владыка Питирим был удивительным человеком, обладающим исключительной одаренностью, харизмой. При общении с ним невозможно было не проникнуться уважением к нему, доверием, поскольку он излучал сильнейшую энергию добра и света, заражая окружающих желанием делать добро. Он отличался и особой интеллектуальностью, что, на мой взгляд, делало его одним из самых просвещенных и образованных иерархов высшего эшелона Русской Православной Церкви. У Владыки была запоминающаяся внешность удивительной красоты, выделяющая его сразу из любого круга людей. Он напоминал мне древнеславянского мудреца, какого видишь на полотнах известных русских художников, старца, запечатленного на картинах,

рассказывающих о житии Преподобного Сергия Радонежского, и всегда вызывал чувство неподдельного восхищения.

Каждый, кто общался с Владыкой, был, я уверен, убежден в его честности, искренности, хотел сделать что-то доброе, и любая благотворительность была самым естественным проявлением человеческого желания сострадать и помогать, причем размеры помощи были таковы, на какие только и был способен благотворитель. Находясь рядом с Владыкой, думать и делать по-другому было невозможно.

Неоднократно я бывал на службах, которые совершал Владыка Питирим в храме Воскресения словущего и в Иосифо-Волоцком монастыре, посещал патриотические встречи, проводившиеся вместе с военными, с которыми его связывала большая дружба.

У Владыки Питирима был не очень сильный голос, но он обладал необыкновенной проникновенностью. Его проповеди были всегда волнующими, искренними, вся служба глубоко захватывала, полностью поглощала, изумляла, а каждое слово проникало в душу. Я слышал многих священников, но это был Архиерей, вызывающий чувство священного трепета.

Мой отъезд в другую страну, связанный с моей работой, сделал наши встречи периодическими. Последний раз мы встретились весной 2003 года. Живым я его больше не видел.

Неоднократно бывая на кладбище у могилы Владыки, я каждый раз поражался огромному числу птиц, находившихся там. Рядом все могилы – пустые, а здесь – птичьи стаи. Так до сих пор тянутся к этому удивительному человеку и люди, и птицы... Он был выразителем высочайшей порядочности, человечности, духовности, вдохновлявший людей на самоусовершенствование, на очищение. Поэтому память о нем живет и не зарастает к нему тропа, к его памятнику и ко всем местам, связанным с его именем.

Николай Рубцов, генеральный директор Управляющей компании «Патриот-капитал»

«В его «шкатулке» были «ключики» к самым разным людям»

Мое знакомство с митрополитом Питиримом произошло в период работы по восстановлению храма Петра и Павла на Басманной улице. Храм этот совершенно уникальный. Именно с ним связан тот факт, что первая железная дорога из Петербурга в Москву не завершилась вокзалом где-нибудь близ Тверских улиц, а так характерно вильнула на восток Москвы, именно к этому храму. Но это отдельная история, а мое тогдашнее состояние можно было определить как... ожидание и поиск.

Поиск устойчивого уклада жизни. Я в то время был владельцем различных активов, в том числе и нефтегазовой компании. Стремясь помогать Церкви, восстанавливать храмы, я видел много всяких конфликтов, в том числе даже и со священниками. И вот один мой друг из числа трудившихся на восстановлении храма Петра и Павла приносит мне записку с номером телефона: митрополит Питирим просит позвонить. Дело было на Пасху 1996 года. После долгих колебаний (ну кто я такой, чтобы звонить ему?) я все же позвонил. Очень живой получился разговор. Владыка меня как-то растормошил. Потом мы встретились в Фонде «За развитие и выживание человечества», где Владыка много работал вместе с академиком Е. Велиховым. Мне посчастливилось сопровождать Владыку в Болгарию во время выполнения митрополитом Питиримом одной очень важной миссии. Да, именно митрополит Питирим способствовал преодолению угрозы раскола в Болгарской православной церкви. Насколько серьезной была угроза? Не хочу беречь старые раны братской Церкви, вспоминая о том, что в то время священники враждовавших групп в Болгарии ходили с оружием. Говорю об этом лишь для того, чтобы показать: визит митрополита Питирима был отнюдь не легким и не парадным. Моя работа состояла в налаживании хозяйственного взаимодействия с теми болгарскими предпринимателями, которые помогали Церкви. Надеюсь, это хоть в малой степени способствовало возрождению

исторических русско-болгарских связей, но наиболее ценным для меня был опыт общения с Владыкой во время его сложной церковно-дипломатической миссии. Не вдаваясь в ее тонкости, я сейчас могу поделиться лишь некоторыми, отрывочными воспоминаниями.

Приближался важнейший праздник в Болгарии – годовщина побед русской армии под Плевной и на Шипке. Владыка организовал молебен в монастыре великого болгарского святого Иоанна Рыльского и предложил Синоду Болгарской Церкви на Покров отслужить молебен у мемориала на Шипке. Много трагических событий в наших странах тогда, в 1990-х годах, казалось, заслонили эту русскую победу, давшую свободу Болгарии. Опасались, что вообще никто не явится – пришло человек 30. Но резонанс этого напоминания был очень важен: через несколько месяцев, весной, праздник на Шипке собрал столько народу, что пришлось вызывать полицию, ставить оцепление. С российской стороны приехало 7 губернаторов во главе с Е. С. Строевым.

Пасха у болгар в тот год была на неделю раньше, чем у нас. Когда мы сели за праздничный стол с болгарскими иерархами, патриарх Максим благословил трапезу. Я к этому обилию не постных (в основном мясных) блюд не притрагивался – у нас-то шла Страстная неделя. А Владыка Питирим наклонился ко мне и шепнул: «Ты что же, Геннадий, главнее Патриарха, что ли!?» Вот это была прямая и прекрасная иллюстрация к известному старинному выражению: «Нельзя по закону, но можно по любви». Понятно ведь, что он разрешил не по какой-то снисходительности ко мне, а только из уважения и любви к болгарским «братушкам», к их празднику.

Я теперь понимаю: отношение Владыки ко мне было довольно снисходительное, но – до определенного предела. Например, когда хоронили греческого архиепископа, это происходило в главном храме Афин, он испросил для меня разрешение войти в алтарь и даже сделать несколько снимков – понимал ведь, что вряд ли мне еще когда-нибудь предоставится такая возможность. Но когда после службы иерархи стали прикладываться к престолу и я сделал движение... а потом

посмотрел вопросительно на Владыку: «А вот этого тебе нельзя», – строго сказал он. То есть церковных установлений, по которым мирянам это было не разрешено, он, конечно же, отставить не мог. Я с Владыкой словно получил верную, надежную лоцию, с одной стороны, в океане вековых церковных правил и, с другой, – сегодняшних бизнес-, полит- и прочих реалий. Этому обретению у меня есть своеобразная зрительная аналогия. Однажды мы вместе зашли в Троице-Сергиеву Лавру. Проходя под надвратной иконой, Владыка сказал мне негромко, но отчетливо: «Не останавливайся, но и не торопись». И через минуту я понял весь смысл сказанного. По площади словно пробежала волна, все головы оборотились к нам. Люди потянулись к Владыке получить благословение. Нет, наперерез, конечно, никто не бежал

– всё было прилично, но тем не менее толпа перед нами сгущалась. Я навсегда запомнил, как Владыка шел тогда: размеренно, но... ровно с необходимой скоростью. Чуть быстрее нельзя – не успеть дать благословения ближним из подошедших, а чуть медленнее – и толпа окружила бы, запрудила дорогу. В этом, наверное, для меня смысл этой аналогии: он не просто шел – он прокладывал курс. Я шел сзади и чуть сбоку и хорошо помню чувство радостного самозабвения, даже отрешенности: «Какие тут могут быть у меня трудности, горести, ведь впереди идет Владыка!»

Где-то в апреле 1998 года, за полгода до дефолта, он как-то сказал, вздохнув: «Скоро будет трагедия». Я к нему: «Какая, Владыка? И что делать?» «Что делать, что делать? Живи!» И прожили...

В его «шкатулке» были притчи и подходы-«ключики» к самым разным людям. Вот случился в период борьбы за северные реки у него разговор с одним ключевым генералом. Разговор вроде бы и вовсе отвлеченный.

- Ты, генерал, верующий?
- Нет, я коммунист!
- Но ты, генерал, веришь, что земля круглая?
- Верю.
- А веришь ли, что и летит она по кругу? – Верю.

– А веришь ли, что и вся система наша Солнечная летит в Галактике по кругу?

– Верю, – повторяет генерал, удивляясь столь глубокому погружению в астрономические бездны.

– А веришь, что и наша, и все галактики летят, не натываясь друг на друга, вокруг какого-то центра? – Верю.

– Вот. Смотри, значит, на небесах суеты нет! А если мы тут будем суетиться, реки с севера на юг заворачивать, не привнесем ли суеты в гармонично расчисленные орбиты?

И генерал тот рассказал потом Владыке, как он на большом совещании по повороту рек выступил – против. «Почему?» – его спросили. «А у нас, военных, есть там свои интересы».

Круг общения Владыки был настолько обширен, что, казалось, он знаком со всем миром. От генерального секретаря ЮНЕСКО, президента «Гринпис», бизнесмена Арманда Хаммера

– до Папы Римского. Митрополит Питирим был дружен с далай-ламой, многими мусульманскими лидерами, но и работая в экуменическом движении, он всегда оставался неизменно православным.

Об одном случае придется мне рассказать за покойного Александра Котенева – основателя и руководителя «Союза ветеранов Афганистана». В составе одной делегации они ехали к Папе Римскому и попали в жуткую аварию – их автобус перелетел с верхнего уровня эстакады на нижний. Котенев, сидевший рядом с Владыкой, нагнул голову к его коленям. Он вспоминал, как Владыка погладил его по голове, сказав: «Не бойсь, Александр! Все равно наш Бог – самый главный!» И вот автобус наконец замер, а у них – ни царапины. Митрополит Питирим, подумав, решил, что дальше ехать нельзя, но, соблюдая все правила вежливости, послал Котенева передать, что визит не состоится.

Как ярко этот случай, эти слова освещают облик Владыки! Понятно же, что он имел в виду не какую-то отдельность «нашего» Бога, а главенство для нас нашего Православия. Да и афганского героя Котенева успокаивать особо было не нужно. Вот так мгновенно и родилась та фраза Владыки, напоминание

с определенным даже оттенком юмора. Котенев ее помнил до самой кончины, и я часто вспоминаю...

Много уроков мне дало общение с Владыкой, много афористичных выражений он рассыпал, иногда почти мимоходом. Одно из таких я как-то записал, а Владыка глянул, перечитал и как бы в шутку расписался рядом:

– *Обязанность тех, кому дано знание высших законов природы, – потратить на их исполнение как можно больше своих сил и как можно меньше человеческих трагедий.*

Геннадий Терешков, заместитель генерального директора фонда «Наследие митрополита Пителима»

Незабываемые встречи

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим – личность историческая, масштабная, выдающаяся. Человек чрезвычайно образованный, мощного интеллекта и высочайшей духовности, он оставлял неизгладимый след в памяти, а нередко и в судьбе каждого, кому выпадала удача с ним встретиться. Так и для меня время знакомства и общения с Владыкой – очень дорогое и очень значимое для всей моей жизни время.

Мы познакомились в середине 1985 года. В 1983–1985 годах я работал в Академии наук и был увлечен многими молодежными инициативами, особенно идеей встречи третьего тысячелетия. Это была очень привлекательная инициатива, учитывая то, что тогда еще никто почему-то об этом не думал.

Вместе с известным писателем и общественным деятелем Чингизом Айтматовым я написал письмо Ю. В. Андропову, тогда генеральному секретарю ЦК КПСС, о том, что Советский Союз должен стать лидером по подготовке торжественного вступления в XXI век и третье тысячелетие, и, как это не кажется сегодня парадоксальным, Политбюро ЦК КПСС приняло по данному вопросу положительное решение и была создана комиссия по подготовке к вступлению в третье тысячелетие, которую возглавил К. У. Черненко.

Вокруг приближающегося события было много разных проектов, и одним из важнейших являлся проект о вступлении в новое тысячелетие без ядерного оружия. Никто тогда не верил в эту, казалось, фантастическую идею, но 15 января 1987 года было опубликовано Постановление Советского правительства о вступлении в третье тысячелетие без ядерного оружия.

В это же время создавался и Советский фонд культуры, и мы не могли остаться в стороне, приняв в его создании косвенное участие. Тогда-то на одном из совещаний я увидел Владыку Питирима и был потрясен его внешним видом, его пониманием ситуации, его пассионарностью.

Я рискнул подойти к Владыке и рассказать о нашей работе над программой подготовки к новому тысячелетию. Владыка очень заинтересовался этим делом, спросил, с кем мы работаем. Я ответил, что проектом занимаются академики Е. П. Велихов, Д. С. Лихачев, писатель Чингиз Айтматов, и предложил ему вступить в эту инициативную команду. Владыка активно среагировал на предложение, легко согласился принять участие в работе. Его удивительные горящие глаза вспыхнули ярким светом, так захватила его новизна и энергетика проекта.

Вскоре мы встретились уже единой командой: Е. Велихов, Д. Лихачев, Ч. Айтматов, Т. Заславская и Владыка Питирим. Многие впервые познакомились друг с другом на этой встрече, однако сразу же сложилось поразительное единение, сплоченность, и значительную роль в этом сыграл Владыка.

В 1990 году нам удалось провести «Глобальный форум по проблемам окружающей среды и развития». В этом международном форуме участвовали Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр, бывший премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брундтланд и другие видные общественные деятели, ученые. В президиуме Форума вместе с вышеназванными лицами были митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, академик Велихов. Советское правительство приняло тогда решение о безвизовом въезде в страну для 1000 участников совещания, которое проходило в Кремле.

В это же время началась работа по созданию Международного фонда «За выживание и развитие человечества». Штаб-квартира инициативной группы располагалась в гостинице «Космос». Приходилось решать множество организационных вопросов, а мы не могли связаться с Владыкой, совершавшим деловую поездку где-то в зарубежье, ведь мобильной связи в то время еще не было. Я позвонил помощникам Владыки с просьбой передать ему, когда он вернется, что мы проведем совещание для решения важных вопросов в гостинице, обозначив дату и время.

Мы собрались без Владыки, но глубокой ночью, около двух часов, он приехал к нам. Это было так неожиданно, что я не

смог скрыть изумление. Владыка объяснил, что у него было неотступное чувство, будто в эту ночь произойдет что-то важное, и поэтому он вернулся на день раньше и увидел записку, оставленную ему по нашей просьбе.

Так создавался Международный фонд, программа которого включала подготовку к вступлению в новое тысячелетие, вопросы разоружения, прав человека и другие насущные проблемы выживания человечества. На волне всеобщего эмоционального подъема тогда же произошло возвращение в Москву академика А. Сахарова.

В совет директоров Международного фонда «За выживание и развитие человечества» вошли такие видные общественные деятели, ученые, представители деловых кругов, как тогдашний вице-президент Академии наук СССР академик Е. Велихов, американский бизнесмен Арманд Хаммер, бывший министр обороны США Роберт Макнамара, генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, президент «Гринпис» Дэвид Мак-Таггард, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Владыка очень остро чувствовал важность происходящего и был в наших земных устремлениях проводником небесных замыслов.

После того ночного совещания в гостинице «Космос» он пригласил меня в свою машину, чтобы довезти до дома (я жил тогда на Мещанской ул.), и, когда мы доехали до станции метро «Рижская», вдруг попросил шофера остановиться. Обратившись ко мне, он сказал: «Рустем, здесь находится церковь святого Трифона. Давай проведем здесь молебен ради успешного завершения нашего дела, чтобы идея наша воплотилась в жизнь».

Всё это похоже на сказку, но так было, и это уже наша история – история создания фонда.

Владыка долго звонил в дверь, наконец нам кто-то открыл (не знаю, был ли это отец-настоятель храма или сторож). В состоянии крайнего изумления этот человек впустил нас в церковь и зажег свечи. Происходящее казалось нереальным, настолько оно было удивительным, волнующим, неожиданным и поэтому запомнившимся до мелочей.

Владыка долго молился за успешное решение вопроса о создании Международного фонда «За выживание и развитие человечества». После молебна мы еще долго беседовали уже около моего дома и, расставшись с Владыкой, я почувствовал, что между нами установилась внутренняя связь, душевная близость, и чувство это только крепло в дальнейшем в процессе совместной деятельности.

Рассказывая обо всем этом, я ничего не преувеличил. Проезжая с тех пор мимо церкви святого Трифона, я испытываю всегда необыкновенное волнение. Купив книгу об этом святом, я ознакомился с его житием, духовным подвигом, рассказал о нем сыну.

В трудные годы Владыка подкармливал меня в издательском Отделе на Погодинской улице. Я помню, что во время Поста ел там невероятно вкусные гречневые блинчики и блинчики с грибами.

Когда тележурналист Татьяна Миткова выступила по телевидению с нелепыми измышлениями о Владыке как агенте КГБ, то мы вместе с Е. Велиховым и Н. Михалковым подготовили и провели передачу в защиту его, и передача имела большой общественный резонанс.

Владыка был не просто религиозным деятелем, это был видный общественный деятель, и ему приходилось сотрудничать с властью в разные периоды жизни страны. Дипломат, политик, ученый, он прекрасно разбирался в нюансах большой политической игры, владел всеми ее методами и выигрывал разные партии в этой игре во имя своей страны, ради ее народа, во благо Православной Церкви.

В 2000 году для участия в Генеральной конференции ООН, посвященной двухтысячелетию христианства, наш фонд как нейтральную структуру попросили сформировать российскую делегацию религиозных деятелей.

От Православной Церкви в Конференции участвовал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, а ислам среди других деятелей представлял Ахмад Кадыров. В делегацию входили представители и других религий.

Я был координатором нашей делегации на Конференции и могу с уверенностью утверждать, что Владыка Питирим был центром, который аккумулировал все наши идеи, объединял всех, благодаря ему наша делегация выглядела очень весомо, достойно и значимо. Не было никакой суеты, подобострастия перед западниками. Надо отметить, что отношения с представителями разных конфессий у Владыки Питирима были очень корректными, если не сказать дружескими. Он был высочайшим мастером переговоров, диалогов, благодаря своей образованности, гибкости, толерантности.

В Москве я по приглашению Владыки посещал с ним много святых мест, в том числе и Иосифо-Волоцкий монастырь. Он относился ко мне по-отечески тепло, как к ученику. Слушать его можно было бесконечно, так увлекательно он рассказывал. Он свободно владел самым разным материалом, его выводы были неожиданны и удивительны, он прекрасно разбирался в тонкостях доктрин различных религий.

Надо сказать, что Владыка не всегда был мягок и снисходителен. Я был свидетелем его гнева и всегда молился, чтобы гнев этот не обрушился на меня.

В последний год жизни Владыки мы, к моему великому сожалению, общались мало. Я смог только проводить его в последний земной путь. И эта горечь, эта тяжесть остается в моей душе по сей день.

По харизме, по масштабности личности, по пассионарности Владыке, по-моему, не было равных среди общественных и религиозных деятелей.

Его кончина – это огромная потеря для Православной Церкви и для русского народа. Это мое глубокое убеждение.

Рустем Хаиров, исполнительный директор
Международного фонда
«За выживание и развитие человечества»

С Владыкой в Париже

Я познакомился с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом в Париже, когда был Чрезвычайным и Полномочным послом СССР во Франции (с 1986 по 1990 год).

В Париже Московский Патриархат имел свой православный приход, который постоянно посещали русские прихожане из семей эмигрантов. Настоятелем там был церковный служитель, направленный из Тулы, Лев Махно. Из Москвы к нему систематически приезжали высшие иерархи Русской Православной Церкви, в частности, митрополиты Владимир, Ювеналий, Питирим и другие церковные деятели.

Я постоянно с ними встречался в резиденции посла на ул. Гринель, 79.

В 1987 году началась большая и серьезная работа по подготовке к празднованию 1000-летия Крещения Руси, которая шла очень активно – будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий II взял подготовку этого великого события под свой личный контроль.

Праздник прошел достойно, об этом сообщалось в СМИ Франции. В помещении «ЮНЕСКО» на эти мероприятия пригласили более 1000 прихожан не только из Парижа, но и из других крупных городов Франции. В одном из залов развернули представительную выставку, доставленную в Париж из Загорска, в которой были представлены золотые, серебряные и другие церковные изделия разных веков, уникальная древняя литература. Приехал церковный хор. Всё это привлекло широкое внимание православного люда, живущего во Франции, в том числе знатных российских фамилий первой волны эмиграции: Голицыных, Васильчиковых, Шаховских, Романовых, Шереметьевых и других, посещавших храмы Русской Зарубежной Церкви. Некоторые из них после этих мероприятий вернулись в лоно Московского Патриархата, в частности, княгиня Мещерская, которая до празднования 1000-летия Крещения Руси не шла на контакты с Москвой. В дни празднования Мещерская встретилась в залах здания

«ЮНЕСКО» со мной (послом Советского Союза) и с представителями Московского Патриархата. Впоследствии княгиня посещала наш приход в Париже и презентовала Московскому Патриарху несколько ценных церковных изделий, вывезенных из России в смутные времена второго десятилетия XX века.

Очень запоминающимися у меня были встречи с митрополитом Питиримом в конце 1989 года во Франции, когда по инициативе общества «Франция – СССР» на празднование, посвященное двухсотлетию Великой французской революции, из Москвы в Париж прилетела большая группа советских парламентариев и членов общества «СССР – Франция». В составе делегации были митрополит Питирим, директор музея им. А. С. Пушкина И. Антонова, актер А. Ливанов, руководитель детского фонда А. Лиханов, генералы из МО и МВД СССР и другие. Программа пребывания была обширной, рассчитанной на семь дней. Предусматривались десятки встреч во многих городах Франции.

Я встречал делегацию на Парижском аэродроме, произнес приветственную речь и ознакомил всех с программой пребывания. Каждый член делегации выбирал мероприятия по своему усмотрению. Митрополита Питирима я пригласил в резиденцию посла на завтрак, где мы проговорили более двух часов. Владыка изъявил желание побывать в нашем подворье у отца Льва Махно, а также посетить Секретариат Епископата. Я выполнил его просьбу. Кроме того, нами были организованы встречи Владыки с президентом Франции Франсуа Миттераном, с Аленом Поэром, которому в это время исполнился 81 год и которого избрали уже в восьмой раз президентом Сената, с Лораном Фабиусом, который до этого был премьером Франции, с мэром Жаком Шираком, будущим президентом Франции. На встрече с руководителями общества «Франция – СССР» я познакомил Владыку с председателем общества М. Гильбертом и его заместителями Р. Леруа (редактор газеты «Юманите»), П. Моруа (бывший премьер-министр), Р. Дюма (руководитель Социалистической партии, министр иностранных дел Франции). Митрополит Питирим остался очень доволен встречами и

поблагодарил меня за оказанную ему помощь. В беседе перед его отъездом в Москву Владыка сообщил, что по поручению будущего Патриарха он возглавил Иосифо-Волоцкий мужской монастырь и его основная задача сейчас возродить монашескую жизнь в нем и провести необходимые строительные и реставрационные работы. Он пригласил меня быть гостем на его новом церковном поприще. Я поблагодарил Владыку, но, к сожалению, смог последовать его приглашению только через 18 лет, в июне 2007 года. Это произошло уже по инициативе генерального директора Фонда «Наследие митрополита Питирима» В. П. Егорова и его заместителя В. В. Иванова. Мне посчастливилось увидеть Иосифо-Волоцкий монастырь, восстановленный во многом трудами Владыки Питирима, и близко ознакомиться с его многовековой историей.

Яков Рябов, первый вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка

Человек, знающий, для чего он делает свое дело

Я познакомился с Владыкой Питиримом в те времена, когда наша страна еще переживала гнет атеизма. Однажды в моей мастерской раздался звонок из Издательского отдела, и Владыка Питирим попросил меня приехать и помочь в подготовке альбома, посвященного Троице-Сергиевой Лавре. Первое, что меня поразило в Издательском отделе, это царивший там фантастический порядок. Я был совершенно потрясен этим после привычной обшарпанности советских учреждений. Я знал Владыку Питирима, бывал на службах у него в храме, но вот эти три часа, которые мы с ним провели, запомнились мне на всю жизнь. Я встретил человека, знающего, для чего он делает свое дело.

Поэтому, когда по инициативе Раисы Горбачевой в 1986 году создавался Советский фонд культуры и в его президиум вошел Владыка Питирим, для меня это была очень большая радость. И все пять лет нашей совместной работы в Фонде были для меня радостью. В состав тогдашнего Президиума Фонда вошли люди, чьи имена были хорошо известны в литературе, искусстве, науке и политике. Без двух истинных руководителей Фонда деятельность его немыслимо сегодня представить. Георгий Васильевич Мясников, человек абсолютной честности, принципиальный и ответственный, взвалил на свои плечи повседневные тяготы жизнеобеспечения отнюдь не простого движущего механизма фонда. Духовное же окормление молодой общественной организации исходило от Владыки Питирима.

Сам его облик, сразу выдававший человека истинной и глубокой веры, придавал каждому собранию Президиума характер торжественности и значительности. Владыка имел свое мнение по наиболее важным вопросам и никогда не допускал поверхностных суждений, горячо откликаясь на любую просьбу о помощи. Он четко знал, чем он может быть полезен в работе Фонда. И Фонд тогда действительно смог воплотить в жизнь немало благих дел во имя сохранения историко-

культурного наследия Отечества, там были замечательные сотрудники. Обстановка, как и во многих учреждениях, была непростой, но Владыка умел во всех спорных вопросах приходить к спокойному, взвешенному решению.

Я помню нашу поездку в Ленинград на международную конференцию Фонда культуры. Мы провели эти пять дней бок о бок, и каждое утро, выходя из своего номера и подходя к Владыке под благословение, я чувствовал, что день будет хорошим. Однажды я оторопел, увидев его в гражданском костюме. Идеально сидящая на Владыке тройка, изящный платок, живописно выглядывающий из кармана, невольно заставили меня остановиться в раздумье об уместности благословения в данной ситуации. «Нет, нет, дорогой Савва Васильевич, у меня нынче запланирован визит в театр, а посему и такое облачение. Благословляю вас мысленно». Он обладал потрясающим чувством юмора, но при этом никогда не допускал панибратства. Он всегда был Владыкой и всегда был простым человеком, другом. Общение с ним заряжало меня такой могучей энергией и возвышенным настроением, что всякое уныние и мелкие заботы улетучивались бесследно. Жизнь так распорядилась, что несколько лет своей жизни я провел с одним из выдающихся деятелей Русской Церкви архимандритом Алипием, настоятелем Псково-Печерского монастыря. Мы очень много с ним работали. И однажды я спросил Владыку, не говорили ли ему, что он очень похож на отца архимандрита. Он ответил: «Знаю-знаю, на вашего батюшку. А Вы знаете, какая у нас с ним разница? У него добрые глаза». – «А почему же у вас-то не добрые?» – «Потому что он в монастыре, а я вот в президиуме».

В последний год своей жизни Владыка служил в Храме Христа Спасителя, и мы с моей дочкой, вернувшись из церкви Святителя Николая в Кленниках, еще застали конец праздничного богослужения, которое транслировалось по телевизору. И когда в алтаре Владыка, обратившись к одному из священников, вдруг улыбнулся, дочка мне сказала: «Папа, экран стал голубым от его улыбки». Это была улыбка ребенка. Я потом ему позвонил и сказал об этом, а он мне ответил: «Это

счастье, если мы с вами умрем детьми. Главное, Савва, сохранить в душе детскую чистоту».

Когда я вспоминаю те незабвенные годы, то прежде всего вижу строгое и одновременно приветливое лицо Владыки Питирима, его по-детски искрящиеся глаза и неповторимую улыбку, поддерживающую в собеседнике дух доброты и смирения. Навсегда останутся с нами уроки и напутствия, преподанные нам истинным проповедником Православия, высокой культуры и человечности.

Савелий Ямщиков, искусствовед-реставратор,
заслуженный деятель искусств России, академик РАЕН

Владыка и творческая интеллигенция

Облик Владыки

Мое знакомство с Владыкой Питиримом началось в 1976 году. Скончался один достойный человек, родственник отца Павла Флоренского. Отпевали его в храме Воскресения словущего. Знакомые попросили меня помочь нести гроб. Отпевал усопшего сам Владыка. Перед началом Владыка подошел к усопшему, поправил венчик, свечку в руках, цветы, коснулся одежд... какие-то еще движения его были, такие несложные, даже и не очень бросающиеся в глаза, но тягостность минуты была преодолена. Вообще это наше счастье, что у нас есть этот православный обряд прощания, он снимает самую жгучую горечь, он напоминает, что день смерти – это и день рождения в жизнь вечную. Но умом и душою ты принимаешь это, если священник служит так, как вел службы Владыка Питирим. Голос его был негромкий, немного глуховатый, но необычайно молитвенный. Облик его уже навсегда вошел в мое сознание – величественный и одухотворенный. Именно с тех пор храм Владыки стал моим храмом... Владыка всегда сам читал покаянный канон и великопостную молитву Ефрема Сирина, и сколько я ни слушал, постоянно было ощущение, что он читает только для себя и меня, а в храме-то полным-полно народу. Это все невосполнимо и незабываемо.

А первая личная встреча у нас случилась тремя годами позднее. «Комсомольская правда» опубликовала мой очерк «Святое поле». Это был один из первых шагов к тому, что предстоящее в 1980 году 600-летие Куликовской битвы стало важным событием в возрождении русской духовной жизни. Иллюстрацией к очерку была картина С. Харламова «Поле Куликово. Перед битвой».

Не знаю, кто показал эту статью Владыке, может, и сама она ему попала на глаза и запомнилась, но в результате я оказался в числе тех, кого Владыка пригласил к себе в храм, точнее, в служебное помещение. Я многих потом спрашивал, и все подтвердили, что это была первая из подобных встреч

иерарха церкви с творческой интеллигенцией. Мы пришли с Валентином Распутиным, Сергеем Харламовым и Борисом Карповым, автором первого документального фильма о Православной Церкви «Под благодатным покровом». А всего было человек 15–17. И чувствовалась вначале какая-то зажатость, конечно, от того, что опыта таких встреч у большинства из нас не было. Но вот появился Владыка Питирим, очень радостный, поздоровался с каждым. Кто-то просил благословения, кто-то еще не умел делать этого. Появился чай. Владыка только что вернулся из Европы, и запомнилось, как он с таким мягким юмором рассказывал, как наблюдал богослужбное представление у католиков: «Вот вошла девушка, изображавшая Еву, потом юноша, представлявший Адама. Потом грянула музыка, вполз Змей-обольститель»... и какие-то еще смешные детали, подмеченные им мастерски. Вскоре разговор стал общим, напряжение первой встречи с иерархом улетучилось... А ведь это, по сути, было самое начало сотрудничества Церкви и православной общественности.

Я стал бывать в его храме на службах. Однажды он пригласил меня поехать в Волоколамск. С нами был хор, Владыка обращался к певчим, как к «отцам иподиаконам», и относился к ним очень по-доброму. Говорил: «Вот вы еще не очень хорошо спели, давайте потрапезничаем». Поехали и в Иосифо-Волоцкий монастырь, где была тогда «мерзость запустения», предреченная пророком Даниилом. Владыка обходил с нами эти развалины, вздыхал очень тяжело, представлял, каких трудов будет стоять восстановление. А в том, что обитель вернут Церкви, он не сомневался. Так и произошло. Заводил в подвалы, показывал место, где, по преданию, похоронен был Мал юта Скуратов.

И никогда не забыть, как отцы иподиаконы пели пасхальные стихиры, крестясь на обезглавленные купола. К слову сказать, Владыка обладал прекрасным тенором. Именно он создал фактически самый первый церковный хор, который не только пел в храмах, но и вышел к людям – на сцены театров, домов культуры. Владыка вообще был равнодушен к красоте. Не к

роскоши – он ценил красоту иконописи и живопись. В кабинет его было очень радостно заходить. Когда Издательский отдел переехал из Новодевичьего монастыря на Погодинскую улицу, он, показывая свои новые апартаменты, говорил с легкой усмешкой: «Вот, живу уже совсем по-господски». В этой обстановке занят он был непрерывно: постоянно к нему входили люди, приносили документы, гранки, новые издания. С пустыми руками мы от него никогда не возвращались – он любил дарить книги. Я много лет жил по церковным календарям, изданным его отделом. Еще была книга – просто чудо полиграфии по тем временам, да и сегодня она смотрится как шедевр – «Повесть о Борисе и Глебе». Я ему с радостью принес как отчет свою книгу «Меж Непрядвой и Доном», изданную к 600-летию Куликовской битвы. Владыка издавал много книг, не только религиозных, но и тех, где художественность объединена с православной духовностью, например, различные альбомы. И, что очень важно, книги его были доступны по цене, их могли купить люди разного достатка.

Владыка Питирим был единственным иерархом, приехавшим на Куликово поле в сентябре 1980 года, в 600-летие битвы. Этот год был годом большого духовного взлета России. К тому же надвигалась еще одна дата – 1000-летие крещения Руси.

Это была большая смелость Владыки – приехать на святое поле. Ведь тогда руководство советских и партийных учреждений с иерархами не встречалось (по крайней мере открыто), и в сценарии праздника это совершенно не предусматривалось.

А Владыка появился внезапно, без какой-то там свиты, всего человека четыре было с ним, и скромно стал в стороне. Но я отчетливо помню, как радостно заулыбались военные, особенно полковник один, ближе ко мне стоявший – наверное, верующий в душе человек. Что уж говорить о простых верующих! На месте битвы тогда собрались лучшие представители нашей интеллигенции, было и начальство – первый секретарь Тульского обкома партии, к сожалению, не помню его фамилию. Трибуна, микрофоны – все как положено.

И к чести тогдашнего руководства, они безо всякого согласования с «верхами» пригласили Владыку выступить. Интуитивно ощутили, что Владыка скажет и лучше их, и найдет самые нужные слова. В общем, все удалось, слава Богу.

Высокая его культура, начитанность проявлялись совершенно естественно. Судите сами. Как-то случайно мы встретились в аэропорту «Шарль де Голль», я возвращался из Франции, а Владыка куда-то летел с нашей делегацией. Я спросил, куда, а он улыбнулся устало, сказал: «Я как Аркашка Несчастливцев – то из Вологды в Керчь, то из Керчи в Вологду».

Последний раз увидеться с Владыкой Господь сподобил меня в 2003 году, во время нашего путешествия на Святую Землю, за Благодатным огнем. Фонд святого апостола Андрея Первозванного разрабатывал и организовывал всю эту поездку. Благодатный огонь возгорается, как известно, только раз в году на Пасху и только по православному календарю. И, что также известно, сохраняет в первое время свои чудесные качества – не обжигает, им можно умываться. И вот этот Благодатный огонь попадает в Россию, причем в первые пасхальные часы, прямо из Иерусалима. Мой сын Владимир, работающий в Фонде, как раз и организовывал эту поездку, и до последнего момента было неясно, кто из наших иерархов возглавит ее. Я им говорил: молитесь, усердно молитесь, чтобы это был митрополит Питирим. И в последний час решилось: Владыка полетит. Это было знаменитое посольство: с нами ехали три представителя Президента страны в Федеральных округах, мэр Москвы Ю. Лужков, вице-спикер Госдумы Л. Слиска, режиссер Н. Михалков, скульптор З. Церетели. Журналисты осаждали нас необычайно. Поселили нас в гостинице «Маунт Сион», ну а Владыку, конечно, в нашей православной миссии.

В тот год впервые читали молитву «Просите мира Иерусалиму». Это для меня такая великая честь, сподобил Господь, что я написал текст этой молитвы, и впервые ее накануне Пасхи, в субботу, читал митрополит Питирим вместе с Патриархом Иерусалимским Иринеем. А потом мы пошли к храму Воскресения Господня, где все уже было совершенно забито народом, охрану наших полпредов, мэра, вице-спикера

просто разметало, попридавило, поприжало к стенам. Как я шутил потом, никогда еще наши руководители не были так близки к народу. Нет, им, конечно, ничто уже не угрожало, тут уже сам Господь Бог «вершил протокол».

В ту поездку на утренней службе в Троицком соборе Русской православной миссии я в последний раз причастился из рук Владыки Питирима. И в тот год именно Владыка Питирим возглавил пасхальную службу в храме Христа Спасителя, озаренного пламенем тысяч свечей, зажженных от привезенного Благодатного огня.

Владимир Крупин,

писатель

Продолжает сын В. Н. Крупина Владимир:

Главная задача – успеть привести Благодатный огонь в Москву к началу Крестного хода и пасхальной службы. Нужно было поторапливать всех наших высоких персон, их службы сопровождения, чтобы успеть к трапу. В самолете мы уже перевели дух. Было две лампы с Благодатным огнем, одну держал Владыка Питирим, другую – я. Еще в Иерусалиме нам стало известно, что Святейший Патриарх плохо себя чувствует и главную службу в главном храме страны он поручает провести митрополиту Питириму. Но ведь нам надо успеть! Мы благополучно приземлились во «Внуково», и нам дали «зеленый» коридор. Машины полетели, скорость за 220 км/ч заходила. Успели. Наверное, это рекорд – от аэропорта «Внуково» до Храма Христа Спасителя долетели всего за 13 минут, всего за три минуты до начала службы – и притом с лампадами Благодатного огня. Конечно, вся эта операция потребовала огромных нервов, особенно от понимания всей ответственности. Важнейшее церковное, государственное мероприятие – и в таком жестком графике. Но вот Владыка... он был так радостен, светел лицом, что невольно я сам себя одергивал – ну какие тут у тебя могут быть проблемы! Вот же рядом митрополит Питирим, такой сияющий.

Щедрость души

Будучи человеком большой культуры, знатоком изобразительного искусства и в то же время носителем истинной духовности, Владыка умел настроить художника на постановку самых высоких творческих целей и указать пути их достижения. Если мы привыкли обращаться к иерарху Церкви в преддверии каких-то трудных, серьезных дел за благословением, то каждое мое общение с Владыкой Питиримом, по сути, оказывалось благословением – столь глубоко и духовно продуманы были его наставления на выполнение творческих задач.

Я очень благодарен Владыке и судьбе за то, что мне удалось воспользоваться его приглашением пожить в Иосифо-Волоцком монастыре, написать виды монастыря, его окрестностей и окружающей природы. Мне посчастливилось ощутить в повседневной жизни обаяние этого прекрасного хозяина монастыря, когда каждый день заканчивался отчетом о проделанной работе, был полон мыслей о процессах творчества и научного поиска. В науке его особенно интересовали проблемы взаимодействия естественных и экспериментальных основ наших знаний с духовными началами. Он умел выделить узловые вопросы взаимодействия материального и духовного, показать их неразрывную связь и единство – будь то математика или физика, химия или биология, лингвистика или история. И во всех отраслях человеческих знаний поражала его эрудиция, глубочайшее проникновение в предмет науки и методы исследования, богатство примеров и аналогий. Можно вспомнить проблему непротиворечивости аксиом математики или использование пространственных моделей в математических доказательствах, физические ограничения в исследовании микромира или вопросы моделирования сложных процессов в живой природе и обществе – во всех этих направлениях он со всей убедительностью умел показать ведущую роль духовной компоненты знаний и научного поиска. Краткое по времени, но очень емкое по содержанию

пребывание в монастыре сохранилось в моей памяти как ярчайший эпизод жизни. Написание цикла «Монастыри и храмы России» стало приоритетным направлением в моем творчестве, так как замысел этот родился во многом благодаря посещению Иосифо-Волоцкого монастыря и влиянию Владыки Питирима.

Удивительный духовный мир Владыки так располагал к нему, что всё время казалось: эту часть души он дарит только тебе, хотя я прекрасно понимал, сколь многих людей духовно окормлял и соединял Владыка, скольким придал сил и помог в трудную минуту, – всё это лишний раз свидетельствует об удивительной щедрости огромной души митрополита Питирима.

Владимир Никонов,
заслуженный художник России,
профессор, доктор технических наук

Слово о пастыре

Еще до того, как я познакомилась с Владыкой Питиримом, сам его внешний облик представлялся мне в высшей степени духовным и благородным. Было в нем что-то библейски строгое, вызывающее почтение.

В июне 1988 года мой отец Александр Иванович Овчаренко, как бы в предчувствии грядущих трагических для него и семьи событий, вдруг решил нас представить Владыке Питириму. Едва ли это кого-то из нас удивило. Папа с уважением относился к духовным лицам, так как в его крестьянской семье, может, подспудно, но сохранялись обычаи веры.

Вся наша семья – мама, сестра Лена и я – вместе с папой отправились на Погодинскую в Издательский отдел Московского Патриархата, где к тому же в этот день проводился поэтический концерт, посвященный тысячелетию Крещения Руси. Папа прошел побеседовать с Владыкой, а мы, послушав поэтов, остались на попечении ближайшего сподвижника митрополита Питирима архимандрита Иннокентия (Просвирнина). Отец Иннокентий рассказал нам о работе Издательского отдела, провел в домовую церковь, ответил на наши вопросы. Его интеллигентность, сдержанные манеры, красота произвели на нас большое впечатление. Эрудиция, знание филологии, истории, археологии свидетельствовали о настоящей учености этого служителя Церкви. Помню, что мама еще сказала, что возле Владыки Питирима и должны быть такие удивительные люди.

Меньше чем через месяц погиб мой отец при загадочных обстоятельствах. Отдыхая с мамой в Ниде (Литва), куда ему усиленно рекомендовали поехать вместо Риги распространители путевок в Союзе писателей, папа чувствовал себя бодрым и здоровым. Но 20 июля вошел в море, и его не стало. Он купался на мелком месте, а вообще-то отлично плавал. Не было ни инфаркта, ни инсульта – таинственная гибель накануне развернувшейся перестройки.

В потрясении и смятении, мы остались одинокими в пустыне мира и нуждались, как никогда, в сочувствии и заботе. Тогда еще почти все были далеки от исполнения церковной обрядности похорон. Будучи верующей с детства, я позвонила архимандриту Иннокентию с просьбой помочь в погребении отца. По его указанию папу отпели в храме Воскресения словущего на Успенском Вражке, а на гражданскую панихиду в Институт мировой литературы был прислан одетый в штатское священник отец Севастиан, который сопровождал гроб и на кладбище. Это было большой духовной поддержкой мне и моим близким.

На девятый день Владыка Питирим сам служил панихиду по папе в храме Издательского отдела на Погодинской. Тогда-то от него я узнала, что папа просил «в случае чего» отпеть его и духовно окормлять его семью. Знакомство папы с Владыкой Питиримом началось через его американского друга, потомка представителей первой волны русской эмиграции профессора Джорджтаунского университета Дмитрия Дмитриевича Григорьева, впоследствии ставшего настоятелем Свято-Николаевского собора в Вашингтоне.

Вскоре я опять пришла к отцу Иннокентию договариваться о вечном поминовении папы в храмах Оптиной пустыни и Издательского отдела. Отец Иннокентий предложил мне отредактировать перевод Псалтыри, который Издательский отдел готовил к печати, и вообще перейти к ним на постоянную работу, чтобы я могла поправить материальное положение семьи. Я тогда преподавала на филологическом факультете МГУ, но уже готовилась к поступлению в докторантуру Института мировой литературы имени А. М. Горького. Меня пригласили к Владыке Питириму, который сказал, что хотел бы помочь семье покойного друга. Он рассказал мне о планах изданий, сказал, что отцу Иннокентию нужны квалифицированные помощники. Я ответила, что должна посоветоваться с семьей.

На семейном совете было решено, что для меня важнее докторантура. А помогать Издательскому отделу я смогу и не

работая там. Перевод Псалтыри был мною, конечно, отредактирован.

Свидетельством заботы и чисто человеческого желания Владыки помочь осиротевшей семье было и то, что митрополит Питирим разговаривал с моей мамой, о которой он, видимо, многое знал от папы. Он предложил ей стать настоятельницей монастыря, чтобы усилить духовную подготовку монахинь, организовать при монастыре нечто вроде Академии духовности, где монахини бы приобщались к высокой культуре и затем несли ее в другие монастыри. На вопрос мамы: «А что же делать с дочерьми?» – он отвечал, что и у других монахинь есть взрослые дети. Когда мама сказала, что монастыри сейчас в развалинах и там настоятельницы должны быть еще и прорабами, Владыка Питирим заметил, что он знает о ее интересе к архитектуре. Мама всерьез задумалась о предложении митрополита, но не преминула посоветоваться с большим русским писателем Леонидом Максимовичем Леоновым. Он спросил ее, достаточно ли она религиозный человек, чтобы идти таким путем? И мама отклонила предложение Владыки.

Но мое общение с митрополитом Питиримом не закончилось.

С 1992 по 1994 год я работала с Л. М. Леоновым, готовя к печати его роман «Пирамида». В романе показаны религиозные искания священника Матвея Лоскутова, под влиянием обрушившихся на Россию тяжелых исторических испытаний склонившегося к гностицизму. Отец Матвей начинает размышлять о равноправии добра и зла в мире, о необходимости зла, даже решает встретиться с эмиссаром нечистой силы на земле профессором Шатаницким. Леонид Максимович очень переживал, что ему приходится иметь дело со столь еретической, как он выражался, материей, и хотел посоветоваться с кем-нибудь из священников о том, насколько это греховно. Я рекомендовала ему обратиться к отцу Иннокентию (Просвирнину). Не дозвонясь ему, Леонов обратился непосредственно к Владыке Питириму и узнал, что неизвестными лицами на отца Иннокентия было совершено

нападение в Иосифо-Волоколамском монастыре, где он был благочинным, и с тяжелыми ранениями он был доставлен в больницу (после этого он прожил недолго). Очень я печалилась о судьбе отца Иннокентия. Леонид Максимович не знал отца архимандрита, но переживал не меньше меня. Свои же недоумения он решил обсудить непосредственно с Владыкой. Мы очень мало знали о Владыке Питириме. Если отец Иннокентий казался воплощением духовного начала, то Владыка более походил на крестьянского сына. И когда он, с большой просфорой в руках, пришел к Леонову, тот вдруг усомнился, что Владыка сможет понять всю глубину его философских исканий и, вместо того, чтобы поговорить о гностической ереси, вдруг сказал, что в романе есть сцена попытки обольщения ангела Дымкова Юлией Бамбалски. Владыка ответил, что ничего греховного в этом не видит. Дальнейшего общения Леонида Максимовича с митрополитом Питиримом, кажется, не было.

Позднее, когда я общалась с Владыкой по линии общества «Россия – Португалия», я узнала о его большой преподавательской деятельности, истинные масштабы которой мне открылись лишь на отпевании митрополита Питирима, когда со словами прощания стали выступать пастыри – его ученики. Владыка всегда держался чрезвычайно скромно, что, с одной стороны, облегчало процесс общения с ним, а с другой – приводило многих к недооценке его личности. Например, Леонид Максимович так и не разрешил своих теолого-философских недоумений, а ведь в романе, как мне сказал позднее Владыка Питирим, действительно есть весьма спорные с точки зрения теологии моменты.

В конце ноября 1998 года я встретила Владыку на Круглом столе в Союзе писателей. Круглый стол был посвящен теме «Россия, Запад и Восток». Поскольку мы несколько лет не виделись, я даже не ожидала, что он меня узнает. Но он сразу направился ко мне, благословил и стал благодарить меня за редактирование перевода Псалтыри. В те дни мою сестру Лену увезли в роддом, и я попросила Владыку молиться за нее. «Все будет в порядке, – заверил он меня. – Родится мальчик, и я

надеюсь, что вы назовете его Сашенькой». Когда 28 ноября появился на свет мой племянник, я обратилась к Владыке Питириму, чтобы он окрестил малыша. Владыка согласился это сделать, но должно было пройти сорок дней, ибо лишь после этого срока в храм допускается мать.

Но тут вмешался отец ребенка. Совсем неверующий человек, он заявил, что зимой крещение будет опасно для младенца, и отложил проведение этого таинства. Позднее Владыка заболел, и мы окрестили Сашеньку в сельской церкви недалеко от Ново-Иерусалимского монастыря.

Владыка был бесконечно добрым человеком. Но я знала, что всю жизнь ему сопутствовали зависть и хула. Одно время я регулярно заказывала панихиды по своему отцу в храме Воскресения словущего на Успенском Вражке. Как-то раз один из служивших в этом храме священников, увидев меня на Сергиевских чтениях в МГУ, заявил: «Приятно встретить здесь дам, которые часто приходят в наш храм, привлеченные усами депутата Владыки Питирима». Мне стало противно, тем более, что на службах Владыки в этом храме я никогда не присутствовала. Надо было бы прогнать этого завистника, но Владыка, похоже, никого не преследовал.

В 2002 году было создано общество «Россия – Португалия», вице-президентом которого меня избрали. Учитывая большое количество в Португалии православных выходцев из бывшего СССР, было признано целесообразным ввести в состав руководства общества Владыку Питирима. Он согласился, а мы и не мечтали о такой чести.

Согласие тогда уже тяжело больного, но все-таки очень активного Владыки было для нас очень важным, ибо нам надо было доказать свою жизнеспособность в глазах тогдашнего португальского посла Нунеша Бараты. В честь приезда в Москву одного из руководителей португальского Фонда Гулбенкяна доктора Жозе Бланку посол Португалии дал ужин и поручил мне составить список приглашенных. Наше общество было представлено весьма достойно: председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, председатель российско-португальской комиссии Союза писателей поэт Юрий Кузнецов,

секретари Союза писателей России П. Ф. Алешкин и О. М. Бавыкин, вице-президент Российской академии наук Н. А. Платэ, директор Института мировой литературы Ф. Ф. Кузнецов. Но все присутствующие замолчали и с почтением склонились перед нашим главным «активистом» митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом. Посол вначале отнесся к нему настороженно, но Владыка рассказал ему о своем посещении Фатимы и, увидев у одного из присутствующих португальцев Мальтийский крест, сказал, что и у него есть такой же. «А они не сатанисты?» – спросила я о мальтийских рыцарях. «А пес его знает!» – отвечал он.

Мы сели за стол. Я сидела рядом с послом и переводила, а напротив нас усадили Владыку. Узнав, что учеником Питирима является настоятель Антиохийского подворья отец Нифон, посол отнесся к нему более любезно и даже шутя сказал ему: «Хорошо бы, если бы вас избрали следующим папой римским!» «Если выберут, не откажусь», – смеясь, отвечал Владыка.

После этого приема значение нашего общества в глазах посла резко возросло.

Позже я уже не видела Владыку лично. Говорила с ним по телефону, когда в 2003 году вышла книга воспоминаний Александра Овчаренко «В кругу Леонида Леонова». Владыка попросил, чтобы я принесла ее к нему домой, в Денежный переулок. Я это сделала, но передала книгу его помощникам, не рискуя побеспокоить больного.

Когда присутствовала на отпевании пастыря в Елоховском соборе, мне казалось, что вся Россия, олицетворением которой он в значительной степени был, пришла с ним попрощаться. Толпа заполнила весь двор Елоховского собора. Вместе с Владыкой я еще раз оплакала своего отца, архимандрита Иннокентия (Просвирнина), Леонида Леонова – всех этих масштабных, значительных людей, носителей лучших черт русского характера, сложившихся в героическую эпоху и утраченных русскими в наш жалкий век безвременья и чистогана.

Ольга Овчаренко,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

Не только на амвоне...

*Да сотворит тебя Господь пастыря доброго, пастыря любящего,
пастыря попечительного и мудрого, пастыря, за овцы своя душу
положити готового.*

**Из напутствия новорукоположенному епископу
Питириму
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия I**

Не скрою – заробел, когда сел за воспоминания. Заробел от того, что он – Личность! Уразумел: еще многое предстоит обдумать – почему так, а не иначе жил этот наш замечательный современник. В итоге пока на бумагу легли немногие сценки-эпизоды.

У гроба...

2003 год, 4 ноября. Траурный день. Его не стало после 77 лет жизни. Позади почти 30 лет моего знакомства с ним и даже некоторые совместные заботы. Прощался я с почившим Владыкой в том храме, где он служил 31 год по личному наказу-благословению Патриарха Пимена. Эта небольшая церковь Воскресения словущего на Успенском Вражке живет в несуетном окружении нескольких старинных проулков и скверика, откуда, правда, рукой подать до всегда нервно-взбудораженной Тверской улицы, в том месте, где располагался в царские времена дворец губернаторов, затем Моссовет, а ныне мэрия, напротив которой памятник основателю Москвы.

Подгадал придти на последний земной поклон в тот час, когда вокруг гроба сплотились в горестной печали совсем немного прихожан, просто одетые и со скромными по их достатку цветами и свечами. Сразу заметил среди них несколько молодых лиц. Легкий церковный сумрак, взыскующе всматривающиеся в тебя с иконостаса, со сводов и стен иконные лики, волны ладана и кадильного дыма, молитвенные распевы с клироса и негромкий, выразительный голос

священника с частым повтором молитв «Господи, помилуй...», и смиренные и одновременно нескрываяемо благодарные Владыке прихожане... а еще добавляла душевной грусти позако́нная осенняя тишина.

Всё это настраивало на особую – умиротворяющую – благоговейность.

Тогда невольно пришли размышления: он оставил – и не только нашему, как предчувствую, поколению – пример превеликого благочестивого служения Богу, Отечеству и соотечественникам. Не зря народом рождена в веках пословица: если Бог любовью наставит, то и доброго пастыря приставит.

Мне всё думалось, у ног его стоя: даже то, конечно же, неполное из жизни Владыки, что довелось мне узнать в годы нашего знакомства, поражает. Многим, но прежде всего: соединением подвижничества, желания не только проповедовать, но и творить, мудрости, многогранности запросов и увлечений, превеликого многопознания в религиозных и светских науках истории и философии, а еще ненарочитой простоты в общении при строгости в оценках того, что он не принимал при всем своем великодушии, то есть не поступался священными для себя принципами.

С чего же начиналось мое общение с ним?

По решению ЦК КПСС

1977 год. Скажу так: веления судьбы, которые объединили Владыку Питирима и аз, грешного, неисповедимы. Стал я директором тогда прославленного и к тому же самого крупного, пожалуй, во всем мире, специализированного на классике издательства «Художественная литература» («ИХЛ»). И именно по его значимости в обществе и связала меня судьба с досточтимым Владыкой.

В первый же день своей работы прочитал предписание от ЦК КПСС, тогда правящей партии: ИХЛ, оказывается, является ни для кого не обнародованным посредником между издательством Патриархии и государственной полиграфией. Догадался: таков хитроумный запрет церковникам на прямое общение с типографиями. Умысел партбонз, в общем, зряшный,

всего лишь перестраховочный. И в самом деле – чем грозит-то непосредственное общение одних с другими? Неужто быть трещинам в державном фундаменте от того, что кому-то по церковным праздникам приносят поздравления?

Так или иначе, а я отныне почти на 10 лет был обогащен чтением сигнальных экземпляров «Журнала Московской Патриархии» (таково его деловито-простое именование), главных священных христианских книг и (правда, тогда еще не очень многих числом) других изданий (Четьи-минеи, годовые календари в немалом объеме разнообразных сведений и некоторые другие). И, естественно, очастливлен сотрудничеством с главным православным издателем – Председателем Издательского отдела Московского Патриархата пока еще в чине архиепископа Волоколамского (позже он мне поведал, что был благословлен на издательскую стезю тем, кто его отечески выделял и любил – Патриархом Алексием I).

Знакомлюсь – слышу сугубо светское: «Константин Владимирович Нечаев». И тут же попадаю в неотразимую зависимость, ибо он необычайно красив: всем! И по-русски тонким лицом с выразительными глазами, и вольготно раскинувшейся по рясе могучей черной бородой пока еще лишь с серебристыми проблесками, густыми волосами, нетронутыми возрастом, из-под фиолетовой камилавки (так и хочется писать: власами), а потом, с годами, сплошь благородного чисто-снежного отлива. И великолепно изысканной русской речью, кою он, как я потом постепенно узнавал, щедро использовал в общении и с паствой, и со светскими собеседниками. А как тонки кисти рук с длинными изящными пальцами, которые я углядел в широком распахе рукавов ризы: подумал – словно у скрипача или пианиста (так и было, о чем рассказ далее).

В эту первую встречу Владыка не загружает меня никакими профессиональными издательскими разговорами, и потому отмечаю только его завидно широкую образованность даже в светской литературе, в оценках международных событий и деяний нашего тогдашнего правительства. Подумал, что его эрудиция связана с тем, что изрядно поездил по свету, в том числе в качестве члена Советского Комитета защиты мира. Со

временем от многих своих знакомых в сфере культуры узнавал, как он авторитетен в обществе благотворным влиянием на формирование патриотических взглядов.

Сколько же раздумий: как вести себя в отношениях с издательством Питирима? Легче легкого стать дисциплинированным исполнителем нехитрых директив – требовать жесткого исполнения графика издательско-типографского процесса, не разрешать журналу «досылов», что крайне бы огорчало Владыку («досыл» – это жаргонное у журналистов понятие: передача в типографии статей с опозданием, что, коверкая график, удорожает полиграфический процесс). Хватило ума – использовать политику «не мешать!» и не вступать без особых причин в «чужие» дела.

Это, как теперь понимаю, и обеспечило, что в пору перестройки, когда издательство Владыки Питирима избавилось наконец от посредника, он позвонил, что-то там попросил и этим разговором как-то очень естественно и непринужденно дал понять, что продолжает наше знакомство. Дальше я убедился, что он поднял его на виток совсем иных отношений. Теперь уже Владыка стал посредником в моих порывах хоть как-то споспешествовать Церкви своим издательским опытом.

...То, что я скажу далее, требует предисловия – прочитанное не должно восприниматься как хвастливое тщеславие: дело только в желании добавить еще один мазок в портрет Владыки – его великодушие и, пожалуй, умение при случае одарить даже комплиментом, явно сверхщедрым, незаслуженным. Итак, на одной из книг, которая вышла под его редакцией и была подарена мне, выведено четкими черными чернилами, красивым – несмотря на стремительность пера – почерком: «Дорогому Валентину Осиповичу, чрезвычайно уважаемому книгоиздателю и шефу по издательскому делу в продолжении многих лет – с искренней и большой любовью. 9 сент. 1997». И подпись, перед которой он вывел по церковному обычаю крестик.

Я как-то спросил его: «Как и когда Вы стали издателем?»

– Второго января 1963 года. По велению и благословению Святейшего... Работали тогда в одной комнате Новодевичьего

монастыря. Какое издание особо запомнилось? Библия. Она не издавалась в России уже сколько десятилетий... Ведь дожили до того, что кое-кто покупал сатанистскую книгу безбожника Емельяна Ярославского «Библия для верующих и неверующих» и вооружался ножницами и клеем: вырезал подлинные цитаты.

– Как журнал сосуществовал с цензурой?

– Ох, как доставалось. Приходилось искать возможности ее обходить. Вот запретили сообщать о крестном ходе – так печатали, что служба заканчивается процессией.

– Погодинка (так Владыка любил называть свое издательство на Погодинской улице) начиналась с восьмидесяти метров и с 20-ю сотрудниками. А сейчас – три этажа с 170-ю работниками.

Необычное приглашение

1978 год, конец мая. Конверт от Владыки – с чем? Удивился – это приглашение на заключительный сбор участников конференции служителей Церкви и ее иностранных гостей. Вчитываюсь: она посвящена 60-летию восстановления Патриаршего престола; гостиница «Советская», 28 мая, с торжественным обедом от Патриарха в тамошнем ресторане (тут же припомнилось – то былой дореволюционный «Яр», воспетый в любимом у цыганских песельников романсе).

Надо ли светскому издателю и члену атеистической партии отказаться? Понимал: честь превеликая оказана, нельзя обижать, да и – чего уж скрывать – преинтересно-прелюбопытно впервые в жизни побывать на таком действе высшего церковного синклита. Подумал: лишь бы не прознал про приглашение и не встрял райком партии, по обычаю туповато бдящий, чтобы не возникали даже малые отступления от партканонов.

.. .Как и договорились, Владыка встретил меня и, пока еще оставалось немного времени, завел в свой в этой гостинице временный апартамент, который, видимо, был ему выделен для исполнения некоей организационной миссии. То и дело открывалась дверь и обращались к нему какие-то его сотрудники, среди них заприметил девушку, которую запомнил по ее преддипломной практике в издательстве «Молодая

гвардия», где я состоял до ИХЛа главным редактором; по тем временам она выбором своего места работы явила несомненную отвагу, но ведь и посчастливилось ей быть под наставнической дланью самого Питирима.

Но вернусь к беседе с ним в этот особый для Русской Церкви день. Он с нарочитой таинственностью слегка улыбнулся и проговорил:

– Вам, несомненно, члену партии, надо знать, что в революцию 1917 года именно ваша партия восстановила Патриарший на Руси престол...

Я был ошарашен. Он добился своего, но счел нужным больше не эпатировать и принялся уточнять:

– Нет, конечно, победившая в революцию партия никакой заботы о Церкви не думала проявлять, – произнес он деликатно перед тем, как продолжать открывать тогда даже мне, историку по образованию, неизвестно-причудливые связи исторических событий. – Это не более чем политическая потребность. Царь Петр лишает Русскую Церковь возможности иметь Патриарха – предсовнаркома Ленин отменяет царское повеление тем, что устанавливает отделение Церкви от государства.

И передал мне оттиск предстоящей в «Журнале Московской Патриархии» публикации речи Патриарха Пимена, которой еще только предстояло быть здесь произнесенной. Я схватил первым любопытствующим взглядом начало (храню и поныне эту публикацию):

«Возлюбленные о Господе архипастыри и пастыри, дорогие братья и сестры, верные чада Русской Православной Церкви, живущие в нашем великом Отечестве и в рассеянии сущие!

В эти радостные дни празднования светносного Воскресения Христова наша Церковь отмечает 60-летнюю годовщину восстановления Патриаршества Поместным Собором 1917– 1918 годов. Почти два столетия она была лишена патриаршего возглавления, которое было упразднено светской императорской властью вопреки желанию и воле самой Церкви. Поместный Собор устранил эту аномалию в церковной жизни, избрав Предстоятелем Церкви Святейшего Патриарха, благодаря чему наша Церковь встала на

традиционный путь православного канонического устроения. Промыслу Божию было угодно, чтобы в 1917 году, в самом начале созидания новой жизни в нашей стране, в Церкви Русской снова, согласно древним канонам, стал Первосвященник, первый епископ, как требует этого 34-е Апостольское правило. И вот уже шесть десятилетий благодетельная Десница Божия помогает всем нам – архипастырям, клиру и верующему православному народу осуществлять свою деятельность согласно заветам Первосвященника Великого, Пастыреначальника и Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа...»

Пора было идти в зал, и мне было высказано заботливое: «Быть в заключение концерту, и рекомендую – поверьте моим ожиданиям – не уходить». И дал понять, что имел отношение к созданию репертуара. У меня сохранилась программка, и я ее сейчас обнародую, чтобы предметно показать музыкальные предпочтения Владыки:

«Первое отделение. Хор Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной Академии под управлением архимандрита Матфея (Мормыля): «Христос анести» А. Астафьев; «Благослови душе моя Господа» Вик. Калинин; «Подобаше самовидцем», знаменный распев; «Ныне отпускаеши», демественное в гармонизации А. Кастальского; «Малое славословие № 1», Я. Чмелев; «Хвалите имя Господне», киевский распев в гармонизации А. Кастальского; «Величание Преп. Сергия», путевой распев; «Ангельский Собор», знаменный распев в гармонизации П. Чеснокова; «От юности моя», А. Никольский; «Херувимская песнь», Вик. Калинин; «Достойно есть», П. Динев; «Господь просвещение мое», А. Никольский; «Христос воскрес», А. Кастальский.

Второе отделение. Государственная академическая русская хоровая капелла им. А. А. Юрлова, художественный руководитель заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Ухов с исполнением: «Да воскреснет Бог», Дм. Бортнянский; «Воскресение Христово видевши», С. Рахманинов; «Днесь весна благоухает», Н. Голованов; «Ангел вопияше», П. Чесноков; «Гимн в честь святых Кирилла и Мефодия», П.

Чайковский; «Хвалите Господа с небес», П. Чайковский; «Тебе, Бога, хвалим», Д. Бортнянский; «С нами Бог», В. Зinovьев; «Вниз по матушке, по Волге», русская народная песня; «Хоровод», «Веснянка», «Коляда»; «Славься» и «Многолетие», Г. Свиридов; три хоровые миниатюры, М. Глинка». Читал и такое обозначение в программке: «Солисты: заслуженный артист РСФСР Е. Прижигулецкий, заслуженный артист РСФСР Б. Шумилов, Л. Солодилова, Л. Ярцева».

Когда прощались, Владыка спросил: «Не сожалеете, что доверились моей рекомендации?»

Позже мне довелось увидеть изданную им Книгу церковных песнопений. Сколько же десятилетий таковых не издавали!

Виолончель в машине

Однажды он пожелал довезти меня до дому. Усаживаюсь, рядом на диванчике – красивейшего дерева футляр для виолончели.

Этот самый для исполнения инструмент, как я принялся тут же выяснять, давнее увлечение Владыки. Он рассказал, что его родители были музыкальны, что они попытались приохотить его, ребенка, к скрипке, что поступал даже в Гнесинское училище, перед самым началом войны, в 1941-м.

Но очной учебы, как он с заметной грустью произнес, не получилось. Занимался privately – почти 11 лет. Зато с явной гордостью поведал, что учителем был ученик на весь мир известного Пабло Казальса.

– Что исполняете?

– Любил Сен-Санса и Чайковского.

Вдруг поделился, что основал ансамбль в одной из подшефных ему школ: 23 исполнителя. Сам покупал для них скрипки и виолончели.

– Мне доведется когда-либо послушать вас?

– Никогда! Техника уж не та, чтобы позориться...

В поездке по Германии вдруг довелось узнать, когда Владыка загляделся на витрины антикварного магазинчика, что он – собиратель-коллекционер фотоаппаратов. Кажется, назвал

– сто с лишним приобретений; припомнил для меня: первая камера – в 1935-м, немецкая «Лейка».

Владыка, как я догадывался, почитал тех, кто был склонен к такого рода милым чудачествам. По крайней мере, он с добрым чувством вспоминал, как узнал в своей молодости, что Патриарх Алексий I был «искушен» занятием – собирать часы. И добавил: носил часы только на цепочке и поучал при этом, что священникам «не с руки» носить часы на запястье.

Вспомнил, что именно часы с цепочкой были ему подарены Патриархом при рукоположении в епископа.

Еще вспомнил для меня (видимо для того, чтобы не углядел в образе Патриарха нечто легкомысленное) и такое:

– Однажды я вручил Святейшему от одного архиерея телеграмму – поздравительную, с праздником первого мая. Только я прочитал ее, как тут же последовал комментарий: «Какая сволочь!»

Каким был редактором

Увы, в воспоминаниях об издательской профессии Владыки Питирима привычна краткая оценка с размытым смыслом: «деятель православного книгоиздания»; к тому же редко кто упомянет, что он был вдобавок еще и главным редактором главного журнала Русской Православной Церкви, который выходил и на русском, и на английском языках.

Так каким же он был кормчим этого журнала? Не хочу общих фраз, тем более, что есть возможность сравнивать журнал при его редакторстве с предшествующим. Не ошибся Патриарх в своем выборе!

Итак, храню несколько номеров «ЖМП» эпохи до Питирима. Смиренно-скучное решение макета, то есть статьи и заметки расположены сплошняком, без бросающихся в глаза выделений, их стиль чаще всего беспристрастно-информативен, рубрики поименованы казенно, да вдобавок непривлекательны тусклая обложка и бумага дешевых сортов.

При новом редакторе журнал основательно обновился. Приведу несколько иллюстраций этому утверждению, к примеру, из начала восьмидесятых годов прошедшего столетия.

...Октябрьский номер 1980-го. Вот непривычное тогда соединение светской и церковной истории. Рассказывается об участии высоких представителей Патриархии в праздновании 600-летия Куликовской битвы, а в подкрепление еще публикуется «Сказание о Мамаевом побоище». Вот приобщение к мудрому прошлому в ином срезе – богословском. Дается проповедь епископа Феофана Затворника «О мире и радости», с ней рядом в разряде духовного просветительства статьи «Слово злое и слово доброе», «Вы уже свои Богу», «О покаянии» и из богослужебной практики – «Божественная литургия. Приготовление христианина к Таинству Святого Причащения».

В том же номере желание приобщать Церковь к участию в общегосударственной жизни проявляется в другой области: Олимпиада в Москве. И это приобщение делается укором светской журналистике: увы, она – вспоминаю – ни словом не обмолвилась о том, что в культурном центре Олимпийской деревни состоялось освящение часовни в честь Владимирской иконы Божией Матери. К тому же журнал рассказал о сенсационном событии: стадион и спортивную деревню посетил Патриарх Пимен, с упоминанием, что его сопровождал в числе высших иерархов митрополит Питирим. И еще сенсация: в день памяти явления Казанской иконы Божией Матери в Богоявленском патриаршем соборе за Божественной литургией молился член Международного Олимпийского комитета (МОК) профессор богословского факультета Афинского университета Н. Ниссиотис. Еще одна необычная для тогдашней страны новость – Патриарх встретился с Олимпийскими командами Греции и Кипра и Австрии. И закрытие этого всемирного спортивного праздника не обошлось без Патриарха, которого опять же сопровождал митрополит Питирим.

А вот номер, в котором статья «Христианство и культура» Павла Флоренского, наконец-то вызволенного из многодесятилетнего запретного забвения. Отважен главный редактор; в статье словно преподан урок и для партбонз с их окостеневшей ортодоксией: «Никакая церковная канцелярия, никакая бюрократия и никакая дипломатия не вдохнет единства

веры и любви там, где нет его. Все внешние склейки не только не объединят христианского мира, но, напротив, могут оказаться лишь изоляцией меж исповеданиями». ¹⁶

Сеятель прекрасного

Итак, в день юбилея восстановления Патриаршего престола состоялось в сущности первое наше вольное общение без непременно темы «издательство-типография». С того дня пошел отсчет тем кольцам, кои десятилетиями, круг за кругом, прирастали на стволе моего знакомства с Владыкой.

...Поражал обширностью круг его общения. Припоминаю многих значительных деятелей, с коими Владыка, по его словам, так или иначе взаимодействовал. К примеру, первый президент СССР М. Горбачев, физик-академик Е. Велихов, министр культуры РСФСР Ю. Мелентьев, химик-академик и председатель Всесоюзного общества книголюбов И. Петрянов-Соколов, атаман Союза казаков А. Мартынов, мэр Москвы Ю. Лужков, летчик-космонавт П. Попович, губернатор Московской области Б. Громов, председатель Союза художников В. Сидоров. И еще, еще... Могу дополнить: приходилось видеть его беседующим с именитыми предпринимателями в апартаментах, с чаем или кофе, а в монастыре и в храме – с тянущимися к нему богомольцами-странниками, с этими простыми русскими людьми, впрочем, понятное дело, всегда со сложными для каждого из них и для Владыки тоже жизненными проблемами.

И интересов поистине бездна. Напоминаю, что он был одним из инициаторов создания Фонда культуры и активным от него народным депутатом СССР в перестройку, даже выступал с трибуны с взыскующими требованиями вести более взвешенную политику. Тогда же с группой влиятельных политиков и ученых он создал Фонд «За выживание и развитие человечества». И как хорошо было приходить в гости к Владыке и видеть в этом, выражаясь по-современному, офисе лампадку, которая своим огоньком, будто сбереженным лучиком солнышка, освещала иконные лики. А как я поразился однажды, когда едва ступил на ступени пристройки к храму, где Владыка пребывал вне службы, как навстречу мне высыпала детвора

разных возрастов – это он одним из первых в нашей стране учредил Воскресную школу.

Многим его начинаниям я был непосредственным свидетелем. Например, привожу к нему в монастырь начальника управления по делам казачества в администрации Президента – и Владыка повел разговор о том, как в Подмосковье возродить одно из запущенных хозяйств (былой колхоз) с помощью казаков, которые покинули бывшие союзные республики. Или он говорит – договорился, дескать, с главой Москвы создать в каком-то подмосковном заброшенном песчаном карьере питомник для молодняка диких животных. А вот новая забота – ищу, сказал, предпринимателя, который бы взялся за изготовление в России так называемой «голубой крови», то бишь искусственного заменителя крови, ибо, как оказалось, донорской недостает. Вот Владыка согласился с моей просьбой войти в руководящий состав Международного благотворительного фонда «Во имя мира и человека» под председательством певицы Людмилы Зыкиной, я же был здесь соучредителем и вице-президентом. Вот он создает Фонд «Золотые ворота России», чтобы порадовать развитию туризма с одновременным приобщением к духовным ценностям древних Российских городов и городков.

Друзья мне рассказывали, что Владыка не только поддержал в 1990 году идею создания Славянского фонда России, но и возглавил его. Нетрудно понять, почему: он предугадал начало развала сообщества, как тогда их кратко называли, соцстран и посчитал необходимым предложить взамен внеполитическое содружество славянских народов. И как же мечтал, чтобы Фонд способствовал восстановлению исторических культурных и духовных славянских центров. Чтобы помогал создавать славянские школы и лицеи, проводил благотворительные акции. Чтобы влиял на нравственность общества.

Можно продолжать и продолжать свод общественно значимых замыслов и деяний, кои, однако, входили в его жизнь не как внешняя суета сует, но ответственно и осознанно.

Инициатор издательских новаций

Моему новому в перестроечную пору издательству «Раритет», точнее, читателям, повезло – да как еще! – когда Владыка, освободившись от дел своего издательства, стал доступен для моих просьб о помощи.

...Прихожу к нему советоваться и высказываюсь:

– Владыка, перестройка, как знаете, сняла запреты на философское наследие тех выдающихся русских мыслителей, которые исповедовали православное мировоззрение...

Он уточнил – деликатно, будто и не перебивая:

– Книг много, системного познания мало.

Эта подсказка сразу же определила итоги моего визита – планирование такого издания, которое бы привлекало читателей принципом «продолжение следует», а еще единством методы подготовки сочинений к печати и узнаваемым переплетом. Родилось и название – «Библиотека духовного возрождения».

Он всё это одобрил. Но каких философов включать в библиотеку? Спросил совета и об этом. Владыка выслушал и проговорил:

– Думаю, что тебе надо прежде всего популяризировать труды тех, кто был гоним властью, в том числе пассажиров знаменитого «философского парохода». Знаешь о ком речь?

Это он о тех деятелях науки и культуры, которых в 1922 году большевики выслали в эмиграцию, дабы они не корродировали своими еретическими взглядами революционную партгосидеологию.

Но выделил одного – Сергея Николаевича Булгакова. И рассказал, что почитанию этого мыслителя он обязан Патриарху Алексию I. Возвышенно изложил запомнившееся патриаршее наставление: «Придет, придет и в нашу страну слово Булгакова. И завещаю тебе заняться восстановлением доброго его имени».

С этими пожеланиями-установками я и начал искать единомышленников. Они помогали формировать состав редколлегии и попечительского совета этого нового для новой России издания. Владыку по широте его воззрений не смутило, что редколлегия включила в число авторов и тех, кто не был в Православии ортодоксом. И когда я это понял – как же было не

просить оказать издательству честь и войти в состав духовных вождей издания, в попечительский совет. Он осчастливил нас согласием.

И мы выпустили 8 томов с именами на переплете – Н. Бердяева, А. Горского, Н. Сетницкого, Л. Карсавина, П. Новгородцева, В. Розанова, Н. Федорова, Л. Шестова.

Увы, не 20 томов, как было задумано. Не вышли и труды С. Булгакова.

Мне не хотелось погружать Владыку в перипетии краха идеи этого издания. Сказал ему кратко: «Денег на продолжение нет» (такие приговоры стали естественным завершением проектов многих издательств в новых экономических условиях). Он примолк и лишь негодующе задвигал усищами (была у него такая привычка).

.. .Еще одно славное соучастие Владыки в светском книгоиздании – «Евангелие в красках Палеха». Оно увековечено предтитульной – торжественной – страницей книги, где было напечатано: «Издатели сердечно благодарят митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима за содействие...»

Это сувенирное издание с красочными иллюстрациями в стиле Палеха, с изысканным макетом и превосходным, на мировом уровне качеством полиграфического исполнения (московская типография!) – вышло в 1995-м. Сразу же успех: презентация в Свято-Даниловом монастыре с речью Святейшего Патриарха Алексия II, церковные награды художникам и издателям, отклики журналистов и Государственная премия.

Так Владыке вместе с другими консультантами – митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием и епископом (ныне архиепископом) Истринским Арсением – довелось пособлять и в конце концов благословить необычные деяния художников и издателей. Необычные потому, что книга явилась первым живописно-иллюстрированным изданием с участием древней иконописной школы Палеха. Молодым еще художникам во главе с Борисом Кукулиевым понадобилось возвыситься над давно и профессионально хорошо усвоенными навыками творить ходовые шкатулки со светскими сюжетами.

Они не просто погрузились в познание таинств Палехской иконописи, кои были начисто утрачены в советские годы, они осознали, что становиться копиистами никак нельзя: надо было найти ту тончайшую творческую грань, которая бы воссоединяла старую традицию с новыми веяниями. Надо было искать такие сюжеты, чтобы и не повторять привычных, и не становиться псевдоноваторами. При этом и художники, и издатели отлично знали, что Патриархия не потерпит никакого произвола в изобразительных толкованиях канонов главной книги христиан. Сколько же потребовалось душевных мук, чтобы решиться на какое-то дерзание: что-то отвергать, в чем-то утверждаться. Ясное дело, что творцы нуждались не столько в цензуре, сколько в чутком слове: когда поддержать, а когда и подтолкнуть к взыскующей самооценке.

Вот тут-то и понадобилось соучастие наставников от Церкви. И они успешно справились со своей непростой задачей.

...Владыка знал цену книги как хорошего подарка, чему свидетельством вот такая история. В юбилей 2000-летия Рождества Христова мое издательство сподобилось исполнить поручение президентов России и Беларуси и издать в дар Патриархии Евангелие-складень-полиптих. То было миниатюрно-сувенирное, иллюстрированное опять же палешанами и со сверхсложным макетом издание. Владыка, подержав в руках мое подношение, проговорил: «Сможешь выделить десять экземпляров?.. Я еду в Германию и одарю там этим изданием батюшку и прихожан одного православного храма».

Вопрос в монастыре

Поистине щедро обогатил меня Владыка, когда пригласил почти на целый день в свой Иосифо-Волоцкий монастырь, да еще и в преддверии 400-летия прославления преподобного Иосифа.

Приехал. Владыка великодушно пожелал стать сопровождающим-гидом. С его пояснениями старинный монастырь – этот значимый для России центр духовности – как бы ожил. Монастырь захватывал и трогал душу и благолепной архитектурой храмов, и украшением наружных стен поистине

чудо-венком – это я об окрест зеленеющих купях старых и молодых деревьев и чистых, тихих и будто таинственных прудах, опушенных шуршащим камышом, и лугах, покрытых травой-муравой, будто из мира детских сказок.

Впрочем, об этом монастыре и роли Владыки в его восстановлении (монастырь с 1922 года по 1989-й был то детдомом, то школой) подробнее рассказывает красивый и насыщенный интересными сведениями альбом «Волоколамская земля» (1994). В нем весь Владыка, ибо альбом был подготовлен и по его инициативе, и при некотором соавторстве, и под его общей редакцией. Посему в дополнение лишь три записи из блокнота.

...С каким же благоговением подходили к Владыке под крестное знамение иноки и миряне. Их склоненные фигуры являли не просто ритуальную почтительность и умильный душевный порыв, но, как мне открылось, и доверие, и благодарность, и надежду, что снизойдет благодать.

...С какой же гордостью – но без всякого искусственного пафоса – рассказывал он о многовековой славной истории своего монастыря (говорил с особым подчеркиванием – «наша обитель»):

– Тебе, издателю, будет интересно узнать, что преподобный Иосиф был искусным каллиграфом... Еще более он прославил себя ревнителем церковной образованности. В книжнице монастыря было больше тысячи рукописей (очаровало его речение: «книжница», а не привычное – библиотека).

– Надо бы тебе, светскому человеку, знать, что монастырь одновременно создавался и как крепость. И стал таковой в смутное время, когда выдержал осаду польско-литовского войска... Посмотри, каковы стены-то: что для подошвенного – с земли – сражения, что против ядер в верхнем бою. Мощь! И одновременно – красота изразцов! Душе мир и покой от такого дивного украшения...

Шли, шли, да вдруг он остановился и я выслушал то, что являлось, судя по возвышенным интонациям, для него, игумена, фактом особого значения:

– Красив монастырь? Так кланяйся таланту крестьянскому... С 1677 года всего-то за 11 лет семь башен и прясла стен меж ними сооружены по архитектурному умыслу и под присмотром подрядчика каменных дел крестьянина Трофима Игнатьева и его односельянина Захара Никифорова. Да, крестьянами... Так-то!

Завел в Успенский собор и предупредил, вспомнив о моем увлечении палехской живописью:

– Смотри поприлежней на росписи этих мощных колонн. Они кисти одного палешанина. Благодать!

За неторопливой обеденной трапезой всё росло желание спросить: как это совмещаются в жизни Владыки монашеское делание и многие едва ли не чисто светские заботы – и международное миротворчество, и воспитание гордости за проявленную в этих Волоколамских землях воинскую доблесть панфиловцев, и неуходящая увлеченность музыкой и еще, еще... Вспоминались вычитанные когда-то утверждения, что сущность монашества в отсечении страстей и достижении бесстрастия.

Спросил. Он не ответил. Чуть позже я понял, что Владыка отмолчался не из-за нелепости вопроса, как я было подумал себе в укор, и не по отсутствию объяснений, понятных мне, мирянину. В этом убедился, когда после обеда он, заведя в свою келию, показал на книжную полку – здесь, дескать, наставники монашеского послушания. Когда я принялся за воспоминания о нем, вычитал кое-что из разумений-наставлений русских пастырей. Подумал: может, и у них искал Владыка Питирим утверждения своему монашескому предназначению.

Выходит, монашеское смирение не есть потакание неправедностям. Таким я неоднократно видел Владыку Питирима. Чего стоит реплика его, народного депутата СССР (услышав эту реплику по телевизору, я догадался сразу же занести ее в дневник):

– Я призываю объединиться, – обратился он к взбудораженному залу; затем повернулся к Президенту:

– Михаил Сергеевич, люди доверили вам свою надежду. Не дайте потерять ее!

Еще запомнилось его высказывание отнюдь не толстовского духа: «Священник – как солдат, если видит неправду...». И еще итоговое из его беседы на тему, что новое время меняет взаимоотношения Церкви и власти:

– Мы теперь от имени своей епархии обращаемся не как просители, а как хозяева. ...Хождения по монастырю с мной, гостем, и перерывы, когда Владыка общался с послушниками и странниками-богомольцами... – не только этим запомнился он мне в тот день. Он был игуменом, а это, как я скоро убедился, значило, что он был преисполнен многогранными заботами о благополучии своего монастыря. Я ухватывал самые разные приметы этого. Вот, как только он появился, ему передают стопочку конвертов и пакетов – я усмотрел штампы каких-то учреждений. Вот, прерывая разговор со мной, благословил зашедшего с неким срочным делом келаря и беседует с ним, а в разговоре звучат, казалось бы, чуждые в этих монастырских стенах слова «накладные», «счета». Вот появляется еще кто-то в пиджачке и в сапогах по сугубо хозяйственно-строительным надобностям. Вот он спешит к затренькавшему телефону и ведет переговоры сперва о ремонте (слышу вдруг: «Дороговизна душит»), потом по другому телефону – о недалекой школе, которая в чем-то нуждается. Вот постучалась к нему женщина-староста одной из монастырских церквей – и тоже разговор с суетными заботами.

Идем, а он вдруг вспомнил: «Первый раз добирался до монастыря на грузовой машине...»

Подошло время богослужения в монастырском храме. Гляжу, как преобразился Владыка: величественен, в торжественном облачении – митра с камнями, панagia, саккос, епитрахиль, ромбовая палица.

Но вот я в его келии: и как же неприхотливо это невеликое размерами обиталище митрополита – едва ли не солдатская койка при простеньком покрывале с голубоватыми цветами, крохотный стол с какими-то книгами и бумагами, телефон престарелого изготовления, и иконы, иконы...

София: Питирим – Пушкин – Филарет

1997 год. Владыка пригласил в поездку по Болгарии, сам он был послан с некоей миссией от Патриархии, а меня попросил помогать знакомству с деятелями культуры.

Я поражаюсь, как без всяких сетований переносил он в свои годы, уже шедшие к восьмому десятку, эту превеликую нагрузку. И ведь совершенно добровольно! Он пожелал «сверх плана» – помимо собеседований с Патриархом Болгарии и иными духовными лицами – совершить молитву и в горах, у памятника русским воинам, погибшим ради свободы болгар под Плевной, и на скромных могилах русских эмигрантов в Софии, и в величественном столичном храме Александра Невского (здесь уже поздним вечером отужинал по-простому, при простых русских явствах, с русскими по происхождению прихожанами); встречался с парламентариями, кои не предали вековой любви болгар к России; пообедал с писателями – и тем проникновенно утверждал их в праведности веры в единение наших православных народов...

...После одного из ужинов в гостинице он зазвал прогуляться по поздневечерней Софии. Красива она в эти несуетные часы уютом своих улочек и проулков, заманивающими витринами, множеством кафе и ресторанчиков, освежающими порывами ветерка с гор...

Неспешная прогулка побудила приоткрыть собеседнику свой творческий замысел. Коротко рассказал ему, что близка к окончанию книга о Пушкине в особый для него 1830 год, когда поэт создает вместе с Дельвигом «Литературную газету», когда влюбляется в юную Наташу Гончарову, – год Болдинской осени с непостижимым для понимания творческим взлетом, травли со стороны Булгарина и присных при поддержке самого Бенкендорфа...

И помимо всего этого поведал – включая-де материал о том, как появился поэтический отклик на знаменитые стансы Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» самого митрополита Филарета.

К моему полному изумлению Владыка приостановил свой шаг и стал негромко, но выразительно декламировать ответ

прославленного иерарха поэту:

Не напрасно, не случайно Жизнь от Бога мне дана....

И так далее до конца. Удивил Владыка – и знанием мало кому известного в советское время стихотворения, и самой по себе внезапной, без подготовки, декламацией, которая случилась без всякого предувещания от меня, что быть беседе о Пушкине, да еще тогда, когда весь день был насыщен изматывающими общениями-переговорами, да и преклонный возраст, ясное дело, помеха легкой памяти.

Дальше последовал вопрос: «А ты производишь стихотворение Филарета?» Ответствую, увы, казенно: «Нет, как-то не принято в пушкинистике...» И получаю совет: «Почему не принято – понятно (это он напомнил, как сказывался недавний всеобщий атеизм даже на пушкиноведении). Но все-таки разыщи и напечатай. Обогатишь читателей. И будешь, вероятно, первым. В советские времена этот стих, кажется, и в самом деле был под запретом....»

Я исполнил этот совет-завет, книга называется: «Зима, весна, лето и Болдинская осень. Жизнь А. С. Пушкина в 1830 году. Документальная повесть в жанре хроники».

На книжной ярмарке

Заканчивалось наше пребывание в Болгарии. И вот вечером, снова за ужином, прозвучало крайне растрогавшее меня предложение продолжить совместное путешествие: «Мне нужно по делам в Германию, но давай-ка поедем вместе, чтобы побывать на Франкфуртской международной книжной ярмарке. Ты ведь там бывал, а я вот покончил с книгоизданием, а так и не удосужился. Кстати, выставим там твой шедевр...» (Это он столь возвышенно оценил уже помянутое «Евангелие в красках Палеха»). Я ему в ответ: мол, благодарю за честь, и самому интересно, но выставить книгу никак не получится, заявляться для участия надо задолго.

...Жаль, что никто в пресс-центре ярмарки не догадался запечатлеть на киноленту, как Владыка, издалека приметно величавый своими седидами и развевающимися при широком и быстром шаге полами черной рясы, шествовал от стенда к стенду, демонстрируя интерес и внимание к книге и ее

создателям. Не жалел времени: то и дело останавливался, чтобы взять в руки ту или иную книгу, причем вовсе не обязательно религиозного предназначения. Что и говорить – профессионал!

Потом вдруг, взглянув на часы: «Надо искать такой-то стенд. Нас там ждут...» Так и было – нас ждал один немецкий издатель, оказывается, старый знакомый Владыки, и его католичество ничуть не мешало общению. Их объединяло, как я убедился по разговору, многолетнее участие в миротворческом движении. Немец после того, как заполучил наш фолиант с «Евангелием», принялся его листать, заохал-заахал и торжественно заявил: «Мой брат Питирим, твой из Софии телефонный звонок оправдал мои надежды – яставляю на стенде ваш подарок. ..» И посулил, что обязательно будет рекламировать его.

Владыка подмигнул мне: а ты, мол, сомневался, что получится продемонстрировать Западной Европе, как Россия стала возрождать старинно-прославленную иконописную школу.

Тамбов – Мичуринск...

Как-то звонок: «Найдешь ли дней пять свободных? Ты ведь, знаю, не бывал в Тамбовских землях... Так приглашаю. Вот, потянуло на родину...»

И предстал он в этом дорожном общении новыми для меня гранями своих настроений, чувствований и интересов.

... Проявил знание того, что произошло на Тамбовщине в 20-е годы – коротко, но выразительно напомнил мне о крестьянском восстании с лозунгом «Советская власть без коммунистов!» по призыву Антонова и о его подавлении войсками под командованием Тухачевского.

... Привел к дому своего рождения. В глазах грусть – стоит этот двухэтажный особнячок запущенным, с зияющими язвами кирпичных выщербин по стенам.

... Подивил своенравным тактом в общении с главой области – это когда тот вызвался сопровождать знатного гостя-земляка в дороге из Тамбова в Мичуринск. Своенравие же выразилось в том, что Владыка без единого слова, а только тем, что несколько раз, недовольно поморщившись, задвигал

усами, – дал понять губернатору, что излишни здесь, в вагоне, обращения «Ваше Высокопреосвященство» в оранжировке уж слишком пышно-подобострастных интонаций. И незаметно-ненавязчиво – некое застолье тоже помогало – повел беседу так, как хотелось ему. При этом, однако, ничуть не ущемлял собеседника в его желании преподнести свою область наилучшим образом. Владыка же затеял разговор иной: как поощрять и развивать благотворительность.

Сказ о радостях и бедах рода Питиримова

В ту же поездку довелось губернатору и мне услышать под вагонные перестуки колес сказ Владыки о его старинном и заметном для русского православия роде. Мне не хотелось преобразовывать этот сказ в подобие «беседы для печати», а посему я незаметно уложил блокнотик на коленке под столешницей, чтобы записать хотя бы кое-что.

– Мои предки – а это далекие прадеды с XVII века – были священниками на этой земле, в Тамбовской епархии. Один из них, Николай Доброхотов, прошел полный курс Киевской Духовной академии, мало того – вышел из нее в звании магистра богословия. Его истовое служение духовной науке и выделяющаяся черта – желание быть наставником молодежи – сказались: его благословили стать ректором в Санкт-Петербургской Духовной академии. И был оным с 1837-го по 1841-й. Затем был хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого и занимал эту кафедру 16 лет, да оставил по себе память, не уходящую даже сегодня. Для Тамбовской епархии те годы стали взлетом церковного созидания. Он основал четыре женских монастыря, воздвиг и освятил много храмов. Его богоугодными заботами был капитально отремонтирован и отреставрирован Спасо-Преображенский собор. Но ведь это особый храм – первый каменный в Тамбове, он был основан святителем Питиримом Тамбовским еще в 1694 году. Кроме того, довел до конца сооружение Троицкого собора в городе Моршанске, (о, как величественен этот храм!). Но не только этим остался в памяти людей епископ Николай – он оставил по себе память верного покровителя всех нуждающихся и обездоленных.

Потом Владыка добавил: «По материнской линии прадеды тоже были священнослужители...»

О том, что его отец-священник был арестован и сослан в Сибирь в довоенные годы, рассказывал со скорбью, но сдержанно и немногословно. Я догадывался, отчего такая сдержанность: или не хотел беречь свои душевные раны, или отказывался говорить о своих горестных воспоминаниях на людях, что стало модой с перестройки.

Увы, изложение родословной прервалось – поезд подходил к вокзалу. Но оно продолжилось в главном храме Мичуринска – здешний батюшка начал церемонию встречи с гостем с того, что напомнил прихожанам, как заботливо – и в радости, и в горести – вели свою паству отец, дед и прадеды Владыки Питирима.

Выходит, более трех столетий отдавал себя народу род русских пастырей, который славно начался с имени Питирима и столь же славно продолжился в наше время этим же именем.

Чудовская рукопись Евангелия

В конце 90-х годов Владыка Питирим попросил меня помочь подготовить к изданию Чудовскую рукопись Евангелия (названа по имени монастыря, где хранилась).

Необычное издание как для истории Русской Православной Церкви, так и для светской истории, ставшее поэтому столь значимым событием в биографии Владыки.

Итак, я однажды узнаю от него, что уже 40 лет он озабочен подготовкой к изданию того варианта перевода Евангелия с греческого, который был сделан, по преданию, ближайшим сподвижником Сергия Радонежского и воспитателем благоверного князя Дмитрия Донского святителем и чудотворцем Алексием, Митрополитом Московским. С особым чувством Владыка сказал мне, что этот перевод не только дал возможность более точного понимания главной книги христиан в тяжелые времена владыкования татаро-монголов, – оказывается, он и до сих пор представляется совершенным с точки зрения лингвистики. Главное же – перевод был задуман таким, чтобы быть доступным для всех людей раздробленной Руси. Восстающим против чужеземного ига нужен был объединительный богоявленный символ!

С еще более проникновенно-трогательной интонацией Владыка поведал: «Издать эту рукопись завещал мне, тогда еще совсем молодому служителю, сам Святейший Патриарх Алексей I». Это было в 50-е годы прошедшего столетия.

Однако сколько терний встретилось на пути исполнения этого величественного наказа! Владыка уточнил для меня:

– Единственный экземпляр рукописи был утрачен в революцию. Монахи его спрятали, но прошли годы и не оказалось никого, кто бы указал тайноспасительное укryвище. Правда, текст числился все-таки сохраненным – кто-то в 1892 году предусмотрительно переснял его на стеклянные фотопластины.

Продолжение, однако, звучало мрачно:

– Я заполучил эти стекла и увидел, что они почти не читались: некоторые из них были в трещинах, на многих текст не то выцвел, не то размылся.

Дальше узнаю то, что можно назвать истинным подвигом – многотрудным и многолетним, а ведь Владыка не прекращал основной своей деятельности – пастырской и всякой иной. Он призвал к этому делу многих сподвижников-доброхотов. Начал с того, что передал пластины специалистам лабораторий МВД. Затем пришел черед текстологов, богословов, историков – светских и церковных. Мое издательство «Раритет» на заключительной стадии взялось готовить оригинал-макет.

Владыка был весь в нетерпении – он как-то приоткрылся, а в глазах и в голосе явственно улавливалось грустное осознание, что не всё ему подвластно:

– Надо издать рукопись, пока я еще на службе... Пока еще мне не предложили уйти на пенсию... Пока я еще могу полноценно влиять на издательский процесс...

Вдруг и в самом деле вползла предчувствованная беда – он не смог собрать денег для оплаты редакционных и типографских расходов (впрочем, он зачастую вкладывал в подготовку книги собственные средства).

И все-таки Владыка преодолел осложнение. Изыскал деньги, но, увы, лишь для весьма скромного в полиграфическом отношении издания, к тому же небольшого тиража. Оно

появилось на свет в начале 2001 года. Можно было торжествовать: слово Владыки Питирима, которое он дал своему духовному наставнику Патриарху Алексию I, преобразовалось в дело, в книгу, а значит, стало драгоценным достоянием и православной библеистики, и светских наук, начиная с истории и филологии. Увы, общественность и печать пока еще не воздали должного Владыке за это деяние. Отчасти, может быть, потому, что сам он по своей скромности отказался рекламировать эти свои труды: никаких презентаций, пресс-конференций или интервью.

Священник – как солдат

Запомнилось кое-что из того, что было связано с патриотическими делами и мыслями Владыки. Вот он говорит: «Уезжаю на панихиду о упокоении воинов, погибших в Афганистане. ..» Вот размышляет: «Русский человек всегда воин, если родину обижают...» Вот всё не может забыть своего пребывания на Мамаевом кургане, усеянном осколками мин и снарядов: «Как же жестока была битва за Сталинград...»

Довелось мне, благодаря двум самоотверженным подвижницам Владыки, Татьяне Александровой и Татьяне Суздальцевой, прочитать записанное ими с его слов такое вот наставление:

– Священник – как солдат. Я всегда говорю, что все люди – работают, и только духовенство и военные служат. Священник не принадлежит себе...

Потомок Чингиз-хана

Заголовок я придумал, ясное дело, в некоем стремлении заинтриговать читателя сенсацией, если выразаться на журналистском языке.

На самом же деле следующая далее запись рассказа Владыки вполне укладывается в каноны почитания Русской Православной Церковью тех, которые именуются святыми страстотерпцами. Речь пойдет о подвижнике Христовом под именем Феодор Мелехдеярович. Он и вправду потомок Чингиз-хана: татарин, но был крещен с именем Феодор, когда его отец Мелех-Даир, прапрапрадед основателя Казанского царства, стал пленником Ивана III и проживал со своей женой и детьми в

почете – «во царских льготах» на вологодской земле, в Карголоме (сейчас городок Белозерск). На Руси Федор получил со временем фамилию Долголядский от поместья Долголядское, кое было ему даровано царем за заслуги перед Россией.

Только в год кончины Владыки Питирима я узнал от него об итоге многолетних усилий по увековечению памяти этого сына Татариин.

– Велика была заслуга Феодора перед Богом и Отечеством, – начал эту сагу Владыка, – в 1538 году его тело было перенесено для погребения в нашу обитель.

И уточнил: «Блюдя интересы законного наследника русского престола Ивана IV Васильевича, он не дал благословения на брак своей кузины Анастасии – племянницы великого князя Василия III – с рвущимся к власти боярином Василием Шуйским, задумавшим усилить свое влияние, породнившись с государем; когда же жестокий и вероломный боярин подослал убийц к св. Феодору, страстотерпец не обнажил своего оружия, хотя и был сильным воином».

– Он был схоронен в малом алтаре нашего Успенского собора. Почетное пристанище... Но гробница оставалась известной лишь до конца XVII столетия.

Помолчав, сказал нечто о своей роли в восстановлении достойной памяти Феодора:

– Уж так случилось, что забыт был этот страстотерпец и угодник. Начисто забыт... Только в 1979 году было обнаружено его захоронение. Случилось это после того, как в монастырь прибыла группа архитектурно-авторского надзора. Она, чтобы дать заключение, как укрепить столп подклета, покопалась в грунте и... наткнулась на «нетленные одежды». Потом я пригласил археологов. Они-то и вскрыли для погляда захоронение угодника Феодора. Но поднимать прах пока не решились.

– Чудесное явление сопутствовало обретению мощей, – продолжал Владыка, – в 1990 году от погребения началось истечение благоухания... Я такое сподобился обонять только на

Афоне, перед чудотворным ликом Иверской иконы Пресвятой Богородицы.

И наверное, уловив мое некое сомнение, уточнил:

– Волны благоухания воспринимались несколько месяцев и не мною одним – нашими иноками. Мы храним письменное свидетельство о чуде одного известного архитектора. И еще почти ста человек...

– Весной 2001 года я благословил работы по замене пола в подклетном храме Успенского собора. Попутно, вслед археологам, занялись осмотром фундамента. Тут и было выявлено наконец-то в полном виде место погребения угодника Феодора.

– Что дальше? В сентябре предстали нашим взглядам и мощи его. В тот же день отслужили первый молебен. В канун произошло чудо – свечение мощей: не привиделось, а явное. Чтобы пресечь сомнения, засняли это свечение фотоаппаратом. В конце года святые мощи положили в новый гроб и перенесли в каменный склеп. Далее было ниспослано нам испытание: несколько раз гроб затапливался водой. Он просто плавал в склепе... Пришлось поднять и перезахоронить в диаконнике.

Владыка уточнил, что повелел пригласить для исследования святых мощей светских ученых. Сказал, что призвал к этому работников Отдела судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ.

Конечно же, я не удержался и стал просить Владыку сообщить какие-то подробности из жизни Феодора.

И вот что я записал тогда: «В татарском роду Феодора был еще один святой под православным именем Петр, он был обращен в христианство в 1253 году... И далекий предок Феодора, и он сам твердо блюли заповедь: «Аз, Господи, возлюбих вашу веру, и оставив родительскую веру, и приидох к вам, воля Господня и ваша будет»... Феодор по велению русского царя в годы войны против Литвы с 1516 года был начальствующим полком воеводой... Воевал и с лихими отрядами крымских татар. Но никогда с казанскими... Сохранилось предание, что убийцы Феодора коварно спрятали тело убиенного ими храбреца. Лишь через десять дней оно

отыскалось. Страстотерпец был предан мукам, невероятным по жестокости... При отпевании именно в нашем монастыре у гроба молились позже причисленные к лику святых инок Гурий и старец Фотий...»

...В монастыре чтят и то, что произошло 13 марта 2004 года, через четыре месяца по кончине Владыки Питирима – по благословению Патриарха Алексия II торжественно перенесли гроб со святыми мощами угодника Феодора в подклетный храм преподобного Иосифа Волоцкого, где он был установлен рядом с алтарными дверьми пред Смоленским образом Божией Матери.

Остроумие Владыки Питирима

Поведение и облик Владыки Питирима не укладывались ни в какие предвзятые схемы. Потому решаюсь рассказать кое-что услышанное от него в те минуты, когда он считал возможным доверять собеседникам свое остроумие. Знал же он немало поучительных притч. Были среди и такие.

– Тонет лодка с купцом, и от него, несчастного, доносятся непрерывные мольбы: «Спаси, Боже! Спаси, Боже! Спаси...» Ему с берега крики-голоса: «Бери весла в руки да плыви сюда. Плыви же...» Он в ответ: «Не мешайте молиться во спасение!» И вот он на том свете: «Что же ты, Боже, не прислушался к моим словам? – Но ведь тебя звали...» (Нашел в сборнике пословиц, которые собрал В. И. Даль, народный исток притче: «Богу молись, а к берегу гребись»).

– Украл в храме панагию. Вора не нашли. Священник собрал прихожан и повелел всем молиться во искупление греха. Все беспрекословно пали на колени – и за молитву. Вдруг в тишине вопрошание от батюшки: «И ты, вор, молишься? – Молюсь, батюшка, молюсь...»

– Пригласил ректор духовной академии тех, кто кончает учебу, и повелел всем принять монашеский постриг. Все согласились, а один отказался, выпросил себе сельский приход. Через несколько лет снова случается ему встретиться с ректором, пошел у них разговор: Как служится? – Благодарствую. С Божией помощью... – Женился ли? – Слава

Богу, свершилось. – Детки есть? – Бог, увы, не дал. – А я тебе что говорил: «Иди в монахи».

О себе Владыка с улыбкой рассказывал: «Малыш увидел мою бороду и вскричал: «Дедушка Маркс!"»

... Но дополню эту главку – для уравнивания – как бы послесловием. Оно о том, что Владыка мог быть и весьма строгим, если улавливал то, что выходило за пределы церковного благочестия или просто приличий.

До сих пор помню, как он рассердился, когда я в его присутствии нечаянно чертыхнулся. Пригрозил, что выпроводит за порог – остудишь, дескать, свое богонеудное речеизвержение.

Строки от писателя Николая Лескова

Случилась такая никак не объяснимая для меня история. Однажды ночью, в канун конференции в память 80-летия со дня рождения Владыки Питирима, что-то потянуло меня к сочинениям Николая Лескова – должно быть, прочитанное в утренних газетах, что вскоре быть его 175-летию. И в разделе комментариев отлистнулся тот отрывок из повести «Детские годы», который писатель не включал в основной состав своего замечательного произведения. Читал же – пораженный – слово к слову будто о Питириме. Мистика? Невероятное совпадение? Или просто Лесков, знаток необычных человеческих судеб, знал таких священников, которых не довелось узнать Пушкину с его сказкой про Балду или Гоголю с его дьячками и попами в миргородских сочинениях.

Итак, я читал:«.. .Блюстителю маленького соседнего скита – монах отец Гордий. В начале этого знакомства хозяйка дома сказала нам, что отец Гордий артист, что он пламенно любит музыку и знаток во всех искусствах.

– А главное, – добавила она, – он так играет на виолончели, что, слушая его, можно позабыть или, пожалуй, вспомнить о Давыдове и Серве. Мне случайно удалось с ним познакомиться и открыть его таланты, но я уверена, что все вы, вероятно, скоро будете благодарны и мне и этому случаю за то удовольствие, которое найдете в знакомстве с отцом Гордием.

Слова эти оказались вполне быточными: через несколько минут после этого разговора мы уже слушали грандиозные квартеты Гайдена, в которых превосходная виолончель отца Гордия участвовала, приводя слушателей в восторг и трепет.

— Какие звуки! — невольно шептали восхищенные слушатели.

— И какой монах! — добавляли слушательницы, не сводя глаз с играющего отца Гордия. И действительно, монах был на загляденье и на славу: ему на вид нельзя было дать более

сорока или сорока двух лет; он был высок ростом, строен, и я мог бы сказать, что он был «хорош собою», если бы не слышал в этих словах чего-то банального и оскорбительного для недюжинного, благородного лица Гордия, а потому просто скажу, что он был очень благообразен. Это не было лицо строго соразмеренное и размеченное, в котором все на своем месте и все разрисовано по законам наилучшего колорита: лицо отца Гордия было простое, открытое, мужественное и честное лицо, линии которого не представляли никакой античной правильности в деталях, но поражали прекрасною гармониею умного и теплого выражения в целом. У него были большие ясные и очень добрые серые глаза, темно-русая бородка, и из-под клобука его виднелись такие же темные волосы с едва обозначившимися в них белыми нитями.

Наиболее авторитетные в деле вкуса дамы наши по поводу этих нитей уверяли, что отец Гордий нимало не потеряет, а напротив, выиграет от седины».

Так Владыка Питирим — напомним — и монах, и виолончелист, и даже портретные мазки из позапрошлого века словно к полотну о нем: благородное лицо, честность во взоре, пронзающие глаза и подлинное украшение — окладистая и сплошь чистой серебристой седины борода...

Ах, как пожалел, что, давно любя Лескова, не догадался ранее заглянуть в эти его строки, и тогда, возможно, задал бы вопрос Владыке Питириму: а читал ли он у классика как бы о себе?

Штрихи к портрету

Под влиянием Лескова стало припоминаться и то, что, не претендуя на завершённый портрет, может послужить к нему неким набором дополнительных штрихов.

...Был Владыка и умным, умелым оратором. Хорошо чувствовал зал: если было светское собрание – не соблазнялся избытком церковной лексики, к тому же изъяснялся четко и немногословно, иногда употреблял политшаблоны-штампы, наверняка для того, чтобы функционеры сходу схватывали его мысли; при всем этом являл себя отменным знатоком родного языка во всем его многообразии. Что и говорить – настоящий русский интеллигент! Запомнились несколько характерных его речений: «безнадежность» – без звука «ё», «иллюстрированное издание» – с выделением звука «о» или такое звучное выражение о положении дел в стране при Ельцине – «захлестывающее бедствие».

...Он всяким бывал в разговорах, когда что-то или кого-то благожелательно отмечал или, напротив, критиковал, однако даже в гневе сохранял благочестие. Его слова могли быть полны и юмора, и иронии, и скорби-жалости, даже негодования; только озлобления в них никогда не было.

...В частных беседах с Владыкой можно было заметить такую особенность: если он вдруг оказывался не готовым ответить-соответствовать неожиданно возникшей теме, то брал паузу, чтобы подготовиться. Но была эта пауза необычной. Он продолжал что-то там говорить – вроде бы даже вне темы, – а сам, как видно было по напряженному взору, уходил в скрытые размышления. Потому-то едва ли не каждое его высказывание представляло продуманным, значительным и надолго запоминалось. Он явно знал старинную русскую мудрость, что лишняя соль портит стол, а лишнее слово – речь.

Частенько вспоминал свою необычную для священника студенческую молодость, рассказывая, что во время войны с фашистами учился в знаменитом Московском институте инженеров железнодорожного транспорта (МНИТ). Когда я узнал об этом, стал понимать, почему он не раз встречался даже с министрами-путьцами, уж не говоря о том, что создал в своей

альма матер кафедру теологии и отдавал ей дорогое свое время как заведующий.

...Время перестройки породило соблазны и для духовенства. Будто ожила библейская притча о наглых торговцах в храме. Не случайно с отповедью выступил даже Святейший Патриарх Алексий II: «В наше время, когда значительная часть российского общества живет в весьма стесненных обстоятельствах, священнослужитель, стремящийся к стяжанию материальных благ, наносит Церкви больше вреда, чем глубоко убежденный атеист советского времени». Но Владыка Питирим был равнодушен к стяжательству. Мне довелось стать свидетелем, как он беседовал с одной бизнесменшей. Она пришла выпрашивать письменного благословения на рекламу какому-то своему товару и при этом посулила неплохую мзду – так Владыка свирепо задвигал усищами и, прервав аудиенцию, резко вышел из своей комнатки. Пришлось ей, запунцевевшей, ретироваться.

...Хотя в быту Владыка являл заметную аскетичность, но стены издательства и его международного Фонда были увешаны картинами, причем старинными и в запоминающихся образах и красках, все с религиозными сюжетами. У него был отменный вкус.

...Был раздумчив-аналитичен в оценках того, что шло от перестроечной или ельцинской власти. Мне довелось не раз быть свидетелем того, как он негодуя клял насаждаемый с помощью ТВ и непорядочных СМИ разгул чувств неуважения к стране и народу, политического и житейского цинизма, сексблудия. Но и желания возврата в былую систему я никогда за ним не наблюдал, хотя и чувствовал, что он высоко оценивал многое из того, что в советском прошлом превратило нашу страну в великую державу.

...Как-то вдруг заговорил на тему – каково на самом деле со времен перестройки отношение людей к Церкви. Мы перекинулись наблюдениями, что даже многие из никогда не кающихся власть имущих ринулись в храмы выставяться для ТВ-репортеров со свечками в руках. Владыка подытожил наш разговор неожиданным для меня вразумлением:

– Нельзя обольщаться, что всяк и каждый будто бы стал приверженцем Православия... Очень многие приходят в храмы не верующими по убеждениям, но по любопытству, а то и по моде. Однако Православие прочно вживлено в генную память всех русских. И иначе быть не может: христианство отвечает чаяниям нашего народа, израненного политическими экспериментами прошедшего века. Сколько горя он пережил... Он жаждет правды и добра...

Я поддакнул припомнившейся пословицей: всяк, мол, крестится, да не всякий молится. Он улыбнулся, будто держал в своем пастырском сердце заповедное: «Мало креститься, надо нести крест», то есть нести тяготы жизни.

...От поездки в Болгарию осталась в блокноте запись о том, как Владыка с превеликим достоинством выносил унижение в нашем международном аэропорту, когда таможенник ретиво принуждал его – пренебрегая моими увещеваниями – внести в декларацию золотой нагрудный крест с цепочкой. Когда отошли, проговорил: «Что с него взять?! Приставлен исполнять свою службу, вот и исполняет».

Такое малое происшествие: мы приехали в Мичуринск, у церкви какие-то старушки, потянувшись к его руке за благословением, назвали «батюшкой», а он даже бровью не повел от такого принижения в звании. И ответно осенил их широким крестным знаменiem.

...Мне однажды захотелось узнать про какие-нибудь его увлечения (если бы он был мирянином, так употребил бы слово «хобби»). Стал приглядываться, но не многое уловил. Помнится, было у него несколько изящных четок-лествиц, счетный словарь молений, как порой говорят меж собой монахи. Но первым и главным увлечением всегда оставалась музыка – не раз приходилось наблюдать, как он благоговейно внимал ей. И не только церковной (мне говорили, что он создал три церковных хора). Запомнилось, как на концерте в память Верди в резиденции посла Италии он с вниманием вслушивался в сочинения этого классика, которые несомненно знал с молодых лет. Или такая история: как-то я пригласил его на концерт в знаменитом ФИАНе – Физическом институте Академии наук, в

числе сотрудников которого встречались и нобелевские лауреаты. То были музыкальные среды, которые на протяжении уже 30-ти лет организовывал и каждый раз самолично, увлеченно и со знанием дела вел один мой добрый знакомый, доктор физики Виктор Каслин. Запомнилось, что Владыка удивленно спросил: «Ехать в институт к ядерщикам и к лазерщикам? Слушать самодеятельность физиков?!» Я давай его разубеждать, что будет выступление знаменитого в Европе гостя-виолончелиста. И разубедил – поехали вместе, закупив цветы и даже торт для послеконцертного чаепития. Запомнилось, как изумленно взирали музыкант и ученые на гостя в клобуке и черном монашеском одеянии, который погрузился в слух с угадываемым профессиональным вниманием.

Понимаю, что в заключение надо найти некую наикраткую характеристику характеру Владыки. Нашлась такая: ***стержневой характер во многогранье.***

Раздумья о судьбе России

Однажды мне пришлось выслушать – и даже успеть записать – такое необычное высказывание Владыки о России:

– «Егоже Господь любит – наказует». Таково вразумительное речение из Библии. То есть Господь учит, вразумляет всяк сущего. И это я соотношу с нелегкой судьбой России. Глупых учить нечего. Но русский народ можно научить. Однако дело это весьма болезненное. Россия мне видится экспериментальным полем Господа – ей посему уготован болезненный путь научения... И не ропщите. Учиться надо.

* * *

Довелось мне узнать о таком вот современном молении и решил его воспроизвести в наставление сподвижникам и последователям Владыки Питирима:

– Господи, прости нас грешных. Прости нас в глухом беспамятстве растоптавших и предавших забвению святыни предков наших. Прости нас – озлобленных, жестоких, не помнящих родства. И да оживут церкви и храмы Твои, и да восстановится связь времен, и наполнятся светом и любовью души людей.

2003–2007

Валентин Осипов, лауреат Всероссийской Шолоховской премии,

член Высшего Творческого Совета Союза писателей России,
член Фонда «Наследие митрополита Питирима»

Беседы с Владыкой Питиримом

С таким человеком, как Владыка Питирим, нельзя просто встретиться – это, безусловно, дело провидения, судьбы, которая меня свела с Владыкой весной 1994 года.

Я как-то увидел Владыку Питирима по телевизору и подумал: «Вот иерарх Церкви, с которым бы я хотел встретиться и поговорить». Это было мое личное желание. Я ничего не предпринимал. Проходит определенное время, ко мне приходит преподаватель нашего факультета (я сам с экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова) и говорит: «Вы знаете, я вашу книгу (а у меня была написана книга «Опыт философии и хозяйства») передал Владыке Питириму. Владыка остался очень хорошего впечатления о книге и хотел бы с вами встретиться». Оказалось, что этот наш преподаватель в то время выполнял обязанности секретаря Владыки. Так возникла мысль об организации этой встречи, и она состоялась.

Мы встретились после службы в его храме, и разговор сразу пошел по существу. Вообще, Владыка был потрясающим собеседником – я даже не знаю, с кем бы я мог сравнить его в этом качестве. Собеседник для ученого человека очень важен, и кажется порой, что таковы все разговаривающие между собой, но на самом деле всё не так просто. Собеседовать – это большое искусство, и Владыка владел этим искусством. Он видел человека насквозь: он знал, с кем он говорит, он знал заранее, о чем пойдет речь, и беседа с ним доставляла огромное наслаждение. Ему не надо было пояснять, не надо снисходить до экономических, политических вопросов. Беседа идет по восходящей линии, и ощущение такое, что вот, только приступаешь к беседе, а уже всё, о чем должна идти речь, витает в воздухе, идет с опережением. Это удивительное ощущение...

Мы отмечали 70-летие Владыки, и он вдруг задает мне вопрос: «А как Вы относитесь к творчеству Сергея Николаевича Булгакова?» Я отвечаю: «Естественно, хорошо, поскольку

Сергей Николаевич является основателем философии хозяйства в России, он защитил диссертацию в 1912 году в Московском университете, причем не без труда, поскольку университет в то время был в основе своей марксистским, по крайней мере, среди экономистов. Ему с трудом удалось защитить диссертацию, в которой критикуется марксизм, а поскольку я занимаюсь философией хозяйства, то для меня С. Н. Булгаков является знаменательной личностью». «Вы ничего не собираетесь предпринять?» – спрашивает он у меня. «Давайте сделаем семинар, а Вы подумайте». Я прихожу домой, беру автобиографию С. Н. Булгакова (надо восстановить в памяти дату рождения), оказывается: 1996 год – год 125-летия со дня его рождения. Я, естественно, сообщаю об этом Владыке, говорю, что будем делать конференцию.

Во время подготовки конференции, которая давалась очень трудно, я узнаю, что, оказывается, Патриарх Алексий I, который стал Первосвященником в 1945 году, где-то в начале 1960-х говорил будущему Владыке Питириму: «Придет время, Костя, ты займешься восстановлением доброго имени С. Н. Булгакова». Он отвечает: «Помилуйте, Ваше Святейшество, на дворе-то гонения на Церковь (как раз был разгар хрущевского волюнтаризма), храмы разрушают, какой Булгаков?!».¹⁷ И вот пришло время, когда подвернулся я, знающий С. Н. Булгакова и его творчество, отдающий ему должное.

Вот так была задумана и проведена конференция. Нынешний Патриарх Алексий II, когда Владыка сказал ему о том, что в Московском университете будет проходить такая конференция, дал свое благословение. Но сейчас по отношению к Булгакову лед постепенно тает и со стороны Церкви (так, когда мы открывали памятник этому выдающемуся религиозному мыслителю на его родине в городе Ливны, там всё было вполне терпимо). На нашей конференции присутствовал большой друг Владыки Питирима протопресвитер Виталий, дипломат, профессор богословия. Выступая у нас на конференции, он обращается к аудитории и говорит: «Вы видите, что я дрожу, у меня руки дрожат, я волнуюсь. Я дрожу не потому, что я старый (а ему было 80 лет),

а потому, что я никогда не мог себе представить, что я буду стоять на трибуне в Московском университете и говорить о Сергее Николаевиче Булгакове».

В советское время труды С. Н. Булгакова лежали в спецхране, причем они лежали более «плотно», чем труды Бердяева, друга Булгакова, поскольку последний был мыслитель острый, проникающий в суть явлений, тем более, что он критиковал марксизм. Кстати, недавно мне предоставили возможность познакомиться с одной публикацией – это были различные наброски Юлиана Семенова, его неизданные вещи. Читаю на первых страницах, что, оказывается, И. В. Сталин был знаком с трудами Булгакова (с его «Философией хозяйства»). Булгаковские работы ему нравились больше, чем работы Бердяева, поскольку стиль Бердяева напоминал ему стиль Троцкого, которого он терпеть не мог.

Владыка – я говорю о нем, как о человеке, который соприкасался с нашим ученым миром, – постарался выполнить это завещание Патриарха, и кое-что в связи с этим удалось сделать. Я расскажу еще одну историю, связанную с Владыкой Питиримом и С. Н. Булгаковым.

В жизни ничего случайного нет: когда поживешь, то начинаешь это понимать не абстрактно, а как-то осознанно. На дворе 1998 год. Я собираюсь ехать в Париж и посетить там Православный богословский институт, профессором которого был Булгаков. Здесь он работал, читал лекции и в 1944 году скончался. Я обращаюсь к Владыке с просьбой связать меня с теми людьми, которые были в этих местах. А он мне вдруг говорит: «А Вы знаете, что С. Н. Булгакову поставлен крест в Польше? Стоит православный каменный крест в Польше, на горе Грабарке» (православная гора, на которой сейчас сохранился монастырь «Святая гора»). – «Нет, не знаю». – «Вот видите, кажется, его жена поставила». А Владыка Питирим был перед этим в Польше и побывал на горе Грабарке.

Я выехал в Париж и там встретился с внуком Петра Бернгардовича Струве, приятеля Булгакова. Когда я ему это всё рассказал, внук ответил, что жена поставить крест не могла, так как она рано скончалась и из Парижа не выезжала.

У С. Н. Булгакова была ученица-полька, которая была свидетелем его смерти. Отец Сергей перед смертью «просиял»: в течение 2–3 часов от него исходило некое сияние. Она была свидетельницей его смерти, и ее подпись стоит под актом, который подтверждает этот факт. Потом я еду уже в Варшаву, посещаю там своих знакомых дипломатов и вместе с корреспондентом «Комсомольской правды» мы едем на гору Грабарку. Мы там обнаруживаем крест, который действительно поставлен в честь Булгакова, но другого Булгакова – писателя М. А. Булгакова.

Я начинаю расспрашивать настоятельницу монастыря. Оказывается, что в этом монастыре монахиней была двоюродная сестра Михаила Афанасьевича, и в 1977 году она поставила крест с надписью: «Боже, прости меня!». Это предсмертные слова Михаила Булгакова. Мы возвращаемся всей компанией. Решили остановиться, помянуть наших предков. Здесь приходит нам в голову единственная и правильная мысль, что надо поставить еще один крест.

Сейчас на горе Грабарке стоят в 10 метрах друг от друга два креста: один – посвященный Михаилу Афанасьевичу Булгакову, а другой – Сергею Николаевичу Булгакову. Мы поставили крест С. Н. Булгакову от ученых Московского государственного университета, а благословение получили от Владыки Питирима, который тут же признался, что память его подвела (он был настолько настроен на Булгакова-богослова, что когда ему показали крест Булгакова-писателя, он подумал, что это С. Н. Булгаков)...

Владыка свое дело знал и продолжал за нами наблюдать и вести нас. Такое впечатление (а я с ним много общался), что ему было нелегко, особенно в последние годы: кто помнит Владыку и видел его в то время по телевизору и во время службы в Храме Христа Спасителя, когда он стоял рядом с Патриархом, мог понять, что это глубоко страдающий человек. У него были на это основания. Самые главные причины его переживаний – судьба России, судьба русского народа. Были у него и личные проблемы. Но он выстрадал эту память о себе.

Хорошо, что сегодня у нас есть возможность обратиться к этой замечательной личности, необыкновенному человеку и почтить его память.

Юрий Осипов, заслуженный деятель науки,
доктор экономических наук, профессор,
вице-президент Академии гуманитарных наук,
академик РАЕН

«... Я выиграл те матчи по благословению Владыки Питирима»

– Впервые Владыку Питирима я увидел где-то середине семидесятых. Мы с женой Надеждой Андреевной везли двух женщин креститься в деревню Спас Волоколамского района. Я крестный отец шести человек, и те женщины тоже стали моими крестными дочерьми. И вот тогда, в церкви села Спас, мы впервые увидели Владыку. Впечатление абсолютно незабываемое, он был очень красивый человек. Я никогда еще не видел такой высокой духовности, которая в его облике проявлялась...

– Как-то даже искрилась, – подхватывает супруга Смылова Надежда Андреевна.

– Да-да, – соглашается Василий Васильевич, – можно сказать, искры его высокой духовности улавливались всеми окружающими.

А потом я часто бывал у него. В Новодевичьем монастыре у него была небольшая комнатка. И во время этих бесед я узнал его поближе. Широта интересов его была необычайна. Я узнал в том числе, что он интересуется шахматами и уже долгое время следит за моим творчеством, моей игрой. Кстати, примерно в тот период пришла добрая весть: Церковь перестала считать шахматы азартной игрой, напротив, признала существующий в них творческий момент важным для формирования личности. Это было хорошей новостью – узнать, что я не зря провел жизнь, борясь за шахматной доской.

Мы очень сдружились, Владыка был на пять лет меня моложе, и я долгое время думал: вот кто меня отпоет и похоронит – так, как он в 1994 году отпел нашего общего хорошего друга и своего прихожанина Ивана Семеновича Козловского (Царствие ему Небесное!). Не сказать, что особенно часто я о своей кончине думал, наверно столько, сколько и положено христианину, но всегда думал, что отпоет меня мой друг Владыка Питирим. И вот ведь как все вышло! В 2003 году пришлось мне присутствовать на его отпевании.

Мы с Козловским очень любили бывать в церкви в Брюсовом переулке, где Владыка служил. Голос у него был негромкий, но очень приятный. Владыка особенно любил икону Божией Матери «Нечаянная радость», главную святыню и достопримечательность этой церкви.

В пении он тоже прекрасно разбирался, я мог говорить с ним абсолютно обо всем. Например, Владыка хорошо понимал важность манеры дыхания для оперного певца. И, могу вас уверить, покойный Иван Козловский сейчас бы полностью присоединился к моим словам. В сфере музыки, пения Владыка Питирим был очень компетентным человеком, почти профессионалом. И проявлялось это не только в наших «тройственных беседах» (Владыка, Козловский и я), но и в том, какой прекрасный хор он организовал в Издательском отделе. Насколько я знаю, это был первый хор, который пел не только в храмах, но и на светских мероприятиях.

Я сам всерьез занялся вокалом в 1948 году, когда стал вторым шахматистом мира. И спустя три года я принял участие в отборочном конкурсе в Большой театр, но прошел лишь первый тур. Однако петь не бросил, часто выступал на телевидении, радио. Самое яркое впечатление – выступление в Большом зале Московской консерватории и на Евровидении, где я исполнял арию из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы».

Владыка был на моем 80-лети. Отмечалось оно в Большом зале консерватории, я пел с хором Попова. И исполнил в числе прочих одну мою очень любимую песню духовного содержания на стихи Некрасова – «Было двенадцать разбойников». Да, это та самая песня, что тоже очень нравилась Владыке. Поется в ней о Кудеяре-разбойнике, который раскаялся, «стал Богу и людям служить» и в Соловках стал иноком честным – Питиримом. И Владыка с необыкновенным юмором рассказывал обо всех происшествиях и многочисленных шуточках, которые в его жизни были связаны с этим Кудеяром-Питиримом. Еще когда он преподавал в Академии и, бывало, выставлял неудовлетворительные оценки, на доске, рядом с его именем, подписывали: «Кудеяр».

Когда мне предстояла тяжелая для моих лет хирургическая операция (это было уже позже, после моего 80-летия), Владыка помолился за меня, и операция прошла успешно.

И еще пару случаев я часто вспоминаю. Из Цюриха в Женеву я хотел лететь самолетом, но билет достали на поезд. Пришлось ехать поездом. И вдруг объявляют: впервые в истории произошла авиакатастрофа рейса Цюрих – Женева. А в 1990 году я участвовал в шахматном турнире на Филиппинах. Турнир должен был проходить в Багио, но его перенесли в Манилу. Я еще очень огорчился, потому что в курортном Багио было значительно прохладнее, чем в Маниле, где стояла страшная жара, поэтому играть было гораздо труднее. И вот финиш турнира. Я встаю и чувствую, как у меня под ногами начинает ходить пол. Землетрясение. Длилось минут 6–7. В Маниле разрушений не было, а Багио оказался в эпицентре. В том отеле, куда меня собирались поселить, рухнул фронтон и 62 человека погибли. Я вообще понятию «фатализм» предпочитаю более тонкое понятие – «предопределение». Например, я абсолютно уверен, что столь одаренный Богом человек, как Владыка, мог достичь успеха во многих сферах деятельности, но Предопределение ему было совершить именно такой подвиг служения Богу и людям, какой он в итоге и совершил.

Когда после стольких лет полного запустения его заботам был вверен Иосифо-Волоцкий монастырь, Владыка показал себя очень рачительным управляющим, талантливым организатором. В наших разговорах той поры он постоянно упоминал о всех своих хозяйственных начинаниях, придумках. В 1983 году у меня был своеобразный шахматный ренессанс. Мне уже 62 года было, когда Владыка Питирим благословил меня на серию сложных матчей с ведущими шахматистами. Я выиграл матчи у венгра Золтана Рибли и у немца Роберта Хюбнера. И могу сказать, что сегодня самое важное и трогательное для меня то, что я выиграл те матчи по благословению Владыки Питирима.

Василий Смыслов,

седьмой чемпион мира по шахматам

Святая память

В моем рабочем кабинете на стене висит дорогая для всех нас фотография: митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим на сцене Малого театра, а за его спиной вся театральная труппа. Этот коллективный портрет был сделан в памятный день 18 марта 1991 года. Владыка совершил церковный обряд освящения нашего театра. Тогда впервые за последние два года, пока театр реставрировался, собралась вся труппа в полном составе. Е. Гоголева, Н. Анненков, Э. Быстрицкая, В. Коршунов... – каждое имя – гордость русского театра, русского искусства. Церемония была настолько волнующая, настолько трогательная, что у многих на глаза наворачивались слезы.

А предшествовало этому знаменательному событию вот что: здание театра разваливалось на глазах, ведь оно практически не ремонтировалось с 1943 года, с того момента, как в зрительный зал попала бомба. Тогда и были проведены ремонтные работы. Капитально же здание не ремонтировалось с момента постройки. А ведь автором его проекта, как и всей Театральной площади вместе с Большим театром, был О. И. Бове, главный архитектор комиссии по восстановлению Москвы после пожара 1812 года. Таким образом, наше здание имеет историческую и художественную ценность, тем более, что оно сохранено в первоначальном виде, ведь в нем ничего не переделывали. Ситуация складывалась тревожная, если не сказать трагическая.

Рядом с нами немецкая фирма «Бауер» проводила работы по реконструкции гостиницы «Метрополь». Мы обратились к ним за помощью. Применяв малую технику, строители укрепили фундамент, закачав туда цемент, произвели стяжку здания.

Вот тогда мы и обратились к Владыке Питириму с просьбой освятить наш театр.

Позже, во время модернизации ЦУМа, зданию театра опять был нанесен огромный ущерб, но, к сожалению, никто не принял

этот факт во внимание. Куда бы мы ни обращались, нас везде слушали, но не слышали.

А еще до всех этих событий, в 1986 или 1987 году, не помню уже, по какому поводу, Владыка Питирим был приглашен на встречу в наш театр. Довольно вместительный конференц-зал был заполнен битком, собрался весь коллектив: и коммунисты, и беспартийные, артисты, творческие работники, технический персонал. Люди не умещались в зале, толпились в распахнутых дверях, теснились в фойе. Когда Владыка закончил свое очень теплое, сердечное выступление и простер руку, благословляя присутствующих, то все стоящие в фойе стали протискиваться в двери или старались хотя бы просунуть голову, чтобы получить его благословение.

Мы были тогда не очень грамотные в области религии и задавали много самых разных вопросов. Помню, как Руфина Нифонтова, к сожалению, сегодня уже скончавшаяся, все спрашивала: «Объясните, Владыка, вот есть «белый» монах и есть «черный», а в чем разница?» И Владыка Питирим терпеливо и доходчиво объяснял.

С тех пор у нас завязалась настоящая дружба. Мы ездили к Владыке в Волоколамск, выступали там, были в доме, где он останавливался, когда приезжал в эти места. А потом, наверное, в 1992 году мы с женой были приглашены к Владыке Питириму в гости. В доме была и его сестра. Мы вместе ужинали, долго душевно беседовали. Я рассказал Владыке о моих попытках прочитать Библию. В 1986–1988 годах мы бывали на гастролях в Ленинграде, и там жена купила двухтомник Библии, прекрасно изданной в Швеции, на старославянском языке. После спектакля сразу же поспешили начать чтение, даже немного поспорили, решая, кто первый начнет. Конечно, я уступил: жена открыла первый том, я – второй. Минут через двадцать говорю ей: «Ты что-нибудь понимаешь?» В ответ слышу: «Нет». Поменялись томами. Разбирали старославянское письмо еще минут сорок. Результат тот же: ничего не понятно. Да и как понять, если с детства были к этому не приучены.

Рассказывая обо всем Владыке, признался, что стыдно мне так мало знать об истории нашей веры. Тогда он подвел меня к книжной полке и достал книгу «Библия для детей», а потом сказал: «Я твоей внучке подарю, – и, подписав, передал мне со словами, – ты читай ее, если дети понимают, – и ты поймешь».

Внучка уже выросла, она хорошо разбирается в вопросах вероисповедания, а книга хранится у меня. Память эта останется навсегда.

Еще не раз приходил Владыка к нам в театр. Благодаря дружбе с ним, у нас установилась связь и с Патриархией. Наши молодые артисты принимают участие в церковных торжествах, в том числе в Храме Христа Спасителя; для проведения религиозных праздников мы предоставляем декорации. Ежегодно 7 января в театре проводятся Патриаршие «Елки», как на основной сцене, так и в филиале на улице Ордынка.

Память о Владыке Питириме мы храним свято. Проявляется это и в нашей позиции по сохранению и отстаиванию традиций русского театра. В этом смысле наш театр традиционный. Это не означает, что он старинный. Естественно, что все жизненные изменения оказывают влияние и на состояние театра. Но мы трепетно сохраняем все лучшее, что было в русском театральном искусстве, развивая и укрепляя традиции.

То, что происходит сейчас в искусстве, уже имело место в 20-е годы прошлого века. Но тогда это был эксперимент, в котором участвовали талантливейшие люди, и осуществлялся он на фоне глобальных общественных потрясений. Теперь же происходит повторение попыток столетней давности, причем не на очень высоком уровне. А то, что вторично, – то вторично и ничего нового в этом нет. А вот сохранить «хорошее» старое, все то, что было лучшего в русском театре, сегодня очень трудно. Труднее, чем сотворить что-нибудь необычное. Как часто сейчас в новаторских поисках экспериментаторы забывают о нравственной стороне дела, забывают о душе.

Перед Новым годом ставил я в театре спектакль «Коварство и любовь» Шиллера. В процессе работы как-то не подумал, кому будет он адресован, кто придет в зрительный

зал... Спектакль традиционный, без картин насилия, жестокости, на сцене никто не раздевается... В диалогах звучат слова о любви, верности... На премьере я зашел в зрительный зал и ужаснулся: 70 % зрителей – молодежь. В смятении ушел за кулисы и по радиотрансляции слушал гробовую тишину, которая стояла в зале. Не было никакой реакции: ни положительной, ни отрицательной. Спрашиваю у артистов, выходящих со сцены: «Ну, как?» Они отвечают: «Мы что-то не поймем: есть зритель в зале, или нет». Свет рампы ослепляет, и артист на сцене не видит публику, разве если приглядится, сможет различить первый ряд. Ближе к финалу я все же решился зайти в зал, и то, что я увидел там, поразило меня: люди сидели, подавшись вперед, и напряженно слушали слова, которые были ими уже почти забыты, а некоторые их, может быть, и не слышали вообще.

Там ведь в спектакле сын говорит отцу-президенту, который пытается разрушить его любовь, что если отец не оставит своих подлых попыток, то он расскажет всем, как становятся президентами. Конечно, можно было поставить спектакль, сделав центром эту фразу. Но тогда это был бы другой спектакль. А нам важна была не сама эта фраза, а то действие, которое совершил молодой человек во имя любви и чести.

Когда представление закончилось, был гром аплодисментов. Овации не смолкали долго. Тогда я подумал, что был не прав в своих оценках молодежи.

Каждые четыре года я набираю новый курс студентов в театральное училище. Конечно, молодые люди становятся информированнее, рациональнее, но я вижу, что постепенно исчезает у них человечность, способность к сопереживанию, искреннее сострадание; пройдет 5–10 лет – кто сможет играть Ромео и Джульетту, Луизу и Фердинанда, ведь здесь сыграть без сердечности нельзя. Вообще, профессия артиста предполагает в основе неподдельную искренность, душевность, глубину чувств.

Не так давно слышал от знакомого врача, преподающего студентам: «Знаешь, через пять лет не у кого лечиться будет». Вот ведь проблема. Развивается техника, разрабатываются

новые технологии, но без души, без сердца прогресс может принести человечеству большой вред. Вот и возникают катастрофы, конфликты мирового масштаба, бомбардировки, захваты... Под убиение подставляются тысячи людей. От этого всегда предостерегал Владыка Питирим, когда говорил, что в основе всех поступков людей должна быть нравственность. Необходимо воспитывать молодежь, особенно восприимчивую к переменам и ставшую очень агрессивной, прививая ей качества, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести, объясняя нормы поведения человека в обществе и природе.

Такая задача должна стоять и перед искусством, в связи с чем искусство не может подчиняться законам рынка. Там, где оно входит в рыночную экономику, там оно превращается в коммерцию и перестает быть искусством. В жизни все взаимосвязано, взаимообусловлено. Разрушая что-то, мы разрываем звено единой цепи устройства мира и жизни людей. Поэтому и вопрос о театральной реформе – очень болезненный для нас вопрос. Как он будет решен? Будет ли уничтожено национальное достояние – русский театр, то, что традиционно было гордостью страны, то, что мы пытаемся отстоять?!

Нельзя забывать слова Владыки Питирима о необходимости возрождения духовности русской нации, о пробуждении гордости за нашу богатейшую историю, литературу, искусство, за наших выдающихся людей. И память наша о Владыке должна быть действенной, такой, какой была и его любовь к нам.

Юрий Соломин, народный артист СССР,
художественный руководитель
Государственного академического Малого театра

Храм последнего года жизни Владыки

... В последний раз судьба свела меня с митрополитом Питиримом летом 2003 года в период строительства храма Старорусской иконы Божией Матери на территории Московского института погранвойск, возглавляемым в то время генерал-лейтенантом Виктором Павловичем Егоровым. Владыка читал лекции в этом институте и, помимо других дел, живо интересовался и ходом строительства храма-часовни, попечителем которого он являлся с первых дней его проектирования.

Нездоровье Владыки уже сказывалось в замедленности движений и некоторой сутулости, только глаза на похудевшем лице оставались ясными и грустными...

В совместных поисках наиболее выразительных форм будущего храма были прорисованы варианты различных стилистических направлений, пока по благословлению митрополита не остановились на лаконичных, классических формах силуэта и внешнего декора стен, со стремительным шатром, увенчанным мощной главкой... «Воинский Храм должен быть только шатровым», – настаивал Владыка...

А впервые наша встреча произошла в смутные времена начала 1990-х. Сотрудник Издательского отдела Московской Патриархии, я работал столяром-плотником в Иосифо-Волочком монастыре... Будучи в духовных поисках, я принял решение креститься. Благодарен Владыке. Возможно наше общение, пусть нечастое, от случая к случаю, и предопределило мою дальнейшую профессиональную стезю: архитектура и строительство в области русского деревянного зодчества. За прошедшее время удалось возвести много строений, в том числе и семь храмов. Шесть из них деревянные, а единственный каменный, о создании которого я здесь кратко рассказал, всегда для меня будет неразрывно связан с именем митрополита Питирима.

Сергей Фомин, архитектор¹⁸

Владыка Питирим и сохранение национального достояния России

Воссоздание православных святынь Московского Кремля шло параллельно с творческим процессом познания православной истории нашего Отечества. Возвращение к жизни уникальных древних рукописей, осмысление церковных и философских трудов XVII-XIX веков стало возможным благодаря огромной работе, проводимой Издательским отделом Московского Патриархата. Эти труды стали настольными книгами не только священнослужителей, но и историков, музейных специалистов, архитекторов, реставраторов. При воссоздании православных памятников были необходимы не только высочайшее мастерство специалистов, талант реставраторов, но и современное прочтение и осмысление сюжетов древнерусской живописи, канонического размещения икон в иконостасах восстанавливаемых храмов.

Музейные специалисты были счастливыми людьми. Их забота о сохранении национального достояния дала возможность общения с самыми просвещенными специалистами своего времени. Это были служители Церкви, ученые, архитекторы, историки, искусствоведы. Среди них особое место занимал Владыка Питирим. Его глубокие знания истории русского православия, высокий профессионализм историка, исследователя, ученого и вместе с тем удивительная доброжелательность, уважительное отношение к людям покоряли и делали каждую встречу с ним незабываемой и плодотворной.

Хотелось бы поделиться и своими личными впечатлениями. Так как я родилась и воспитывалась в семье военного, то меня всегда поражало особое отношение Владыки к проблемам Российской армии, забота о судьбе ее солдат и офицеров. Удивительное благородство, доброжелательность, тревога за падение престижа армии, забота о сохранении и восстановлении ее лучших традиций – всё это волновало Владыку Питирима. Он с неизменным терпением и

настойчивостью стремился донести свою озабоченность о судьбе Российской армии до самых высших эшелонов власти.

Еще хотелось бы сказать о редкой отзывчивости и готовности всегда придти на помощь в трудный момент. В тяжелое для меня время я обратилась к Владыке Питириму с просьбой быть моим духовным отцом и приняла таинство Крещения. Память об этом важном событии в моей жизни я сохраню навсегда. Владыка Питирим оставил нам огромное наследие – это его замечательные научные труды, его подвижническое служение Русской Православной Церкви и русскому народу. Нам, его современникам, надо подумать о сохранении памяти и осмыслении наследия этого верного сына своего Отечества.

Ирина Родимцева,

вице-президент Исполнительного комитета
объединения музеев, член-корреспондент
Российской Академии художеств

Ушел, но остался... (из воспоминаний о митрополите Питириме)

Митрополит Питирим... Сколь многим из нас дорого, памятно, небезразлично это имя. Как много людей могут с благодарностью сказать о нем: «Воцерковил, поддержал, вдохновил, благословил...» Я – один из этих людей. Факту длительного общения с ним я обязан, прежде всего, некоторой схожести наших судеб. Оба мы учились, хотя и в разные годы, в Московском институте инженеров транспорта (МИИТе), который будущий митрополит оставил, отучившись три года, чтобы получить высшее духовное образование в Московской Духовной академии, что в Троице-Сергиевой Лавре.

Наша альма матер была известна в социалистические времена некоей видимостью свободы мнений, что иногда позволялась студентам во времена министров МПС: Кагановича, Ковалева, Бещева. Министры, каждый по-своему, любили наш (точнее, свой) МИИТ, и громких скандалов на политической и религиозной почве у нас в институте не было. Тем не менее студенты, склонные к литературному творчеству, распространяли свои «самиздатовские» былины о наших героических однокашниках, выбравших себе неординарные и отнюдь не железнодорожные пути в жизни. В числе героев этих былин был и студент Костя Нечаев. В мои годы никто уже толком не помнил, что совершил он, чем прославился, но победы его духа над плотью наиболее известных институтских фискалов и скалозубов дошли в вольном изложении и до нас, выпускников начала семидесятых. Когда я впоследствии пересказывал содержание этих былин митрополиту, он смеялся до слез, вспоминая нашего вечного полковника Белоконого с военной кафедры, по прозвищу «Белая Лошадь», непримиримого борца с нашими бородами, который и студента Нечаева в свое время пытался остричь и побрить под угрозой неминуемого отчисления из института. Узнал он в эпосе и двух своих сокурсников-«стукачей», которые в мое время в качестве кураторов являлись уже профессиональными «душителями и

гонителями», за что и были презираемы и ненавидимы всей студенческой братией.

По тем временам, я достаточно рано пришел в Церковь, мне было лет 17–18. Сделав свой выбор, я регулярно посещал службы в Богоявленском соборе в Елохове, и, год за годом, буквально пробивался на Пасхальную Патриаршую службу, на которую выпрашивал пригласительный у старосты храма добрейшего Николая Семеновича Капчука... В результате, благодаря слаженным действиям «компетентных» и общественных органов, в моем «досье» (личном деле) появилась пометка (прямым текстом или условным значком – неважно): «посещает церковь».

Не буду сейчас рассказывать, какие последствия имела эта пометка в моей личной жизни, и сколь быстро превратился я из «подающего большие надежды» молодого ученого, внука советского генерала, в «закоренелого отщепенца общества» (и это были отнюдь не самые крепкие слова, которыми «клеймили» меня в те годы). Речь не обо мне, просто я хочу, чтобы читатель представил себе на моем примере еще более тяжелые обстоятельства, при которых привелось состояться будущему митрополиту Питириму, а с ним я начал общаться именно в те, жестокие для нас, годы. Это были целебные для моей души общения. То в Елоховском храме, то в Троице-Сергиевой Лавре, куда я зачастил, изучая древнерусскую живопись, нельзя было не обратить внимания на иконописной красоты человека в простом монашеском облачении, который, углубившись в себя, молча разговаривал с иконами. Будь то храм или музей в Лавре – он мог стоять перед заговорившей с ним иконой столько времени, сколько я вообще находился в этом храме или музее. Я раз за разом не решался остановиться рядом – послушать (не дай Бог, подслушать!) этот удивительный разговор иконы и человека, с которым я совсем недавно стал робко здороваться. Но всё же однажды я решился. Собрав воедино все свои тогдашние познания в иконописи, я остановился рядом и одним махом выпалил ему все свои предположения о возрасте, месте написания и проблемах реставрации, как я сказал тогда, «данного

иконописного памятника». Ответом было молчание. Я, родив еще несколько глубокомысленных фраз, что называется, стушевался, но тут, неожиданно для самого себя, вслух произнес слова великого знатока и философа русской иконы – князя Евгения Трубецкого о том, что икона заговорит не с каждым, и такую честь надо заслужить... И вдруг монах (вскоре, на праздничной службе в Елохове, я узнал, что он уже тогда был архиереем) обернулся ко мне и долго-долго увлеченно рассказывал об этой иконе. Так началось наше знакомство. И в последнюю нашу встречу – это было незадолго до смерти Владыки – мы тоже говорили об иконах. Но между этими двумя беседами прошло более тридцати пяти лет нашего изучения Иконы – этого величайшего творения духа русского человека, за весь XX век самого значительного мирового открытия в области искусств. И такой разговор между нами не может быть закончен, для меня он продолжается до сих пор...

Хочу со всей ответственностью сказать, что митрополит Питирим был одним из лучших, глубочайших специалистов по древнерусскому искусству, хотя никогда этого не афишировал. Он составил в течение полувека и оставил Церкви выдающееся собрание древних икон, основная часть которого находилась на Погодинской улице в Издательском отделе Московской Патриархии, когда он этот отдел возглавлял. Многолетний подвижнический труд митрополита достоин того, чтобы его собрание, как единое целое, вновь предстало перед глазами почитателей и знатоков древнерусской живописи. Хотелось бы также снова увидеть и его удивительную нотную библиотеку церковного пения, и государственного значения коллекцию рисунков, икон и письменных источников на бересте, начиная с IX века.

Наверное, не было в московских краях ни одной значительной выставки современной иконописи, не говоря уже об экспозициях старонаписанных икон, чтобы митрополит не открывал ее или не присутствовал там в качестве всегда и всем нужного доброжелательного советчика, консультанта, эксперта и т. д. В скольких храмах и монастырях он побывал по всей России и за ее рубежами, чтобы помочь дельным советом,

своими энциклопедическими знаниями, своим огромным опытом, т. е. в конечном счете соработничеством при возрождении православных святынь, их иконописного убранства, самого церковного духа – никакому учету, кроме Небесного, не поддается! А его частные, абсолютно бескорыстные консультации! А его просветительская книгоиздательская деятельность в области церковного искусствоведения! – Всюду восклицательные знаки, и никаких других знаков препинания поставить здесь я не могу! Помню, как в октябре 1999 года он в крайне тяжелый для него период жизни, будучи больным, приехал на открытие устроенной мной выставки иконописи в библиотеку им. Боголюбова. Ведь даже говорил он тогда с трудом, но всё же произнес теплое, не дежурное приветственное слово...

Всё вышесказанное означает, что митрополит являлся не только глубочайшим теоретиком иконы, но и признанным ее знатоком и собирателем. Вообще, если святого благоверного князя Даниила Московского мы называем «собирателем земель Русских», то, нисколько не претендуя на сравнение масштабов личностей, Владыку Питирима можно смело назвать «собирателем Русской церковной старины». Но собирателем с менее счастливой судьбой...

Митрополит Питирим и российская словесность... Не припомню ни одной нашей встречи с Владыкой, где бы не заходил разговор о поэзии, о литературе вообще, об отечественной книге в частности. Он был редчайшим в наше суетное время знатоком литературы, книжником, известным и желанным покупателем во всех букинистических лавках Москвы (любимая улица – Кузнецкий мост), немало знакомый букинистам многих других городов и стран. «Сначала в храм, потом к букинистам», – говорил он встречавшим его на вокзале знакомым.

Владыка рассказывал мне, как в голодное послевоенное время он обменял однажды у букиниста свои только что полученные продовольственные карточки на редкую книгу о последних временах Римской Империи и, прочитав в ней через две недели описание пира у известного римского гурмана

Лукулла, упал в голодный обморок. Очнувшись, он записал в своей памятной тетради: надо смирять плоть ежедневным чтением книги «О вкусной и здоровой пище». Но такое деланье оказалось не под силу ни ему, ни даже самым аскетичным из его товарищей-семинаристов.

Митрополит обладал редким даром – он умел доброй улыбкой, шуткой инициировать в собеседнике желание поговорить о самых серьезных, жизненно важных для последнего вещах. Например, в 2002 году я подарил ему недавно вышедшую книгу моих стихов «Вера... Любовь». Владыка обещал ее внимательно прочитать и при следующей встрече сказал мне, что стихи ему настолько нравятся, что книгу он положил на стул рядом со своей кроватью и каждый вечер перед сном читает из нее два-три стихотворения... Он ожидал моей реакции, и мне кажется, что я его не разочаровал: «Владыка, – ответил я, – Вы принимаете мои стихи, как снотворное?..» Мы посмеялись и, поскольку он отрицал факт убаюкивающего воздействия на него моих стихов, я, заметив лучики в его глазах, заявил, что сегодня же перед сном проверю искренность его слов, прочитав свои стихи самому себе. (Надо сказать, что я действительно целую неделю поступал именно таким образом, впад в полную бессонницу...)

Вскоре после нашего разговора митрополит Питирим представил мою книгу на знаменитой книжной ярмарке в Лейпциге, чем и расставил, к моей радости, точки над «i» в ее оценке, дал мне стимул и напутствие для дальнейшей работы.

Я вспоминаю, что в 1991 году, когда я готовился провести на Большой спортивной арене стадиона «Лужники» Первую Международную благотворительную акцию «Храм Христа Спасителя», мне очень важно было получить благословение Владыки в качестве одного из самых уважаемых иерархов Русской Православной Церкви. И я официально, что называется «не по блату», записался к нему на прием в Издательском отделе, объяснив секретарше цель своего визита. Когда я вошел в кабинет Владыки, настроившись на серьезный разговор, в костюме и при галстукe, он столь же серьезно выслушал меня, сказав: «Ну, раз Святейший благословил, мне остается только

подчиниться». Он уже взял ручку, чтобы подписать мое прошение, но вдруг поднялся из-за своего широкого стола, перешел к небольшому письменному столу слева от двери и, посмотрев на мою тогдашнюю шевелюру, спросил: «Слушай, а что это ты сегодня такой волосатый?» Сразу же исчезло напряжение и я, как всегда при наших встречах, с удовольствием отшутился. Посмотрев на его волосы, еще более густые и длинные, чем у меня, я сказал: «Владыка, так и Вы – не безволосы. Вы, наверно, долго ждали моего визита. Я в этом смысле – всего лишь эпигон... Подражая Вам и готовясь к нашей встрече, я тоже растил волосы для лучшего взаимопонимания между нами». После этой успокоительной для нервов процедуры, митрополит почти два часа расспрашивал меня о проблемах проведения столь крупномасштабной акции по воссозданию Храма Христа Спасителя. Я рассказывал о том, насколько неадекватно реагировало в то голодное время наше общество на строительство новых храмов, а тем более такого дорогостоящего, как главный Храм России.

О многом расспрашивал меня в тот день Владыка. И я понял, сколь глубоко разбирается митрополит во всех «технических деталях и дипломатических тонкостях», связанных со строительством Храма... В конце встречи митрополит встал, молча пожал мне руку, подошел к столу и, взяв первую попавшуюся на глаза открытку, написал мне слова своего благословения: «Бог да благословит жертвователей на храм, а собирателей да умудрит употребить пожертвования во благо».

Еще он сказал тогда, чтобы я держал его в курсе дел на всех этапах проведения акции, и что он готов нас духовно кормить. И в дальнейшем он это обещание выполнил. 23–25 августа 1991 года, через день после провала печально известного путча, на Большой спортивной арене стадиона «Лужники» была проведена самая крупная в истории России духовная акция. Она положила начало не только воссозданию самого Храма Христа Спасителя, но и во многом способствовала тем кардинальным переменам в общественном сознании, что преобразили лицо еще недавно атеистической России.

Нужно сказать, что за время почти тридцатипятилетнего знакомства с Владыкой я не раз удивлялся тому, какое огромное количество людей он пропускает сквозь свою жизнь. Сколько просителей, знакомых, коллег жаждали его участия в их планах, проектах, жизненных ситуациях!.. Его личное присутствие в каком-либо деле, благословение или просто благожелательное отношение каждый раз были «знаком качества», весомой для окружающих «гарантией успеха» тому или иному начинанию, процессу, мероприятию... Будь то благотворительная организация или церковный хор, общественное собрание или редакционный совет издательства – польза от присутствия там Владыки не вызывала сомнения.

Благодарно вспоминаю Владыку, в трудные годы издававшего «Журнал Московской Патриархии», который являлся тогда единственным в России церковным журналом и был для нас «светом в окошке», надеждой на лучшее будущее. Сотни книг и журналов, изданных и отредактированных митрополитом – целая библиотека... Если кто-нибудь когда-нибудь соберет их воедино, то вместе с его записками, черновиками, письмами получится крупнейший библиотечный исторический фонд, где даже одни только источниковеды смогут написать множество рефератов, статей и диссертаций.

Как хочется присутствовать на открытии такой библиотеки. А личная библиотека Владыки?! Книги с его пометками, сносками, замечаниями. Какая судьба ждет эти воистину драгоценные книги? Будем надеяться на лучшее, ведь буквально до последних дней своей жизни Владыка сохранял свою приверженность к достойной книге. Помню, как за семь месяцев до его смерти, весной 2003 года, мы встретились на общем собрании Российской Академии естественных наук в МГУ. В перерыве оба, конечно же, оказались у столов с разложенными на них для продажи книгами. Мне посчастливилось купить последнюю оставшуюся редкую книгу по истории христианских церквей. Эта книга в моих руках не осталась незамеченной Владыкой. «Где ты ее купил?» – спросил он, извлекая из кармана подрясника кошелек. «Да она там была послед...» – недоговорил фразу я и тут же подарил

эту книгу Владыке. Надо было видеть его счастливую улыбку. Этой улыбкой счастлив и я. Этой по-детски трогательной его улыбкой...

А за несколько месяцев до этого он сделал мне куда более дорогой подарок. Мы встретились в его кабинете в Глазовском переулке, дом 5, где он последние годы, почти в домашних условиях, принимал желавших его видеть, а их год от года становилось всё меньше. Разговор зашел об истории моей семьи и, в частности, о моем прадеде Викторе Горбунове, который был хотя и внебрачным, но признанным сыном Николая Ивановича Тютчева, старшего брата великого поэта. Я рассказывал, как в 1942 году в Сталинграде прямым попаданием авиабомбы был уничтожен и он сам, и дом, где он жил, и всё, что находилось вокруг. «Это какой Горбунов? Не книжник ли?» – вдруг спросил Владыка, до этого слушавший меня, по своему обыкновению, с закрытыми глазами. Я на несколько мгновений онемел, связывая в уме цепь событий. «Да, да! Он был книжником-букинистом, в его доме была букинистическая лавка. Он, по рассказам моей бабушки, был известным знатоком старой книги, многолетним ее собирателем. Если бы не война, после него осталось бы много редчайших книг, несколько из них были первопечатными ...». Я перечислил названия этих книг – у бабушки была прекрасная память. Одно только многотомное первоиздание «Житий святых» Димитрия Ростовского приводило в трепет. А рукописная копия «Повести временных лет» Нестора Летописца с гравюрами неизвестного русского художника средних веков. А переплетенные в книгу страницы авторских дополнений к «Домострою» опального монаха Сильвестра?! В этот момент Владыка открыл глаза: «Так вот, когда я еще ходил по букинистам, я видел на некоторых книгах экслибрис твоего прадеда. Помню, это были далеко не рядовые книги, это были книги на ценителя... поищи их, может быть, тебе повезет. Дай объявление в газетах. А вдруг...» – сказал Владыка и снова ушел в себя. Я не знал тогда, что он смертельно болен, ведь он выдавал свою болезнь за возрастное недомогание. Я не догадывался, через какую боль он слушает меня, не понимал, как дорога ему сейчас

буквально каждая минута жизни, и отнял у него еще минут тридцать-сорок. Воистину, *дорогой* подарок сделал он мне в тот день...

Немногие знают, но Владыка и сам был поэтом, причем весьма незаурядным. Лет тридцать тому назад мы с ним придумали такую игру: он читал мне наизусть стихи поэтов, как известные, так и забытые, а я по стилю должен был определить, кто их написал. Наибольшие трудности с определением авторства вызывали у меня стихи, о которых он, видя мое замешательство, говорил: «Это написал поэт Константин Нечаев столько-то лет тому назад». В итоге, какие бы стихи он ни прочитал, хотя бы даже «Мой дядя самых честных правил...», я говорил, что их написал Константин Нечаев. А какое бы свое стихотворение ни прочитал, в свою очередь, я, он утверждал, что его написал А. С. Пушкин. Но шутка у нас всегда была поводом к серьезному разговору.

Владыка печально размышлял о том, что тот непомерный груз общественных забот, который он добровольно взвалил на себя, особенно в конце 80-х – начале 90-х годов, почти не оставляет ему времени для занятий творчеством. «Как ты думаешь, возможно ли весь день заниматься, скажем, проектом по реконструкции улицы Герцена, встречаться с бесконечным количеством чиновников, бизнесменов и т. д., а вечером писать стихи о высоком призвании человека? Или с девяти утра до восьми вечера переезжать с одного совещания на другое, а потом с головной болью садиться за мемуары?» «А зачем Вам нужны все эти немыслимые тяготы?» – спрашивал я. «Меня уговорили...» – с горечью отвечал Владыка...

В результате нескончаемые общественные дела и неизбежно связанные с ними хронические стрессы привели митрополита Питирима в последние годы жизни к осознанию необходимости его личного покаяния.

Когда говорят, что вся Россия совокупно должна покаяться в своих прошлых, да и нынешних грехах, мне становится не по себе... Что это – очередной фарс, который, как известно, приходит на смену трагедии? Кому и в каких целях нужна эта затянувшаяся *невозможность*?! Истинное покаяние бывает

только личным, сугубо индивидуальным. Когда каждый из нас отойдет ко Господу и настанет время отвечать за свои грехи, мы предстанем перед Ним не всем Государством в целом, не в составе какой-либо политической партии, попечительского или общественного совета, а в исполненном отчаянья для грешных и надежды для праведных одиночестве. Мы не раз обсуждали эту тему с Владыкой, размышляя о глубине иконописного сюжета «Страшный суд»... Ведь на этой иконе, если только она написана в своем изначальном духовном замысле и хорошим иконописцем, нет ни одной повторяющейся во всех деталях позы, как отверженных Богом, так и спасенных. Вот она – индивидуальность человеческого греха или праведности...

Ненастный, простуженный вечер февраля 1999 года. С неба падают снег с дождем, на улице ветер, лужи. Приемная настоятеля Высоко-Петровского монастыря о. Иоанна. Я засиделся у него, так как ехать в такую непогоду по городу было выше моих сил. Вдруг оживает дверной звонок – кто-то пришел. Охранник спускается на первый этаж к дверям выяснить, кто этот поздний гость. Через минуту страж возвращается и сообщает о. Иоанну, что его желает видеть «какой-то монах, весь промокший, назвавшийся митрополитом Питиримом». Настоятель в полном недоумении, взволнованный неожиданным визитом, поспешил вниз и открыл дверь. У входа действительно стоял митрополит Питирим. Вода стекала с его скуфьи и рясы, на нем не было ни одной сухой нитки. «Владыка, что с Вами?! Что случилось?!» – спрашивал о. Иоанн, помогая митрополиту подняться в приемную. «Я – в покаянии, – был ответ. – Обхожу потихоньку пеши́м порядком монастыри, прошу прощения, если перед кем согрешил». Мы помогли Владыке снять рясу, о. Иоанн дал ему полотенце, охранник заварил чай. Владыка с о. Иоанном прошли в кабинет, а я, чтобы не смущать своим присутствием Владыку, откланялся и в смятении чувств уехал переживать эту встречу. В чем повинился митрополит о. Иоанну, за какие свои грехи просил прощения – мне неизвестно, ибо мы никогда в дальнейшем не касались этой темы ни с тем, ни с другим. Как сказал когда-то мой поэтический учитель

Михаил Аркадьевич Светлов: «Счастье поэта должно быть всеобщим, а несчастье обязательно конспиративным».

Чем глубже человек, тем острее переживает он не только свои личные душевные раны, но и раны тех, кого он сам опечалил, не понял, обидел, в нашей далеко не ласковой жизни. С годами эти переживания накапливаются, заставляют искать исповедальных встреч с теми, мимо кого раньше прошел, не оглядываясь.

Святитель Тихон Задонский писал: «Мир любит отводить от пути истинного, но никогда не приведет к цели; умеет возбудить жажду, но не может насытить души; всё обещает, но под конец, большей частью, сам всё отнимает». Нет, митрополит Питирим не потерял «пути истинного», но слишком велики и невосполнимы были его потери на этом пути. Это чувствовалось, как чувствовалось и то, что уже тогда, в конце девяностых годов, он начал собираться в другую, неведомую всем нам дорогу... Он *прощался* и просил *прощения*. Недаром, в русском языке два эти слова имеют общее происхождение – от слова «простой», то есть порожний, пустой, ничем не занятый, сам по себе (Владимир Даль. Толковый словарь). И если «прощанье» – это последнее свиданье перед расставаньем, то «прощенье» – это отпущенье вины ближним, начало освобождения от вины перед Господом. Прощать, простить – делать простым (свободным) от греха, примириться сердцем. Именно к такой простоте, как я понимаю, и стремился митрополит, прощаясь со всеми нами.

Помню, как однажды Владыка сказал мне в беседе о нынешних нравах: «Ничего у нас по простоте не делается, всё – в обход, всё – с подковыркой. Скучные отношения...» – «Скажите, Владыка, а был ли в обозримом Вами прошлом человек, из числа сильных мира сего, в искреннее раскаянье которого Вы не смогли бы поверить, доживи он до наших дней? Ну, скажем, Берия или Хрущев, погубивший храмов на Руси больше, чем кто-либо за всю ее историю...» – спросил я. Митрополит задумался на минуту, а потом, как бы откуда-то издалека, ответил: «Да, пожалуй, такой человек был. Он в 60-е – 80-е годы нынешнего века являлся Уполномоченным Совета

по делам религий. Это был страшный человек, зверь. Его подпись – А. А. Трушин – стояла под самыми жестокими в отношении к Русской Православной Церкви документами. И какими только подлыми приемами он ни пользовался, чтобы закрыть, «на законном основании», как можно больше церквей, ограбить их в «государственных интересах», включить наиболее уважаемых священников и прихожан в группу «С. О.» – социально-опасных элементов, со всеми вытекающими отсюда последствиями... Система «удушения церковников» была налажена и работала, как конвейер. Но только конвейер – наоборот. На входе: работающий храм, благополучный приход, а на выходе: всё, что было единым целым, разобрано до последнего винтика. К примеру, умирает приходской священник, нужно быстро, в установленный тем же самым Советом срок, найти и утвердить по инстанциям нового настоятеля храма, подписать с ним договор. От приходского совета под договором должны были стоять четыре подписи – старосты, пом. старосты, казначея и председателя ревизионной комиссии. Затем нужно было получить на руки указ правящего архиерея, который в свою очередь утверждался Уполномоченным Совета по делам религий. Нужно ли говорить, что если хотя бы одной подписи от приходского совета под договором не хватало, то вопрос о назначении священника закрывался сам собой, после чего закрывался и сам храм. Вот и представь себе, – продолжил Владыка, – сколько инструментов было у Уполномоченного, чтобы организовать недобор подписей под договором в тот предельный или смертельный для храма срок. При всем при том властями совместно с Уполномоченным велась неустанная работа по дискредитации, принижению статуса духовенства в целом. Тот же самый, с трудом избранный на приход священник становился всего лишь нанятым лицом для строго обозначенной в договоре деятельности. «Шаг вправо, шаг влево – побег» и последующая неминуемая кара. У правящего архиерея Уполномоченный постоянно требовал формальных и неформальных сведений о жизни приходов его епархии, в том числе и о личной жизни священников, добиваясь компромата, подача которого делала управляемыми и архиерея и его

клириков. Скольких рядовых священников спасли иерархи нашей Церкви, прикрыв, что называется, собой дышавшие адским пламенем амбразуры силовых органов... Приходилось откупаться какими-то малозначительными сведениями, порой специально придумывая разные бытовые ситуации.

Помню, как признался мне в те времена один мой одноклассник по духовной Академии, архиерей: «Слезно прошу некоторых своих отцов, в том числе и в монашестве пребывающих: ну, расскажите, присочините о себе что-нибудь эдакое, клубничное, чтобы, как кость, можно было бросить ненасытному Уполномоченному, замучил меня совсем!» Воистину, как сказано в Евангелии, *кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее* (Лк.9:24).

Вот в такие игры приходилось нам играть, друг мой, чтобы сохранить храмы и монастыри, а в них многострадальную церковность нашу. Много приходилось нам тогда писать различных бумаг, но здесь моя совесть спокойна, я знаю, с какой целью я их писал, за что и за кого боролся. Теперь вот *лучшие перья* желтой прессы борются со мной, тоже, наверное, знают, за что борются – «по Сеньке и шапка». Адепты «второй древнейшей», что с них взять. Хотел бы я вспомнить хоть одну опубликованную до середины восьмидесятых статью в защиту какого-либо церковного прихода, но что-то не припомню. Такие слова, как «храм Божий», «обитель Христа», в те времена вообще вышли из литературного употребления. Сейчас эти слова возвратились, но вернется ли прежний Храм, вот в чем вопрос?! Ты мне когда-то читал свое стихотворение «Российский храм», напости мне его, и хватит на сегодня воспоминаний, слишком болезненное это занятие». Я прочитал:

«Доколе терплю вам?»

(Мф.17:17)

В глухой деревушке стоит на погосте

Российский истерзанный храм –

Унижен людьми и изъеден коростой,

Открыт всем снегам и ветрам.

Отверстая рана в проломленной кровле –

Разбойный кистень бил в висок!

И тянется к небу с немой колокольни
Березовый тонкий росток.
Под куполом ветер листает страницы
Из книги прочитанных лет,
И знаменем красным на землю ложится
Пожара далекого свет...
И вопли толпы озверевших вандалов
Тревожат святые места,
И сабель клинки, как змеиные жала,
Пронзают иконы Христа...
Вот кто-то забрался на звонницу ловко,
И плачут старухи, крестясь...
Тугою петлей затянулась веревка,
И колокол падает в грязь...
Крещеные люди идут брат на брата,
Рассвет алой кровью заплыл...
В священников залпом стреляют солдаты –
И хохот у свежих могил...
А рядом поэты слагают былины
Об этой кровавой заре...
И всюду руины, руины, руины,
И конский навоз в алтаре.
В глухой деревушке стоит на погосте
Российский истерзанный Храм –
Безвинная жертва кощунственной злости –
Источник любви и добра.
А мы – те, что света у Бога просили, –
Поймем ли, вставая с колен:
Без этого Храма не быть и России!..
Вдвоем – или жизнь, или тлен.

«Ну, и как ты думаешь, – спросил Владыка, – поймем или не поймем?» – «Я думаю так, как написал, – ответил я, – с колен мы еще не встали и вставать будем очень долго... В общем, я думаю, что судьба наша, как нации, еще далеко не решена. Там, на Небе, всё еще ждут результатов нашего *плебисцита поколений*, и каждый голос имеет значение».

«Ладно, – сказал Владыка, – твой голос мне понятен, продолжай *голосовать* своими стихами, да и благотворительностью, что тоже дело не последнее. Кстати, о благотворительности... Какие-то сказочные, искаженные формы она принимает в нашем царстве-государстве... Казалось бы, что может быть чище, достойнее цели – помочь детям, больным, малоимущим... Так – в идеале, а на практике получается, что это они помогают нашим псевдоблаготворителям прокормить и недурно обеспечить самих себя. В Америке, например, за такие «сказки» сажают в тюрьму и надолго. А у нас – зарегистрировал благотворительную организацию, устроил шумную презентацию, получил «Паспорт благотворителя» – и собирай себе повсюду средства, сколько сил и связей хватит. Для солидности потребны опять-таки «сказочные» декорации: шикарный офис, лимузин, персонал, охрана и т. д. и т. п. Хорошо, если на уставные цели останется процентов десять-двадцать от привлеченных средств... Понятно, что всё это компрометирует идею благотворительности, выхолащивает ее. Вот занимательные сюжеты из моего личного опыта.

С тех пор, как я учредил свой Благотворительный фонд «Белый город», столько разных «филантропов» ко мне *подъезжало* – не счесть... Сколько сомнительных деловых предложений поступило от, казалось бы, порядочных людей... До того дошло, что я вынужден был постоянно консультироваться у юристов, экономистов, законодателей, чтобы аргументировано отказывать алчущим договора о совместной деятельности с моим Фондом. Ведь просто отказать нельзя – смертельная обида, интриги, доносы... Например, приходит ко мне один муниципальный руководитель и говорит: «Собираюсь в скором времени выходить на пенсию, надо бы, как это все сейчас делают, обеспечить старость. Есть возможность выкупить или арендовать у города, под солидный благотворительный фонд, детский парк с несколькими старыми зданиями, которым, что называется, цены не будет, если их отремонтировать. Вот я и решил, на правах старого знакомого, вместе с вами поднять это дело. Конечно, нужно будет кое с кем поделиться прибылью, но у меня уже есть инвесторы, которые

готовы оплатить все расходы. Они собираются построить на территории парка спортивно-развлекательный комплекс, гостиницу, казино и т. д. Мы вмешиваться в их дела в дальнейшем не будем. Они предлагают два варианта: либо сразу выдать нам всю сумму отступного, либо регулярно выплачивать нам стоимость субаренды. И всё это, разумеется, наличными. Речь идет об очень больших деньгах, и действовать надо энергично, в смысле бумаг, исходящих от вас, ведь есть и другие претенденты. Но аукцион, естественно, выиграем мы! Что скажете?» Показываю ему свои уставные документы. Объясняю, что строительство казино не входит в сферу деятельности церковного фонда и что, вообще, в детском парке должны играть дети, а не взрослые, тем более – в азартные игры. Пытаюсь что-то объяснить ему, как священник; в ответ – стеклянные глаза и полное непонимание. Больше он ко мне не приходил и на моих службах в храме, в Брюсовом переулке, тоже не появлялся. А в парке этом – я недавно проезжал мимо – полным ходом идет какое-то крупномасштабное строительство, думаю, что отнюдь не детских площадок... Или такой случай. Явился ко мне один известный народный депутат, постоянно выступающий в Думе по вопросам милосердия и благотворительности. Говорит с лучезарной улыбкой, что есть возможность получить из-за рубежа крупную гуманитарную помощь в виде лекарств повышенного спроса, медицинского оборудования, кресел для инвалидов и т. д. В общем объеме – полностью загруженный огромный транспортный самолет «Боинг». Стоимость груза – десятки миллионов долларов. Поступило предложение от российских организаторов этой помощи – оформить ее получение на мой Фонд. Мне предлагается десять процентов от рыночной стоимости всего заявленного в таможенной декларации, причем выплата – сразу по получении этой помощи и, конечно же, наличными, из рук в руки. Остальное – *прибыль* организаторов этой «бескорыстной» акции. Они же, на основании будущего договора о совместной деятельности, возьмут на себя юридическое сопровождение всей операции. Выслушал я «народного избранника», а сам сижу и думаю: «Чем заслужил я такое оскорбление, где взять

силы для смирения, как не выйти из себя, не взорваться... Объяснять ему что-либо – бесполезно. Передо мной – обыкновенный уголовник, обманувший и своих избирателей и коллег-депутатов, да и меня тоже, иначе бы он здесь не сидел, не унижал бы меня своим предложением. Как поступить?..» Вдруг вспомнились слова преподобного Иоанна Лествичника: «Признак смирения – радостное перенесение унижений». И я внутренне улыбнулся... Говорю депутату с серьезным выражением лица: «Благодарю за лестное мнение обо мне, а когда я должен дать ответ?» Он восклицает: «Желательно – вчера!» «Ну, что ж, – отвечаю я, – подождите минут десять, я должен пойти позвонить, ну вы меня понимаете...» Депутат рассыпался соловьиными трелями и сказал, что будет ждать моего ответа хоть до утра. Я прикрыл дверь и, никому ничего не сказав, вышел на улицу, вызвал машину, отключил мобильный телефон и уехал к себе в Иосифо-Волоцкий монастырь. Несколько суток я был без телефонной связи, но зато раз и навсегда избавился от общения с этим «уважаемым» депутатом. Как мне потом сообщили, он действительно сидел у меня почти до утра, непрерывно терзая свой мобильник, пока тот не разрядился. А параллельно, что называется, *разрядился* и я. Улыбаться – так улыбаться!»

* * *

Наступил XXI век, тихо, без особого шума, захлопнулся календарь его безумного предшественника. За новыми делами и заботами постепенно стали забываться нестроения последнего десятилетия. Жизнь продолжалась. Митрополит Питирим вновь активно участвовал в международных контактах Русской Православной Церкви, выполнял ответственные поручения Святейшего Патриарха, Священного Синода.

В конце января 2002 года Владыка вернулся из Ватикана после встречи с Папой Римским Иоанном Павлом II. Я приехал повидать митрополита и рассказал ему о подготовке и проведении десятых юбилейных Международных Рождественских образовательных Чтений; о том, каким важнейшим событием стали они для Церкви и общества. Я рассказал о тех невидимых миру трудах, что положили за эти

годы сотрудники Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата для того, чтобы в Кремлевском Дворце в одночасье собрались лучшие ученые, педагоги, деятели культуры, объединенные одной общей целью – Торжества Православия. Я рассказывал о том, какое огромное количество гостей прибыло на юбилейные Чтения, сколько человеческого тепла, доброты привнесли они в наше общее дело. По сути, я рассказывал Владыке о том, что, несмотря на многие *кораблекрушения* нашей жизни, мы плывем по ней в общем-то не зря... С особым вниманием слушал меня в тот день Владыка. Сейчас, вспоминая «необщее», сосредоточенное выражение его лица, я догадываюсь, что во время моего рассказа он, вольно или невольно, подводил итоги собственной жизни, думал о своем участии во многих событиях, обстоятельствах церковной летописи.

«Да, Рождественские Чтения – это глыба... – продолжил мой рассказ митрополит. – Она сдвинулась с места, набирает скорость и управлять ей становится непросто. Многих и многих на своем пути заставит она шевелиться, оставить привычные, поросшие мхами позиции, но некоторых и раздавит морально всей своей массой. Причем последние даже не заметят этого или сделают вид, что не замечают своей ущербности. Ведь сколько же штатных общественников, неутомимых *сеятелей* и *поборников* стараются хоть одним пальцем, да подержаться за глыбу Чтений перед фото- и телекамерами!.. Как всегда, одни делают хорошее крупное дело, другие «скромно» трубят об этом на весь белый свет. Я включил на днях какую-то новостную телепрограмму и услышал комментарии на тему юбилейных Чтений одного нашего записного оратора и пламенного *осветителя* духовных закоулков общества. Общие фразы, беспомощная дидактика, неуместный сленг – вот и всё, чем «порадовал» он многомиллионную аудиторию. Неужели для столь ответственного выступления никого получше не сыскалось?! Воистину, как в старой церковной приговорке: «Не всякому диакону митрополитом быти"»...

Неожиданно для меня оказалось, что время близится к полуночи – мы беседовали более трех часов, как в лучшие

годы. Уходя от Владыки, я чувствовал себя помолодевшим на несколько десятилетий – такой заряд юношеского интереса к жизни я от него получил, хотя это я был моложе Владыки на двадцать три года.

Так сложилась одна из моих последних встреч с митрополитом Питиримом. Сейчас я, конечно, не могу точно припомнить многих подробностей, нюансов многолетнего общения...

Думаю, что лучшее свойство памяти – это благодарность. В самом деле, ведь не количеством запомнившихся жизненных эпизодов, фактов, цифр и формул жива душа человека. Душа жива – *качеством* своего архива, в первую очередь, добрыми поступками окружающих, да и своими собственными милосердными делами, конечно, тоже... Очевидно, что опыт добротолубия распространяется меж нами по цепочке, постепенно стирая, счищая, соскребая многолетнюю коросту зла с наших душ. Таких цепочек добра очень много. Как наставляют нас подвижники благочестия, «милостыня совершается и помощью, и услугой, и заботою, и советом, и словом, и даже вздохом»... Сегодня, впитывая душой глубочайший смысл и лучезарную доброту этих слов, я задумываюсь о том, сколько таких цепочек, путей добра, открыл для нас митрополит Питирим, во скольких из них он был главным звеном, началом, с которого они «есть пошли».

В свое время студент Костя Нечаев ушел из МИИТа, чтобы стать священником, ученым-богословом. Почти через полвека митрополит Питирим вернулся в стены родного института, чтобы создать и возглавить там кафедру теологии, стать благоустроителем и настоятелем чуть ли не первого из открывшихся в современной России институтских храмов – храма во имя святителя Николая Мирликийского. Небесное покровительство Николая Угодника, одного из самых почитаемых на Руси святых, институтскому храму мне представляется вполне закономерным. Ведь святитель является одним из самых древних и наиболее известных благодетелей в истории христианства... И верится, что этому храму Богом предначертана особая судьба – собрать перед

своими иконами, освященными митрополитом Питиримом, многих сегодняшних и будущих благодетелей, направить их труды во благо ближнему, воспитать их великодушными и сердобольными людьми. Такие качества издавна были в традициях Русской железнодорожной школы. Знаю это со времен юности, по рассказам моего деда, Ивана Васильевича Ивлиева, профессора МИИТа, дед которого, мой прапрадед, водил первые отечественные паровозы. А еще верится, что небольшой Никольский храм в моем МИИТе, как и вообще Храм в России – это навсегда. Что времена безверия окончательно ушли в прошлое и не вернутся больше никогда...

В последнюю нашу встречу я прочел Владыке такое свое стихотворение:

Страстотерпцы

Господи праведный! Бог милосердный!

Людам Твоим смертный грех отпусти:

Царь и царица, царевич, царевны

Были растерзаны здесь, на Руси!

Здесь, в православной стране, совершилось

Лютное зло, и народ наш молчал...

Тысячу лет Русь на храмы крестилась,

Верой спаслась от огня и меча.

Где ж эта вера была, где скрывалась

В те окайнные, страшные дни?!

Были и верные, их было мало –

Ныне с Тобой, Вседержитель, они.

Плачет Россия израненным сердцем,

Плачет о нас, наших дедах, отцах,

Плачут святые цари страстотерпцы –

Миро, как слезы, на их образах...

Царь всех простил – и убийц и пилатов,

Зло не умножил в Державе своей,

Светом Небес просиял, словно злато

На куполах православных церквей!

Словом любви он ответил насилью,

Праведной жертвой смиряя народ.

«Мы никогда не покинем Россию...» –

Письма царицы. Семнадцатый год.

«Оставь мне эти стихи, теперь долго не встретимся – в больницу ложусь, *болячки лечить...*» – с какой-то особенно грустной интонацией произнес Владыка. Потом он проводил меня и тихо-тихо прикрыл дверь.

Я не догадывался тогда, что это была последняя наша встреча.

* * *

Ну, что ж, видимо, пришло время перейти к самой печальной части этих воспоминаний.

4 ноября 2003 года. День празднования в честь Казанской иконы Божией Матери. Утром этого дня я узнал, что скончался митрополит Питирим.

В горькие вести трудно поверить сразу. Всё думаешь, а вдруг – ошибка, небыль... Наверно, защитный механизм срабатывает, чтоб сердце не отказало. Придя в себя от шока, я поехал в храм Воскресения словущего на Успенском Вражке, в родной храм Владыки, где он столько лет служил и с которым теперь прощался. День был рабочим, многие еще не знали о смерти Владыки, и в храме было немногочисленно. Помню, я долго стоял у стены, не решаясь приблизиться к гробу с телом Владыки, где всё выше и выше поднимался холмик из приносимых цветов. Наконец, я подошел к покойному со своим букетом. Лицо митрополита, как и положено умершему священнику, было покрыто воздухом (покровом), и я поцеловал его руку и Евангелие на груди. В этот момент у меня возникло ощущение, что я получил посмертное благословение Владыки, это чувство не оставляет меня и по сей день.

У православных людей чья-либо смерть в день большого церковного праздника всегда считалась знаком особой Господней милости к покойному. В такие дни блаженно отошли ко Господу многие и многие наши святые, праведники, благочестивые миряне. Митрополиту Питириму Всевышний судил отойти в мир иной в праздник Казанской иконы Божией Матери. Эта икона прославилась неисчислимым количеством чудес, но, начиная с 1579 года, года ее обретения во граде Казани, она стала известна прежде всего чудесами прозрения

слепых. И смерть Владыки в этот день, надо полагать, не случайна, он и сам говорил тем, кто приходил к нему в больницу: «Я умру на Казанскую...» Наверное, такими смертями Господь дает нам еще одну возможность заметить и понять то *главное*, мимо чего мы беспечно проходим, пробегаем в суете наших, как всегда, неотложных дел...

На протяжении всего своего пастырского, а затем архипастырского служения священник Питирим занимался духовным *просветительством* общества, то есть лечением его от духовной слепоты. Спаситель, закрывая глаза таким светочам Церкви, каким был митрополит Питирим, открывает глаза тысячам других людей, которые – *не знают, не понимают, во тьме ходят...* (Пс.81:5).

Возможно, именно эти *тысячи открывших глаза* людей и пришли в пятницу 7 ноября в Богоявленский кафедральный собор, чтобы проводить в последний путь митрополита Питирима. Святейший Патриарх Алексей, в сослужении высшего духовенства, отслужил заупокойную Литургию по усопшему. Во время прощального Слова Патриарха многие не могли сдержать своих слез. После отпевания было общее прощание с Владыкой, и мне вновь привелось приложиться к руке, благословение и пожатие которой были столь важны в моей жизни.

На Даниловское кладбище митрополита провожал такой длинный эскорт автомобилей с включенными фарами, что почти на всем пути следования: на Спартаковской и Старобасманной улицах, на Покровке, на Садовом Кольце, на Люсиновской улице остановилось движение. Водители машин на встречных полосах притормаживали, включали дальний свет и подавали протяжные звуковые сигналы – Москва прощалась с митрополитом Питиримом. На кладбище была отслужена заупокойная лития, и наступила самая трагическая минута, минута последнего прощания с покойным.

Потери близких – ночь души,
Стон замерзающего сердца...
Каких стихов ни напиши –
Душе и сердцу не согреться.

Служители кладбища говорили, что не припомнят такого стечения народа на похоронах, как в тот день. У продавщиц перед воротами раскупили все цветы и свечи, люди заполнили соседние дорожки и стояли в оградах соседних могил. К открытому гробу подходили всё новые и новые люди, целовали руку митрополита, и шли к семейной могиле Нечаевых. Я в третий раз получил *посмертное благословение* Владыки и ушел с площадки, где происходило отпевание. С трудом пробрался я к могиле, в которой упокоены родители митрополита и куда под молитвы собравшихся был опущен гроб с его телом. Вокруг лежал ранний снег, было холодно, но люди еще долго не расходились. Совсем рядом были могилы святых: блаженной Матроны, преподобного Аристоклия...

В удивительно светлом, благодатном месте нашел свой последний приют митрополит Питирим...

Писатель Вальтер Скотт сказал перед смертью: «В мире есть только одна Книга...» Все мы понимаем, какую Книгу он имел в виду. У Владыки эта Книга всегда лежала на рабочем столе, и закладкой к Ней была его жизнь. Помолимся об упокоении его души:

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего митрополита Питирима, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Евгений Ряпов, академик РАЕН, действительный член академии Российской литературы,
президент Клуба меценатов и благотворителей России

Духовный наставник армии

Размышления у портрета митрополита

Кроме какого-то духовного видения России и путей ее народа, митрополит Питирим обладал еще и огромными знаниями сугубо земного, практического, политического характера. Вот и я, защитивший докторскую диссертацию по геополитике, беседуя с Владыкой, иногда чувствовал себя просто мальчишкой. Но он всегда был рад делиться этими знаниями, своим огромным опытом иерарха, мыслителя, государственного деятеля. Памяти Владыки Питирима я посвятил это стихотворение.

Портрет вызывает к тишине
И сердцем заставляет слушать.
Седой мудрец на полотне
Величием наполняет душу.
Державность, благородство, стать,
Дух добродетели витает,
И чистых помыслов печать
Незримой аурой сияет.
В безмолвии застывших слов,
В сосредоточии глубоком
Звучит в эфире смысл веков,
Едва ушедших и далеких.
И взгляд пронзает толщу тьмы,
И мысль масштабна по размаху.
Такие русские умы
Вершили судьбы, шли на плаху.
Раздумья бороздят чело,
В глазах у старца тени грусти...
Ползет болезненное зло,
Жизнь скоро занавес опустит.
Брады серебряный оклад...
В сокровища Руси зачислен
Сонм добрых дел и знаний клад,
И сгусток православной мысли.
Чтоб одолеть поток невзгод,

У Господа просил он силы,
Учил мятущийся народ,
Молил прощенье для России.
И путь его неповторим,
Портрет являет лик державный...
Прощай, Владыко Питирим, –
России образ православный!
Леонид Ивашов, генерал-полковник¹⁹

Слово о митрополите Волоколамском и Юрьевском Питириме

4 ноября 2003 года на 78-м году жизни завершил свой земной путь митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (в миру Константин Владимирович Нечаев). С кончиной этого выдающегося иерарха Русской Православной Церкви ушла от нас целая эпоха, эпоха сложнейших судьбоносных событий в истории нашей Родины, в которой навечно останется светлое имя Владыки Питирима.

Роль и значение Владыки Питирима в русской истории и культуре еще не получили своей истинной оценки – для этого требуется время. Сейчас мы можем говорить только о том впечатлении, которое на нас произвел этот мудрый человек. Он был известен как всесторонне одаренная личность, его отличала глубокая церковная культура, уникальная образованность, широкий диапазон творческих интересов, непревзойденное педагогическое мастерство и организаторские способности.

Мне выпала высокая честь познакомиться с Владыкой Питиримом в 1978 году и впоследствии в качестве дипломатического представителя нашей страны оказывать ему посильную помощь при осуществлении нескольких его зарубежных миссий. Владыка демонстрировал нам величайшее мастерство владения дипломатией. При этом решение церковных задач за рубежом он неустанно дополнял выполнением пастырских функций по отношению к нашим сотрудникам. Общение с этим уникальным человеком при решении многотрудных и деликатных вопросов внешнеполитического характера вооружало нас четким пониманием национально-государственных интересов своего Отечества в конкретных ситуациях, формировало подлинный патриотизм и исторический оптимизм. А времена и ситуации были, как известно, весьма сложные. Духовный заряд, который я и мои коллеги получали от общения с Владыкой Питиримом,

всегда помогал находить достойный выход при решении стоящих перед нами задач.

По универсальности политической культуры, глубине понимания сути международных отношений и национально-государственных интересов нашего государства, степени владения дипломатическим искусством митрополит Питирим находился на уровне дипломата высшего ранга и, по нашей оценке, мог соперничать с любым министром иностранных дел. В межгосударственных отношениях он видел не только официальную сторону дела. Он прекрасно понимал ту роль, которую играют либо стремятся играть латентные, тайные факторы и силы, влияющие на политический процесс. Поэтому он с пониманием относился к деятельности нашей внешней разведки.

Известно, что труды митрополита Питирима отмечены высокими церковными и государственными наградами: церковными орденами святого равноапостольного князя Владимира (I и II степеней), преподобного Сергия Радонежского (I степени), святого благоверного князя Даниила Московского (II степени), государственным орденом Дружбы народов. За обширные просветительские и миссионерские труды и в связи с 75-летием со дня рождения в 2001 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II удостоил митрополита Питирима ордена святителя Иннокентия Московского. Однако самой дорогой наградой для него всегда была искренняя любовь и уважение тех, кого он окормлял своей пастырской деятельностью.

Память об этом замечательном человеке навсегда сохранится в наших сердцах!

Николай Грибин, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии внешней разведки

О Питириме, митрополите Волоколамском и Юрьевском

Мне кажется, подлинная цена каждого человека обнаруживается не сразу: с годами в сознании расширяется значение того или иного события, связанного с этим человеком, ибо память соединяется с новыми впечатлениями. Мы помним то, что не теряет для нас смысла, а стало быть, связано непосредственно с сегодняшним чувством.

Чтобы быть услышанным, надо быть широко и глубоко образованным человеком, профессионалом в своей области, идти в ногу с мировыми достижениями науки и культуры. Именно таким и являлся митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Он был выдающейся личностью – доктор богословия, профессор, академик Российской Академии естественных наук, настоящий русский патриот, гуманист, мудрый просветитель, обаятельный человек с удивительно проникновенными глазами. Но эта характеристика будет неполной, если не раскрыть еще одну грань его общественной деятельности.

Среди многочисленных направлений миссионерского служения Владыки Питирима была и деятельность, связанная с тесным взаимодействием Церкви с Армией и Флотом, с воспитанием людей в погонах, особенно молодого поколения, в духе верности высоким нравственным идеалам. Ибо известно, что в этот период мировоззрение у молодого поколения поверхностно, неустойчиво, есть много соблазнов для неокрепших душ. И Владыка помогал, чтобы они, вступая во взрослую жизнь, оказались бы более восприимчивы к духовному.

Главное содержание духовного возрождения воинства, как считал митрополит Питирим, – преображение самих человеческих сердец, освещенных светом Христовым, который просвещает всю жизнь воина, наполняет ее истинным смыслом и дает высшую мотивацию ратным поступкам.

Не случайно в трудное время 1990-х годов Владыка организовал и лично возглавил общественное движение в России «Русская воинская слава», включающее в себя широкие слои населения: от молодежи до пожилых, от людей в погонах до гражданских. Задача этого движения – прославление героических традиций российского воинства, русского оружия, побед русского солдата в сражениях с обязательным посещением мест русской воинской славы.

В начале 2000 года, в 200-летнюю годовщину памяти великого русского полководца – генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, Владыка Питирим с группой суворовцев осуществили восхождение на перевал Шипка в Болгарии, возложили венки к памятнику Свободе в честь боевого содружества русских и болгарских воинов и освобождения Болгарии от турецкого ига в 1877–1878 годах. А затем прошли по маршруту Швейцарского похода (1799 года) полководца во главе русских войск через Альпы. Владыка и суворовцы, несмотря на трудности, преодолели перевал Сент-Готард, прошли по Чертовому мосту. Суворовцы на месте убедились, какие лишения испытывали войска и сам генералиссимус при выводе войск из окружения в горной местности и преодоление которых оказалось по плечу русскому солдату. Суворовцы с теплотой, восторгом и благодарностью вспоминают время, проведенное вместе с Владыкой, и те впечатления, которые на них произвел поход.

Особое значение Владыка придавал связям с военными учебными заведениями, в частности, с Военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова I степени Академией Генерального штаба Вооруженных Сил России. В 2002 году на торжественных мероприятиях, посвященных 170-летию образования Академии, среди приглашенных гостей был и Владыка Питирим, который от имени Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и от себя лично тепло поздравил присутствующих с этой знаменательной датой, пожелал больших успехов в деле строительства Вооруженных Сил РФ, обеспечения национальной безопасности. Здесь же, на этих

торжествах, Владыка вручил группе профессорско-преподавательского состава и слушателей ордена, медали и грамоты Русской Православной Церкви за активную работу по развитию взаимодействия Церкви и Армии в духовном воспитании военнослужащих.

По инициативе Владыки Питирима в 2000 году была учреждена общественная награда «Крест-мощевик» – родовая реликвия выдающегося русского флотоводца адмирала Павла Степановича Нахимова – героя Крымской войны и обороны Севастополя. В соответствии с Положением эта награда вручается военнослужащим или организациям за заслуги в деле воспитания и обучения патриотов России в духе верности Православию и традициям русского воинства.

21 июня 2002 года состоялся очередной выпуск генералов и офицеров Академии Генерального штаба. Приветствие и поздравление в адрес Академии, наряду с другими, были получены и от митрополита Питирима. Владыка писал:

«Новому офицерскому корпусу, выпускникам я шлю свои добрые пожелания с неизменной молитвенной памятью о сохранении их чести и достоинства, здоровья и радости в подчиненных им войсках и счастья в семейной жизни.

С нами Бог! И да разумеют народы, яко с нами Бог!»

Владыка не только глубоко чтит генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, но некоторые суворовские заповеди исполнял в своей жизни. Одну из них я в заключение хочу привести:

«Всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, избегать роскоши, праздности, корыстолюбия, искать славы через истину и добродетель.

Родство и свойство мое с долгом моим: Бог, Государь, Отечество.

Вы Русские. Помилуй Бог, хорошо!»

Владыка очень любил людей, и люди любили его. И поэтому он успел многое сделать не только для нас, его современников, но и для будущего.

Василий Солдаткин, генерал-лейтенант, профессор,

начальник кафедры Военной Академии
с 1998 по 2005 год

Наказ Владыки

Владыка Питирим часто любил повторять выражение: «Осознание времени лежит в основе всякой познавательной деятельности». Но сейчас я воспользуюсь другим его любимым выражением: от многих знаний много печали (Еккл.1:18). И сегодня я с печалью осознаю все значение момента, связанного с потерей Владыки.

Нас покинул один из самых христоролюбивых и вместе с тем самых светских священнослужителей России, и в этом самая большая трагедия, потому что гармонии взаимоотношений этих двух начал, я боюсь, не достигнет в ближайшее время никто из священнослужителей. Владыка в этот очень сложный отрезок «смутного времени» в жизни нашей страны был знаковой фигурой для государства.

«Истина – дочь времени, а не авторитета». Только время даст истинную оценку этому человеку. И то, что мы сегодня делаем, – это как бы шаг навстречу истине, которая должна восторжествовать, и все мы, кто общался с Владыкой Питиримом, кто видел его, получал какую-то помощь или поддержку, будем гордиться тем, что имели счастье встречаться с Владыкой Питиримом, слушать его проповеди, помогать ему в богоугодных делах.

Я признателен Владыке Питириму за активное участие в моей личной судьбе, когда после завершения моей воинской службы он благословил меня – бывшего заместителя начальника Пограничной академии по научной работе – на занятие должности Главы управы района «Сокольники». Это благословение во многом предопределило не только новый профессиональный выбор, но и всю мою дальнейшую жизненную судьбу.

Н. П. Грибин, начальник Академии внешней разведки, вспоминал один эпизод, который произошел в Австрии, когда Владыка впервые приехал в эту страну. События происходили во времена, когда только-только начинался период активного взаимодействия государства и общества с Церковью и многие

церковные обычаи, традиции, должности и звания не были известны широкому кругу обывателей и простых граждан.

Владыка Питирим появился в Российском посольстве, и его разместили в посольской гостинице. Утром посольское руководство собирается идти на завтрак, и все видят такую картину. Посол посылает руководителя аппарата подойти к номеру Архиепископа и пригласить его на завтрак. Чиновник подходит к двери его апартаментов, мнетя, скребется, но как обратиться к митрополиту – не знает. Наконец, смущенно оглядывается на группу коллег, стоящих рядом в коридоре, тихо стучит в дверь и при этом произносит: «Товарищ Владыка, мы приглашаем Вас на завтрак». Вот такие анекдоты порождала жизнь того времени.

Пограничная академия одной из первых военных учебных заведений пошла на то, чтобы присвоить Владыке высокое звание почетного профессора. Когда митрополит подъезжал к академии, а он нередко приезжал к нам в 7.30–8.00, дежурный мне звонил и докладывал: «Товарищ генерал! Через десять минут прибудет Владыка Питирим».

Я специально подходил ко входу, чтобы встретить его в стенах академии, и наблюдал, как происходит встреча священнослужителя с дежурным по академии.

Открывается дверь, Владыка входит. Дежурный строевым шагом подходит к нему и докладывает: «Товарищ почетный профессор академии! Во время вашего отсутствия никаких происшествий не произошло». Я смотрю – Владыка довольно улыбается от внимания и уважения со стороны пограничников. Настолько ему это приятно и трогательно.

Навсегда остался в памяти такой эпизод. Вместе с генералом Тоцким Константином Васильевичем, начальником академии, мы присутствовали на дне рождения Лушева Петра Георгиевича, генерала армии, бывшего первого заместителя Министра обороны СССР, Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами Варшавского Договора.

Небольшая группа офицеров отделилась от общего стола, уединилась вместе с Владыкой Питиримом за отдельным столиком. Закусываем и разговариваем о своем, о мужском, о

работе, о службе. Владыка хитро покручивает ус, хитро так смотрит и говорит: «Друзья, хватит говорить о бренном. Задумайтесь над философской сущностью того момента, который мы сейчас переживаем вместе с Вами. Ведь мы пришли чествовать Петра Георгиевича в связи с его семидесятипятилетием, а потому и всё внимание должно быть отдано ему. Друзья, дорожите жизнью и задумайтесь над тем, что я вам сейчас скажу: после нас – нас не будет».

Наступает гробовая тишина, потому что сказанное остро вошло в душу, заставило задуматься о бренности нашей жизни: после нас – нас не будет. И дальше Владыка говорит: «Так любите, цените и уважайте и жалеете друг друга в этой жизни, а в той жизни Бог воздаст каждому по заслугам».

Не забудем и его архипастырского завещания и в первую очередь его наказа «не жалеть труда праведного» ради восстановления и развития монастыря – Волоцкой Святыни. Именно такой статус имеет монастырь после обретения святых мощей своего создателя – Иосифа Волоцкого.

Владыке удалось создать своеобразную «бизнес-модель» возрождения монастыря. Развернуть ее в научно-обоснованную, полномасштабную концепцию развития ему помешала преждевременная смерть.

1. Владыка рассматривал монастырь как одну из географических опорных точек духовной, национальной, культурной, исторической и государственной самоидентификации. Он часто и настойчиво утверждал, что монастырь можно и нужно рассматривать как элемент возрождения российской духовности в интересах сохранения культурного, духовного и природного наследия.

2. Согласно его представлениям, в концепции речь должна идти не только и не столько о возрождении и развитии монастыря, но в большей степени – об адаптации территории особой культурно-исторической и духовной ценности к современным условиям жизни и хозяйствования («модель живой территории»).

3. При разработке программы развития монастыря и ее реализации, считал Владыка, приоритетным следует считать не

ведомственные и институциональные интересы, не сиюминутные тактические выводы, а вневременной масштаб существующих ценностей и решаемых задач.

4. Необходимо проектировать развитие монастыря как градообразующего предприятия, реализующего, по образному выражению Владыки, три разные задачи в их единстве: сохранять, изучать, просвещать.

Он мечтал о том, что монастырь будет приведен в великолепное состояние, обеспечен современной техникой, компьютеризирован, что на базе монастыря и прилегающих территорий будет создана развитая инфраструктура для светского туризма и духовного паломничества,²⁰ налажена система использования культурного и природного наследия в образовательных и воспитательных целях. Владыка мечтал об активной реализации договоров о сотрудничестве и взаимной координации между монастырем и многочисленными заинтересованными учреждениями и организациями, в том числе туристическими фирмами; о функционировании на регулярной основе в течение всего года православного юношеского военно-патриотического лагеря. Владыка считал, что монастырь должен принять самое активное участие в создании на земле Волоколамской кадетского корпуса, поселений из числа военнотружущих запаса и т. д.

Отсюда, я думаю, становится понятным, почему эту часть плана развития монастыря называл он «моделью живой территории». Владыка уже многое сделал для обоснования организации на базе монастыря церковного природного парка.

Хочется верить, что память о Владыке Питириме будет хорошей помощницей в нашей жизни.

Александр Касьянов, генерал-майор, доктор исторических наук, профессор, глава управы «Сокольники» Восточного административного округа Москвы

Забыть невозможно

Забыть митрополита Питирима невозможно: он живет в моем сердце. Я помню наши встречи, наши беседы...

Нас судьба свела с Владыкой Питиримом, когда я только был избран в 1990 году атаманом Союза казаков России. И с тех пор он стал моим духовником. Много было у меня с Владыкой встреч и бесед. Я хочу сегодня напомнить о служении народу, как его понимал Владыка Питирим. Он создал фонд «Золотое кольцо России». Это – наша гордость. Идея фонда достаточно проста: «закольцевать» места армейских подвигов, где были крупные битвы и сражения, где воины совершали подвиги. Это были не только памятники прошлого, но и места, где молодежь должна была набираться русского духа, стойкости, мужества. Эти места Владыка объезжал, участвовал в мероприятиях. У меня в памяти сохранилось одно из таких посещений

– Дубосеково, под Волоколамском, где панфиловцы отстояли Москву.

После того, как закончился торжественный митинг на месте окопов, где стоит памятник панфиловцам, мы вместе с Владыкой Питиримом подъехали в деревню Нелидово, где захоронены герои-панфиловцы. Приехали раньше установленного времени, в машине сидели вместе, а впереди стоял бронетранспортер со знаменем панфиловской дивизии, которое привезли из музея. И вот, на наших глазах, девчонка лет 13–14 подходит к бронетранспортеру (юбка на ней – короче не придумаешь; модная вся, красивая, стройная) и гладит броню бронетранспортера. Она не видит, что за ней наблюдают; просто гладит броню. Владыка говорит: «Вот только ради одной этой девочки стоило проводить все мероприятия, чтобы в русском ребенке жила любовь к своей армии, к солдату, и она берегла память о тех, кто отдал свои жизни за нее...»

Это был великий человек нашего времени.

Александр Мартынов,
атаман Союза казаков России

Вера – основа нашей духовности

4 ноября – день кончины митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, день особенный – день памяти замечательного русского человека, просветителя и патриота нашей многострадальной России. Я был его лечащим врачом. Помня о нем, я хотел бы рассказать о его жизни в первую очередь молодежи, которая только выбирает сегодня свой путь.

Я начну свой рассказ о Владыке с себя, своей судьбы, расскажу о том, как было мне подарено счастье быть рядом с ним.

Свою службу в Вооруженных силах СССР я начинал на Военно-морском флоте матросом. После окончания Военно-медицинской академии почти 12 лет прослужил врачом-хирургом, начальником медицинской службы подводной лодки, а затем флагманским врачом соединения подводных лодок. В дальнейшем возглавил медицинскую службу Центра подготовки экипажей атомных подводных лодок стратегического назначения, был начальником медицинской службы гарнизона в Эстонии.

Когда рухнула страна, которой мы служили искренне, преданно, верой и правдой, и лучше которой не было ничего на этой Земле, я испытал и боль и горечь. Это – трагедия в судьбе не только моей, но и миллионов других советских людей. Я боролся, как мог, чтобы не допустить разрушения всего того ценного, что было создано не одним поколением. Но силы и возможности были не те. Наверное, судьба сберегла меня от возможных роковых шагов, когда душа разрывалась и разум немел от бессилия и горя, которые обрушились на наш народ, очень трудолюбивый, искренний и чистый.

В новую Россию я вернулся на должность, не свойственную для меня как врача – заместителя начальника Центрального военно-морского госпиталя по работе с личным составом. Безусловно, страна переживала тяжелое время: отсутствие ясного понимания целей построения будущего государства, разрушенная экономика, переоценка ценностей человеческой

жизни, рост преступности, нищета одних и циничное богатство других. Армия и Военно-морской флот катастрофически теряли боеготовность: боевая техника старела, новая в войска и на флот не поступала, корабли практически перестали выходить в море, самолеты – летать. Офицерский состав был занят не боевой подготовкой, а выживанием: нечем было кормить свои семьи. Бездушные и некомпетентные руководители, чудовищно низкие оклады, не выдаваемые месяцами, и работа сутками, на износ стали нормой жизни.

Поражали беспечность и преступная безответственность в вопросах обороноспособности государства и национальной безопасности. Это ярко проявилось в условиях искусственного парада «суверенитетов территорий».

С началом чеченской военной кампании страна вошла в самый тяжелый период своего развития. В госпитали стали поступать молодые ребята 18–19 лет, изувеченные войной: без ног и рук, с тяжелыми физическими и психогенными травмами. Больно было смотреть в глаза родителей, для которых их дети – самое главное в жизни. Но еще страшнее было смотреть в глаза умирающим ребятам, которым нельзя было помочь: к сожалению, медицина не всесильна, даже если она и лучшая в мире. А эти ребята ничего еще не видели в этой жизни, не жили по-настоящему на этой Земле. Они только пришли в этот мир и вот уже с болью и горечью уходили из него молодыми и рано поседевшими.

В этот период, когда не хватало медицинского персонала, я обратился к священнослужителям, в том числе и к руководителям Православной Церкви. Наверное, я был одним из первых, кто приблизил Церковь к войсковому звену. В то время стояла острая необходимость, чтобы рядом с умирающими тяжелоранеными ребятами были люди, способные успокоить, защитить от страха перед надвигающейся смертью, дать веру в то, что надо бороться до конца – бороться за жизнь, несмотря ни на что. К сожалению, надежды наши не оправдались. Приходящие служители Церкви видели, где надо поставить церковь, разместить молельную комнату, но не видели самого главного – страдающих глаз умирающих солдат,

матросов и офицеров. Наверное, нам просто не повезло. Ибо позже я встречал представителей духовенства, искренне посвятивших себя служению Богу и людям, что вызывало и вызывает уважение и благодарность. Но в тот тяжелый период рядом оказывались совсем другие... После этого взаимоотношений со священнослужителями иметь не хотелось.

Прошли годы, и, будучи в должности заместителя начальника медицинской службы Вооруженных сил России по воспитательной работе, я был приглашен на встречу с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом. К своему стыду, ничего я не знал об этом удивительном человеке. Я увидел необыкновенно красивого человека, буквально излучающего добро и мудрость. В нем необыкновенно гармонично сочетались глубокая православная вера, настоящая светская образованность и интеллигентность.

В последующем так сложилось, что я стал неофициально лечащим врачом Владыки от Вооруженных сил. Это было в высшей степени ответственно и одновременно большой честью для меня.

Оглядываясь сегодня назад, в прошлое, понимаю, что человека такого высокого нравственного ранга и духовного сана, который был так равнодоступен и духовно необходим и простому человеку, и высокому государственному чиновнику, и настоящей интеллигенции, и воинству, который бы нес такой мощный заряд здравого осмысления будущего нашей страны, я больше не встречал.

В марте 2003 года, перед Пасхой, мы сидели с митрополитом Питиримом и обсуждали наши планы на будущее. Пасхальная ночь... Православный мир услышал и увидел службу, которую совершал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим в храме Христа Спасителя.

... Его болезнь стала для всех полной неожиданностью. Проведенные совместно с врачами 4-го управления Министерства здравоохранения РФ необходимые исследования подтвердили страшный диагноз. К сожалению, мы имели ту самую редчайшую патологию, когда медицина беспомощна и жить человеку остается несколько месяцев. Для меня и тех, кто

был по жизни рядом с Владыкой, наступил шок от собственного бессилия. Ты понимаешь, что готов отдать свою жизнь во имя жизни этого человека, потому что он – знаковый, необходимый России, за ним – будущее, но сделать ничего нельзя. Мы объединили самые лучшие медицинские силы России и зарубежья, надеясь на чудо; в нашем распоряжении было всё необходимое. Но чуда не произошло...

Я вспоминаю последние дни Владыки Питирима – он переживал тяжелейшую болезнь, которая разрушает организм изнутри; его мучили сильнейшие боли. Но никто не слышал от него ни просьбы, ни мольбы, ни стога до самого последнего часа, до последней минуты. До последнего дня, прикованный тяжелой болезнью к госпитальной кровати, он находил в себе силу и мужество, чтобы каждое утро встать, с трудом преодолевая слабость и боль, и привести себя в порядок. До последней минуты он старался быть над болезнью. Это был необыкновенно мужественный человек.

Последние месяцы он практически никого не принимал, так как не хотел, чтобы его видели тяжелобольным. Было несколько близких людей, которые могли приходить к нему в палату. Это близкие родственники, Афанасьев Анатолий Леонидович, глава управы «Сокольники» генерал-майор Касьянов Александр Михайлович, Фетисов Виталий Федорович, атаман Союза казаков России Мартынов Александр Гаврилович, ректор МГУУ Правительства Москвы Ужва Татьяна Викторовна, которая была одной из последних, кто видел митрополита живым.

С его уходом наступила пустота – ничем не восполняемая, звенящая пустота. Но остался свет, свет этого человека – в наших сердцах и в его трудах.

У Владыки была любимая цитата из Евангелия от Луки: *Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет (Лк.8:16)*. Он говорил: «Вы знаете, мы, к сожалению, подставляем эту свечу либо под ветер наших повседневных дел и забот, либо в подвал, где сырость нашей хладности и безразличия, а иногда просто задуваем».

Нам есть, чем гордиться. Мы – величайшая держава, где есть всё, что необходимо для построения нового общества – по-настоящему демократического и цивилизованного. И самое главное: у нас есть величайший национальный потенциал – трудолюбивый и талантливый народ, у которого было и остается основной чертой – человеколюбие. И если мы запустим весь этот сложный механизм с позиций государственности, духовности, с уважением к прошлому нашего Отечества, для построения цивилизованного и демократического будущего, наши дети, наши внуки будут жить в стране, где слова «многострадальный российский народ» уйдут в историческое прошлое. Это будет новое общество, живущее и развивающееся талантом и способностями каждого, где оценка каждого будет по труду. Это будет общество, где будут защищены детство и юность и где будет у каждого достойная старость. Это в наших силах.

Пусть память о Владыке Питириме будет нам всем, а особенно новому, молодому поколению доброй путеводной звездой на пути достижения поставленных целей.

Вячеслав Ниниченко,
заслуженный врач РФ, полковник медицинской службы,
член-корреспондент РАЕН

Владыка Питирим и военная стратегия

С митрополитом Питиримом я познакомился в 1988 году, правда, встреча состоялась не без труда и несколько раз откладывалась: нервозно заканчивалась подготовка к празднику 1000-летия Крещения Руси и он как председатель Издательского отдела Московского Патриархата разрывался между многочисленными заседаниями юбилейного комитета и рабочими совещаниями в московских издательствах. Дело осложнялось еще и тем, что я являлся специальным корреспондентом АПН.²¹ Разумеется, причиной проволочек была не моя принадлежность к агентству, а то, что большинство столичных журналистов старалось под разными предлогами попасть к Питириму с одной целью – выложить на стол перед его Высокопреосвященством очередное прошение. В тот год такие обращения содержали одну-единственную просьбу: выделить сотрудникам той или иной редакции часть тиража юбилейного издания Библии. Нельзя не воздать должное Издательскому отделу: благодаря ему прихожане московских храмов смогли наконец свободно и по доступным ценам приобрести в церковных лавках Священное Писание, выпущенное внушительным тиражом. Я сам видел, как бережно старушки уносили драгоценную книгу домой, завернув ее в новый, специально купленный для этого случая платок. Их лица светились неподдельной радостью. Но, вопреки ожиданию, заветных книг на всех желающих не хватало и книжные спекулянты мгновенно наводнили знаменитый книжный пятачок на Кузнецком мосту новыми церковными изданиями. Перекупщики действовали через заявки различных городских организаций и за ценой не стояли. Нередко подобные сделки заключались с пишущей братией...

Мне уже казалось, что встречи не будет, как вдруг был назначен ее день и час. И если с днем все было нормально, то час меня озадачил, как очень (по моим меркам) поздний. Но делать нечего, сам напросился. Захватив диктофон, книги,

предназначенные для подарка, и свежий выпуск журнала «Военный вестник», я отправился на Погодинскую.

Было около десяти часов вечера, когда я переступил порог заветной резиденции. Красотищу добротной отделки кабинета и элегантность импортной мебели напрочь оспаривал колоритный облик главного церковного издателя. Красивая окладистая борода, седые пряди в волнистой прическе, искрометные смеющиеся глаза под темными густыми бровями и совершенно буденновские усы. Зрелая мужская стать. В донских станицах говаривали определенной: без веревки любую бабу уведет!

– Квас пьете? – первым нарушил тишину кабинета Питирим.

– Ежели угощают, то и уксус пьем, а от кваса пока никто не помирал, – неожиданно для себя сострил я в ответ.

Владыка улыбнулся. Шутка ли понравилась, надоел ли официоз, но на дерзость отреагировал немедленно:

– Да ты, брат, казак лихой! С тобой надо ухо держать остро. Так нам прошений еще никто не подавал. Однако давай твою заявку и пойдем угощаться, а то матушки притомились меня, грешного, в трапезной ждать.

– А разве для беседы с вами нужна особая заявка?

– Для беседы не нужна, а вот...

– Если вы хотите сказать – для покупки Библии, то я здесь не по этому поводу.

– А по какому же, осмелюсь спросить?

– Хочу узнать, насколько полезно иметь в руках не одну, а две дубинки, оказавшись в темном лесу в неурочный час, да к тому же в виду беспощадных разбойников?

– Весьма полезно! Хотя, я думаю, прежде нужны не дубинки, а смекалка. Вот эта штука нужна.

Он выразительно постучал себя по голове.

– Полностью согласен и думаю, что последние международные события... – попытался я перейти к изложению цели визита, но он решительно остановил диалог:

– Сначала квас.

В трапезной все было готово, а на самом почетном месте красовался хрустальный кувшин с квасом – замечательным, неповторимо вкусным и холодным монастырским квасом. И все

представлялось необыкновенным и неповторимым в тот вечер – и молитва сановного пастыря перед употреблением нехитрой снеди, и сам старинный русский напиток, и возможность посидеть за одним столом с человеком, который в те дни мелькал на экране телевизора чаще, чем звезды эстрады. Веяло степенством, но и душевностью. Питирим умело руководил беседой и уже через десяток минут знал все и обо мне, и о цели визита.

Наконец, подарки вручены, внимательно изучены и отложены в сторону. Перешли к обсуждению моей темы. Владыка говорил неторопливо, подбирая слова поточнее.

– Если вы являетесь редактором «Военного вестника» и пишете для зарубежных читателей о недопустимости военного противостояния как метода решения межгосударственных проблем, то должны иметь четкое представление как об отечественной военной доктрине, так и доктрине потенциального противника. Какая она у нас сегодня? А у противника? Оборонительная? Наступательная? Не зная главного, не сможете разобраться в частностях, сами запутаетесь и других в грех введете. Это только во внутренних изданиях можно как угодно долго рассуждать о реформах армии, о сокращении вооружений, не упоминая о стратегии, тем более с цифрами в руках. Да и рассуждаем мы зачастую о чужих касках и сапогах. Манеру сию заложил Никита Хрущев – бесподобный мастер проведения военных реформ за одну ночь. Извиняет всех наших сочинителей только одно – у нас газеты и журналы привыкли читать с последней страницы, там, где кроссворды и анекдоты. За границей не так – знаю по собственному опыту. Любые герр или фрау (если они узкие специалисты в своем деле) стараются купить информацию добротную, неполитизированную и преимущественно из рук коллеги-специалиста. Там ничего не выписывают из праздного любопытства и, кстати, не делят издателей на своих и чужих. Либо ты пишешь грамотно, либо твои опусы не покупают. Навесить им на уши дилетантскую лапшу не получится. Даже самый блестящий журналист не сможет сказать ничего нового

самому захудалому философу, не знай он элементарных основ философии.

– Это справедливо, – согласился я с ним, – и основной информационный блок нашего журнала готовится исключительно профессионалами. Да и специфика работы всего агентства заключается не в идеологической обработке чужих мозгов, а в грамотном рассказе о жизни в СССР.

– Именно поэтому ваши подписчики не изменяют вам годами, как верная жена умному мужу. Такую жену надобно уважать, лелеять и не обижать. Ну, не стану влезать в чужой монастырь со своими советами, а то превращусь в одного нашего известного политика, который недавно посетил Швецию и на весь мир хвалил ее озадаченных подданных за изобретение «шведской модели социализма».

– Владыка, мы сейчас хотим обратиться к западной христианской аудитории и повести разговор о вечных ценностях: праве на жизнь, свободе общения, выборе веры, покаянии. Простым людям проще договориться о том, чтобы не стучать друг другу по голове ядерной дубинкой. Не согласились бы Вы войти в новый редакционный совет, помочь нам в новом и пока незнакомом деле?

– Так это вы про этот темный лес с ядерными дубинками говорили мне перед посиделками?

– Нет, я имел в виду последние новации на тему разоружения. Уж больно мы торопимся закинуть свои топоры в реку, а соседи на другом берегу не шелохнутся и только нас подначивают.

– Поживем, увидим, – уклончиво ответил митрополит. – Впрочем, если хотите получить ответ профессионала, то вам следует обратиться не ко мне.

– Пошлете к министру обороны?

– Привычки посылать не имею, а вот познакомить с умнейшим человеком России могу. Он не министр, да и не стремился им стать, а вот некоторым министрам стоило бы советоваться с ним почаще.

Пока мы возвращались в рабочий кабинет, я мысленно перебирал фамилии известных политиков. Кого же имеет в виду

Питирим? Твердого ответа не нашел. В кабинете Владыка подошел к книжному шкафу и безошибочно, одним движением, вытиснул из шеренги книг потрепанный фолиант.

– Знакомьтесь – Александр Свечин! – с такими словами вручил он мне книжку. – Это мой подарок.

Посмотрел изучающее. Помолчал. Видимо, ждал реакции. Заметив мою растерянность, решил объясниться.

– Признаюсь, что расстаюсь с добрым другом, но вам он сейчас нужнее. Александр Свечин – наш полузабытый гений военной теории.²² Его труд под названием «Эволюция военного искусства» переведен на многие европейские языки, изучается во всех войсковых академиях мира. Он – Леонардо да Винчи воинской стратегии. Сам был участником трех войн: русско-японской, Первой мировой и гражданской. Помахав шашкой, засел за письменный стол и написал капитальное сочинение об истории вооруженных конфликтов с древнейших времен и почти до наших дней. Благодарное отечество пока еще в большом долгу перед памятью одного из выдающихся своих сыновей. Вот у Свечина и ищите ответ, он не подведет.

– Владыка, как получилось, что вы так хорошо ориентируетесь в отечественной военной стратегии? Насколько я понимаю, эта сфера принципиально далека от вашего основного служения.

– Дорогой мой, а разве не монах Пересвет послужил отечеству на поле Куликовом, сойдясь в смертельном поединке с врагом? Он-то точно умел держать копье в руке. Надеюсь, что его действия не вызывают у вас недоумения.

На этой ноте и закончилась наша первая встреча с Питиримом. Позже были другие. Уже с другими разговорами и в другой обстановке. Константин Владимирович оказался моим земляком (происходил из старинного рода тамбовских священников), прекрасным музыкантом (великолепно пел и умело пользовался виолончелью), блистательным искусствоведам, талантливым фотохудожником, а каким рассказчиком был!..

В редакционный совет «Военного вестника» он вошел. Писал объективные статьи о реабилитации русских

священников, пострадавших от тяжелой руки Сталина, организовывал конференции с зарубежными пастырями, помогал работе наших зарубежных корпунктов, одним словом, стал большим другом всего агентства. Некоторых из известных журналистов крестил, венчал и даже отпевал. С его работой в АПН связан забавный факт: у партийцев из управленческой верхушки в кабинетах появились иконы. Когда Владыка наезжал к нам в «Военный вестник» в гости, всегда просил пригласить на посиделки Николая Николаевича Степанова – одного из ведущих журналистов агентства. Отец Степанова, как оказалось, был одним из выдающихся русских богословов и принимал активное участие в духовном образовании Питирима.²³ К стыду своему, я так и не удосужился разыскать печатные труды этого наставника.

В заключение хочется сказать, что подарок Питирима стал моей настольной книгой и много раз выручал в поисках истины. Уже перед самым закрытием журнала (как не отвечающего новым политическим тенденциям) я оказался на закрытом совещании в военном ведомстве «обновленной» России. Основной докладчик захлеб уверял аудиторию об отсутствии внешних врагов у нашей державы. Сразу было видно, что свой топор он уже выкинул или по крайней мере сильно его зазубрил.

– Скажите, – обратился я к нему, когда было предложено задавать вопросы, – а какая нынче доктрина у России – оборонительная или наступательная?

Докладчик нахмурился, ответ на такие вопросы явно не входил в оговоренную программу встречи. Зал выжидательно притих. И вдруг лицо сановитого военного просияло: нашелся спасительный ответ.

– Демократическая!

Больше меня в это ведомство не приглашали.

Анатолий Михалин, редактор журнала «Военный вестник» в 1988 году

«Возродил храм в моей душе»

Кому в нашем крае не знакомо имя приснопамятного митрополита Питирима! Он настолько вошел в нашу жизнь, что стал почти что символом, олицетворением нашего города, с его дивными храмами, монастырями, колокольнями. Смело можно сказать, что ни одно доброе начинание не обходилось без благословения Владыки, а часто и без его личного участия. В конце 80-х годов мы стали часто видеть архипастыря в организациях, школах, на городских улицах, одаривающего нас своим приветствием и благословением. Он с радостью откликался на просьбы, стараясь вникать во все проблемы, помогая устранять их, воодушевляя всех, кто находился рядом.

Для меня Владыка Питирим – это путь в Православие. До общения с ним я просто любила храмовую архитектуру, живопись, церковные песнопения, колокольные звоны. Но, к моему стыду, совершенно не знала учения Православной Церкви, в которой была крещена в детстве.

Наше знакомство состоялось в 1989 году, когда возникла идея проведения праздника, посвященного воинам-«афганцам». Опыта такого рода мероприятий у нас еще не было, а хотелось устроить что-то очень торжественное и в то же время душевное. Опасались мы и того, как бы после торжественной части мероприятия наши «афганцы» не загуляли и благое деяние не обернулось бы конфузом.

Я решила обратиться к Владыке и пригласить его на праздник, сценарий которого еще только вынашивался. Узнала, что в Теряевской школе Владыка Питирим проводит какую-то межрайонную конференцию. И вот я уже в числе ее участников. По окончании, не зная церковного этикета, обратилась к митрополиту по имени и отчеству, сбивчиво изложив свое дело. Известный архипастырь не только сам не смутился, но и меня не смутил моей невежественностью и, терпеливо выслушав и полностью поддержав идею празднования, предложил помощь.

Так началось наше сотрудничество. Владыка приезжал на заседания оргкомитета, подавал интересные идеи. Он

познакомил меня с протоиереем Николаем Поповым, который и стал нашим главным помощником, а на самом-то деле – наставником, путеводителем и духовным отцом. И вот, вдохновленный пастырями Церкви, наш праздник принял, в общем-то, православное направление.

Во время манифестации все, затаив дыхание, слушали выступление Владыки, и радостно было от такого единения, от теплых, согревающих душу слов, от церковных песнопений, которые исполнял приглашенный Владыкой хор Издательского отдела Московского Патриархата. Казалось, весь город пришел тогда на площадь к Вечному огню, а потом огромными колоннами, заполнив проезжую часть, двинулся к парку, где на берегу водоема, на высокой горе с видами на Волоколамский кремль и церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Возмище, была посажена аллея Памяти павшим «афганцам» и установлен памятный камень.

Смело могу сказать, что это был единый порыв христианской любви друг к другу, к погибшим друзьям, к своей родной земле, к Родине. Каждый, наверное, почувствовал себя патриотом. Да так оно и было, ибо патриот – это тот, кто любит свое Отечество, кто за други своя готов живот положить. Не стеснялись слез – ведь они, смешанные со святой водой, которой окроплял нас всех Владыка, были благодатными и желанными, ибо пробуждалась душа, омывалась от многолетней неправды и инстинктивно рвалась к Свету и Истине.

Если бы на этом всё и закончилось, то, наверное, растревоженная душа не одного «афганца» нашла бы «успокоение» в рюмке. Но уже звучал колокольный благовест в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы, приглашающем под свои белоснежные своды. Владыка всех повел в храм.

И вот открылись двери храма – для многих впервые (и для меня тоже). Отец Николай уже ждал. Началась панихида по убиенным воинам. Старинный храм озарился от множества свечей, полилась молитва к Богу и уже, кажется, не было слез, ибо пришло понимание, прощение, принятие воли Божией.

А потом ребят пригласили на трапезу в воскресную школу, где, по традиции Православной Церкви, поминали усопших.

До конца насыщенного событиями дня Владыка не покидал нас. Словно любящий отец, он выслушивал, беседовал, наставлял и благословлял, благословлял бесконечно. Вот так благодатно, покойно, мирно закончился тот памятный день.

Я помню, что с того дня в моем сердце появилось какое-то новое ощущение. Возможно, начинал пробиваться к жизни тот росток, семя которого было брошено еще в момент крещения. Двери храма после панихиды закрылись, но сердце осталось там. Надеюсь, молитвами нашего дорогого Владыки – навсегда.

Позднее мне приходилось проводить много мероприятий, в которых Владыка Питирим принимал участие. Необыкновенно благодарным и чутким зрителем и слушателем был наш Владыка. Всегда благодарил за понравившиеся ему постановки, брал на память сценарии, дарил подарки, интересовался семейными делами, делал наставления, благословлял, предлагал помощь.

Но все-таки именно тогда, в 1989-м, по великой милости Божией, было положено начало возрождению храма в моей душе. Я с благодарностью возвращаюсь мысленно в то время и не перестаю удивляться премудрому Промыслу Божию, желающему всем спасения и посылающему таких дивных светильников, каковым был Владыка Питирим. Скольким людям озарил путь этот неутомимый, мудрый и заботливый архипастырь!

И я верю, что Господь принял Своего служителя в селения праведных. Нам же остались как образец, как назидание – его христианская жизнь и праведная кончина, его живое слово, полное веры, надежды и любви.

* * *

«Подвиг для меня священен», – говорил Владыка Питирим. Подвиг он глубоко чтит. Ежегодно в День Победы 9 мая и в годовщину освобождения Волоколамска – 19 декабря (город был освобожден в праздник святителя Николая) митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим с духовенством Волоколамского благочиния, сотрудниками Издательского

отдела, гостями и множеством народа возлагал венок к подножию мемориала героям-панфиловцам в Дубосекове, где солдаты дивизии генерала Ивана Васильевича Панфилова защищали подступы к Москве. На этом рубеже было сосредоточено свыше 80 танков, два полка пехоты, шесть минометных и четыре артиллерийских батареи, многочисленные группы автоматчиков и мотоциклистов.

Венок возлагали также на могилу панфиловцев в селе Нелидове. Зимой шли, невзирая на мороз, вьюгу, бездорожье, порой по колено в снегу.

Духовенство служило панихиду по воинам, «жизнь свою за Отечество положившим». На 9 мая Владыка обычно привозил хор студентов Московских Духовных академии и семинарии и хор Издательского отдела.

Вот как говорил Владыка о начале своего служения в сане епископа Волоколамского в 1963 году:

«С чего мне было начать? Идти представляться районному начальству? Я рассудил, что мы с ним в разных «весовых категориях». Мы, конечно, обменялись телефонными звонками, а потом я направился прямо на Панфиловский боевой рубеж. Сорвал по дороге полевых цветов, положил на братскую могилу, прочитал молитву. На следующий год пошел туда уже с моими ассистентами, мальчиками-семинаристами, и сотрудниками Издательского отдела, потом и с народом туда отправились, совершили торжественную службу, а потом уже пошли контакты с вооруженными силами. А началось всё с полевого цветка на разъезде Дубосеково».²⁴

Война оставила на Волоколамской земле 136 братских могил. Но не все останки воинов были собраны и погребены. И вот 9 мая 1991 года в Волоколамске митрополит Питирим совершил отпевание и погребение воинов, защищавших Волоколамские рубежи. Сорок семь гробов было наполнено их останками...

Как-то в Издательский отдел к Владыке пришла семейная пара пенсионеров. Они ездили под Ржев и на место битвы, собирали непогребенные останки воинов, на свои пенсионные крохи покупали гробы и производили захоронения. Истратив все

свои деньги, они пришли к Владыке за помощью. Владыка откликнулся. Дал им денег.

Л. Овда, деревня Кашино

Крест Нахимова

В 1992 году праправнучка выдающегося русского флотоводца Павла Степановича Нахимова вручила митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму «на молитвенную память об адмирале» фамильный крест-мощевик – святыню, которую адмирал, глубоко верующий человек, всегда носил на груди. По ее словам, эту семейную реликвию передавали его предки из поколения в поколение.

Почему она решила отдать святыню, которую веками хранили в ее роду? Мы можем только догадываться об этом: праправнучка Нахимова и митрополит Питирим перешагнули порог вечности. Но об этой встрече Владыка рассказывал мне. Перед смертью митрополит Питирим завещал эту святыню Фонду научного и делового сотрудничества МГУ, «чтобы она служила Отечеству».

По словам Владыки, праправнучка адмирала (к сожалению, я не запомнил тогда ее имени) сказала: «Вы можете использовать нашу реликвию так, как считаете нужным: проводить церковно-патриотические программы или передать добрым людям». Она верила, что митрополит Питирим найдет достойное применение кресту Нахимова. И не ошиблась. Владыка сделал точную копию креста и передал ее командованию тяжелого ракетного крейсера «Адмирал Нахимов». Это один из лучших боевых кораблей Российского флота. Кроме того, было сделано 800 нательных крестов в полразмера оригинала для части личного состава ракетного крейсера.

Будучи председателем Попечительского Совета Фонда научного и делового сотрудничества, Владыка предложил нам организовать вручение копии этой святыни лучшим людям и коллективам Военно-морского флота России. Большой Нахимовский крест (в натуральную величину) – частям, подразделениям, кораблям, музеям, различным организациям, которые вносят достойный вклад в дело патриотического воспитания, укрепление православных традиций русского

воинства, в укрепление обороноспособности нашей страны. А малые кресты (вполовину оригинала) вручали лучшим представителям этих коллективов. Мы проводили такие акции на местах или вызывали отличившихся в Москву и Санкт-Петербург. Например, Большой крест был вручен Музею Нахимовского училища, а малые – лучшим нахимовцам.

В течение трех лет торжественная церемония вручения креста проводилась на корабле, который стоит у пирса на Краснопресненской набережной Москвы-реки. Нахимовские кресты вручали адмиралам и офицерам Военно-морского флота, участвовавшим в Великой Отечественной войне. Каждый год крест получали до пяти человек, имевших непосредственное отношение к воинской службе. К сожалению, ветераны уходят от нас, но они передают святыню своим потомкам.

Позже эта акция была расширена. Нахимовского креста удостоились, скажем так, гражданские лица. Одним из первых политиков, кому Владыка вручил крест, был спикер Госдумы Геннадий Селезнев. Его получили директора нескольких судостроительных заводов за достойный вклад в укрепление обороноспособности. Это очень заслуженные люди, многие из них имели государственные награды, включая ордена Ленина и Звезды Героев Социалистического Труда. Но, получая крест Нахимова, они были до слез тронуты таким вниманием (и, быть может, пониманием того, что это уже будет их семейная реликвия).

Ведь это не награда, это великий символ. Уникальность креста в том, что он является символом верности православным российским традициям. Если человек действительно им верен, то он готов нести свой жизненный крест подобно Иисусу Христу – трудиться, не жалея сил, терпеть лишения и муки в служении Богу и Отечеству, а если надо, «положить душу свою за други своя». Поэтому крестом не награждают, его вручают самым достойным – тем, кто способен его понести. На них возлагают большие надежды.

Креста достойны не только моряки, но и многие другие люди, верные православным традициям в служении Отечеству,

в укреплении обороноспособности. Объединившись с Клубом военачальников Российской Федерации, Фонд научного и делового сотрудничества проводит совместные акции и вручает крест Нахимова, казалось бы, не совсем подходящим структурам – таким, как Третий клинический военный госпиталь имени Вишневого. Ему передали крест, поскольку там построен храм святителя Луки (Войно-Ясенецкого), и этот коллектив действительно вносит большой вклад в укрепление обороноспособности нашей страны. Ведь здоровье солдат, офицеров, генералов и адмиралов – это очень важная часть обороноспособности. Вопреки расхожему мнению, что ее укрепляют только военные, в Фонде и в Клубе военачальников считают, что не меньший вклад в это дело вносят те, кто укрепляет здоровье и дух армии и флота.

Наверное, лучшее место для креста Нахимова – в храме госпиталя. Очень хотелось бы, чтобы в него вложили мощи святых (копия креста, как и оригинал, разделяется на две части, между которыми можно поместить мощи). И тогда, по вере больных, Господь будет посылать им чудесные исцеления.

Защитников Отечества надо воспитывать с детства. А как их у нас воспитывают? На героях древних былин! Но среди нас есть современные герои. Были они и сто, и двести лет назад – великие патриоты, которые прославили Отечество. Они гораздо ближе к нам, чем былинные персонажи. Вот на этих исторических личностях и надо воспитывать наших детей. Адмирал Нахимов – лишь один пример того, как можно повернуть к отечественной истории воспитание подрастающего поколения. Жизненный подвиг великого флотоводца должен стать примером не только для курсантов Нахимовского училища. У него могли бы учиться очень многие. И об этом неизменно проявлял заботу Владыка Питирим.

Григорий Соболев,

вице-президент Фонда научного и делового сотрудничества МГУ

Возвращение в Alma Mater

Студенческие годы митрополита Питирима

В конце 1990-х годов Владыка произнес запавшие в душу слова: «Жизнь идет к закату, и мне хотелось бы сделать для МИИТа что-нибудь очень важное».

Всё то многое, что сделал для МИИТа Владыка, знает один Всевышний. Его личное обаяние, светлый облик, глубокий ум, необыкновенная эрудиция расположили к себе миитовцев. Вечными памятниками Владыке являются домовая церковь и кафедра теологии, та духовность, которая воцарилась в МИИТе с его приходом.

Последний раз в МИИТе Владыка был 1 сентября 2003 года. Он приехал тяжело больным, но у него хватило духовных сил совершить молебен по случаю начала учебного года, выступить на торжествах, посвященных Дню знаний.

Господь призвал к Себе Владыку в день праздника Казанской иконы Божией Матери. Кончина его была поистине христианской. И как много оставил он учеников, сугубых молитвенников по себе, горячо его любящих...

Вечная память о Владыке Питириме сохранится в его родной alma mater и наших сердцах, во всем содеянном им лично и под его руководством, с его благословения.

Потомки будут вспоминать Владыку, по достоинству связывая его деятельность с эпохой духовного возрождения главных святых нашего университета.

Миитовцам всегда хотелось как-то по-особому отметить день рождения Владыки, а он, улыбаясь, говорил: «Не надо говорить про мой день рождения, давайте отмечать Рождество». Поэтому сегодня миитовцы ежегодно в это время отмечают день рождения Владыки, проводя Рождественские чтения памяти митрополита Питирима.

Чем дальше от того дня, когда мы простились с Владыкой Питиримом, тем больше каждый из нас ощущает потребность в общении с ним; по-новому и с особым почитанием вспоминает слова и действия этого великого человека. Мне кажется, что все мы – те, кто знал Владыку Питирима, испытываем

определенное тяготение друг к другу. Хочется еще раз вспомнить его, обменяться этими воспоминаниями. Безусловно, такие воспоминания играют большую роль в деле воспитания сегодняшней молодежи, в формировании новых взглядов на нашу жизнь, на жизнь нашего университета. Поэтому я хотел бы подробнее остановиться на тех годах, которые Владыка провел как студент нашего университета (в то время – института).

В личном деле студента Константина Нечаева в архиве Московского государственного университета путей сообщения (МИИТа) – восемь пронумерованных и сшитых листов.

Заявление на имя начальника подготовительных курсов: «Прошу Вас зачислить меня в число учеников Ваших курсов...» – он подал 22 июня 1943 года, а через два дня написал новое – теперь на имя начальника Московского института инженеров железнодорожного транспорта: «Прошу Вас принять меня, по окончании подготовительных курсов, в число студентов Вашего института».

Подготовка к обучению в вузе продолжалась три месяца. Окончив учебу, 27 сентября Константин Нечаев вновь написал заявление с просьбой зачислить его в число студентов на строительный факультет. В зачислении ему не отказали, но вместо строительного факультета отправили (росчерком зеленого карандаша «Движ.» по тексту его первого, от 25 июня, заявления) учиться на факультет движения и грузовой работы.

9 сентября 1943 года Константин Нечаев был зачислен в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Началась его учеба в техническом вузе.

В то время столица еще находилась на военном положении: окна были заклеены, по улицам ходили патрули противовоздушной обороны, осуществляя ночное дежурство по городу, передавались сводки с фронта.

Жил Константин Нечаев в центре Москвы на улице Маросейке вместе с матерью и сестрами, рядом с семьей брата.

Почти каждый день семнадцатилетний юноша отправлялся до площади Борьбы, за которой, между улицами Бахметьевской и Новосущевской, располагались его «первые университеты».

По традиции, в первую неделю первокурсники слушали известных ученых и профессоров МИИТа. Запомнилась студенту Константину Нечаеву первая встреча с профессором В. Н. Образцовым: «неординарный человек – даже представился неординарно...».

Ведущие профессора, имена которых записаны в «золотой летописи» вуза, после этой первой недели им, первокурсникам, были уже недоступны. Но о знаменитостях знали. Репутация тех или иных преподавателей формировалась годами, рассказы о них передавались из уст в уста...

Среди лекторов в 1943–1945 годах были не только миитовские профессора, но и эвакуированные в Москву ленинградцы. Работали рядом, плечом к плечу. Студенты-москвичи иногда «бегали слушать» профессоров Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. К. В. Нечаев вспоминал, что популярностью пользовались лекции ленинградского профессора Е. М. Егорова по теории механизмов и машин. В конце семестра он делал обзорную лекцию по прочитанному курсу – «блестяще всё суммировал». Сам профессор называл эту лекцию «Как сдавать экзамен».

Константину Нечаеву учиться было нелегко: за плечами – восьмой и девятый класс в первые годы войны, без десятого, короткие подготовительные курсы; сказывалось и тяжелое материальное положение семьи.

Легче ему давались гуманитарные предметы: он умел слушать, слышать, понимать и принимать собеседника. Основы марксизма-ленинизма сдавал на «отлично». Высоко были оценены его знания по геодезии и черчению. А вот с высшей математикой, физикой, химией, теоретической механикой было сложнее.

Жизнь студентов Московского института инженеров железнодорожного транспорта шла в 1943–1945 годах своим чередом: с заданиями, опросом, отметками и прочей атрибутикой воспитательной работы.

Воспитывало всё: среда обитания (весь вузовский городок, здания и учебные аудитории), среда общения (сотрудники вуза,

друзья), стиль общения профессора со студентами на лекциях, самостоятельная работа в лабораториях под руководством ассистента профессора, обсуждение научных проблем на семинарах и в кружках...

Методы воспитания у старших товарищей были разные. «Нас предупреждали, чтобы мнимая свобода студентов распоряжаться своим временем без ежедневного опроса и получения отметок за успеваемость не послужила соблазном к тому, чтобы запустить наши занятия», – вспоминал митрополит Питирим.

Владыка отмечал, что «наряду с учебными занятиями активно действовало научное студенческое общество», куда входили «далеко не все, но это была та творческая лаборатория, в которой рождались творческие идеи, из которой выходили изобретатели и будущие ученые».

Даже в годы войны занятия по специальности были не только аудиторными. Живой интерес вызывал музей железнодорожного транспорта в правом крыле Рижского вокзала.

В своих воспоминаниях митрополит Питирим писал, что на этажах учебных корпусов постоянно вывешивались стенные газеты: общая – для всех факультетов и профильные – факультетские. Они «ярко отражали современность». Он вспоминал: «Составной частью нашей жизни был транспарант: «Железнодорожный транспорт – родной брат Красной армии"»,²⁵ студенты с гордостью повторяли эти слова.

Как «заповедное место» ему вспоминалась библиотека с ее старинным интерьером, очередь за учебниками и выпрашиванием «на денек» серьезных отраслевых изданий.

Самым теплым местом в плохо отапливаемом институте были «чертежки» еще со старинными высокими столами-пюпитрами, липовыми досками. «Они носили следы чертежных листов, были залиты тушью, исколоты кнопками, что говорило об их необычайно долгом сроке службы обучению и науке. В этих «чертежках» мы делали первые задания как тест для будущего инженера... Требовалось быть внимательным и точным в миллиметрах, но в «чертежке» постоянно была

атмосфера доброго студенческого юмора», – пишет в своих воспоминаниях митрополит Питирим.²⁶

Актальный зал, в восточной части которого прежде располагалась домовая церковь, был выбелен и покрашен, «никаких признаков храма не было видно». Президиум и кулисы располагались справа от входа. Священное место уничтоженного алтаря ничем не было занято. В актовом зале проводились общие собрания коллектива, встречи с гостями, концерты.

Владыка рассказывал, что обычно этот зал был заполнен стульями, однако для особо популярного выступления студенты приносили на последние ряды столы из близлежащих аудиторий и создавали амфитеатр: первые ряды занимали стулья, затем – стулья на столах, затем – стол на стол, уже без стульев; сооружение было прочным, но спуск с последнего ряда – из-под потолка – граничил с риском.

Митрополит Питирим отмечал, что быт был суров, питались они скудно. Столовая, правда, работала исправно, там можно было получить обед по продовольственной карточке. Ему запомнилось, что некоторые студенты предпочитали иметь при себе ломоть черного хлеба, который не очень отягощал карман: к вечеру он приобретал особые вкусовые качества.

Летом 1944 года в жизни студента факультета движения и грузовой работы Константина Нечаева произошло знаменательное событие. Появился шанс для осуществления его давней мечты: в одном из корпусов Новодевичьего монастыря приступили к работе возрожденные Московские Духовные школы – Богословские православные пастырские курсы и Богословский православный институт.

К тому времени в жизни Русской Православной Церкви произошли важные события. В сентябре 1943 года в Москве с главой правительства, председателем Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталиным, встретились три митрополита, один из которых, митрополит Сергий (Страгородский), вскоре после этой встречи был избран Патриархом Московским и всея Руси. Еще через девять месяцев открылись Московские Духовные школы.

Интерес к духовным знаниям у Константина Нечаева с годами не ослабевал, желание служить Русской Православной Церкви росло. Летом 1944 года он отправился в Московскую Патриархию. Вспоминал об этом так: «Очень хорошо помню этот первый день, когда я пришел в Чистый переулок и там, совершенно неожиданно для себя, был встречен келейником местоблюстителя архимандритом Иоанном. Он подробно расспросил меня, затем я поднялся на второй этаж, где была приемная комиссия...»

Константин Нечаев решил попробовать совмещать обучение в светском и духовном учебных заведениях. Тогда это было еще возможно: занятия в Московских Духовных школах в 1944/1945 учебном году были еще очень нерегулярными из-за того, что шло комплектование штата преподавателей, да и занятия обычно проводились в вечернее время.

Среди документов, которые юноша подготовил для передачи в администрацию Духовного учебного заведения, есть и справка, заверенная круглой печатью, о том, что он является студентом второго курса строительного факультета Московского института инженеров железнодорожного транспорта, на ней дата – 29 сентября (осенью 1944 года Константину Нечаеву вместе с группой студентов предложили перейти на факультет строительства железных дорог).

Константин Нечаев третий семестр в целом закончил хорошо, хотя были и посредственные оценки. Его военная подготовка, оцененная на первом курсе отлично, ухудшилась... А от занятий по физической подготовке его освободили еще на первом курсе. По итогам второго курса оценку «отлично» имел по основам марксизма-ленинизма, геодезии, черчению, электротехнике, а пересдавал, чтобы получить более высокую оценку, высшую математику и строительную механику. До третьего курса с учебой справлялся.

Главной причиной снижения успеваемости на третьем курсе технического вуза был наступивший серьезный кризис: душа требовала избрать *благую часть, которая не отнимется* (Лк.10:42). Она настойчиво просила иных знаний, иного вида

основной деятельности... Видимо, с каждым месяцем юноша всё сильнее ощущал, что его призвание – в другом...

* * *

«Душа «уязвляется любовью к Господу», это чувство, бесконечно развиваясь, становится определяющим всю жизнь человека. Человек забывает все былые привязанности и стремится только к теснейшему брачному союзу с Богом». Это – цитата из первого научного сочинения К. В. Нечаева – диссертации на присвоение степени кандидата богословия.

Борис Левин, ректор Московского государственного университета путей сообщения (МНИТ),
профессор, доктор технических наук

«Общение с Владыкой Питиримом было школой для думающего человека»

Благодаря Владыке, носителю христианской культуры и многовековой русской духовной традиции, немало и известных, и простых людей в секулярную эпоху нашли путь к храму.

Нам было известно, что у нас в МИИТе учился митрополит Питирим. Но случая познакомиться с ним все не представлялось.

Познакомились в 1996-м, когда мы готовились отмечать 100-летие нашего университета. На этом празднике Владыка был одним из самых почетных гостей. Выступил с приветствием и благословил наш коллектив успешно трудиться следующие 100 лет. После этого знакомства Владыка стал бывать в МИИТе на торжественных мероприятиях и концертах.

Владыка принял деятельное участие и в возрождении Никольского домового храма МИИТа. Эту идею он высказал еще в середине 1990-х. Было, конечно, непросто – в числе первых восстановить церковь внутри гражданского вуза. Но Владыка всех нас – и ректорат, и преподавателей, и студентов – настроил на то, что это надо обязательно сделать. И вот 26 апреля 2001 года храм освятил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей в сослужении митрополита Питирима.

Митрополит Питирим был действительно исключительно интересным человеком. Его обаяние всегда притягивало к нему самых разных людей. Он умел тонко чувствовать собеседника, любую аудиторию. Общение с ним было всегда школой для любого думающего человека. Он всех поражал своей энциклопедичностью – глубокими знаниями не только истории христианства, особенно Православия, но и в самых разных сферах.

Митрополит Питирим был и художником, и музыкантом, и прекрасным фотографом... Владыка прекрасно знал русскую поэзию. Любимым поэтом у него был Тютчев. Любил

музыкальные произведения на его стихи, например, «Весенние воды». Из композиторов любил Рахманинова, его «Всенощную».

В своих выступлениях он всегда мог сказать самое главное, именно то, чего от него ждала аудитория. Владыка никогда не выступал с призывом: «Давайте построим царство свободы, высокой нравственности, культуры!» Да, мечтать об этом можно. Но есть цели, которые нужно успеть реализовать в своей земной жизни. Поэтому Владыка всегда был предельно конкретен в постановке задач. Он был философом, и философом прозорливым. Умел быстро проанализировать ситуацию и сделать какие-то прогнозы – краткосрочные, долгосрочные и, соответственно, выделял цели ближайшие и более отдаленные.

Владыка любил выступать перед студентами первых курсов МИИТа. В отличие от тех, кто выступал с назиданиями, он говорил лаконично, искренне, продуманно. И это действительно откладывалось в памяти, западало в душу. Общих призывов типа «Учиться, учиться!» – не произносил, опирался на собственный пример, вспоминая, как ему в свое время учеба в МИИТе помогла стать организованным, рациональным в расходовании бюджета собственного времени человеком, умеющим поставить цель и выверить путь к ее достижению.

Если он произносил слово «учиться», то тут же пояснял, «почему надо учиться, особенно сегодня, и на что обратить внимание». Как известно, практически вся инженерная школа в России началась со специалистов железнодорожного транспорта. И сегодня транспорт играет решающую роль в развитии любой национальной экономики и вообще в развитии цивилизации. Общаясь со студентами МИИТа, митрополит Питирим всегда это подчеркивал. Владыка вновь и вновь повторял молодежи, что надо овладевать не только профессиональными навыками, знаниями, но и обязательно быть порядочным и культурным человеком.

Митрополит Питирим хорошо понимал международную ситуацию. Одно из предвидений, которые он неоднократно высказывал, что «... нынешняя Россия может стать одним из могущественных центров экономического влияния, каким был в свое время Советский Союз». В этом он был не только глубоко

убежден, но и многое для этого делал. Его деловитость сопровождалась продуманным воздействием на умы и души людей.

Митрополит Питирим был потрясающе деликатен в постановке проблем и никогда ни о чем не просил. Но если его собеседник был чутким, то понимал, что Владыка нуждается в какой-то поддержке. Или даже не он лично, а кто-то другой, о ком он сейчас говорит.

Владыка был не только многогранно талантливым – он еще был трудолюбивым и добивался в разных направлениях своей деятельности нужных результатов. Такой человеческой мобильности, организованности, энергичности и целеустремленности мог бы позавидовать любой, кто сегодня числится в гениях. Но для него не было альтернативы. Думаю, его земной путь был предопределен свыше, а также всеми предшествующими поколениями его семьи: ведь он священнослужитель в девятом поколении. Все, кому довелось знать митрополита Питирима, не могли не заметить его аристократизма в лучшем смысле этого слова.

Владыку часто приглашали на всевозможные мероприятия на разных уровнях, после которых устраивались фуршеты-«междусобойчики», где один говорит что-то свеженькое, другой что-то вспоминает. Владыка и здесь был в центре внимания. У него было тонкое чувство юмора! На таких встречах он непременно рассказывал что-нибудь красочное, смешное из своей коллекции историй известных и малоизвестных. К примеру, когда его спрашивали, почему одни верят в Бога, а другие нет, он шутил: «Мы все – верующие! Кто-то верит, что Бог есть. А кто-то, что Бога нет».

Поражала его афористичность – настолько ясно он думал и логично мог изложить. Владыка Питирим многим политикам давал уроки ораторского искусства. На любом торжестве Владыка никогда не говорил более полутора-двух минут. Но слова его были настолько точны и продуманны, что глубоко отпечатывались в уме и сердце, оставаясь в памяти на долгие годы.

Генерал-полковник Тоцкий пригласил митрополита Питирима в ГКЗ «Россия» на 70-летие «Отдельного погранотряда МОСКВА» и, открывая вечер, сказал, что не хотел бы начинать это торжество, пока собравшихся в зале не благословит выдающийся иерарх Русской Церкви митрополит Питирим. Оценивая про себя эту ситуацию, я, профессор университета, подумал: какие же найти слова, чтобы запомнились навсегда, и как продумать это выступление в течение 15 секунд, пока поднимаешься на сцену. Кстати, необходимо подчеркнуть, что у него была не походка, а именно поступь – другого слова я подобрать не могу. Митрополит Питирим поднялся на сцену и сказал буквально следующее: «Граница между добром и злом всегда проходит через сердце. Вам выпала высокая честь охранять сердце России – Москву от зла. Я желаю вам в этом преуспеть» (орация зала).

Примеров его красноречия несть числа. Слава Богу, сохранилось порядка 90 аудио– и видеозаписей с выступлениями Владыки. По средам он читал в МИИТе лекции. А после лекций в кабинете ректора мы пили кофе, вели доверительные, непринужденные беседы, обсуждали многие проблемы. Говорили и о возрождении Иосифо-Волоцкого монастыря, наместником которого был Владыка. Обитель требовала непрестанных забот – реставрация, археологические работы, книгоиздательская деятельность... И он делился своими мыслями по этому поводу. Владыка стал настоятелем обители в годы, когда монастыри только начинали возвращать Русской Православной Церкви. Еще не накоплен был опыт их восстановления. Тем не менее он думал не только о строительно-реставрационных работах, но и о возрождении традиций.

Иосифо-Волоцкий монастырь всегда был крупным книжным центром, где подвизались богословы и историки Церкви. Эту традицию заложил основатель обители – преподобный Иосиф, а продолжили такие столпы русского летописания и церковной историографии, как митрополиты Московские и всея Руси Даниил и Макарий. Поэтому Владыка Питирим стремился возродить монастырь именно как научно-культурный центр

Русской Православной Церкви. При нем совершилось обретение мощей преподобного Иосифа Волоцкого – одного этого достаточно, чтобы войти в историю Православия. Владыка проделал колоссальную работу по реконструкции Успенского собора, по укреплению фундамента самого монастыря, по развитию инфраструктуры.

Думал он и о том, чтобы обитель стала ядром экономического возрождения края, о старых традициях монастырской благотворительности... Но, увы, не все получалось так, как он хотел. Если сегодня сопоставить его деятельность с трудами по возрождению обителей более молодых священнослужителей, то складывается впечатление, что многие из них за короткий срок добивались более заметных результатов. Но это только на первый взгляд.

Ставя высокие цели, Владыка Питирим никогда не придерживался пресловутого принципа: «цель оправдывает средства». Он восстанавливал монастырь только «чистыми руками», не привлекал к таким делам случайных или, мягко говоря, нечистоплотных людей. Это еще раз подтверждает, что он был чист не только помыслами, но и своей деятельностью. Он всегда оценивал людей по поступкам: если видел, что кто-то хотел использовать авторитет Церкви для достижения своей личной небескорыстной цели, то таким людям прямо говорил: «Больше никаких контактов с вами я иметь не хочу и не могу».

Кто-то дал деньги, скажем, на золочение купола – и потом его поминают в обители, награждают; а то, каким путем у этого человека появились деньги, часто в расчет не принимается. Подобного Владыка не допускал. Ни одного штриха, который меня бы насторожил или огорчил за те без малого семь лет нашего тесного сотрудничества и общения с Владыкой Питиримом, я не заметил. Нередко он спрашивал у меня: «Александр Аполлонович, как Вы считаете, уместно я сказал вот это и другое, никого не задел, никого не обидел? Правильно ли посоветовал, как Вы считаете?» Меня это всегда потрясало. Хотя Владыка всегда вел себя мудро и предельно щепетильно с любым собеседником, даже такой глубокий человек, как он, потом сомневался: вдруг какой-то его совет, назидание

прозвучали так, что кто-то задет. Мне кажется, что сомнения Владыки – это способ самоочистки, самоконтроля.

МИИТу принадлежит заслуга возрождения стройотрядовского движения в стране. К концу движения ССО советского времени изменились приоритеты: на первый план выдвинулось зарабатывание денег. Но ведь главная цель движения – духовное и патриотическое воспитание студенческой молодежи. Первый после длительного перерыва миитовский отряд отправился на реставрацию Иосифо-Волоцкого монастыря в 1996 году. Митрополит Питирим благословил безвозмездный труд студентов. Их было 20 добровольцев, ребята вполне современного вида. Увидев их, Владыка пошутил: «Если я встречу таких вот ребят на улице в вечернее время, постараюсь отойти в сторону».

Мы с ректором Левиным Борисом Алексеевичем часто приезжали в Иосифо-Волоцкий монастырь. Ближе к завершению работы отряда все 20 человек перестали курить. А если кто-то и курил, то только за оградой монастыря. И как высокую честь они воспринимали встречи с Владыкой. Поменялся и тон их разговоров. «Александр Аполлонович, если можно, попросите Владыку, чтобы он сфотографировался с нами на память», – услышал я просьбу наших студентов.

После этой поездки они, во-первых, изменили в лучшую сторону свое отношение к учебе. Во-вторых, многие из них стали посещать храм. И, в-третьих, до конца учебы они ежегодно ездили в монастырь и безвозмездно помогали в различных работах. Вот каково влияние Владыки на людей предельно приземленных, тех, кто в значительной степени исповедует потребительскую идеологию сегодняшнего дня.

Прямо на моих глазах происходила их психологическая, нравственная метаморфоза. Эти ребята поверили, что есть светлое начало в нашей жизни, несмотря на все ее проблемы. Но они и поняли, что о светлом надо не только мечтать – для этого надо и потрудиться. И сегодня, когда Владыки нет с нами, наши отряды по-прежнему безвозмездно продолжают работать в монастыре.

Александр Выгнанов,

первый проректор МИИТ

Деятельность митрополита Питирима как заведующего кафедрой теологии

Вспоминая о деятельности Владыки Питирима в МИИТе, нельзя не назвать два основных ее зримых результата. Это: домовый храм во имя святителя Николая Чудотворца и кафедра теологии.

Домовая церковь МИИТа была освящена Святейшим Патриархом Алексием в апреле 2001 года. Кафедра теологии МИИТа создана в ноябре 2001 года и начала работу со 2-го семестра 2001/02 учебного года.

Вдохновителем воссоздания церкви, а также создания кафедры теологии и первым ее заведующим являлся Владыка Питирим.

В интервью газете «Гудок» Владыка говорил, что в дополнение ко всем своим многочисленным обязанностям, связанным с его саном он «взвалил этот «воз» (так выразился про кафедру корреспондент. – И. С.) с большим удовольствием и радостью».

Эту радость Владыки разделяли и мы, те преподаватели и сотрудники-миитовцы, которые были на кафедре с самого ее основания, несмотря на то, что период создания и становления кафедры всегда является очень напряженным.

Для того, чтобы кафедра работала с отдачей, результативно, необходимо многое. Выделю три основных составляющих:

во-первых, квалифицированные и воцерковленные педагоги, имеющие (желательно) дополнительное богословское образование, с благорасположением относящиеся к немощным в духовном плане студентам;

во-вторых, способные хотя бы к минимальному восприятию студенты;

в-третьих, хорошее методическое и техническое оснащение кафедры.

Когда предварительно обсуждался вопрос о преподавательском составе кафедры, Владыка просил дать

полную характеристику каждого кандидата в преподаватели: образование, квалификация... С каждым поступающим на кафедру извне (не из МИИТа) Владыка разговаривал. Он просил кандидата изложить свой взгляд на дальнейшую преподавательскую деятельность; ответить на вопрос: в чем преподаватель видит цель обучения студентов; выделить те вопросы, которыми он более всего владеет и которые он может предложить студентам; сказать, чем он, кроме преподавания, может быть полезен кафедре. Отбор был очень строгий.

Владыка посещал занятия преподавателей и очень критически относился в первую очередь к себе, а также и к другим преподавателям. Часто на заседаниях кафедры обсуждался опыт работы преподавателей, основные трудности, с которыми мы сталкивались при работе со студентами. Каждый рассказывал как о своем положительном опыте, так и о своих проблемах.

Владыка выслушивал, помогал советом и делом. Сам он блестяще читал лекции. На его занятиях присутствовали не только студенты, но и преподаватели, сотрудники разных кафедр университета.

Для ознакомления с уровнем восприятия студентов и подготовки их (и сотрудников МИИТа) к открытию храма и кафедры теологии была проделана большая подготовительная работа. В частности, с марта 1999 года начал работать общеуниверситетский постоянно действующий семинар «Духовный мир человека на пороге третьего тысячелетия». На заседаниях семинара выступали православные ученые, священники, отвечавшие на вопросы студентов и сотрудников.

Председателем семинара до своей кончины являлся Владыка Питирим. Несмотря на свою занятость, Владыка часто посещал заседания семинара и всегда при этом выступал перед слушателями (в основном, студентами). Для Владыки такие встречи с молодежью всегда были радостны.

Кратко обозначу еще некоторые аспекты внеаудиторной работы со студентами, которая проводилась по благословению митрополита:

– были организованы автобусные экскурсии в Иосифо-Волоцкий монастырь;

– были организованы дежурства преподавателей на кафедре (а также в храме) для консультации студентов по различным вопросам.

Очень важным фактором повышения духовного и нравственного уровня студентов, их подготовки к восприятию читаемых на кафедре дисциплин является домовая церковь МИИТа.

Митрополит Питирим считал, что «создаваемая кафедра теологии вкупе с уже действующей прекрасной домовою церковью университета помогут приобщить к духовности и вере еще сотни молодых людей, которые стремятся понять сущность православной веры, заповедей Господних».

Владыка неоднократно совершал богослужения в домовом храме МИИТа, планировал проводить «учебные богослужения», во время которых студенты и все желающие смогут понять суть службы, будут снабжены разъяснениями содержания молитв, песнопений, священнодействий. К сожалению, при жизни Владыки этого осуществить не удалось.

Немного расскажу о методическом и техническом оснащении кафедры.

Кафедра имеет библиотеку православной литературы. Ряд уникальных изданий библиотека получила непосредственно от Владыки Питирима. Им написаны и изданы в типографии МИИТа конспекты лекций по дисциплине «Культурно-религиозное наследие России», совместно с Т. Л. Александровой – две части учебного пособия по той же дисциплине «Хрестоматия по русской религиозно-философской поэзии XIX века». Благодаря заботам митрополита и финансовой помощи благодетелей, кафедра имеет учебную аудиторию, оснащенную аудио– и видеоаппаратурой.

Вспоминаю последнее посещение кафедры Владыкой. Это было 1 сентября 2003 года (за два месяца до кончины). Несмотря на тяжелое физическое состояние Владыки, после молебна в храме, посвященного началу учебного года, и выступления во Дворце культуры МИИТа на Дне знаний, он

долго общался с нами, преподавателями и сотрудниками кафедры. Чувствовалось, что ему очень не хотелось уходить. Перед уходом он каждого из нас благословил.

Чем больше времени проходит со дня кончины Владыки, тем более в воспоминаниях о нем проявляется его преобладающая черта – безграничная доброта, имеющая основанием Богом данную ему любовь к людям.

Мы, сотрудники и преподаватели кафедры, благодарим Бога за это миитовское чудо-храм и кафедру теологии. Благодарим ректора МИИТа Бориса Алексеевича Левина за благорасположение к нам и деятельную помощь.

Мы чтим память митрополита Питирима и стараемся выполнять его наставления и советы.

С начала 2004 года у нас новый заведующий кафедрой – архиепископ Орехово-Зуевский Алексей, с которым мы, надеюсь, воплотим в жизнь замыслы Владыки Питирима, направленные на нравственное, культурное, патриотическое воспитание студентов.

Ирина Сергеева, профессор МИИТ, заместитель заведующего кафедрой теологии, доктор технических наук

«Мы должны показать величие наших нравственных ценностей»

В потоке времени земного бытия мы оказываемся всё дальше и дальше от дней непосредственного общения с Владыкой Питиримом. Проходят месяцы и годы, но память души сохраняет и его слово, и его мысль, высказанную только взглядом.

Кафедре теологии МИИТа в феврале 2007 года исполнилось пять лет. Первые три учебных семестра мы работали с Владыкой Питиримом. Это очень мало в земном измерении, но это очень много и значительно в нашем духовном опыте. Нам дорого всё, что мы слышали от Владыки на семинарах и лекциях, на заседаниях кафедры. Время что-то стирает в памяти, однако то, что мы вспоминаем, даже краткие рабочие замечания, наполняются всё большим смыслом и глубиной, всё более ясным становится их значение для понимания проблем сегодняшнего дня и для определения стратегии нашей системы образования, для будущего нашей страны.

Почему и зачем митрополит Питирим, архиерей Русской Православной Церкви, уважаемый и любимый людьми православными и неправославными, верующими и неверующими, – пришел работать в МИИТ профессором кафедры теологии? Мы можем ответить на этот вопрос словами Владыки об уважении к труду путейцев, о благодарности альма матер. Не погрешим также, если скажем, что для Константина Владимировича Нечаева это было возвращением в юность, в студенческие годы. Мы помним, каким особенно теплым становился его взгляд, когда он проходил по нашему университетскому музею. Для нас музей – это исторические экспонаты, а для него старые книжные шкафы и лабораторное оборудование – это свидетели и носители духа его студенческой жизни.

Но, конечно, не ностальгия по студенческой молодости привела митрополита Питирима в МИИТ. Руководство кафедрой

теологии в техническом вузе стало в один ряд многих и многих его гражданских служений, которые соединяются, сливаются в огромный духовный труд и подвиг любви к своему Отечеству, своему народу. Он пришел в трудное настоящее с надеждой на лучшее будущее – для МИИТа и для всей системы высшего образования, которая есть фундамент для ближайшего и отдаленного будущего нашей страны.

Это не декларировалось Владыкой, а вырастало в текущей преподавательской работе из его замечаний, советов, вопросов, предложений. Хочу обратить внимание на слова митрополита Питирима на первом заседании кафедры теологии 5 февраля 2002 года. Он говорил об основных направлениях и задачах кафедры теологии в техническом вузе. Нужно отметить, что каждое его выступление на кафедре было размышлением, к которому он призывал и нас. Оно всегда было собеседованием, соразмышлением. Владыка Питирим тогда сказал: «Наше общество находится в политически и психологически сложном положении. Оно должно увидеть через нашу Православную Церковь то, что составляет наше национальное богатство, нашу национальную культуру... Не нужно бояться слова «национальное». Наше национальное – это русское ядро, славянское, славянское в восточной форме. Наша задача – довести знание основ нашей славянской культуры до студентов».

В плане учебной работы кафедры были утверждены два спецкурса: «Культурно-религиозное наследие России» и «Роль Русской Православной Церкви в истории России». Свой первый семестр мы начинали со спецкурса «Роль Русской Православной Церкви в истории России». Раздумывая над содержанием этого спецкурса, митрополит Питирим высказал мысль о построении его как философии истории России. Владыка благословил нас на свободный творческий поиск в построении лекционных курсов, указав вектор нашей работы и поставив задачу – «одухотворить историю России».

Важным методологическим принципом стало для нас обоснование Владыкой в его первой лекции тезиса о том, что процесс познания есть нравственный процесс. Перед

преподавателями была поставлена задача: не просто наполнять головы студентов информацией, а формировать у них мировоззрение, базирующееся на христианских ценностях. На одном из последних заседаний кафедры, прошедших с участием Владыки (май 2003 года), мы обсуждали проблемы, с которыми столкнулись в своей работе. Митрополит Питирим сказал: «Мы должны утвердить в сознании, что религия и нравственные устои не должны нуждаться в защите, в апологетике. А в настоящее время наша апологетика состоит в том, чтобы показать, что Церковь – не враг государства. Для этого мы должны показать величие наших нравственных ценностей, нашей нравственной гражданственности».

Мир проживает первое десятилетие XXI века. Россия проходит этап отрезвления от шока социальных реформ. Казалось бы, что всем, верующим и неверующим, стало ясно: духовно-нравственное воспитание молодежи является важнейшим условием выздоровления нашего больного общества, перенесшего тяжелые и рискованные хирургические операции. Без него невозможно дальнейшее политическое, социальное, экономическое развитие России.

Давайте прислушаемся к словам митрополита Питирима, с которыми он обратился к нам, преподавателям кафедры теологии, на одном из заседаний, но это обращение – ко всем преподавателям и не только к преподавателям. Владыка сказал: «Наше общество и весь мир находятся в состоянии нестабильности. В этом состоянии находится и молодежь. И именно это историческое обстоятельство делает чрезвычайно важным поставить и решить задачу – дать им нравственную основу стабильности. Вооружить их духовно-нравственными ценностями, которые помогут людям перенести самые сильные социальные перегрузки». Эту задачу, по мере наших сил, мы и стараемся решать. Мы размышляем со студентами о ценностях неизменных, вечных и о тех путях, которые ведут в вечность, в Царство Небесное. Это разговор о том, что образует фундамент нашей земной жизни. Духовно-нравственные ценности для дня сегодняшнего – это критерии оценок наших действий, наших

планов, наших мыслей. Это то, что соединяет вчера, сегодня и завтра в жизни человека и народов.

Чтобы решить эту задачу, необходим постоянный поиск форм и методов работы с современным молодым человеком. У большинства студентов мы находим живой отклик, искренний интерес. Но сталкиваемся и с сопротивлением, о котором нас предупреждал митрополит Питирим. Он говорил о возможности встретить в аудитории разные настроения, от враждебности до безразличия. Но и для тех, кто приходит на наши занятия с интересом и надеждой, и для тех, кто имеет внутреннее сопротивление (мотивированное на 99,9 % незнанием, духовным невежеством) мы должны, как учил нас Владыка, найти формы, пути к взаимопониманию. В связи с этим Владыка говорил о необходимости проведения экскурсий, организации выставок, о целесообразности тематических студенческих кружков, о введении в учебный процесс современных средств аудио– и видеотехники. Своими лекциями, семинарами, внеучебной работой со студентами он показывал нам пример такого творческого подхода педагога, воспитателя.

Оценивая первый опыт работы в техническом вузе, митрополит Питирим с большим огорчением констатировал, что современное университетское студенчество не готово к академической работе. Это особенно обостряет проблему интереса и сохранения мотивации студента к работе на занятиях. Это является важным условием решения главной воспитательной задачи, которая в наших спецкурсах совпадает с образовательной. Задача эта – формирование духовно-нравственных ценностей, нравственного мировоззрения. Пользуясь словами митрополита Питирима, можно сказать, что наша стратегическая задача – сформировать у студентов одухотворенное мировоззрение.

Восстановление домового храма святителя Николая Чудотворца, а затем открытие кафедры теологии в Московском государственном университете путей сообщения (МИИТе) имеет исторические предпосылки и условия. Внутренней предпосылкой стал опыт чтения в течение нескольких лет спецкурса «Роль Русской Православной Церкви в истории

России» на кафедре истории, а важнейшим внешним фактором послужили ежегодные Международные образовательные чтения, проводимые Отделом катехизации Московского Патриархата. Эти Чтения постепенно готовили почву для постановки и решения вопроса о православном образовании и в школах, и в университетах. Но почва была зыбкой. Поэтому от руководства нашего Университета, от Ученого Совета потребовались и смелость, и решительность, чтобы создать кафедру теологии в техническом вузе. Такую смелость, а главное, мудрость, они проявили, заложив основы для восстановления очень важной традиции духовного образования в нашем старейшем российском вузе, знаменитом и уважаемом Императорском училище путей сообщения. Первым заведующим и основателем богословской кафедры в современном техническом университете стал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Мы ясно сознаем, что это – великая Божия милость и что за этим событием в жизни нашего Университета скрывается огромный молитвенный труд митрополита Питирима.

Мы глубоко благодарны руководству Университета (МИИТа) и Фонда митрополита Питирима за внимание и помощь в решении этой нашей общей задачи. Особенно нужно отметить утверждение именной студенческой стипендии митрополита Питирима. Это служит важным инструментом мотивации студентов в учебном процессе. Но самое главное все-таки не в этом, а в том, что такая именная стипендия есть замечательное средство формирования у молодежи исторической памяти и уважения к нашему духовному богатству, национальной культуре и ее выдающемуся представителю, носителю и созидателю митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму.

Мы, миитовцы, храним память о Владыке в наших сердцах и, конечно, понимаем и желаем, чтобы память эта проявилась в делах. На нас лежит ответственность перед Богом и долг перед Владыкой стать достойными продолжателями начатого им дела духовного образования и воспитания студенческой молодежи.

Сознавая эту ответственность, мы прежде всего обращаемся к теоретическому, методологическому и методическому наследию нашего руководителя и наставника, митрополита Питирима. Это наследие в сфере духовного образования в техническом вузе относительно невелико: по времени, по количеству проведенных занятий, по объемам его учебных пособий. Но за этим кратким, трехсеместровым периодом работы на нашей кафедре лежит многолетний педагогический опыт работы в Московской Духовной Академии и десятилетия пастырского окормления и христиан, и нехристиан, и верующих, и неверующих. Но главное – это не годы, а высота личности и глубина мысли православного богослова и верного сына своего Отечества.

Нам представляется необходимым, сохраняя наследие митрополита Питирима, стремиться к полноте отражения его взглядов на человека, общество, русскую культуру и роль Православия и Русской Православной Церкви в нашей, как он писал, библейской цивилизации. В то же время следует позаботиться о дальнейшем развитии наших спецкурсов, наполняя методологическую основу и методическую базу. Только так мы сможем двигаться по пути решения поставленных перед нами задач: не просто расширения поля знаний, искусственно ограниченного в условиях монополии атеистической идеологии, но и содействовать духовно-нравственному воспитанию, созиданию и укреплению духовных основ жизни нашего общества.

Среди наиболее важных и актуальных тем, на которые митрополит Питирим обращал внимание и нас, преподавателей, и студентов, был методологический вопрос об особенностях процесса познания и современного осмысления философии истории России, истории русской культуры и противоречий, порождаемых глобализацией.

Митрополит Питирим обращал внимание студентов на то, что познание – процесс структурно сложный, многослойный. В нем можно вычленить собственно сознательную мыслительную деятельность, подсознание, некие физические (физиологические) процессы. Существенным образом

отличаются две главные формы познания – рациональное и иррациональное. Он писал: «если мы стоим на узких материалистических позициях, то имеем только две функции – тело и психику, систему химического обмена нервных клеток, которые рождают мысль. Но это – механическая концепция, не объясняющая, почему, например, человек влюбляется – вопреки здравому смыслу и логике».²⁷

Эти мысли удивительным образом созвучны тому, что неоднократно писал и говорил другой выдающийся деятель культуры и науки XX века – академик Борис Раушенбах. Свои размышления о логическом и внелогическом в познании он развивал и обосновывал в лекциях по иконописи перед студентами МФТИ. Он говорил о разных каналах информации. А митрополит Питирим говорил о рациональном и иррациональном как разных «путях сообщения» перед студентами МИИТа в спецкурсе «Культурно-религиозное наследие России». Оба выдающихся мыслителя XX века, наши современники, крупный ученый-естественник Б. Раушенбах и уважаемый богослов митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, говоря о различии форм познания, подводили студентов к пониманию необходимости формирования именно цельного мировоззрения и предупреждали об ошибочности противопоставления науки и религии и их разделении, обособлении до противостояния. Академик Б. Раушенбах убеждал, что тезис о том, что наука и религия несовместимы, просто разбивается о примеры таких великих ученых, как Ньютон и Планк. Он писал: «... Наиболее крупные ученые и прошлого и современности были людьми в той или иной степени религиозными, во всяком случае, признававшими, что одной материи и ее законов недостаточно, чтобы объяснить всю сложность и многообразие Природы».²⁸ В конспектах лекций Владыки Питирима мы читаем: «Я не согласен с противопоставлением научной и религиозной картин мира».²⁹

Вопрос о целостности мировоззрения получил у Владыки Питирима на первый взгляд неожиданную конкретизацию в тезисе об исключительной важности инженерного мышления. И в беседах на кафедре, и на лекциях Владыка очень часто и

подчеркнуто значительно и уважительно произносил: «инженерное мышление». В лекционном курсе он разъяснял: «Инженерное мышление – системное мышление, оно представляет проблему в целом... Богословие в определенном смысле ему сродни. Для богослова также очень важно видеть смысл того или иного явления и предвидеть его дальнейший ход развития».³⁰

Вопрос о цельности, системности образования получает и еще одно весьма важное методологическое обоснование. Оно проистекает из глубокого, хотя и предельно кратко выраженного тезиса: «Познание – функция нравственная, а нравственность есть неотъемлемое свойство человека. Наука, которая основана только на накоплении материала, даже если применяются самые современные методы, не отвечает на главный вопрос о смысле жизни и месте человека в мире».³¹

Православный богослов и педагог нам напоминает: «В Библии утверждается принцип системного мышления. Бог создал мир как единую систему, в основе которой – нравственность».³² И сегодня актуально звучит пожелание святителя митрополита Филарета (Дроздова), обращенное к студентам и преподавателям Московского университета 150 лет назад: «Так теки царским путем царская обитель знаний... Распространяй не поверхностное образование, но просвещение, проникающее от ума до сердца, и да будет плодом знания добродетель и истинное благо, частное и общее».³³

Галина Малинчева, доцент кафедры теологии МИИТ

О студенческой практике в Иосифо-Волоцком монастыре

В 1996 году в составе первого студенческого строительного отряда, который был сформирован на факультете «Строительство железных дорог», я выехал в Иосифо-Волоцкий монастырь и имел счастье познакомиться с Владыкой Питиримом, митрополитом Волоколамским и Юрьевским.

Отряд работал на безвозмездной основе, то есть мы не получали зарплаты за работу, но лично ректор, профессор Борис Алексеевич Левин, проявлял заботу об отряде, сам выезжал в монастырь и выделил отряду материальную помощь.

С 1943 по 1945 годы митрополит Питирим был студентом МИИТа. Это мы узнали потом, при общении с Владыкой на вечерних кострах, которые устраивались за пределами монастыря, в тех беседах, которые проводил этот светлейший человек.

Я до сих пор помню, как он говорил, что такое душа и как она должна трудиться.

Вот какие слова говорил Владыка на наших встречах, которые я помню до сих пор: чем больше человек преуспевает в духовной жизни (например, чем больше он молится, думает о Боге, делает добра), тем больше развивается в нем личный внутренний духовный опыт и тем яснее и очевиднее делаются для него религиозные истины. Таким путем вера становится для верующего человека предметом его личного опыта. Мы начинаем «Символ веры» словом «Верую», потому что содержание наших религиозных убеждений зиждется не на внешнем опыте, но на принятии нами Богооткровенной истины. Ведь предметы и явления духовного мира нельзя выявить лабораторным путем и вывести логически – они входят в сферу личного религиозного опыта человека.

Какие емкие и значимые понятия вложены в эти слова!

На протяжении всех лет обучения в университете (МИИТе) мы с друзьями постоянно выезжали в монастырь, выполняли различные виды работ. В первую очередь мы изучали грунты, на

которых построен Успенский собор, так как он дал трещину в своде и необходимо было укрепить фундамент для того, чтобы прекратить осадку храма.

Кафедра «Организации, технологии и управления строительством» помогла нам связаться с лабораторией «Основания и фундаменты» ЦНИИСа. Мы провели совместные исследования и разработали мероприятия по стабилизации фундамента храма.

Эти поиски позволили сформулировать темы дипломных проектов, которые мы совместно с А. Щегловым и М. Князевым разработали и представили на рассмотрение государственной комиссии. Защита проводилась в монастыре. Какие профессионально грамотные вопросы задавал Владыка Питирим! Чувствовалась широта и кругозор иерарха.

Общение с ним всегда было добрым и направлено на выполнение дел на благо Отчизны. Он всегда с большой любовью говорил о Родине и прививал чувство патриотизма нам.

Это был великий учитель, педагог и мыслитель.

Эрнест Спиридонов, профессор МИИТ,
заведующий кафедрой организации,
технологии и управления строительством

«Дорогому МИИТу...»

Константин Владимирович Нечаев учился в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта с 1943 по 1946 год. Когда же начала сбываться мечта его детства – стать священнослужителем, как его отец, он оставил институт. Оставил, но никогда не забывал свой «дорогой МИИТ». «Дорогому МИИТу...» – так начинаются почти все дарственные надписи на подарках Владыки вузу, например, на Остромировом Евангелии, врученном ректору Владимиру Григорьевичу Иноземцеву в 1994 году.

Первая (после почти полувекового перерыва) встреча митрополита Питирима с преподавателями и сотрудниками МИИТа, организованная профкомом института с разрешения ректора (тогда это было смелым поступком), состоялась в большом зале третьего корпуса. Казалось – вопросам не будет конца. С тех пор Владыка стал постоянным участником многих событий Московского государственного университета путей сообщения (МИИТа). Мы его видели на юбилейных торжествах и праздниках, посвященных созданию МИИТа, Дню Победы; юбилеях факультетов, например военного; на научных конференциях; на экскурсии в дом-музей композитора П. И. Чайковского в Клину; на концертах артистов Большого театра и выступлениях хоров православной музыки в зале торжеств и Дворца культуры.

На праздновании 100-летнего юбилея нашего университета митрополит Питирим обратился с призывом к аудитории оказать помощь в восстановлении Иосифо-Волоцкого монастыря, где он был игуменом, силами студенческих строительных отрядов (ССО). И с лета 1997 года начались регулярные выезды ССО в монастырь не только в летние, но и зимние месяцы. Студентами была сооружена часовня-пристройка. Было выполнено несколько дипломных проектов по устойчивости фундаментов Успенского собора монастыря. Там же состоялась защита дипломных работ, руководителем которых был Владыка. Этому и другим событиям в музее МИИТа посвящена специальная

тематическая экспозиция, куда вошли: картина (масло, картон) с видом на монастырь со стороны Теряевой слободы, лично переданная Владыкой в музей; фотография первого посещения К. В. Нечаевым (в светской одежде) деканата строительного факультета для переговоров с организатором студенческих отрядов Э. С. Спиридоновым, а также фотография заседания выездной Государственной экзаменационной комиссии в монастыре, где состоялась защита дипломов.

В 1999 году в МИИТе началась реконструкция главного корпуса с восстановлением исторического облика актового зала с прилегающей храмовой частью – домовою церковью во имя святителя Николая Чудотворца. В 1918 году иконостас храма был разобран и зал разделен на два яруса и отдельные небольшие помещения.

Предложения о восстановлении церкви МИИТа поступали от активистов православной общины давно, но их реализация стала возможной с приходом нового ректора Бориса Алексеевича Левина.

Идея воссоздания домового православного храма вуза в процессе его капитального ремонта вызвала бурную дискуссию, в том числе на Ученом совете МИИТа. Обсуждались, например, такие вопросы, как наличие среди студентов и преподавателей большого числа атеистов, а также лиц других конфессий; постройка православной часовни в сквере; малая вероятность изыскания источников финансирования; опасность появления трещин в стенах здания столетней давности (из-за разрушения добротно выполненного бетонного перекрытия); изъятие из обращения 300 кв. м площадей в здании, где не хватало учебных площадей.

Но, наверное, самое главное – это то, что шел 1998 год, а в это время было еще неоднозначным отношение к восстановлению церковных сооружений в вузах с многоконфессиональным контингентом студентов, в нестабильной стране, где Церковь отделена от государства. Достаточно сказать, что объявление о первом молебне, который должен был состояться в Отраслевом центре фундаментальных исследований, то есть на прежних площадях домовою церкви

вуза, решили вывесить в самом Отраслевом центре, а не в коридоре или вестибюле, так как руководство университета опасалось, что его просто сорвут. Естественно, что в таких условиях принимать решение о воссоздании храма одновременно с воссозданием исторического облика актового зала, несмотря на активную поддержку будущих сотрудников музея и целого ряда профессоров, было чрезвычайно сложно и ответственно. Неизвестно, чем бы всё это закончилось. Но на вопрос ректора Б. А. Левина: «Стоит ли пытаться восстановить церковь в главном корпусе?» – Владыка ответил твердо: «Попробуйте». Митрополит Питирим на протяжении всех этапов сооружения обновленного храма во имя святителя Николая принимал в этом деле непосредственное участие.

Владыка давал консультации по устройству алтаря, настенным росписям возрожденной церкви, восстановлению исторического облика зала, каким он был 100 лет тому назад. Еще до начала реконструкции в аудитории на месте храма им был отслужен водосвятный молебен, а затем службы проводились регулярно по мере строительства. Владыку часто можно было видеть на стройке внимательно рассматривающим результаты работы строителей и дающим различные рекомендации. Все это отражено на фотографиях в тематической экспозиции Учебно-музейного центра «Историко-архитектурный комплекс МИИТа». После малого освящения домово́й церкви в ней начались регулярные богослужения. Владыка совершал большинство праздничных служб, а также таинства Крещения. Трудно забыть крещение одной сотрудницы музея МИИТа. Как только к Владыке обратились с просьбой, он откликнулся сразу же, тут же посмотрел свое расписание и назначил день крестин. Он не раз говорил, что если человек просит окрестить его, то «это надо делать, не откладывая, ведь бывают и дорожные происшествия». Для крестин Владыка приехал специально, был очень сосредоточен, на просьбу кого-то из преподавателей кафедры подписать докладную ответил отказом. После крещения настроение у Владыки и всех присутствующих сразу изменилось, все почувствовали себя свободно, спустились в музей, где состоялось, можно сказать,

знаковое событие – вручение свидетельства о первом крещении миитовца в восстановленном миитовском храме, подписанное бывшим студентом МИИТа митрополитом Питиримом. В заключение Владыка сказал, что надо таинства Крещения и Венчания организовать так, чтобы нашим студентам «захотелось и креститься, и венчаться именно здесь». Начав сотрудничать с университетом, митрополит Питирим сразу же вошел в Совет попечителей вуза, где его основной заботой сначала была домовая церковь, а затем кафедра теологии. Согласно приказу от 21 января 2002 года за № 72/ п на него было возложено исполнение обязанностей заведующего кафедрой теологии. На лекции «Роль Русской Православной Церкви в истории России», «Культурно-религиозное наследие России» и другие приходили не только студенты, но и преподаватели.

Многим запали в душу слова Владыки Питирима, сказанные 1 сентября 2003 года в его последний приезд в университет: «МИИТ дает такие знания, какие позволяют человеку осознать свое место на земле, в космосе и во всей системе мироздания».

Бывают личности, которые в определенном смысле можно считать символом эпохи. К числу таких людей в истории МИИТа следует отнести известного ученого-мостовика Лавра Дмитриевича Проскурякова, которого по праву можно считать символом научно-технической революции в России на рубеже XIX-XX веков. Митрополит Питирим олицетворяет для нас возрождение духовности при переходе от XX века к веку XXI-му.

Мы надеемся, что память о нем будет храниться на протяжении всей последующей истории нашего вуза. И залог этого – домовый храм во имя святителя Николая, возрожденный по благословию Владыки Питирима, созданная им кафедра теологии, Учебно-музейный центр истории МИИТа.

Вскоре после кончины Владыки по инициативе ректора университета Б. А. Левина в зале торжеств был установлен барельеф митрополита Волоколамского Юрьевского Питирима. Барельеф выполнил молодой, талантливый скульптор Алексей Викулов всего за две недели, работая на одном дыхании.

Памятна нам и икона преподобного Иосифа Волоцкого с частицей мощей, полученная по благословению Владыки по просьбе преподавателя кафедры теологии иерея Михаила – тогда еще семинариста, иподиакона митрополита. В клейма, отражающие житие святого, по инициативе сотрудников музея МИИТа включены реальные события с участием митрополита Питирима, такие как обретение мощей преподобного Иосифа Волоцкого и эпизод перенесения отреставрированной раки святого студентами МИИТа. Икона участвовала в крестном ходе на праздновании 525-летия Иосифо-Волоцкого монастыря и была благословлена Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Сейчас эта икона находится в церкви университета, так же как и дорогая нам «Владимирская» икона Божией Матери, подаренная Владыкой МИИТу в день малого освящения домово́й церкви 26 апреля 2001 года.

К настоящему времени Учебно-музейный центр истории МИИТа располагает уже довольно богатой коллекцией предметов, связанных с жизнью и деятельностью Владыки Питирима. В нее вошло Остромирово Евангелие с дарственной надписью:

«Дорогому МИИТу, ныне университету, от несостоявшегося инженера, студента 1943 года. Труд многих лет».

† Митрополит Питирим. Издатель. 22 апреля 1994 года.

В экспозиции представлены также реликвии со Святой Земли (в том числе свеча, опаленная Благодатным огнем), привезенные Владыкой из Иерусалима и подаренные музеем МИИТа в 2003 году; мантия Владыки, его келейные иконы, подаренные музеем учеником Владыки протоиереем Владимиром (Ригиным); зачетная книжка студента-выпускника МИИТа 2007 года с пометкой о зачете по дисциплине теология за подписью К. Нечаева, и ряд других экспонатов.

Мы гордимся, что дарители считают необходимым разместить дорогие их сердцу реликвии в вузовском музее, где они становятся доступными для обозрения большому количеству посетителей: студенческой молодежи, ветеранам

труда, выпускникам МИИТа, иностранным гостям, государственным деятелям.

Анна Николаенко, директор Учебно-методического музейного центра истории Московского государственного университета путей сообщений (МИИТ), старший научный сотрудник

О послушании в Иосифо-Волоцком монастыре

Владыку я встречала в МИИТе, начиная с 1999 года. Всегда испытывала трепет, видя его в монашеском облики: так был он похож на ветхозаветного старца. С 2002 года и до его ухода из земной жизни мне посчастливилось познакомиться с ним поближе.

Сначала мы попросили благословения на посещение его лекций, которые Владыка читал студентам МИИТа. Затем несколько раз съездили на экскурсию в Иосифо-Волоцкий монастырь, где миитовцев встречали колокольным звоном как самых дорогих гостей. Экскурсию проводил Владыка. Это незабываемо и может быть предметом отдельных воспоминаний.

Вскоре мы решили освятить нашу кафедру права. Владыка тотчас согласился на нашу просьбу. (Об этом событии заснят видеофильм.) Эта встреча с Владыкой изменила жизнь многих сотрудников и студентов юридического института, к которому относится наша кафедра.

Время летнего отпуска 2002 года мы решили провести в Иосифо-Волоцком монастыре. Мы попросили у Владыки разрешения поработать дней десять в июле. Это пребывание в монастыре сохранилось в памяти как ярчайший эпизод моей жизни.

Многие замечали особую любовь Владыки к alma mater – МИИТу. Эта любовь переливалась на всех миитовцев, к нам отнеслись как к гостям, а не трудникам.

По приезду в монастырь Владыка провел с нами краткую беседу, поинтересовался, что мы умеем делать. Мы в один голос: чистить картошку, мыть посуду. Он ответил: эту работу мы посторонним не поручаем, пищеблок – сфера особая.

Владыка предупредил, чтобы мы подчинялись монастырскому уставу, включая посещение братских молебнов с 6 часов утра у мощей преподобного Иосифа.

Так как в монастыре не было гостиницы, мы были готовы спать на полу или жить в частном секторе, в деревне – только

бы нам поработать в монастыре. Нас отвели в комнату с видом на Успенский собор, предупредив, чтобы мы не маршировали, как солдаты на плацу, так как внизу – покои Владыки.

Нас определили на работу. Рядом с настоятельским домом находился большой, заполненный книгами деревянный домик. Он не отапливался, поэтому книги за зиму могли отсыреть. Наша задача была их протереть и рассортировать по тематике. В покоях Владыки была огромная великолепная библиотека. Мне посчастливилось ее увидеть. Когда я вытирала эти книги белой салфеткой, она оставалась чистой. В монастыре была и общая библиотека для насельников. В отдельном домике хранились книги, которые Владыке приносили самые разные лица – политики, художники, поэты... Там были авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, стихи, поэмы, ноты. Особенно я удивилась, увидев дарственную надпись профессора МГУ, у которого я когда-то училась: я считала его неверующим. Послушание было нелегким: за 10 дней мы разобрали несколько тысяч книг.

Примечателен такой факт: при разборе книг у меня появился аллергический кашель, особенно он усилился ночью. На другой день заведующая складом не допустила меня к послушанию, так как Владыка приказал мне полдня гулять в лесу, а потом собирать черную смородину в монастырском саду для трапезной. Оказывается, он ночью слышал кашель и распорядился заменить послушание или отправить в Москву на машине. Я категорически отказалась от последнего. Через несколько дней кашель исчез, и я продолжила послушание по разбору книг.

Когда я по благословению Владыки гуляла в лесу, то собрала небольшой букет из ягод земляники и попросила келейницу передать Владыке. Владыка же передал нам привезенный ему в подарок виноград из Узбекистана. Его доброту, внимание, заботу мы воспринимали, как проявленные к представителям МИИТа, а не лично к каждому из нас.

Рядом с монастырем находился детский летний лагерь, в котором жили и трудились несовершеннолетние правонарушители. В один из дней там произошло чрезвычайное

происшествие – драка. Надо было принимать меры: очень расстроенный Владыка отправился к ним. Всё обошлось «малой кровью»: никого не исключили из лагеря. Я обратила внимание на то, как бросились к нему дети младшего возраста, а он гладил их по головам. Старшие (драчуны) смущенно опускали глаза. После этого случая Владыка предложил мне провести с ними беседу об ответственности несовершеннолетних за правонарушения по законодательству Российской Федерации. Я согласилась. Владыка хотел, чтобы мы, юристы МИИТа, приезжали летом к этим детям-правонарушителям и читали им лекции по курсу «Право». У Владыки было много планов по воспитанию таких подростков.

Как-то секретарь Владыки обратилась ко мне с просьбой подкорректировать учебную нагрузку Владыки на новый учебный год, чтобы он не приезжал в МИИТ каждый день. Я взялась за дело, исключив все семинарские и лекционные занятия, заменив их другими видами учебной работы. Когда Владыка просмотрел, что у меня получилось, то сказал, что я слишком перестаралась: превратила его в «свадебного генерала», совсем исключив его из учебного процесса. Он хочет общаться со студентами и на семинарах, и на лекциях.

Владыка обладал необыкновенным смирением. Я неоднократно наблюдала случаи, когда ему приходилось идти на занятия в аудитории, далеко расположенные от кафедры теологии. Чтобы в них попасть, надо было долго идти по нашим длинным и запутанным коридорам. Мы тихо возмущались, а он только улыбался. (Впоследствии эта аудитория была заменена.)

Владыка уважительно относился к людям всех рангов. Я наблюдала, как бедно одетая старушка подошла к нему за пределами монастыря. Владыка разговаривал с ней терпеливо и долго. Уважение к людям у Владыки проявлялось во всем, в том числе в культуре письма. Вспоминаю, как в монастыре он поручил мне подготовить служебную записку в учебное управление на имя начальника. В обращении я написала: «Прошу Вас дать указание об изменении нагрузки»... Это соответствовало обычным требованиям; орфографических, синтаксических, стилистических ошибок не было.

Текст он поправил, написав в начале: «Многоуважаемый Илья Иванович» и закончил выражением глубокого уважения.

Владыка мог быть и очень строгим. Когда первые два дня мы проспали братский молебен, то получили внушение. Владыка очень удивился, что монастырский колокол не смог разбудить нас на службу. После этого случая мы попросили его ризничную, которая жила рядом, нас будить. Правда, с пяти часов утра мы все-таки спали поочередно, боялись проспать молебен.

Иногда Владыка устаивал нас беседы. Это было в минуты его отдыха. При этом были и другие гости. Однажды Владыка сказал: «Педагог – это труднейшее служение. Мало быть теоретически подкованным. Сама жизнь педагога должна быть идеалом. Студенты это очень чувствуют». К сожалению, я не всё теперь могу вспомнить. Хочу отметить, что Владыка понимал людей с полуслова. Он очень чувствовал неискренность людей.

Я часто ему задавала вопросы житейские и духовные. На житейские он отвечал так: «Я помолюсь о Вас, но Вы же – юрист, к Вам люди приходят за помощью, Вы это должны знать».

На духовные вопросы он отвечал, но сначала советовал почитать об этом у святых отцов. Владыка подарил мне книгу святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству». Теперь у меня пять томов этого автора – любимого духовного писателя и святого.

Невозможно забыть Владыку!

Он подарил людям столько света, тепла и душевной радости. Он с нами и сейчас. Мы верим, что он молится о нас, а в трудных житейских ситуациях мы едем на Даниловское кладбище и получаем утешение, помолившись на его могиле.

Людмила Лазарева, доцент МИИТ,
кандидат юридических наук

«Дух митрополита Питирима незримо витает в МИИТе»

Вспоминать о жизни такой масштабной личности, каким был Владыка Питирим, вроде бы просто – вся его деятельность церковного и государственного человека проходила на виду. Но за этой деятельностью, словно за Китайской стеной, прячется жизнь личная, характер. И здесь неоценимы воспоминания людей, которые близко общались с Владыкой.

Автору этих строк лишь считанные разы выпало общаться с Владыкой в узком кругу на нескольких служебных совещаниях, а чаще – видеть его за столом президиума во время торжественных собраний или встречать его, идущего неспешным шагом по бесконечным университетским коридорам, получать от него наравне с остальными миитовцами пастырское благословение; ибо не было ни одного мало-мальски значимого мероприятия в университете, на котором не присутствовал бы Владыка и проведение которого он не благословил бы.

Последний раз такое произошло на Дне знаний в 2003 году. Через два месяца его не стало.

Многие знали, что Владыка болен. Но что смертельно болен – не предполагал никто. А сейчас, взгляды в беспристрастную фотографию, сделанную в тот день, замечаешь, что взгляд его ясных, открытых миру и радости глаз обращен как бы внутрь себя – дух знал предстоящее, а бренное тело бессознательно готовилось к уходу в жизнь вечную.

Это был красивый человек. Человек, который никогда ни во что не играл в жизни: ни в святость – это было его сутью, ни в человека демократических взглядов – он был равным и с властью, и с простыми людьми – интеллигентность в нем была воспитана с детства. И по всем своим человеческим качествам он представлялся человеком не от мира сего, но от мира, для нас, грешных, неизвестного и уму нашему непостижимого.

Деды и прадеды Владыки как по отцовской, так и по материнской линии были священниками, начиная с XVII века.

Один из его прадедов был ректором Санкт-Петербургской Духовной академии, а затем епископом Тамбовским и Шацким. Священником был и его отец, протоиерей Владимир Нечаев, настоятель храма во имя пророка Илии в Козлове (ныне Мичуринск). И в анкете, в графе «Социальное происхождение», он неизменно писал: «из семьи священнослужителей».

К счастью, эта формулировка не повлекла негативных последствий для Константина Нечаева. Как и положено всем детям страны Советов, он получил законченное среднее образование, а в семнадцать лет от роду поступил в институт. Этим институтом стал МНИТ.

Это случилось в 1943 году, во время кратковременного изменения отношения власти к религии – в годину суровых военных испытаний о Боге вспомнили самые угрюмые атеисты, обратились к Его Всесильной помощи.

Летом 1944 года в Новодевичьем монастыре в Москве открылись Православный Богословский институт и Пастырско-богословские курсы, через два года преобразованные соответственно в Московскую Духовную академию и в Московскую Духовную семинарию.

Именно в этих условиях стал возможным решительный поворот в жизни Константина Нечаева, когда он из студента престижного инженерного вуза превратился в тихого семинариста.

Но так этот поступок выглядел лишь со стороны. Для самого будущего архиерея это стало исполнением того, что он тайно носил в своей душе, – служить Богу.

Позже, уже будучи епископом, он неизменно тепло, с чувством глубокой благодарности вспоминал наш вуз, всегда считал себя «студентом-путейцем» и прекрасно помнил не только фамилии, специальности, но также имена и отчества своих профессоров и преподавателей МИИТа, на всю жизнь запомнил премудрости наук, которые ему преподавали здесь.

Тем более, что связей с бывшим до недавнего времени Министерством путей сообщения, в ведении которого находился МИИТ, он не терял никогда. В марте 1999 года, с согласия руководства МИИТа и по благословению

Священноначалия, митрополит Питирим организовал в МИИТе регулярное проведение православных семинаров просветительского и духовно-культурного характера.

Семинары проходили под девизом: «Духовный мир человека на пороге третьего тысячелетия». Почетным председателем этих собраний был митрополит Питирим. На семинарах выступали с докладами специалисты в различных областях знаний, священники и миряне. Часто докладчиком был и Владыка Питирим. Залы, в которых проходили семинары, всегда были полны. Приходили не только студенты, но и профессора, преподаватели.

По инициативе митрополита Питирима в МИИТе был возрожден ранее существовавший домовый университетский храм во имя святителя Николая Чудотворца. 26 апреля 2001 года храм был освящен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в сослужении митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима.

В ноябре 2001 года в МИИТе была создана кафедра теологии с историко-культурной и просветительской направленностью. Занятия на ней начались в 2002 году. Заведующим кафедрой теологии был избран митрополит Питирим.

Всех, кто его знал, поражала сверхчеловеческая активность Владыки. Похоже, он и сам не представлял, как ему такое удается. «Бог мне помогает», – объяснял Владыка исключительную свою работоспособность.

В беседе он не спешил высказывать свою точку зрения, внимательно выслушивал мнения других. Говорил тихо, но внятно, хотя проповеди произносил громко, эмоционально. Поражало его умение найти убедительные, проникновенные слова, именно те, которых люди ждали от него. И никогда не говорил назидательно, поучительно, хотя вроде бы сан священнослужителя обязывал к этому. Высказывался коротко, почти афористично. Говорил, что рациональности мышления его научил инженерный вуз.

Многих устраивало такое объяснение, хотя суть феномена глубже: Владыка был разносторонне развитым человеком,

практически с энциклопедическими знаниями, с острым аналитическим умом, хорошо разбиравшимся в искусстве, обладавшим литературным даром. Вот лишь небольшой отрывок из его последней книги «Культурное наследство как объект паломничества»: «В России византийская схема храмового зодчества получила новое содержание, выразившееся в изяществе, мягкости, соответствующих как русской природе и ландшафту, так и жизненному укладу людей, ощущавших органическое единение с природой. В ландшафте средней полосы России нет остроконечных горных вершин. Он мягок не только линиями, но и цветовой гаммой – от сочных красок лета до искристой белизны снежного покрова, от яркости, пестроты осенней листвы до нежного флера первой весенней зелени. Что особенно характерно для природы средней полосы России и на что мы почти не обращаем внимания, это облака. Ни в одной из южных стран Средиземноморья нет тех фантастических воздушных замков, которыми можно любоваться часами. Путник, идущий по русской равнине, видел над собой плывущие облака сказочной красоты, а где-то вдали – белые церкви и монастыри».

Подлинный российский патриот, он никогда не забывал, выделял, подчеркивал значимость идеи патриотизма, государственного строительства, политического единства и героизма русского народа, считая, что именно эти черты необходимо воспитывать в молодежи, прививать с младых ногтей.

Память о Владыке Питириме бережно хранится в МИИТе. Решением Ученого совета университета учреждена стипендия имени митрополита Питирима. В январе 2004 года были проведены «Рождественские чтения», посвященные его памяти. По мнению всех участников чтений и руководства вуза, такие чтения должны быть ежегодными. На кафедре теологии издаются методические и другие материалы, связанные с его именем, его деятельностью, его заветами. В главном корпусе университета, в зале торжеств, на правом пилоне арки, отделяющей зал от домового храма, одним из московских скульпторов создан прекрасный барельеф Владыки Питирима.

На барельефе Владыка изображен в полный рост, в клобуке. В основании барельефа начертано: «Митрополит Питирим. 1943–1946 гг. – студент. 2002–2003 гг. – зав. кафедрой теологии МИИТа».

Но для всех, кто его знал или видел лишь мимолетно, Владыка по-прежнему жив в их памяти, в их душах. Его дух незримо витает над близкими его сердцу людьми, его присутствие телесно ощущается в старинных сводах столетнего вуза.

В наши смутные времена словесных водопадов, лозунговых заклинаний о поиске всероссийской, всеобщей идеи, которая одна только и сможет сплотить разрозненный, растерянный российский народ, Владыка Питирим указал верный путь к всеобщему единству – это самосовершенствование, личная духовная чистота и праведность целей. Именно эти свойства души, по убеждению Владыки, не позволят человеку стать душегубцем, мздоимцем, себялюбцем, не дадут ожесточить душу ненавистью к другому человеку, но подвигнут к любви, к ближнему и дальнему, любви к Отечеству, сделают патриотом.

Один из людей, хорошо знавших митрополита и близких к нему, сказал, что Владыка неустанно разъяснял всю свою жизнь «красоту Православия и приоритетное значение культуры как гуманитарной сферы, имеющей духовно-нравственное значение».

Виктор Перемышлев,
ведущий специалист МНИТ
по связям с общественностью

Светлая память о ровеснике

Я познакомился с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом благодаря зав. кафедрой «Финансы и кредит» Роберту Михайловичу Цареву в 1995 году, так как они с Владыкой Питиримом были друзьями. Будучи художником-инкрустатором, я изготовил икону Божией Матери «Умиление» Серафимо-Дивеевская и попросил Царева, чтобы Владыка Питирим освятил эту икону.

Владыка сделал это по всем канонам освящения икон. В благодарность за это я изготовил инкрустацию Иосифово-Волоцкого монастыря и подарил ее Владыке Питириму. С этого началась наша дружба. Я помогал в воссоздании домово́й церкви МИИТа, в организации крещения Владыкой внушек академика Велихова и т. д.

Владыка Питирим освящал созданную мною художественную мастерскую университета (ауд. 2002). В ознаменование годовщины основания кафедры теологии мы с Э. С. Спиридоновым, другом Владыки Питирима, устроили выставку картин, но ее пришлось уже посвятить памяти митрополита Питирима. Кассеты этого фильма есть на кафедре теологии и в фонде Владыки Питирима. В последний год после поездки в Израиль за Благодатным огнем к Пасхе Владыка Питирим был у меня в квартире, подарил мне с женой коробочку со святыми маслами из Иерусалима, а я показал ему свои многочисленные работы в стиле маркетри, т. е. инкрустации деревом.

Светлая память о бывшем студенте МИИТа – моем ровеснике Константине Владимировиче Нечаеве, впоследствии – Владыке Питириме, и радость от дружбы с ним навсегда останутся в моем сердце.

Владимир Углов, доцент МИИТ,
участник Великой Отечественной войны

Последние поездки с Владыкой

На протяжении последних двух лет мне посчастливилось сопровождать Владыку Питирима в его поездках по епархиям нашей страны и при посещении им Поместных Православных Церквей. Так, в декабре 2002 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II митрополит Питирим возглавлял делегацию Русской Православной Церкви в Грузию по случаю 25-летия возведения на патриарший престол Блаженнейшего Католикоса-Патриарха Илии, в мае 2003 года – в Болгарию в связи с 50-летием восстановления там Патриаршества, в июле 2003 года – в Грецию для освящения вновь построенного храма. Но особенно запоминающейся была поездка на Святую Землю для возношения молитвы о мире в Иерусалиме, а также для доставки Благодатного огня к Пасхальному богослужению в Храме Христа Спасителя в Москве.

«Посещение священных и памятных мест обусловлено естественной нравственной потребностью человека войти в общение с почитаемым лицом или предметом, восстановить расторгнутую временем или пространством духовную связь, получить внутреннюю силу. Нравственные мотивации в поведении и общении, факторы самоуглубления и самопознания, самоограничения в удобствах во время паломнического путешествия являются не только существенными, но и преобладающими».³⁴

Паломничество в Иерусалим началось за два дня до Пасхи, в Великую Пятницу. Прибыв в Святой град Иерусалим, российская делегация сразу же направилась в храм Воскресения, где паломники поклонились Гробу Господню, Голгофе, Камню помазания и другим святыням этого величественного храма. Вечером того же дня в Троицком соборе Русской Духовной Миссии Владыка Питирим возглавил богослужение, на котором вспоминается Распятие и Крестные страдания Господа Иисуса Христа.

На следующий день, в Великую Субботу, после Литургии в Иерусалимской Патриархии была прочитана молитва о мире в Иерусалиме на греческом и русском языках. Эта молитва звучала во многих православных храмах не только во Святой Земле, но и в России и других странах.

На Святой Земле Владыка Питирим был дважды: в первый год архиерейского служения и в последний год земной жизни. Вспоминая первую поездку, он рассказывал, что в течение недели приходил в храм Гроба Господня и без спешки, с благоговением мог помолиться на Голгофе, в приделе Бичевания и, конечно же, у самого Гроба Господня. И через сорок лет Господь сподобил его быть свидетелем величайшего чуда – схождения Благодатного огня на Гроб Господень. Находясь рядом с Владыкой в ожидании этого великого события, я стал свидетелем его глубокого сосредоточения. Это было время сокровенной молитвы о многих людях, просивших Владыку вспомнить их у Гроба Того, Кто Своим Воскресением открыл двери Царствия Небесного. И вот Огонь сошел. Мгновенно храм охватило ликование всех верующих, многие из которых ждали этого события больше суток, стоя всё это время около Кувуклии. Необыкновенные глаза Владыки, освещенные пламенем зажженных свечей, были наполнены неземной тихой радостью. Удивительно, но огонь не обжигает первые минуты, им проводят по ладоням, многие «опаляют» лицо, не боясь получить ожоги. Размышляя об этом чуде, Владыка говорил, что оно укрепляет людей, стремящихся познать истину, а у неверующих всегда найдется повод для сомнения.

Вспоминая сейчас почившего митрополита Питирима, осознаешь, что Владыка не покинул нас навсегда. Он незримо присутствует вместе с нами сейчас, и многие ощущают его молитвенную поддержку в трудных житейских обстоятельствах. Память о нем сохранится навечно в наших сердцах.

Иерей Михаил Сергеев,
старший преподаватель
кафедры теологии МИИТ,
последний референт Владыки

Педагог и просветитель

Человек Веры

4 ноября 2003 года, в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, в Москве, в Центральном военном госпитале в Сокольниках, после тяжелой продолжительной болезни скончался Владыка Питирим.

Владыка был одним из старейших и наиболее почитаемых иерархов Русской Православной Церкви. Более тридцати лет он возглавлял Издательский отдел Московского Патриархата.

Значительное место в церковно-общественном служении Владыки занимала преподавательская деятельность в Московских Духовных школах. Чтение лекций, неформальное общение с учащимися, служение в академическом Покровском храме, встречи и диалоги с иностранными делегациями, проведение экскурсий в ЦАКе (музее Академии).

Особенно много времени это направление деятельности стало требовать от Владыки после празднования 1000-летия Крещения Руси, в годы последовавшей затем «перестройки». В это время Владыка часто бывал в Московской Духовной академии, часто в личных беседах встречался после лекций с учащимися, вел разговор, отвечал на вопросы, связанные с новым положением Церкви и христианской жизнью. Но не только конкретные встречи и беседы с учащимися МДА были заслугой Владыки Питирима. Важным было то, что в издательский отдел он призывал множество новых молодых церковных тружеников, в том числе недавних выпускников Духовной академии и даже учащихся Духовной семинарии. Всех, кто стремился бескорыстно служить и трудиться во славу Православной веры, Владыка старался привлечь к издательской работе и брал на стажировку в Издательский отдел. Для каждого, кто работал с Владыкой, этот труд становился большой духовной школой.

Многие из учащихся, кто хотя бы раз соприкоснулся с Владыкой, впоследствии приняли священный сан и в этом звании продолжали трудиться на поприще издательского дела у себя на приходах, печатая приходские листки, газеты, журналы,

через этот издательский труд считая себя духовными учениками и воспитанниками Владыки Питирима.

Владыка всегда был прост в общении, с мягким, удивительно интеллигентным, предупредительным, тихим голосом, с очень живыми и мудрыми глазами. Весь его внешний облик был значительным и достойным. Его всегда выделяла среди многих окружающих его людей внутренняя духовная красота. Внешний его облик библейского благообразного старца производил ошеломляющее впечатление. А когда оказывалось, что этот человек, будто сошедший со страниц ветхозаветной истории, еще и в курсе всех современных событий, обладает уникальным даром проповедника, знающего, как казалось, все на свете, то невольно начинаешь проникаться глубоким уважением и интересом к этому человеку.

Глядя на Владыку Питирима, думалось: вот образ человека – священнослужителя, неожиданно сошедшего с полотен Павла Корина «Русь уходящая». Людям подобного душевного склада не надо рядиться в пышные одежды знатности происхождения и мирской славы, им необходимо одно – внутренняя сосредоточенная работа над своей душой, Божественная благодать, сближающая нас с Творцом и жертвенная любовь к ближним. Когда Господь сподобляет встречаться с людьми такого духовного склада, ты невольно становишься сопричастным глубинам православной человеческой души, ее Божественной красоте, сокровенным тайнам духовного подвига веры.

Владыка Питирим был всегда любим людьми, теми, кто близко с ним соприкасался. Теми, кто был связан с ним по работе, учебе и послушаниям, всеми, кто получал добрую закваску от этого мудрого наставника. Этот глубокий и мудрый человек оставил след в сердцах многих учащихся духовных школ, всех, кому посчастливилось с ним общаться. Как мудрый педагог и наставник, Владыка был выше обыденной суеты и «учебной рутины», никогда не придирался к семинаристам по мелочам, а, наоборот, стремился в жизни каждого принять живое, деятельное участие.

Он всегда был эталоном христианской культуры, того, как надо писать, говорить, поступать. Ему была свойственна глубочайшая церковная культура и высокое чувство вкуса.

Он был иподиаконом и помощником Патриарха Алексия (Симанского), учился у него высокой аристократической культуре, старым богословским традициям. Он прекрасно знал Святейшего Патриарха Алексия I и мог часами рассказывать о нем. Однажды, как повествовал Владыка, во время беседы Патриарха Алексия I (Симанского) со своим старинным товарищем по дореволюционной семинарии в кабинет неожиданно вошел посторонний человек. Чтобы не прекращать начатую беседу, не предназначенную для посторонних ушей (время служения Патриарха Алексия (Симанского) – время гонений, слежки и притеснения Церкви от безбожных властей), Патриарх без каких-либо затруднений перешел на французский язык, продолжая начатый разговор. Эту необычную историю о высокой духовной и светской образованности и о своих учителях Владыка часто рассказывал в ЦАК, когда проводил там свои экскурсии. Для нас, молодых семинаристов и начинающих экскурсоводов, безусловно, это было огромной школой – уроком настоящей жизни в Церкви. Владыка много мог рассказать о жизни православной Москвы, часами повествовать о ее традициях и особенностях, зная каждого из старых священнослужителей прежних десятилетий.

После подобных встреч в Церковно-Археологическом кабинете с Владыкой Питиримом хотелось еще больше созидательно трудиться, творить, он всегда всех слушателей умел зажечь энергией творческого поиска. Все мы, экскурсоводы ЦАКа, в ответ на наши вопросы, всегда получали бесценные ответы в области культурологии, искусствоведения, примеры остроты выразительности в полемической беседе.

На всю жизнь запомнился мне ответ Владыки на вопрос, как вести себя начинающему настоятелю на возрождающемся приходе. Владыка Питирим, подумав, с едва заметной усмешкой в глубь седой бороды, ответил: «Будь солью земли, но если везде все будет солено, то мир превратится в пустынные солончаки».

И другие слова, которые стали для меня на многие годы моего настоятельного послушания по возрождению духовной и восстановительной жизни храма архиерейским напутствием: «Будешь сладким – съедят, – сказал Владыка Питирим, – горьким будешь – выплюнут. Во всем нужна золотая середина».

Беседы Владыки с экскурсоводами ЦАКа – будущими священнослужителями, настоятелями возрождающихся храмов – стали практически первыми встречами с глубоким осознанием настоящей церковности. Многие из студентов Семинарии и Академии начинали реально понимать, что Церковь – не внешний «блеск сусального золота», а тяжелый крест на плечах священнослужителя, где нужна не только глубокая вера, но и интеллект, и культура высокообразованных пастырей Церкви, от которых требуется сказать грамотное слово возрождающейся от духовного рабства своей стране и всему миру.

Мне известно, что только благодаря требованию Владыки Питирима, для повышения литературной и стилистической грамотности семинаристов, прибывающих из отдаленных поселков и деревень Украины, Белоруссии и России, в программу Семинарии были введены предметы правописания русского языка и факультативные занятия по изучению классической русской литературы.

После первого посещения ЦАКа и беседы Владыки с экскурсоводами у меня возникла идея нарисовать цикл – серию его портретов. Долгое время из-за интенсивной занятости в ЦАКе и плотных занятий в Семинарии мне это не удавалось. В дни семинарских каникул я твердо решил приняться за работу, попытаться воссоздать всё пережитое, как видел и слышал. Потому что от тех первоначальных эскизов, сделанных «на коленке» в залах музея, после общения с Владыкой я не получал творческого удовлетворения. Я, снова и снова рисуя, пытался найти верный образ архипастыря и человека веры. За короткое время я выполнил несколько эскизов-набросков.

У Владыки Питирима была в лице особенная характерная черта – это его глаза. Как передать это? Они всегда выражали сущность этого человека, были обычно глубоко задумчивыми и

необычайно пронизательными. Всегда взгляд Владыки излучал какую-то созидательно-творческую энергию.

Кругозор и интересы Владыки Питирима были поразительны, начиная от естественных наук, техники, политики и кончая философией, искусством, богословием. Буквально все стороны жизни современного образованного человека интересовали его, были целью его исследования. Владыка прекрасно играл на виолончели, был грамотным редактором журнала, хорошо рисовал, писал стихи, был самобытным фотохудожником.

Многие из продавцов комиссионной фототехники Москвы до сих пор вспоминают улыбчивого, с длинной белой бородой священнослужителя, который покупал фототехнику и старинные фотоаппараты в их магазинах. В советские времена подобную аппаратуру нельзя было сыскать «днем с огнем» – и Владыка, для того чтобы начинающий Издательский отдел не терпел технических трудностей и был во всем совершенен, тратил на закупку высококлассной фотоаппаратуры и свои личные деньги.

Владыку любила и уважала вся московская интеллигенция. Не случайно его богослужения в храме Воскресения словущего в Брюсовом переулке привлекали ученых, художников, музыкантов – людей творческих профессий.

Нет сомнения, что подлинный масштаб личности митрополита Питирима – богослова, проповедника, церковного деятеля, человека глубокой духовной культуры, являвшего собой истинный образец православной учености, с течением времени будет только возрастать. Владыка много служил в храме и старался никогда не пропускать праздничных богослужебных дней церковного календаря. Менее чем за месяц до кончины митрополита, когда Святейший Патриарх Алексий II посетил умирающего в госпитале, Владыка посетовал, что не может приехать в храм помолиться, и сказал Патриарху: «Я живу от праздника до праздника».

Кончина Владыки, как и вся его жизнь, была удивительной, непостыдной, мирной. В жизни он горел светом чистого огня и скончался, словно бы ярко вспыхнул, – и тотчас сгорел. Так уходят из жизни люди с чистой совестью, незамутненной душой.

До самого последнего своего вздоха он оставался истинным пастырем, верным чадом Русской Православной Церкви.

Я благодарю Бога за то, что Господь сподобил меня немного соприкоснуться с огромным духовным масштабом личности Владыки Питирима. Память сердца бережно хранит каждое его слово, каждый жест.

На его могиле на Даниловском кладбище всегда свежие цветы. Значит, память о жизни и делах этого человека жива в сердцах современников. Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего...

N.

Митрополит Питирим (Нечаев)

В праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы 22 октября/4 ноября 2003 года почил о Господе один из старейших иерархов Русской Православной Церкви, в прошлом многолетний труженик Московской Духовной академии, ее инспектор, профессор, доктор богословия, Высокопреосвященнейший митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Несмотря на то обстоятельство, что с февраля 1992 года Высокопреосвященнейший митрополит Питирим уже не состоял в профессорско-преподавательской корпорации Академии, все преподаватели и студенты хорошо знали Высокопреосвященнейшего Владыку как почетного гостя Московских Духовных школ, неизменно посещавшего Лавру и Академию в дни особых общественных торжеств и неоднократно возглавлявшего по благословению Святейшего Патриарха Алексия II традиционный Выпускной акт в Московской Духовной академии и семинарии.

В истории Академии, в памяти своих более юных современников – учеников и сослуживцев, Высокопреосвященнейший Питирим оставил светлый и благодатный след. Сказать, что почивший в Бозе Владыка Питирим был многолетним профессором Академии – значит, в сущности, не отметить самого главного, что в действительности соответствовало его значению для Академии. Высокопреосвященнейший митрополит Питирим был величиной несравненно большей, чем просто профессор. Для Академии он был живым преданием, внушавшим восхищение, благоговейное уважение и преклонение. Он был единственным и последним носителем старых церковных устоев и традиций, воспитанником довоенной патриархальной старины, видевшим своими глазами уходившее дореволюционное поколение пастырей и архиереев Святой Руси. На своем веку он встречал среди лиц духовного звания примеры исключительной нравственной доблести и глубочайшего пастырского благочестия, и эта живая связь с

реальным царством святости определила уникальность его жизненного опыта, неповторимое своеобразие и богатство его одухотворенного мировосприятия и подлинно творческого энтузиазма, религиозным пафосом которого было пронизано его отношение к жизни, ее смыслу и ценности.

Высокопреосвященнейший митрополит Питирим, в миру Константин Владимирович Нечаев, вырос в русской православной, церковной среде. Он родился 8 января 1929 года в городе Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской области. В своей автобиографии при поступлении в Богословский институт в декабре 1944 года он писал:

«Отец мой был протоиереем города Козлова Ильинской церкви. В 1930 году он был сослан, и я остался жить с матерью и сестрами на иждивении брата».

В 1933 году семья Нечаевых переехала в Москву. В том же году вернулся из ссылки отец, который, по причине полного расстройства своего здоровья, находился за штатом до самой своей смерти в 1937 году. Константин Нечаев окончил семь классов средней школы в 1941 году. Грянула война, и он с матерью и незамужними сестрами был эвакуирован в Тамбов, где окончил 8 и 9 классы, а затем, вернувшись в 1943 году в Москву, поступил на подготовительное отделение Московского института железнодорожного транспорта, в котором учился до 1946 года. С 1945 года в судьбе Константина Нечаева открывается новая страница, ознаменовавшая его жизненный путь. Он – «глубоко верующий, усердный в молитве, благоговейный, смиренный, нравственный» – как отметил в данной ему рекомендации настоятель храма во имя святого мученика Иоанна Воина протоиерей Александр Воскресенский – стал воспитанником четвертого класса Московской Духовной семинарии и иподиаконом Святейшего Патриарха Алексия I. В 1951 году он уже выпускник Московской Духовной академии, кандидат богословия и молодой преподаватель. В 1952 году становится диаконом, в 1954 году – священником, в 1959 году принимает монашество. В том же году иеромонах Питирим возведен в сан архимандрита и назначен на должность инспектора Академии и Семинарии. В 1962 году архимандрит

Питирим по указу Святейшего Патриарха Алексия назначен ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии». Постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода от 14 мая 1963 года ему определено быть председателем Издательского отдела Московского Патриархата, епископом Волоколамским, викарием Московской епархии. В праздник Вознесения Господня 23 мая 1963 года в Московском патриаршем Богоявленском соборе состоялась епископская хиротония Преосвященного Питирима. В сентябре 1971 года последовало возведение его в сан архиепископа, а в декабре 1986 года в сан митрополита Волоколамского и Юрьевского.

Преподавательская деятельность почившего иерарха была весьма многосторонней. В Семинарии ему поручалось ведение уроков по сравнительному богословию, литургике, общей церковной истории. В Академии он с 1954 года читал курс истории и разбора западных инославных исповеданий. С октября 1956 года, после профессора Н. П. Доктусова, он возглавил кафедру Священного Писания Нового Завета, профессором которой оставался вплоть до февраля 1992 года.

В материалах лекций по истории западных исповеданий преимущественное освещение у него получали традиционные для данного курса темы: обзор церковных отношений между Востоком и Западом от начала истории до конца периода Вселенских Соборов, первые конфликты между Римом и Константинополем, патриарх Фотий, отношения между Востоком и Западом в IX-X веках, разрыв церковного общения и отделение Римской Церкви в 1054 году, возникновение догматических, канонических и литургических отличий Римско-Католической Церкви, формирование римского папизма как особой системы церковного строя, лжеисидоровские декреты, Григорий Гильдебранд, крестовые походы, Вормский конкордат, папы Александр III и Иннокентий III, борьба против папизма в Западной Церкви, конфликт папы Бонифация VII и короля Филиппа IV, Авиньонское пленение, Великий раскол, эпоха соборов, история Ферраро-Флорентийской унии, богословский анализ дискуссии по вопросу о Филиокве, история Реформации, современный протестантизм, состояние

Англиканской Церкви, экуменическое движение и политика Ватикана.

В курсе лекций по Священному Писанию Нового Завета студенты получали вводные понятия о курсе новозаветной исагогики, знакомились с исторической характеристикой эллинистической эпохи, языком и палеографией новозаветной письменности, историей текстуальной критики, с общей характеристикой содержания и текста каждого из четырех канонических Евангелий.

Владыка Питирим стремился привить студентам восприятие Евангелия в контексте православного благовестия, осуществляемого в рамках литургической традиции Церкви. По внутреннему характеру своего содержания, по классически ясному стилю изложения и по силе глубокой религиозной убежденности каждая лекция Владыки представляла собой блестящую академическую речь. «Исторически сложившийся *апракос* евангельских и апостольских чтений, – писал архиепископ Питирим, – бесспорно отражает дидактическое направление церковных чтений. История его формирования до сих пор обстоятельно не исследована, и работы в этом направлении начаты на 1-й кафедре Священного Писания в нашей Академии с 1958 года. Их значение обусловлено необходимостью дать православным пастырям метод целостного толкования Священного Писания по кругу недельных чтений».

В 1975 году для работы над новым изданием Нового Завета архиепископ Питирим привлек студентов Академии. В новом издании 1976 года евангельский текст, помимо традиционного и общепринятого деления на церковные зачала, главы и стихи, имел еще и третью систему деления – на перикопы Аммония, диакона Александрийской Церкви (II-III вв.), позволяющие сопоставлять параллельные повествования Евангелий. Перикопы Аммония вместе с таблицами Евсевия Памфила, епископа Кесарийского, церковного историка и богослова IV века, были впервые в русском переводе воспроизведены в издании Нового Завета 1976 года с 16-го издания Greek New Testament Э. Нестле.

При преподавании курса Священного Писания Нового Завета Владыка Питирим всегда подчеркивал его значение для церковного религиозного опыта и заботился о том, чтобы студенты учились преодолевать привычное «благоговейно-холодное» отношение к Евангелию и воспринимать Святую весть о спасении в ее неизменной и неповторимой новизне, в ее вечно живой и актуальной значимости.

«Наше благочестие, – говорил на лекциях архиепископ Питирим, – не страдает от того, что мы представим Христа и Его учеников, идущих из города в город по каменистым дорогам Палестины, под лучами палящего солнца, в пропитанных пылью и потом одеждах...»

На своих лекциях Владыка вдохновенно вводил студентов в благодатную и живоносную стихию евангельского благовестия и, воспринимаемый ими в подлинном смысле как учитель и экзегет, как преемник апостольской благодати и носитель святительского достоинства, сообщал всем присутствующим реальное ощущение своей преемственной связи с Самовидцами Слова. Каждая встреча с Владыкой заключала в себе подлинный источник духовного озарения. Особым величественно-торжественным пафосом была окрашена его лекция о Евангелии от Матфея. Владыка выделял пять частей в структуре евангельского повествования: 1 часть. Пролог. Родословие и Рождество Господа Иисуса Христа. 2 часть. Иисус – новый Законодатель. 3 часть. Иисус из Назарета – Учитель, признанный всем народом. 4 часть. Иисус – Первосвященник. 5 часть. Иисус – Победитель смерти.

Владыка умел преподнести студентам блестящий образец экзегетического восприятия текста:

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (Мф.5:39).

Ответный удар со стороны обиженного, пояснял он, способен лишь оправдать и спровоцировать новую агрессию обидчика, в то время как мужественное и великодушное перенесение несправедливо нанесенной личной обиды может образумить и нравственно обезоружить его.

Владыка указывал на особые достоинства четырех канонических Евангелий, каждому из которых он в разные периоды своего духовного возрастания отдавал преимущественное предпочтение. Он стремился привить студентам любовь к евангельскому тексту, пробудить в них творческий интерес к новозаветной проблематике и с этой целью предлагал им индивидуальные задания и темы для научно-богословских исследований. То исключительное внимание, с которым Владыка, несмотря на свою непомерную занятость в Издательском отделе, относился к каждому студенту, к каждому студенческому сочинению, поражало воображение тех, кто это внимание способен был по-настоящему оценить.

Как человеку высшего церковного призвания и долга, Высокопреосвященнейшему митрополиту Питириму было присуще обостренное сознание необходимости тщательнейшего исполнения своих служебных обязанностей. По учебному расписанию он являлся на все уроки, лекции и зачеты, участвовал в качестве научного руководителя и научного оппонента в работе кафедр по рассмотрению диссертаций выпускников, приезжал на заседания Совета Академии и Семинарии, на которых делал сообщения о своих зарубежных командировках. Особенно памятными остались декабрьские заседания Совета, после которых Владыка Питирим дарил всем членам профессорско-преподавательской корпорации настольные церковные календари на новый год, бывшие в то теперь уже отдаленное от нас время в изрядном дефиците.

Высокопреосвященнейший митрополит Питирим оставил ценное богословское наследие, множество его работ рассеяно в Журналах заседаний Совета Академии, в «Богословских трудах», в «Журнале Московской Патриархии», в других периодических и фундаментальных церковных изданиях. За совокупность научно-богословских трудов в 1985 году в связи с празднованием 300-летнего юбилея Московской Духовной академии он был удостоен присуждения ученой степени доктора богословия.

Начиная с первых ступеней своей преподавательской и научно-богословской деятельности Владыка Питирим стал славой и украшением Академии, авторитетным и признанным студентами преподавателем, доцентом, профессором. Он учил и богословствовал в русле патриотической и литургической традиции Церкви, был носителем живого церковного предания. Он учил благоговейному предстоянию перед престолом Божиим, честному и бескорыстному служению Церкви. Владыка учил молиться об умерших и верить в силу их благодатной помощи, поразительные примеры которой он приводил, рассказывая о голодных годах послереволюционного времени. Можно предполагать, что сам Владыка, знакомый с детства с материальной нуждой, был скромен в своей личной жизни. В одном из воспоминаний, которыми изобиловали его беседы, митрополит Питирим рассказывал о знакомом ему Преосвященном архиерее, который в любом обществе являлся в безупречно блестящей форме и после смерти которого была обнаружена доходившая до нищеты крайняя скудость его ветхого монашеского одеяния, изношенного и много раз штопанного и чиненного – «заплата на заплатке!».

Высокопреосвященнейшему митрополиту Питириму была в высшей степени свойственна способность утонченного и глубокого восприятия ценности и благолепия богозданного мира и плодов человеческого творчества. Он восхищался достижениями отечественной науки, поддерживал широкие связи с учеными, деятелями культуры и искусства. Человек, обладавший высочайшей мировоззренческой и нравственной культурой, как редактор и ценитель мастерства литературного стиля, он во всем любил порядок и изысканность, ими пронизано и его богословское творчество, всегда отличавшееся высоким и благодатным смыслом.

Владыка любил и высоко ценил церковное благолепие. В московском храме в честь Воскресения словущего в Брюсовском переулке, где он служил, не допускалось и малейшего отклонения от устава Киево-Печерской Лавры. В точности, как это принято было в дореволюционное и довоенное время, аналои с храмовой и праздничной иконой

ставились у концов солеи. Эта традиция, соблюдавшаяся в Русской Церкви до середины XX века, продолжает и ныне сохраняться в Греческой Церкви. Владыка Питирим, как и все архиереи старого времени, выходил на полиелей по ковровой дорожке и восходил на кафедру, после чего посредине храма ставился аналой с иконой праздника, который после елеопомазания верующих убрали на свое место у правого клироса, и Владыка по ковровой дорожке шествовал обратно в алтарь.

Как пастырь Церкви, как православный христианин Владыка следовал заветам гражданской и патриотической доблести. Он по-настоящему и глубоко любил наше славное Отечество, его историю и культуру. В монашестве он носил имя в честь святителя Питирима, небесного покровителя Тамбовской земли, его малой родины, где он родился и жил в детстве. Он любил Москву, столицу нашей великой Родины, и город Волоколамск, овеянный славой исторических преданий. Особенно глубоко он почитал преподобного Иосифа Волоцкого, пламенного ревнителя духовного просвещения на Руси, и прилагал много трудов по восстановлению Иосифо-Волоцкого монастыря и возрождению в нем монашеской жизни. Он чтит память героев Великой Отечественной войны и каждый год в начале зимы, в дни памяти битвы под Москвой, и весной, в День Победы, совершал заупокойную литию перед памятником воинам-панфиловцам в селе Нелидово, близ разъезда Дубосеково, под Волоколамском, перед началом которой возлагал к подножию монумента венки из живых цветов. В День Победы он по традиции приглашал в Волоколамск преподавателей и учащихся Московских Духовных школ для участия в праздничной Литургии и в торжественном шествии к месту героического подвига защитников Москвы.

Высокопреосвященнейший митрополит Питирим принимал широкое участие в общественной и культурной жизни страны, вел большую представительскую работу по приему официальных иностранных делегаций. На протяжении многих лет он состоял членом правления Обществ дружбы «СССР – Австралия» и «СССР – Канада». Он часто выезжал в

зарубежные командировки для участия в различных встречах, богословских собеседованиях, церковных и общественных конференциях и форумах, на которых достойно представлял нашу страну, Русскую Православную Церковь и отечественную богословскую науку.

Высокопреосвященнейший митрополит Питирим в ранний период жизни был близок к Святейшему Патриарху Алексию I, духовно возрастал в буквальном смысле под его омофором, будучи его иподиаконом, а затем священником в его патриаршей Крестовой церкви и, наконец, викарным его епископом. Именно от него, природного дворянина, одного из последних восприемников высшего круга аристократической культуры, выпускника Московского Императорского университета и Московской Императорской Духовной Академии, настоящего дореволюционного архиерея, он многое перенял и усвоил. Владыка Питирим вспоминал:

«...Святейший Патриарх являлся для нас как бы мерилom, канонem в своем облике. Эта необычайная гармония, собранность, дисциплина и глубина постижения религиозной жизни делали неповторимым индивидуальный облик Святейшего Патриарха Алексия.

Святейший Патриарх Алексий не утратил своей индивидуальности до последних дней. Здесь прямо нужно говорить о духовном даровании, о той духовной культуре, которая была присуща Святейшему Патриарху Алексию. Эту духовную культуру следует понимать как образец, который не передается, но который можно только изучать и осваивать».

В облике Высокопреосвященнейшего митрополита Питирима гармонически сочетались величавая патриархальность, истинно русское благообразие, внутреннее достоинство, степенность, мудрость, благородство, доходившее до самой высокой степени утонченности, почти аристократической изысканности. Подкупала своей искренностью и простотой присущая ему культура внешнего этикета. Не случайно он часто вспоминал слова Святейшего Патриарха Алексия, сказанные им незадолго до его кончины: «Я, наверное, проще всех служу!»

Высокопреосвященнейший митрополит Питирим богословствовал самой своей жизнью. Ему было свойственно просветленное, одухотворенное благодушие как следствие, по видимому, непрестанно звучащей в его душе сокровенной, умной молитвы. Когда он молчал, лицо его обычно выражало какое-то тихое раздумье, сокрытую и потаенную мысль. Но мгновениями оно вдруг озарялось, как будто Владыка открывал и уяснял для себя что-то очень высокое и значительное.

* * *

Многие пастыри, выпускники Академии, сберегут и сохраняют в своей душе как некие драгоценные жемчужины, добытые из глубин своего религиозного восприятия церковной действительности, личные воспоминания о Высокопреосвященнейшем митрополите Питириме. Вот он, внушающий почтительное уважение своей высокой и величественной фигурой, степенной поступью поднимается по старинной чугунной лестнице в аудиторию академического корпуса... Вот он ведет через залы Церковно-археологического кабинета иностранных гостей, объясняя им на английском языке православный язык иконы... Вот он в Покровском академическом храме в полном святительском облачении стоит, благовествующий перед народом, и, подняв десницу со сложенными большим и указательными перстами, говорит, следуя мысли преподобного Симеона Нового Богослова, о приобретении нетленного сокровища, той золотой монеты, которую нищий показывает другим и восклицает: «Пойдите, как я, и вы тоже получите это великое богатство!»

Простой и величественный, одухотворенный и благостный образ Высокопреосвященнейшего митрополита Питирима как великого, многолетнего, ревностного и любвеобильного труженика на высоком и ответственном поприще пастырско-богословского образования навсегда сохранится в благоговейной памяти всех его учеников и сотрудников по Академии.

В Покровском академическом храме всегда будет возноситься молитва о вечном упокоении во блаженном успении

Высокопреосвященнейшего митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, богослова, наставника и учителя.

Вечная ему память!

* * *

В Церковно-археологическом кабинете Московской Духовной академии имеется экспозиция, посвященная митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму. В нее входят: саккос, мантия, митра и Евангелие Владыки Питирима. Напротив Евангелия – небольшой бронзовый бюст митрополита Питирима на малахитовом постаменте.

Совет Московских Духовных академии и семинарии

Мой последний учитель

«Блажен путь, в оньже идеши днешь, душе, яко уготовася тебе

место упокоения».

Прокимен из наследования отпевания

4 ноября 2003 года скончался мой последний добрый учитель по Московской Духовной академии митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев). С его уходом я почувствовал, что от моей жизни что-то оторвалось, оставив на том месте незаживающую рану. Мы не любим слово «последний», и тем не менее оно есть, оно действует, оно быстро идет вслед за нами и может нас настигнуть внезапно – в день и час, когда мы меньше всего его ждем! И как страшно предстать пред Судом Божиим не успевшим покаяться грешником или не принесшим достойных плодов покаяния!

Хотя Владыка Питирим своей неизлечимой болезнью готовил и себя и всех своих близких к определенному исходу, но, когда час пробил – грудь сжалась от боли... Пока живы наши заботливые учителя – мы чувствуем себя как-то увереннее, радостнее – нам приятно с ними встречаться, отрадно слышать их голос, да и просто видеть их приветливую улыбку. Мы знаем, что в любую лихую минуту мы можем к ним обратиться и получить правильный совет, духовную поддержку... С уходом их в мир иной многое отнимается и у нас. Правда, у нас остается самое главное – возможность молитвенного общения. И я глубоко верю, что Владыка Питирим, много лет молитвенно предстоявший у Престола Божия во святом храме, стоит и ныне перед Богом с воздетыми горе руками за своих друзей, за православную паству, за Отчизну, за нас – его учеников. А мы, в свою очередь, поминаем его святое имя в своих молитвах.

* * *

Переношусь мысленно к началу пятидесятих годов прошлого, XX столетия, к светлому времени студенческих лет в Московской Духовной академии. Вижу, как один за другим подымаются на кафедру маститые, убеленные сединой

профессора – выпускники дореволюционных Духовных академий. В их глазах, да и в походке чувствуется и глубокая мудрость, и доброта, утвержденные тяжелым крестным путем большевистской «свободы»... И вот открывается дверь, и в аудиторию входит молодой, стройный, высокий, с длинными черными усами отец Константин (мирское имя митрополита Питирима) – выпускник возрожденной Академии. Походка спокойная, взор пронизательный, в руках один курсовой журнал – никакой иной «ноши» нет! Смотришь и радуешься: слава Богу, есть преемственность – силы ада не смогли сокрушить величие русского православного духа!.. На кафедре обычно отец Константин сидел. Глаза его смотрели на аудиторию. Заметно было, что они часто скользили выше наших голов... Теперь-то я понимаю: отец Константин думал и, чтобы сосредоточиться, подымал глаза в пространство. А думать было над чем: он вел у нас западные исповедания – предмет объемный и разносторонний. Требовалось не только представить особенности инославия, но и раскрыть вероучение православное, а это значит: вместить в одну дисциплину всю нашу святую веру и неразрывно связанное с ней благочестие... Раскрывалась тематика обстоятельно, логично, убедительно, живо... Чтобы больше нас увлечь, заинтересовать, отец Константин прибегал к различным образам, сравнениям, иногда приносил с собой и иллюстративный материал... Таким я помню его и как старшего коллегу по профессорско-преподавательской корпорации Академии...

* * *

Господь дал мне радость работать более десяти лет под началом Владыки Питирима в качестве члена редколлегии сборника «Богословские труды». Председателем редколлегии был Владыка. Рабочие заседания редколлегии проводил он по-деловому: всех внимательно выслушивал, не перебивая и не останавливая, если даже докладчик в своем увлечении несколько отклонится от темы. В последнем случае Владыка только улыбнется и скажет какую-нибудь реплику, которая у всех также вызовет улыбку. Такая обстановка не допускала даже тени напряженности. Создавалось впечатление, что дружная

семья собралась на важный совет. Всякий раз завершался наш приятный труд трапезой, которая наглядно свидетельствовала о широте доброй души Владыки, старавшегося как-то украсить нашу жизнь. А однажды, после очередного заседания, Владыка предложил всем нам съездить в монастырь преподобного Иосифа Волоцкого. (Уже в этом предложении мы почувствовали, что этот монастырь – любимое «детище» Владыки, частица его души; потом, увидев его, убедились: предчувствия не были напрасными.)

Мы, конечно, согласились. Я имел счастье сидеть с Владыкой в одной машине. И вот, когда мы стали подъезжать к монастырю, Владыка велел всем закрыть глаза, затем повернуть головы налево и через несколько секунд дал команду: «Открывайте глаза!» – У всех нас вырвалось единоголосное «Ах!». – «Вот так, – заметил Владыка, – не только у вас, но и у всех всегда вырывается это «Ах!», когда внезапно увидят монастырь!» И действительно, перед нашим взором сияли золотые купола, высоко поднимаясь к небу, сверкали на солнце, а воздух казался прозрачнее обычного, словно и он желал пропустить, нисколько не затемнив, великолепие святой обители, украшенной заботливой святительской рукой... Знакомство с жизнью святой обители привело нас в неопиcуемый восторг – Владыка по-настоящему нас порадовал...

* * *

Владыка Питирим был Человеком с большой буквы, и я мог лишний раз убедиться в величии его духа по личному отношению митрополита к моей семье. Дело было так. Моя жена заболела глазами. Владыка знал об этом. И вдруг однажды мы видим, подъезжает к нашему дому в Москве (дом был двухэтажный) машина, из нее выходит Владыка и направляется к нашей двери. Оказалось, что он только что приехал из города Бари и привез от честных мощей Угодника Божия Николая Мирликийского святое Миро. К нам Владыка приехал, чтобы этим святым Миром помазать глаза моей жены! И это при беспросветной занятости Владыки!!!

Позднее, когда решался вопрос о лечении глаз моей жены Марии при братском содействии протоиерея Владимира Тимакова и иеромонаха Моисея (Дроздова), я не раз вспоминал о святом Мире, привезенном к нам митрополитом Питиримом, и думал: это совпадение или нечто большее? Верю, что большее, – верю, что дорогой Владыка не оставил нас, а продолжает о нас заботиться! А что может быть отраднее сего?!

Заезжал к нам Владыка и в пригороде, где мы проживали в летнее время. Мы восприняли этот заезд как благословение Божие нашего дома и нашей земельки!

* * *

Владыка Питирим в общении был приветливым. При встречах он непременно спрашивал о нашей жизни, о нашем здоровье, работе... Бывало и такое, что он спросит: нет ли какой-либо нужды у меня, не нужна ли его помощь... Слава Богу, нужды не было, но я всегда чувствовал: случись что-либо – есть к кому пойти!.. Во время беседы он не делал вида, что ему некогда, что он очень занят, что надо спешить, что есть поважнее дела... Перед собой он видел человека с его, пусть даже маленькими, радостями и горестями, и Владыка был весь открыт для него. Вот подлинное отношение к нашей суете, «беготне», как правило, пустой...

Слава и благодарение Богу, что такие люди были, что мы их видели и общались с ними!

* * *

С уходом в мир иной последнего моего учителя открывается и для ученика зеленый свет. Сознание же сего приводит к особому духовному устроению. Сегодня, смотря на этот зеленый свет, я паки и паки благодарю Вседержителя Творца и Промыслителя за то, что Он даровал мне такого доброго и мудрого учителя, каким навсегда останется в моей памяти дорогой Владыка Питирим!

Низко склоняю перед моим дорогим учителем голову и молю Троицкого Бога уготовить ему место упокоения.

Константин Скурат, доктор церковной истории,
заслуженный профессор Московской Духовной академии

О Владыке Питириме и его духовных корнях

С Владыкой Питиримом я познакомился в 1974 году самым для меня чудесным образом. В том году я поступал в Московскую Духовную семинарию. Сдал два экзамена, а перед последним была назначена медицинская комиссия. Я с детства не слышу на правое ухо – из-за этого не взяли в армию, хотя я сам туда добровольно просился. Думаю, в армию-то не взяли, но этот мой недостаток не должен быть препятствием для поступления в духовную школу. Однако каково же было мое разочарование, когда я узнал, что не прошел медкомиссию и в связи с этим не допущен к экзамену.

Проводил ребят, с кем поступал, на экзамен, а сам стою на лестничной площадке у входа в аудиторию, молюсь и чуть не плачу, на душе темным-темно. Ведь ради поступления в семинарию я оставил учебу в вузе (ушел с 3-го курса Землеустроительного института), выписался из дома и прописался в Казахстане, потому что в те годы господства атеизма почти не принимали абитуриентов из Москвы и Подмосковья... Имел самые искренние побуждения служить Церкви, и вдруг всё рухнуло...

Стою я со своими тяжелыми думами и вдруг слышу шаги. Медленно поднимается по лестнице величественная фигура архиепископа Питирима. Подхожу к нему под благословение, он молча благословляет. Я не был знаком с ним, но узнал по фотографиям, которые видел в «Журнале Московской Патриархии» (несколько старых номеров подарили моей маме знакомые).

Вдруг Владыка, взглядываясь в мой жалкий и несчастный вид, ласково улыбаясь, тихо спрашивает: «Что с тобой? Почему ты здесь стоишь?» А я, как Филиппок, которого не взяли в школу, отвечаю жалким голосом: «Владыка, меня в семинарию не взяли». Тот, узнав причину, велел оставаться на месте, зашел в аудиторию, где проходили приемные испытания, переговорил с кем-то и позвал меня на сдачу экзамена. Еще не

понимая, что со мной происходит, я взял билет и старательно ответил на все заданные вопросы.

После экзамена подождал Владыку – он был в числе экзаменаторов. Владыка спросил: «Хочешь быть у меня иподиаконом?» – и, когда услышал положительный ответ (а другого и быть не могло в моей ликующей душе), сказал, чтобы я приезжал к нему на богослужение в Елоховский собор. Архиепископ Питирим в те годы был первым викарием Патриарха Пимена и служил в соборе часто. В 1974 году воскресный день и праздник Преображения Господня следовали один за другим. Две Литургии и два всенощных бдения пролетели для меня мгновенно. Владыка поставил меня (видно, из-за моего высокого роста) вторым иподиаконом. Конечно, я путался и ошибался в действиях (ведь я был иподиаконом первый раз в жизни!), но Владыка замечаний мне не делал. Даже когда я при облачении прихватил вместе с омофором часть его шикарной бороды, он, улыбаясь, только сказал: «Бороду-то отпусти».

Прислуживая в алтаре, я мысленно представлял, как буду ходить на занятия в семинарию. Ведь я был на сто процентов уверен, что уже зачислен, так как экзамены сдал и уже иподиаконствую у самого архиепископа Питирима. Каковы же были мои горе, обида и разочарование, когда после службы Владыка сказал: «Володя, а ведь тебя в семинарию не приняли». Ноги у меня подкосились, в глазах потемнело и вид был, наверное, такой ужасный, что Владыка сам стал меня утешать и подбадривать: «Не переживай, что-нибудь придумаем».

Не знаю, как я пережил этот день. Посоветовался с мамой и решил, что, наверное, Богу не угодно, чтобы я был священнослужителем. Тогда всё равно буду служить людям, только врачом. Поступил в Загорске в больницу «Красный крест», которая располагалась на месте восстановленной семинарии с храмом преподобного Иоанна Лествичника. Работал санитаром сутками, носил тяжелобольных, присутствовал по приглашению хирургов на операциях, закупил

книги по медицине и стал готовиться к поступлению в медицинский институт.

Однако Господь говорит людям: *Мои пути – пути не ваши* (Ис.55:8). Вдруг месяца через два получаю через секретаря Владыки Питирима Валентину Васильевну Елисеенко телеграмму с предложением о встрече. Встретились в саду Академии. Владыка подробно расспросил меня обо мне, о моих родителях и в конце разговора сказал: «Хватит тебе быть медбратом, приходи трудиться ко мне в редакцию».

Совсем немного пробыл я в редакции, которая в то время располагалась в Успенском храме Новодевичьего монастыря, работая экспедитором и корректором. В канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы Владыка устроил меня в семинарию, в тот класс и к тем ребятам, с которыми я сдавал вступительные экзамены.

А далее судьба не разлучала меня с Владыкой все эти годы, вплоть до его кончины. Я был у него старшим иподиаконом, заведовал ризницей, возглавлял в нашем Журнале отдел «Богослужебная практика». Он посвящал меня во диакона и во священника, с ним я служил в храмах Волоколамска и на улице Неждановой (ныне Брюсов переулок) в его московском храме в честь Воскресения словущего. Когда меня назначили в храм, где ныне служу настоятелем, Владыка всегда благословлял приходить ко мне на исповедь, крестины, венчание своих родственников и близких людей.

Наше с ним духовное общение через молитву никогда не прекращалось.

Мне хочется еще сказать о духовных корнях Владыки Питирима.

Все мы сейчас отмечаем необыкновенную одаренность этого человека, удивительное разнообразие его интересов и взглядов, глубину его мышления. Митрополит Питирим широко известен в мире как маститый иерарх Русской Православной Церкви, крупный церковный ученый и педагог, знаток и ценитель многих видов искусств, талантливый музыкант и поэт, неустанно разъясняющий и в приватной беседе, и в лекциях, и в средствах массовой информации красоту Православия и

приоритетную роль культуры как гуманитарной сферы, имеющей духовно-нравственное значение. Что же сформировало его таким стойким в любви к Православию, Церкви и Родине? Что сделало его таким, каким мы видели его при жизни?

Несомненное влияние оказал на это священнический род Нечаевых, столетиями служивший России. Род, давший иерархов, множество священников, диаконов и псаломщиков. Тяга к служению Богу была, если можно так выразиться, заложена в генах Преосвященного митрополита. Владыка сам говорил: «Если когда-то в роду были священнослужители, то в 7-м или 10-м поколении они вновь будут». Большое влияние оказал на Владыку его духовник, настоятель церкви во имя Иоанна Воина на Большой Якиманке, заслуженный митрофорный протоиерей Александр Георгиевич Воскресенский (1875–1950), пятьдесят два года прослуживший у престола Божия. Отец Александр буквально окормлял всю православную Москву, всех, кто приходил к нему: и мирян, и священнослужителей. По словам митрополита Питирима: «Через всю жизнь отец Александр пронес скрытый подвиг молитвы, увенчанный счастливым даром духовной мудрости, прозрения и чудотворения».

От своего духовного отца будущий Владыка почерпнул знания о том, каким должен быть настоящий священнослужитель, и еще его роднила с отцом Александром необычайная строгость к себе и верность взятому на себя долгу.

Глубочайшее влияние на Владыку Питирима оказал священоисповедник преподобный схиархимандрит Севастиан (Фомин, 1884–1966), причисленный Церковью к лику святых в сонме новомучеников и исповедников Российских.

Отец Севастиан – ученик Оптинского старца Нектария. Оптина Пустынь – это духовная здравница России, известная в XIX и начале XX века своими духоносными старцами – молитвенниками и прозорливцами. К ней стекались люди самых разных званий и достоинств.

После Октябрьского переворота отец Севастиан был сослан в Карлаг, а по окончании срока добровольно остался в Караганде. Пообщаться с духоносным старцем приезжали со

всех уголков нашей страны. Несмотря на огромные расстояния, Владыка регулярно посещал старца, питаясь его советами и молитвами, получал необходимые духовные наставления и нес эту преемственность в мир.

И, конечно, значительнейшее влияние на Владыку Питирима оказал Святейший Патриарх Алексей I (Симанский, 1877–1970). Патриарх Алексей I был архиерей дореволюционного посвящения, его епископскую хиротонию совершил в 1913 году приехавший на юбилей 300-летия Дома Романовых Антиохийский Патриарх Григорий IV.

При Патриархе Алексии I Владыка Питирим прошел все степени церковного служения от иподиакона до епископа. Многолетнее (с 1945 по 1970 год) служение рядом с маститым старцем-Патриархом не прошло для него бесследно – от Первосвятителя у митрополита Питирима было величественное архиерейское служение, проявляющееся в совершении Божественной литургии, в незабываемом чтении Евангелия и канона преподобного Андрея Критского, в каждении и во многом другом.

Личная одаренность и общение с Патриархом выразились в прекрасном умении Владыки общаться не только с простыми верующими людьми, любившими его и во множестве стекавшимися на его службы, но и с Главами государств и Церквей, православными и инославными, военными, студентами и спортсменами, деятелями науки и культуры. Причем общение с Владыкой оставляло неизгладимый отпечаток в душах людей, порой совершенно далеких от Церкви.

Владыка Питирим был высокого роста, прямой, статный, подтянутый. Шагал он всегда неторопливо, размеренно, никогда не горбился – даже когда Владыку одолел радикулит, он, стиснув зубы от боли и громко (видимо, неосознанно) ударяя в пол посохом, шел по коридору Академии на занятия. Нас, «бурсаков» – будущих священнослужителей, он всегда поучал ходить прямо, а то – говорил – идет священник, а наперсный крест у него как маятник на груди качается из-за некрасивой походки.

Так же прямо, не шевелясь, стоял он у престола в храме и внушал нам, семинаристам, что переминаться с ноги на ногу – это не только не красиво, но и неблагоговейно.

У Владыки было замечательное лицо, седые волосы, длинная седая борода и живые, молодые, все понимающие, мудрые глаза. Какой-то особой одухотворенностью веяло от его облика. На нем всегда лежала печать неповторимого достоинства, отображавшая древность его священнического рода, высоту архиерейского сана, значимость возложенного на него служения. И где бы Владыка ни находился: в дороге, дома, в саду, на корабле, в самолете, в гостях, на приемах – всегда можно было понять, что перед тобой человек необычный, перед тобой Архиерей. Даже когда он надевал светское платье, вид его не был видом обычного мирского человека. Однажды я был свидетелем того, как митрополит, одетый в черный костюм, черное демисезонное пальто, немного расстегнутое на груди, на которой виднелся фотоаппарат, и черный берет, зашел в Загорске в магазин перед Лаврой присмотреть какие-то сувениры для своей очередной заграничной поездки. Он вежливо, улыбаясь, разговаривал с продавщицей. Ничего необычного в словах и поведении Владыки не было, но надо было видеть молоденькую сотрудницу магазина: она была буквально заморожена его величественным видом, ее лицо выражало благоговейный трепет. Впоследствии этот благоговейный взгляд я видел в глазах многих людей, которые общались с Владыкой.

Митрополита Питирима любили военные, и он любил их. Эта любовь базировалась на общности служения Родине, дисциплине внутренней и внешней, чувстве ответственности. Когда в конце 2003 года мой сын Алексей, призванный на действительную военную службу в Вооруженные силы России, принимал присягу, то архимандрит Агафадор (Маркевич) – наместник Московского Донского ставропигиального монастыря, присутствовавший от Православной Церкви на этом торжественном мероприятии, сказал мне, что на принятии присяги до него здесь всегда в этот день представителем нашей Церкви был митрополит Питирим.

Владыка в юности был, скажу его словами, «студентом-путейцем» Московского института инженеров транспорта, а в последние годы жизни, когда МИИТ был преобразован в Московский государственный университет путей сообщения, возглавлял в нем кафедру теологии и иногда служил в воссозданном с его помощью в университете домовом храме во имя Святителя Николая.

За каждым богослужением Владыка проповедовал. Говорил он всегда тихо, служил негромко. Но, как ни странно, в храме его всегда было слышно. Возложив руки на архиерейский жезл, Владыка начинал проповедь, при этом он, не прерываясь, отступал чуть вправо или влево, иногда назад, ища место на амвоне, где лучше была акустика и его голос был лучше слышен. В бытность мою старшим иподиаконом проповеди Владыки всегда записывались на магнитофон, но делалось это незаметно, так как он не любил, когда это было на глазах у молящихся. Не знаю, сохранился ли потом этот обычай записывать проповеди и были ли эти записи напечатаны – мы могли бы сейчас иметь несколько томов проповедей, в которых отражен обширный запас богословских знаний и житейского опыта митрополита Питирима.

У Владыки был обычай фиксировать, в каком облачении и в какой митре он служил. Записи эти вел я, так как был не только старшим иподиаконом, но и заведовал архиерейской ризницей. Записывал, в каком храме служили и какой был в этот день церковный праздник. В конце года эти записи я отдавал Владыке.

Перед облачением он всегда (как мне казалось, демонстративно) поднимал левую руку и снимал наручные часы. Делал это Владыка специально для нас – мальчишек-иподиаконов, поясняя, что ничто из светского обихода не должно нарушать ритм и красоту богослужения, а часы, выглядывающие из-под поручей священнослужителя или стихаря на руке иподиакона, невольно вносят ненужный диссонанс в общий строй богослужения.

Иподиаконствовали мы всегда в рубашках и при галстуках. Подряслики Владыка никому не благословлял. Он в юности был

иподиаконом у Патриарха Алексия I и сам так одевался. Правда, мы по тогдашней «моды» порой надевали галстуки самых немыслимых расцветок, но Архиерей не заострял на этом внимание, отдавая дань нашей молодости. Потом мы с благословения Владыки пошили себе рубашки черного цвета со стоячими, как в семинарском кителе, воротниками, но они не прижились, и галстук победил. Обувь все старались иметь запасную, специально для богослужений.

При облачении Владыка всегда с благоговением благословлял и лобызал каждую деталь архиерейского облачения и так же с благоговением разоблачался в конце службы, говоря нам, будущим священнослужителям, что обычно все старательно облачаются к началу службы, но потом в конце богослужения, торопясь, снимают с себя все без должного благоговения, а этого не должно быть, так как облачение до, во время и после службы остается святыней и к нему надобно относиться должным образом.

В Москве местом постоянного служения Владыки был храм Воскресения словущего на Успенском Вражке. Улица, где стоял храм, носила имя певицы Неждановой, но старые москвичи всегда называли ее по старинке – Брюсов переулок. Так они звали и сам храм, так называл его и митрополит. Храм любили посещать актеры, художники, литераторы, киношники, считая его своим. Это действительно имеет основание. По московскому преданию, именно люди искусства во главе со Станиславским ходили на прием к М. И. Калинину и отстояли храм от закрытия. Владыка любил свой храм, чтит его святыни.

В главном алтаре справа от престола стояло кресло, рядом – орлец. Во время всенощной Владыка стоял или сидел, молясь в кресле. На противоположной стене висел чудный, старинный образ Спаса. Митрополит смотрел на него, и мы все, присутствующие в алтаре, видели, что Владыка молится. Порой глаза его были молитвенно закрыты и он молча, не открывая их, благословлял диаконам кадило, про себя читая молитву. Иногда он отрешался от всего, и надо было несколько раз напоминать ему, что должно облачаться на литию или полиелей. В отличие от других Преосвященных, митрополит Питирим сам, а не

иподиаконы, завязывал поручи и пояс. Причем он всегда аккуратно завязывал поручи особым образом, оставляя маленький кончик, дергая за который, их можно было мгновенно развязать. Была у Владыки и неподражаемая манера совершать каждение. Все у него было отменно четко и гармонично: кадильница, рука и сам он составляли единое целое – ни одного лишнего движения; очаровывала даже красота поклона в каждении. В такой момент ощущаешь, что кадило, приносимое Богу, в таких руках «возниспосылает нам благодать Святого Духа».

Так же красиво, как и каждение, совершал митрополит Питирим осенение молящихся свечами за богослужением. Готовя дикий и трикий к предстоящей службе, иподиаконы соединяли верхние части свечей вместе, не как в греческой традиции – раздельно две свечи и раздельно три. Вероятно, через это он хотел особо подчеркнуть не только двусоставность природы Христа Спасителя – Божескую и человеческую, но показать, что во Христе эти две природы соединились вместе: два языка пламени, но свеча как бы одна. Так же и в трикирии: три свечи – три ипостаси, три языка пламени, но свеча как бы одна – «Троица единосущная и нераздельная».

Свечу на полиелее, акафисте, панихиде Владыка также держал особо. Нижняя часть свечи на некую пядь выступала из-под кисти руки. И держал свечу он настолько грациозно, что даже в этом проявлялась красота нашего православного богослужения. Оплывший воск часто снимали, не позволяя ему гроздью висеть на свече.

Перед Литургией в самых начальных молитвах архиерей полагал три поясных поклона: «Царю Небесный...» – поклон, «Слава в вышних Богу...» (читается дважды) – два поклона.

Тайные молитвы он прочитывал тайно (т. е. про себя) или вполголоса.

Прежде чем сесть на стасидию (небольшой стульчик без спинки, стоящий на кафедре по богослужебному уставу), Владыка незаметно, не оборачиваясь, проверял ногой – на месте ли она, не забыли ли ее поставить рассеянные

иподиаконы. Сидел всегда прямо, устремив молитвенный взгляд вперед.

Он очень любил, когда народ пел в храме «Верую», «Отче наш», знакомые тропари. Иногда он говорил диакону, чтобы он запевал с народом, а чаще всего и сам начинал петь, предварительно объявив: «А теперь поем вместе!»

Когда в конце Литургии хор под управлением Ариадны Владимировны Рыбаковой – многолетнего и многоопытного регента правого хора – благоговейно и молитвенно пел стихиры Богоматери «Высшую небес...», Владыка совершал каждение и в завершение читал молитву Царице Небесной пред Ее иконой «Взыскание погибших».

Владыка глубоко чтит эту чудотворную икону и всегда служил бдения, Литургию в дни ее церковной памяти, а последнее воскресенье каждого месяца сам служил ей акафист. Акафисты собирали много православных москвичей, молящихся об устройении своей личной жизни и своих детей. Киот, в котором ныне находится эта чудотворная икона, был спроектирован с благословения Владыки Питирима талантливым архитектором и художником, духовником и наставником московской интеллигенции, рано умершим протоиереем Геннадием Огрызковым († 1997). Резной купол, венчающий киот, можно драпировать тканью или парчой, исходя из цветовой гаммы богослужебного круга года. Икона Богоматери «Взыскание погибших» находится слева от амвона главного алтаря, а справа – образ святителя Спиридона Тримифунтского (IV век) с частицей его святых мощей. Этого святителя и чудотворца митрополит Питирим глубоко почитал, всегда служил в день его памяти бдение с акафистом. Иногда привозил хранившийся у него ковчежец с платом красного цвета от мощей святителя Спиридона, привезенный им с о. Корфу. Владыка в своих проповедях отмечал соединение простоты и святости Святителя, необычный дар его чудотворений. Митрополит был глубоко убежден, что именно святитель Спиридон помог св. адмиралу Федору Ушакову захватить остров Корфу и прославить Андреевский флаг. 25 декабря, в день памяти святителя, Владыка Питирим часто приглашал на Литургию

посла Греции и сотрудников греческого посольства. В этот день за Литургией исполнялись песнопения на греческом языке, диаконские ектении и возгласы священников также звучали по-гречески.

По проекту и благословению митрополита во дворе храма был построен церковный дом, один из первых в Москве после многих лет гонений на Церковь. В этом доме Владыкой была открыта первая не только в столице, но и во всей России воскресная школа. Сейчас такие школы существуют в каждом приходе – в те же годы это было настоящее чудо. В бытность мою иподиаконом митрополит (тогда еще архиепископ) Питирим был первым викарием Патриарха Пимена и часто сослужил Святейшему в Елоховском соборе, по его благословению служил, заменяя Патриарха, в других храмах Москвы. Любил служить Владыка в храмах своего Волоколамского благочиния. Монастырь преподобного Иосифа Волоцкого тогда еще не был возвращен Церкви, но митрополит часто посещал его и сам лично проводил там экскурсии для учащихся Духовной семинарии и Академии, сотрудников Издательского отдела и гостей. Кроме музея, в монастыре находился детский дом для детей-сирот. Владыка рассказывал, что заботу о сиротах впервые стал проявлять сам преподобный Иосиф Волоцкий. Во все века существования монастыря в нем по завету игумена заботились о детях, лишенных родителей. Даже когда монастырь был закрыт, детский дом продолжал существовать на средства государства. Будучи профессором Московской духовной академии, митрополит Питирим в день преподобного Иосифа приглашал семинарский хор, студентов семинарии и академии, а также преподавателей на богослужение в село Спирово – ближайший от монастыря действующий храм. После трапезы все шли в монастырь на экскурсию. Несмотря на разрушения, монастырь поражал своей мощью, красотой и благодатью. Поездки в Волоколамский монастырь оказывали благотворное влияние на наши юношеские души и сильнейшим образом укрепляли в решимости служить Церкви. Владыка очень чтит преподобного Иосифа Волоцкого, постоянно призывал его в своих молитвах. Во имя преподобного Иосифа

он освятил домовый храм в Издательском отделе и незадолго до своей кончины обрел из-под спуда его святые мощи. Когда Владыку Питирима в 1986 году возвели в сан митрополита, то он стал носить титул Волоколамского и Юрьевского. На месте древнего городка Юрьева стоит ныне село Середа Юрьевская. В этом месте в древности был монастырь, основанный учеником преподобного Иосифа преподобным Левкием Юрьевским. Владыка рассказывал мне о случае, происшедшем с ним, когда он впервые решил посетить то место, где были развалины Левкиева монастыря. Когда он подъехал к нему, его встретила жившая неподалеку старушка и пригласила в свой дом испить чаю и отведать свежее испеченных пирогов. Каково же было его удивление, когда бабушка сказала, что она его сегодня давно ждет. На недоуменный вопрос Владыки, как она могла его ждать, если об этой поездке знал всего лишь один человек – он сам, бабуля ответствовала, что ей накануне во время молитвы явился преподобный Левкий и предупредил о приезде высокого гостя.

В описываемые мною 1974–1980 годы в Волоколамском благочинии было всего пять действующих храмов: в самом городе, пригороде (с. Возмище), в селах Спас и Спирово, да на погосте села Пески. Последний – огромный деревянный храм XVIII века – был самым отдаленным и в сущности уже не Волоколамского, а Шаховского района. Там в ту пору, из-за отдаленности от населенных мест, не было даже электричества (телефон и электричество были проведены туда стараниями Владыки Питирима); в распутицу, чтобы подвезти какие-либо необходимые вещи, приходилось прибегать к помощи трактора. Митрополит Питирим свои храмы любил, заботился о них, служил там часто, отдыхая душой и телом, раскрепощаясь от городской суеты и черпая там дополнительные силы для своего труднейшего послушания. Он заботился не только о храмах, но и о самом городе Волоколамске. Одно время у кого-то из администрации, то ли местной, то ли вышестоящей, появилась бредовая идея уничтожить старинные торговые ряды, стоящие у подножия холма, на котором расположился Волоколамский кремль. Чтобы спасти их от разрушения, Владыка забил тревогу

и всеми доступными ему средствами стал на защиту исторической ценности. Я был свидетелем приезда в город в связи с этими событиями летчика-космонавта В. Севастьянова и академика Б. Раушенбаха. Благодаря стараниям митрополита и его сестры Ольги Владимировны, эта древняя достопримечательность города была спасена, а молодежь, воодушевленная примером Владыки, вступила в ряды Общества охраны памятников.

Память о Преосвященнейшем митрополите Питириме навсегда будет в моей душе, как и безмерная благодарность за доверие и дарованную возможность на протяжении многих лет быть рядом с ним.

Протоиерей Владимир Ригин, настоятель храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе в Москве

О роли исторической правды

*«Не мешайте нам быть русскими.
Не мешайте нам быть православными».*

**Из выступления митрополита Питирима перед
студентами и
преподавателями Московского городского
института управления
Правительства Москвы**

Выдающийся деятель и подвижник, наш современник, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Константин Владимирович Нечаев) всю свою жизнь нес свет истинного знания и веры и продолжает это делать по окончании своего земного пути.

Неослабевающий порыв ко Христу, неиссякающая духовная надежда, стремление к истинной и полной свободе, милосердие и великое терпение выработали у Владыки Питирима тот высокий строй жизни, который принято называть святостью.

Живут его дела, его мысли в учениках, духовных детях. Особой заботой для Владыки было воспитание молодежи – будущего России.

«Образование происходит от слова Образ», – часто повторял Владыка и говорил, что приобретая знания, если они истинны, человек должен становиться лучше, чище, освобождаться от пут зла, создавать в себе совершенного человека по образу и подобию Божию. В современных условиях мирового процесса глобализации крайне важно не потерять исторического наследия России, не разграбить сокровищницу нравственного богатства русского народа. И прежде всего это касается гуманитарного, исторического образования. Знание истории делает человека гражданином, а гражданское чувство, любовь к своему Отечеству и верность своему народу не позволяют предать интересы страны, интересы народа. Фундаментальность знаний, системно-исторический подход помогут молодому поколению адекватно и правильно оценить то, что происходит вокруг.

В Московском городском институте управления Правительства Москвы по благословению Владыки Питирима был подготовлен и прочитан специальный курс «Духовно-исторические особенности развития России». Цель данного курса – объективное, документально-историческое исследование духовного пути России, его закономерностей, причин социально-экономических потрясений страны и их взаимосвязей с духовным упадком, а также условий, при которых держава расцветала.

«Наши российские просторы рождают особый характер», – эти слова Владыки Питирима особо памятливы нам. Русскому народу исторически присуща необычайная терпимость по отношению к другим нациям. Протестантско-католический Запад просто уничтожал чужую веру, зачастую с самими иноверцами, а русский народ, напротив, дал миру пример многовекового сосуществования с разными нациями и религиями, потому что исповедовал принципы терпимости и уважения чужих обычаев. «Особый характер» проявляется и в необычайных творческих талантах нашей земли, которые порой невозможно стандартизировать и унифицировать.

Материал, изложенный в вышеназванном специальном курсе, помогает студентам понять, как созидательны дух, воля, вера русского народа, которую он с особым рвением всегда оберегал от иноземных врагов; понять, для чего великий князь московский Василий II под сводами Успенского собора с негодованием отверг братание с ересью, как патриарх Гермоген ценой своей жизни через два века отстоял Русь от вооруженного латинства, силою вторгавшегося к нам; как митрополит Филарет уже в XIX веке вознес вокруг духовных святынь такую мощную ограду, что ее не поколеблют никакие приступы...

Наш университет готовит чиновников для такого крупного мегаполиса, как Москва. И духовно нравственные аспекты воспитания очень важны для нас, для будущих городских управленцев. Владыка Питирим неоднократно бывал в нашем университете и затронул сердца наших студентов. Владыка Питирим обладал самым важным даром: спасать человеческие

души! И для нас примером должна являться вся его жизнь: он, невзирая ни на что, не жалея «жизнот своего», этот дар использовал – спасал многие души. Это сложно, но он знал, как это делать, и делал.

Продолжая традиции своих великих предшественников, митрополит Питирим в суровые годы богоборчества просвещал людей, защищал, восстанавливал российскую духовность, нравственность, сердечную чистоту.

Татьяна Ужва, ректор Московского городского института управления Правительства Москвы,
доктор исторических наук, профессор

Прерванный диалог

Во время работы над книгой по истории кафедрального Богоявленского (Елоховского) собора нашим авторским коллективом было найдено много неизвестных и неопубликованных фотографий, сделанных в 1940-х годах. Но кто изображен на них? Самостоятельно справиться с этой задачей мы не смогли, и я обратился за советом к настоятелю собора протопресвитеру Матфею Стаднюку, по благословению и под кураторством которого велись наши исследования. Отец Матфей ответил определенно и твердо, что только митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим может помочь в нашем деле.

Наш разговор состоялся в конце ноября 2002 года, и вскоре отец Матфей сообщил мне номер телефона, по которому я должен был позвонить Владыке Питириму и договориться о встрече.

Не без душевной робости набрал я указанный номер телефона, сознавая, что мне доведется говорить с человеком, яркая личность которого давно вызывала у меня чувство глубокого уважения. Много раз я видел его на экране телевизора, свободно беседующим со знаменитыми деятелями нашего государства и зарубежных стран, выступающим на Съезде народных депутатов и на заседаниях в Советском фонде культуры. Его спокойный, величавый и, смею отметить, красивый, даже аристократичный облик запомнился по фотографиям богослужений в Елоховском соборе, запечатлевшим его рядом со Святейшими Предстоятелями Русской Православной Церкви. Слышал я его проникновенные и прочувствованные слова, обращенные к пастве небольшого московского храма в честь Воскресения словущего в Брюсовом переулке, внимавшей своему архипастырю с умилением, любовью и благоговением. С интересом читал статьи и проповеди Владыки Питирима в редактируемом им «Журнале Московской Патриархии», в которых он представал

великолепным ученым-богословом, замечательным проповедником, талантливым историком Церкви.

По голосу в трубке телефона (который, как оказалось, был домашним) я сразу же понял, что мне ответил сам Владыка. От волнения я не нашел ничего лучше, как смущенно спросить: «Это Вы, Ваше Высокопреосвященство?», на что получил добродушный и несколько ироничный ответ: «Да, это мое Высокопреосвященство!» Представившись, я изложил просьбу о встрече. Преосвященнейший ответил, что он вскоре уезжает в Тбилиси на юбилей Католикоса-Патриарха Грузинской Православной Церкви Илии II, и попросил позвонить позднее, заверив, что наш разговор непременно состоится. Встреча несколько раз переносилась, но все-таки я получил приглашение на личную аудиенцию у митрополита в его деловой резиденции в Глазовском переулке.

В пасмурный весенний день 4 апреля 2003 года я вошел в подъезд старинного здания в районе Арбата. Дверь налево, в квартиру первого этажа, открылась по моему обращению через домофон. Я оказался в приемной офиса Международного фонда «За выживание и развитие человечества», одним из учредителей которого являлся, как мне было уже известно, митрополит Питирим. Мне предложили оставить здесь пальто и препроводили в другое помещение, напротив той квартиры, в которую я пришел. Это был, по всей видимости, конференц-зал фонда: уютная просторная комната с подиумом для рояля, обставленная удобной простой мебелью, с фотопортретами членов правления фонда на стенах, среди которых я узнал многих представителей политической, научной и культурной элиты разных стран и России.

Едва я успел разложить на большом столе для заседаний принесенные с собой фотографии, как в зал вошел Владыка, одетый в темно-серый подрясник. Преподав благословение, он усадил меня слева от себя за стол и сразу же потянулся за фотографией, лежащей рядом с ним. Я раскрыл блокнот и намеревался задать первый из приготовленных вопросов, но Владыка Питирим опередил меня, уже начав перечислять лиц, изображенных на фотоснимке. Это была фотография

богослужения в Елоховском соборе: в царских воротах стоял Святейший Патриарх Алексий I (которого, конечно же, я и сам узнал) в окружении священников в облачениях. «Это архимандрит Иоанн (Разумов), рядом – ключарь отец Зиновий, – отмечал Владыка, – слева, вполоборота к фотографу, стоит архимандрит Зосима, духовник Святейшего. Снимок, видимо, относится к концу 1940-х годов».

Углубившись в рассматривание другой фотографии, запечатлевшей эпизод погребения Святейшего Патриарха Сергия 18 мая 1944 года, Владыка начал медленно произносить имена священников, стоявших у гроба почившего: отец Николай Колчицкий, отец Александр Смирнов, отец Иоанн Разумов. «А этот молодой иподиакон – безусловно ныне здравствующий протоиерей Николай Ведерников», – сообщил мне митрополит.

Так, перебирая фотографии одну за другой, мы проговорили минут сорок. За это время я старался поближе рассмотреть лицо моего собеседника. Я отметил, что поредела и как-то потускнела его всем знакомая белоснежная окладистая борода, втянулись щеки, запали глаза, но зор их был приветливым и, я бы сказал, молодым. Он выглядел усталым и похудевшим, что я объяснил себе почтенным возрастом и старческой немощью, не ведая о том, что его уже поразила смертельный недуг. Речь была отчетливой, неторопливой, многие слова Владыка произносил как бы улыбаясь; видимо, ему были приятны воспоминания о далеком ушедшем времени, навеянные нашей беседой. Митрополит с долей юмора рассказывал о шутливых прозвищах некоторых исконных прихожан собора, назвав, к примеру, «Робинзоном» носившего длинную бороду доктора Николая Понятовского, личного врача Святейшего Патриарха Алексия I.

Разговор незаметно перешел к другой теме, которая меня в то время занимала в связи с работой над статьей о московских Патриарших резиденциях для «Журнала Московской Патриархии». Зная, что Владыка был старшим иподиаконом и хранителем ризницы Святейшего Патриарха Алексия I, я попросил его вспомнить о жизни Патриаршей резиденции в Чистом переулке во второй половине 1940-х годов. Он охотно

согласился и, взяв лист бумаги и карандаш, начал чертить план расположения помещений в Патриаршем доме того времени. «Вот здесь была моя комнатка, рядом жил отец Алексей Остапов, – комментировал мой собеседник, – здесь трудился секретарь Святейшего Данила Андреевич. Ванную комнату бывшего посольского особняка отвели под кабинет секретаря Хозяйственного управления Л. Н. Парийского, над чем все постоянно подтрунивали...»

Я поинтересовался историей основания домового Владимирского храма Патриархии, в котором Владыка, еще будучи послушником Константином Нечаевым, пономарил с 1946 года. «Храм был поначалу очень простым: аналой и всего две иконы. Иконостас появился лишь в 1957 году», – рассказал Владыка. И тут же вспомнил глубоко взволновавшую меня историю о том, как в то время Святейший Патриарх Алексей I передал ему, как своему ризничему, небольшой ящик с множеством священных реликвий – частиц мощей, завернутых в бумажки или помещенных в коробочки, и благословил их разобрать. Константин Нечаев выяснил, что этот скромный на вид реликварий хранился в Патриархии со времени Святейшего Патриарха Сергия и содержал частицы мощей, принесенные ему священниками закрытых в 1930-х годах церковью Москвы и других мест и, видимо, втайне извлеченные из-под разрушенных престолов. Молодой ризничий выполнил ответственное поручение: определил принадлежность многих частиц святых мощей (в том числе преподобного Никиты Новгородского, позже переданных в Новгород) и, по благословению Святейшего Патриарха, устроил мощевик в Серапионовой палате Троице-Сергиевой Лавры, поместив все реликвии в крышку деревянной раки, ранее служившей вместилищем мощей святителя Московского Алексия.

Так, в неторопливой беседе, незаметно прошло около двух часов. Оказалось, что мы с Владыкой являемся ныне коллегами по преподавательской работе в технических вузах: он читает лекции в Университете путей сообщения (МИИТе), в котором когда-то, в годы войны, начинал учиться, а я – в Университете инженерной экологии.

В завершение разговора я осмелился спросить, не пишет ли Владыка воспоминаний о своей богатой событиями и встречами с выдающимися современниками жизни. Он ответил, что сам писать не хочет, но мог бы что-нибудь наговорить на диктофон и потом прочитать распечатку. Вот когда я пожалел, что постеснялся достать из портфеля и включить диктофон, полагая, что запись беседы снизит уровень ее доверительности.

Я заторопился попрощаться, но Владыка удержал меня и попросил зайти на несколько минут в его кабинет. Мы перешли в офис, и я был приглашен в рабочую комнату, в которой уже ожидал другой посетитель. Митрополит стал показывать собранные в книжных шкафах книги и обратил мое внимание на, видимо, дорогую для него фотографию. На ней был изображен сам Владыка в окружении нескольких пожилых женщин – его одноклассниц из московской школы у Покровских ворот, где он учился в годы войны.

Затем, неожиданно для меня, он произнес: «А не хотели бы Вы побывать у меня в Иосифо-Волоцком монастыре? Там мы могли бы спокойно и в тишине обо всем поговорить, там же Вы сможете у меня переночевать». Обрадованный таким неожиданным и лестным для меня предложением, я немедленно и с благодарностью согласился, и мы условились, что я позвоню Владыке после Пасхи.

Но нашей второй встрече, к моей глубокой скорби, уже не суждено было осуществиться. Я узнал, что вскоре Владыка Питирим был помещен в больницу и перенес операцию. Увидев его летом по телевизору участником торжеств в Сарове и Дивееве, я обрадовался и стал готовиться к новому разговору. Спустя некоторое время, я позвонил в его офис: мне вежливо ответили, что личная встреча невозможна, и предложили послать по факсу Владыке мои вопросы. Позже до меня дошли сведения о том, что Преосвященнейший приезжал как простой богомolec приложиться к мощам мученика Трифона в храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Переяславской слободе и многие, знавшие его в лицо, не узнали архипастыря – так изменила болезнь его облик. Потом я получил сообщение от

его сотрудницы, что мое письмо всё же было передано митрополиту Питириму, но ответа я уже не дождался...

Возвращаясь арбатскими переулками к станции метро после сердечного прощания с Владыкой, я вновь и вновь переживал в душе все нюансы нашей с ним беседы. Внезапно я ощутил овладевшую мною грусть, так как понял, что мне уделил свое дорогое время пожилой и усталый человек, остро ощущавший присущее его преклонному возрасту одиночество от потери духовных наставников, сверстников, да и просто внимательно слушающих собеседников. Вспомнив, как Владыка с готовностью и интересом обращался к годам своей молодости в рассказе о них почти незнакомому гостю, я в мыслях горько посетовал на то, что уходят, не оставив записей воспоминаний, такие наши современники, как митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, олицетворявшие собой всю трудную историю русского православия второй половины XX века.

Вечная память Вам, приснопамятный Преосвященнейший Владыка Питирим!

Валерий Любартович, преподаватель Университета инженерной экологии

Блаженны миротворцы

Все, кому довелось знать Владыку, не могли не заметить его природной интеллигентности, даже аристократизма в лучшем смысле этого слова. Он был носителем не только многовековой русской духовной традиции, но и христианской культуры, как бы облагораживал всё вокруг себя. И в этом, как и в книгоиздании, было его духовное призвание, особенно в тот период, когда Церковь начинала возрождаться, по существу, из руин.

На приходе о. Вячеслава Бреgedы в деревне Малинники Сергиево-Посадского района я услышал удивительный рассказ монахини Московского подворья Пюхтицкого монастыря Магдалины. Она родом из Караганды, и Владыка был ей хорошо знаком. Уроженец этих мест и о. Вячеслав. А Владыка духовно окормлялся у преподобного старца Севастиана Карагандинского, преемника оптинских старцев, причисленного ныне к лику святых. За три дня до кончины старца (19 апреля 1966 года) Владыка постриг его в схиму и, когда тот почил, совершил чин отпевания.

Матушка Магдалина рассказывала:

«Владыку я знала с детства. Он постоянно приезжал к нам в Караганду к преподобному Севастиану. Я много слышала о его трудах. Обстоятельства сложились так, что я не смогла попасть на его похороны и очень скорбела. Спустя несколько месяцев ко мне неожиданно обратилась монахиня Лия с предложением посетить могилу Владыки. Она его очень почитала и говорила, что он привел ее к вере. Благословившись у настоятельницы, мы отправились на Даниловское кладбище.

Когда подошли к его могиле, я встала на колени и начала ему исповедоваться, как живому, и мысленно беседовать с ним, рассказывая все свои недоумения. Поднявшись с колен, была поражена увиденным: вокруг нас на ограде и памятниках сидело множество голубей. Моя спутница была удивлена не менее меня и, выражая свое восхищение, сказала, что такого она никогда не видала. Причем голуби располагались только вокруг

нас. Они были белоснежные, садились нам на плечи, на голову. Совершенно нас не боялись... И тут меня вдруг словно осенило: Господь послал нам это чудо неслучайно. Голубь ведь птица особая, олицетворяющая духовную чистоту и святость. Душа моя ликovala; светлое, доброе чувство переполняло меня...

Все мои близкие в Караганде очень чтили Владыку. После кончины старца Севастиана он всех нас духовно поддерживал. В 1997 году митрополит Питирим приехал в Караганду на праздник прославления о. Севастиана. Тогда были открыты его мощи. Мы обрадовались встрече с митрополитом, окружили его, каждый хотел у него взять благословение. Неожиданно он попросил меня задержаться. Зашел в свою келью, вынес оттуда позолоченный столовый набор, подал его мне и сказал: «Это мой тебе подарок. Придет время, ты будешь меня вспоминать и накрывать большим людям столы...»

И вот сейчас, живя в скиту, я отчетливо поняла его прозорливость. У нас идет стройка. К нам приезжают и матушка игуменья, и Владыка Феогност, и другие известные церковные люди. Мне действительно часто приходится накрывать столы...»

Отец Вячеслав Брегеда поделился своими воспоминаниями о Владыке, которого он знал 25 лет:

«В 1975 году после демобилизации из армии я вернулся в свой родной город Караганду и устроился работать таксистом. Так я познакомился с сестрой Владыки, Надеждой Владимировной. Выяснилось, что архиерею нужен верующий водитель. Она предложила мне приехать в Москву и побеседовать с ним. Я решил обратиться за советом к монахине Анастасии – духовной дочери преподобного Севастиана Карагандинского, которая обладала даром прозорливости и многих наставляла. Матушка посоветовала мне просить содействия Владыки в поступлении в семинарию. Летом следующего года я поехал в Москву, познакомился с тогда еще архиепископом Питиримом. Он возглавлял Издательский отдел Московского Патриархата, который располагался в Новодевичьем монастыре. Внимательно выслушав меня, он помог решить вопрос с пропиской в ближайшей от Москвы Владимирской области, и когда я всё оформил, направил в один

из своих приходов под Волоколамск в село Спас. Там я жил восемь месяцев: отапливал храм, читал на клиросе... В общем, выполнял всё, что поручали. Приходилось быть и иподиаконом на архиерейской службе. После службы Владыка нередко беседовал с нами, рассказывал и о том, как он встречался со старцем Севастианом Карагандинским.

Как-то он рассказал такой случай об одной из своих поездок в Караганду. Было это еще при жизни о. Севастиана. Караганда в то время была неустроенным городом. Летом часто поднимались пыльные бури. Однажды пришлось ему идти вместе с преподобным Севастианом и еще несколькими людьми во время такой бури. Как говорится, ни зги не видно было. Кое-как дошли до храма, очень устали, чувствовалось сильное внутреннее недовольство и даже озлобление. Когда вошли в храм, преподобный Севастиан протер глаза и неожиданно с каким-то упоительным восторгом, улыбаясь, произнес: «О, какая чудесная пыль!» После его слов недовольство и усталость словно рукой сняло.

Владыка помогал очень многим. Обладал разносторонними знаниями и даже играл на виолончели.

В семинарии он преподавал Новый Завет и Сравнительное богословие. Лекции читал доходчиво, задушевно, как говорится, уста к устам, сердце к сердцу. Когда он служил Божественную литургию, всегда был сосредоточен, внимателен, чувствовался его высокий молитвенный настрой. Владыка учил нас молитве Иисусовой. Говорил, что вначале ее нужно творить языком, но с закрытым ртом, совершая ежедневно 300 молитв. Сто молитв читать Богородице и по 50 Ангелу-хранителю и своему святому. Всё это называется пятисотницей. Я хотел читать по две-три тысячи Иисусовых молитв в день, но он меня остановил...

В годы моей семинарской учебы запомнился случай, когда отпевали священника в Покровском храме в Медведково. Кончина у этого священника была чудесная. Он отслужил службу, причастился и вскоре умер. Владыка сказал, что дай Бог каждому такую кончину.

После окончания семинарии я некоторое время работал в Издательском отделе, затем поступил в академию. Меня всегда

удивляла широта духовного мировоззрения Высокопреосвященного. Общаясь с митрополитом Питиримом, я находил в нем не только источник богатейших духовных знаний и духовного опыта, которые необходимы каждому священнослужителю, но и нечто большее. Он являлся для меня своего рода ориентиром во всех жизненных ситуациях. Если внутри коллектива возникали нестроения, он выявлял их на самой ранней стадии и быстро гасил конфликты. Был, действительно, миротворцем.

Митрополит Питирим родом из старинной церковной семьи. По линии матери и отца его предки были священнослужителями. У Владыки имелись документы, где прослеживалась его родословная с XVII века.

Церковная жизнь Константина Нечаева, будущего митрополита Питирима, началась в 40-х годах прошлого века. Еще будучи студентом Московского института инженеров транспорта (МИИТ), он был иподиаконом Святейшего Патриарха Алексия I. В 1945 году поступил в только что открывшийся в Москве Православный Богословский институт, позднее преобразованный в Московскую Духовную Академию.

Общение со Святейшим Патриархом Алексием I оказало решающее влияние на всю его жизнь. Владыка часто рассказывал о нем. Однажды он припомнил такой случай, как куда-то очень спешил, догнав вагон, вскочил на последнюю подножку и, тяжело дыша, вошел внутрь. Трамваи ходили тогда с открытыми дверями. Неожиданно к нему подошла какая-то бабушка и спросила: «Скажите, пожалуйста, когда Святейший служит?»

«Мне было очень неудобно, – говорил он, – я даже не подозревал, что меня вот так могут узнать на улице как иподиакона Патриарха. В моих действиях было нечто игривое, бесшабашное...»

Приводя этот пример, он призывал нас контролировать себя и не совершать неподобающих нашему сану движений, потому что нас постоянно видят и мы неправильными действиями можем ввести людей в смущение.

Владыка был одиннадцатым ребенком в семье. У него было четверо братьев и шесть сестер. Родился он в г. Козлове (ныне Мичуринск) в 1926 году. Его отец, протоиерей Владимир Нечаев, был настоятелем Ильинского храма в этом городе. Деды и прадеды, все его предки, начиная с XVII века, тоже были священниками в Тамбовской епархии. После закрытия Оптиной Пустыни отец Владыки пригласил одного из Оптинских старцев, ныне преподобного Севастиана, служить в его храме. Когда отца Владыки арестовали, преподобный некоторое время опекал его семью.

Однажды мать Владыки спросила у о. Севастиана, как нужно готовиться к смерти. Он посоветовал читать творения святителя Василия Великого. И случилось так, что через несколько лет она умерла именно в день памяти этого святого.

Отец Севастиан советовал ей также продать большой дом, в котором жила их семья, и купить маленький. В это время начиналась коллективизация, ужесточались репрессии против духовенства и других непролетарских сословий. Они не послушались, и дом был конфискован. Пришлось бедствовать и переходить с квартиры на квартиру.

Семья Владыки была очень дружной. Все относились друг к другу с большой любовью; забота о ближних была превыше всего. На Пасху и великие праздники все их родственники собирались за одним столом. Все сестры и братья Владыки были высокообразованными верующими людьми. Например, брат Владыки, Николай Владимирович, строил первые высотные здания, был известным инженером-строителем.

Митрополит Питирим как-то сказал: «Если люди воспитаны в добрых семьях, в православной традиции, значит, у них есть надежный фундамент для служения Богу и ближнему. С ними легко и удобно строить отношения. Если этого нет – очень печально. Всё это сказывается или скажется и на их детях"».

Владимир Панков

Сила веры

В детстве мне столько раз рассказывали о событиях, связанных с моим рождением, что когда я выросла, у меня было ощущение, будто я сама присутствовала при этом. Шел 1942 год, в разгаре Вторая мировая война. Мама проходила свидетелем на процессе против нелегальной военной организации, стремящейся противодействовать участию Болгарии в войне на стороне немцев. 17 сентября были вынесены 11 приговоров: десятерым подсудимым – пожизненное заключение, а моему отцу Добри Джурову – смертный приговор. (Приговор так и не привели в исполнение, поскольку отец к тому времени уже был в горах, у партизан; до 9 сентября 1944 года он командовал 1-й партизанской бригадой «Чавдар», позднее был генералом Болгарской армии.) Я родилась преждевременно – 18 сентября, на следующий день после вынесения этого приговора.

Назвали меня Аксинией по двум причинам: во-первых, в честь моей скончавшейся старшей сестры, родившейся в 1941 году, до нападения Германии на Советский Союз, а во-вторых, в честь героини романа М. Шолохова «Тихий Дон», который вышел в 1939 году в Болгарии, с иллюстрациями Бориса Ангелушева.

После родов мама больше недели не могла зарегистрировать мое рождение: существовали списки с разрешенными именами, в которые мое, считавшееся русским (хотя оно греческое), не было включено. Лишь на десятый день, во время дежурства одной сестры-белогвардейки, меня удалось зарегистрировать и выдать мне свидетельство о рождении. Затем последовали два года скитальческой жизни: интернирование, аресты, нелегальность; и так я осталась без крещения.

После Второй мировой войны события развивались так, что никто уже не думал о крещении. И сама я, уже в сознательном возрасте, посвятив себя средневековому искусству, не задумывалась об этом. Окружавшие меня коллеги и духовные

лица, с которыми я общалась, привыкли видеть меня в своем кругу, и никто не подозревал, что я, занимаясь славянскими и греческими, преимущественно богослужебными, книгами, пребываю некрещеной.

В 1987 году в Регенсбурге был организован симпозиум на тему «Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein» («Тысяча лет между Волгой и Рейном»). Он проходил 21–26 апреля; участники – светские и духовные лица – были размещены в городских отелях и в монастыре. Профессор Ф. фон Лилиенфельд и я оказались вместе с церковными делегациями в монастыре.

Делегацию от Советского Союза возглавлял Его Высокопреосвященство митрополит Волоколамский Питирим, с которым я познакомилась еще во время моей учебы в Москве в 1965–1969 годах. Мы не виделись давно, и после дневных докладов проводили вечера в трапезной монастыря, куда допускали и нас с г-жой проф. Лилиенфельд, благодаря любезности нашего хозяина, монсеньора Альберта Рауха из Регенсбурга. Разговоры, которые велись, были исключительно интересны, царила особенная атмосфера общения между Востоком и Западом. Обычно я сидела рядом с Владыкой Питиримом, отцом Томасом Шпидликом и отцом Герхардом Подскальски, с которыми познакомилась за много лет нашей работы в Ватиканской библиотеке и Папском восточном институте в Риме.

Однажды вечером разговор зашел о предстоящем воспроизведении Крещения русичей в водах Днепра, которое должно было состояться на другой день в Пассау. Тогда я и рассказала владыке Питириму, что не крещена. Удивление было естественным, тем более что я родилась во время войны, когда только экстремальные обстоятельства могли бы воспрепятствовать совершению этого таинства. Пришлось рассказать историю моего рождения и выбора имени. Под конец Владыка Питирим сказал только: «Все поправимо».

На другой день на небольшом корабле мы поплыли по Рейну. Красивые замки по обеим сторонам реки были объектом разговора, и незаметно мы оказались перед монастырем в

Пассау, где, выстроившись на берегу, нас ожидали бенедиктинские монахи в своих красивых плиссированных одеждах. Не менее импозантны были одеяния и наших монахов и священнослужителей. Эта церемония и служба, воспроизводящая Крещение, поражали воображение, с одной стороны, из-за своей необычности (на берегу Рейна), и с другой – благодаря пестрому хору участников, двух сторон христианского мира.

Я приготовилась снимать с палубы корабля, но Владыка Питирим, прежде чем сошел на берег, чтобы включиться в службу, попросил меня идти за ним. Я отправилась следом, спустилась по лестнице, прошла по мосткам и встала в стороне, намереваясь следить за Литургией. Тогда он обернулся и опять пригласил меня следовать за ним и стоять рядом. Я успела лишь убрать фотоаппарат и чинно встала на берегу. В один из моментов службы, когда приступили к погружению в воду, Владыка Питирим обернулся, схватил меня за плечи (он был очень силен), выдернул меня к воде, окунул в нее, облил меня и сказал: «Вот и все, деточка; а миропомазание совершим, когда приедешь в Москву, в Волоколамский монастырь».

События, которые последовали после 1987 года и перевернули мир, перепутали вереницу планов и судеб. Я не могла посетить Москву в продолжение почти десяти лет, но Владыка Питирим несколько раз был в Болгарии. Он был и среди гостей официального открытия Центра славяно-византийских исследований им. Ивана Дуйчева (23 сентября 1988 года), во время которого преподнес икону Святой Троицы от имени Его Святейшества, Патриарха Московского и всея Руси Пимена.

После этого несколько раз, в наиболее тяжкие для Центра им. Ивана Дуйчева и лично для меня годы, Владыка Питирим навещал нас в сопровождении митрополита Ловчанского Гавриила. Он всегда привозил ценные книги русского синодального издательства, которые мы с любовью и признательностью сохраняем до сего дня в нашей библиотеке. В те годы связи с Россией оскудели, мы получали и посылали

книги только тогда, когда приезжал или уезжал кто-нибудь из наших сотрудников.

В середине 1990-х годов я была приглашена на симпозиум в Москву и воспользовалась возможностью увидеться с Владыкой Питиримом в Издательском отделе Московского Патриархата. Он опять завел разговор о том, что не довершил начатое в Регенсбурге. Я думала, что смогу опять посетить его, и мы договорились, что это произойдет в следующий мой приезд в Москву. Но жизнь, как всегда, неожиданна.

Весть о смерти Владыки Питирима мне сообщил Ловчанский митрополит Гавриил. Я испытала то же чувство, что и при утрате моих учителей: проф. Виктора Никитича Лазарева, проф. Петра Динекова и проф. Ивана Дуйчева. Это было особое ощущение холода вдоль спины и пустоты, ощущение, как будто ты обращаешься, чтобы спросить о чем-то твоих учителей, – а их нет. С тех пор усилилась боязнь холода, мучающая меня с детских лет, оставшаяся, быть может, от холодных, нетопленных чужих домов, в которых прошло мое детство. Я испытала такое чувство, словно потеряла отца.

Прежде чем покинуть нас, Владыка Питирим написал письмо митрополиту Гавриилу, чтобы он довершил начатое им. Миропомазание было совершено весной 2005 года в Ловече. Вскоре после этого, по приглашению недавно скончавшегося проф. И. С. Чичурова из Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, мне удалось посетить Волоколамский монастырь. Келия Владыки Питирима была наполнена книгами и особой атмосферой, ибо дух избранника, посвятившего свою жизнь монашескому подвигу, остался с нами и одаривает нас силой и стойкостью в смутное время, в которое нам довелось жить. Я благодарна судьбе за то, что она подарила мне встречу с сильными духом личностями, которые в испытаниях, преподносимых жизнью, дали мне надежду и любовь. Они верили и считали, что хотя наша земная жизнь коротка, мы должны пройти по ней с любовью и осуществить свои надежды.

Аксиния Джурова, профессор, Центр славяно-византийских исследований им. Ивана Дуйчева, София,

Болгария
(пер. с болгарского Л. П. Медведевой)

Избранные труды митрополита Питирима

Проповедь

В послушании свободного духа (Слово учащимся духовных школ)

Сейчас я хочу обратить вашу мысль к словам того тропаря Преподобному Сергию, который мы поем в короткий летний промежуток между двумя его праздниками: «мужески в пустыню вселился еси и чада послушания... возрастил».

Преподобный Сергей не напрасно именуется великим игуменом Русской земли. Он велик в каждом своем деле, он велик в каждой стороне – и духовной и гражданской – своего земного подвига. И он велик как основатель той школы монашеского послушания, начало которой было положено им на этом святом месте. Я бы назвал ее школой, проникнутой «духом евангельской свободы».

Как дорого слышать нам, братья, всем, и особенно молодым, эти слова – «дух евангельской свободы», и как далеки мы бываем от понимания подлинного значения этих слов. Не оказываемся ли и мы часто в положении совопросников Господа нашего Иисуса Христа? Вы помните, Господь сказал окружавшим Его законникам: *Познайте истину, и истина сделает вас истинно свободными*. И когда они, возмутившись, ответили ему: *Мы дети Авраама и никогда не были рабами никому; как же Ты говоришь: «сделаетесь свободными»?* – Господь сказал им: *Делающий грех есть раб греха* (Ин.8:32–33).

Подвиг Преподобного Сергия – это исповедание великой свободы великого духа. Не понуждаемый никем, он ушел из дома, из своей среды и поселился здесь, в безлюдном дремучем лесу. С ним пришел и старший брат его Стефан, но, не выдержав тяготы подвига, ушел, и младший, Варфоломей, не удерживал его. Преподобный Сергей не звал к себе никого. Он ушел от мира, но мир пришел к нему. Ученики приходили к нему и селились здесь. Ученики жили примером своего игумена. Он не принуждал их. Они уединенно жили и спасались в тишине своих келий и только по стуку била собирались в Троицкий храм, чтобы вместе молиться при свете лучины.

Сам Преподобный Сергей, придя сюда, не искал авторитета человека, наставника, и посвятил это место не заступничеству святого, а дерзновенно отдал его во власть Всемогущей и Живоначальной Троицы.

И даже тогда, когда иноки, вдруг смущаемые духом злобы, возроптали, что слишком тяжел для них подвиг, то Преподобный ушел от них. Ушел, опять-таки, свободно, чтобы предоставить свою братию власти того мятежного духа, который на какое-то время обуял их. И тогда поняли они, что свобода от греха дается не сразу. Для приобретения ее необходимо свободное желание, свободное принуждение себя, свободный труд. И тогда увидели они, чего лишились, и пошли к нему, и просили его, и умолили вернуться, ибо увидели они, что без своего святого игумена и для них здесь места нет. Так, не в принуждении, а в свободе рождается великий подвиг послушания, в котором приобретается великий дух святого.

В видении Преподобному Сергию множества птиц я тоже вижу пример в подтверждение той же мысли. Парящие птицы для нас – поэтический образ свободы. Эти свободные птицы слетелись в видении Преподобному Сергию, когда он ночью, открыв двери своей келии, увидел как бы собравшиеся к нему стаи пернатых.

Обратимся от тех древних лет к самим себе. Кто из нас, братья, не помнит того волнения и душевного трепета, с которым впервые подходил к этому святому гробу? Кто из нас равнодушным подходит к нему теперь? Мы пришли сюда, влекомые одним своим сердечным стремлением, одним духовным желанием – отдать себя в послушание Церкви, на служение народу – тому, который строит и Отечество наше, и свое душевное спасение. И потому здесь, научаясь многой премудрости и духовным наукам, мы прежде всего должны в себе самих создать тот образ совершенного служителя Божия, который показал нам наш великий игумен. В свободном послушании, в непринужденном исполнении воли Божией станем проверять самих себя пред этими святыми мощами: что принес нам истекший день и что совершим мы в день наступающий. Таков наш свободный, продиктованный одним

только свободным произволением духа обычай – ежедневно приходить молиться и получать благословение у раки Преподобного Сергия.

Трудно понять миру, что значит быть в послушании и быть свободным. Казалось бы, когда человек отдает себя во власть или дисциплины, или воли другого человека – старца, как говорим мы, – он лишается своей свободы. Но ведь вспомните, как сказал Господь, в борении молившийся Отцу Своему: *Не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк.22:42), как сказал Он ученикам: *Я отдаю жизнь Мою... никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее* (Ин.10:17–18).

Таким образом, в решении отдать себя в послушание, в стремлении исполнять заповеди Божии, в решимости исполнять волю Церкви лежит глубокое, волевое, самодвижущее начало. И Господь вознаграждает это решение великой, высокой свободой духа. «Где Дух Господень – там свобода». И вот к этой свободе призывает нас Святая Церковь, – свободе от греха, свободе от личных мелких пристрастий, свободе от страха пред укором своей совести, к свободе от всех тех тягот душевных, которые несет на себе всякий, поступающий неправо, и, наконец, к свободному, вдохновенному взлету богословской мысли, озаренной Премудростью Божией.

«Послушанием одного сделались праведными многие». И Преподобный Сергий, первый праведник на этом святом месте, первый учитель, первый наставник для нас и пример, указал нам путь, по которому следует каждому из нас пройти и в этом наступающем нашем учебном году. Вдадим себя, братья, в послушание Святой Живоначальной Троице. Будем послушниками заповедей Божиих, не только слышателями, но и делателями их, как говорит апостол, для того, чтобы не упрекала нас наша совесть; для того, чтобы каждый прожитый день был ступенью к тому высокому духовному званию, к которому призван каждый из нас; для того, чтобы каждый прожитый день был чист и светел и чтобы совесть наша не укоряла нас в том, что этот день прошел у нас бесследно, но свет богопознания коснулся нас своим живительным лучом. И вот тогда исполним мы слова этой праздничной песни в честь

Преподобного Сергия, который сам, мужественно начав подвиг на этом месте, возрастил чад послушания. Всех, кто оставлял мир, чтобы прийти сюда, он сделал подлинными чадами послушания, чадами свободными, непринужденными, которых привело сюда желание и желание которых совершилось здесь.

Попросим сейчас у Преподобного Сергия, чтобы он, мудро воспитавший своих учеников

– преподобного Никона и множество других радонежских чудотворцев, умноживший по всему лицу земли своих духовных чад, и нас принял в их число. Чтобы своим кротким, но твердым словом, примером и молитвой дал нам дух послушания для уразумения Духа Божия, Который сделает нас подлинно свободными. *Аминь.*

О душе воскрешенной (Слово на Евангелие от Марка, 5:35–43)

Мы слышали сегодня, братья и сестры, евангельское повествование о воскрешении дочери начальника синагоги.

Христос совершил множество чудес. Он исцелил многих больных. И Он воскресил некоторых уже умерших. Даже смерть Христа *отверзла гробы*, вызвала к жизни отшедших прежде (Мф.27:52–53). Христос воскресит и всех, кто верует в Него, и даст им вечную жизнь, ибо Он дал людям залог этой вечной жизни. Таким образом, не на самое чудо воскрешения отроковицы я хотел бы обратить наше внимание в этот воскресный день, но на слова евангелиста о том, что воскрешенная девочка сразу стала ходить и что Христос *сказал, чтобы дали ей есть* (Мк.5:43).

В этих словах Господа раскрывается великая тайна духовной жизни. Когда душа мертва, она безжизненна, она не хочет действовать. В этом проявляется страшная сила греховного пессимизма. И в духовных наставлениях православных подвижников говорится, что самый тяжкий грех, самое глубокое духовное падение – это уныние. Отчаяние, уныние, бездеятельное и безвольное расслабление духа – это смерть души, по природе своей умереть не могущей, но и не живущей своей полной природной жизнью. Душа, воскрешенная Христом и исцеленная от греха, не может не жить, она не может не действовать. Вспомним, как говорит святой апостол Павел: *Мы... созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять* (Еф.2:10).

Воскрешенной девочке для жизни нужна была телесная пища. Но тот, кто живет в Церкви, должен прежде всего думать о пище духовной. Вы помните, как Христос сказал толпе народа: *вы ищете Меня... потому, что ели хлеб и насытились; старайтесь же не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин.6:26–27).

И вот эту пищу, необходимую для вечной жизни, ныне дает своим чадам Святая Церковь Христова.

Это та самая Церковь, которая впервые приобщилась Святых Тайн в Сионской горнице. Это та Церковь, которая вслед за Христом идет многие столетия по земным дорогам, совершая начатое Им дело возрождения и спасения людей.

Сила Церкви Христовой не во внешнем могуществе, не в богатстве и не в земной славе. Ее сила в том, что она может пробудить душу и дать ей то, что ищет, чего жаждет душа для вечной жизни.

А душа ищет нравственной чистоты. Душа ищет внутреннего мира и радости. Душа ищет любви, – такой любви (агапе), которая способна переродить человека и соединить двоих, троих и всё множество людей в единую большую семью.

Эту пищу душе дает Бог через Свою Святую Церковь. А Церковь – это вы, и все мы вместе. Мы призваны исполнить завет Христа – дать пищу всякой душе, которая воскрешена или ждет воскресения. Это – заповедь Христа, это – наказ Его, это – повеление Его ученикам Своим и последователям. И потому, повторяя эти слова Господа Иисуса Христа, Святое Евангелие зовет нас сегодня напитать бессмертной пищей нашу душу.

Когда мы присутствуем за Божественной литургией, душа возрождается, она как бы вновь воскресает из глубины повседневных забот. В ней пробуждается жажда духовной деятельности и духовной пищи.

И поэтому мы прежде всего взалкавшей и жаждущей душе своей должны дать желанную пищу.

Ничто не питает душу так полно и ощутимо, как дело любви, совершенное во имя Христово, оказанное нашим ближним, нуждающимся в нашей помощи. Исполнив это, мы исполним волю Господа Иисуса Христа, Который велел дать пищу воскрешенной отроковице, ее земным родителям и оставил ту же заповедь Своей Церкви – питать воскрешенных Им Самим ее духовных чад.

Так исполним же и мы эту заповедь Христову, не откладывая ее на неопределенное время, когда представится удобный случай, но сегодня, в день воскресный, исполним сейчас завет Христа – дадим пищу жаждущей душе своей в

усердной молитве о любви, о мире, о всей жизни своей, и наших близких, и всех людей. *Аминь.*

Слово в Неделю Всех святых

Радостно поздравляю вас, православные, с праздником в честь Всех святых! Повсюду благоговейно совершается память всех угодивших Богу и благочестно прошедших путь христианской жизни. Но для вас, прихожан этого храма, нынешний праздник особенный, потому что храм ваш посвящен памяти Всех святых. Здесь духовной связью соединен весь собор церковный. И ваша молитва должна быть особенно дерзновенна пред Богом, ибо великий сонм ходатаев, покровителей и заступников наших, кому мы ежедневно приносим молитву и кого прославляем сегодня на земле, стоит пред Престолом Божиим, объемля всю Святую Церковь.

Помолимся же, братья и сестры, о том, чтобы Господь дал всем вам, и нам вместе с вами, утешение в благодатной христианской жизни. Помолимся о том, чтобы в нашей земной жизни был нам во всем успех и мирное, доброе житие укрепляло и украшало нашу Отчизну.

Помолимся и об успехе того большого дела, которое предприняла, по благословению Святейшего Патриарха Пимена, нашавятая Русская Церковь, принимая с нынешнего дня здесь, в Москве, многочисленных гостей – представителей различных вероисповеданий. В течение недели они будут жить в Москве и работать на Всемирной конференции: «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» – большом собрании в защиту мира людей самых различных религиозных верований. Среди них и христиане различных исповеданий, и мусульмане различных направлений, и буддисты, и иудеи, и представители многих религиозных течений из Индии.

Всех их, братья и сестры, объединяет чувство веры. Веры в то, что человек не случайно обитает в этом мире, что над человеком есть Бог, Творец и Промыслитель всего земного и вечного бытия, что жизнь человеку дана для помощи ближним, славы Творца и личного совершенства. С этим общим чувством – верой – эти люди соберутся для того, чтобы вместе пережить

скорбь разделенного враждой человечества, осудить войну и провозгласить мир единственным и радостным законом нашей земной человеческой жизни.

Они не будут рассуждать о вере, о том, как различно веруют и молятся. Кто в Православии, как и прежде, будут исповедовать свою святую православную веру. Римо-католик останется в своем исповедании, лютеране останутся верными своей общине. И буддисты, и джайнисты, и иудаисты, и мусульмане, и сикхи, и христиане – каждый уедет по окончании нашей Конференции в той же вере, в какой он был воспитан. Но уедет с новым чувством – чувством обретения примиренного человеческого братства. Вот об этом успехе, о том, чтобы люди глубоко и искренно пережили призыв Божий к миру, чтобы каждый уехал отсюда проповедником мира, мы и молимся все.

Святейший Патриарх Пимен в этот час в Богоявленском патриаршем соборе, совершая Божественную службу с православными иерархами из разных стран и Церквей, в присутствии многочисленных гостей, также молится об успехе этого большого, всемирного собрания. Помолимся же и мы, братья и сестры, чтобы Господь принял нашу духовную жертву, чтобы все мы получили силу свыше и крепость по ходатайству святых угодников Божиих, по всей земле угодивших Богу, и особенно тех, которые здесь, на святой нашей Русской земле, потрудились и оставили нам благодатный пример христианской жизни.

Помолимся о себе самих, чтобы Господь исправил нашу жизнь, чтобы сделал наше черствое сердце добрым и любящим, чтобы мысль нашу сделал чистой, чтобы поступки наши были добрыми, чтобы все мы были достойными чадами Святой Русской Православной Церкви и подлинными проповедниками и исповедниками благодатного мира. *Аминь.*

Слово в Неделю русских святых

Велик, особенно велик и радостен для нас этот воскресный день, братья и сестры, ибо сегодня мы празднуем в честь наших соотечественников святых, в Земле Российской просиявших.

И особенно велик он потому, что вскоре предстоит совершить нам и другое светлое торжество в память 1000-летия преставления святой равноапостольной великой княгини Ольги, мудрой вдовицы – правительницы и матери русских христиан. Ею во Пскове, на родине ее, создан был первый на Руси соборный храм Живоначальной Троицы на круче берега реки Великой. Ею устроены тогда еще малые общины христиан вокруг храмов святого пророка Илии в родном ее селе и в стольном граде Киеве. Ею в терпеливой надежде был воспитан и мудрый внук – святой равноапостольный великий князь Владимир. Щедрыми руками посеяла она семя Христовой веры, и сегодня мы поем в похвалу трудов ее: «Как плод прекрасный спасительного сеяния, Земля Российская приносит Тебе, Господи, всех святых, в ней просиявших».

Святая Церковь Христова! Совершенное Царство Божие! Что еще большего можем сказать о сонме святых, ныне молитвенно простирающих над нами свой покров?! Предстоят Престолу Божию несметные ряды святых, от земных пределов русских достигшие почести вышнего звания. Недостанет времени исчислить по именам одних только первоначальников веры и подвига.

Обратимся ли к святителям – от первого Митрополита Киевского Михаила – и не сможем закончить ряда их. Предстанут благоговейной памяти нашей святители Киево-Московские Петр, Алексей, Иона, Филипп, Гермоген, Феогност, Киприан; Новгородские – с мудрым Иоанном и постником-чудотворцем Никитой; Ростовские – от Иакова до богомудрого Димитрия; Волынские и Сибирские, северные и южные святители и чудотворцы.

Кто исчислит ряды преподобных – от Антония и Феодосия Печерских, монашеского жития начальников? Где мера подвигов

учеников – постриженников и сотаинников преподобного Сергия Радонежского, воеводы северных русских монахов и собирателя русских земель? Им нет числа, и слабеет язык пред непомерностью счета их.

Назовем ли тех князей, ратоборцев и строителей, и множество безвестных воинов, которые оружием и твердой верой ограждали мир и утверждение родной земли, положили жизнь свою в бранном подвиге или в схимнических одеждах предстали Богу? От святых Бориса и Глеба, Александра Невского через столетия простирается их многочисленный лик. Своим восторженным благодарным взором мы готовы видеть их в осенении воинских знамен, в блеске оружия и ратной славы. Но то всё прошло. А ныне незыблемо пребывает великая Русская земля, собранная и обагренная их кровью, и мы владем ею под осенением нетленной силы их непрерывных молитв.

Вспомним, братья и сестры, подвиг Христа ради юродивых, чьи имена так благоговейно хранит Святая Русская Церковь, подвиг монахинь преподобных, мучеников-страстотерпцев, многих по местам известных и безвестных отшельников и благочестивых мирян, чистой совестью и трудом рук своих послуживших ближним и в нерассеянной молитве отшедших к Богу. Вспомним и умолкнем в молитвенном созерцании их... Умолкнем потому, что столь великое неизмеримо словом.

Как многообразен был подвиг святых! Как несходны пути и различно их земное служение! Сегодня научаемся мы, братья и сестры, тому, что во всяких внешних условиях возможно духовное совершенство и наследование вечной жизни. И, однако, не об этом хотелось бы говорить в память Собора святых, но хотелось бы увидеть нам то общее в их подвиге, что собирает их, помимо родства, – а ведь не все же были они по роду русскими, – в единый лик, объемля общностью и не лишая каждого его особенности. Хотелось бы познать ту силу, которая возвела их на высоту совершенства и сродных нам соделала столь несхожими с нами.

Этой силой была совершенная любовь к породившему, но не поработившему их миру, чувство общности своего бытия с

судьбой своего Отечества. Этот особый дар души они открыли Богу как сокровенное сердца своего желание и пронесли чрез жизнь свою как подвиг. Чувство это столь неодолимо и сильно, что носить его в сердце своем уже составляет подвиг. Но исполнить делом возможно лишь по благодати Божией. Православная Церковь была купелью и оградой наших святых. Она обновила, умножила и осветила их душевные силы. Святая Церковь показала им совершенный образ единства в любви. Ибо пребывающие в Церкви в Боге пребывают и Бог пребывает в них. Чрез Церковь Христову освящается в стройном единстве весь сотворенный мир. В Церкви познается глубина Божественного Промышления и широта участия в нем разумного творения.

Святые наши, чистым и огненным сердцем принявшие веру, дивно постигли эту великую тайну Церкви. Всю силу существа своего принесли они на утверждение на земле этого Богочеловеческого единства. Сблизить Бога и человека в совершенном единстве по образу Единства Святой Троицы, не себя только понудить к Богу, но собрать своих и вместе двинуться общей тропой к Нему – таков был дух русского подвижничества. И не потому ли так часты на Руси храмы во имя Живоначальной Троицы – от первого Ольгиного храма? Не потому ли в дебри лесной ставит для братии Троицкий храм преподобный Сергей и в похвалу ему пишет образ Троицы инок Андрей?

И еще скажу: наши святые – святые-труженики. Подвиг их – подвиг горящего духа и натруженных рук. Как бы ни был ныне изображен на иконе русский святой, в каком бы земном звании ни был, он прежде всего самоотреченно трудился ради других, трудился и пламенел в молитве не о себе одном, но о всех ведомых и неведомых ему земных собратях. В безмерной сердечной глубине вместили они небесную чистоту и всю земную печаль и радость.

Потому и стоят они всегда – и особо в этот день – единым ликом пред Престолом Божиим, простирая к Нему свои молебные руки. Предводительствуют ими святые равноапостольные Владимир и Ольга, наши православные

пращуров. Склоняются в молитве полки святителей и преподобных, монахов и мирских. И молятся они о прощении наших грехов, о помощи нам в земных заботах наших, о мире и благоденствии родной земли, о благостоянии Церкви Русской, о наследовании каждым из нас славы вечной жизни в нераздельном единстве с ними.

Помолимся же сейчас и мы общей с ними молитвой, чтобы в единстве Святой Церкви наследовать и нам их блаженный удел. *Аминь.*

В Неделю 16-ю по Пятидесятнице

Сейчас, отцы, братья и сестры, мы слышали слова Господа Иисуса Христа Его ученикам при избрании их о самозабвенном и бескорыстном служении ближним (Лк.6:31–36). По прошествии некоторого времени Он *послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных. И сказал им: ничего не берите с собой на дорогу (Лк.9:2–3).* И еще позднее Он сказал им: *истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной (Лк.18:29–30).*

Апостолы Христовы свято соблюли слова Учителя своего и пронесли их в мир, и оставили своим ученикам. И вот двадцатью годами позже святой апостол Павел пишет коринфянам Послание, в котором излагает особенность апостольского служения: *Мы никому ни в чем не даем повода к соблазну, чтобы было наше служение беспорочным. Мы во всем являем себя как слугители Божии в великом терпении... в чести и бесчестии, среди порицаний и похвал. Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем (2Кор.6:3–4, 8:10).* Святой апостол обращается не только к своим коринфским ученикам, но и ко всей Церкви, к тем, кто называет себя христианами и кто приходит в храм для того, чтобы научиться христианской жизни. Мы все – слугители Христовы и в жизни своей должны идти путем, которым шел Христос, исполнять заветы, которые Он нам оставил, жить так, чтобы ни в чем не давать повода к соблазну, чтобы не было порочно наше служение в мире, чтобы никто не мог упрекнуть нас в том, что мы, христиане, не исполняем того, чему мы учим *в великом терпении, – говорит апостол, – ...среди славы и бесчестия, когда нас хвалят и когда нас порицают.*

Но почему апостол говорит, что *мы всех обогащаем, что мы всем обладаем?* Да потому, отцы и братья, что Господь оставил в мире великое сокровище – Свою Святую Церковь. Богатство Церкви – ее вера, ее терпение, ее мужество, ее молитва. Это

богатство не тлеет, не исчезает, но год от года, день ото дня все более возрастает в сердцах верующих. Богатством своим Церковь делится со всем миром, не ожидая ни похвал, ни мзды, ибо таков завет Христов (Лк.6:32–34) и такова природа добра: добро само по себе велико, добро не требует вознаграждения. Рука чистая от доброго сердца раздает сокровища, не ожидая получить обратно, ибо из доброго сердца исходят и дела добрые. Они наполняют сердце и не могут быть в нем затворены (Лк.6:45).

В наставлениях преподобного Симеона Нового Богослова есть притча «О братолюбивом нищем». В ней преподобный подвижник говорит, что душа, ощутившая Бога, облагодатствованная духовными дарованиями, подобна страннику, который вдруг получил в дар золотую монету от некоего христоролюбца, богатого и доброго человека. И странник этот не скрыл своей радости от неожиданно полученного богатства, но, показывая всем, говорил: «Смотрите, мне дали золотую монету. Идите скорее – и вы получите такую же».

В этой притче раскрывается природа духовного богатства, которое не может быть утаено или быть употреблено корыстно. Душа чистая, согретая любовью Божественной, испытавшая веяние благодати, не может скрыть его, но щедро делится полученным богатством, распростирая вокруг светлое, мирное устройство духа, который созидает и умножает благочестивую жизнь. Вспомним, как писал галатийским христианам апостол Павел: *плод духа – это любовь, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание... будем делать добро всем* (Гал.5:22–23; 6:10).

К такому деятельному служению и призывает ныне прочитанное Послание апостола Павла. Служить всему миру, служить всем, что имеем, не боясь оскудения, не ожидая награды, ибо сокровище любви неистощимо.

Высокий пример духовного служения недалек и от нас, братья и сестры. Взгляните на нашу святую Лавру. Преподобный отец наш Сергей, отказавшись от своей доли родительского наследства, оставил дом, родных, друзей и ушел сюда, в безлюдную тогда лесную дебрь, чтобы в малой келье и

часовне в честь Живоначальной Троицы стяжать духовное сокровище, Христом оставленное в мире. Прошли века, и мы видим блистательную Лавру, украшенную величественными храмами и наполненную святыней. Сюда приходят люди со всех концов земли, православные и неправославные, чтобы увидеть сокровище веры, которое получил от Бога Преподобный Сергей и умножил в своих учениках.

Преподобный Сергей, сам отказавшийся от высокой чести епископского сана, многократно возрастил его во множестве епископов нашего Отечества и других стран, прошедших в древние и новые времена в этих стенах школу иноческого подвига. Много благоговейных священников и высоких духом богословов вышло отсюда, чтобы приумножить нетленное сокровище православной веры и жизни.

И мы, быть может, недостойные преемники тех, наследуем сейчас всю полноту оставленного нам наследства. Подумаем же, отцы и братья, о высокой мере ответственности пред Богом и Церковью, и всеми людьми за тот высокий дар церковного служения, который вверен нам.

Вспомним обетование Господа нашего Иисуса Христа: *если двое или трое из вас согласятся. .. просить о чем-либо, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф.18:19–20)*. Нас больше здесь, братья и сестры. Помолимся же о том, чтобы Господь исполнил во благо прошение каждого. Помолимся о тех, кто ожидает Его помощи. Помолимся о всем мире, о мире на земле среди людей и нуждах каждого. Помолимся о живых и умерших, и о тех, кто придет в этот мир после нас. Господь, по неложному обещанию Своему, примет нашу общую сердечную молитву и вновь проявит Свое милосердие к людям, а мы, недостойные служители и последователи Его, исполним Его завет и наставление апостольское щедро делиться даром любви. *Аминь.*

Пред панихидой в родительскую субботу

Сегодня, братья и сестры, мы поминаем всех от века усопших и тем являем пред Церковью свою веру, свою надежду и свою любовь. День поминовения усопших – это прежде всего открытое, явное для нас самих и для всей Церкви исповедание этих душевных сил. Я не говорю «чувств», я не говорю «настроений», но именно душевных сил, которые создают в нас христианский богоподобный образ души.

Мы верим в Бога, верим в вечную жизнь, верим, что наша душа бессмертна и такой пребудет с Богом во веки вечные. И эта вера обретает новую силу уверенности, потому что вся наша жизнь, братья и сестры, говорит нам о том, что мы живем с Богом. Как бы мы ни уклонялись от исполнения Его заповедей, Господь всегда с нами, над нами и блюдет нашу жизнь, и к Нему мы пойдем по смерти. День поминовения усопших – это прежде всего исповедание нашей веры в Бога, в вечную жизнь, в неразрывное единство с нашими усопшими сродниками, со всеми людьми, кто уже прошел путь земной жизни.

Мы исповедуем в этот день и нашу надежду, потому что мы крепко надеемся и уверены в милосердии Божиим. Мы надеемся, что Господь вновь соберет нас всех в Своем Царстве – и прежде поживших, и ныне живущих, и тех, которые придут вслед за нами в этот мир, на земной жизненный путь.

В день поминовения усопших мы исповедуем и нашу любовь. Чем другим, братья и сестры, можем мы воздать наш неоплатный долг всем тем, кто жил прежде нас, кто отдал жизнь свою за свободу и мир нашего Отечества – воинам, положившим душу свою на полях сражений и в тяжких болезнях умерших после этих сражений? Чем воздадим мы тем, кто послужил нашему духовному воспитанию – нашим духовным отцам и наставникам, которые душу свою полагали за нас в молитве пред Богом о том, чтобы наше нерадивое сердце, наконец, исправилось? Чем воздадим мы нашим родителям, которые бессонные ночи проводили у нашей младенческой

колыбели, проливали слезы о наших проступках, которые скорбят и ныне, когда мы совершаем то, что оскорбляет величие Божие и наше христианское призвание? Чем воздадим мы множеству других людей, которых мы встречали в жизни и которые нам дарили свое душевное тепло? Чем другим мы можем выразить им свою любовь, как не молитвой, и особенно в этот день поминовения усопших?

Вот потому, братья и сестры, Церковь и напоминает всем нам наш долг пред Богом и пред людьми, который основан на церковном духовном опыте, исповедовать здесь, в этой жизни, нашу веру, нашу христианскую надежду и нашу любовь.

Многообразными путями проходим мы свою жизнь, но в день поминовения усопших, с которыми, казалось бы, мы уже совершенно не связаны никакими внешними узами, в этот день мы особенно исповедуем нашу веру, надежду и любовь в молитве за всех усопших, прежде поживших праотцев, отцев, братьев и сестер наших.

И потому, братья и сестры, с особым усердием совершая молитву о упокоении их душ в Царствии Небесном, приготовим и себе путь в блаженные селения Господни и обновим в памяти своей христианский долг быть верными Богу, иметь крепкую надежду на Бога и горячую и искреннюю любовь ко всем. И в этом проявить свое подлинное христианское призвание. И да поможет нам в этом Господь! *Аминь.*

Слово в день памяти Усекновения главы святого Пророка Божия, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Сегодня, в день памяти Усекновения главы святого Пророка Божия, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, по обычаю, принятому только в Русской Православной Церкви, совершается заупокойная молитва о тех, кто отдал жизнь свою за Отечество, за веру, за ближних.

Русский верующий народ особенно благоговейно чтит память почивших. Много раз в течение года в храмах Русской Православной Церкви совершаются заупокойные молитвы. Нигде, как у нас, не бывают так многолюдны, усердны и проникновенны панихиды в дни общего поминовения усопших. Наш народ прошел через великие битвы, защищая свою землю и свободу. Он познал радость побед, но и горе утрат его было безгранично. Память церковная свято хранит благочестивый обычай молиться о верных сынах Отечества, павших на полях брани. Как горячи бывают молитвы в Дмитриевскую родительскую субботу, установленную преподобным Сергием Радонежским и благоверным князем Дмитрием Донским в память о тысячах русских воинов, погибших на Куликовом поле в сражении против полчищ Мамая в 1380 году! Шесть столетий из года в год в этот памятный день в храмы наши стекаются православные христиане и с благодарением вновь и вновь молитвенно воспоминают их подвиг, умоляя Господа и о своих почивших близких.

Нынешний день более двухсот лет назад (в 1769 году) был избран для поминовения погибших в сражениях русских воинов. С тех пор православные христиане молятся о неисчислимом множестве сынов своих, отдавших жизни не только за нашу Отчизну, но и за свободу братских народов Болгарии, Польши, Сербии, Чехии, Румынии, Греции.

В день памяти святого Крестителя Господня Иоанна – великого провозвестника Истины и обличителя всякого зла,

вспомним тех, кто, подобно ему, не пощадил своей жизни ради торжества добра и справедливости на земле, помолимся о тех, кому мы обязаны своей свободой и благоденствием, – о наших отцах и старших братьях, о сражавшихся рядом с ними женщинах и совсем юных девушках. Склоним головы перед священным самопожертвованием наших матерей и сестер, вдохновенный и тяжкий труд которых, стирая различия между тылом и фронтом, неумолимо приближал день победы над врагом. Бесценный и святой дар Отечеству его сынов и дочерей неизмерим никакой человеческой мерой.

С чувством неоплатного долга и благодарной любви склоняясь перед величием безмерного подвига сыновей и дочерей Отчизны, принесем нашу усердную молитву Господу о лежащих бездыханно в земле с незапамятных времен – от начала Руси и до наших дней.

В церковной памяти вечно будут жить имена героев и тех, чей святой подвиг остался безымянным. «Души их во благих водворятся». Мы молимся об усопших, как о самих себе, ибо *Бог... не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы (Лк.20:38)*. Молитвенно вспоминая всех, кто не искал легкого пути, кто, услышав призыв Родины, шел на смерть ради счастья своих детей и внуков в свободном Отечестве, в лоне Русской Православной Церкви, мы исповедуем веру в общее воскресение и соединение всех в Церкви Небесной. Горячая наша молитва да соединит их и нас во взаимной любви и принесет сердцу духовное утешение и радость. Всем, отдавшим жизнь свою за Отечество, за православную веру, – вечный покой со святыми, и на земле о них вечная да будет память.

Слово в день памяти святителя и чудотворца Алексия

В память вечную будет праведник (Пс.111:6).

Всякий человек оставляет по себе память: добрую или дурную, долгую или короткую. Сегодня Церковь торжественно празднует память Святителя и Чудотворца Алексия, благоговейно прославляя его святую жизнь и его добродетели.

Около шести веков прошло со дня блаженной кончины Святителя и Чудотворца Алексия. Но Святитель все так же дорог, все так же близок родной ему московской пастве, как и в дни его земной жизни. Как живого, приходим просить его о помощи и, как живого, приходим благодарить.

Что питает эту неиссякающую, вечно живую любовь к давно почившему Святителю? Почему он так близок почитающим его память?

Жизнь Святителя и Чудотворца Алексия – это непрерывный подвиг любви и труда, подвиг служения людям. И наша любовь к нему и почитание – всего лишь плод его спасительного сеяния, ответный дар ему за оставленный им залог веры и деятельной любви.

Сын родовитого боярина и крестник князя, Елевферий (так назван был в крещении будущий Святитель Алексий) уже с детских лет должен был унаследовать принадлежавшее ему по происхождению высокое место при княжеском дворе. Но ему чужда была мирская слава, он искал другого пути.

Пятнадцатилетним отроком Елевферий уходит в монастырь. Не легкой жизни искал в монастыре сын боярина. Чистой душой и недетским умом он понимал, что жить – это значит служить людям, жизнь – это труд, – труд непрерывный, труд не для себя, а для блага других.

В московском Богоявленском монастыре служил братии Елевферий – днем в послушании, ночью в молитве.

На двадцатом году жизни совершился постриг его с именем Алексия. Однажды и навсегда он отдал себя на служение

Церкви. И с того времени Господь Сам избирает его на высшие служения, умножая меру его духовного подвига и труда.

Рассудительность, святая жизнь, духовный опыт и смирение молодого инок стали известны митрополиту и князю. Из монастыря Алексей был взят для служения в митрополичий дом. А затем ему были поручены духовные суды. В то трудное для русской земли время это было тяжелым послушанием. Татарское иго с непомерными данями, борьба удельных князей, произвол сильных и слезы слабых открыли перед смиренным иноком глубину людского горя. Много мудрости, твердой смелости и любви требовалось от него, чтобы дать *суд бедному и сироте, угнетенному и нищему* оказать *справедливость* (Пс.81:3). Тяжелым подвигом ходатайства за обиженных и беспомощных перед сильными мира Святой Алексей служил людям. Церковь помнит этот труд и называет Святителя «питателем вдов, сирот отцом, утешением плачущих, пастырем и наставником всем заблуждающимся» (седален).

В этом служении прошло двенадцать лет. И затем Господь призвал Святого Алексея на еще больший подвиг в сане епископа Владимирского. А еще через четыре года последовало избрание его на митрополичий Всероссийский престол по желанию воспитавшего его митрополита Феогноста. Избрание нового митрополита при живом предшественнике было необычным явлением, но русские люди видели в своем избраннике любящего отца и надежного ходатая. Боясь потерять его, они преждевременно передавали ему первосвятительский престол и вверяли себя его молитвам. Господь принял это избрание.

Не случайно епископы именуются ангелами Церкви. Ангел – это служитель Божий. Таким служителем Русской Церкви и был Святитель Алексей. Он отдал всего себя на служение Церкви, пастве, своему Отечеству. Двадцать четыре года продолжалось первосвятительское служение митрополита Алексея. Нелегким было его начало, тяжелым было оно и до конца.

Утверждение Московского митрополита совершалось в Константинополе. Три года пришлось жить святому Алексею в чужой стране, защищая права Русской Церкви от алчных

посягателей на митрополичий Всероссийский престол. Не своей славы или чести искал митрополит Алексей и не для себя отстаивал законность своего избрания. Он видел и знал, что никто другой не станет так, как он, служить своему Отечеству в трудное для него время.

Среди сложных дел управления Святитель Алексей не забывал о просвещении паствы. Он неустанно словом церковной проповеди, пастырскими посланиями и мудрым советом учил правилам христианской жизни, любви к людям, призывая всех к миру между собой. Особенно напоминает он своим пасомым евангельскую притчу о трудолюбивом делателе таланта. Уча других, он и сам показывал делом и примером, как нужно исполнять эту заповедь, трудясь для Бога и для ближних. Один из плодов этого непрерывного труда – перевод с греческого языка на русский священных книг Нового Завета. Это был первый на Руси полный перевод новозаветных книг.

Святитель Алексей твердо стоял у кормила высшего церковного правления. И был он не только высшим начальником, но и первым служителем, по евангельской заповеди: *Больший из вас да будет вам слуга (Мф.23:11)*.

Много путешествует Святитель Алексей по русской земле, защищает правду, насаждает мир, устраивает церковный порядок. Когда возникла опасность церковного разделения по проискам литовского князя, Святитель, уже в преклонных летах, вторично едет в Константинополь, претерпевает опасности дальнего пути, едва не погибает в морской буре, но добивается правды и спасает единство Русской Церкви. Подвергаясь опасности лишиться жизни, Святитель дважды путешествует в татарскую Орду, где возвращает зрение царице-ханше и словом убеждения предотвращает новые разорительные нашествия.

Сорок лет Святитель Алексей был наставником и советником князей и правителей Руси. Он воспитал малолетнего князя Дмитрия – будущего Донского, положившего начало освобождению русской земли от долговременного татарского ига.

Не случайно Церковь называет Святителя Алексея «великим заступником и утверждением Российской земли»

(стихиры на «Господи, воззвах»). С удивлением и благодарностью смотрели на труд Святителя его современники. С благоговением прославляет его Святая Церковь. «Кто доволен есть доблестей твоих исчесть, преподобие отче, труды? Кто бо, слыша безмерное твое смирение, и терпение, и чадолюбие, не удивится? Ты еси святителем похвала, священником удобрение, монахом правило... и Церкви утверждение» (стихиры на «Господи, воззвах»), – поем ему мы в память его трудов.

Что же побуждало Святителя Алексия нести этот высокий подвиг служения в продолжение 70 лет, от монастырских послушаний до неустанного первосвятительского попечения о людях?

К подвижничеству, к неустанному труду влекла Святого любовь к Богу и людям. Из многих христианских добродетелей он избрал труднейшую и большую – любовь (1Кор.13:13). *Болши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин.15:13). И Святитель, не щадя своей жизни, полагал в служении людям свою душу. В монастыре простым монахом и на святительском престоле – всюду он был трудолюбивым «делателем таланта».

Труд Святителя и Чудотворца Алексия не был напрасным. Плоды его подвигов остались украшением Церкви. Вспоминая их, так прославляем Святого в церковной службе: «Благий рабе и верный, делателю винограда Христова, ты и тяготу дневную понесл еси, ты и данный ти талант возрастил еси... вниди в радость Господа твоего и моли о нас, святе Алексие» (стихира на стиховне).

Сохраним же и мы в своем сердце благоговейное почитание трудолюбного делателя – Святителя Алексия и, приходя к нему, духом пребывающему среди нас, принесем с собой как дар любви плоды своего усердного труда.

Вспомним слова одного из поучений Святителя Алексия: «И ныне, дети, Бога ради, потщитесь всяко угодити Богу добрыми делы и души свои спасти».

Не дадим места праздности, но с усердием каждый в своем звании совершим усердный труд во имя Христово, во благо

наших ближних.

Святитель же Христов Алексей, сам усердный труженик, да поможет нам своей живой любовью войти в радость Господа нашего! *Аминь*.

Слово под Новый год

Этот миг бывает на грани двух времен – уходящего и наступающего года. Казалось бы, ничто не меняется. Все так же течет время, все те же обязанности наполняют нашу жизнь. Все теми же остаемся и мы. И тем не менее, эта ночь, отделяющая день вчерашний от дня завтрашнего, для всякого человека становится значительным рубежом.

И для нас, верующих людей, этот миг значителен. Потому что мы имеем еще один повод задуматься о смысле и достоинстве нашей жизни, о ценности нашей души, которая не определяется местом и не измеряется временем ее пребывания на земле. Господь говорит нам: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф.16:26).

Мы, братие и сестры, собрались сегодня к чудотворной иконе Божией Матери, удостоившей наш храм Своим избранием, чтобы пред Нею в молитве излить все добрые чувства души: и благодарные, и молебные, а также просьбы и радости. Мы обращаемся к Ней из года в год, ибо Она даровала нам блага в год минувший и в годы предшествующие, и мы надеемся получить Ее благословение на год наступающий.

Достоинство христианской жизни определяется тем, насколько она причастна Жизни Вечной. Вечность – не безграничная последовательность событий, которые, следуя одно за другим, определяют течение времени. Вечность – это новое качество совершенного бытия по образу бытия Божия, приобщение богозданной природы человека совершенному Богу-Творцу. Поэтому Вечная Жизнь начинается здесь, на земле, в Святой Церкви, через благодатное возрождение человека. Она не прекращается с последним дыханием, но возрастает в совершенное бытие. Церковь – Великое Творение Божие, в непрерывном созидании которого участвуем и мы – *живые камни Дома Божия* (1Пет.2:5), *члены единого Тела Святой Церкви* (1Кор.12:27). И потому каждое доброе дело человека никогда не остается бесследным, напрасным, не

исчезает, но продолжается, ибо мы получаем из прежних веков, от прежних поколений духовные дарования, которыми живем и пользуемся, и, сохраняя их, передаем тем, кто приходит на смену нам.

Велика ответственность человека. Что можем мы оставить после себя? Как родители оставляют здесь в детях свое духовное сокровище, радуются, что этот духовный дар будет продолжен ими, так Церковь, возрождая каждого верующего человека в купели Крещения, передает ему все то обилие благодати, которым пользовались члены Церкви, ее духовные чада до него. И действительно, братие и сестры, когда мы стоим здесь, в храме, и обращаемся с молитвой к Богу, разве мы думаем о том, что, уйдя из этого мира, мы ничего не оставим?

Мы вспоминаем великих святых, заповедавших строго блюсти Православие и хранить наши святыни, взрастивших и укрепивших веру, показавших пример служения Отечеству. Благоговейно приняв в сердце духовное наследие отцов, мы передаем его нашим преемникам – детям, внукам и всем тем, кто придет в жизнь после нас. И потому в день, когда подводится итог прошедшей жизни – в новогоднюю ночь – в первый день наступающего года, и в последний день года уходящего, – мы прежде всего обращаемся внутрь своей души, в глубину своего сердца, чтобы там прочесть, что записали мы в истекшем году. Много ли накоплено нетленных сокровищ? – Добрых желаний, осуществленных добрых дел? Много ли мы утолили слез? Много ли мы отдали от своих внешних, материальных сокровищ на службу другим? – И блаженно то сердце, которое сохранило и умножило в недрах своих эти духовные сокровища.

Но глубокая скорбь наполняет душу того человека, который, обратившись к своей совести, увидит, что за истекший год в душе поселились жестокость, пустота и мрак. И нет там ни одного доброго дела, ни доброго желания. Ибо всё, что собирал человек во имя свое, для самого себя, провалилось в бездонную пропасть его самолюбия, его гордости, его алчности. Сердце этого человека не стало нетленным сокровищем для Вечной Жизни.

И потому сейчас, заглянув в прошедший год, в самих себя, ответим пред Богом, что мы сделали за год прошедший. И поблагодарим Бога за то, что Он даровал нам время для свершения нашей христианской жизни, поблагодарим Его за то, что Он побуждал нас совершить что-то доброе.

Не может быть, чтобы кто-либо из нас, даже самый взыскательный, самый строгий к себе человек, не нашел в себе ничего доброго! Есть у нас, братие и сестры, и добрые желания, и добрые дела. Мало их, не столько, сколько хотелось бы, но они есть. Есть у нас добрые чувства, которые временами переполняют нашу душу, но, как пар, исчезают, если не претворяются в угодные Богу намерения и дела.

Есть у нас и усердие к Церкви, есть у нас и желание молитвы, есть у нас стремление прийти в храм для того, чтобы здесь, хотя бы малое время, быть с Богом, побыть с теми, кто стоит рядом с нами, растворяя воздух теплотой своей веры, своей любви, своей молитвы.

Как бы мы ни осуждали себя за всё дурное, что мы совершили в этой жизни, Бог ведает, что в сердце нашем есть и для Него хотя бы малое, но согретое верой место. И в эту глубокую сердечную обитель мы и собираем те духовные дары, которые несет каждый человек, живущий на земле.

Так постараемся расширить это вместилище сердечное! Памятуя слова Апостола: *сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно. В равное возмездие (говорю, как детям) распространитесь и вы (2Кор.6:11–13)*. Поблагодарим Бога, Который дает нам сегодня вступить в новый год, переступить порог этого условного времени для того, чтобы в новом году мы расширили хранилище нашего сердца, распростерли, по слову святых отцов, крылья нашей души – пост и молитву. Пусть в сердце нашем будет больше простора для веры, для благочестия, для любви к людям. И тогда святая православная вера вознесет общецерковную молитву к Богу обо всем мире, о всех людях. И наша душа будет светла, приветлива. В ней каждый найдет себе место – участие в судьбе, в жизни, в делах каждого человека, кто живет на земле.

Поблагодарим Бога за то, что мы собрались сегодня в храме, чтобы здесь получить благословение на год наступающий.

Попросим Его и о том, чтобы нам, принесшим в Церковь свое доброе благочестивое чувство, не утратить его и в день наступающий.

Мне вновь вспоминаются проникновенные слова покойного Патриарха Алексия, который говорил: «Благодарная молитва – это рука, простертая за получением новых милостей Божиих». И потому не случайно Церковь поучает нас благодарить Бога за каждый прожитый день и начинать свою молитву именно с молитвы благодарения. Не случайно день первый начинающегося года мы освящаем благодарственным молебном.

Так будем же благодарны, братие и сестры, Богу за то, что Он даровал нам жизнь для добра. Будем благодарны друг другу за то, что мы здесь ощущаем себя в единой, родной и теплой семье. Поблагодарим Бога за то, что Он дает нам вновь время быть добрыми христианами и наполнить свой внутренний мир таким духовным сокровищем, которое пойдет с нами в Жизнь Вечную. А там мы вновь с большей силой разделим радость, пережитую здесь, радость веры, радость церковной жизни, радость нескончаемую. *Аминь.*

Богословие и религиозная мысль

Церковь как претворение Тринитарного Домостроительства

1. Введение

Тема «Церковь как претворение Тринитарного Домостроительства» и ее материал безграничны. Три предмета темы – Бог, творение и Церковь определяют самое существо христианского мировоззрения и потому многогранны и неисчерпаемы. В настоящем реферате поставлена ограниченная задача схематически представить одно из решений этой темы в русском православном богословии и духовном опыте.

2. Русская Тринитарная экклезиология

Живое восприятие Троицею Бога свойственно русскому религиозному сознанию изначала. Оно отражено не только в богатом литургическом наследии Православной Церкви, общем для всего Восточного Православия, но и в характерных национальных особенностях русского церковного самосознания. В житийных сказаниях, которые были любимым чтением народа и практически главным средством его духовного образования, значительное место занимают богословские рассуждения о троичности Божества. При всей отвлеченности их они глубоко входили в религиозное мышление русских христиан и формировали его. Одна из древнейших русских народных пословиц говорит: «Без Троицы и дом не строится».

Живоначальная Троица и откровение Ее в жизни Церкви и мира – постоянная тема, к которой обращались в духовных созерцаниях и поучениях русские иерархи и подвижники. Еще у истоков Русского Православия святая равноапостольная княгиня Ольга († 969), «трисиянным светом осияваемая», удостоена была явления Пресвятой Троицы. На Псковской земле, тесно связанной тогда со скандинавскими странами, был воздвигнут первый русский храм в честь Троицею Бога. Четыре века спустя, в переломный период русской истории – время, когда Русь страдала от внутренней раздробленности и татаро-монгольского ига и набирала силу для борьбы с ним,

Преподобный Сергей Радонежский († 1392) основал монастырь во имя Живо-начальной Троицы «как зеркало для собранных им воединожитие» и для всей Руси, «дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего».³⁵ Духовная и патриотическая деятельность Преподобного Сергия и его монастыря была поворотным моментом в русской государственной и духовной жизни. Другой великий русский святой – Преподобный Иосиф Волоколамский († 1515), трудами и ревностью которого «православные поборники Святой Троицы уяснили православную веру христианскую» перед угрозой быстрого распространения в северной Руси агрессивной ереси богомильского направления, даже умирая, учил единению в Троице и в Церкви: «перекрестив лице свое, предал дух, проповедуя Святую Троицу – Отца и Сына и Святого Духа».³⁶ Сказания о жизни, подвигах и учении этих древних святых, составленные их учениками, показывают, что современники верно поняли их практическое богословие и передали на последующие времена.

Любовь русских подвижников к Святой Троице зримо низвела Саму Троицу на Русскую землю. Как ветхозаветному праведнику Аврааму, Она явилась в виде Трех Ангелов валаамскому иноку преподобному Александру Свирскому († 1533). Это событие в русской агиографии было объяснено как свидетельство непрерывности откровения Святой Троицы в мире, единство Древнего и Нового Заветов и неограниченность избранничества народов для служения Богу.

Преподобный Серафим Саровский (1754–1833) проникновенно учил о проявлении Тринитарного Домостроительства – «о дыхании жизни, совокупно от Всех Лиц Пресвятой Троицы на весь мир дышащем и все концы мира в руке Своей содержащем», и об усвоении его в Церкви – о «сопребывании с духом нашим Троического всетворческого единства Вседержителя».³⁷

Эти примеры, взятые из разных периодов русской церковной истории, характеризуют глубокое народное благочестие, которое постигает истины веры не отвлеченно, а в личном живом духовном опыте.

Богословами Троицы по преимуществу следует назвать крупнейших русских богословов-иерархов прошлого столетия, положивших начало формированию современной русской богословской мысли: митрополита Филарета (Дроздова), архиепископа Иннокентия (Борисова), епископа Иоанна (Соколова), епископа-затворника Феофана (Говорова).

Большое значение для раскрытия темы «Церковь и Тринитарное Домостроительство» имеют также труды замечательных русских академических богословов и религиозных философов: профессора-протоиерея Феодора Голубинского, профессора-протоиерея Александра Горского, профессоров А. Л. Катанского, В. В. Болотова, В. И. Несмелова, протоиерея Николая Петрова.

Тринитарное католическое сознание отчетливо выражено в религиозно-философских концепциях славянофилов: А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова и у Ф. М. Достоевского.

Идеи Хомякова и Достоевского оказали большое влияние на формирование последующих русских богословов, которые возродили святоотеческий принцип дидактического построения Тринитарной экклезиологии, раскрывающей внутреннюю жизнь Пресвятой Троицы в духовной жизни Церкви.

На рубеже столетий в центре внимания оказывается «философия всеединства» В. С. Соловьева, во многом определившая дальнейшее софиологическое направление русской религиозной мысли в некоторых трудах В. Ф. Эрн, Н. О. Лосского, С. Н. и Е. Н. Трубецких и др. Особое место занимают труды священника Павла Флоренского и протоиерея Сергия Булгакова.

Русская богословская литература богата монографиями и отдельными статьями многих менее известных богословов, которые последовательно обращались к основной проблеме спасения человека силой и действием Пресвятой Троицы в Богоучрежденной Святой Церкви. Они исследовали объективные и субъективные аспекты в деле спасения. Богословские труды Святейшего Патриарха Сергия, архиепископа Илариона (Троицкого) и их младшего

современника В. Н. Лосского дали своего рода синтез такого направления богословской мысли. Современные богословы Русской Православной Церкви с неослабевающим вниманием изучают богословскую систему и духовный опыт Богопознания отцов Никейского периода. Одна из последних диссертаций на степень магистра богословия в Московской духовной академии была посвящена богословию святого Афанасия Великого.

3. Откровение Троицы

Учение о Божественном Домостроительстве обнимает всё бытие сотворенного мира от его начала до завершения в апокатастасисе. Оно антропоцентрично и является аксиомой церковного миропонимания. Источник его лежит в Священном Писании. Язык его не может быть понят вне Церкви. Он принадлежит не только глубокой древности, но выражает и иное мировосприятие, и иную степень духовного состояния человека и меры приближения к Богу. В этом плане вербальное сопоставление даже близких по времени священных книг двух Заветов требует особой осторожности и внимания. Уже для современников и очевидцев Нового Завета, стоявших на позициях духовного изоляционизма, откровение Иисуса Христа о Троице служило камнем преткновения (Ин.3:5,16), и именно оно послужило главным обвинением против Него. Но, тем не менее, начало откровения о Троице в Ветхом Завете не подлежит сомнению. Первые главы книги Бытия дают основание в свете новозаветного Откровения видеть действия Лиц Пресвятой Троицы в каждом творческом акте. При таком подходе могут быть поняты и явления Бога ветхозаветным пророкам, их созерцания и речи.

Сотворенный мир есть откровение Бога (Рим.1:20). Весьма характерно, что представление о троиственности составляющих мир стихий содержится в древних космогонических воззрениях, которые в известной мере могут быть признаны отражением первоначального Откровения, данного человеку в раю, и его преломлением в человеческом естественном сознании.

Библейское повествование о творении человека говорит, что ему предшествует Совет Лиц в Боге и что в существе человека воспроизводится трихотомическая модель бытия: прах

земной, дуновение жизни, *и стал человек душею живою* (Быт.2:7). Это краткое повествование в последующей ветхозаветной и новозаветной традиции и у святых отцов приобрело формулу трехсоставной природы человека: плоть, душа и дух.

Тринитарное Домостроительство, прикровенно и неполно выраженное в Ветхом Завете, в Новом открывается с полной определенностью. Беседа Иисуса Христа с Никодимом, речь Его перед большим собранием иудейских вождей, Его Гефсиманская молитва и, наконец, последняя заповедь ученикам – проповедовать Евангелие и крестить уверовавших во имя Святой Троицы не оставляют ни малейшего сомнения в том, что в Церкви осуществляется Троиединое Божественное действие. Основные новозаветные события служат конкретным выражением этого. В Благовещении архангел благовествует Деве Марии о благоволении к Ней, схождении и осенении Ее Духом Святым и силой Всевышнего и рождении от Нее Сына Божия. В Крещении Отец благоволит, Сын крещается, Дух нисходит. В Преображении Отец повелевает (*Его слушайте* – Лк.9:35), Сын является в Божественном свете, Дух проникает и осеняет (*Слава и облак* – Мф.17:5; Лк.9:32,34). В Крестных страданиях и неотделимом от них Воскресении, в этом завершительном акте Домостроительства спасения, где, как кажется, Богочеловек Иисус действует один перед лицом зла и смерти, участвуют все Лица Живоначальной Троицы: Отец отдает Сына (Ин.3:16), принимает Его дух в Свои руки (Лк.23:46), и воскрешает Его Духом Своим (Рим.8:11); Сын страдает и совершает спасение (Ин.19:30); Дух Святой подается ученикам воскресшим Иисусом (Ин.20:22) и снисходит в мир вследствие Его Крестной смерти (Ин.16:7).

4. Церковь в предвечном Совете Троицы и времени

Конкретная реализация всего спасительного дела Иисуса Христа выразилась в основании Им Церкви (Мф.16:18). Однако догмат о Церкви со времен апостольской проповеди содержит малораскрытую мысль о том, что Церковь существовала домирно в предвечном замысле Бога, что прообраз Церкви был дан уже в райском бытии человека и что строение здания

Церкви совершается во времени до полного апокатастасиса, который наступит после последнего суда над миром. Грехопадение первозданной четы изменило процесс богоуподобления твари, но не Божий Промысл о Церкви. Для его осуществления потребовалось чрезвычайное действие – Воплощение Предвечного Слова и восприятие человеческой природы в глубокое таинственное Богообщение.

Церковь является центром Домостроительства спасения человека. Сущность ее как подлинного Божественного дела до конца непостижима. Апостол Павел говорит, что *тайна Церкви велика* (Еф.5:32). Он только упоминает об этой тайне, как и о неизъяснимых райских откровениях (2Кор.12:4). Очевидно, тайна Церкви коренится в самой глубине Троичной жизни. Учение о таиноводстве Святой Троицы в Церкви отеческое богословие раскрывает особенно полно.

Наряду с учением об откровении Пресвятой Троицы в единстве действий ее Ипостасей в Церкви православная экклезиология особенно акцентирует внимание, по апостолу Павлу, на природе Церкви, воплощающей всецелое единство Творца и твари как единого тела с Главой – Христом, и на единении твари. В единое тело объединено новое человечество, и неразумная тварь вместе с ним ожидает всеобщего избавления. Это учение о веществе содержится в определении Никео-Цареградского символа, получившего в греческой и славянской традициях два адекватных, но взаимно уточняющих и дополняющих друг друга термина: *кафоличность* и *соборность*. Главное содержание их, выражая существенное свойство Церкви – единство во множественности и множественность в единстве, уподобляет тайну Церкви тайне Святой Троицы. Троичность в Боге и соборность в Церкви, единство Троицы и кафоличность Церкви являются центральной темой богословия в изъяснении тайны Богочеловеческого взаимодействия в деле спасения мира.

Отношение Троицы Божественных Лиц к Церкви и к каждому ее члену с полной ясностью выражено Иисусом Христом в последний период Его земной жизни, когда Он говорил уже без притч.

Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам (Ин.14:23,16:26). Ранее Иисус говорил своим ученикам о земном образце единства: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф.18:20).*

Таким образом, существенное пребывание Троицы в Церкви по благоволению Отца вследствие крестного подвига Воплотившегося Сына благодатью Святого Духа проявляется через соборность даже минимального количества членов Церкви, собранных во имя Иисуса Христа. Никто в Церкви не одинок, ибо каждый есть член ее, а все вместе – ее единое тело. Ни пространство, ни временные границы не нарушают кафолической соборности Церкви и ее единства с Триипостасным Богом.

Славословие Троицы составляет необходимую часть сакраментального служения Церкви. Крещение начинается славословием «Благословено Царство Отца и Сына и Святого Духа» и совершается через троекратное погружение в воду с призыванием Лиц Святой Троицы. В Евхаристии доксология Троицы неоднократна: начальное славословие «Благословено Царство...», начало анафоры в чине литургий святых Василия Великого и Иоанна Златоуста: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца, и причастие (общение) Святого Духа», «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосушной и Нераздельней».

Аскетический подвиг христианина проникнут верой в непосредственное Богообщение с Живоначальной Троицей, что прекрасно выражено в молитве преподобного Иоанникия Великого: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой: Троице Святая, слава Тебе».

Православная экклезиология раскрывает отношение Троицы к миру в следующей формуле: Отец приводит нас к Сыну (свидетельствует о Сыне) водою (крещением Иисуса

Христа от Иоанна и крещением всякого христианина, приходящего в мир); Сын приводит к Духу кровию (отданной за нас сначала предвечно, затем, в исполнение времени, на Кресте, и каждодневно в Новом Завете проливает в Евхаристии); Дух возвращает к Отцу (в Благовещении, Пятидесятнице, в последующем Домостроительстве Церкви). Духом – с самой Пятидесятницы – движется вся жизнь Церкви: вероучительная (*изволися Святому Духу и нам – Деян.15:28*), таинственная (*устрайтесь в жизни Божиим Духом – Еф.2:22*) и нравственная (*Духом водимся и живем, и пожинаем плод духа – Гал.5:18, 25, 22*). Так, *три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном (1Ин.5:7–8)*. Это двоякое свидетельство есть откровение о Богочеловеке Иисусе Христе и Его деле.

5. Тринитарная экклезиология и Крест Христов

При всем сказанном экклезиология христоцентрична. В древней отеческой письменности особое место занимает теологумен о причинах воплощения Второй Ипостаси Святой Троицы – Сына Божия. Сыну, воплотившемуся Логосу, Богочеловеку Иисусу Христу, принадлежит исключительное положение в Домостроительстве спасения. Словом Божиим устроился мир: *без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин.1:3)*. Сыном Божиим восстановлено разрушенное грехопадением человека общение мира с Богом. Христос есть средоточие и Глава Церкви, которая явилась в мир и действует в нем как подлинно Христова Церковь. Без Него ничто не может быть совершено (*Ин.15:5*). Он есть та единственная Лоза, через которую происходит восстановление потока Божественной жизни в человеке.

Апостолы Христовы, исповедуя единство Троичного действия в Церкви, особенно выделяли исключительное значение Иисуса Христа и Его крестного подвига для спасения человека. Апостол Павел утверждает, что единственным предметом его проповеди является Христос, и Христос Распятый (*1Кор.2:2*). Послания апостола Павла остро вводят новозаветную экклезиологию в откровение Тайны Креста. Дело

Христово на земле – это крестное искупление человека. В этом сущность всего Боговоплощения и всей сотериологии. Бог predetermined (в Предвечном Совете) *усыновить нас Себе, обожить, чрез Иисуса Христа, Крестную Жертву Его и Церковь Его по благоволению воли Своей (Отца) в похвалу славы благодати Своей (Духа Святого) (Еф.1:4–6)*. Эту благодать Он (Бог Отец) в преизбытке даровал нам чрез Духа Святого во всякой премудрости и разумении, открыв нам предвечную тайну Своей воли – отдать Сына Своего на Крест «нашего ради спасения», чтобы *всё небесное и земное соединить* в Церкви *под главою – Христом*, чтобы обожить тварь (Еф.1:3–10).

Крестная Жертва представляет собой сокровенную тайну Святой Троицы о спасении мира, космически и исторически явленную в крестном пути Христа и Его Церкви. «Крестная смерть Господа есть средоточие нашего спасения и опора всех надежд христианских» (святитель Феофан Затворник). В Кресте, как сути спасительного действия Святой Троицы, открывается «любовь Отца распинающая, любовь Сына распинаемая, любовь Духа Святого, торжествующая силою крестной».

Крестный путь Церкви является единственно возможным путем следования за Христом и усыновления ее членов Богу. *Кто не берет креста своего и не идет вслед за Мною, не может быть Моим учеником (Лк.14:27)*.

Всякий верующий, т. е. ищущий оправдания во Христе и приходящий для этого в Церковь, должен «сораспяться Христу». *Я сораспялся Христу, – говорит апостол, – и уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал.2:19–20)*. Это значит, что я живу во плоти, но жизнью истинной, жизнью вечной, верой, духом, «воздыханиями Духа Святого» – сопребываю во Христе, и Он во мне: Он, возлюбивший меня так, что предал Себя на Крест за меня; я – возлюбивший Его, уверовавший в Него и сораспавший себя Ему на кресте личного подвига.

В том и состоит *благодать Божия*, а мое оправдание и спасение (Гал.2:21), в том смысл Церкви Христовой, что она дает мне право, власть и силу вознестись со Христом на Крест.

Внешним выражением «сораспятия Христу» является для православных часто творимое крестное знамение, не только

символическое, но и духовно реальное самораспятие своей самости, ветхого человека в себе. Осеняя себя «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» знаменiem Креста, мы силою Христа Распятого пригвождаем себя к Кресту и внедряем себя в Церковь.

Сораспять себя на Кресте Христовом можно только ради братьев своих по Церкви. В этом жизнь Церкви и смысл ее кафолической сораспинающейся природы. Бог есть Отец Милосердия – *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа... и Бог всякого утешения (2Кор.1:3)*, пославший Господа Бога Духа Святого, Утешителя. Он через Духа-Утешителя укрепляет нас на предлежащем нам в этой жизни «тесном пути» трудов и терпения, чтобы и мы общением Духа Святого могли утешить других членов Церкви – Тела Христова, находящихся в таких же трудах, и тем же утешением – радостью Креста, которым Бог утешает нас самих (2Кор.1:4).

А что речь идет именно об утешении радости Креста, показывает следующий стих (2Кор.1:5). *По мере того, как умножаются в нас страдания Христовы, т. е. чем истовее сораспинаемся мы Христу, причащаемся Святого Тела Его – Церкви, Страдающей и Воинствующей, умножается Христом (=Крестом) и утешение наше в Духе Святом.*

Любовь распинающая и распинаемая есть особенность кафолического церковного подвига: ни один не спасает себя сам, но всех спасает Христос в Церкви Своей, членов ее, членов Тела Христова, чрез нас, друг чрез друга, – призванных к кафолическому служению, да некия спасем (1Кор.9:22). На такую взаимозависимость личного спасения и спасения ближнего указывает и апостол Иаков (5:20).

«Крест, как высшее выражение любви Божией, есть слава Божия. *Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его (Ин.13:31–32)*, – говорит Христос Своим ученикам, идя на страдания и Крестную смерть. Его Крестная слава, как видим, есть Троическая слава, ибо в Крестной смерти Сына прославляется Отец. С прославлением Сына неразрывно связано и сошествие Святого

Духа: *еще не было на них (верующих) Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен (Ин.7:39)*. На горе Фаворе, когда Троица была явлена в Божественной Славе, Моисей и Илия говорили об исходе Иисуса Христа, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме (Лк.9:31).

Спасительная сила Христова Воскресения невидимым образом действует в мире со времени Воскресения Христова, завершившегося Вознесением Господним, когда вочеловечившийся Сын Божий воссел одесную Бога Отца и спосадил на Своем Престоле воспринятую в Свою Ипостась и обоженную человеческую природу, и послал от Отца Духа Святаго, освящающего мир».³⁸

Так претворяется в Церкви предвечный замысел Пресвятой Троицы о спасении человека. По воплощении Сына Божия и основании на земле Церкви Божией у Пресвятой Троицы «теперь одно попечение – всех привлекать к Себе для дарования им спасения. И Она действительно влечет. Отец Небесный уверяет: *не хочу смерти грешника*. Сын Божий одесную Отца *всегда ходатайствует о нас*. А Дух Святой? И Он тоже *ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголаннми*» (святитель Феофан Затворник). Мы же все – «камни храма Отчего, уготованные в домостроение Бога Отца, возносимые на высоту орудием Иисуса Христа, которое есть Крест, посредством верви Святого Духа». Поэтому все мы, христиане, – «спутники друг другу, богоносцы и храмоносцы, христоносцы, святоносцы, во всех отношениях украшенные заповедями Иисуса Христа».³⁹

Церковь есть высочайшая реальность и конкретное выражение непостижимых Божественных начал. Невыразимую словами Божественную сущность и действие Пресвятой Троицы человек постигает через Церковь в духовном благодатствованном подвиге. Сущность искупительного дела Иисуса Христа и личного подвига христианина, содержание и образ совершения спасения раскрывают нам жизнеподательный Крест Христов – «Древо жизни и спасения, древо бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетленно и неизнуряемо.

Крест трисоставный, честное древо, ибо носит Троицы триипостасной образ». ⁴⁰

Церковь и свершение творения

1. Введение

Судьба сотворенного мира не может не волновать последователей Иисуса Христа. *Что... будет нам? (Мф.19:27), скажи, когда это будет? (Мф.24:3)* – вопросы апостолов, которые задает человек Богу во все времена. Христос отвечает на них призывом к нравственной готовности человека дать ответ за себя в любой момент земной жизни. Он переносит эсхатологический интерес с неопределенного будущего времени в конкретную действительность, из процесса отвлеченного знания в непосредственную деятельность.

В Церкви проблема эсхатологии ставится не теоретически, но реально-таинственно как начаток будущего в настоящем ⁴¹

Кризис антропологии можно считать наследием XIX и XX столетий. В первой его половине господствовала так называемая «эмпирическая психология», которую точнее было бы назвать «психологией без души». Душа как понятие сугубо метафизическое отметалась, что называется, с порога. В результате явления душевной жизни теряли свое единство и глубину, лишались разума и смысла, рассматривались как бессвязный набор отдельных психических элементов – представлений, ощущений и т. п. Эта «ассоциативная», или «атомистическая», психология была развенчана во второй половине XIX века работами выдающихся психологов У. Джемса, А. Бине, А. Бергсона и других.

Развитие современной психологии во многом обусловлено замечательным открытием австрийского философа Ф. Brentano, который развил идею «интенциональности» (смысловой направленности) душевной жизни на предметный мир.

Влияние феноменологии интенционализма оказало влияние на труды Э. Гуссерля, К. Ясперса, Э. Кречмера и других выдающихся философов. Они отвергли чисто натуралистическое понимание душевной жизни, справедливо усмотрев в ней явно выраженную сверхприродную, идеальную сторону. Возможность двустороннего взаимодействия между

душевыми (психическими и парапсихическими) и телесными явлениями стала очевидным фактом.

Если не «жизненная сила» («психея», «энтелехия», другие синонимы души), как думали виталисты, то что же является общим у всех живых систем? Над этим вопросом постоянно «ломают голову» биологи. Пытаясь на него ответить, Ж. Моно в своей известной работе «Случай и необходимость» постулировал целесообразную организацию молекулярной природы и подчинение организации индивида некоему плану.

Эти и подобные концепции в современной психологии заставляют вспомнить древнее учение о душе, имеющее источником различные мировые религии.

В этой связи немаловажное значение представляет христианская антропология, традиционное учение Церкви о природе человека, равно как и христианская триадология (учение о соотношении и взаимообщении Трех Лиц Святой Троицы), которую можно рассматривать как идеальную модель для человеческого общежития.

Святой апостол Павел призывает христиан: *преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим.12:2), *заботьтесь иметь Бога в разуме* (Рим.1:28).

Не желая соперничать с наукой и не отвергая методологии научных исследований, Церковь в то же время сдержанно относится к их результатам, в чем можно было убедиться недавно на примере идентификации Туринской плащаницы.

Предлагая обязательные для верующих догматы, богословская мысль оставляет достаточно свободы для их интерпретации, а также допускает весьма различные и многообразные точки зрения по целому ряду промежуточных вопросов (так называемые «теологумены»).

Христианские мыслители, именуемые учителями Церкви, не оставили вполне разработанных и цельных систем антропологии. Но мы можем легко их реконструировать, извлекая те или иные суждения о человеке из разных сочинений, опираясь на богатейшую литературу по истолкованию Библии, а также, прежде всего, на тексты самого Священного Писания.

В Библии учение о происхождении человека (антропогония) и учение о его сущности (антропология) связаны воедино. Библейская антропология исходит из воззрения, что весь космос, весь тварный мир и венец природы – человек – созданы Высшим Творческим Началом – Богом.

Признание Бога в качестве целеполагающей причины творения принципиально недоказуемо, оно является предметом веры, характерной особенностью человека верующего; вера же как психологический феномен имеет исключительную устойчивость: «Существование Верховного Разума, а следовательно, и Верховной Творческой Воли, я считаю необходимым и неминуемым требованием (постулатом) моего собственного разума, так что если бы я и хотел теперь не признавать существование Бога, то не мог бы этого сделать, не сойдя с ума», – писал выдающийся русский ученый Н. И. Пирогов.

Библия сообщает, что Бог создал человека в «шестой день» (шестой космический цикл) творения, по образу и подобию Своему (предшествующие циклы творения можно рассматривать как подготовительные этапы создания человека). Библия об этом повествует так: *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт.2:7).

Раннехристианские писатели, такие, например, как Ориген или епископ Лионский Иринеи, считали, что «образ Божий» человеку дан, подобие же задано, его надлежит стяжать, в соответствии с заповедью Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф.5:48). (Отсюда идеал обожения у учителей Церкви – Макария Великого, Афанасия Великого и других.)

Создание тела и души – это как бы два момента, начальный и конечный, в сотворении первочеловека Адама. Библейское откровение оставляет открытым вопрос о возможной эволюции человека и ступенях этой эволюции. В этом плане возможно существование целого ряда самостоятельных научных гипотез, безотносительно к религиозным учениям.

Безусловно несовместимым с библейской антропологией, однако, является взгляд на то, что человек лишь количественно, а не качественно отличается от так называемых «ближайших соседей» на ступенях эволюции.

Человек, созданный по образу и подобию Творца, для которого Бог сотворил мир, рассматривается в христианстве как венец творения. «Среди всего ранее сотворенного не было настолько ценного создания, как человек... он достойнее и величественнее всего остального... И не только достойнее, но и является хозяином всего, и все для него создано», – подчеркивает болгарский богослов IX века Иоанн Экзарх в своем весьма популярном в Киевской Руси сочинении «Шестоднев». Превосходство человека над всем сущим объясняется его одновременной принадлежностью двум мирам – видимому физическому и невидимому духовному (трансцендентному).

Мир человека (микрокосм) столь же целостен и сложен, как и мир природы (макрокосм).

В Библии с поразительной ясностью разграничены в человеке естественная (биологическая) и сверхъестественная (теологическая) сферы. К первой относится человеческое тело, генеалогия которого выводится непосредственно из природного вещества («земной персти»), подчинена законам животного бытия. Ко второй относится «душа живая», несущая печать Божественного Духа, так как Сам Бог *вдунул в лице его* (человека. – Авт.) *дыхание жизни* (Быт.2:7).

Христианская антропология рассматривает человека прежде всего как явление духовного порядка, «загадочного пришельца», предназначенного к уходу в иной мир.

Следует сказать, что признание акта творения отнюдь не разрешает всех загадок человеческой природы, например связи человека с космической эволюцией, взаимосвязи физической и психической сферы (тела и души), в единстве которых человек представляет собой живое, целокупное существо, несмотря на означенную двойственность.

Дуализм человека, ограниченность его физической природы и устремленность его духа в бесконечность – извечная тема

поэзии:

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!⁴²

Психическая жизнь человека сама по себе весьма подвижна и неустойчива, она похожа на быстротекущую реку, в которую невозможно войти дважды. Это область, в которой взаимодействуют тело и душа (дух); сами же они весьма устойчивы – в пределах земной жизни (тело) и даже в вечности (душа). Та неизменная устойчивость личности, которую мы подразумеваем под словом «я», создающая идентичность нашей индивидуальности, несмотря на постоянный поток сознания, смену впечатлений и ощущений, круговорот обмена веществ, – эта устойчивость определяется с точки зрения христианской антропологии именно душой, нематериальным субстратом, в котором, упрощая проблему и выражаясь современным языком, заложена вся информация о нашем «я».

«Творческое Слово», которое, по мысли святого Григория Нисского (IV в.), Бог первоначально вложил в мир и в человека, являлось нормой для их бытия. Эта норма была нарушена вследствие космической катастрофы – грехопадения прародителей (Адама и Евы), повлекшего за собой онтологическую поврежденность (падшесть) в человеке, распространившуюся на весь мир.

Профессор В. И. Несмелов в своем труде «Наука о человеке» (1906) дает интересную интерпретацию темы библейского грехопадения человека. Нарушение Божественной заповеди, вкушение от древа познания добра и зла явилось искушением пойти внешним путем для приобретения высшего ведения, попыткой взойти на высоту бытия без должных внутренних усилий.

В этом символическом образе заключена глубокая трагедия человека, приведшая его к утрате царственного положения в природе, к подчинению ее стихийным силам.

Отсюда контраст между первоначальным райским блаженством человека и дальнейшей борьбой за существование

в человечестве, дошедшей до современного состояния, близкого к агонии: прибегая к научной терминологии, это состояние является возрастанием энтропии до некоего критического предела, по Т. де Шардену – это приближение к разрыву ноосферы.

Современному позитивизму до недавних пор оставалось чуждо (ибо требует не простого рационального понимания, но духовного постижения) христианское учение о «падшести», поврежденности, болезненности человека, а вместе с ним и всей природы, которая *совокупно стенает и мучится донныне*, ожидая спасения от *славы детей Божиих* (Рим.8:22,21).

В настоящее время, ввиду глобального экологического кризиса, положение изменилось. Понятие глобальной аномалии, укоренившееся в современных научных представлениях, позволяет, в силу некоей расширенной аналогии, уяснить если не верность такой концепции, то хотя бы правомерность ее постановки.

В этом контексте вырисовывается общность судьбы всего человечества и общечеловеческая солидарность отдельных людей. В осознании и формулировке глобальной проблематики, предвосхитившей современную так называемую «философию космизма», безусловный приоритет принадлежит русской религиозной философии второй половины XIX века, в частности Н. Ф. Федорову и Вл. С. Соловьеву. Оба гениальных мыслителя, оказавшие влияние друг на друга, впервые с полной ясностью развили учение о том, что субъектом истории является человечество как целое.

Единство человечества обусловлено его единосущием, следствием сотворенности по образу и подобию Божию (см.: Вл. С. Соловьев. «Чтения о богочеловечестве»; Н. Ф. Федоров. «Философия общего дела»). Отсюда линии этого единства как в историософии, так и в космологии: человечество является особым образованием не только в историческом бытии, но и венцом природы в эволюционном плане, в биосфере и ноосфере (Тейяр де Шарден).

Свойственное православию эсхатологическое ожидание преображенного мира и вера в конечное обожение человека

привлекли к христианской антропологии многих видных русских философов и общественных деятелей на рубеже XX века. Среди них назовем Н. А. Бердяева и священника Сергия Булгакова, С. Л. Франка и П. Б. Струве, священника Павла Флоренского и Л. П. Карсавина.

Парадокс христианства, как указывали многие видные религиозные мыслители, и прежде всего Н. А. Бердяев, заключается в том, что оно одновременно и исторично (ибо основано исторической Личностью – Иисусом Христом), и сверхисторично (имеет источником Божественное Откровение и устремлено к Царству «не от мира сего»).

Творчество человечества венчает историю мира, потому что человек не утратил благодатных творческих даров Божиих, хотя и утратил свое Богоподобие.

В центре внимания у Тейяра де Шардена – человек как венец творческой эволюции Богосотворенной природы, вершина космогенеза и в то же время «руководящая сила всего биологического синтеза», устремленная к сверхличному началу – точке Омега, Абсолюту, Богу. Его натурфилософия естественным образом переходит в религию и даже в мистику, но это мистика знания.

В отличие от нее, православная антропология носит ярко выраженный христологический характер, основываясь прежде всего на догмате искупления рода человеческого воплотившимся Богочеловеком Иисусом Христом. Христос Своею крестной смертью снял с рода человеческого тяготевший над ним первородный грех. Спасительные плоды Его подвига усваиваются каждым человеком через Крещение и другие церковные Таинства.

Благодаря Боговоплощению и Искуплению, дарованному Христом, стало возможно спасение и обожение человека и всей твари, всего космоса. В этом и состоит предназначение Церкви, ее вселенская миссия.

По формуле IV Вселенского (Халкидонского) Собора, божественная и человеческая природа соединены в Иисусе Христе нераздельно и неслиянно, при наличии двух природ личность (ипостась) Богочеловека была одна. В каждом же из

людей одна личность и одна природа. Различение природы и ипостаси (личности) весьма существенно для уяснения и раскрытия положения человека в мире, которое рассматривается в трех аспектах: 1) человек в его первозданном состоянии в раю; 2) человек после грехопадения и изгнания из рая; 3) человек после Искупления, дарованного Христом.

Истинная природа человека, его роль и призвание в мире могут быть выявлены с точки зрения христианской антропологии лишь в связи и взаимозависимости всех этих трех аспектов. Здесь мы коснемся лишь второго аспекта, да и то в самых общих чертах. Как уже говорилось, хотя первородный грех искажил природу человека, но он не уничтожал в человеке высшей творческой силы, образа Божия, запечатленного во всей природе человека – и в теле, и в душе, и в духе.

Принято считать, что одни христианские богословы учат о трехчастном составе человеческого существа (тело, душа и дух), другие – о двухчастном (тело и душа).

Этот широко распространенный взгляд нуждается в корректировке, так как одни и те же богословы говорят и о двухчастности, и о трехчастности человека, а история патристики не знает спора дихо– и трихотомистов. Богослов В. Н. Лосский был убежден, что разница между сторонниками дихотомизма и трихотомизма сводится к терминологии: «дихотомисты» видят в духе высшую способность разумной души, посредством которой человек входит в общение с Богом.⁴³

Святой Афанасий Великий (IV в.) был убежденным трихотомистом и учил, что всё духовно-душевно-телесное естество человека должно обожиться вследствие восстановленной Богопричастности человека. Многие представители русского богословия так же понимали природу человека, в их числе св. Тихон Задонский, св. Феофан Затворник, а из современников – архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий, 1877–1961).

В своей известной работе «О духе, душе и теле» архиепископ Лука аргументировал трихотомизм данными

психофизиологии, парапсихологии и генетики. Он разработал учение о так называемых актах сознания, которые никогда не бывают изолированными, поскольку мысль сопровождается чувством, а волевые акты связаны не только с восприятиями физических органов, но и с восприятиями души и духа.

Архиепископ Лука доказывал, что дух может вести Жизнь, раздельную от души и тела, ссылаясь на передачу наследственных свойств от родителей к детям, поскольку наследуются лишь основные «духовные» черты характера родителей, а не их чувственные восприятия и душевные воспоминания.

Он разделял взгляд на то, что животные тоже имеют душу, но подчеркивал, что у человека душа гораздо совершеннее, она обладает высшими дарами Святого Духа – разумением и познанием, творческим вдохновением, мудростью и др.

Самым значительным проявлением духовности в человеке, на наш взгляд, является совесть.

Совесть, неотъемлемое начало общечеловеческой нравственности, рассматривается христианской Церковью как голос Свыше, присутствие Божие в душе человека.

Человек часто пытается заглушить этот голос, потворствуя своим страстям и корыстолюбию, но до конца его не может заглушить, пока в нем живет хоть какая-то человечность. Именно совесть является наиболее человеческим в человеке – в самом благородном значении этого слова.

Пока не удастся выработать и принять общегуманистические основы нравственности, единые для всего человечества, оно будет раздираться силами вражды и противоборства. Критерием такой нравственности, безусловно, может быть только совесть, как бы ее ни называть – «категорическим императивом» (И. Кант) или голосом Божиим.

Без веры, совести и внутренней обращенности к Абсолюту сердце человеческое мятется, а ум бывает поглощен суетой: вместо разума в нас проявляется рассудок, поглощенный самим собой; отсюда – эгоизм, взаимоотноужденность, чувство одиночества, отпадение от семьи, выпадение из общества. В

творениях церковных писателей такое состояние именуется непросвещенностью и духовным помрачением.

Св. Андрей Критский (VII в.) в своем «Покаянном каноне» дал весьма впечатляющее определение этого состояния – человек поклоняется самому себе как идолу. Поистине, природа не терпит пустоты! – там, где нет обращенности к Источнику Света, сгущается мрак, царят различные идолы – «рода», «пещеры», «рынка», «театра» и всякие другие, которые, вероятно, и не снились автору «Нового Органона» Ф. Бэкону.

Служение этим идолам порождает культ ложных ценностей, приводит к насилию над человеком и обществом.

В любом акте насилия и разрушения (отрицания) есть некая «злая радость», которая создает иллюзию творческого акта, но это не творческий акт, не акт силы, а стихийное буйство, проявление творческого бессилия, паразитирующее на том, что было создано подлинным творческим актом – Деянием как волеизъявлением Добра.

В нашей недавней истории пафос отрицания привел к самому чудовищному вандализму, уничтожению бессмертных творений человеческого гения. Для Церкви, по существу, неприемлемо всякое отрицание, даже так называемое «отрицание отрицания», этот хитроумный принцип диалектики, под которым может скрываться что угодно.

Зловещая практика XX века, чудовищный опыт нигилизма и дегуманизации, репродуцированный в будущее авторами-антиутопистами (О. Хаксли, Е. Замятин, Дж. Оруэлл), подтверждают давний взгляд на природу человека, выраженный в христианском богословии, что ее нельзя произвольно «улучшить» и «переделать» безблагодатными средствами.

Сложной, духовной по преимуществу природе человека противопоказано низведение ее запросов к социально-экономическим или так называемым «духовным», под коими обычно подразумеваются потребности интеллектуальные и культурные.

Для усовершенствования социума, правильного развития общественных отношений недостаточно использование одних лишь материальных и культурных факторов. Необходима особая

забота о подлинно духовном, что в плане конвергенции общества и Церкви можно рассматривать как движение в сфере религиозного просвещения. Эта сфера издавна была предметом внимания церковных деятелей.

Не случайно в наше время в качестве исторической парадигмы вызывает определенный интерес положительная роль Церкви в отечественной истории. Нравственное влияние Церкви на человека в процессе формирования правового общества (которое гарантирует наряду с другими свободами и правами человека и религиозную свободу) может принести безусловную общественную пользу, и эта польза, на наш взгляд, будет иметь тенденцию к возрастанию.

У христианской Церкви есть огромный исторический опыт, со времен святого равноапостольного императора Константина Великого, который был выдающимся социальным реформатором и политиком. Он по достоинству оценил и использовал положительную нравственную роль Церкви в условиях перехода к новой общественной формации. Святой равноапостольный великий князь Владимир сыграл такую же роль в истории нашего Отечества.

Провозглашая и утверждая высшие духовные потребности человека как имеющие вечный смысл, Русская Православная Церковь противостоит социальной энтропии, то есть тенденции любой общественно-экономической формации ставить превыше всего потребности социального регулирования. Такое регулирование всегда имеет место на той или иной стадии общественного развития, оно представляет лишь относительную ценность и вследствие несовершенства аппарата и инструментов регулирования обычно прибегает к мерам принуждения.

Церковь же по своей природе, как институт-посредник между людьми и Богом, основанный на Евангельской любви, не может действовать принудительными средствами. Ее Таинства и обряды имеют врачующую силу только в порядке добровольного употребления. Общество, впрочем, никогда не может стать идеальным, то есть вполне христианским, полностью свободным от зла и насилия (природа которых

глубоко иррациональна). По отношению к злу и насилию необходимо принудительно-регулирующее начало, воплощением которого выступает государство.

Мы не разделяем двух крайних, противоположных точек зрения на значение социально-политического строя для нравственности человека. Первая полностью отрицает таковое, вторая полагает, что совершенный общественный строй «автоматически» устранил всякое зло и полностью усовершенствует человека. Не будем останавливаться на второй точке зрения, так как очевидно, что источником всякого нравственного добра является личность или коллектив личностей, при любом общественном строе.

Что касается первого воззрения, довольно распространенного среди части христиан, оно также не выдерживает критики: социальные реформы, усовершенствование общественного и государственного устройства объективно способствуют улучшению нравственности не только отдельных лиц, но и всего общества, об этом свидетельствует сама история.

Правовое, демократическое государство олицетворяет собой конструктивный, регулирующий принцип социальной жизни, предохраняющий общество, с одной стороны, от анархии, а с другой – от тирании и тоталитаризма. Сосуществование Церкви и государства, их взаимное невмешательство, сотрудничество и «симфония» являются условием нормального течения общественной жизни, раскрытия подлинно человеческого в человеке, то есть реализации идеалов гуманизма, следовательно, торжества нравственности.

Христиане при этом не забывают об эсхатологической устремленности самой истории за пределы времени, к жизни будущего века, к новой земле и новому небу.

Не отрицая относительной правды и справедливости, достижений современного правового государства, мы помним об их несоизмеримости с идеалами абсолютного добра; это «памятование» должно предохранить от ложных иллюзий построения «идеального» земного общества (что на практике грозит разрушением всего «неидеального», когда «цель

оправдывает средства»). Ибо внешнее объединение людей на основе экономического коллективизма в самом хорошем правовом государстве все же не сможет устранить их внутренней отчужденности друг от друга. Только духовная солидарность людей, основанная на сознании братского, родового единства, общности происхождения и судьбы, поможет построить дом на твердом основании. В этом отношении именно Церковь способна помочь обществу, если само общество захочет воспользоваться этой помощью. Ибо в Церкви каждый ее член обретает подлинный опыт человеческого общения и постигает его непреходящий духовный смысл, заключенный в евангельской молитве Христа: *да будут все едино...* (Ин.17:21).

Разве не из религиозных заповедей пришли к нам моральные принципы, которые легли в основу всех «прав человека», призывов к гуманизации государства и общества? Разве не религия породила культуру как проявление особой формы духовности, присущей только человеку? Поистине, это *cultura animi* (развитие духа). Такая культура может и должна стать сферой сближения, взаимодействия и взаимообогащения Церкви и общества. Но для этого в церковной ограде должны найти себе место и храм, приют милосердия, и духовная школа, и художественная студия.

В этом случае, как писал в свое время священник Сергей Булгаков, социальная жизнь утратила бы свой прозаический оттенок, приобретя некую окрыленность и вдохновенный характер. «И жизнь и культура, освещенная внутренним светом, оказались бы светопроницаемы, полны света и жизни... Поэтому нужно любовно, без кичливости, но с христианским смирением открыть свое сердце «светскому» миру... И с той и с другой стороны должна быть признана обоюдная вина и принесена духовная жертва...».⁴⁴

Осознание этого в среде культурной общественности, как верующими, так и неверующими, – залог подлинного духовного обновления и консолидации всего российского общества. Лишь в единстве свободы и ответственности человек как подлинный *homo sapiens* реализует свое высокое призвание в мире.

Вступительное слово на открытии семинара «Духовный мир человека на пороге третьего тысячелетия» (март 1999 года)

Общая тема семинара «Духовный мир человека на рубеже двух столетий и двух тысячелетий» – это очень большая и ответственная заявка, и я вполне сознаю, что осветить ее в рамках даже не только однодневного, но и систематически проводимого семинара едва ли будет возможно. Тема многообразна, глубока и имеет очень широкий спектр различных конкретных проявлений.

Сейчас часто употребляется (я бы не сказал, что с полным осознанием его смысла) термин «духовность». И в недавнем материалистическом, марксистском прошлом мы постоянно утверждали духовные ценности. В этом не было никакой ошибки, потому что, когда мы говорим о человеке как об определенном природном феномене, мы устанавливаем его отличие от всего окружающего сотворенного мира. Мы говорим о человеке как о носителе определенных, особенных свойств: самопознания, самовыражения, различных форм деятельности, ощущений, восприятий, мыслительного процесса. Всё это отнюдь не принадлежит материи в тех или иных ее формах – твердой, жидкой или газообразной.

Но для нас эта тема естественно решается в едином контексте всего сотворенного мира.

Очень интересное наблюдение можно сделать сейчас в области фундаментальных наук: люди, обремененные большими знаниями, в своих исследованиях уже переходят грань материального и всё больше приближаются к той исходной богословской, библейской позиции, согласно которой мир – это единое целое, система очень сложная, но тщательно продуманная и безупречно собранная. Я помню, как при изучении курса «Теории механизмов и машин» нам, тогдашним студентам, объясняли, что механизм – это совокупность отдельных деталей, и машина – это система. Поэтому еще в средние, античные, древние времена мир понимался как

совершенная машина. К сожалению, в отношении этой «машины» был допущен производственный брак: вернее, не производственный, а эксплуатационный, когда наши прародители, в нарушение предписанных им законов, сделали один, казалось бы невинный, но принципиальный шаг, и, таким образом, нарушена была целостность системы: и мы полетели совсем не в ту сторону, куда нам было первоначально предназначено «лететь». В этой системности мышления человеку отводится роль общения как с природой не мыслящей, но чувствующей, собирающей информацию, чутко на всё реагирующей, так и с Высшим Разумом – с Богом. Поэтому, когда мы говорим о духовности, то мы прежде всего говорим о человеке в его феноменальной сущности; ибо духовность проявляется многообразно: и в области собственных духовных, внутренних чувств, переживаний и действий, и в творчестве. В разной степени, может быть, но к одной и той же категории относятся и классические полотна Рафаэля, Тициана, Репина, Сурикова, и курьезы Пикассо и Фалька, потому что все они выражают ту духовную сущность, которой обладает человек в реальном образе, то есть они относятся к одной и той же человеческой сопредельности – состояния здоровья или тех болезненных процессов, которые в нем происходят.

Нам важно сейчас определить свое место в этой системности познания мира. А гносеология – это одна из тем, к осмыслению которой всегда стремился человек. «Познай самого себя». В Риме, недалеко от главного вокзала, в термах императора Диоклетиана собраны античные памятники. Там и надгробия, и различные монументы, но преобладают все-таки некрополи. Там одна из плит черного базальта выложена белым мрамором в форме скелета человека. Всё, от черепа до пяток, с необыкновенной анатомической точностью воспроизведено на этой черной мраморной плите, и по-гречески (а греческий был языком культуры в те времена) написано: «Познай самого себя».

Самопознание, познание внутреннего мира человека сейчас, на рубеже двух столетий, становится особенно важным, потому что XIX век – это был век познания окружающей среды.

Простите, но мы анатомировали труп, мы превращали природу в подвластный нам материал для изучения и смотрели, дергается или не дергается лапка у лягушки, если на нее посыпать солью, но не определяли место этой лягушки в мироздании. Я особенно ценю писателя-фантаста Рея Бредбери, который высказал мысль о том, что из совокупности поступков создается цельность, и только один маленький неверный шаг (а это также и богословская позиция) может прекратить (нарушить) всю цельность системы.

Мы начинаем семинар именно с центрального пункта: «Что есть человек? Что есть личность?». С вопроса, который был поставлен еще древним пророком Давидом: *что есть человек, что Ты (Бог) помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами... (Пс.8:5–6)*. С личности человека – этого феноменального явления природы и творческого разума Божественной силы – мы и начинаем сегодня познание – наш христианский гносис.

Заключительное слово на заседании семинара «Духовный мир человека на пороге третьего тысячелетия» (март 2001 года)

Еще на студенческой скамье я был увлечен гипотезой познания. Не теорией, не системой, а гипотезой познания, гносеологией. В результате моей «эволюции» я – богослов и практический священник – каким-то образом частично ушел в политику.

В 1987 году, когда проходил в Москве Международный форум «За разоружение и безопасность человечества», в ответ на мое предложение нобелевские лауреаты согласились создать фонд «За выживание и развитие человечества». Обычно подобные идеи согласовывали с ЦК КПСС и с прочими инстанциями. А тут академик Е. П. Велихов пошел к М. С. Горбачеву, который принял это предложение «с ходу», и Велихов на пленарном заседании объявил о том, что создан международный фонд «За выживание и развитие человечества». С тех пор прошло 14 лет. В будущем, 2002 году мы будем отмечать наше 15-летие.

В результате работы фонда сейчас создан документ, который называется «Декларацией прав Земли», или по-иному – «Хартия Земли». В сентябре я докладывал о ее содержании в Организации Объединенных Наций на большом «саммите» религиозных деятелей. На прошлой неделе я вернулся из Италии, где докладывал об этой Декларации «Большой восьмерке».

В чем суть этого документа? Почему я с чисто богословских позиций мог участвовать на равных правах с физиками-ядерщиками, такими, как академик А. Д. Сахаров, Абдусалам из Пакистана (мусульманин), лютеранин Визнер, бывший министр обороны США Роберт Макнамара, внучка президента Д. Эйзенхауэра? Собравшись тогда такой дружной компанией, мы пришли к одному определенному выводу: при всем различии политических, мировоззренческих, личных характеров и позиций, мы все-таки должны подумать о том, что же нам

делать дальше? Потому что достаточно одного неосторожного движения, чтобы за несколько минут на Земле не осталось бы ничего. Библия действительно трагическая книга. Она указывает на сложный период человеческих ошибок, который начался с нарушения однажды данного правила – быть порядочным и умным, быть социально ориентированным человеком.

В прошлом, 2000 году академик Е. П. Велихов в своем институте показал нам механическую модель ДНК при 200-кратном ее увеличении на электронном микроскопе. Эту модель выдумали наши, русские ученые, однако собрать ее, к сожалению, смогли только в Западной Германии. Она еще не закончена – это поиск.

Человек – это беспредельно ищущий инструмент познания. Мы всё не можем остановиться. Мы должны познавать. Должна быть введена некоторая определенная граница нашего познания. Человек имеет беспредельные возможности развития: как вниз, так и вверх; как в положительном, так и в отрицательном смысле. Но где-то должны быть разумные пределы познания. Нельзя младенца «нагрузить» штангой, которую может поднять лишь Юрий Власов.

Это разумное ограничение мы и приняли для себя как некую рабочую модель. Исходный пункт: наше мировое пространство (в котором для нас главной средой обитания является Земля) есть продукт определенной целостной системы, и потому нарушение законов этой системы приводит порой к необратимым последствиям. Эти последствия иногда с трудом исправляемы, но иногда их менее трудно исправить. Физики-ядерщики приходят к тому же мнению.

Есть один очень интересный человек – профессор Денисский. Он не имеет собственной кафедры, но занимается весьма интересной областью науки: изучением недр Земли. Несколько десятков лет тому назад мимо дома, где он работает, нельзя было проходить без опаски. Там изучались недра земли с целью поиска урана – основного сырья для ядерной техники. Потом всё это рассекретили. В такой скромненькой лаборатории этот ученый делает прогноз в отношении катаклизмов, которые выходят из недр и происходят на земной поверхности. Он

работает под заказ Генерального штаба Вооруженных сил России. Одно время (не знаю, как сейчас) его прогноз публиковали в «Вечерке». Он установил прямую закономерную связь между страшными тектоническими явлениями, возникающими в недрах Земли, стихийными бедствиями и накоплением отрицательного заряда духовной человеческой энергии. Стихийные бедствия – это следствие моральных (вернее – аморальных) беспорядков, которые творятся в человеческом сообществе.

В такой аудитории, вроде вашей, я говорю попроще, что существуют «правила техники безопасности», – «инструкция по эксплуатации». Бог дал нам нашу среду обитания – совершенный механизм. Правила пребывания в нем, правила пользования им должны четко соблюдаться. Если мы будем нарушать правила техники безопасности при эксплуатации электропроводки, а тем более – в области высоких энергий, то естественно, ничего хорошего из этого не произойдет. Так же и в нашей повседневной жизни: правила поведения, этика являются основой жизни.

Однажды, несколько лет тому назад, я был в небольшом исследовательском центре, который каждый год проводит семинары по проблемным темам. На одном из таких семинаров меня просили объяснить, в чем суть нашей целостной системы. Из подручных средств у меня были только банан и трубочка для коктейля, из которых я соорудил некое подобие схемы. Схема – это скелет, это несовершенная форма. Тем не менее, она понравилась. Если позволите, я ее вам предложу. Мы, богословы, говорим: мир – это творение. При этом существуют три жестких закона. Когда я учился в МИИТе, один профессор сказал: «Ребята, когда будете строить мост, прежде всего ищите треугольник, – он никогда не подведет: это самая жесткая фигура. Если сделать ферму из трех углов, то стоять она будет до землетрясения».

Каковы же основные элементы в треугольнике нашей целостной системы? Прежде всего, это – природа, экология. По-русски «экология» – это «домострой». В «Домострое» (литературном памятнике XVI в.) священник (протопоп)

Сильвестр популярно объяснил великому князю Иоанну IV, как ему себя вести, как устраивать дом, как ставить тесто на пышки, как управлять государством... «Домострой» издавался уже несколько раз. Советую его прочитать. Для чего нужна экология?

Это – средство существования. Нужно выращивать злаки, овощи, фрукты, съедать их, куда-то убирать отходы и продукты распада. Последние два года я занимаюсь, в частности, печами, которые могут с пользой уничтожать весь мусор. Такие печи мы покупаем за рубежом втридорога, но они дымят, засоряют атмосферу, в то время как наши инженеры разработали уже не первый проект более совершенных печей. Печь, созданная нашими инженерами-оборонщиками, сжигает всё. Потом продукт сжигания идет в промышленность чистой фракцией того или иного химического соединения. Этим занимается экономика. Но для того, чтобы правильно всем этим пользоваться, нужны правила поведения – этика. Вот эти три «Э» – экология, экономика, этика – и составляют закон нашей жизни – поверхностно горизонтальной, где мы и существуем.

А откуда всё это? Эта горизонтальная проекция появилась от Разумного Начала – от Бога. (Древнейшее библейское название Бога – Сила, Энергия). Созданным миром управляет Бог. Для того, чтобы управлять, Он и создал человека, поместив его в это горизонтальное пространство и дав ему закон. Чем ближе человек к горизонтальной плоскости, тем больше он приближается к животному существованию. Чем ближе человек к Источнику Энергии – Создателю, тем больше он начинает видеть, что происходит в мире. Либо это плоскостное восприятие, либо – с более высокой точки – более широкий обзор, более емкий. Задача, которую Бог поставил перед человеком, – быть подобным Ему. В Библии прямо говорится: *Я (Бог) сказал: вы – боги* (Пс.81:6; Ин.10:34). Будьте подобны Богу, и тогда вы будете обладать знанием и возможностью использовать все созданные богатства. Но я предупреждал, что это – схема. Схема, рожденная ночью из бананов и трубочек для коктейля. Тем не менее, она получила одобрение. Эта схема и является основой того документа, который в будущем,

2002 году предполагается принять в ООН наравне с «Хартией прав человека». Это – «Правила человеческой жизни», основанные на 10 заповедях, данных Богом на горе Синай бежавшим из Египта людям, и повторенные в более высокой степени уже всем нам Иисусом Христом.

Рассуждать же о том, какова концепция эволюции, очень сложно. Есть два пути познания: путь экспериментальный и путь интуитивный. Весь святоотеческий опыт духовной жизни Церкви говорит именно об интуитивном познании. Человек путем большого углубления в самого себя с определенными правилами поведения, согласно с Божиим Законом, – становится знающим. Есть у апостола Павла великолепные слова: «Душевный человек (то есть «горизонтальный») не может судить о духовном, а духовный может судить обо всем» (ср.: 1Кор.2:14–15). Человек, достигший высшей степени своего духовного развития, приближается к Первоисточнику своего бытия. Он может судить обо всем. Григорий Богослов (замечательный святой отец, мужественный исповедник центральной линии Христианства – Православия, интереснейшая личность, поэт – лирик) сказал однажды, что богословием может заниматься не всякий человек, отнюдь не пресмыкающийся по земле. В «Шестоднев» – творении святого Василия Великого – есть такие слова: некто утверждает, что человек произошел от того-то и того-то. И, в конце концов, – от рыб, то есть вышел из воды... (Еще в античности, в древности был такой тезис). И тот, кто так говорит, – воистину бессмысленнее рыбы.

Последнее, что я хочу еще раз сказать. Дорогие мои, область познания увлекательна. Если бы нечем было заниматься, не нужно было бы ходить на уроки, на лекции и делать другие серьезные дела... Но мы живем на Земле, и поэтому приходится волей или неволей заниматься чем-то и даже политикой. Вам, будущим инженерам, мне бы хотелось дать один совет: старайтесь найти и понять законы, которыми обеспечиваются оптимальные характеристики конструкции, и исполняйте эти законы. Наша Планета, наш мир, наше человеческое сообщество – очень хрупкие конструкции, поэтому

«правила эксплуатации» должны соблюдаться с предельной осторожностью и точностью. Поэтому будьте подлинно строителями, настоящими инженерами, творцами, заботьтесь о том, чтобы из ваших рук выходило всё самое совершенное.

Спасибо!

Церковная история

Преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий

С середины прошлого века и до наших дней преподобным Иосифу Волоцкому и Нилу Сорскому посвящено очень много работ. К сожалению, в большинстве из них, начиная с очерка Н. И. Костомарова (25), доминирует тенденциозная традиция либеральной историографии прошлого века, приверженцы которой настойчиво пытались представить преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского вождями двух противоборствующих направлений в русской духовной жизни.

Насущная задача состоит в позитивном синтезе духовного наследия преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, большой исторической и общекультурной значимости. Наступила пора демифологизировать схему либеральной историографии, почти заслонившую от нас живые лики святых.

Прав профессор Гюнтер Шульц, который в письме (ко мне) от 19 января нынешнего года констатировал, что преподобный Иосиф Волоцкий «до сих пор совершенно не изучен, хотя он – ключ к XVI веку». Следовало бы добавить, что подлинное понимание духовности Русской Православной Церкви, ее крестного пути немыслимо без благодатной помощи наших святых. Именно эта живая неоскудевающая духовная помощь является залогом достойного продолжения служения примирения, совершаемого Русской Церковью в современном мире.

* * *

На протяжении тысячелетней русской истории монастыри служили главным средоточием святой жизни. Значение монастырей в великом деле созидания и распространения русской народности, государственности, культуры далеко еще не оценено полностью.

Несмотря на обилие монастырей, на Руси, как и вообще на православном Востоке, не возникло монашеских орденов. Никогда за частностями, за трудностями, за разногласиями не пропадало чувство единства пути, суетные и политические цели не заслоняли соборного католического единения.

Пути святости

Попытаемся сопоставить жизненные стези обоих великих святых. Сверстники Флорентийского Собора, почти ровесники (Нил был всего на шесть лет старше), они прожили почти одинаковую по длительности жизнь. А вот известия о них совершенно неравноценны. Трудно не согласиться с Г. П. Федотовым: «Жизнь Иосифа Волоцкого известна нам лучше, нежели любого из русских святых» (34, с. 166). Напротив, о жизни преподобного Нила знаем мы очень мало и едва ли потому только, что житие его сгорело во время разорения казанцами вологодских скитов (1538). Быть может, в большей мере отсутствие сведений о нем объясняется смиренной сокровенностью, целомудренной уединенностью, замкнутостью всей его жизни, приведшей его в скит, сделавшей исихастом, запечатленной в удивительном завещании: «Повергните тело мое в пустыни – да изъядят е зверие и птица; понеже согрешило есть Богу много и не достойно погребения... Тщание бо и мне было то, елико по силе моей, да не сподоблен буду чести и славы века сего некотороя, якоже в житии сем, тако и по смерти...» (6, с. 154).

На восьмом году жизни Иосиф, в миру Иван, отдан был учиться грамоте в Волоколамский Крестовоздвиженский монастырь старцу Арсению; рано восчувствовав стремление к иноческой жизни, он побывал в нескольких монастырях и, наконец, двадцати лет отроду принял пострижение в обители святого Пафнутия Боровского. Дед, отец, мать и три брата Иосифа скончались иноками.

Преподобный Нил Сорский, согласно приписке в одной из рукописей, поначалу «бе... скорописец, рекше подъячей, пострижен во иночество...». «Работал Богу моему от юности моя», – говорит он в «Послании во отоцех скорбящему брату», указывая тем самым на раннее пострижение, по всей видимости, в Кирилло-Белозерском монастыре. О родителях его ничего не известно. Сохранилась запись о смерти Нилова

старшего брата Андрея в Кириллове в конце 1502 года (8, с. 126).

Иосиф пробыл в строгом послушании у преподобного Пафнутия 18 лет, не гнушался никакой работой, на протяжении 15 лет ухаживал за своим старым и разбитым параличом отцом, следом за ним поступившим в тот же монастырь и даже жившим с ним в одной келье. Когда преподобный Пафнутий отошел в Небесные обители, Иосифа, любимого ученика старца, единодушно избрали игуменом. Чтобы найти образцы настоящего подвижничества, новый игумен, скрывая свой сан и представляясь учеником благочестивого старца Герасима, обошел вместе с ним многие прославленные русские обители. По возвращении, столкнувшись то ли с упорным нежеланием братии изменить привычный образ жизни, то ли, что всего вероятнее, с настойчивыми посягновениями великого князя на исконные права монастыря (2, с. 244), Иосиф решил основать новую обитель и с семьёю единомысленными иноками отправился в Волоколамск (в вотчину Бориса Васильевича, родного брата великого князя, сохранявшего известную независимость).

Князь Борис отдал в полную волю Иосифу избрать место для нового монастыря. Преподобный основал обитель у слияния рек Струги и Сестры, среди дремучего соснового бора. По преданию, на этом месте издавна слышали звон; перед самым избранием налетевшая на глазах у путников буря повалила лес, и перед ними открылось величественное зрелище долины с зеркальной гладью озера на востоке.

Позднейшее послание волоколамских иноков митрополиту Московскому Ионе сохранило драгоценные сведения о книгах и иконах, принесенных преподобным Иосифом с собою из Боровской обители: «Четыре евангелия тетры (Четвероевангелия), апостол тетр (то есть деяния и послания апостольские в полном составе), две псалтири со всем, Лествица, Ефрем, Дорифей, Василий Великий, Петр Дамаскин, патерик азбучной, два ермолая, четыре иконы, три Рублева письма Андреева» (22, Приложение, с. 57). Этот перечень

красноречиво свидетельствует о глубочайшей аскетической направленности преподобного Иосифа.

Преподобный же Нил после продолжительного пребывания в Кириллове, где он, по свидетельству современников, был учеником знаменитого старца Паисия Ярославова (1501), в 1484 году отказался стать митрополитом; затем он ушел из игуменов Троице-Сергиевского монастыря (26, т. 3, с. 264), отправился в паломничество к святыням Востока, на Афон и в Константинополь (вместе с учеником своим Иннокентием Охлебининым) и пробыл там довольно долгое время. Я. С. Лурье по ряду косвенных данных предполагает, что паломничество Нила свершилось в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов (36, с. 189). Годы совпадают с временем хождения по монастырям преподобного Иосифа.

По всей вероятности, преподобный Нил подвизался на православном Востоке, быть может, на Синае, несколько лет. К этому периоду традиционно относят и формирование его аскетического опыта. Как отмечает профессор Гюнтер Шульц (48), богословские воззрения преподобного Нила определяются синаитским исихазмом – духовной традицией преподобного Григория Синаита (XIV век) и его предшественников. Современный исследователь Н. К. Голейзовский пытался дифференцировать исихазм преподобного Григория Синаита и святителя Григория Паламы (41). Тема чрезвычайно важная и интересная, подлежащая дальнейшему изучению.

Выход преподобного Нила из Кирилло-Белозерского монастыря, вероятно, был вызван настроениями в обители, о которых упоминает посещавший ее преподобный Иосиф Волоцкий: «Старейшие и большие старцы вси отбегоша от монастыря, нетерпяще зрети святого Кирилла предания попираема и отметаема». По свидетельству самого Нила, он оставил обитель «пользы ради душевныя, а не за ино что».

Вот описание местности, избранной преподобным Нилом, оставленное путешественником середины прошлого века: «Дико, пустынно и мрачно то место, где Нилом был основан скит. Почва ровная, но болотистая; кругом лес более хвойный, чем лиственный. Речка Сора, или Сорка, давшая прозвище и

угоднику Божию, не вьется, а тянется по этому месту... Среди различных угодий, которыми изобильна счастливая природа стран белозерских, трудно отыскать место более грустное и уединенное, чем эта пустыня...»(39, с. 80). В этом описании очевидны черты не только сходства, но и контраста с местом, избранным преподобным Иосифом Волоцким. При сопоставлении жизнеописаний обоих святых на передний план выступает существенное сходство путей и обретенного духовного опыта: раннее иночество, долгое пребывание в строгом послушании, книжное научение (оба занимались переписыванием книг), неудовлетворенность сложившимся устройством монастырской жизни, почти единовременное странствие по разным обителям в поисках более строгого уклада (Иосиф обошел наиболее значительные русские обители, Нил – оказавшиеся ему доступными греческие). Наконец, по возвращении преподобный Иосиф основал новый общежительный монастырь со строгим уставом, преподобный Нил учредил иноческий скит по образу скитов афонских.

Облик преподобного Иосифа обрисовывается его современниками очень рельефно. Он отличался мужественностью характера, особой статью, красотой и силой, основательностью и в то же время остротой и гибкостью ума, умелым владением всеми видами монастырских работ, непреклонной волей и физической неутомимостью. Хозяйственность и практический смысл уживались в нем с милосердием, строгость – с сердечностью, непримиримость ко злу – с добротой и заботой о каждой душе вверенного ему Господом словесного стада. Г. П. Федотова удивляет, что «его (Иосифа) личная святость растворяется в подвигах избранного им духовного воинства»... Именно о них (учениках) он постоянно ведет речь: «Молитва Иисусова беспрестанно из уст исходяще. И к всякому пению и началу спешаще» (34, с. 169). Далее Федотов справедливо полагает, что господствующая в Волоколамском уставе идея страха Божия не делает его чрезмерно суровым: «По всему видно, что для Иосифа важна не суровая аскеза, а строгость в соблюдении не слишком

трудного правила. Он сам убежден в нетрудности уставной жизни» (34, с. 172).

Дееписатель святого повествует: «Бяше у Иосифа в языке чистота, и во очесех быстрость, и во гласе сладость, и во чтении умиление» (18, с. 236). Преподобный Иосиф во всем склонен был к мере, своевременности, распорядку: в молитве, в труде, в пище и питии; неизменно был ровен и весел, приветлив в обращении, спокойно вразумляя иноков, взывая к их совести и здравому смыслу. «Вся же тогда Волоцкая страна к доброй жизни прелагашася» (19, с. 52).

Характерную сцену из жизни преподобного Иосифа, почерпнутую в житии, составленном епископом Крутицким Саввой, приводит В. О. Ключевский: «При устройении монастыря, когда у него не было еще мельницы, хлеб мололи ручными жерновами. Этим делом после заутрени усердно занимался сам Иосиф. Один пришлый монах, раз застав игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнул: «Что ты делаешь, отче!пусти меня», – и стал на его место. На другой день он опять нашел Иосифа за жерновами и опять заместил его. Так повторялось много дней. Наконец монах покинул обитель со словами: «Не перемолоть мне этого игумена"» (27, с. 282).

К сожалению, черты характера и облика преподобного Нила почти сокрыты от нас, хотя во всей нашей древней литературе лишь ему было усвоено имя «великого старца». Но не приходится сомневаться, что и к преподобному Нилу приложимы приводимые им слова святителя Василия Великого: «Егда же мудрование благим время и меру уставит, чуден прибыток обретается» (6, с. 144).

Трудное испытание

Главное сочинение преподобного Иосифа Волоцкого «Просветитель» (известно под этим названием после Собора 1553 года) было вызвано появлением так называемой «ереси жидовствующих». О ней писали много, однако должная историческая перспектива обретена так и не была. Сказывается инерция легкомысленного поветрия (коснувшегося отчасти и церковной литературы) слишком снисходительно относиться к еретичеству, пленяться в нем «самобытным» богословствованием, не замечать (или приуменьшать) ее пагубные духовные последствия.

Надо воздать должное интуиции католического иеромонаха Иоанна Кологривова, отметившего, что «почти все темные стороны, существующие в русской духовности, определены ересью жидовствующих» (35, с. 163). К сожалению, в большинстве опубликованных работ преобладает поверхностное, порожденное нередко знакомством не с источниками, а с тенденциозными пересказами отношение к преподобному Иосифу и главному делу его жизни – защите народных святынь.

«Ересь жидовствующих» следует, на мой взгляд, считать серьезнейшим в нашей истории посягновением на самое существо и дух Православия, ибо ее последователи вообще порывали с христианством.

При этом велась целенаправленная атака не только на Тринитарное богословие, но и на Догмат о Боговоплощении (Христос как один из пророков), отрицался культ святых, отвергались церковные Таинства, иконопись, честное иночество. Таким образом, ниспровергались основы духовной жизни, уклада и мышления русского человека, ибо посягательство на Небесное неизбежно вело к разрушению земного. Симптоматична моральная деградация вовлеченных в ересь, которая была обнаружена архиепископом Новгородским Геннадием в 1486 году, когда ее адепты в пьяном виде обличали друг друга. Ни для кого не были секретом

нравственные дефекты подверженного ереси митрополита Зосимы (31, т. 2, ч. 1, с. 575).

При характеристике «ереси жидовствующих» следует учесть привнесенность ее из-за рубежа купцом-авантюристом международного масштаба Схарией; преимущественное распространение в высшем господствующем слое общества; тайный характер учения по существу, по форме выражения и по образу действия; антигосударственный и антинародный пафос при одновременном и чуть было не осуществившемся стремлении узурпировать наследие великого князя; заигрывание с боярской и местнической оппозицией; показное фарисейское благочестие и нравственная неразборчивость; лукавая попытка найти поддержку у простодушных заволжских старцев.

Зарубежные связи жидовствующих, сродные явления в духовной жизни Западной Европы и Османской Порты подлежат еще глубокому изучению и анализу.

Особенно важно учесть, что борьба происходила в период становления независимой Русской Державы, сделавшейся главным оплотом Вселенского Православия. Речь, таким образом, шла не только о судьбе России, но и о будущем Православия.

Так что сравнение преподобного Иосифа Волоцкого с былинным русским богатырем вполне уместно. Преподобный Иосиф и Новгородский архиепископ Геннадий, словно Ослябя и Пересвет, которых благословил на бой великий игумен земли Русской Преподобный Сергей Радонежский, мужественно преградили путь коварному и изощренному врагу, прокравшемуся к самому кормилу державной власти.

«Просветитель»

Преподобный Иосиф Волоцкий занимает особо видное место в ряду богословов Древней Руси. Главное сочинение его «Просветитель», писавшееся долгие годы, едва ли не первое обширное фундаментальное богословское сочинение на Руси, настоящая богословская энциклопедия своего времени, в которой сведены воедино догматические свидетельства всех известных тогда на Руси святых отцов и учителей Церкви. Даже такой обычно скептически настроенный ученый, как Е. Е. Голубинский, отмечал: «Утверждать, будто все богословствование Иосифа состоит только в голых выписках из отцов, без всякого участия его собственного богословствующего разума, значит доказывать, что книга вовсе не читана» (31, т. 2, ч. 2, с. 221).

Вот как характеризовал литературные достоинства «Просветителя» один из первых его исследователей священник Н. А. Булгаков в середине прошлого века: «Слог «Просветителя» из церковнославянского переходит в простую общепонятную русскую речь. В нем нет темных старославянских выражений, нет и вышедших в то время из употребления в литературе простонародных слов. Ясность изложения, округленность речи и вместе плавность выражения – вот достоинства «Просветителя» по языку. Поэтому-то без особенного усилия, почти без всякого перевода сочинение это с удовольствием можно читать даже в настоящее время» (19, с. 134).

Невозможно дать анализ богословского содержания «Просветителя» в кратком докладе. Во многом это остается еще задачей будущих исследователей.

Чрезвычайно важно, что начинает преподобный Иосиф Волоцкий с самого основополагающего – первое слово посвящено изложению православного учения о Пресвятой Троице. Поистине, это целый трактат, превосходно составленный, как бы в зародыше содержащий «особую философскую терминологию русского языка» (35, с. 218). Как

отмечает один из современных исследователей, преподобный Иосиф отправляется от провозглашения акта простой веры, но веры целенаправленной, избирательной по отношению к авторитетам. «Ориентируясь на комплекс религиозно-философских идей Нового Завета, русский богослов сразу же отрешивается от культурного наследия языческого прошлого» (49, с. 33), опирается на методологические установки преподобного Иоанна Дамаскина.

Позвольте остановиться на двух моментах в «Просветителе», часто обсуждавшихся, однако и поныне вызывающих много недоумений.

1. Учение «о прехищрении и коварстве Божиим» в четвертом слове, развивавшееся впоследствии и митрополитом Даниилом (22, с. 344). Восходит ли оно к Григорию Амиритскому, как предполагал Е. Е. Голубинский (31, т. 2, ч. 2, с. 220), следуя за В. Жмакиным (22, с. 347)? Во всяком случае, оно ничего не имеет общего с пагубным девизом «цель оправдывает средства». Недоразумение порождено сдвигом семантики слов, одной из немалых трудностей в освоении церковнославянского наследия. Близость языка зачастую создает обманчивую понятность. Выдающийся русский филолог-славист академик И. И. Срезневский (1812–1880) переводит слово «прехищряти» – «побеждать, одолевать» и приводит пример из списка «Лествицы» XII века: «Прехищряет премудрый бесовско злохытрство человеческом умышлением», то есть слово относится к действию премудрого, отнюдь не воспринимается в приниженном стиле. Следовательно, на неправильном прочтении основывается утверждение И. Кологривова, что преподобный Иосиф «высказывает по меньшей мере странную мысль, что Бог, Воплощением Сына, «перехитрил дьявола»» (35, с. 219). Не перехитрил, а победил!..

Точно так же основным значением слова «коварство» в старину было – мудрость, проницательность, проникновение в скрытый смысл явления, мудрый образ действия. Вот пример из Геннадиевской Библии 1499 года: «А еже разумети закон – помышления есть блага, сим бо коварством много поживеши лет» (см. «Словарь русского языка XI-XVII веков». Вып. 7. – М.,

1980, с. 212). Учитывая эти пояснения, становится очевидным, что преподобный Иосиф в четвертом слове развивает очень глубокие богословские идеи: о сокровенном действии Божиим, о Божественной сверхразумности и непостижимости, тесно связанные с апофатической основой всякого истинного богословия.

2. Отношения преподобного Иосифа с великокняжеской властью складывались отнюдь не идиллически. Уход преподобного из Пафнутиево-Боровского монастыря (1479), по всей вероятности, был вызван грубым вмешательством князя в дела обители (2, с. 244). В 1490 году последовало противостояние преподобного княжеской власти, подпавшей влиянию ереси жидовствующих. Схватка с еретиками не закончилась и с победой на Соборе 1504 года. Напомним только, что вскоре после этого Собора соратник преподобного Иосифа Волоцкого архиепископ Новгородский Геннадий был оклеветан еретиками и низложен. Наконец, в 1508 году преподобный Иосиф, испытав гонения волоколамского князя, требования которого нарушили строгий порядок в обители, перешел под непосредственную власть великого князя. Однако как раз в это время «человеком необходимым, настоящим временщиком» при великом князе становится «старец-пустынник» князь Вассиан Патрикеев, уже тогда убежденный противник преподобного Иосифа. Следует также подчеркнуть, что преподобный Иосиф никогда не идеализировал царской власти, а порой подвергал ее суровой критике, например в седьмом слове «Просветителя».

Тем значительнее принципиальная установка преподобного Иосифа Волоцкого на симфонию между Церковью и Государством, в соответствии с идеалом, выраженным Преподобным Сергием Радонежским, в основании которого лежит непоколебимое убеждение в онтологическом единстве Народа, ибо и Государство есть не что иное, как образ соборного народного единения.

Следует особо сказать о вкладе преподобного Иосифа в создание первой Русской Библии 1499 года, известной в науке преимущественно как «Геннадиевская Библия» – по имени

архиепископа Новгородского Геннадия. В создании этого первого полного рукописного свода всех библейских книг, по всей вероятности, принимал участие в качестве сподвижника святителя Геннадия Новгородского преподобный Иосиф. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с библейскими книгами, принадлежавшими преподобному Иосифу (ныне в Собрании Иосифо-Волоколамского монастыря. См.: Отдел рукописей ГБЛ, ф. 113; ГИМ, Отдел рукописей, Епархиальное собрание).

Духовная близость и значение преподобных Иосифа и Нила

Особое внимание следует уделить усердно обсуждаемой поныне проблеме противостояния «иосифлян» и «нестяжателей». Большинство историков позиции преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в вопросах монастырского устройства противопоставляются, при этом делаются далеко идущие выводы. Преподобному Иосифу, например, приписываются слова из «Письма о нелюбках иноков Кириллова и Иосифова монастырей», написанного не ранее 1532 года (2, с. 295), то есть спустя много лет после его кончины. Анализ реальных памятников приводит к заключению, что налицо глубокое заблуждение. Устав преподобного Иосифа Волоцкого отнюдь не противоречит монашескому обету нестяжательности: «Хотяй сподобитися Божественныя благодати в нынешнем веце и в будущем, должен есть имети совершенное нестяжание и христолюбивую нищету...» (Великие Минеи-Четии, Сентябрь 23).

Противопоставляя «иосифлянство» нестяжательству, последнее обыкновенно рассматривают как социально-этическое и богословское оправдание секуляризационной политики Ивана IV, направленной к ликвидации церковного землевладения. Между тем, как убедительно показал в своей недавно (в марте 1987 года) защищенной диссертации А. И. Плигузов, аргументы правительства Ивана IV, которыми оправдывалась секуляризация монастырских земель, «лишь в ничтожной степени представляли собой развитие учения нестяжателей» (51, с. 21). В целом же эта политика отражала существо феодализма и являлась исторически закономерным вариантом решения вопроса об отношениях Церкви и государства.

Мне уже приходилось говорить, что отдельные разногласия между преподобными Иосифом и Нилом относились к тем или иным формам существования монашеской жизни, но не к ее сути, в которой они были между собою совершенно согласны.

Не следует забывать и того, что преподобный Нил писал ученикам своим, которые вели скитский образ иноческого подвижничества; придавать этим посланиям более общее значение следует с крайней осмотрительностью. Как письма «великого старца» они духовно насыщены, но сила их порой не в конкретных обобщениях, а в устремленности к духовной жизни, в стоящем за ними опыте иноческих подвигов. Сводить все их богатое содержание к отыскиванию аргументов против монастырского землевладения – значит совершать логическую ошибку. Преподобный Нил сосредоточен на самом главном, на том, что не меняется с изменением хозяйственно-экономического уклада: «Се же есть укрепление в борении подвига нашего, реченное во всех Писаниях, да не омалодушимся, ни унываем, егда ратовани будем зельне лукавыми помыслы, ни престанем от течения пути, еже в подвизе» (6, с. 57).

И в этом с преподобным Нилом в безусловном единомыслии пребывает и преподобный Иосиф, человек практический, хозяин и организатор, укрощающий хаос силой обретаемой духовной красоты, погруженный в непрестанную молитву, не забывающий о людских бедах и страданиях, не страшась дисциплины и принуждения, пекущийся не только о «телесном благообразии», но и о «внутреннем хранении».

Из анализа современных преподобным Иосифу и Нилу источников не видно, чтобы они вступали в конфронтацию. И хотя историки уверяют, что заволжские старцы чуть ли не поддерживали ересь, вот компетентное свидетельство видного современного ученого Г. М. Прохорова (ИРЛИ): «Из написанного собственноручно Нилом Сорским нам сейчас известны три тома составленного им и отредактированного «Соборника», содержащего переводные с греческого языка жития святых, расположенные по дням празднования (начиная с сентября и кончая августом), а, кроме того, (в одной рукописи) выписки из сочинений византийских писателей-аскетов, конец скитского устава и начало его собственного «Предания» и (в другой рукописи) сделанный при его значительном участии древнейший из сохранившихся список антиеретического «Просветителя»

Иосифа Волоцкого» (45, с. 703). Итак, при значительном участии преподобного Нила сделан древнейший из сохранившихся списков «Просветителя». Можно ли после этого говорить о его сочувствии еретикам? С другой стороны, имеются достоверные сведения, что ученики преподобного Иосифа переписывали сочинения Нила Сорского для библиотеки Волоколамского монастыря (37, с. 312).

В вопросе об отношениях преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского и их значении для русской культуры в целом решающее значение имеет этот существенный фактор – факт их взаимодействия. Нередко в сочинениях преподобного Нила Сорского встречаются тексты, принадлежащие преподобному Иосифу Волоцкому. «Сочинения обоих авторов очень часто встречаются вперемежку. Для примера, – отмечает исследователь литературной деятельности Нила Сорского М. С. Боровкова-Майкова, – можем указать Волоколамскую рукопись Иосифова монастыря (ГИМ, Епарх. № 351–486), где читаем: «Сия книга глаголемая Нил Заволжский» – там же и сочинения Иосифа; Софийскую (ГПБ, ЦДА № 1460, XVI в. – М. П.), где листы 127–315 заняты сочинениями Иосифа Волоцкого, а с листа 315-го начинаются послания Нила; той же библиотеки № 1489, XVI века, где послания Иосифа и Нила, а также и Устав последнего идут сменяя друг друга».

Такие совпадения отнюдь не случайны, а глубоко закономерны.

И если профессор Гюнтер Шульц отмечает, что в самом средоточии богословствования преподобного Нила стоят изречения отцов, синаитский исихазм, столь приближающийся, как мы уже указывали, к преподобным Иоанну Лествичнику, Ефрему и Исааку Сириным, и питаемый из этих источников монашеский идеал духовного отца, то не с меньшим основанием можно применить вышесказанное и к преподобному Иосифу Волоцкому. По-видимому, он не был знаком с сочинениями Григория Синаита, но духовность его коренится в той же традиции. В описи Иосифо-Волоколамского монастыря, составленной в 1573 году, в числе книг, переписанных собственноручно преподобным Иосифом, упоминаются кроме

Евангелия, Апостола и Псалтыри – «Лествичник, Соборник из отеческих книг, Григорий Богослов...» (18, с. 248). Недаром преподобный Иосиф направлял к преподобному Нилу своих учеников, любивших уединение, таких, как Дионисий Звенигородский и Нил Полев (18, с. 245).

И совсем не случайно, как заметила еще М. С. Боровкова-Майкова, помянник преподобного Иосифа Волоцкого начинался именем преподобного Нила Сорского, а помянник преподобного Нила Сорского – именем преподобного Иосифа Волоцкого (см. 38).

В свое время протоиерей Георгий Флоровский (16, с. 21) (см. аргументацию подробно у Ф. Лилиенфельд: 23, с. 126–133) отметил близость употребления термина «Святое Писание» у преподобных Нила и Иосифа. Они прилагают его и к святоотеческой литературе, и к патерикам, вопреки бытующим представлениям об особой критичности преподобного Нила Сорского и совершенной некритичности преподобного Иосифа Волоцкого. Как отметили другие авторы (ЖМП, 1965, № 9, с. 73), преподобный Иосиф в восьмом слове «Просветителя», доказывая достоверность и истинность отеческих писаний, ибо они согласны с апостольскими, строго проверяет хронологию, устанавливает ошибку, допущенную переписчиком книги. Кстати, в десятом слове преподобный Иосиф доказывает верность и истинность сочинений святого Ефрема Сирина, отвергавшихся еретиками. Знаменательно, что в скиту у преподобного Нила при его жизни боковой придел храма был посвящен святому Ефрему Сирину (23, с. 82).

Расходились же между собой преподобные Нил и Иосиф лишь в сравнительном предпочтении скита и общежительной обители и в вытекающем из этого предпочтении различии иноческого идеала – умереть ли для всякого земного попечения или же быть «мужем дела» и примирить иноческий аскетизм с практической деятельностью на благо народа. Как справедливо замечает Н. А. Булгаков: «Все, что выработалось предшествующей общежительной жизнью русского монашества, было сосредоточено, упорядочено, пережито и окончательно развито преподобным Иосифом» (19, с. 314). Выражаясь же

словами самого преподобного Иосифа, «многая бо в писаниих видятся, яко сопротивляющиеся друг другу, и овоща убо сице глаголют, овоща же инако. Се же бывает от нашего неразсуждения, или от преобидения, или от прозорьства: словеса же святых мужей не изменяются, но мы плотяни суще, духовная мудрствовати не можем, яже некто от Святых рече» (1, с. 110).

* * *

Несколько слов об Уставе преподобного Нила, который является кратким руководством к духовной жизни в скиту. Трудно предполагать у уединенно живущего скитника наличие большого числа книг. Ведь книги на Руси в то время еще переписывались вручную. «Заслуга Нила только в том, – отвечает митрополит Макарий, – что он собрал мысли отцов о внутреннем подвижничестве, рассеянные в их творениях, свел в одно стройное целое и, для удобнейшего использования, предложил русским инокам в возможно сжатом виде» (30, т. 7, с. 78–79). Тем не менее значение Нилова устава оказалось много шире, нежели он сам мог предположить, – немногословный и понятный, духовно просветленный его Устав послужил многим поколениям иноков и в скитских, и в общежительных обителях. Знаменательно, что самая древняя прижизненная Нилу рукопись его Устава находилась в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря (8, с. 130). Противопоставлять Устав Нила Уставу Иосифа нет никаких оснований: преподобный Иосиф почти наизусть знал книги, по которым преподобный Нил составил свой Устав.

Преподобного Иосифа часто упрекали в сугубом увлечении уставным благочестием, в пристрастии к церковному обрядоверию. Действительно, он глубоко чувствовал эстетику Православия, глубочайшую красоту православного богослужения, вызывающего в русском человеке самые лучшие нравственные чувства. Только человек духовно чуждый России может остаться безразличным к высокому чину «како во обители приходит к брату» (2, с. 320–321), не увидеть явленный живой образ той небесной смиренной красоты, которая, по пророчеству Ф. М. Достоевского, «спасет мир».

В весьма трудное, поворотное время для Русской Церкви Иосифо-Волоколамский монастырь явился подлинной школой церковной иерархии. На протяжении неполного века около двадцати постриженников монастыря стали архипастырями. Следует учесть, что в то время на Руси было всего десять епархий. Как заметил В. Жмакин, «многие из них долгое время играли видную роль, но большая часть их не доживала до конца жизни на своих высоких постах» (15, т. 7, с. 436). Судьба духовной традиции преподобного Иосифа Волоцкого и история так называемого «иосифлянства» заслуживают глубокого и беспристрастного изучения; только уяснив ее, можно по-настоящему понять XVII век в России, дело Патриарха Никона и трагедию раскола.

В доме Отца Моего обителей много (Ин.14:2). Глубокий синтез обоих направлений иноческой икономии: самобытно русского, Сергиевского, унаследованного и развитого преподобным Иосифом Волоцким, и афонско-исихастского, практиковавшегося заволжскими старцами во главе с преподобным Нилом Сорским, по-новому зазвучит и откроется в духовном опыте схиархимандрита Паисия Величковского, Саровской и Оптиной пустынях, их благодатными киновиями, скитниками и отшельниками XVIII-XIX столетий.

Сегодня, глядя в светлые лики святых Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, и впрямь можно поверить, что «Русская земля благочестием всех одоле». Ибо перекуют мечи на орала лишь тогда, когда все страны примутся «одолевать» друг друга благочестием, к чему и призывает неустанно наша Святая Православная Церковь в канун своего знаменательного Тысячелетия.

Библиография

1. *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Просветитель. Казань, 1882.
2. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
3. Клосс Б. М. Неизвестное послание Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973.
4. Волоколамский патерик // БТ. Сб. 10. М., 1973.
5. Житие преподобного Иосифа Волоколамского // ЧОИДР. 1903. Кн. 3.
6. Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим. М., 1849.
7. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
8. Прохоров Г. М. Послание Нила Сорского // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974.
9. Минеи-Четьи по св. Димитрию Ростовскому. М., 1901.
10. Жития Святых. Книга дополнительная первая. М., 1908.
11. Троицкий патерик. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896.
12. Тверской патерик. Казань, 1908.
13. *Питирим, архиепископ Волоколамский*. Основные проблемы современного богословского исследования // БТ. Сб. 5. М., 1970. С. 215–226.
14. *Питирим, архиепископ*. Церковь как претворение Тринитарного Домостроительства // ЖМП. 1975. № 1. С. 58–76.
15. Богословская энциклопедия. СПб., 1901–1911.
16. *Флоровский Георгий, протоиерей*. Пути русского богословия. Париж, 1937.
17. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей. СПб., 1895.
18. Казанский П. С. Иосиф Волоцкий. Прибавление к Творениям святых отцев. М., 1874.
19. Булгаков Н. А., священник. Преподобный Иосиф Волоколамский. Спб., 1865.
20. Хрущев И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1968.

21. Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882.
22. Жмакин В. Митрополит Даниил. М., 1881.
23. Лилиенфельд фон Фери. Нил Сорский и его труды. Кризис традиций на Руси Ивана III. Берлин, 1963 (на нем. яз.).
24. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1901.
25. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях. СПб., 1873.
26. Соловьев С. М. История России. М., 1960.
27. Ключевский В. О. Сочинения. М, 1959.
28. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых. М., 1871.
29. Платонов С. Ф. Лекция по русской истории. СПб., 1913.
30. Макарий (Булгаков), митрополит Московский. История Русской Церкви. СПб., 1870.
31. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1900.
32. Знаменский П. В. Учебное руководство по истории Русской Церкви. СПб., 1896.
33. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959, Т. I.
34. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Нью-Йорк, 1959.
35. Кологривов Иоанн, иеромонах. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.
36. Лурье Я. С. К вопросу об идеологии Нила Сорского // ТОДРЛ. Т. 13. Л., 1957.
37. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI вв. М.; Л., 1960.
38. Боровкова-Майкова М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912.
39. Цыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1907.
40. Голейзовский Н. К. Послание иконописцу//Византийский временник. Т. 26. М., 1965.
41. Голейзовский Н. К. Исихазм и русская живопись // Византийский временник. Т. 29. М., 1968.
42. Лазарев В. Н. Русская иконопись. М., 1983.
43. Завитневич В. З. А. С. Хомяков. Киев, 1903.

- 44.** Хомяков А. С. Сочинения. М., 1901.
- 45.** Памятники литературы Древней Руси. Конец XV века. М., 1984.
- 46.** Смолич И. К. Великий старец Нил Сорский. (К истории русского старчества) // Путь. 1929. № 19.
- 47.** Депман Х. Д. Влияние Церкви на московскую государственную идею (государственное и общественное мышление у Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и Вассиана Патрикеева). Берлин, 1967 (на нем. яз.).
- 48.** Шульц Гюнтер. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, или проблема движения нестяжателей в России первой трети XVI века // Богословские попытки. Т. XIII. Берлин: «Евангелише Ферлагсанштальт», 1983.
- 49.** Абрамов А. И. Общие и отличительные черты философствования Иосифа Волоцкого // Философская мысль на Руси в позднее средневековье. М., 1985.
- 50.** Бутузкина Е. И. Религиозно-этические взгляды Нила Сорского // Там же. С. 68–76.
- 51.** Плигузов А. И. Памятники раннего «нестяжательства» первой трети XVI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1986.

Патриарх Сергей в истории восстановления патриаршества

25 лет прошло со времени кончины Святейшего Патриарха Сергия (15 мая 1944 года). Личность его, бесспорно, знаменует собой эпоху в истории Русской Церкви. Ему выпал жребий действовать в исключительной исторической обстановке, и к этому он был как бы нарочито подготовлен всей своей жизнью. Воспитанный в церковной среде, сам происходивший из духовного сословия, он рано вступил на широкий путь церковно-общественной деятельности: в Русской Духовной Миссии в Японии, в дипломатической среде в Константинополе, в Финляндской епархии и, наконец, как ректор С.-Петербургской духовной академии, непререкаемый участник Религиозно-философских собраний в Петербурге, член и руководитель предсоборных собраний. Весьма характерно, что при большом личном авторитете и принципиальной православно-церковной позиции будущий Патриарх никогда не подавлял приоритетом своей личности свободы участия других в общем деле, оставаясь в общем ряду совершителей церковного послушания, но принимая при этом лично на себя всю тяжесть ответственности за него. Характерны в этом смысле памятные слова, произнесенные им в день его патриаршей интронизации 12 сентября 1943 года: «Теперь, когда я облечен высоким званием Патриарха, уже нельзя говорить о том, что кто-то другой исправит ошибки и сделает недоделанное, а нужно самому поступать безошибочно, по Божией правде и вести людей к вечному спасению» («ЖМП», 1943, № 2, с. 8). Именно такое сознание руководило этим выдающимся иерархом в его церковных деяниях во все периоды его жизни.

Патриарх Сергей вовсе не единичное явление в русской церковной истории XX века. Являясь младшим соратником Патриарха Тихона, он действовал во имя истины Христовой, так же, как и многие другие епископы, священники, монахи, миряне в принципиально новых условиях церковного строительства, но на него пало избрание Промысла Божия совершить трудное

дело организации церковного управления в новых общественных условиях. Исключительное значение Патриарха Сергия для Русской Церкви может быть по-настоящему понято только перед лицом всего хода церковной истории предшествовавших десятилетий. Без этого невозможно уяснить как истинное значение восстановления патриаршества, так и последовавшие за ним расколы и нестроения, которые в течение двух десятилетий волновали Церковь, и в особенности каноническую борьбу с ними Митрополита, а затем и Патриарха, Сергия. С полным основанием можно утверждать, что расколы, казалось бы, проявившиеся впервые только на Поместном Соборе 1917–1918 гг., и карловацкий и обновленческий, своими корнями уходят на десятилетия назад. И тем важнее проследить в истории борьбы за восстановление патриаршества ту подлинно церковную, канонически обоснованную позицию будущего Патриарха Сергия, которая последовательно раскрывалась в ходе церковной истории XX века.

Движение за восстановление канонического управления в Русской Православной Церкви началось еще в середине прошлого века. Мотивом его послужил не только гнет чиновничье-консistorской системы, но, что более важно, усиление богословской мысли. Не случайно еще в 50-х годах авторитетнейший богослов митрополит Филарет (Дроздов) поддерживал идею о созыве с этой целью Поместного Собора. Ту же мысль высказывали епископ Нектарий (Надеждин), митрополит Арсений (Москвин), митрополит Иоанникий (Руднев), митрополит Иннокентий (Вениаминов), епископ Никодим (Казанцев). Однако до 1892 года мысль о восстановлении канонического соборного управления не становилась достоянием гласности. Первые высказывания о том появились почти одновременно в журналах Московской и Санкт-Петербургской духовных академий (А. Беляев. К истории недавнего прошлого. «Богословский вестник», 1892, № 5; О соборном управлении в Русской Церкви. «Церковный вестник», 1892, № 47).

Со временем стремление к каноническому управлению усиливалось и вместе с тем обострялось сознание недостатков, существовавших тогда в Церкви. Молодой епископ Сергей, только что вступивший в управление Петербургской духовной академией, был одним из тех, кто ясно видел их причины. «Незаметно для себя, – говорил он 22 октября 1901 года, – мы и верой нашей стали дорожить лишь потому, что на ней покоится наша государственная мощь, благоустройство нашей общественной жизни, наше существование, как самостоятельного народа. Рядом с... громкими заявлениями о своем православии мы остаемся равнодушными к самому существенному, не замечаем, что жизнь наша, и частная, и общая, устрояется совсем не по-православному, не на тех началах, которые преподает нам вера» («Церковный вестник», 1901, № 44). Однако епископ Сергей не впадал в нигилистическое отрицание синодального периода в целом, отмечая, что «внешняя административная перемена, как бы ни была она радикальна, никогда не может повредить внутреннего, мистического и догматического существа Церкви. Последняя всегда останется свободной» (там же).

Знаменателен факт, что на открывшихся в 1902 году Петербургских Религиозно-философских собраниях, привлечших к себе большое внимание церковной общественности, председательствовал именно епископ Сергей, неоднократно выступавший на собраниях с разъяснением подлинных начал церковности. Выступая по докладу С. Волконского, он подчеркивал необходимость того, чтобы «идеалы Церкви были признаны безусловно неприкосновенными... Я говорю не о свободе духовной власти от светского вмешательства. Это вопрос ничтожный. Я говорю о том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими» («Записки Петербургских религиозно-философских собраний 1902–1903 гг.». СПб., 1906, с. 164). Ту же мысль подчеркивал он и в выступлении по докладу Д. Мережковского, говоря, что «Русская Церковь всегда была больше органов своего управления. Если бы уничтожить, отменить эти органы, можно ли будет сказать, что Русская Церковь перестала существовать?» (там же, с. 76).

Хотя восстановление канонического управления мыслилось лучшими представителями Церкви именно в форме патриаршества, впервые публично подобная мысль была высказана в 1903 году Л. Тихомировым в цикле статей, объединенных в сборнике «Запросы жизни и наше церковное управление» (М., 1903). Вопрос был настолько болезненным, что сразу был поддержан в церковных кругах, в особенности в Московской духовной академии («Богословский вестник», 1903, № 4, 9, 11). В конце 1904 года сознание необходимости назревших перемен в Церкви стало настолько сильным, что явилось предметом уже официального обсуждения. Характерно, что в документе о необходимости восстановления канонического управления и патриаршества имеется ссылка на мнение епископа Сергия («Слово», 1905, № 108). Одновременно стал готовиться декрет об отмене юридических привилегий Православной Церкви, необходимость чего также давно дискутировалась в церковных кругах.

Казалось бы, что отмена юридических привилегий ставила Православную Церковь с внешней стороны в невыгодное положение. Но Преосвященный Сергий думал об этом иначе. Еще на религиозно-философских собраниях в 1903 году он, выступая по докладу А. Карташева, говорил, что Церковь не должна насильно задерживать в своей среде тех, кто хочет оставить ее. «Апостол Павел, – по словам епископа Сергия, – не сказал Тимофею, чтобы всякий, кто хочет оставить Церковь, в ней задерживался, чтобы ему не давали права выходить из нее» («Записки Петербургских религиозно-философских собраний», с. 189).

А накануне отмены юридических привилегий Православной Церкви он пророчески сказал: «После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная и не прикрытая ничем прямо на поле брани... Ей, гряди, Господи Иисусе! Да возгорится и у нас на Руси Твой очистительный и освящающий огонь, да откроется и у нас Твоя великая брань! В этом начало истинной церковной жизни, путь к исцелению наших церковных нестроений и язв, путь к конечной

победе и торжеству света над тьмой, истины над заблуждением» («Церковный вестник». 1905. № 8).

Вскоре митрополит С.-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский) представил записку о желательных преобразованиях в управлении Православной Церковью, так, чтобы дать ей возможность руководствоваться церковными канонами («Церковный вестник». 1905. № 15). Рассмотрев записку митрополита Антония, Синод постановил ходатайствовать о **созыве Поместного Собора и восстановлении патриаршества в России** (Ф. Б. Благовидов. К работе общественной мысли по вопросу о церковной реформе. Казань, 1905).

Борьба за восстановление патриаршества приняла драматический характер. Это достаточно хорошо видно из выступления епископа Сергия 20 марта 1905 года. Говоря о необходимости церковных реформ, он заметил, что «не все рады этой перемене, и уже раздаются голоса, что свободы хотим только мы – пастыри Церкви – от внешнего государственного контроля за нашим поведением и служением, свободы делать в Церкви, что мы хотим... Да смолкнут эти недоброжелательные голоса, не желающие видеть ни Церкви Божией, ни ее истинных нужд!

Не о такой свободе мы думаем и молимся: такая свобода была бы для Церкви лишь новым порабощением, может быть, худшим всякого другого... Мы молимся о свободе для самой Божией Церкви, о восстановлении для нее единственно правильной и законной жизни, сообразной ее природе, при котором голос Церкви слышен и обязателен для всех ее чад, в котором пастыри являются отнюдь не хозяевами и господами положения, а несменными слугами общего спасения» («Церковный вестник», 1905, № 12).

Однако противники восстановления патриаршества постарались сделать все, чтобы помешать бурному развитию этого процесса.

Обер-прокурор К. П. Победоносцев 25 марта 1905 года в конфиденциальном письме царю предостерегал, что в случае восстановления патриаршества «Церкви и соединенным с нею

учреждениям грозит разрушение – с ними поколеблется и вера» (СТ. «Всероссийский церковно-общественный вестник», 1917, 21 октября). В тот же день с резкими нападками на сторонников восстановления патриаршества и в особенности на митрополита Антония выступили некоторые органы печати, в частности «Московские ведомости» (25 марта). Через несколько дней, 30 марта 1905 года, К. П. Победоносцев снова предпринимает демарш против идеи о восстановлении патриаршества. Его влияние превозмогает, и 31 марта 1905 года издается указ о невозможности в данное время созыва Собора с целью восстановления патриаршества («Церковные ведомости», 1905, № 14).

Противники восстановления патриаршества ликовали. Знаменательно, однако, что в числе их было отнюдь не духовенство. Так, например, в Москве было устроено собрание, обсуждавшее мероприятия митрополита Антония. Все собрание, – признают «Московские ведомости», – за исключением духовенства, выступило против Собора, а «все присутствовавшие духовные лица резко разошлись с мирянами» (1905, 6 апреля). Изменение церковного управления, – запугивал А. Басаргин в «Московских ведомостях», – «не создаст ничего лучшего, а скорее погубит и те остатки хорошего, которые уцелели в нашей церковной жизни» (1905, 9 апреля).

Епископ Сергей, как один из главных сторонников восстановления патриаршества, направил письмо противникам Собора в Москве, показывая им всю пагубность сопротивления церковным преобразованиям («Русское дело», 1905, № 15). Причину такого сопротивления он видел в смешении двух точек зрения: церковной и государственной. Это смешение приводило к догматизации известной трехчленной формулы «самодержавие, Православие, народность», в которой исторически изменчивая форма общественного строя приравнивалась к основам веры. Столь же недопустимой была гиперболизация национального принципа, ибо во Христе «несть эллин, несть иудей». Тем не менее, из людей, сопротивлявшихся восстановлению в Церкви канонического

управления, сформировалось некое течение, послужившее идейной основой церковно-монархических тенденций в период Всероссийского Поместного Собора и карловацкого раскола впоследствии.

Разумеется, в этом течении было много искренне заблуждавшихся людей, но среди них были и различного рода чуждые Православию люди, весьма исчерпывающую характеристику которых дал в свое время «Церковный вестник» (1907, № 15). По словам журнала, такие люди «преследуют классовые политико-экономические интересы, лишены глубокого и искреннего религиозного чувства и, в действительности, пользуются религией, своеобразно притом понимаемой, как средством в своей ожесточенной борьбе против исканий всякого рода «униженными и оскорбленными» тех прав, которые утверждаются и признаются прежде всего именно христианством и вопрос о которых особенно решительно поставлен был также именно христианством.. . Для таких людей действительно не существует Православия, как веры, господствующей над всеми другими интересами человека».

Однако это была не единственная опасность в Церкви. Уже в марте-апреле 1905 года на сцену выступают сторонники так называемого «обновления Церкви», в полной мере проявившие себя в 20-х годах. На первых порах «обновленчество» выступало за созыв Собора, на котором предполагалось восстановить патриаршество. Однако наряду с этим в их требованиях появились и явно нездоровые тенденции, внушавшие опасения. Так, 15 марта 1905 года 32 петербургских священника выступили в поддержку церковных преобразований, но те же священники 26 мая в «Церковном вестнике» фактически предполагали перенести в Церковь парламентские методы, а также проявляли явное стремление белого духовенства освободиться от контроля епископов. Эта тенденция была сразу же замечена епископом Сергием, который снабдил проект от 26 мая следующим примечанием: «Слабая сторона представленного проекта в его сословности. Боясь влияния епископов, автор хочет большую часть голосов отдать

белому (не низшему) духовенству, позабывая, что и оно не избрано народом... Едва ли много доверия вызовет к себе такой «собор» и едва ли он может быть признан выразителем церковного сознания» («Церковный вестник», 1905, № 21).

Чтобы понять причины этого явления в тогдашней жизни, надо прежде всего напомнить о сословном характере тогдашнего духовенства. Дело в том, что для детей духовного звания практически единственным или, по крайней мере, наиболее легким и привычным путем представлялось духовное, т. е. семинарское и академическое, образование и последующее церковное служение. Или же было необходимо порывать со своей средой и искать иных путей образования и службы. С другой стороны, доступ в духовное звание из других сословий был формально ограничен. Это приводило к тому, что семинарии, академии и причт подневольно наполнялись людьми, подчас равнодушными к вере, иногда даже и чуждыми ей. В тот переломный момент церковной истории некоторые представители духовенства поддерживали вовсе не восстановление канонического управления в Церкви, а думали прежде всего о сословных материально-правовых интересах. При этом сильно было влияние околоцерковной публицистики, культивировавшей отрицательное отношение к исторической Церкви.

И если первый бой с будущими «карловчанами» наравне с митрополитом Антонием принял епископ Сергей, то на него же пало и первое столкновение с «обновленцами», что как бы предвосхищало его будущую каноническую борьбу 20-х – 30-х годов.

Действительно, как показали последующие события, подозрения епископа Сергея, высказанные им по поводу письма 32-х, были отнюдь не напрасны. Уже 28 мая 1905 года в либеральной газете «Слово» появилась вызывающая статья Ф. Белявского против епископа Сергея, в которой, помимо прочего, заявлялось: «Мы от всей души приветствуем пробуждение белого духовенства от тяжелого кошмарного сна в монашеских объятиях».

29 мая в той же газете «Слово» священник В. Калачев, снова нападая на епископа Сергия, постарался перетолковать 4-е правило IV Вселенского Собора таким образом, что монашествующие, в том числе и епископы... вообще не должны присутствовать на Соборах. Затем, как из рога изобилия, посыпались предложения о второбрачии священников, о женатом епископате, о вреде монашества и т. п. Достаточно взглянуть на страницы таких газет, как «Церковно-общественная жизнь» (Казань), «Церковная газета» (Харьков), чтобы убедиться в том, что сословные интересы зачастую преобладали в тогдашних спорах. Иногда можно встретить программы, точь-в-точь напоминающие резолюции так называемых 2-го или 3-го обновленческих «поместных соборов» 1923–1925 гг. Само собой разумеется, что при таких призывах не могло идти и речи о восстановлении патриаршества.

Картина осложнялась еще и тем, что неверные взгляды сочетались подчас с правильными замечаниями по поводу существующих недостатков. «Обновленцы» более чутко ориентировались в политической обстановке, а «карловчане» выражали свою консервативную преданность церковным традициям, хотя, находясь в ограде Русской Православной Церкви, они и не обособлялись организационно. Лишь позднее, после Собора 1917–1918 гг., оба течения оформились в расколы.

Между тем истинно церковная точка зрения епископа Сергия, который публично высказывался чаще, чем ограниченный своим официальным положением митрополит Антоний, приобретала значительную известность. На него ссылались, например, газеты «Рассвет» (29 апреля), «Новости» (7 апреля), «С.-Петербургские ведомости» (4 мая), «Русь» (5 мая) и апрельский номер журнала «Православно-русское слово». Движение за восстановление патриаршества оказалось настолько сильным, что уже осенью 1905 года принимается решение о созыве Собора в 1906 году и о необходимости предварительной его подготовки в особой комиссии, получившей название Предсоборного Присутствия.

Накануне его открытия разгорелись оживленные споры о характере работы будущего Собора. Несмотря на то, что главный его вопрос – восстановление патриаршества – фактически был предрешен, состав Собора и порядок его работы требовали строго канонического обоснования. Поэтому споры вокруг будущего Собора, по сути дела, свелись к единственной проблеме: степени обязательности церковных канонов. Мнения разделились. Для некоторых Православие отождествлялось с безусловным соблюдением всех канонов, что придавало им догматическое значение. При этом не полагалось различия между принципиально-вероучительными и юридически-практическими вопросами. Другие придерживались иной точки зрения, рассматривая каноны как историческое явление, подлежащее переменам и развитию, не исключая появления и новых канонов.

Особенно вызвал споры вопрос о приглашении на Собор клириков и мирян. Здесь опять сказалось вредное влияние сословного положения духовенства. Естественно, что в атмосфере здорового церковного сознания вопрос о правовом оформлении участия клириков и мирян и гарантиях против влияния епископата не должен был возникать. Тем не менее, некоторые пытались перенести в Церковь методы политической жизни парламентарных стран. Находились и такие, которые вообще не желали видеть на Соборе никого, кроме епископов.

Назначенный 6 октября 1905 года архиепископом Финляндским Владыка Сергей принял деятельное участие в обсуждении вопросов, связанных с предполагаемым Собором.

Несколько позднее он, как и все другие правящие архиереи, направил в Синод свое мнение о характере предстоящих преобразований.

Говоря о будущем церковной жизни, архиепископ Сергей писал: «Нельзя забывать, что мы живем теперь при старом режиме и ожидаем открыто в нашей Церкви новой жизни, и как бы ни было сильно и богато наше воображение, как бы ни обложились мы всякими историческими и другими справками, мы не можем представить себе эту будущую жизнь настолько хорошо и верно, чтобы быть в состоянии теперь, при нашем

замкнутом кругозоре, создать для нее вполне подходящую форму. При самых лучших намерениях мы можем лишь навязать Церкви новый бюрократизм, тягчайший настоящего. Форму себе пусть создает сама жизнь, мы же теперь должны только убрать заметные и нам препятствия и открыть для жизни возможность свободного развития» («Церковные ведомости», 1906, № 38).

Труды Предсоборного Присутствия являются одной из самых интересных и насыщенных событиями страниц нашей церковной жизни XX века, и участие в них архиепископа Сергия было многосторонним, но их общее рассмотрение увело бы от основной темы – роли Патриарха Сергия в истории восстановления патриаршества. Достаточно сказать, что он руководил работой одного из семи отделов Предсоборного Присутствия, в которой принимали участие такие видные богословы, как протоиерей А. П. Мальцев, М. Е. Красножен, Н. Н. Глубоковский, М. А. Машанов. Кроме того, архиепископ Сергей принимал участие в наиболее ответственном, так называемом Особом присутствии, где рассматривались вопросы, не решенные на заседаниях отделов. Поскольку обсуждение канонической основы церковных преобразований именно и вызвало наибольшие споры, архиепископ Сергей принял участие в их обсуждении в заседаниях Особого присутствия. Его выступление 30 ноября 1906 года о канонах как основе церковной жизни можно без преувеличения назвать наиболее глубоким богословским анализом в материалах Предсоборного Присутствия (т. 4, с. 57).

Архиепископ Сергей указал, что канонические дискуссии на Предсоборном Присутствии воспроизводят давнишний спор о так называемых акривии или икономии, т. е. о том, что «должно быть основным принципом церковной практики, – неуклонное соблюдение канонов до их буквы включительно, или же по требованиям обстоятельств допустимо и послабление канонов». Сам он выступил за принцип икономии, не защищая его, однако, утилитарными мотивами, поскольку «принцип пользы в церковных делах может нас завести очень далеко, вплоть до оправдания крестовых походов, истребления язычников и т. п.

Достоинству Церкви этот принцип не соответствует». Архиепископ Сергей допускает икономию только в тех случаях, когда она «прямо вынуждается данными обстоятельствами жизни. Церковь и церковная власть иногда оказываются в таком положении, что исполнение прежде созданных канонов немыслимо и, следовательно, никто и не вправе требовать их исполнения. Бывают положения, когда мы должны вспомнить слова Спасителя, что суббота для человека, а не человек для субботы. Каноны суть нормы, которыми человек возводится к совершенству. Но бывают положения, когда акривия вместо совершенства может довести человека до гибели. Настаивать в этом случае на исполнении канонов значило бы поступать как раз против канонов, против той цели, которую они преследуют, значило бы совершать преступление».

Мнение архиепископа Сергея о канонах отнюдь не является отвлеченным, теоретическим рассуждением. Впоследствии его канонические воззрения, рожденные из святоотеческого богословия, воплотились в повседневную церковную практику восстановленного патриаршества. Тогда в своих выступлениях на Предсоборном Присутствии архиепископ Сергей проявил замечательную прозорливость. Он раньше других церковных иерархов понял, что в будущем положение Церкви может резко измениться, и это понимание дало ему впоследствии возможность раньше других найти правильный путь Патриаршей Церкви. «В своих церковных преобразованиях, – заметил архиепископ Сергей, – мы не должны ни на минуту забывать о тех совершенно исключительных обстоятельствах, в которых наша Церковь может оказаться в самом ближайшем будущем. Мы не должны воображать, что теперешнее наше церковное положение так и останется навсегда, потому что для этой уверенности у нас нет никаких оснований» (Труды Предсоборного Присутствия, т. 3, с. 346–348).

Когда работа Предсоборного Присутствия близилась к концу и всё яснее стали вырисовываться контуры возрожденного патриаршества, известные правящие круги стали испытывать всё большее беспокойство по поводу его восстановления и ввиду возможности избрания Патриархом митрополита Антония

(Вадковского). В связи с этим через безответственную печать была развернута грубая кампания против восстановления патриаршества и лично против митрополита Антония и его соратников. «Не все разделяют мнение, – говорилось в «Русском знамени» (1907, № 21), – что замена св. правительствующего Синода единоличной властью патриарха послужит на пользу Церкви. А что если патриархом будет избран Антоний? Ведь Церкви Православной грозит тогда гибель» (?!). «Напрасна эта затея, – продолжала поносить патриаршество та же газета (1907, № 70), – она должна окончиться ничем, как вредная и соблазнительная».

В конце концов последовал приказ «свыше», и Предсоборное Присутствие было закрыто, не окончив своих работ. Было сделано всё, чтобы похоронить его труды и не допустить восстановления в Церкви канонического управления и патриаршества. Так, например, один из будущих предводителей карловацкого раскола – В. М. Скворцов, влиятельный чиновник Синода и редактор псевдоцерковной газеты «Колокол», писал в своей газете 13 февраля 1909 года о ненужности патриаршества и защищал действия Победоносцева в 1905 году.

Тем не менее, церковное стремление к восстановлению патриаршества было столь сильным, что уже 28 февраля 1912 года было образовано так называемое Предсоборное Собрание для обсуждения трудов Предсоборного Присутствия 1906 года. Знаменательно то, что в качестве его руководителя был назначен архиепископ Сергей. Однако состав этого Собрания был очень узок: всего лишь несколько человек. По распоряжению обер-прокурора ход работ Предсоборного Собрания, продолжавшегося вплоть до 1914 года, почти не освещался, за исключением кратких сообщений в «Церковных ведомостях» (1912, № 10, 48–52; 1913, № 5, 15–16, 45; 1914, №6, 20, 21).

Задержка восстановления в Церкви канонического управления вызвала большое недовольство в церковном обществе. Однако правительственные круги с этим не хотели считаться. Так, на запрос в Государственной Думе 26 апреля

1913 года о том, когда же будет созван Собор, обер-прокурор Синода В. К. Саблер бесцеремонно заявил, что он не обладает даром пророчества, чтобы ответить на этот вопрос (Стенографический отчет Государственной Думы 4-го созыва, 1-я сессия, ч. 4). Аналогичный ответ Саблер дал на тот же запрос и в следующем году (там же, 2-я сессия, ч. 4).

Возможность для восстановления канонического управления и патриаршества явилась после падения самодержавия и перемен в Синоде. В марте 1917 года был создан Предсоборный Совет, председателем которого вновь был назначен архиепископ Сергей. Трудami этого Совета был подготовлен Собор, на котором после более чем 200-летнего перерыва в Русской Церкви было восстановлено патриаршество.

Уже будучи председателем Предсоборного Совета, архиепископ Сергей так отозвался об истории борьбы за восстановление в Церкви канонического управления: «12 лет тому назад церковно-общественные деятели работали с увлечением, энтузиазмом, пробуждая творческую мысль и в отдаленных от столицы уголках России. Мечта о созыве Всероссийского Собора казалась легко осуществимой. Но совершенно неожиданно работы Предсоборного Присутствия были прерваны. И не вина участников этого Присутствия, что его проекты не были проведены в жизнь. А между тем, если бы осуществились предложения Синода 1905 года, процесс реорганизации церковной жизни совершился бы не так болезненно, как наблюдаем в настоящее время» («Всероссийский церковно-общественный вестник», 1917, апрель).

Очевидно, что архиепископ Сергей сыграл выдающуюся роль в деле восстановления патриаршества, и без преувеличения можно утверждать, что в годы, непосредственно предшествовавшие этому событию, он явился ключевой фигурой в деле церковного преобразования.

Божественный Промысл определил Святейшему Патриарху Тихону быть первым Патриархом Московским и всея Руси. В то же время Патриарх Сергей был уготован тем же Божественным

Промыслом к строительству Церкви в новых условиях, неизбежность которых он давно предвидел. Его труды как Предстоятеля Церкви органически следуют из всей его предшествовавшей деятельности, из глубокого опыта богословской мысли и духовной жизни. В этом убеждают нас вся история восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви и настоящий путь ее под окормлением ныне здравствующего Святейшего Патриарха Алексия.

Катехизические беседы

Верую во Единого Бога Отца

Верить в реальное существование окружающего нас мира нет необходимости, потому что мы видим и ощущаем его. А вера в Бога рождается из глубокого внутреннего переживания, из устремления всех душевных сил человека к предмету веры, к Богу. Поэтому для того, чтобы наша вера приобрела конкретность и определенность, ее содержание обозначается понятными всем знаками и символами, то есть вера передается в обычных словах человеческого языка.

Сформулированное древними отцами учение Церкви стало поэтому называться Символом веры. Текст первого Символа, первой формулы нашей христианской веры, был составлен в 325 году в византийском городе Никее на Первом Вселенском Соборе. Затем в 381 году на Втором Вселенском Соборе в Константинополе он был уточнен и расширен и после этого сделался обязательным для каждого православного христианина.

То, что Бог есть, можно доказывать или отрицать бесконечно долго; но как невозможно доказать, что Бога нет, так никому еще не удавалось доказать на словах, что Бог есть. Любое доказательство всегда можно поставить под сомнение, но вера неоспорима, она не требует доказательств. Мы приходим в храм не для того, чтобы сомневаться, мы несем детей наших крестить не для того, чтобы просто погрузить их в воду. Мы совершаем наши молитвы и поминовения, просим, чтобы наших родных отпели и похоронили на кладбище по христианскому обычаю не потому только, что мы родились в православной русской среде. Многие приходят в Церковь, никогда прежде не ведая ни Бога, ни христианских традиций. В том и состоит глубокая тайна веры, что вера рождается в человеке неведомым образом.

Никодим, мудрый иудейский богослов и ученый, тайно ночью пришел к Господу Иисусу Христу, чтобы побеседовать с начинающим молодым Учителем, каким видели евреи Спасителя (Ин.3:1–21). И Господь говорил с ним о вещах,

которые не могло вместить сознание Никодима: *Не удивляйся тому, что Я сказал тебе, – говорит Спаситель Никодиму, – должно тебе родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит (Ин.3:7–8).* И мы не знаем, откуда рождается в человеке вера.

Если вера ослабевает в нас, если мы чувствуем, что теряем ее, мы тоскуем, ищем ее и просим Бога, чтобы Он укрепил нашу веру. Подобно отцу больного отрока, о котором написано в Евангелии, мы восклицаем: *верую, Господи! помоги моему неверию (Мк.9:24).* Никакая внешняя логика и доказательства не могут служить основанием веры. Вера – это внутренняя духовная жизнь. И потому вопрос о том, есть Бог или нет, – это вопрос не для спора, ибо ответ на него дает жизнь человека. Святым апостолом Иаковом сформулировано правило, которое действует как основополагающее в духовном опыте Церкви: *покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих... хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? (Иак.2:18,20).*

Как измерить те глубины человеческой души, в которых рождается вера? Как узнать, что такое дух? Всем понятно, когда мы называем бездушным камень, дерево. Значит, дух – это таинственная сила, которая отличает людей от неживых предметов. Ведь если человека назвать бездушным, как мы говорили о жестоких, неотзывчивых, эгоистичных людях, всякий обидится.

В одной философской беседе, где мне пришлось участвовать, известный писатель сказал, что природа видимая и природа человека – различны, ибо в человеке есть то, чего природа ему дать не может. Остается назвать это: дух, душа. Поэтому мы и говорим, повторяя слова Христа, что *Бог есть Дух (Ин.4:24)*, Который не поддается нашему измерению и исчислению, но обладает свойствами, известными нашему опыту как свойства личности. Бог вездесущ, Он знает человека, как сам человек знать себя не может. *Бог есть любовь (1Ин.4:8).* Именно любовь к человеку возвела Сына Божия на Крест. Познание и любовь – свойства, определяющие

человеческую личность, – присущи и Богу, но в степени, неизмеримо превосходящей всякое человеческое совершенство.

Наиболее точный образ из всех, какими мы пытаемся определить сущность Бога, есть все же образ Отца. Ветхий Завет не знал отношения к Богу как к Отцу, Его открыл нам Господь Иисус Христос. И понятие *Бог Отец* было включено в Символ веры: *Верую во Единого Бога Отца...* В Священном Писании Нового Завета немало ярких мест, раскрывающих тайну усыновления человека Богу, но главное среди них – Молитва Господня, данная Самим Христом ученикам и всем христианам, молитва «Отче наш» (Мф.6:9–13; Лк.11:2–4).

Человек рождается от отца и матери, а его духовное рождение происходит неведомым нам путем от Бога. Именно поэтому мой собеседник-писатель назвал человека *иноприродным* этому миру. Без Бога, без Духа Святого человек так же мертв, как если бы он потерял свою телесную сущность, сродную земле и всему, что есть на земле. Бог – подлинно Источник нашего бытия и существования.

Как же Бог может быть нашим Отцом? Если бы ученики Господа Иисуса Христа были философами или искушенными богословами, Господь, возможно, беседовал бы с ними на языке античных философов. Но они были простыми рыбаками, поэтому Христос в самых конкретных чертах объяснил им, что значит для людей Небесный Отец (Лк.11:1–2).

Чем же Отец Небесный отличается от земного отца? Обращаясь к Нему, мы говорим: *Да святится имя Твое*. Святой, в библейском понимании, – это избранный. *Да святится имя Твое* значит: да будет имя Отца Небесного предпочтительно перед остальными. Ему нет равного, Его не с кем сравнивать, Он – Единственный. Первая заповедь, которую дал Господь Моисею, была: *Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим* (Исх.20:2–3). Значит, обращаясь к Небесному Отцу словами: *Да святится имя Твое*, мы обращаемся к Нему как к Тому, Кто единственно может быть нашим Отцом.

Каждый из нас, основываясь на детских воспоминаниях и жизненном опыте, соединяет с понятием отца чувство надежности, силы, которая способна защитить. Когда человеку плохо – будь он старый, молодой или ребенок, – он зовет мать. Когда же человек ищет опоры и защиты, он вспоминает об отце, который для него безусловно сильнее всех, который никогда не даст в обиду. Поэтому, учит нас Христос, обращаясь к Богу Отцу, мы просим Его: *Да приидет Царствие Твое*. Это значит: пусть будет Твоя защита, Твой порядок здесь, на земле, где мы, Твои дети, нуждаемся в твердой и надежной опоре.

Воля Божия – это любовь Отца. Он один знает, что нужно Его детям. Часто мы сами не ведаем, что необходимо нам для нашей пользы, но Божественной воле Отца подчинена небесная гармония, Он всемогущ. Поэтому мы просим Бога: *Да будет воля Твоя, якоже на Небеси и на земли*.

Богословы много написали о Молитве Господней, и в частности о следующем прошении: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь*. Одни говорят, что здесь подразумевается духовная пища – благодать Божия, другие вспоминают об этом прошении, когда утверждают, что *не хлебом единым жив человек* (Мф.4:4). Но все же не надо забывать о самом прямом смысле. Господь Иисус Христос, как любящий отец, заботится не только о духовном для нас, но и о земном. Когда более пяти тысяч людей (одних только мужчин, не считая женщин и детей) последовали за Ним в пустыню, чтобы слышать Его Божественные глаголы, Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил всех (Мф.14:17–21). Мы просим нашего Отца Небесного не только о Вечной Жизни и Его Царстве, не только о том, чем мы должны питать свою душу, но и о хлебе насущном. Изначальные еврейский и греческий тексты этой молитвы убеждают нас, что хлеб насущный – это та лепешка, которой можно утолить первую потребность в пище, прожить без голода один день. Господь Сам заботится о наших насущных потребностях. *Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?... Отец ваш*

Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом (Мф.6:30–32). Действие Промысла Божия мы подтверждаем привычными примерами: Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них (Мф.6:26,28–29). Но эти образы, взятые из священного текста, может быть, перестали восприниматься нами в их непосредственной силе. Один из современных писателей привел другой образ, может быть, не столь поэтичный, но вполне передающий любовь Небесного Отца. Священник, обращаясь к молодому человеку, говорит: «Посмотри на эти следы на снегу, которые мы с тобой оставили. Прежде чем мы прошли по этому снегу, Бог уже знал, сколько следов останется на снегу».

В следующем прошении: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* Бог уже ставит перед нами условие, при котором Он готов простить наши прегрешения. Условие это в высшей степени благоприятно для нас, потому что обида, которую нанес нам ближний, ничтожна по сравнению с той, которую мы наносим Богу. Человек может оскорбить нас словом или действием, но как можно обижаться на охваченного безумием! Ведь если бы он признавал величие образа Божия в человеке, он бы не дерзнул унижать его достоинство. И можно ли обижаться на того, кто нанес нам вещественный вред? Ведь без Промысла Божия ни один волос не падет с нашей головы. Любое действие, совершенное против нас в этом мире, ничтожно по сравнению с оскорблением, которое мы наносим Богу, если живем против своей совести, если разрушаем в себе Его образ. Чем мы можем искупить то, что не сохранили обетов Крещения? Что продолжаем грешить и после того, как священник на Исповеди прочитал над нами молитву: «... и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих...» Поэтому Господь и напоминает нам, что мы во взаимоотношениях с людьми должны быть столь же великодушными и мудрыми, каковым

является Он по отношению к нам. Христос рассказал притчу (Мф.18:23–35), как царь простил должнику своему огромную сумму, а тот, выйдя помилованным из дворца, встретил человека, который был должен ему совсем немного. Прощенный должник, *схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен.* И тогда государь, разгневавшись, *отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга.* Когда фарисеи привели ко Христу женщину, обвиненную в прелюбодеянии, то Он велел начать предписанную Законом казнь (Втор.22:22) тому, кто сам безгрешен: *кто из вас без греха, первый брось на нее камень* (Ин.8:7). Но не нашлось такого среди фарисеев, и Христос отпустил раскаявшуюся женщину (Ин.8:2–11).

Прощение наших грехов Бог Отец ставит в зависимость от нашего прощения ближних. Последние два обращения Молитвы Господней также предполагают важные условия, которые мы обязаны соблюдать: *Не введи нас во искушение.* Испытания подстерегают нас на каждом шагу; но ведь и земной отец предостерегает ребенка: не ходи на дорогу – там опасно, не совершай проступков – они влекут за собой дурные последствия. Не Бог посылает искушения. Святой апостол Иаков пишет: *В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак.1:13–14). Поэтому мы с тем же доверием, с каким дети воспринимают слова родителей, должны просить Бога не попускать искушений, превосходящих наши силы.

Злая сила постоянно подстерегает нас на каждом шагу. Отрицание ее реальности – одно из искушений, которое внушает злой дух человеку. В широко известном романе герой по имени Воланд, что слишком явно перекликается с одним из библейских имен князя тьмы, спрашивает: «А дьявола тоже нет?.. Ну, уж это положительно интересно». В век рационализма и неверия в чудо такое искушение очень распространено. К сожалению, злая сила – реальность, противопоставившая себя Благому Богу. Поэтому церковные люди свято хранят древний русский обычай: ни в гневе, ни в раздражении, ни в словесной

пустоте – никогда не употреблять черного слова. За нечистоплотное сквернословие в публичном месте по закону положено взыскание, а в быту их даже неприличными не считают. Каждый из нас по возможности должен кротко останавливать тех, кто в речи своей поминает злую силу.

Мы просим Небесного Отца: *Избави нас от лукавого*, защити от злой силы. При этом и сами мы должны внимательно следить за каждой мыслью, за каждым своим действием: не принесет ли оно вред нашей душе, не подаст ли повод для злорадства демонам?

Все, чего мы просим у нашего Отца Небесного, только Он Один может дать; Он Единственный, Кто подлинно располагает всем, потому что *Его есть Царство и сила и слава*. Поэтому когда мы в Символе веры поем: *Верую во Единого Бога Отца...* или когда обращаемся к Богу: *Отче наш*, мы прежде всего должны помнить, что Бог – наш любящий Отец, знающий наши нужды, заботящийся о нас, так что ни один волос не упадет с нашей головы без Его Промысла. Но еще Он строгий и взыскательный Отец, и ожидающий от нас послушания. Другого Отца у нас нет и быть не может, ибо *Его есть Царство, и сила, и слава в бесконечное время и во веки веков. Аминь*.

Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя

Остановимся сегодня на определении, которое Символ веры усваивает Богу после именованя Отец: Бог *Вседержитель*, или по-гречески Пантократор. Это очень важное определение, потому что с ним связаны не только богословские, но и нравственные наши представления, правильное понимание нами событий, которые происходят в мире и в жизни каждого человека.

Какой смысл большинство современных людей вкладывает в слово *Вседержитель*? В процессе культурного развития языка часто происходит подмена понятий. В обыденном представлении «все» означает множество всех вещей и явлений мира, объединенное мыслительным актом в одну совокупность. В богословском святоотеческом понимании «все», напротив, целостность, когда мы говорим «все» (по-гречески панта), это значит, что мы воспринимаем мир не как составленный из отдельных частей, но как целостное творение Божие, происходящее из Единого Источника. Бог Вседержитель не собирает, не захватывает, подобно человеку, стремящемуся к обладанию всем миром; напротив, Он Один создает весь мир; не множества собирает в единое целое под Свою власть, но Сам составляет целостное здание мира.

Такой смысл определения *Вседержитель* совершенно необходим для правильного понимания слов Христа: *Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены (Мф.10:29–30)*. Разумеется, это не значит, что Бог исчисляет каждый отдельный волос и заботится о том, когда ему выпасть. Бог печется о всем мире как едином цельном организме, который в Нем имеет свое начало, свое развитие и завершение. Бог *Вседержитель* потому, что в Нем сосредоточена и целостная история мира, и отдельная человеческая жизнь. Человек не может *ни одного волоса сделать белым или черным (Мф.5:36)*. *Кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?*

(Мф.6:27). Только в союзе с Богом, в общности всего творения постигается ценность бытия, а это уже нравственная категория.

Человек разорвал единение своего бытия с Богом – Источником Жизни. Единение, ради которого творческой силой Божией и был создан весь мир, было нарушено непослушанием прародителей в раю, но еще раньше оно было нарушено светлейшим из Ангелов – Денницей, который непостижимым для нас образом возгордился, противопоставил себя Богу и сделался злым и мрачным дьяволом. Единство с Богом нарушается каждый раз, когда человек, согрешая, отпадает от благой воли Божией.

Господь наделил человека особым качеством – свободой выбора между добром и злом. Ни бездушная материя, ни животный мир не обладают свободной волей. Именно это качество и определяет нравственную ценность человека.

Среди святых отцов есть один необыкновенный, проникнутый особой, теплой, любовью к человеку святитель, Петр Дамаскин. История не сохранила о нем достоверных свидетельств. Есть предположение, что он жил в VIII веке и принял мученическую кончину, иные историки утверждают, что он в XII веке был епископом Дамаска и пострадал за исповедание православной веры. Он в предельно простых выражениях сформулировал целую нравственную систему. «Для Бога важно не то, что мы делаем, а то, для чего мы это делаем», – пишет святой Петр Дамаскин. Это основная мысль, это синтез христианского святоотеческого нравственного учения. Вспомним Огласительное слово святителя Иоанна Златоуста, которое читается на Пасху в конце утрени: «Владыка и дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и расположение хвалит». Согласно православному нравственному учению, достоинство человека, достоинство его жизни и поступков определяется тем свободным выбором, который он совершает в каждое мгновение своей жизни.

У святых отцов есть множество поучений о том, как приводить человеческую волю в единство с волей Божией. Наш подвижник XVIII века святитель Иоанн Тобольский († 1815) написал на эту тему книгу, которую назвал греческим словом

«Илиотропион», что по-русски означает «подсолнечник». Цветы подсолнечника на протяжении светового дня, от восхода и до заката, всегда обращены к солнцу. Такой должна быть человеческая воля по отношению к Промыслу Божию. Бог – источник жизни, дающий всё необходимое для нашего повседневного бытия. Богу и Отцу мы можем и должны ответить сыновней, дочерней любовью, послушанием, доверием.

Святоотеческий опыт свидетельствует о том, что вера в своем развитии проходит три ступени: вера, доверие, верность.

К вере человек может прийти различными путями Промысла Божия. Но вера, не подкрепленная делами, становится пустой. *Ты веруешь, что Бог един, – пишет в своем Послании апостол Иаков, – хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? (Иак.2:19–20).*

Наша вера проверяется сыновней, дочерней готовностью принять Божию волю о нас, доверием Его Промыслу, каким бы внешне ни казался он тяжелым и нежеланным. Как утверждают святые отцы и учителя Церкви, Промысл – не принуждение, а предвидение, забота о спасении души человеческой. *Господь... долготерпит нас, – пишет во Втором послании апостол Петр, – не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию (2Пет.3:9).* Сам Господь Иисус Христос в словах, обращенных к Никодиму, говорит: *не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него (Ин.3:17).* Промысл Божий всегда обращает все во благо.

Однако как часто в болезнях, лишениях, искушениях, в бедствиях мы спрашиваем: «За что? В чем я виноват? Почему именно мне, а не другому? Почему жизнь того, кто гораздо хуже меня, более благополучна?»

Притча о блудном сыне, в которой Господь в образной символической форме преподал нравственное учение простому народу, дает нам исчерпывающий ответ на эти вопросы. Неразумный, блудный сын, попав в бедственное положение, когда *рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи (Лк.15:16)*, сумел сетование о своем тяжелом положении и жалость к себе направить в правильное русло. *Придя же в*

себя, [он] сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему (Лк.15:17–18). Образ блудного сына, приведенный Христом в притче, намного понятнее, чем любые богословские, философские и психологические исследования. Неразумному сыну выход из бедственного положения подсказал его желудок: с одной стороны, нужда и голод, с другой – воспоминания о безмятежной жизни. Мы же, даже искушенные житейским опытом, не перестаем сопоставлять, сравнивать, рассуждать, искать причину наших бедствий в обстоятельствах или в окружающих людях, но только не в самих себе. Между тем у христианина вопрос «за что?» возникать не должен: православное учение ставит только один вопрос – «зачем?».

В современном русском языке произошла также подмена первоначального смысла слова «наказание»; оно стало восприниматься как синоним слова «кара»: родители наказывают нашалившего ребенка, учитель – напроказившего ученика, начальник – недисциплинированного, не выполнившего поручения подчиненного, то есть в нашем представлении наказание равноценно возмездию. Однако первоначально это церковнославянское слово означало «поучение», «научение»: «наказание юным отроком» – встречаем мы в Церковном Уставе.

Проповедью доверия к Богу является одна из жемчужин учительных книг Ветхого Завета – книга Иова. В ней в поэтической форме заключена целая богословская система. Никто: ни жена, ни друзья – не смогли убедить праведного Иова, что Бог несправедлив к нему. Во всех жизненных испытаниях Иов не потерял доверия к Богу, и Бог многократно вознаградил его за его терпение. Содержание книги Иова и подробно разработанное православно-аскетическое нравственное учение говорят нам: все события, происходящие в жизни человека, – как печальные, так и радостные – совершаются не «за что-то», а для того, чтобы человек возвратился к Богу.

Мало доверять Богу, необходимо засвидетельствовать верность Ему. Если человек, избрав добро, укрепляется в нем,

если для него нет другой радости, кроме любви Божией, которую он переживает в молитве, он обретает высшую степень веры – верность. Он становится достоянием Божиим, входит в ту цельность мира, где Бог Вседержитель Отец Небесный содержит всё в Своей благой воле.

Если же человек колеблется, отклоняется от правильного пути, начертанного Богом, блуждает в греховной тьме, отпадает от благой воли Божией и Божественного всеединства, ему потребуется большой и тяжелый труд, чтобы вернуться в первоначальное достоинство. Самым сильным отображением этой мысли является все тот же образ блудного сына. Младший сын трудился вместе со своим старшим братом и пользовался всем, что было в отчем доме. Но потом он сказал отцу: *дай мне следующую мне часть имения* (Лк.15:12). В святоотеческой литературе принадлежащая сыну часть имения иногда истолковывается как его свободная воля. В притче о блудном сыне мы видим сложную картину происхождения греха и последующего обращения человека.

Когда человек, пользуясь свободной волей, рассудочной мыслью утверждает самого себя, следует всем своим желаниям, страстям, он отрывается от единства Царства Божия, от цельности мира. И чем дальше он уходит, тем бедственнее его душевное мельчание, неотвратимо ведущее к духовному кризису. Выход из кризиса возможен только при условии возвращения человека в трезвенное состояние. *Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему* (Лк.15:17–18). Тогда человек осознает свое безнадежное состояние и с покаянным плачем возвращается в дом Отца Небесного. Так Промысл Божий обращает во благо даже явное зло, к которому приводит человека неверный выбор его свободной воли.

Итак, именование Бога *Вседержителем* является чрезвычайно емким выражением христианского учения о Промысле Божиим. Из него следует, что на каждом человеке лежит высокая ответственность быть верным чадом Божиим, находиться в единстве с целым миром творения Божьего, не

разрывать этого единства. А если разрыв все же произошел, если человек, подобно блудному сыну, *ушел на страну далече* (Лк.15:13) от всеблагой воли Божией, то в злополучии, неизбежно наступающем вслед за этим, следует видеть не карающее правосудие Божие, а проявление Его любви.

Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым

Сегодня у нас заключительная беседа, посвященная первому члену Символа веры. Трудное для понимания современного человека определение *Вседержитель* не означает, что Бог собирает воедино и «держит» всю множественность предметов мироздания, как может быть поверхностно воспринят смысл этого слова, но хранит мир в его целостности. Определение Бога как *Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым* не вызывает, на первый взгляд, затруднений в восприятии.

Господь – *Творец* всего множества явлений: доступных опыту земной жизни человека и недоступных, зримых и незримых, явлений, познаваемых благодаря органам чувств и мышления, и явлений, лежащих за пределами нашего опыта и рассудка.

В то же время, несмотря на кажущуюся простоту, это одна из наиболее трудных тем богословия, потому что здесь в первую очередь мы должны обратиться к области, не доступной нашему земному опыту.

Тайна творческого действия силы Божией не раз была объяснена святыми отцами в церковной письменности. Святитель Василий, архиепископ Кесарийский, незаурядный церковный иерарх, названный редким в церковной истории титулом Великий, подготовивший торжество Православия в то время, когда, казалось, оно было уже полностью разрушено арианством, талантливейший философ и богослов своего времени, написал книгу «Шестоднев», в которой подробно изъяснил порядок творения Богом мира.

Об этом же размышляли многие другие богословы. Порой их писания прямо не относятся к теме творения. Однако отцы Церкви, какой бы вопрос ни разбирали, всегда видели сущность всякого явления, рассматривали его первопричину. Поэтому благодаря глубине их мысли тема творения Богом мира и человека присутствует во всех святоотеческих сочинениях.

Святитель Григорий, епископ Нисский, современник святителя Василия, много писал о природе человека. Преподобный Максим Исповедник, который жил в VII веке, писал о таинственном познании Бога человеком. В XI веке другой византийский писатель, преподобный Симеон Новый Богослов, повествовал о сокровенных глубинах духовной жизни. В нашем русском богословии этой таинственной темы касались многие писатели, начиная от святителя Илариона, Митрополита Киевского, жившего в XI веке, спустя столетие после Крещения Руси, до богословов нашего времени, поднявших на высокий уровень нашу богословскую науку.

Сотворенный Богом большой мир-космос и микрокосм-человек одинаково безмерны в своей глубине и бесконечности. Поэтому, хотя сотворение мира, записанное в книге Бытия, истолковано святыми отцами, тайна бытия по-прежнему остается тайной веры. Эта тема трудна для богословия, потому что каждый из нас постигает тайны духа в меру своего духовного возраста. В святоотеческих творениях, в содержании церковных песнопений мы ищем прежде всего не то, что обостряет ум, а то, что назидает совесть, приближает душу к совершенству. Руководствуясь словами апостола Павла: *знание надмевает, а любовь назидает (1Кор.8:1)*, мы направляем нашу проповедь в Церкви прежде всего к нравственному и духовному возрождению человека. Именно поэтому в святоотеческом богословии из всех вопросов темы творения мира главным сделался вопрос не о том, как сотворил Бог мир, но для чего сотворил.

Отцы золотого IV века христианской эры, да и их ученики в последующие времена видели решение этого вопроса в ответе на другой вопрос: из чего Бог сотворил мир? Если всерьез отнестись к догадкам древних языческих философов о том, что Бог сотворил мир как бы из Себя Самого, из Своей сущности, то есть мир – это самораскрытие Божества во вне, пришлось бы считать, что Бог не свободен в творении мира. Из этого утверждения языческой мудрости следует, что Бог обязательно должен был сотворить мир, потому что Его бытие невозможно без самораскрытия в виде творческого акта. Естественно, что

христианские богословы никак не могли согласиться с этим. Не соглашались они и с гностиками, и с манихейскими учителями, предложившими другое решение этого вопроса: Бог сотворил мир из материи, изначально существовавшей помимо Бога и являвшейся носителем зла.

Святые отцы искали не правдоподобия, воссоздаваемого человеческой мудростью, но истины, которая была открыта Богом в Священном Писании. И в Ветхом, и в Новом Завете Святым Духом открыто то, что Бог *сотворил мир из ничего* (2Мак.7:28; Евр.11:3). Появление мира и человека не было для Бога необходимостью. Единственной причиной вызванного из небытия мира явилась любовь Божия. Мир, созданный Богом из ничего, оказался как бы над бездной небытия, и единственное, что удерживает его от уничтожения, – это любовь Божия. Без знания этой истины христианство не может существовать, ибо в ней – самый первый источник ответной любви и благодарности Богу.

Творение Богом мира описано пророком Моисеем в начале Библии – книге Бытия. Это не научный трактат, а запись Откровения, полученного пророком. Из книги Бытия в естественнонаучном плане можно почерпнуть только то, что мир был сотворен Богом не в миг, а поэтапно, в течение шести периодов, условно названных в Писании *днями*. Современные научные достижения в области изучения космогенеза и биологической эволюции поразительно сходятся с общей последовательностью этапов творения, начертанных Моисеем.

В первый день Господь сотворил свет и отделил его от тьмы. Во второй – твердь небесную, которая стала отделять воду от воды (в переводе на язык привычной нам современной терминологии твердь – это космическое пространство; по-еврейски *ракия* означает шатер, то есть небесный свод). В третий день отделил сушу от моря и земля произвела жизнь растительную. В четвертый сотворил небесные светила – Солнце, Луну, а вместе с ними появилось привычное деление суток на день и ночь. В пятый – рыб и птиц, в шестой – животных суши и человека.

Очень часто враждебная критика перед верующими ставит вопрос: почему в Библии с точки зрения современных научных знаний перепутаны четвертый и третий дни творения, ведь вначале появились звезды и планеты (Солнце, Луна, Земля), а затем уже на Земле суша? Чтобы ответить на него, надо правильно понимать то, каким образом Моисей получил от Бога Откровение.

Никто не станет утверждать, что Бог дал ему уже готовый текст книги Бытия или продиктовал его. Бесспорно лишь то, что пророк получил некое знание о происхождении мира. Неважно, как оно было сообщено – в зрительных образах или во внутреннем ощущении, важно то, что Моисей должен был передать его людям. И Моисей передал его в виде стройной, запоминающейся картины миротворения.

Учитывая это, ученые-богословы дают два объяснения загадки четвертого дня. Первое то, что Моисей явленное ему видение описал как землянин, обращая внимание в первую очередь на то, что составляет непосредственную среду обитания людей. Второе то, что он, как это было принято в древности, чтобы люди лучше запомнили его рассказ, применил сразу несколько классификаций: двенадцать объектов творения (по два в каждый день: свет и тьма, твердь и вода, суша и жизнь на Земле, светила и смена земных суток, рыбы и птицы, животные и человек), шесть дней творения и три уровня усложнения природы. Вот и получилось, что классификация по дням в два раза длиннее классификации по уровням. Поэтому первые три дня творения передают еще и три уровня структуры тварного мира. Первый уровень – это природа элементарных частиц (свет, энергия в космическом вакууме – тьме); второй – астрономическое пространство Вселенной и третий – поверхность Земли (море и суша) и жизнь на Земле вообще (третий день, таким образом, обобщенно содержит в себе то, что специально оговаривается в пятый – жизнь в воде и в шестой – жизнь на суше).

Разумеется, расхождение в одной незначительной детали между изложением Моисея и последними научными открытиями никак не влияет на Боговдохновенное достоинство книги Бытия.

Библия учит не естественной истории, а спасению. Пророк Моисей мог бы вообще ограничиться только одним фактом сотворения Богом мира, нисколько не касаясь порядка творения. Для Библии всегда важнее нравственная сторона, в том числе и в рассказе о творении. В порядке дней творения Моисею было важно подчеркнуть, что мир, сотворенный Богом, в нравственном отношении не нейтрален, но мир несет печать благодати его Творца. Повествование о каждом дне заканчивается нравственным итогом: и увидел Бог, что это *хорошо*. И общий итог шестого дня: *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт.1:31).

Сотворил Бог свет. Это особая категория бытия. Человеческий глаз воспринимает свет солнечный, свет дневной, различая свет от тьмы, день от ночи. Но *свет* духовный – это та сокровенная область мира, которая является как бы сущностью бытия. Свет зримый – образ, символ того невидимого света, источником которого является Сам Бог. Вот почему в Церкви так много говорится о свете.

Смысл духовной жизни – сопричастность *свету*, просветление. Потому и праздник Крещения Господня называется в церковном Уставе *Просвещением*. Свет – это область бытия Бога. Апостол говорит: *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1Ин.1:5). И к свету призван человек. Наивысшая ценность человеческой жизни – пребывание во свете. Апостол Иоанн Богослов еще раз усиленно напоминает, что любящий Бога живет *во свете*, а не любящий Бога ходит *во тьме* (1Ин.1:6–7). Вот почему на иконах нет черной краски, а вокруг лика святых всегда изображается нимб – сияющий золотой венец. Вот почему так радостен праздник Пасхи. Затемненный храм в дни Великого поста, темные одежды символизируют греховность. Воссиявший свет светлого Христова Воскресения наполняет душу радостью, преобразует печаль в праздничное ликование. В торжественном пасхальном богослужении все заливается светом: горят светильники и паникадила, блистают красотой убранства богатые ризы и одежды. Человек встречает Пасху в торжестве света, и внутри себя он ощущает этот таинственный свет, которым просвещает

Господь, – Христе, Свете истинный, просвещали и освещали всякого человека, грядущаго в мир. Свет богопознания через Воплощение Христа воссиял в душе человека. Этот свет как огонь, от которого зажигаются многие светильники в нашем мире, и каждый наш поступок должен быть светоносным. Это один из главных нравственных выводов, вытекающих из определения, что Бог есть *Творец* мира.

По завершении творения мира Господь создал человека. В Библии повествуется, что Бог сотворил человека *из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт.2:7).

Человек – это высшее творение Божие. По премудрому замыслу Божью человеку надлежало *возделывать и хранить* (Быт.2:15) рай. И дана ему была помощница, *плоть от плоти* его, созданная *из ребра* его (Быт.2:22–23), и Адам нарек ей имя Ева, то есть жизнь (Быт. 3, 20). Труд, полезный, сохраняющий и развивающий природу человека, заложен в самую сущность его. Таким образом, здесь мы вступаем во второй круг творческого действия силы Божией – сотворчества Бога и человека. Грехопадение прародителей исказило суть господства и владычества (Быт. 1, 28) человека над миром. Не сохраненный человеком и творимый им по неразумию мир приближается к катастрофической черте. Преобразование мира возможно только через преображение человека.

Человек и природа не равнозначны, человек обладает высшим даром, который природа дать ему не могла, – это Дух Божий. Богоподобие человека проявляется в разумном осмыслении бытия, в чувстве нравственной ответственности за совершенные деяния – этим он отличается от всего тварного мира. Не просто жить, не просто существовать, не просто занимать место под солнцем во Вселенной, но быть носителем глубокой, духовной, нравственной силы – вот в чем высшее призвание человека. Эта еще одна чрезвычайно важная нравственная истина в постижении творения мира.

Последний пункт рассматриваемого члена Символа веры: *видимого и невидимого* мира. Мир видимых явлений, мир ощущаемый, мир познаваемый имеет свои четкие

закономерности. Действительность и реальность его очевидны и не требуют веры. Это область научных, опытных изысканий. А вот мир невидимый – это та особая область, куда пытается проникнуть разум, опираясь на силу духовного опыта. Но ограниченность рационального познания не позволяет дать точного определения, что есть Бог, что есть мир невидимый, что есть мир духов. Таким образом, постижение мира духовного лежит в области наших религиозных переживаний, в духовной жизни. К этой духовной жизни и призывает всех Святая Церковь. Это путь трудный. Господь сказал: *Входите тесными вратами... потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф.7:13–14). И каждое наше богослужение – это урок и призыв к высокой духовной жизни. Как ее можно достичь? Только соблюдением совести, чистоты души, непрестанной усердной молитвой, соблюдением тех нравственных правил, которые предписывает Церковь. И тогда драгоценное содержание духовной жизни станет частью будущей Вечной Жизни.

Что такое вечность? В привычном понимании – это беспредельное, безграничное течение времени. В Библии вечность – это не количественный, а качественный признак. Вечная Жизнь – это Жизнь Божия. Ибо Бог не имеет измерений. Бог неизмерим, Бог вечен. И поэтому тот, кто живет с Богом, тот в Боге пребывает, и в нем уже сейчас начинается эта Вечная Жизнь. Потому Христос и сказал: *Верующий в Сына не умрет, но имеет Жизнь вечную* (Ин.3:36). Не бесконечно длинную, а совершенную жизнь, по образу и по подобию Божию.

Мера всех вещей – нравственная человеческая жизнь, жизнь труженика, жизнь человека с чистой совестью, жизнь, освещенная светом Божия учения, жизнь, которая уже сейчас в повседневном течении приобщается качеству вечного бытия.

В заключение напомним, что Символ веры – это глубокое богословское творение 318 святых отцов Первого Вселенского Собора. Символ веры – это норма человеческого мышления, поведения и нашей внутренней, духовной жизни. Символ веры – это и молитва. Преподобный Серафим Саровский рекомендовал читать Символ веры три раза в день. Слова:

Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым – пробуждают наш духовный мир от спячки, от небрежности, от невнимания, напоминают, что мы живем, движемся и существуем с Богом, в Боге и для Бога. И да поможет нам Бог в этом глубоком внутреннем действии.

Ответы на вопросы студентов (октябрь 2001 года)

В Московской Духовной Академии бытует легенда, которую рассказывали как факт те старики, кого я еще застал. В начале учебного года приходит старичок-профессор в аудиторию, поднимается на кафедру и говорит: Господа! Чем вы обычно занимаетесь? – Раздался голос: Читаем. – Похвально, похвально... А что вы делаете утром? – Читаем. – Похвально, похвально... Но, господа, а что вы делаете днем? – Читаем. – Читаете? Да, ну а вечером что вы делаете? – Читаем! – Господа, когда же вы думаете?

Эта легенда очень живуча. В нашем с вами духовном, церковном, православном деле мыслить – это великий дар Божий. Мысль управляемая, мысль крепко взнузданная, рвущаяся подобно коню, – это один из великих даров Божиих, одно из наших достояний. Однако здесь есть целый ряд таких, я бы сказал, технических особенностей.

Помню, поступает к нам в Семинарию артиллерист-ракетчик, офицер. Тогда это было очень и очень трудно. Его «заваливают». Он уходит, работает где-то церковным сторожем, приходит на следующий год. Опять его «заваливают» (очень строгий был у нас тогда внешний отбор). Наконец, с третьего захода он поступил и через некоторое время начал осаждать меня вопросами. Я говорю: Андрей, ты имеешь высшее образование, артиллерист, ракетчик: всё – как полагается. Ты помышлению кто: инженер или конструктор? Он подумал и говорит: конструктор. – Тогда подожди, дорасти до инженера, и будем рассуждать.

Есть в нашей системе религиозного мышления очень строгая градация: кому что дозволено. Апостол Павел пишет: когда вы были детьми, я питал вас молоком; сейчас переходите на твердую пищу (ср.: [1Кор.3:2](#)). Это – мера духовного возраста, доступная только высокому духовному руководителю. Эта мера и возможна для того, чтобы войти в ту или иную сферу знаний. Есть знания реальные, есть знания интуитивные. Мне бы очень хотелось, чтобы теперь, в период становления нашей кафедры,

мы прежде всего обратились бы к источнику наших знаний: к святым отцам, начиная с апостольских времен, с непосредственных свидетелей, с апостольских мужей, а затем – и отцов «золотого» века византийского богословия. Это такая вдохновляющая область, после которой уже другого ничего не хочется.

На прошлой неделе я три дня провел в Иордании. А там сенсация: нашли подлинное место Крещения Господа Иисуса Христа. Всех паломников в течение последних двухсот лет водили на Иордан, на большую излучину реки. В поперечнике там, наверное, метров сорок; по длине – метров семьдесят. Вообще, это – быстрая, бурная река с большими валунами. Просто так ее перейти практически невозможно: ногу сломаешь, поскользнешься, упадешь, утонешь. Эта излучина ограждена цепью. Туда человек по камушкам осторожно спускается прямо в одежде или в надетой заранее белой рубашке. Погружается, держась одной рукой за цепь, в воды Иорданские и счастливый оттуда выходит. Так вот, это было место условное. Четыре года тому назад, после военных действий, после укрепления границ между Палестинской автономной областью и Иорданией, нашли подлинное место. Одним из главных аргументов подлинности его было описание игумена Даниила, который был там в XII веке, совершая паломничество. Это описание прочитали на старом, славянском языке, перевели на английский. Я оттуда привез несколько камушков и ветку Палестины – сумел вложить ее между книгами.

Понимаете ли, некоторые события, явления, до поры до времени скрываются. В Палестине имели место римские завоевания, разрушительный период кочевничества, затем – война с арабами... В общем, Палестина как плугом перепахана. И вот под слоем земли на месте Крещения Иисуса Христа сейчас найдены остатки древнего храма. И уже в этой топографии заново видится реальная картина. Почему Иоанн Предтеча ушел именно в это место? Потому что это место уже было выделено древним сознанием иудейской общины еще за 300–400 лет до Христа. В этот пустынный уголок, в цветущую

излучину Иордана уходили те люди, которые искали уединения, подвига, – древние назореи.

Я очень вдохновлен сегодняшним семинаром, вашими вопросами. На некоторые вопросы постараюсь ответить.

Вопрос об отношении молодежи к клубам. – Есть в Амстердаме район между каналами, куда советским сотрудникам посольства заходить было категорически запрещено. Туристов туда не пускали. В моей жизни было много частных встреч с иностранными пасторами и патерами. И вот, один молодой, лет тридцати, пастор говорит, что переезжает из своего благополучного района в этот «розовый», как его там называют, район. На мой удивленный вопрос пастор отвечает: Я это специально делаю. Это мой пасторский долг. – А дети ваши? – Им жить в этом веке. Пусть знают, где они живут. – И он устроил церковь святого Георгия Победоносца в подвале, в окружении красных фонарей и витрин с дамами, слегка одетыми. Спустя лет 10–15 у меня с ним произошла очередная встреча, и я узнал, что сын его поступил на богословский факультет и остальные детишки как-то определились.

Понимаете, вопрос этот – вопрос большой душевной боли и для Церкви, и для общества, потому что к утру в этом районе людей чаще всего находят в канаве. Это сломавшиеся, это наголодавшиеся, это оскорбленные, обиженные женщины, вынужденные зарабатывать себе путь в канаву. И вот этот пастор взял на себя отчаянную, можно сказать, роль и отдал себя и свою семью этому служению. Он не православный, но он глубоко верующий христианин, который пошел на этот риск.

Вопрос о спасении – это кардинальный вопрос не только религиозный, но и вообще человеческой сущности, вопрос личности, – то, что ты есть и как ты есть. Этому вопросу посвящен труд Патриарха Сергия (Страгородского). Он его написал будучи еще на студенческой скамье в Духовной Академии. Затем эта работа вышла из печати как его диссертация; в конце концов, он своей жизнью засвидетельствовал правоту своего мышления.

В годы советской власти, когда мы занимались издательским делом Православной Церкви, когда буквально

приходилось выпрашивать бумагу, мы издали эту работу. Читать ее чрезвычайно трудно. Когда епископы, митрополиты – мои ученики видят во сне семинар по этой книге, они просыпаются в холодном поту, потому что этот вопрос действительно сложный, но и самый существенный, самый важный. Какая идея этой книги? – Различие между православным и древнебиблейским мировоззрениями. Последние же и ориентированные именно на него западные вероисповедания – и католики, и протестанты всех мастей – говорят о возмездии (Бога за грехи человека – *Ред.*) на основе римского имущественного права. Если ты богоугоден, – ты будешь богат; если ты богат, – ты богоугоден. Отсюда – вся психология Америки.

Наше православное отечественное богословие, идея которого, как я уже сказал, блестяще выражена в этой книге, состоит в том, что благо – это не качественная оценка, это – состояние, это – сущность. Вечность – это не измерение протяженности времени. Вечным может быть только благо. Благо – это совершенство. Поэтому идея православного религиозного мышления на богословском уровне, на бытовом общем массовом уровне, – это «делай как я, делай лучше». То, что сделал Христос, – это совершенство и это уже есть благо. Благо – это не награда за труд, благо – это то, что ты есть; ты – цельная гармоничная личность, которую никакие страсти уже не раздирают, у которой нет постоянно альтернативного мышления: направо или налево, взять или дать. То, что мы называем «целомудрием», – и есть высшее благо. Такая личность и входит в вечность, то есть в Царствие Небесное.

Мир – это система. Для физиков это является уже аксиомой. Земля – это мощная энергетически самовоспроизводящаяся система, которая живет по определенным законам. Тут мы с физиками идем в одном направлении. Недавно умер (это была колоссальная для нас потеря) академик Борис Викторович Раушенбах. Это – удивительный человек, который рассчитывал траекторию полета наших спутников в безвоздушном пространстве. Он по происхождению прибалтийский немец, а по системе мышления, скорее всего, реформатор, кальвинист. Однако он, как никто

другой, математически объяснил значение содержания догмата о Пресвятой Троице. Известно его рассуждение об обратной перспективе в иконописи. Понимаете, вот задача, которая мне представляется так: приложить систему инженерного мышления к нашему с вами общему (и моему, в том числе) духовному росту. Естественно, я говорю о нашем православном мышлении, как о высшем достижении духовного опыта по сравнению с другими вероисповеданиями, тем более с теми, которые массами появляются во всем мире. Потому что Православие – это реальный опыт, проверенный на протяжении многих веков...

Одним из последних в нашей дискуссии был **вопрос о канонизации царской семьи**. – Вы знаете, в чем достоинство царской семьи? – В том, что они сознательно шли к неизбежности своего трагического конца, хотя имели возможность поднять гражданскую войну, опираясь на остатки верного им офицерства. Из миллионов людей, которые сложили свои головы и на войне, и в концлагерях, эта семья (при всех недостатках, присущих аристократическому обществу) сознательно выбрала для себя самый тяжелый, трагический путь, зная неизбежный исход, который, впрочем, можно было бы изменить. Были торги вокруг этой семьи, большие политические торги. Они могли выехать за пределы России. Но они остались.

Преподобный Серафим Саровский оставил письмо для передачи царю через одну из монахинь, которая дожила до 1903 года. Император тогда был на прославлении мощей Преподобного. Она, немощная, расслабленная старушка, попросила, чтобы Император к ней пришел. Он пришел, и она передала ему запечатанный конверт с письмом, которое собственноручно написал преподобный Серафим. Когда окончилась церемония, Император ушел в отведенную ему келию, прочитал письмо и не выходил до вечера. Как вспоминает министр двора, он горько плакал. Это сознательное решение о трагическом для себя исходе поднимается Церковью на очень высокое достоинство – от древних христианских мучеников и до современных, им же несть числа. Мы так и поминаем всех мучеников и исповедников Российских: их же

имена Ты, Господи, веси. Вам, к счастью, не довелось этого пережить: что такое ночной звонок в дверь, когда каждый вскакивает, ожидая, что пришли именно за ним. Но оказывается, что это телеграмму принесли (тогда их и ночью домой приносили). Это понять довольно-таки трудно. Однако это – неоспоримый факт, который засвидетельствован в истории нашей Церкви на протяжении всего XX века.

Вообще, история русского общества и нашей Церкви и трагична, и драматична. Это ожидание, политическое ожидание антихриста было нам свойственно всегда... Как только мы видим какое-нибудь совершающееся безобразие, мы говорим: антихрист... Просто нужно помнить одну элементарную истину, о которой говорит апостол Иоанн Богослов: Что вы рассуждаете об антихристе? (Ср. 1Ин2:18; 4:3). Он уже давно пришел. Он персонально в каждом из нас сидит. Правильно здесь говорилось по вопросу о чипе, что применение его – это нарушение целостности человека.

У А. Т. Твардовского в поэме «Василий Теркин» есть такие строки: «одно дело – просто тело, а тут – тело и душа». Советское время – это очень интересный, но страшный период, период трагический, но в то же время с высокими взлетами мысли, патриотизма, социальных дерзаний. В числе поэтов того времени Алексей Трифонович Твардовский – поэт-богослов, говорящий на народном языке. Конечно же, одно дело вживить чип в стадо, чтобы оно ходило точно по линейке, или же сделать так, как датчане: вывели свинью с дополнительной парой ребер – больше колбасы выходит, тело длиннее. Это – научный эксперимент, но ведь одно дело – тело, а тут – тело и душа. У архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, выдающегося хирурга, есть работа «Дух, душа и тело» (архиепископ Лука – очень интересный человек, и мне повезло: я встречал его в Патриархии; а два моих дядюшки, родные братья моей матери – хирург Михаил Алексеевич Быстров и патологоанатом Петр Алексеевич Быстров с ним сотрудничали и вспоминали о нем очень многое). Так вот, материальной сущности (кремния и других элементов) в организме человека очень мало, в основном – вода. Вода – основной носитель информации. Вода

– первая сущность, которую создал Бог. Это и есть человек в его телесном качестве. Вместе с тем он есть Дух Божий. Вторгаясь в организм человека любыми средствами, мы становимся либо помощниками, либо соперниками Господу Богу. А поскольку это – единая система, в которой даже волос с головы человека не упадет без воли Божией (ср.: 3Цар.1:52), поэтому даже, казалось бы, самые незначительные поступки влекут за собой серьезные изменения в системе. Вторжение в систему – это вторжение в творческий акт Божией Силы. Тот, кто замахнулся на природу человеческую, в том числе – на самоубийство, тот выступает как противник Бога.

Лет двадцать тому назад в одной из своих поездок я посмотрел фильм о докторе Менделе, который известен как экспериментатор над природой человека. В то время ходила легенда о том, что он сохранил ген Гитлера. Он эмигрировал в Бразилию, и что там было на самом деле, я не знаю. Фильм же на экраны вышел, и там показано, что в Бразилии есть лагерь, где живут женщины. Им вводится эмбрион с геном Гитлера, и через некоторое время в мире появляются семьдесят гитлерят. Один еврей, простой человек, на вид не очень значительный, производит расследование. Он составляет список этих гитлерят. Спецслужбы за ним охотятся, чтобы этот список получить. В конце концов на него выходят. Причем его окружают с двух сторон: и недобитые нацисты, и антинацисты. В конце концов после всяческих переживаний он попадает в госпиталь. К нему туда приходит антинацист, тоже еврей, и просит список, чтобы покончить с этим кланом. Список был под подушкой, на папиросной бумаге, чтобы его можно было быстро уничтожить. И вот заключительная сцена. Больной просит сигарету, чтобы ее выкурить и успокоить нервы. Ему дают. Он вынимает из-под подушки список и сжигает его.

В этом фильме поставлена очень большая философская проблема. В чем виноваты эти детишки? – Если у общества нет силы их исправить, то такое общество не имеет права их и карать. Это – одна из философских посылок.

Во всяком случае, идея вживления чипа, клонирования человека, безусловно, есть продолжение того самого действия,

которое совершил Каин с братом Авелем. Кстати, если вы читали Библию, то обратили ли вы внимание на то, что Каин был родоначальником строительства городов? (ср.: Быт.4:17). Каин с Богом спорил: если меня каждый может убить, то как же мне жить? (ср.: Быт.4:13,14). А ты живи, живи, трясись и бегай, ожидая этого наказания, – вот тебе кара. Казнить смертью человека – убийцу, которым всё давно поправно, ничего не стоит, но находиться пожизненно в клетке – гораздо страшней. Многие осужденные дожидались по семь, восемь и больше лет смертной казни. Они уже даже просили, чтобы их пристрелили, настолько невыносима им была такая жизнь. У святого Василия Великого есть такая фраза: «Смерть может быть благодеянием, когда она есть прекращение зла». В целом, если задуматься, история человечества – какая это трагедия!

У нас есть неправильное понимание произведения А. Данте – «Божественная комедия». Комедия, считаем мы, – это игра, представление. Так вот, Данте написал не смешную историю, а человеческую трагедию, трагедию человеческого бытия. В ней описаны и круги ада, и чувства, которые он сам переживает... В вашем инженерном мышлении должно всегда присутствовать чувство высокой осознанной ответственности, суть которой сформулировал Ф. М. Достоевский: каждый за всё и во всем виноват. У России своя судьба, очень тяжелая судьба. Это – судьба крестоносца, сознательно воспринявшего на себя евангельскую проповедь. Вспомните, к чему призывал Иоанн Креститель, с чего начинал Христос свое служение: *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк.1:15). Однако каяться никто не хочет... В чем каяться, как каяться? – Этому надо учить.

Я всё время нахожусь в окружении людей, даже больше не клерикальных, а светских, но у всех необычайная забота о духовной сути жизненного процесса. Все очень озабочены той духовно-патриотической компонентой, которую всячески пытаются разрушить в нашем обществе. Это – отдельная, очень большая тема. Моя мечта, чтобы наши священники имели инженерное, системное мышление. Проявление этой системности должно быть и в личности каждого, и в обществе в целом. Основная сила в настоящее время, направленная на

дестабилизацию нашего общества, – это нарушение системы. Есть такой ученый – профессор Денисский. Он утверждает, что все современные катаклизмы: землетрясения, цунами и другие – это ответ природы на аморальность нашего человеческого состояния. Одно время газета «Вечерняя Москва» печатала его прогнозы.

В ответах на вопросы я – не последняя инстанция. Я никогда не даю никаких советов. Я просто пытался разложить по полочкам и помочь вам самим выбрать наилучшее решение. Апостол Павел пишет: *Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший (1Кор.12:31)*. Если вы на эту дорогу встали, то знайте, что это такая увлекательная область нашей человеческой жизни и сущности, что просто дух захватывает от того простора, который нам открывается.

Спасибо!

Кратко о многом

Какое великое счастье родиться на нашей земле

* * *

МИИТ – это моя альма-матер. Я много лет назад учился здесь на строительном факультете. И хочу сказать, что МИИТ имел для меня определяющее место в жизни.

Я родился в потомственной священнической семье. Род мой более трехсот лет служил алтарю. Когда в 1943 году политика государства в отношении Церкви изменилась к лучшему и стали открываться духовные школы, я ушел из МИИТа, но тесной связи с ним не потерял, ибо это – один из моих истоков. Я бесконечно благодарен МИИТу за школу, которая очень мне пригодилась в преподавательской деятельности. Здесь мои многолетние друзья и прекрасная, отнюдь не «затехническая», а весьма разносторонняя молодежь. Она интересуется культурой, историей нашей страны, христианской верой, религией...

* * *

Наша задача – в очень короткий срок дать первый толчок, чтобы ваша инженерная мысль заработала, и чтобы вы в свободное время, когда представится возможность, задумались об удивительном феномене, который называется человеком.

* * *

Индивидуум – это неповторимый комплекс психофизических, интеллектуальных и духовных свойств. Но эти духовные качества необходимо развить – только тогда человек становится личностью. Личность – это уже веха в истории.

* * *

Инженерное мышление – системное мышление, оно представляет проблему в целом... Богословие в определенном смысле ему сродни. Для богослова также очень важно видеть смысл того или иного явления и предвидеть его дальнейший ход развития.

* * *

Познание – функция нравственная, а нравственность есть неотъемлемое свойство человека. Наука, которая основана только на накоплении материала, даже если применяются самые современные методы, не отвечает на главный вопрос о смысле жизни и месте человека в мире.

* * *

Вселенная сотворена как совершенное, цельное, гармоничное, то есть системное, мироздание. Ее гармония была нарушена преступлением Закона Божьего – закона системности. Исключение богословия как формы обобщения религиозного опыта из образования и закрытие от него науки закрепляет эту «системную ошибку» и порождает незнание законов системы – Мироздания, консервируя это незнание и воспроизводя духовное невежество. Эти незнание и невежество не только становятся преградой в дальнейшем познании, но и продолжают разрушительную работу, размывая нравственные устои общества и нравственность как основу мира, Божьего творения.

В Библии утверждается принцип системного мышления. Бог создал мир как единую систему, в основе которой – нравственность.

* * *

Если мы стоим на узких материалистических позициях, то имеем только две функции – тело и психику, систему химического обмена нервных клеток, которые рождают мысль. Но это – механическая концепция, не объясняющая, почему, например, человек влюбляется – вопреки здравому смыслу и логике.

Культурология

Этапы становления русской культуры

Русская национальная форма Православия сложилась в результате восприятия восточного христианства племенами, населявшими территорию России. Поэтому, чтобы понять это явление, надо помнить особенности восточной формы христианства и, кроме того, рассмотреть отличительные черты славянского национального характера.

Доисторический период России – это период существования многочисленных разрозненных славянских племен на обширной равнине в бассейне двух рек – Днепра и Волги. Славяне уже в этот период не были оторваны от общих цивилизационных процессов. Путь «из варяг в греки» соединял их с Европой и Византией, через волжский путь открывались контакты с Востоком. Л. Н. Гумилев делит народы на три группы: собиратели, завоеватели и торговцы. Славяне – собиратели, которые сеют, пашут, убирают урожай и так далее.

В основе религии славян лежало, говоря современным языком, «экологическое мышление», любовное почитание природы, чувство единения с нею. В этом их отличие, к примеру, от сирийцев, вавилонян, египтян. Природа юга дает страшный контраст: холодная ночь и горячий полдень, бескрайние пески и глоток воды, которую надо доставать из колодца. Там рождается идея противопоставления добра и зла, смертельная борьба двух начал, равных и великих. У нас такие крайности редки, к средней же температуре легко приспособиться. В этой природной среде родился мягкий славянский национальный характер.

Славянское язычество отличается от вавилонского, египетского, греческого и римского. Там – множество богов, которые ведают различными жизненными функциями, у славян же круговорот природных явлений создает одно большое божество – природу. В этом природолюбии нельзя не любить человека.

Однако в процессе становления государства возникла потребность в более определенном, организованном культе.

Когда в IX в. князь Владимир на недолгое время ввел культ идолов по образцу скандинавского культа, славяне подчинились, но впоследствии расстались с этим культом без особого сожаления. Широким государственным планам самого Владимира этот культ также не соответствовал. Поэтому, согласно летописному рассказу, он разослал послов по всей земле, чтобы изучить религии мира и выбрать лучшую.

Что же привлекло его в византийской форме христианства? Прежде всего, высокая культура. Византия находилась тогда в высшей точке своего развития. Послы Владимира познакомились с пышным придворным обычаем Константинопольской Церкви, который, естественно, поражал внешне. Но важнее было другое. Несомненно, **Православие ощущалось как религия, наиболее близкая духовной природе славян.** В результате в 988 году Русь приняла восточную, византийскую форму христианства. **Этот выбор был определяющим для всей дальнейшей истории России.**

Мы рассматриваем русскую культуру не как принадлежность одного определенного этноса, а как общее достояние всех народов, населяющих Россию. Это очень **сложный, исторически образовавшийся синтез.** На протяжении всей своей истории Россия на свою исконную этническую основу воспринимала культуру иную, может быть, по некоторым признакам чуждую, но из этой культуры усваивала то, что ей ближе всего, и на этом создавала синтез, и так повторялось не один раз. Условно можно выделить пять этапов этого синтеза.

Крещение Руси дало **первый синтез: исконной культуры восточных славян и православного христианского мировоззрения.** Синтез был в высшей степени плодотворен и привел к быстрому становлению сильного государства – Киевская Русь и к созданию высокой культуры, еще во многом зависимой от византийской, но уже несущей на себе отпечаток национального своеобразия. Особого развития достигли изобразительные искусства – архитектура, живопись; литература в первое время была преимущественно переводной, но уже на ранней стадии стали появляться

произведения – такие, как «Слово о законе и благодати» Митрополита Илариона.

Следующий этап наступил в трагическое для Руси время, когда она вплотную столкнулась с кочевыми племенами Востока и более чем на двести лет оказалась включенной в систему азиатской государственности, находясь в зависимости от Золотой Орды. Этот вынужденный контакт с Востоком имел свои как отрицательные, так и положительные стороны. В значительной степени положительным был и опыт сосуществования с чуждыми по духу и мировоззрению народами, который был своего рода школой веротерпимости и уважения к другим культурам, отдельные элементы которых (особенно в прикладном, орнаментальном искусстве) были восприняты русской культурой. С другой стороны, Русь училась отстаивать свою самобытность. Главным итогом этого тяжелого времени был приход к мысли о необходимости сильной государственной власти, что в свою очередь вызвало и новое обращение к наследию Византии. **Зримым результатом этого, второго, синтеза было объединение разрозненных княжеств вокруг Москвы и осознание национальной идеи, отразившееся во всех областях культуры Московской Руси, а затем – расширение Руси на Восток, открывшее ей земли, простиравшиеся вплоть до Тихого океана.**

Следующий, третий этап синтеза наступил с усилением контактов с Западом, которые начались в XVII в., но особое значение приобрели со времени Петра I. Западное влияние было во многом губительным для русского общества, поскольку раскололо его на два взаимно чуждых лагеря: европеизированную верхушку и народную массу, культурный уровень которой значительно снизился. С другой стороны, именно в этот период Россия полноправно вошла в круг европейских держав, а русская культура, усвоив европейские формы, но оставшись национальной по содержанию, в полной мере приобрела ту способность к «сочувствию», «всечеловечность» (по выражению Ф. М. Достоевского), которая делает ее востребованной во всем мире.

Четвертый этап был в значительной мере вызван противоречиями, коренившимися в устройстве Российской империи. Он начался с усвоения представителями революционной интеллигенции западных социально-политических и экономических учений, которые, будучи энергично внедряемы в народную массу, привели к глобальным изменениям в политическом строе страны, свержению монархии и установлению Советской власти. Родилось коммунистическое государство – Советский Союз. Из господствующей советской идеологии была вычеркнута главная образующая компонента российского менталитета – религиозность. Но осталась русская культура. Советский Союз – это уже синтез исторически сложившейся русской культуры и элементов западной цивилизации. Этот период также неоднозначен, потому что, с одной стороны, он привел к гибели многих культурных ценностей и исчезновению самих носителей культуры; с другой стороны, к культурному строительству были привлечены широкие массы населения, в том числе – национальных окраин. Невзирая на открыто декларируемый атеизм, основы нравственности остались христианскими, а некие глубины национального самосознания незатронутыми.

Пятый этап начался с крушением СССР. В целом это опять-таки «западное влияние», но влияние уже нового, **постиндустриального и объявившего себя постхристианским, общества,** во многом деструктивное и опасное для наших национальных ценностей. Новый период, прежде всего, требует от нас умения выбирать. Именно это возвращает нас к сформулированным вначале целям и задачам нашего курса («Культурно-религиозное наследие России». – Ред.).

Эстетика преподобного Иосифа Волоцкого

Преподобный Иосиф Волоцкий достойно продолжил духовную традицию, завещанную Преподобным Сергием Радонежским и его учениками. Одолев внешнего врага во время монголо-татарского ига, Русь столкнулась тогда лицом к лицу с другим врагом, прокравшимся вовнутрь, коварным и изощренным. Делом жизни преподобного Иосифа Волоцкого было организовать монастырскую жизнь как активную силу в строительстве централизованного государства, распространить образование на все слои населения, поднять общий уровень нравственности через духовный опыт и уставность церковной жизни, дать отпор ереси, посягнувшей на самое существо и дух Русской Церкви.

Цель настоящей статьи в том, чтобы уяснить – за что, за какие ценности боролся преподобный, что видел он в простоте церковного обряда, в иконах преподобного Андрея Рублева и Дионисия, в устройении монастырского устава, без чего невозможно представить себе русскую культуру. Вот почему речь пойдет об эстетических воззрениях преподобного Иосифа Волоцкого.

Изучение русской духовной традиции во всех ее аспектах является насущной задачей огромного богословского и культурного значения. Особенно сегодня, когда Русская Православная Церковь столь торжественно отпраздновала свой тысячелетний юбилей, впору оглянуться на пройденный путь, глубже осознать собственное религиозное призвание, внести посильную лепту в памятование великих подвижников земли Русской.

Эстетика преподобного Иосифа Волоцкого – закономерна ли сама постановка вопроса о ней, допустимо ли вообще говорить об эстетике применительно к Древней Руси?

Немалые трудности в уяснении этой проблемы кроются в отрыве современного мировосприятия от основополагающих интуиций, религиозных по своей природе. Беда в том, что секулярные эстетические категории, выработанные и

испытанные в основном на материале западной ренессансной и постренессансной культуры, будучи вырванными из духовного контекста, лишены живых бытийных энергий; их применение в сфере средневековой культуры требует существенных оговорок.

В самом деле, целые исторические эпохи, в наследство от которых остались шедевры мирового искусства, неоспоримо свидетельствуют о том, что культура тесно связана с культом, а ее основные творческие элементы имеют сакральный характер. Высшие достижения человечества в эстетической сфере, непреходящие образы и образцы прекрасного обязаны своим возникновением духовным исканиям и религиозным вдохновениям. «Искусство с колыбели повито молитвой и благоговением, – как удачно выразился протоиерей Сергей Булгаков. – И в те времена, когда еще не родился новоевропейский *esopotic man*, человечество, само живя в лачугах, воздвигало богам величественные храмы, в противоположность теперешней эпохе, когда умеют строить вокзалы и отели, но почти разучились созидать святилища» (16, с. 379–380). С самого начала особо пристальное отношение к красоте знаменовало русскую духовность. Еще в акте выбора вер самое предпочтение Православию было оказано за красоту обряда: «Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человек, аще вкусит сладка, последи горечи не принимает, тако и мы не имам еде [то есть в язычестве] быти» (12, с. 68).

Неудивительно, однако, что на Руси не сложилось никакого специфического учения о прекрасном: когда онтологическая глубина укоренена в жизненном чувстве, идея эстетического не обособляется от других идей, но раскрывается в них.

Для человека Древней Руси мудро явленная красота была основой нравственного миропорядка. Если вся жизнь, все Божие творение пронизано красотой, то красота не может носить только субъективный и вкусовой характер, не может иметь ничего общего в онтологической сущности своей с личиной, обманом, прелестью, не нуждается в украшении. Она воистину духовна, знаменует собой Божие присутствие в мире.

И рече Бог: да будет свет. И бысть свет. И виде Бог свет, яко добро, и разлучи Бог между светом и между тмою

(Быт.1:3–4). Так в самом начале Библии, гармонично и красиво, появляется добро – результат первого Божиего прикосновения к невидимой и неустроенной земле. Славянский текст буквально следует греческой Септуагинте, а славянское слово «доброта» означает красоту как высочайшую гармонию. Именно так определяет ее святитель Василий Великий: «Красота отлична от доброты. Красивым называется то, что в свое время пришло в полную свою зрелость. Так прекрасна пшеница, когда поспела для жатвы... А доброта есть стройность в сложении членов, производящая собою привлекательность... превышающая все разумение человеческое и все силы человеческие и созерцаемая одним умом. Познали доброту Его ученики Его, которым Он наедине разрешал притчи. Видели доброту Его Петр и сыны Громы на горе, видели доброту, которая была светлее светлости солнечной» (4, с. 326). Пожалуй, и «Добротолюбие» по-русски следовало бы вернее перевести как «любовь к прекрасному», ведь подвижничество – искусство для осуществления христианского совершенства, оно дарит миру недостижимую духовную красоту.

Первым образом красоты оказывается, таким образом, свет; если попытаться охарактеризовать православную эстетику одним словом, ее следовало бы назвать *эстетикой света*.

Свет, который еще святой Григорий Нисский связывал с явлением Господа пророку Моисею на горе Синай, воссиял на том самом месте, где Богом дан был закон. В знаменитом Синайском монастыре, основанном Юстинианом в 527 году по Рождестве Христовом, апсиды собора во имя святой великомученицы Екатерины украшены были фресками Преображения Господня; «свет будущего века», предвосхищенный на Синае и просиявший на Фаворе, исихасты чаяли обрести у себя в сердце. Одним из самых знаменитых игуменов Синайского монастыря был преподобный Иоанн Лествичник. Его прославленная «Лествица» с юных лет была настольной книгой преподобного Иосифа Волоцкого. Именно в славянских странах особенно велико влияние преподобного Григория Синаита, в XIV веке принесшего практику сердечной молитвы на Святую Гору Афон. Изучение духовного наследия

преподобного Григория Синаита и монашеской традиции на Руси, восходящей к нему, помогает уяснить сущность религиозно-эстетических воззрений преподобного Иосифа Волоцкого.

В этом контексте представляет немалый интерес вопрос о соотношении исихазма и палеологовского искусства, в частности древнерусской иконописи середины XIV – начала XV века.

Современный исследователь справедливо считает, что «конкретные формы воздействия исихазма на живопись остаются недостаточно выясненными».⁴⁵

Рассматривая этот вопрос, выдающийся современный богослов протоиерей Иоанн Мейендорф обращает внимание на специфику восточнохристианского православного искусства, развитие которого, по его мнению, немыслимо вне религиозно-богословских воззрений его творцов, заказчиков и потребителей. Эти воззрения, отличавшиеся удивительной цельностью, объединяли и мысль, и искусство, и верования, и эстетику. «Разделение между эстетикой и личными убеждениями, – подчеркивает протоиерей Иоанн Мейендорф, – было немыслимо... Важным элементом этого мировоззрения было богословие образа, или «иконы», унаследованное от антииконоборческих споров VIII-IX вв. и основанное на самом главном пункте христианского учения: Божественный Логос стал Человеком, а тем самым стал и видимым, то есть также изобразимым, не переставая при этом быть трансцендентным. Это основное положение определяло сущность образа и задачу художника: оно требовало от последнего «умозрения в красках"» (14, с. 300). Эстетико-богословская цельность византийской культуры, в частности искусства, однако, едва ли допускала «разнообразие стилей», о котором пишет отец Иоанн Мейендорф далее, пытаясь слишком широко раздвинуть рамки этой традиции (вплоть до произведений французских импрессионистов). Аскетическая струя, конечно же, была характерной чертой исихазма. Именно с этим связана строгая каноничность византийской иконописи, нашедшая удивительно гармоничное воплощение на Руси в творениях гениальных

иконописцев – Феофана Грека, преподобного Андрея Рублева и Дионисия.

Подвергая принципиальной критике иконоборческую ересь и утверждая в качестве православного идеала искусства преображение (а не уничтожение или уничижение) плоти, преподобный Иосиф Волоцкий тем самым утверждал православную основу эстетики.

Следует сказать, что вопрос об иконописных стилях в православном умозрении представляется более богословским, нежели эстетическим. Ибо, в отличие от живописи, икона, изображая то или иное историческое лицо, передает не преходящий, а вечный его смысл, а нас, молящихся, переносит в другое, духовное измерение.

Мы знаем, что преподобный Иосиф Волоцкий с интересом относился к творчеству великих русских иконописцев – Феофана Грека, преподобного Андрея Рублева и Дионисия, высоко ценил их произведения (2, с. 212).

Житие преподобного, составленное епископом Крутицким Саввой, содержит сведения, что «и руку художници к нему в мнишеская облещися прихождаху» (17, с. 27). В этом же житии указано, что в числе помощников Дионисия по росписи Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря были и «два братанича» (племянника) преподобного Иосифа – Досифей и Вассиан.

Н. К. Голейзовский в своем исследовании, посвященном «Посланию иконописцу» преподобного Иосифа, подчеркивает: «Иосиф, уделявший исключительное внимание идейно-смысловой и дидактической функции искусства, не мог обойти стороной [эстетические] проблемы, затронутые в произведениях Нила [Сорского], а возможно, и других заволжских старцев» (15, с. 223).

Действительно, в «Послании иконописцу» содержится целый свод эстетических установок, которые, в отличие от мелочной регламентации Стоглава, предоставляют иконописцу возможность творить духовно свободно, не только придерживаясь канона, но и следуя собственному вдохновению. Так, например, в первом «Слове» Послания утверждается, что

иконописец должен «... творить образы и подобна... и того ради умом възводится к Богу».

Второе «Слово» содержит разбор специфики икон и их восприятия, представляя своеобразную инструкцию, «как и которая ради вины подобает христианом поклоняться и почитати божественныя иконы».

Н. К. Голейзовский считает, что художественный метод Дионисия сложился под влиянием метода преподобного Андрея Рублева, который охарактеризован преподобным Иосифом Волоцким в «Отвещании любозазорным». Подобно преподобному Иосифу (и не без его, вероятно, влияния), Дионисий пользуется в своем творчестве теоретическими выводами исихастов, прежде всего учением о так называемой умной молитве (15, с. 237).

Как известно, под влиянием умного делания, предпосылкой которого являлось преодоление помыслов и их внешних проявлений, формы подвижничества на Руси в XV веке в значительной мере видоизменились.

Преподобный Иосиф, как и преподобный Нил Сорский, в равной степени придерживались исихазма, хотя первый был сторонником общежительного, а второй – скитского жития. Иконы Дионисия, считает современный исследователь, наглядно иллюстрируют принципы исихазма: «Движения фигур замедлены; каждое фиксируется едва заметным склонением или жестом, чаще всего жестом рук, определяющим смысловой стержень композиции; взгляды людей спокойны, серьезны и ласковы» (15, с. 238).

Вспомним о том, что преподобный Иосиф Волоцкий советовал инокам быть умеренными в движениях, иметь тихую поступь, а преподобный Нил Сорский требовал, чтобы не только внешний вид, но даже взгляд инока был смиренный и ласковый (18, с. 48). Зависимость Дионисия в этом отношении очевидна.

Изображения святых, справедливо отмечает Н. К. Голейзовский, трактуются Дионисием как типы идеальных монахов-наставников, достигших глубокой духовной собранности, добротолубия, смирения, мудрости и прозорливости, все эти качества светятся в их самоуглубленных

взорах... Таким образом, можно сделать вывод, что Дионисий воплотил в своем творчестве понятие эстетического идеала, выраженное преподобным Иосифом Волоцким в «Послании иконописцу», практически осуществил его теоретические воззрения о воспитательной, духовно-эстетической функции искусства.

В понимании православной традиции каждый образ, каждая вещь, каждое событие коренятся в самом бытии, взятом вне временных или пространственных ограничений, в «закономерном единстве твари», в «подлинной реальности твари как таковой» (5, с. 74). Знаменуя вневременную и внепространственную неизменную реальность, структурным принципом православной культуры стал канон, определяющей особенностью, характеризующей ее, – каноничность, глубинная обратная перспектива, не принимающая и не признающая иллюзионизма субъективного отчуждения от Бога – Источника всякого бытия. Каноничность основополагается на непостижимости первообраза, данного в Откровении. Отношение первообраза и образа может показаться близким к отношению идеи и вещи в платоновской философии. По словам преподобного Иосифа Волоцкого, «и от вещного сего зрака взлетает ум наш и мысль к Божественному желанию и любви, не вещь чтуще, но вид и зрак красоты Божественного» (1, с. 157), «желанием безчисленным и любовью безмерною духом восхищающемся к первообразному оному и непостижимому подобию», «понеже почеть иконная на первообразное переходит» (1, с. 131).

Почеть, почитание, поклонение, а вовсе не познание только, как было у Платона и его последователей. «Возлетание ума и мысли», движимое «желанием безчисленным и любовью безмерною», энергиями первообраза, переходящими на образ, энергия высшего, которая может сообщаться низшим родам бытия, и есть, по учению святого Григория Паламы, присносушная энергия сущности Божией, отличная от самой сущности, но неотделимая от нее. Так и человеку подобает кланяться, поскольку в нем образ Божий, назидал преподобный Иосиф Волоцкий (1, с. 175).

Отвержение почитания икон на основании неизобразимости Божества есть в сущности отрицание Боговоплощения, самой возможности обоженной, пронизанной Божественными энергиями природы, а следовательно, отрицание спасения человека. Так неразсторжимо связаны между собой учения о неслиянных и нераздельных двух природах во Христе, об иконопочитании, о нетварном Фаворском свете, коренящиеся в предвечном таинстве Божественного Домостроительства.

Каноничность предполагает созерцательное углубление, сосредоточение на одном, а вовсе не погоню за новым, свойственную секулярному европейскому сознанию. Каноничность явлена на всех иерархических уровнях православной культурной жизни, вскрывая их коренное единосущие, принципиальную открытость вовне, в любви, которая есть «действие Бога во мне и меня в Боге» (6, с. 75):

- в церемониальности и в то же время простоте, духовной проясненности быта,
- в неукоснительном соблюдении устава, в литургичности богослужебного канона, в устройении храма,
- в благоговении перед словами Писания и в стремлении не отходить от них даже при выражении своих мыслей,
- в иконописи,
- в доброкачественности духовной жизни.

Осознанные иерархичность и антиномичность бытия не допускают хаотического блуждания мыслей и чувств, требуют постоянного духовного внимания и трезвения.

«Многая бо в Писаниях видятся, – писал преподобный Иосиф Волоцкий, – яко сопротивляющиеся друг другу, и овоща убо сице глаголют, овогдаже инако. Се же бывает от нашего неразсуждения, или от преобидения, или от презорства: словеса же святых мужей не изменяются, но мы, плотяни суще, духовная мудрствовать не можем, яже некто от святых рече, яко плотская мудрствующий не по воли Святаго Духа разумеют Божественная Писания, но по воле плотстей. Сего ради подвигнемся о сем со страхом Божиим, и упразднимся со смирением в Божественная Писания» (1, с. ПО), «со смирением

и многим трудом и с советом искусным, делом паче, а не словами навыцати, потаена же Святыми Писании никакоже искати, скотско бо есть се» (1, с. 215).

Вот, например, как говорит преподобный Иосиф Волоцкий о Крещении Руси: «Призре бо на него [на святого равноапостольного князя Владимира] всевидящее око, и просвети его Божественным Крещением, и бысть сын света» (1, с. 3). Как не вспомнить здесь упоминавшийся выше стих книги Бытия о сотворении света?! В сопоставлении с ним утверждение преподобного Иосифа теряет мнимую риторичность и обретает подлинную богословскую глубину. Свет творится в первый день, так и человек должен быть прежде всего просвещен Божественным светом, посему и само Таинство Крещения называется Таинством Просвещения, ибо оно дает «первоначальный свет и является началом всякого Божественного световодства» (святой Дионисий Ареопагит; цит. по: 7, с. 97). И, словно на свет первоначальный, смотрит Господь на святого равноапостольного князя Владимира, видя в его крещении начало сотворения Святой Руси. Так сотворение Святой Руси смело сопоставляется с созданием мира. В отличие от позитивистски настроенных историков конца прошлого века, таких, как Е. Е. Голубинский, преподобный Иосиф Волоцкий видел в начале истории Русской Церкви не кромешную непроглядную темень, а первоначальный свет (святой равноапостольный князь Владимир – сын света), который и является основой духовного различия: *и разлучи Бог между светом и между тмою* (Быт.1:4).

Крайне важно, что для преподобного Иосифа Волоцкого было непреложно онтологическое единство всякого процесса Божиего творения; будучи вечен, он продолжает существовать и непрестанно свершаться; в сущности, он единствен, как единственна и неповторима Божественная литургия, Евхаристия, свершаемая в тайне Домостроительства спасения мира и человека.

Не случайно поэтому, что Иосифо-Волоколамскому монастырю принадлежали несколько икон «Шестоднева» – не столь уж частый на Руси сюжет, – написанных знаменитым

Дионисием, наиболее вероятным адресатом «Послания иконописцу» преподобного Иосифа Волоцкого.

Исследователи часто упрекали преподобного Иосифа в преимущественном попечении о внешнем благообразии, винили в отсутствии внимания к внутренней духовной жизни, в уставном благочестии. При этом как-то упускалось из виду, что Устав преподобного Иосифа предназначался для большого общежительного монастыря, где не было недостатка в духовной литературе. Об Иосифо-Волоколамском монастыре говорится, что он вполне имел вид образовательного и воспитательного заведения или школы в ее философском смысле. Это была древняя академия.

Всегда следует учитывать назначение текста. Когда в «Отвещании любозазорным и сказании вкратце о святых отцах, бывших в монастырях, иже в Рустей земли сущих» преподобный Иосиф записал со слов троицкого старца Спиридона рассказ о Данииле Черном и ученике его преподобном Андрее Рублеве, преобладающим предметом внимания его стала их духовная жизнь, а совсем не внешние подробности – будь то биография, названия икон, их художественные особенности.

Иконописцам свойственно было «яко никогда же в земных упражняться, но всегда ум и мысль возносить к невестественному и Божественному свету, чувственное же око всегда возводити ко еже от вещных валов (красок, румян) написанным образом Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматери и всех святых». Когда они «на седалищах сядуща и пред собою имуща Божественныя и всечестныя иконы, и на тех неуклонно зряще, Божественныя радости и светлости исполняхуся» (8, с. 12).

И едва ли можно, подобно А. В. Карташеву, утверждать: «Заставить ходить по струнке – это то, по чему он (преподобный Иосиф) тосковал» (19, с. 407). Достаточно внимательно прочесть принадлежащий преподобному Иосифу чин «Како подобает во обители приходить к брату»: «То преже в келии своей востав, помолися Богу, глаголя: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй и спаси нас, и брата моего имярек молитвами его имене грешнаго помилуй, и спаси нас, и вразуми

нас по воли Твоей святой, и яко же хочеши, Господи, устрой вещь.

И тако пойдет; мало же не доходя келий братни, к нему же идеши, покашляй, дабы брат твой услышал глас твой и разумел приход твой; а внезапно прииди к келии братни, и пришед к келии, тако же покашляй, и приступи к оконцу келия с тихостию, и сотвори молитву Иисусову умеренным гласом. Аще не отвечает ти брат твой, и ты, постояв мало, паки сотвори погласнее первыя. И аще не отвечает ти, и ты потолкай с тихостию с персты по оконцу келия, но сия тако творяй, аще ти велика нужда Бога ради до брата того. Та ж мало постой и сотвори молитву погласнее первыя, а не чрез меру. И аще не слышит гласа, ни послушания, и ответа не даст ти, то отъиди. Аще ли брат твой и в келии будет, и не отвечает ти, больши того не твори pytania и не стукай.

Пребывающему ж брату в келии подобает ко приходящему по первой молитве и по второй с тихостию ответ дати брату и тако открыта оконца келии своя, лице же свое не все являти, но целомудренно взирати к нему и вопросити его: Что, господине, пришествие твое к нам? И аще будет приходящему брату до него в келии дело, глаголет ему: Дело, господине, мне до твоей святыни, благослови мя в келию к себе внити. Он же пристроит себе, яко же лепо, и пустит в сени келии своя» (2, с. 320–321).

От этого отрывка веет не духом формального благочестия, а чудным гармоническим сочетанием внутреннего и внешнего делания – сердечной молитвы и этикета. Сколь сродни эта строгая красота дивной музыке, присущей иконописи Дионисия, доходящей подчас до математической выверенности, открывающей совершенную духовную реальность. Недаром Иосифо-Волоколамский монастырь стал уже при преподобном Иосифе по существу вторым на Руси после Москвы культурно-художественным центром. Монастырская опись 1545 года упоминает преобладающее большинство сохранившихся от этого времени имен иконописцев (10, с. 42).

Высочайшим образом красоты служило для преподобного Иосифа церковное богослужение: «Церковь бо паче небес

укоренилась есть и удобнейши есть солнцу угаснути, нежели Церкви без вести быти (...) Ничто же бо тако обрадованну нашу устрояет жизнь, яко еже в Церкви красование. В Церкви печальным веселие, в Церкви тружающимся упокоение, в Церкви насилуемым отдохновение. Церковь брани разруши, рати утоли, буря утиши, бесы отгна, болезни уврачева, напасти отрази, грады колеблемая устави, небесная двери отверзе, узы смертная пресече и иже свыше наносимая язвы и иже от человек наветы вся отъят, и покой дарова» (1, с. 193).

Преподобный Иосиф Волоцкий поистине неистощим в подборе именований! Кажется, что он может продолжать славословие непрестанно: «Свет же и Дух Святой, истинный и животворящий Бог, совершенен и единосущен Отцу и Сыну, всемогущ, вседержавен, всех освящая, господствуя, обладая, царствуя, владычествуя, безначален, невидим, непостижим, неизследованен, неизречен, иже разумную и чувственную тварь создав с Отцем и Сыном и от Отца исходя, а не от Сына» (1, с. 182). Догматическое исповедание становится у него восторженным гимном, ибо «многу влагает в душу светлость, Божиим заступлением, яко же лучи неции, в мысль от Бога послани бывши молящагося (в мысль). Да якоже светильнику свет сице молитвенный свет» (1, с. 191). «Лепо есть предстояти Богу с страхом и трепетом и трезвящеюся бодренною душею. Якоже бо стрелец, аще бо благополучно хочет пущати стрелы, первее о стоянии своем прилежание творит (...) тако и ты, хотя стреляти лукаваго диавола главу, преже убо о благочинии чувств попечемся, потому же о благостоянии внутренним помыслом, яко да благополучно на диавола пущаеши стрелы, сиречь молитву чисту» (1, с. 190).

Не забывая и о внешнем делании, о гармоничной красе Божиего творения, Писания, богослужения, иконостаса, преподобный Иосиф Волоцкий резко выступал против «украшения», усматривая в нем не тягу к прекрасному, а гордость и сребролюбие: «Всякое (...) украшение чуждо священническому и иноческому образу (...) Поэтому всю силу приложим, чтобы уклоняться сребролюбия, украшения одежд и

пристрастия к вещам, и не только не иметь стяжания, но и не желать его» (2, с. 306–307).

В чем коренное различие между красотой и украшением? Для уяснения очень важно рассуждение преподобного Иосифа, содержащее истолкование заповеди Моисея, не раз порождавшей иконоборчество: «*Не сотвори... всякаго подобия* (Исх.20:4). Видите, что рече: *всякаго подобия!* (...) яко еллины творят всяко подобие волхвом и прелюбодеем и убийцам и зверем и птицам и гадам кумиры творят и богами тех нарицают и поклоняются им (...) *Не сотвори всякаго подобия и не поклонишися им и ни послужиши им* (Исх.20:5), сиречь кроме достойного. Аще ли достойное сотворил еси подобие в честь и славу Божию не грешил еси» (1, с. 134). Итак, подлинная красота предполагает достойный святой первообраз: «Божественных икон их первообразное свято есть и честно, идольское же первообразное – сквернейшия суть и не чистыя и бесовския изобретения» (1, с. 151).

«Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – задумается спустя столетия герой Ф. М. Достоевского. Кажется, именно к нему обращены слова «Послания к иконописцу» преподобного Иосифа Волоцкого, когда речь идет о «художестве художеств». И предписание преподобного выглядит как рецепт для изготовления лекарства: «Благоговейный инок, который восхотел врачевать свои грехи в тленном сем веке, пришел к некоему и великому и духовному врачу. Имеешь ли у себя – говорит – лекарства, могущие грехи исцелить? И говорит врач: Ей, честный отче! Отвечал же инок: И каковы же лекарства те? И говорит ему врач: Взойди на гору, то есть в пустыню, возьми корень духовный, Христа ради нищету и худость, и собери себе листья – голод и жажду; прими миро ливанское – смирение и страх Божий, и другое миро, индийское – целомудрие и чистоту, и миро халван – болящим служение, и от них бываемые теплые молитвы. И истолки все вместе в ступе послушания, просей их ситом – твоим чистым и благим житием и вложи их в чистый горнец в себе, и влей в него воду духовной любви, и зажигай пламень Божественного желания

под горнецом сердца твоего, и когда сваришь добре, почерпни их ложечкой – твоими тихостью и безмолвием, и вкуси их духовными обычаями, и не возвратись вспять во вся дни жизни твоей» (3, с. 324–325).

По завершении всего творения Господь, как мы знаем из Библии, назвал его «зело добрым» (весьма прекрасным). После грехопадения прародителей весь мир, весь богосотворенный космос претерпел онтологическую порчу. Идеалом Православия и его целью является восстановление падшего творения в его прежней красоте и неповрежденности, преображение космоса и твари, победа над грехом и смертью, «новое небо и новая земля». Поэтому и эстетику Православия следует считать «эстетикой преображения», «эстетикой обожения». Отсюда понятно, почему православное подвижничество заслужило высокое наименование «художества художеств». Вершиной творения явилось создание человека, венцом преображения явится новая жизнь, жизнь в Духе, теозис, воссоздание человека как образа и подобия Божия, свершение тайны Домостроительства Царствия Божия.

Недавно почивший в Париже профессор Леонид Успенский в своей работе «Богословие иконы» (Theology of the Icon. N.-Y., 1978) писал: «Красота, выраженная в иконе, – это чистота духовная, красота внутренняя, красота причащения земного небесному. Икона передает именно такую красоту – красоту-святость, богоподобие, достигнутое человеком. Присущими ей средствами икона передает то действие благодати, которое, по слову святого Григория Паламы, «как бы живописует в нас на образе Божиим подобие Божие так, что мы преобразуемся в Его подобие"».

Эстетика преподобного Иосифа Волоцкого, как и эстетика всего русского средневековья, служила именно этой наивысшей задаче, какая только может быть поставлена перед искусством.

Литература

1. *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Просветитель. Казань, 1882.
2. *Послания Иосифа Волоцкого*. М.; Л., 1959.
3. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси. М.; Л., 1955.
4. *Святитель Василий Великий*. Творения. Ч. 2. М., 1846.
5. *Священник Павел Флоренский*. Дух и плоть // ЖМП. 1969. № 4.
6. *Он же*. Столп и утверждение Истины. М., 1914.
7. *Бычков В. В.* Византийская эстетика. М., 1977.
8. Преподобного Иосифа Волоколамского отвещание любозазорным и сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Русей земли сущих // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1847. №7.
9. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. Париж, 1959.
10. *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV – начала XVI века. М., 1975.
11. *Достоевский Ф. М.* Об искусстве. М., 1973.
12. *Изборник*. М., 1969.
13. *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.
14. *Мейендорф И. Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 29. М., 1974. С. 291–305.
15. *Голейзовский Н. К.* «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV-XVI вв. // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI С. 219–238.
16. *Булгаков С. Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1917.
17. *Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким*. М., 1865.

18. *Боровкова-Майкова М. С.* Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912.

Воспитание сердца (беседа с фотожурналистом Валерием Генде-Роте)

– Ваше отношение к фотографии?

– Отношение к фотографии у меня самое благожелательное и самое серьезное.

Фотография – это синтез человеческой культуры века пара и начавшейся эры электричества.

Фотография – это результат труда многих поколений алхимиков, химиков, техников, художников, философов.

Фотография – это величайшее явление мировой культуры, можно сказать, поворотный этап ее истории.

Когда-то для художника-живописца, если его картины сравнивали с фотографическими снимками, слово «фотография» звучало как оскорбление. Сегодня в живописи есть течение, названное гиперреализмом. Его представители с максимальным тщанием переносят на холст окружающий мир, с большим или меньшим успехом конкурируют с объективом фотоаппарата в изображении мельчайших подробностей натуры, построении перспективы и т. п. Естественно, никто из них слово «фотография» бранным не считает. Видел как-то в одном американском юмористическом журнале симпатичную картинку. Некий средний американец держит своего малыша за руку и, показывая на художника, говорит: «Вот посмотри, сын, как много человек тратит времени, если у него нет денег, чтобы купить себе фотоаппарат».

– Каким Вам представляется процесс создания художественного произведения традиционными средствами и средствами фотографии?

– Из различных видов искусства живопись, пожалуй, мне ближе всего... С позиции современного человека, а отчасти и потому, что в детстве я учился живописи, процесс создания художественного полотна мне представляется как процесс отражения внутреннего мира художника. Согласитесь, разброс направлений в этом виде искусства воистину огромен. От реализма до абстракционизма – диапазон чрезвычайно велик,

но это еще не крайности. Однако и в первом, и во втором случае человек выражает себя, свое восприятие окружающего мира, свое внутреннее состояние.

Художник по своему усмотрению распоряжается композицией, освещением, цветом, формой, пропорциями изображенного на холсте. Он может сочетанием даже реалистически выписанных деталей и элементов довести всю картину до полного абсурда, что с успехом делал, например, талантливейший Сальвадор Дали.

– При всем том он очень уважительно высказывался о фотографии...

– О фотографии хорошо говорили многие известные люди... Совсем недавно, кажется, в журнале «Юность», я познакомился с суждениями на ту же тему писателя В. В. Набокова... Но продолжим нашу тему.

Художник может достичь почти мгновенного контакта зрителя со своим произведением, но может заставить его долго и мучительно размышлять, разглядывая увиденное. Можно сказать, что только художник, только он один, является властелином своего произведения. Сама «техника» создания живописного произведения как бы изначально предполагает максимально благоприятные условия для творческого самовыражения личности.

А теперь о фотографическом творчестве... Что бы там ни говорили поклонники чистого искусства фотографии, нельзя создать фотографию из ничего. Фотография – это всегда прямое отражение действительности.

Конечно, фотография очень разнообразна. Она может быть художественной, схематичной, гротескной. С помощью ее технических средств объективно существующий сюжет может быть приведен в какую-то необычную для нас форму и т. д., и т. п. Тем не менее, фотография – это способ отображения вне нас существующего мира, который в меньшей степени подвластен произволу художника, чем живопись. Сказанное гарантирует жесткое условие. Сформулировал его я бы так: для получения фотографического снимка обязательно наличие объекта и

субъекта фотографии, то есть окружающей действительности и отображающего ее фотографа.

Естественно, это существенно ограничивает возможности самовыражения фотографа по сравнению с живописцем. Однако повода для уныния в этом факте я не вижу. Разумное использование современной техники, понимание природы фотографии дают ее творцам и немалое число преимуществ.

Еще один момент. Художник, как правило, не ограничен временем своей работы над произведением. Мы знаем примеры, когда картины создавались годами и более, неоднократно переделывались и т. д. Не будем называть имена и фамилии, они общеизвестны.

Фотограф на создание своего произведения тратит секунды, иногда доли их. Даже если отбросить в сторону творчество вообще, то для такой работы нужна предельная концентрация чувств, движений, безукоризненное владение техническими навыками, даже физическая подготовка.

Но никто ведь «просто так» не снимает, а первоклассный фотограф тем более... Надо осмыслить окружающую действительность, провести какой-то отбор, наметить цель, определить средства и способы ее достижения... Нет, от творчества в фотографии никуда не денешься.

Все чувства фотографа должны быть чрезвычайно дисциплинированы. Это очень созвучно нашему времени с его непрерывно убыстряющимся темпом жизни.

Фотография не живопись, это другой вид искусства, и предъявлять ей те же требования, наверное, нельзя, как и нельзя оценивать по тем же канонам.

Мне кажется, что художественная фотография в своем развитии достигла таких высот, что некоторые ее произведения вполне могут стать рядом с гениальными творениями старого искусства.

Это о фотографии вообще, о фотографии как иллюстрации наших переживаний каких-то конкретных данностей.

– Давайте рассмотрим некоторые виды фотографии. Есть снимки, которые принято называть абстрактными. В среде

теоретиков термин «абстрактная фотография» утвердился весьма основательно. Вы это приемлете?

– Мышление человека образно. Представление абстракции, даже не имеющей конкретного содержания и конкретной формы, всё равно складывается из элементов, заимствованных из словарного запаса, арсенала чувств, переживаний, ощущений, словом, из тех моделей, которые когда-то уже были испытаны человеком. Трудно себе представить, что мы можем изобразить какое-то совершенно незнакомое нам понятие.

Я вспоминаю годы своего юности. Если быть точным – июль 1945 года. Тогда в США, в пустыне Нью-Мексико, была взорвана первая ядерная бомба. Лет пятнадцать спустя, а, может быть, и более мне довелось прочесть своеобразный отклик на это событие – интереснейшую книгу Р. Юнга «Ярче тысячи солнц». Описание доселе невиданного явления заняло несколько страниц и сделано вполне знакомыми словами, как и название книги.

Когда мы пытаемся представить себе картину какого-то будущего апокалипсического, непредставляемого еще крушения мира, то используем для этого всё те же пережитые и известные нам модели.

А теперь непосредственно о фотографии. Мы замечаем, иногда создаем, а затем с большим или меньшим успехом фиксируем различные фантастические сочетания плоскостей, объемов, цветов, движений, игры света на неопределенных поверхностях и т. п. Рассматривая полученные результаты, мы часто и весьма самонадеянно думаем, что держим в руках истинно абстрактную фотографию. Я в этом очень сомневаюсь. Мы всего-навсего уловили то, что существовало вне нас и помимо нас; более того, отбирая «сюжеты» для съемки, скорее всего сознательно или нет наполняем их каким-то реалистическим содержанием.

Как видите, с определением «абстрактная фотография» и с ней самой дело обстоит совсем не так просто. Боюсь, что человек с не очень развитым образным мышлением назовет абстрактной и ту фотографию, которая требует всего лишь раздумья.

– В Издательском отделе Московского Патриархата, которым Вы руководите и у которого в связи с 1000-летием Крещения Руси сейчас, наверное, немало работы, трудятся профессиональные фоторепортеры. Кроме того, я знаю, что Вы с пристрастием рассматриваете снимки в периодической печати, посещаете фотовыставки. По альбомам и, так сказать, «на ощупь» Вам знакомо творчество многих фотографов... Ваше отношение к современной событийной, журналистской фотографии?

– Есть особый вид фотографии, фотография документальная. Она передает радость и горе, созидание и разрушение, творчество и хаос. Назначение документальной фотографии – прежде всего в пробуждении нашего человеческого сознания, в побуждении его к активному действию – разделять радость или помогать в горе.

В религии мы говорим о внутреннем сопереживании личности тому, что совершается вне ее. Мы выражаем сочувствие, участие... Смысл этих понятий постоянно наполняет наши ежедневные взаимоотношения. Религия придает нашим внутренним переживаниям, я бы сказал, осязание реальности, связывает их с существовавшими или существующими явлениями, процессами, событиями. Отсюда в религии так велико значение воспоминаний, памяти. Отсюда в религиозном культе центральной идеей выступает единение разрозненного в пространстве и времени человеческого индивидуума и сообщества людей. Отсюда и острота этого сопереживания.

Солдат, погибший в одном из сражений Великой Отечественной войны, и воин, павший на Куликовом поле, – «внутри нас» – реальность. Острота переживаний в том и другом случае может различаться: люди, события, время слишком дистанцированы друг от друга, но ответственность за происходившее, сознание его действительности, его внутреннее насыщение своей душевной энергией в обоих случаях принципиально одинаковы. Когда в храме или на могиле возглашается «Вечная память...» – это не просто слова, это соприкосновение с реальным прошлым.

Если мы видим в газете, журнале или где-нибудь еще фотографию события, совершившегося где-то рядом с участием наших соотечественников, а может быть, и на другой стороне земного шара, где действующими лицами были совершенно незнакомые нам люди, то, рассматривая ее, мы не только удовлетворяем свою любознательность, свое стремление к познанию. Такие фотографии пробуждают в нас конкретные чувства, содействуют активизации желания в какой-то мере участвовать в изображенном событии.

Естественно, что человек не может во многом участвовать лично. Пределы его возможностей – физические, прямо скажем, экономические и другие – очень ограничены. Но ограничений для его душевной энергии, его сопереживания нет.

Мне думается, что современная настоящая правдивая журналистская фотография должна в нашем обществе играть значительно большую роль, чем она играет сейчас.

– Что Вы скажете о снимках человеческих трагедий? Нужно ли их делать, публиковать?

– Фотография человеческого горя: этична или не этична она? В нашей литературе однажды было сказано, что многие беды происходят от невоспитанности сердца. Для человека с воспитанным сердцем, может быть, в таких фотографиях нет необходимости. Одним только своим мышлением и воспитанным чувством сопереживания он побуждается к внутреннему соучастию не с ним происшедшей трагедии. Однако для человека, еще не воспитавшего в себе соответствующей способности к моральному и духовному сочувствию чужой беде или горю, такие фотографии безусловно нужны. Они будут действовать как импульс-возбудитель его еще дремлющих душевных сил. Воспитание чувств человека – благороднейшее дело, результаты которого возвратятся нам сторицею. Если говорить в этом плане о фотографии, то нам нужна и фотография красоты, и фотография боли, и фотография совершенства, и фотография бедствий, которые творит зло в этом мире.

– Я знаю, что Вы являетесь профессором Московской духовной академии. Используете ли Вы фотографию в этой

сфере своей деятельности?

– Фотографию я использую в качестве своеобразного теста. Студентам, сотрудникам, преподавателям я иногда даю в руки автоматические фотокамеры, а потом, через месяц-другой, просматриваю их работы. Захватывающее и полезное занятие... По тому, как и что человек видит, можно с большой вероятностью определить основные черты его характера: его отношение к прекрасному, степень его доброты, способность к соучастию, к сопереживанию. И когда кому-нибудь мне все-таки приходится говорить: «Нет, богослова из вас не получится», то испытание фотографией в окончательной оценке человеческих качеств тоже играет свою роль.

Для священника, для богослова занятие фотографией не является противопоказанным, наоборот, оно весьма полезно. Оно воспитывает внутреннюю культуру эмоций, учит обостренному вниманию, развивает чувство гармонии и красоты, приучает к открытому восприятию мира.

Мир Божий прекрасен. Он был бы прекрасен всегда, если бы мы не портили его своим безнравственным отношением к нему же.

Я вспоминаю свою покойную мать, своих старших наставников. Они изумлялись перед красотой листка, конструкцией какого-то сучка, нежностью былинки, целесообразностью мельчайшего творенья. Я благодарен им за переданное мне отношение к природе и благодарен фотографии за то, что всё увиденное могу запомнить и даже взять с собой.

– Вы фотолюбитель с большим стажем, большой поклонник камеры «Лейка». Расскажите, пожалуйста, немного о своем увлечении.

– Первую камеру «Лейка» я держал в руках, когда мне было девять лет. С тех пор я и «заболел» ею. Лет через двадцать, а может быть, и чуть более, на первые серьезные заработанные деньги я купил себе этот фотоаппарат. Сейчас у меня несколько моделей этой классической камеры. Есть самая первая, выпуска 1924 года, в идеальном состоянии с фантастически малым номером. Есть вторая, несколько третьих: «А», «В», «С» и «F».

– Вы не назвали модель «К» на шарикоподшипниках?

– Мне трудно было взять эту камеру в руки – она была сделана по заказу вермахта, но я как-то преодолел этот синдром. В моей коллекции она есть, затвор ее щелкает очень приятно. Не обошел вниманием я и камеры серии «М» той же фирмы. Они также есть в моей коллекции. Я фотограф-любитель. Сейчас снимаю мало и редко. Очень хотел бы тратить на это больше времени, но, к сожалению, его не имею. По той же причине фотографирую наверняка, используя самую совершенную электронную технику. Но если у меня есть время, я беру свою любимую «Лейку III В», которую носил когда-то в кармане завернутой в носовой платок, поскольку у нее не было футляра, и этим стареньким аппаратом с ласково щелкающим затвором пытаюсь выразить то, что я чувствую по отношению к тому объекту, который вижу.

– Вы участвуете в фотовыставках?

– Очень редко: последний раз – три года назад в выставке, устроенной фирмой «Лейтц» в городе Ветцларе.

– Мне хочется, чтобы несколько Ваших цветных диапозитивов как-то дополнили нашу беседу. Вы не возражаете?

– Пожалуйста, любые, на Ваш выбор.

– Большое спасибо Вам за беседу.

– Вам также.

Об издательской деятельности Московского Патриархата

Год с небольшим отделяет нас от Поместного Собора Русской Церкви, от торжеств Тысячелетия. Но этот короткий отрезок времени в жизни нашей страны и в жизни Русской Православной Церкви равен десятилетиям. Общество все более обращается к Церкви, к ее неисчерпаемому духовному и культурному наследию, ждет ее участия и помощи в разрешении многих назревших проблем. Постоянно расширяются возможности для выработки новых форм активной социальной деятельности Русской Церкви.

В этих условиях издательская деятельность приобретает особое значение. Печатное слово должно стать действительным голосом Церкви, проникающим в самые дальние уголки нашей страны и далеко за ее пределы. Настала пора преодолевать стереотипы старого мышления, касающиеся значения Церкви в обществе, представлений о формах и методах церковно-издательской работы, изживших себя производственных структур.

Издательская деятельность, как никакая другая, подвергается критике с разных сторон в силу специфики, наглядности результатов, неизбывной нужды верующих в изданиях духовного содержания, личностных оценок, открытости стиля работы Издательства.

Критикам следовало бы знать, что издательская деятельность, как никакая другая, зависит от внешних факторов: хронической нехватки бумаги в целом по стране и, в частности, недостаточности фондов, выделяемых на религиозные издания, а также ограниченных возможностей полиграфических баз, установлений тиражностей разрешающими органами.

Преодолевая эти трудности, Издательский отдел тем не менее значительно расширил свою работу как в номенклатуре и тиражности изданий, так и в выработке новых направлений

церковной информационно-проповеднической работы аудиовизуальными средствами в нашей стране и за рубежом.

В Издательском отделе проводятся исследования в области богословской научной работы, аскетики, церковной проповеди, библеистики, истории, гимнографии, церковного искусства. Не имея в настоящее время возможности широко тиражировать результаты своей работы, Издательский отдел считает актуальным подготовку образцов современных изданий. Некоторые издания Московской Патриархии тиражируются на Западе.

В силу обстоятельств и условий деятельности Издательский отдел стал одним из центров церковно-общественной работы многочисленных направлений. Принцип хозрасчета позволил организовать эту работу в интересах Церкви.

1988–1989 годы проходили под знаком 1000-летия Крещения Руси. К празднованию было подготовлено шестое, юбилейное издание Библии. Тираж (100 тыс. экз.) был направлен по епархиям Русской Православной Церкви, и практически через месяц издание стало библиографической редкостью. Таким образом, Библия до сих пор остается наиважнейшим изданием в наших планах. На конец 1989 года был запланирован повторный тираж юбилейного издания Библии, но сложное положение с фондами бумаги, а также отсутствие свободной полиграфической базы задерживают выход этого тиража.

Летом 1989 года выпущено четвертое издание Нового Завета тиражом 50 тыс. экз. Православный молитвослов с Псалтирью вышел в свет в 1988 году тиражом 75 тыс. экз. в нашей стране и тиражом 400 тыс. экз. в ФРГ. Новым для нас является издание Нового Завета параллельно на русском и церковнославянском языках. Тираж для учащихся Духовных школ – дар греческого православного монастыря Параклитос и деловых кругов Греции. Фотоформы переданы в дар Издательскому отделу и могут быть тиражированы у нас. Издание зависит от количества бумаги и полиграфической базы.

К юбилею Церкви издана уникальная рукопись XI века – Остромирово Евангелие – факсимильным способом. Церковное

и общекультурное значение этого издания весьма велико и высоко оценено научными и общественными кругами в нашей стране и за рубежом.

Результатом многолетней исследовательской работы сотрудников Издательского отдела явилась Библейская Симфония. В отличие от предшествующих изданий, как отечественных, так и зарубежных, эта книга включает в себя разработку текстов неканонических книг, дает представление о происхождении имен и названий и может служить кратким библейским и толковым словарем. 1-й том вышел в свет в конце 1988 года. В полном объеме Симфония в 6 томах может быть издана к 1995 году, если мы не изыщем возможности ускорить процесс ее издания.

В прошлом году была также завершена многолетняя работа по подготовке и выпуску в свет богослужебных Миней. Полный корпус этого издания составили 24 объемных тома, в которые вошел обширный литургический, исторический и агиографический материал. Выход в свет корпуса Миней должен завершить первый этап работы Издательства по обеспечению приходов Русской Православной Церкви богослужебными книгами.

В связи с возрождением в последние годы храмов и монастырей вновь стала актуальной задача переиздания некоторых книг. Закончена подготовка к повторному изданию Триоди Цветной и Постной, Часослова, Праздничной Минеи, Минеи общей. Нехватка бумаги и отсутствие полиграфической базы тормозят и эту работу.

Издан Устав об управлении Русской Православной Церкви тиражом 25 тыс. экз.

В 1988 году подготовлен и сдан в производство первый том собрания акафистов, но до сих пор организации, решающие за нас производственные вопросы, не могут обеспечить это издание полиграфической базой.

Вышли из печати два тома трудов церковных научных конференций – Киевской 1986 года и Московской 1987 года. Издание трудов третьей, Ленинградской, конференции 1988 года взяла на себя Синодальная библиотека.

Тысячелетию Крещения Руси посвящена серия брошюр и буклетов с цветными фотографиями и лаконичными текстами о храмах и монастырях Русской Православной Церкви: о Московском Свято-Даниловом, Псково-Печерском Успенском и Одесском Успенском монастырях, Богоявленском патриаршем соборе, храме Воскресения в Сокольниках, храме Воскресения словущего на Успенском Вражке, соборе святого равноапостольного князя Владимира в Киеве и об Успенском соборе во Владимире. Эта серия сразу стала популярной, работа над ней продолжается. Книга о Пюхтицком Успенском женском монастыре планируется к изданию совместно со швейцарской фирмой «Дезертина» к юбилею обители.

К празднованию 400-летия установления Патриаршества в Русской Православной Церкви вышли брошюра, посвященная жизни и деятельности всех Российских Патриархов, и несколько мелких изданий.

Продолжается издание «Журнала Московской Патриархии», который с 1989 года имеет новый формат, небольшое увеличение объема и тиража (в русском варианте с 30 до 32 тыс. экз.). Обновилось оформление журнала, появились новые рубрики: «В помощь начинающему проповеднику», «Пастыри Церкви о проповеди», открыт долгожданный цикл катехизических бесед.

К недостаткам журнала по-прежнему можно отнести перегруженность официозом, отставание хроникального материала – вестей с мест, рутинность форм традиционной подборки материалов, присылаемых из епархий и Духовных школ. Малоинтересны отчеты о поездках наших делегаций за рубеж, их участии в церковных и общественных мероприятиях ввиду преобладания информации дневникового характера, неоправданного внимания к атрибутике третьестепенной важности, отсутствия аналитического подхода к работе.

Редакция журнала, не получая своевременной информации из епархий и синодальных отделов, практически лишена возможности заблаговременно организовывать материал, создавать совместно с участниками форумов, дискуссий,

«круглых столов», симпозиумов, конференций продуманные концепции будущих статей.

Представители нашей церковной прессы не всегда приглашаются на внутренние и зарубежные международные мероприятия. Сотрудники АПН, ТАСС приглашаются, а церковных журналистов – игнорируют. Воистину, нет пророка в своем отечестве! С другой стороны, основными авторами журнала, как и прежде, являются представители духовенства на местах, которые избегают актуальных тем. Необходимо, чтобы епархиальные Преосвященные активно участвовали в работе редакции, поддерживали с ней постоянные связи.

В разработке богословских вопросов на страницах журнала и тем более сборников «Богословских трудов» должны были бы участвовать преподаватели и учащиеся наших Духовных школ. Среди них есть постоянные авторы журнала, но их мало. В целом связь Издательства с Духовными школами крайне слабая. Это нужно отнести как к недостаткам работы сотрудников редакции, так и к малой активности членов академической семьи.

Принципиально новыми для нас стали издания ежемесячного (дайджест) и еженедельного (газета) выпусков «Московского церковного вестника». Вестник-дайджест печатает на своих страницах и проповеди, и наставления святых отцов, и их жития, рассказывает об истории церковных праздников и учит поведению в храме. Отличительными чертами церковной газеты-еженедельника сразу же стали актуальность и острота тематики. По нашему плану «Вестник» должен стать массовым периодическим изданием Русской Православной Церкви. Приступая к этому новому для нас делу, мы столкнулись со множеством трудностей, когда добивались разрешения на издание, пытались найти полиграфическую базу. Неразрешенным оказался вопрос о распространении «Вестника» через Союзпечать и объявлении на него официальной подписки, хотя тираж издания с января месяца 1990 года сможет составить 200 тыс. экз. и разослать его подписчикам силами редакции будет невозможно.

Такого же рода трудности мешают развитию и других инициатив и новых ориентаций в издательской деятельности.

Издательский отдел продолжает выпуск грампластинок. Юбилейная серия составила 16 альбомов. Ведется работа по восстановлению архивных записей. Сейчас подготовлена грампластинка с записями известного русского архидиакона Константина Розова. Выпущена пластинка к 400-летию установления Патриаршества на Руси. В наших планах создание комплекта из 20 магнитофонных кассет, представляющих своего рода курс по истории, теории и практике церковного пения. Однако дефицит компакт-кассет в стране сдерживает эту насущно необходимую программу. Издание курса по церковной музыке откладывается на неопределенное время. Тяжелое положение сложилось с профессиональной пленкой для фонограмм грампластинок. Пока еще мы ухитряемся доставать какое-то количество пленки на Шосткинском комбинате, но, получая пленку, мы никогда не уверены, что получим ее не в последний раз. Необходимы стабильные фонды на эти материалы.

Говоря о нашей издательской деятельности, нужно упомянуть о производстве слайд-фильмов, которое начато в 1983 году и за прошедшие шесть лет превратилось в самостоятельное творческое направление. К празднованию 1000-летия Крещения Руси отдел слайд-фильмов совместно со студией «Диафильм» выпустил три комплекта слайдов: «Русская Православная Церковь», «Русская православная икона» и «Русский православный храм». Тираж каждой серии – 20 тыс. экз. Закончена работа над слайд-фильмом «По стопам святого апостола Андрея». Этот фильм создавался на материалах экспедиции Издательского отдела, которая вела съемки по маршруту апостольской миссии – с берегов Черного моря до Киева, Новгорода и далее на север. Начала выходить серия слайд-фильмов, посвященных русским монастырям. Готовы фильмы о Московском Свято-Даниловом, об Иосифо-Волоколамском монастырях. В работе находится слайд-фильм об Оптиной пустыни. Ведется также работа над слайд-фильмами по учебной программе Духовных школ. Трудности

для выполнения этой программы те же: дефицит фотоматериалов.

Нужно признать, что неотложные нужды Церкви Издательский отдел удовлетворить в полной мере не может. Как известно, производственный цикл, который проходит одна книга, в нашей стране равен году и более. И то, что нужно Церкви сегодня, должно было быть подготовлено по крайней мере несколько лет назад, когда увеличение числа Духовных школ, храмов и монастырей было весьма проблематичным, а средства к развитию, как и ныне, весьма ограничены.

Сегодня первостепенной становится задача духовного образования и духовного возрождения народа, сообщения ему высоких принципов Православия. Решить эту задачу нельзя, не имея изданных массовыми тиражами молитвословов, катехизисов, Псалтири и других книг, доступных каждому. В ближайших планах Издательства – краткий молитвослов с комментариями, сборник Богородичных молитв, краткий катехизис, брошюры, посвященные Таинствам Церкви.

Особое место должны занять издания богослужебных книг на национальных языках. Издательский отдел подготовил еще в 1986–1987 годах требник на молдавском языке. Думается, если бы раньше к этому направлению было проявлено большее понимание разрешающими инстанциями, то национальная напряженность, возникшая в некоторых районах нашей страны, была бы смягчена.

Говоря об основных направлениях издательской деятельности, необходимо отметить еще одно, совершенно для нас новое и особенно ответственное – подготовка учебных пособий для Духовных Академий, Семинарий, Духовных училищ, воскресных школ. За последний год открыто три новых Семинарии и пять училищ, мы надеемся, что этот процесс будет продолжаться. При храмах и монастырях открываются воскресные школы для детей, и вместе с необходимостью создания единой учебно-методической базы, единых планов остро встает необходимость создания единого корпуса учебных пособий для каждого уровня Духовных школ. Это сложная

работа, но мы готовы приступить к ней вместе с Учебным комитетом и преподавателями Духовных школ.

Другой важнейшей задачей сегодня является переиздание трудов русских святых отцов и подвижников благочестия. В настоящее время в производстве находятся творения святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника, письма оптинских старцев и др. Мы предполагаем иметь большие тиражи.

Что же мешает этой работе? В течение многих лет Издательский отдел получает строго лимитированные фонды бумаги, они настолько малы, что тиражи наших изданий носят номинальный и даже символический характер, а мощности и технические возможности полиграфической базы не соответствуют нуждам Церкви. На сегодняшний день бумаги для изданий Московской Патриархии не выделено вовсе. И если не будут приняты срочные меры Священным Синодом и Советом по делам религий, являющимся фондодержателем, ни одно из наших плановых изданий не увидит света.

При сохранении старых порядков невозможно ждать от нас серьезных сдвигов в издательской деятельности. Отдел должен иметь свою типографию, обладать возможностью свободного хозяйственного маневра, в результате которого можно было бы получать бумагу в необходимом количестве. Понятно, что создание современной высокопроизводительной полиграфической базы потребует больших затрат, в том числе и валютных.

На первом этапе этой работы подготовлено помещение для малой полиграфии и имеется предварительная договоренность с зарубежными фирмами на поставку оборудования. Следует иметь в виду также и то, что малая полиграфия способна выполнять заказы на издания для Духовных школ, синодальных отделов, монастырей и епархий. Расчетная стоимость проекта 15 миллионов рублей. Издательство не может самостоятельно оплатить все расходы и рассчитывает здесь на помощь всей Церкви, наших зарубежных приходов и представительств, международных религиозных организаций и ряда зарубежных фондов. Без помощи Священноначалия нашей Церкви не

обойтись. Мы надеемся, что Собор учтет в своих решениях проблемы издательского дела и будет содействовать их оптимальному разрешению.

Наряду с проведением работ, направленных на создание собственной полиграфической базы и централизованное издание церковной литературы, Издательский отдел обращается к епархиальным Преосвященным с предложением начать сотрудничество в издательской деятельности Русской Православной Церкви.

Учитывая новые формы развития экономики нашей страны и те возможности, которые они открывают, мы предлагаем два пути совместной работы.

Первый. Епархиальное руководство на местах включается в работу по изысканию возможности приобретения бумаги на уровне местных органов Госснаба СССР, а также путем заключения прямых договоров с предприятиями-изготовителями, то есть целлюлозно-бумажными комбинатами.

По договоренности бумага выкупается Издательским отделом или совместно Издательским отделом и епархией, что дает последней возможность принять долевое участие в издании и преимущественное право на получение большей части тиража. Полиграфическая база для выполнения данного заказа определяется совместно или участниками самостоятельно.

Второй. По заказу епархиального Преосвященного Издательский отдел готовит к выпуску ту или иную книгу и передает ее макет в епархию, которая в свою очередь размещает заказ на местном полиграфкомбинате. Условия компенсации за редакционную работу над изданием разрешаются участниками по договоренности на основе хозрасчетных отношений.

Думаю, что подобное сотрудничество представляет взаимный интерес и открывает перед нами перспективы.

Является весьма важным развитие творческого сотрудничества с зарубежными учреждениями Московского Патриархата. Особенно это важно в направлении сотрудничества с соотечественниками за рубежом. Опыт

установления таких творческих контактов у нас был в прошлом, но не имел развития ввиду технических условий. В новых обстоятельствах при соответствующем техническом оснащении развитие таких контактов возможно и полезно.

Представляется также перспективным путь совместных с зарубежными и советскими фирмами изданий.

Издательский отдел имеет некоторый опыт совместных изданий, вышедших к 1000-летию Крещения Руси. В последнее время были изданы: «Почитание Божией Матери на Руси и в Польше» совместно с польским издательством «Новум», «Русская икона» совместно с итальянским издательством «Эдиционе Паолине», «Почитание Божией Матери на Руси и в Баварии» совместно с Институтом Восточных исследований в Регенсбурге (оба издания в 1990 году выйдут на русском языке). К 1000-летию Крещения Руси выпущены совместно с финским издательством «Принт Юхтион» настенные перекидные календари, укомплектованные кассетами с записями хора Издательского отдела, с помощью «Внешторгиздата» – наборы открыток «Русская икона» и «Троице-Сергиева Лавра» в Праге. В стадии завершения находится Библия с иллюстрациями для юношества. Это издание предпринимается совместно с издательством в Загребе (Югославия). В стадии завершения переговоры со швейцарской фирмой «Фин-алмаз» о создании совместного полиграфического предприятия, на базе которого предполагается издать 51-томное собрание творений святых отцов. Планируемый тираж издания – 100 тыс. экземпляров.

Сегодня открываются гораздо более широкие возможности для международного сотрудничества в области книгопечатания, что подтвердили Московская и Франкфуртская (ФРГ) Международные книжные ярмарки. Издательский отдел впервые был представлен на ярмарке в Москве, где его экспозиция вызвала огромный интерес как общесоюзной, так и зарубежной издательской общественности, и впервые вошел в состав советской делегации Госкомиздата СССР, работавшей во Франкфурте, где стенд Издательского отдела привлек благожелательное внимание прессы, телевидения, зарубежных книгоиздательских фирм и обществ, а также многочисленных

посетителей. Поступило много предложений о совместной работе, но, не имея соответствующих юридических условий и поддержки регламентирующих органов, мы не можем в полной мере воспользоваться открывшимися возможностями. Тем не менее одним из результатов наших выставочных контактов явилась договоренность с издательством «Современник» на переиздание «Настольной книги священнослужителя», что и будет осуществлено с учетом всех замечаний и дополнений, которые могут быть сделаны до июня 1990 года.

Подытоживая, повторяю, что для решения основной задачи сегодняшнего дня: выпуска церковной литературы в необходимом количестве, а не символическими тиражами – надо идти путем создания своей полиграфической базы, путем кооперации с зарубежными и советскими издательствами, с помощью крупных международных фондов, и прежде всего фонда «За выживание и развитие человечества», одной из задач которого является способствование развитию всякой культурной и благородной инициативы, чему и служит церковное книгоиздательство. Такое сотрудничество должно иметь постоянный характер.

Информационная работа Издательского отдела Московского Патриархата

На протяжении последних 25 лет Издательский отдел Московского Патриархата ведет новую для нас, как и для всей Церкви, интенсивную международную информационную работу. Наиболее ответственным и сложным участком этой деятельности является работа с прессой. Эта работа особенно активизировалась в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия Крещения Руси. 1 июля 1986 года при Издательском отделе по благословению Святейшего Патриарха Пимена организован Информационный центр Московской Патриархии. Основной задачей этого центра является оперативное предоставление информации о жизни Русской Православной Церкви, других Церквей, религий и религиозных объединений в СССР средствами массовой информации, советским и зарубежным.

За время, предшествовавшее началу юбилейных торжеств, Информационный центр провел большую работу по обеспечению представителей средств массовой информации материалами по подготовке к празднованию. За это время было организовано более 15 пресс-конференций в Издательском отделе, в пресс-центре МИД СССР, в Отделе внешних церковных сношений. Организовывались интервью с представителями Священноначалия Русской Церкви, приходскими священниками, учащимися Духовных школ. В Издательском отделе было принято более 300 туристических и паломнических групп в контакте с Отделом внешних церковных сношений и «Интуристом», а также делегаций по линии Союза советских обществ дружбы. Со многими группами проводились встречи сотрудников, собеседования на религиозные и церковно-общественные темы. Каждая из таких встреч сопровождалась демонстрацией кино-, теле-, слайд-, видеофильмов, знакомством с фотовыставками и выставками изданий Московского Патриархата и изделий Софринского производства.

В период юбилейных торжеств Информационный центр был реорганизован в круглосуточно действующий Пресс-центр. За месяц работы сотрудники Пресс-центра аккредитовали для участия в торжествах 1525 представителей средств массовой информации.

При Пресс-центре были аккредитованы корреспонденты 29 газет, 37 журналов и 18 радио– и телепрограмм из нашей страны, а также 33 телекомпании из-за рубежа. Торжества Тысячелетия освещали 236 иностранных корреспондентов, представляющих более 90 зарубежных газет и журналов.

На Тысячелетии были аккредитованы также пресс-атташе и атташе по культуре практически всех посольств Москвы.

Для своевременного обеспечения корреспондентов информацией о праздновании в Пресс-центре распространялись пресс-релизы, которые выпускались сотрудниками Издательского отдела ежедневно в течение двух недель. Представители печати, не сумевшие лично присутствовать на праздничных мероприятиях, имели возможность получить всю необходимую информацию на ежедневных брифингах в Пресс-центре, в которых принимали участие представители Русской Православной Церкви, братских Церквей, зарубежные гости, сотрудники Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

На протяжении всего времени торжеств в Пресс-центре шел показ фильмов о жизни Русской Православной Церкви и видеоматериалов. Корреспонденты и гости могли услышать в Пресс-центре выступления хоров московских храмов, побывать на встречах с московским духовенством. По желанию корреспондентов сотрудники Пресс-центра устраивали посещения московских храмов, организовывали интервью с интересующим журналистов представителем Священноначалия Русской Церкви или зарубежным гостем.

Для наших гостей и представителей средств массовой информации в Пресс-центре был устроен стенд с фотографиями, отражавшими каждый день торжеств. Корреспонденты и гости могли заказать и приобрести необходимые фотоматериалы.

Таким образом, Информационный центр выполнил весь объем работы профессионального пресс-центра, и все события празднования получили должное освещение в мировой и советской прессе.

С окончанием юбилейных торжеств деятельность Информационного центра не прекратилась. Проходили пресс-конференции, посвященные выходу новых изданий Московского Патриархата, по просьбе Управления информации МИД СССР для зарубежных корреспондентов организовывались поездки в Оптину пустынь, Толгский монастырь, на открытие Семинарии адвентистов седьмого дня в Тулу и другие места, связанные с религиозной жизнью нашей страны.

Помимо работы в Пресс-центре, Издательский отдел принимал участие в различных мероприятиях церковно-культурного значения в Москве и других городах. Было проведено более 30 художественных и фотоинформационных выставок, концертов церковных хоров, из них 23 концерта хора Издательского отдела, встреч с общественностью на предприятиях, городских и районных собраниях.

В декабре 1988 года Информационный центр Московской Патриархии включился в подготовку к проведению в Москве в июле 1989 года заседаний Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей.

После нескольких встреч с представителями Департамента Коммуникаций ВСЦ была проведена пресс-конференция о предстоящих заседаниях ЦК в пресс-центре МИД СССР. По просьбе Департамента Коммуникаций Информационный центр оказывал помощь в организации пресс-центра ВСЦ в Москве, выпуске пресс-релиза на русском языке, организации информационной и культурной программ для приехавших иностранных корреспондентов и гостей.

Сотрудники Информационного центра участвовали в проведении пресс-конференций во время работы ЦК, выезжали с гостями в Загорск, Ленинград, Киев и другие города, намеченные для посещения иностранными гостями, членами ЦК и исполкома.

В Издательском отделе была проведена встреча христианок, в которой приняли участие представительницы ЦК и исполкома ВСЦ. По итогам женской встречи проводилась пресс-конференция.

Объем работы Информационного центра Московской Патриархии с каждым днем возрастает. Ежедневно сотрудники Центра встречаются с представителями средств массовой информации, организуют встречи и интервью, дают консультации работникам печати. Работа Центра проходила бы более успешно, если бы он в достаточной мере обладал современной множительной техникой для выпуска пресс-релизов и специально оборудованными помещениями для работы с прессой.

Деятельность Центра необходимо расширять в связи с быстрым развитием контактов Русской Православной Церкви в самых различных кругах советской и зарубежной общественности и активизацией ее социальной работы.

Некоторые цифры для иллюстрации. Ежемесячно Издательский отдел посещают от 25 до 40 групп из 10–12 стран мира, всего около 500 человек в месяц, причем количество продолжает расти. Это расценивается Издательским отделом как одна из сторон его информационной работы. Она выполняется сотрудниками отдела по совместительству на общественных началах.

Говоря об информационной деятельности нашего отдела, особое место надо уделить работе постоянного выставочного сектора. С декабря 1987 года она была ориентирована на подготовку к торжествам 1000-летия Крещения Руси. За неполные пять месяцев выставочным отделом подготовлены более 50 комплектов крупноформатных выставочных фотоэкспозиций и разосланы по просьбе представительств Русской Православной Церкви более чем в 25 стран. В Москве в период подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси подготовлено и открыто более 40 выставок и экспозиций. К концу юбилейного года развернуты выставки более чем в 100 религиозных, культурных, общественных центрах в нашей стране и за рубежом.

Во время празднования выставки были открыты в пресс-центре Данилова монастыря, в гостиницах «Украина», «Советская», «Россия». В Издательском отделе на протяжении всего юбилейного года подготовлено более 10 экспозиций, посвященных жизни Русской Православной Церкви за 1000-летний период и празднованию юбилея. Выставки были открыты в Культурном центре АПН, в Центральном Доме художника, в Центре международной торговли, в Доме художника на Кузнецком мосту, в пресс-центре МИД СССР, в Колонном зале Дома Союзов, в Доме кино, в Академии общественных наук. По окончании юбилейных торжеств в Москве выставочный отдел Издательства организовал выставки в Ленинграде, Тамбове, Фрязине, Петропавловске-Уральском, Пензе и других городах.

За 1988 год выставки, подготовленные Издательским отделом совместно с Софринским предприятием, по плану международной информационной работы вывозились в Венгрию, Грецию, на Мальту, в Польшу, США, ФРГ, Швецию и другие страны. Особенно активно выставочная деятельность проходила в ФРГ. По приглашению Евангелической Церкви в Германии наши выставки прошли более чем в 30 городах этой страны.

В 1989 году по приглашению Сибирского и Казахстанского отделений фонда культуры, Пензенской картинной галереи, Союза кинематографистов, Академии наук СССР, других общественных и государственных организаций выставки проведены в нашей стране.

Совместно с ТАСС фотовыставки были открыты в Риме, в Милане, на Филиппинах. По независящим от нас обстоятельствам выставка в Японии по просьбе Митрополита Токийского Феодосия – не состоялась.

Выставки, подготовленные Издательским отделом и вывозимые за рубеж, сопровождаются пояснениями, докладами и лекциями наших сотрудников, выступлениями хора Издательского отдела и храма Воскресения словущего на Успенском Вражке или прослушиванием записей церковной музыки, демонстрацией кино-, видео- и слайд-фильмов.

Подводя итоги работы выставочного отдела за послеюбилейный период, привожу следующие цифры: в епархии Русской Православной Церкви отправлено 130 выставочных комплектов крупноформатных фотографий, в зарубежные представительства, культурные и общественные центры – более 60 комплектов.

Нельзя не сказать о наших трудностях. Фотовыставки, которые мы готовим, требуют высокого мастерства наших корреспондентов и художников. Кроме того, эта работа связана со сложной и дорогостоящей фототехникой. Нам удалось подготовить своих фотомастеров из числа сотрудников, собрать профессиональную съемочную аппаратуру, приобрести удовлетворительное лабораторное оборудование. Труднопреодолимые проблемы создает необеспеченность фотоматериалами. Не хватает элементарных съемочных материалов, пленок, бумаги, химикатов. Все те усилия, которые мы предпринимаем, в частности во время заграничных поездок, дают лишь малую долю того, что необходимо. Сейчас появилась возможность решать вопросы снабжения дефицитными материалами и технологией путем более тесного сотрудничества с зарубежными партнерами, может быть, даже путем создания совместных предприятий, но наши собственные возможности слишком скромны, чтобы представлять коммерческий интерес для западного партнера, поэтому вновь приходится рассчитывать на помощь фондов и благотворительную деятельность западных фирм.

К международной информационной деятельности Издательского отдела необходимо отнести также работу музыкальной редакции и хоровых коллективов из числа сотрудников этой редакции. Наряду с большой исследовательской работой, изучением русского обихода, уставного пения, византийской музыки и древнерусских распевов, церковной музыки прошлого века и оригинальных произведений современных композиторов, они воплощают достижения творческого поиска и дают ощутимые результаты: эти песнопения звучат в храме за богослужением, в концертных залах, записываются на пластинки. За два последних года с

нашим церковно-музыкальным наследием смогли познакомиться жители многих зарубежных стран. Для многих это было открытием незнакомой культуры, первым знакомством с живой православной традицией, прикосновением к русской духовности. Хоры принимали участие в выставках к 1000-летию Крещения Руси, музыкальных фестивалях, симпозиумах.

Хоры под управлением А. В. Рыбаковой, иеродиакона Амвросия (Носова), П. А. Гринденко, С. Кривобокова были с гостевой (не коммерческой) концертной программой в Греции, Дании (2 раза), на Фарерских островах, в ФРГ, Швеции и Швейцарии. Только в ФРГ хор выступил более чем в 10 городах. Каждое выступление проходило с неизменным успехом. Общее число программных концертов за рубежом превышает 100. Сверхпрограммные и спонтанные выступления при различных встречах не подсчитаны.

У музыкальной редакции большие творческие планы. Мужской хор готовится к записи не исполнявшихся ранее Литургии и Всенощного бдения К. Шведова, смешанным хором впервые разучена Литургия Гречанинова, подготовлена программа духовных песнопений К. Голованова. Большое внимание уделяется исследованию музыкальных традиций XVII века, их результатом должна стать фонограмма восстановленных песнопений Всенощного бдения. Совместно с хором мальчиков Московского хорового училища мужской хор готовит программу из произведений Д. Бортнянского, А. Кастальского, П. Чеснокова, песнопения знаменного одноголосья и раннего русского партеса XVII века. В исполнении смешанного хора сотрудников музыкальной редакции мы скоро услышим сочинения композиторов московской и петербургской школ: П. Чеснокова, А. Гречанинова, Ф. Никольского, М. Ипполитова-Иванова, Н. Римского-Корсакова, М. Балакирева. В дальнейшем по этим программам будут подготовлены альбомы грампластинок. Исследовательская и исполнительская работа направлена на сохранение уставных церковных музыкальных традиций и культуры уставного церковного пения.

Большой вклад в информационную деятельность Издательского отдела вносят кино– и видеосекторы. Все события празднования 1000-летия Крещения Руси сняты на видеопленку, и еще до окончания торжеств советские и зарубежные гости смогли приобрести оттиражированные кассеты. Позже были смонтированы четыре видеофильма о торжествах: «Канонизация новопрославленных святых», «Праздничная литургия в Богоявленском патриаршем соборе», «Праздничная литургия в Даниловом монастыре» и итоговый фильм «1000-летие Крещения Руси». К сожалению, любительские технические средства и способы, которыми мы пользовались при создании этих фильмов, весьма примитивны, сопряжены с затратами больших финансовых средств, времени, сил и имеют невысокое качество монтажа. В видеотеке хранятся тысячи метров отснятого уникального материала, из которого можно сделать десятки великолепных профессиональных фильмов, но из-за отсутствия необходимой технической базы все это богатство остается пока не использованным. Решение этих задач возможно при условии создания совместного предприятия с более сильным партнером.

Киносектор участвовал в создании пяти профессиональных кинофильмов к 1000-летию Крещения Руси. Фильм «Под благодатным покровом», посвященный истории Русской Православной Церкви, сделан нашими сотрудниками совместно с Центральной студией документальных фильмов и фирмой из ФРГ «Новитекс» по заказу ОБЦС МП. С ЦСДФ снят также фильм «С нами Бог» о праздновании юбилея, являющийся продолжением первого. Фильмы о жизни Русской Церкви «Монастыри России», «За други своя», «Пасха на земле Сибирской» созданы на технической базе ЦСДФ совместно с коллективом сотрудников Издательского отдела.

Продолжаются совместные работы по созданию кинолент с зарубежными фирмами. Закончена работа над лентой «Почитание Божией Матери на Руси и в Баварии», в стадии завершения фильм «Евхаристия». Эти картины делаются вместе с Институтом Восточных исследований в Регенсбурге

(ФРГ). В начале 1990 года мы получим эти ленты дублированными на русский язык.

Международная деятельность Издательского отдела не ограничивается лишь информационными функциями. Продолжается работа с Департаментом Коммуникаций Всемирного Совета Церквей.

Очень важной для нас является работа в Экуменическом круге по информации в Европе. Эта дружественная прогрессивная организация христианских пишущих журналистов западных и восточноевропейских стран вступила в творческий контакт с МОЖ. Наше присутствие там весьма важно для международной деятельности Русской Православной Церкви. Необходимо расширить наше участие в ЭКИЕ.

Развивается наша деятельность во Всемирной ассоциации христианских коммуникаций (ВАХК), основной задачей которой является использование средств коммуникации для распространения христианской культуры во всех областях жизни. В ассоциацию входят наиболее значительные средства массовой информации в Европе и других странах. От нашей активности в ВАХК зависит распространение знаний о Русской Православной Церкви и жизни нашей страны. Митрополит Питирим в 1989 году был вновь избран членом Постоянного комитета ВАХК. В этом же году членом Постоянного и Исполнительного комитетов ВАХК впервые была избрана сотрудница Издательского отдела Т. А. Волгина.

Мы также надеемся на дальнейшее развитие контактов с Христианской общественной ассоциацией в Варшаве (Польша).

Церковно-общественная деятельность Издательского отдела

Издательский отдел вносит свой вклад в важнейшее на сегодняшний день дело – определение достойного места Церкви как института и отдельных верующих в современном обществе.

Одним из важнейших событий текущего года стало возрождение ставропигиального Иосифо-Волоцкого монастыря. Мы ищем современную модель возрождения духовного и экономического многовекового уставного служения Церкви миру через сотрудничество с общественными кругами в нашей стране и за рубежом.

14 января 1988 года в Москве учрежден Международный фонд «За выживание и развитие человечества» – уникальная по своему характеру и масштабу неправительственная, некоммерческая организация, основным направлением деятельности которой является осуществление новаторских проектов по основным глобальным проблемам. Особое внимание уделяется этическим проблемам, охране окружающей среды, развитию международного сотрудничества в области религии, здравоохранения, образования и культуры. Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, будучи членом инициативной группы, вошел в Совет директоров этого фонда и избран вице-президентом Международного фонда и президентом его Советского отделения.

В рамках фонда подготовлен проект исследования актуальных проблем гуманитарной этики, который ставит целью разработку фундаментальных гуманистических принципов этики, основанных на различных религиозных, культурных, мировоззренческих традициях и долженствующих стать эффективным импульсом к созданию общечеловеческой концепции выживания перед лицом угрозы нравственных, экологических, социальных, экономических и политических кризисов.

В настоящее время фонд занимается подготовкой крупного Международного форума по экологии и развитию за выживание человечества, который предполагается провести в январе 1990 года в Москве. Издательский отдел является учредителем центра делового сотрудничества с зарубежными странами по созданию международного экологического фонда резерва озона, цель которого – предотвращение тяжелых последствий экологической катастрофы в стратосфере и на земле.

В сотрудничестве с этим фондом и при его поддержке мы надеемся развивать церковно-издательское дело. В частности, на принципах создания совместного предприятия разрабатывается проект типографии в Москве и других местах.

У нас значительно расширился контакт с представителями светских организаций и учебных заведений. Сотрудники отдела выступали с лекциями на встречах со студентами и общественностью в МГИМО, МЭИ, в обществе «Знание», в ВПШ, в Центральной Школе Комсомольского Движения, в Институте печати при ВПШ, в ВООПИКе, Доме ученых, Доме литераторов, Доме композиторов и др. Даны благотворительные концерты духовной поэзии и музыки в ЦДЛ и в Концертном зале им. П. И. Чайковского. Средства от продажи билетов переданы на оказание помощи пострадавшим от землетрясения в Армении, в Фонд ветеранов Афганистана, в Фонд милосердия. Регулярным стало сотрудничество в передачах Гостелерадио и телевидения на Советский Союз и участие в зарубежных программах. Издательский отдел проявил инициативу по созданию объединения воинов-инвалидов, возвращенных из Афганистана, с целью их физической и психологической реабилитации.

Как один из первых шагов в направлении душепопечительной работы сотрудники Издательского отдела навещают больных в больнице № 15 г. Москвы. Летом 1989 года впервые сотрудник отдела в священном сане посетил заключенных в Бутырской тюрьме. Группа сотрудников отдела ведет постоянную работу в области милосердия.

Работа в направлении благотворительности и милосердия становится регулярной не только для сотрудников

Издательского отдела, но и через них в кругах церковной общественности.

Сотрудниками Издательского отдела в священном сане в период 1988–1989 годов проведен опыт регулярных катехизических бесед в приходе храма Воскресения словущего на Успенском Вражке и начаты регулярные катехизические занятия с детьми по субботам и воскресеньям.

Приведу несколько цифр. В 1988 году на помощь пострадавшим от стихийных бедствий и катастроф перечислено 70 тыс. руб., на восстановление переданных Русской Православной Церкви храмов и монастырей – 500 тыс. руб. Более 80 тыс. руб. Издательский отдел передал на строительство храма-памятника 1000-летия Крещения Руси. Значительные суммы выделялись различным советским фондам, синодальным отделам Московской Патриархии и Духовным школам. Только за 1988 год общая сумма наших пожертвований составила 1 754 000 руб.

Таким образом, Издательский отдел принимает активное участие в общецерковной заботе о страждущих людях, в возрождении духовной жизни не только ограниченными возможностями издательской работы, но и широким многоплановым участием в различных областях церковно-общественной жизни.

В отдельных направлениях Издательский отдел является первопроходцем, открывая новые пути церковно-общественного служения, укрепления мира, взаимопонимания и дружбы между народами.

Библиография

Труды митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

Журнал Московской Патриархии

Торжественное богослужение в день тезоименитства Святейшего Патриарха Алексия // 1951. №3. С. 4–5.

Служения Святейшего Патриарха Алексия // 1958. № 8. С. 8–10.

Окончание учебного года в московских духовных школах // 1960. № 7. С. 13–14.

Во имя единения и мира. Посещение Святейшим Патриархом Алексием Сербского, Болгарского и Румынского Патриархов // 1962. № 7. С. 3–26.

Беседа представителей редакции «Ж. М. П.» [А. В. Ведерников, архимандрит Питирим] и корреспондента ТАСС [А. М. Григорьева] с делегацией профессоров богословского факультета Афинского университета [проф. А. Аливизатос] // 1962. №7. С. 52–55.

Несколько дней паломничества [на Афон] // 1962. № 9. С. 38–48.

Осенние праздники в Троице-Сергиевой Лавре и Московской духовной школе // 1962. №11. С. 20–27.

Слово в день памяти Святителя и Чудотворца Алексия // 1963. № 2. С. 50–53.

Слово о св. Иоанне Русском в Неделю Всех Святых // 1963. № 7. С. 31–33.

Святейшему Патриарху Алексию [благодарность за поздравление в связи с 20-летием журнала] //1963. №9. С. 7.

Беседа ответственного редактора «Журнала Московской Патриархии» епископа Волоколамского Питирима с д-ром Э. Пейном // 1964. № 3. С. 36–39.

Литературные труды Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла // 1965. № 5. С. 52–55.

Интервью председателя Издательского отдела Московского Патриархата епископа Волоколамского Питирима с

генеральным секретарем ВСЦ д-ром Ю. К. Блейком // 1967. № 6. С. 17–18.

Религиозные основы миротворчества // 1969. № 4. С. 42–46.

Патриарх Сергей в истории восстановления патриаршества // 1969. № 5. С. 63–71.

Слово в Неделю русских святых // 1969. № 7. С. 15–16.

Этот день принадлежит Церкви // 1970. № 2. С. 25–29.

Надгробное слово [на похоронах Патриарха Алексия] // 1970. № 6. С. 26–29.

В послушании свободного духа (слово учащимся духовных школ) // 1970. № 10. С. 35–36.

Вечная память почившим [Соколов В., протоиерей, Москва] // 1971. № 4. С. 34.

У гроба Патриарха Грузинского // 1972. № 6. С. 57–63.

К 50-летию Союза ССР // 1972. № 12. С. 37–39.

Братские визиты Предстоятеля Русской Православной Церкви // 1973. № 2. С. 12–20.

Братские визиты Предстоятеля Русской Православной Церкви // 1973. № 3. С. 8–13.

Братские визиты Предстоятеля Русской Православной Церкви // 1973. № 4. С. 10–17.

Интервью // 1973. № 4. С. 50–52.

Братские визиты Предстоятеля Русской Православной Церкви // 1973. № 5. С. 11–17.

У святителя Спиридона в Керкире // 1974. № 1. С. 44–46.

О душе воскрешенной (слово на Евангелие от Марка, 5, 35–43) // 1974. № 2. С. 30–31.

О поездке Патриарха Пимена в Эфиопию // 1974. № 5. С. 38–47.

Церковь как претворение Тринитарного Домостроительства // 1975. № 1. С. 58–63.

Церковь и свершение творения // 1975. № 1. С. 64–76.

Интервью // 1975. № 11. С. 58–59.

В Неделю 16-ю по Пятидесятнице // 1976. № 1. С. 35–36.

Слово в Неделю Всех святых // 1977. № 8. С. 66–67.

Максим, Патриарх Болгарский. На ниве Господней. София, Синодальное издательство, 1975, 508 с. // 1977. № 10. С. 53–54.

Интронизация Блаженнейшего Патриарха Румынского Иустина I // 1977. № 11. С. 44–47.

Погребение Блаженнейшего Архиепископа Кипрского Макария // 1977. № 11. С. 47–50.

Памяти Блаженнейшего Архиепископа Кипрского Макария // 1977. № 12. С. 39–44.

Слово в день поминовения Святейшего Патриарха Алексия // 1978. № 2. С. 32–33.

Пред панихидой в родительскую субботу // 1978. № 10. С. 28–29.

В Неделю Всех святых // 1979. № 6. С. 27–28.

Лампада Преподобного Сергия // 1979. № 9. С. 32.

Слово перед панихидой [в день Усекновения главы Иоанна Предтечи по всем отдавшим жизни за Отечество] // 1980. № 9. С. 52–53.

Слово на торжественном акте в Покровском храме МДА 21 сентября 1980 года (по случаю празднования 600-летия победы на Куликовом поле) // 1980. № 12. С. 17–19.

Слово под Новый год // 1981. № 1. С. 26–27.

Слово в день памяти святого Иоанна Златоуста // 1981. № 2. С. 37–39.

Слово на Пасии // 1981. № 8. С. 43–45.

Слово о послушании // 1982. № 1. С. 44–46.

Рождественское письмо к христианским публицистам // 1982. № 1. С. 66.

Богословие Святейшего Патриарха Пимена. Его общественное и миротворческое служение [доклад на торжественном собрании в МДА и МДС] // 1983. № 2. С. 20–25.

Слово на Вознесение Господне // 1983. № 9. С. 36–37.

Пастырская дидактика святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова // 1984. № 3. С. 70–75.

Слово в день памяти святого пророка Божия Елисея // 1984. № 8. С. 41–42.

Жертва вечерняя // 1985. № 1. С. 40–41.

Свете Тихий // 1985. № 2. С. 41–43.

О званых и избранных // 1985. № 12. С. 34–36.

«Ангела Хранителя у Господа просим» // 1986. № 1. С. 41–42.

Дидактические принципы Яна Амоса Коменского и их влияние на становление богословского образования в русской Духовной школе [доклад, прочитанный при вручении ему диплома доктора богословия *honoris causa* на Богословском факультете имени Яна Амоса Коменского в Праге 9 декабря 1985 года] // 1986. № 5. С. 69–72; № 6. С. 70–75.

Слово в Неделю 5-ю по Пасхе, о самаряныне (Ин. 4, 4–42) // 1987. № 4. С. 30–32.

Слово на Рождество Пресвятой Богородицы // 1987. № 9. С. 43–44.

Ответы на вопросы итальянского журналиста // 1987. № 10. С. 4–5.

Слово в день празднования перенесения мощей святителя Иоанна Златоуста // 1988. № 1. С. 35–36.

Слово в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших // 1988. № 6. С. 42–43.

Эстетика преподобного Иосифа Волоцкого // 1989. № 1. С. 60–65.

Слово в Неделю о мытаре и фарисее // 1989. № 2. С. 42–44.

Верую во Единого Бога Отца // 1989. № 8. С. 45–46.

Выступление на Съезде народных депутатов СССР // 1989. № 9. С. 7–8.

Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя // 1989. № 9. С. 37–38.

Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым // 1989. № 11. С. 37–39.

Об издательской деятельности Московского Патриархата // 1990. № 2. С. 24–31.

Патриарх и его время // 1990. № 7. С. 27–28.

Слово в Прощеное воскресенье // 1991. № 2. С. 39–40.

Выступление на IV Съезде народных депутатов СССР (20 декабря 1990 года) // 1991. № 4. С. 47–48.

Слово в день памяти мученика Иоанна Воина // 1991. № 8. С. 36.

Византия и Радонеж (из доклада на XVIII Международном конгрессе византинистов) // 1991. №11. С. 60–61.

Культурное наследие и современность // 1993. № 9. С. 77–86.

Милость Божия // 1993. № 11. С. 2–4.

Поздравляем юбиляра [И. А. Минакова] // 1994. № 1. С. 14.

Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в связи с 65-летьем со дня рождения, 23 февраля 1994 года // 1994. № 2. С. 2–5.

Ангела-Хранителя у Господа просим // 2003. № 11. С. 45–46.

Слово о послушании // 2003. № 11. С. 46–49.

Богословские труды

О Волоколамском Патерике // 1973. № 10. С. 175–176.

Из древних сокровищ Эфиопской Церкви // 1973. № 10. С. 223–224.

Основные проблемы современного богословского исследования в их развитии с конца XIX века // 1970 [1971]. № 5. С. 215–226.

Приветственное слово [к участникам конференции, посвященной тысячелетию Крещения Руси] // 1987. № 28. С. 17–20.

Арсений, архиепископ Элассонский, и его поэма об учреждении русского патриаршества // 1969 [1970]. №4. С. 251–256.

О Блаженном Августине // 1976. № 15. С. 3–24.

Арсений, архиепископ Элассонский. Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Элассонского и повествование об установлении Московского патриаршества // 1969 [1970]. №4. С. 257–279 (пер. и коммент.).

* * *

Выступление на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1971 года // Поместный Собор Русской Православной Церкви, 30 мая – 2 июня 1971 года. Документы, материалы, хроника. М., 1972. С. 200.

Об издательской деятельности Русской Православной Церкви // Деяния Поместного Собора Русской Православной Церкви, 6–9 июня 1988 года. М., 1990. С. 320–350.

Выступление на Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (1982 год): Отчет о работе пресс-службы // Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», Москва, 10–14 мая 1982 года. М., 1983. С. 217–219.

Приветственное слово на Международной церковно-исторической конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси. Киев, 21/28 июля 1986 года // Международная церковно-историческая конференция, посвященная... М., 1988. С. 27–36.

Приветственное слово [к участникам конференции, посвященной тысячелетию Крещения Руси] // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М.: Издание Московской Патриархии, 1989. С. 13–14.

Преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М.: Издание Московской Патриархии, 1989. С. 75–85.

Предисловие к книге «Тысячелетие почитания Пресвятой Богородицы на Руси и в Германии» // Тысячелетие почитания... Мюнхен-Цюрих: Издательство «Шнелль унд Штайнер»; М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1990. С. VII.

Предисловие к книге «Почитание Божией Матери в Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви в Польше» // Почитание Божией Матери... М.: Издательский отдел Московского Патриархата; Варшава: Институт печати и издательств «Новум», 1989. С. 6 (совместно с Казимиром Моравским).

Предисловие к книге протоиерея Льва Лебедева «Крещение Руси» // *Лебедев Лев, протоиерей*. Крещение Руси. М., 1987. С. V-VI.

Предисловие к книге Л. К. Розовой «Великий Архидиакон» // *Розова Л. К.* Великий Архидиакон. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. С. 3–4.

The Russian Orthodox Church: Ten Centuries of History and Culture // The Orthodox Church in Russia. New York, Paris: The Vendome Press, 1982. P. 17–60.

Dix siècles d'histoire de l'Église orthodoxe russe (Essai d'histoire culturelle) // L'Église orthodoxe russe. Zurich: Hebscher, 1982. P. 17–45.

Zehn Jahrhunderte Russisch-Orthodoxe Kirche // Die Orthodoxe Kirche in Russland. Zürich: Orell Füssli verlag, 1982. P. 17–60.

Сост. **Е. Полищук**

Памяти Архипастыря

Слово перед панихидой по случаю 80-летия со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева) (Москва, Сретенский монастырь)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Нелегко мне говорить устами о Его Высокопреосвященстве митрополите Питириме, однако легко будет сердцем излить о нем светлую грусть, сотканную из любви и благодарности к нему.

Прежде всего, я признателен (а с этим, надеюсь, и вы все согласитесь) отцу наместнику сей святой обители Его Высокопреподобию архимандриту Тихону за то, что он предоставил нам ныне возможность собраться здесь и почтить память нашего незабвенного Владыки.

Да и как не почтить великое светило нашей Церкви, верным чадом которой был приснопоминаемый Владыка. Сказано ведь: *Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие (Евр.13:7)*. И притом необходимо *почитать их преимущественно с любовью за дело их (1Фес.5:13)*. А дело Владыки в полноте своей необозримо нашему благочестивому вниманию. Потребуется много времени и сил, чтобы просто очертить его границы. О нем сейчас много пишется книг и статей, но еще больше будет составляться их впредь.

Само присутствие наше за сегодняшним богослужением является ни чем иным, как нашей ответной любовью за любовь Владыки к нам, ответной болью души за его боли о нас, ответной молитвой за его молитвы об окружавших его в его трудной и сложной жизни. Он ведает об этом, ибо, по вере нашей, духом пребывает среди нас. Как сказал один христианский философ: «Мертвые знают о живых больше, чем сами живые о живых».

Звезда Его Высокопреосвященства ярко засияла на православно-московском небосводе уже на заре его юношеских лет. Внешне красивый, высокого роста, всегда вызывающий собеседника на откровенность взглядом лучистых глаз;

обаятельная улыбка или едва заметный ураган гнева на проявление жестоких, обжигающих душу нравственных ветров грешного мира сего. Не менее замечательны были и его внутренние качества: сдержанность, образованность, необыкновенная начитанность, крайняя осторожность в словах и поступках, отзывчивость даже на малейшие просьбы, почтительность и настойчивость в исполнении церковных, а затем и монашеских послушаний. Не напрасно Святейший Патриарх Алексий I считал его самым лучшим и понятливым из всех своих иподиаконов. Достаточно было одного взгляда, еле заметного движения бровей Патриарха, чтобы они тут же были замечены и поняты умным иподиаконом. Такие свойства характера Владыки не могли не привлечь к нему внимания.

Доверие к нему высшей церковной иерархии и заметная стойкость в православии быстро поднимали звезду его авторитета. Уже на исходе его тридцатилетия он стал известным и далеко за пределами России. Но где бы он ни был и какое бы высокое положение ни занимал, в нем постоянно, с неиссякаемой силой высвечивалось нечто такое, что можно было определить как исконно русское, московское, глубоко пронизанное природной народной духовностью.

Его любили за благолепие и усердие к богослужениям. Умилительно было наблюдать, как он легко и изящно делал положенные церковным уставом поклоны, притом не переваливаясь с одного колена на другое, а истово, по древнемонашескому чину.

Удивительно было трудолюбие Владыки. Почти никто из знавших его не смогут определенно утверждать: ездил ли он когда-нибудь в отпуск, отдыхал ли вообще? Своим отдыхом он считал те дни, когда по телесной немощи был вынужден подчиняться требованиям врачей лечь в больницу.

Вот с таким богатством нравственных и духовных достоинств Господь наш Иисус Христос и явил его в сложные моменты истории Русской Православной Церкви, поставил на те вершины, с которых Слово Божие могло мощным потоком низвергаться в сердца человеческие. И Владыка наш стал достойным избранником Божиим, ибо сердце его пылало

необъятной любовью к словесам Господним. Для него слово Божие было не только непреложной истиной, мечом обоюдоострым, живым и действенным, но и, по пророку, огнем, молотом, *разбивающим скалу* (Иер.23:29). А скала его времени, застывшая из сплава людской гордыни, зависти, неприязни к Церкви и почти открытой враждебности к ней со стороны предрержащих властей, была слишком остра и обрывиста, чтобы легко и доступно ее преодолеть.

Особенно это относится к первым трем годам, когда Владыка возглавил «Журнал Московской Патриархии». Сколько тогда требовалось от него мудрости, опыта, дипломатической находчивости с сильными века сего, знал, наверное, только он один. Случись быть напечатанным хотя бы одному неосторожному слову или предложению – и журналу грозила опасность уйти в небытие. Я сам лично, как сотрудник редакции, в те годы ощущал сложности и опасности со стороны всех подводных камней, среди которых сохранял свое равновесие и жизнь упомянутый журнал. И были успехи – православный народ увидел напечатанными Библию, молитвословы, богослужебные книги и многое иное, необходимое для спасения бессмертных человеческих душ.

Дивным было отношение Владыки к молитве. Любое время дня было для него временем постоянной горячей молитвы. По рассказам знавших Владыку, всё, что ни совершал он: разговаривал ли с писателями, дипломатами, политиками, сидел ли за трапезой, углублялся ли в глубины исторических анналов или философских систем, повествовал ли (часто с улыбкой) о своей жизни – его пальцы всегда незаметно для окружающих перебирали монашеские четки.

Мои чувства так насыщены переживаниями, что просто теряюсь от намерения охватить мысленным взором всю многогранность жизни Его Высокопреосвященства. Знаю лишь, что он, подобно пророку Моисею (Исх.40:5), хотел соделать из всех, с кем общался, своего рода *золотой жертвенник*, на котором бы воспитывались и утверждались золотые светильники, то есть те, кто дело своей жизни полагает во имя славы Божией и своего вечного спасения. Он и сам был

золотым Христовым светильником на земле нашей. И, несомненно, в награду за это Господь сподобил его за полгода до смерти еще более осветиться светом Благодатного огня, привезенного им, по патриаршему благословению, от Гроба Господня.

Вот почему, если мы желаем истинно почтить светлую память митрополита Питирима, постараемся быть именно такими светильниками. И в этом будет заключаться некая частичка нашей благодарной памяти, которая, будучи пронизанной и умноженной нашими молитвами, встретится с утешительными молитвами Его Высокопреосвященства, митрополита Питирима о всех нас. *Аминь.*

Протоиерей Анатолий Цвиркунов,
настоятель храма во имя святителя Николай Чудотворца на
Рогожском кладбище

На старом московском кладбище

Владыка позвонил рано утром. «Еду по делу на Даниловское кладбище с женой академика В-а. Куда заехать за тобой?» Решили просто – меня захватят по пути у Храма Христа Спасителя.

Шел 2002 год. День был не только летний, но какой-то удивительно прозрачный: солнечно, ветрено, зелено. Я ждала Владыку с нетерпением. Столько лет мы откладывали разговор о том, как привести в порядок более чем скромные могилы родных! И вот, наконец....

Подошла машина. Он рядом с водителем, приветливый, оживленный. Познакомил нас, заговорил об озере, на разных берегах которого по удивительному совпадению наши с его спутницей семьи проводили лето. Шутливо заметил, что пора создавать там «землячество». На кладбище они прошли вперед, у одной из могил остановились, поговорили. Я не мешала. Потом, закончив словами: «Ну а теперь мы сходим к нашим родителям! За Вами вернемся», – позвал меня.

Впервые мы стояли вдвоем в ограде перед могилами родителей и ушедших к тому времени всех членов большой и удивительной семьи, в которой он был младшим сыном, а я – старшей внучкой и племянницей. Мы оба рано осиротели. Владыке было 11 лет, когда в 1937 году умер его отец, мой дедушка; мне и брату почти столько же, когда в 1945 году не стало нашего отца. Бабушка и моя мама, старшая дочь в семье, прожили еще много лет, сохранив и вырастив своих детей.

Мы стояли молча. Было так покойно в этом трепещущем солнечном мире, что никто из нас не нарушил тишины. Разговор не состоялся. Но как знать, может быть, не сказав ни слова о практических намерениях, он передал мне то, что было гораздо важнее: глубокое чувство родства, светлое ощущение живой памяти об ушедших. В тот день я еще не знала, что скоро мне и моему мужу, архитекторам, также и моему брату, нашему постоянному оппоненту, составившим авторский коллектив (С. Ораевская, Л. Долинин, К. Ораевский), уже без Владыки

предстоит пройти путь поисков и сомнений, острого чувства ответственности, когда, выполняя эскизы, макеты, модели, мы разрабатывали варианты памятника ему и приведения в порядок семейного захоронения.

Место своего упокоения Владыка выбрал сам. Как-то давно я стала одолевать его просьбами обсудить благоустройство участка на Даниловском кладбище, и он сказал: «Не решил еще, где мне быть – в монастыре (Иосифо-Волоцком) или на Даниловском рядом с родителями. .. А правильно было бы на нашем участке делать мемориал семьи Нечаевых и нас всех записать на общую доску. Последнюю дату потом поставить»... От неожиданности я рассмеялась: «Как, и живых?»

Недели за две до кончины он вызвал меня в госпиталь, где я часто бывала, и без всякого вступления тихо и просто сказал: «Ну вот, Сусанка, теперь решай все сама и думай обо всех сразу. Меня хороните на Даниловском»... Я вскинулась: «Ну что ты! Мы все силы кладем на твое выздоровление!..» У меня перехватило дыхание... Он очень тихо, без эмоций, остановил меня: «Ты слушай...» Перечислил свои распоряжения, что-то спросил, на что-то ответил и отпустил.... Домой добралась с трудом.

Таким было его решение. Место, где на старом московском кладбище, недалеко от церкви, был похоронен протоиерей Владимир Андреевич Нечаев, было для семьи свято. Чудом из ссылки вернулся дедушка. Он через всю страну шел к своей большой семье, которую собрала в Москве и сберегла бабушка, и был тяжело болен, застудив в лагере почки. Многие ли семьи священников имели счастье увидеть отцов и знать, где покоятся их останки? А после дедушки рядом с ним мы хоронили моего отца, бабушку, сестер Владыки, мою маму.

И только теперь, когда столько пережито и передумано, когда прошло пять лет и с его уходом мы потеряли всех близких людей еще раз, мне кажется, я стала понимать, что значила его мысль о «мемориале семьи Нечаевых».

История семьи любящих и очень красивых людей – отца Владимира и Ольги Васильевны Быстровой – удивительна. Она уложилась во временные рамки двадцатого века. Их старшие

дети (Михаил и Вера) родились в 1901 и 1903 годах в молодой и счастливой семье, младший (Константин) ушел из жизни последним в 2003 году. Все трагические события прошедших ста лет коснулись семьи Нечаевых, где было одиннадцать детей: войны, революция, разруха, репрессии, нужда. Но они, дети священника, не отказавшиеся от отца, выстояли. Что их защитило? В бабушкиной семье любили друг друга, спешили друг другу на помощь, были добры к людям, терпеливы, умели радоваться жизни.... Ольга Васильевна молилась о каждом – о детях, об отце Владимире, а потом и о внуках. Горячо верила. И ответ, видимо, прост – их хранила любовь и вера.

Памятник митрополиту Питириму, Константину Владимировичу Нечаеву, стоит на верхней кромке естественного откоса, где в живописном беспорядке расположены деревянные и металлические кресты, скромные гранитные надгробия на могилах горожан. И кажется, что само время поместило его в окружение тех православных людей, которым служили многие поколения Нечаевых на протяжении 300 лет. Его прадеды, дед и отец были известны в храмах Тамбова, Козлова (Мичуринска), Москвы. Владыка похоронен рядом с родителями и сестрами на участке за часовней, если идти к ней по дорожке по левую руку от церкви, спускаясь в нижнюю часть кладбища.

Проектирование шло тяжело. Не уживалось глубоко личное чувство с необходимостью профессионального подхода к решению задач. Вот мраморный белый крест. Мы проектировали его в 1964 году для бабушки и дедушки, Владыка утверждал его, ставила с мастерами сестра Владыки Ольга (архитектор-реставратор). Он был для нас мерилom всего – памяти о дедушке, глубокой нежности к бабушке. Не менее значим был чугунный крест, замечательной работы, который Владыка выбрал сам для могилы сестер. И наконец, памятник, который мы установили позже моим родителям, с его выраженным архитектурным решением. Нужно было сохранить значение каждого и памятник Владыке выделить как главный.

Памятник выполнен и установлен благодаря поддержке фонда «Наследие митрополита Питирима», его генерального

директора В. П. Егорова, председателя Правления – ректора МИИТа Б. А. Левина, членов фонда – А. М. Касьянова, А. А. Выгнанова. Благодаря личному участию и неоценимой помощи руководителя Московского метрополитена Д. В. Гаева мы получили возможность разместить заказ на современно оснащенном предприятии по изготовлению памятников из природного камня, обратиться к лучшим мастерам.

Проектный замысел с точностью до миллиметра отразился в полированных поверхностях гранита. Памятник несет в себе черты многих православных надгробий. Значительная часть его элементов присутствовала в великолепном деревянном кресте, установленном в день похорон по заказу Московской Патриархии, и использована нами: фронтоны с двускатной кровлей, врезанный простой крест, в открытом киоте «панагийное» изображение старинной иконы Казанской Божией Матери, каноническая надпись с именем Владыки. Принятое в форме часовни решение в целом выполнено в стиле «модерн» (1900-х годов), более близком к нашему времени, но не современном нам и в то же время не архаичном.

Цветная икона выполнена по нашему заказу и по особой технологии фирмой «О-плитка». Ее подарил для памятника Владыки генеральный директор А. С. Долгий. Вместе с позолоченным крестом и текстом икона «подсвечивает» великолепный полированный черный гранит в любую погоду. Есть, как мне кажется, в этом соотношении формы, цвета и яркости жизнеутверждающая традиция церковного православного дизайна. Она не противоречит торжественности памятника, его покойному величию.

Однако прежде чем передать проект в производство, мы проверили решение в натуре. Была выполнена модель памятника в натуральную величину в картоне и установлена на месте. В присутствии церковных лиц – архиепископа Орехово-Зуевского Алексия, протоиереев Владимира Ригина, Владимира Романова, Николая Пензина и иерея Михаила Сергеева, а также общественных деятелей А. М. Касьянова, А. Я. Бондаренко и архитектора Г. Н. Христенко было обсуждено и принято проектное предложение. Участники согласились, что крупные

габариты стелы (170x72x23 см) свободно разместились в пространстве между крестами, что со стороны дорожки она также не кажется громоздкой, так как на 30–40 м удалена от нее.

Придя к общему мнению, что решение монумента достойно и не нарушает сложившегося окружения, собравшиеся утвердили его для реализации.

Освящение памятника, сооруженного в октябре 2005 года, состоялось в канун второй годовщины со дня кончины Владыки по инициативе фонда «Наследие митрополита Питирима» в присутствии приглашенных – членов фонда, сотрудников кафедры Теологии МИИТа, сотрудников митрополитена, авторов проекта. Чин освящения совершил архиепископ Орехово-Зуевский Алексей.

И теперь родительская семья Владыки покоится на трех участках Даниловского кладбища. Только его брат Николай лежит на Ваганьковском. И на каждом памятнике – Нечаев, Нечаева, Нечаев... По православному чину мы поминаем всех, как это делал он. Только теперь мы начинаем с его имени: помяни, Господи, во царствии твоём Высокопреосвященного митрополита Питирима, протоиерея Владимира, Ольгу (его родителей), Михаила, Иоанна, Николая, младенца Виктора (его братьев), Веру, Анну, Ольгу, девицу Александру, девицу Марию, девицу Надежду (его сестер).

Сусанна Ораевская,
архитектор

Отечество

Взгляд митрополита Питирима через фотообъектив

Человек не может уловить течение времени, увидеть, как бегут секунды; человеческий глаз не может точно поймать тот единственный миг, когда впервые вздрагивает лепесток распускающегося цветка, когда рождается ветер или появляется под чьими-то ботинками новая отметина на стертых каменных ступенях старого храма. Мы любимся или бутонами, или уже раскрытыми лепестками цветов, наблюдаем за раскачивающимися от уже рожденного ветра верхушками деревьев и с интересом разглядываем древние камни с отметинами времени.

Память человека пытается удержать мгновения, поразившие, удивившие, вдохновившие его... но память не всегда способна сохранить мельчайшие подробности, оттенки, нюансы увиденного. Памяти свойственно порой в угоду нашему подсознанию изменять что-то в запечатленных картинах.

Фотография дает нам возможность сохранить мгновения такими, какими мы их увидели и захотели запомнить. Митрополит Питирим любил искусство фотографии и фотографировал много, когда имел такую возможность. Его увлечение фотографированием, наверное, было обусловлено удивительной способностью к сопереживанию, к тонкому и чуткому восприятию прекрасного во всех его проявлениях. Владыка даже собрал коллекцию фотоаппаратов, старинных и современных.

Из большого количества снимков, сделанных Владыкой в разных странах и городах, были отобраны кадры с видами нашей Родины, России. И на это есть несколько причин.

Во-первых, эти фотографии самые откровенные, щемящие. Это взгляд не любопытного туриста, а взгляд сына, любящего своей землей, восхищающегося ее красотой, радующегося и страдающего вместе с ней. Во-вторых, эти снимки, запечатлевшие мгновения, которые Владыка остановил во времени, просто необходимо было сделать достоянием людей. Тех, кто видит и чувствует красоту мира, и тех, кто

самостоятельно не может испытать очарование природы: кто равнодушно взирает на лопающиеся весной почки на вербах; на сияющие на фоне синего неба купола сельской церквушки; на стайку гусей на деревенской улице...

Эти снимки учат замечать очарование и привлекательность родного края, и чем больше всматриваешься в них, тем больше понимаешь, что мир – это воплощенная красота. Страшно, когда нарушается природная гармония, и хочется остановить извечное людское (не человеческое) стремление к разрушению красоты, при том, что человек наравне с этим стремится и к наслаждению ею.

И еще одна причина. Всё чаще молодые люди числят себя некими гражданами мира, непонятно какого происхождения, такими космополитами, желающими жить там, где больше платят, слаще кормят, мягче стелют... Вырастает такая поросль, как трава перекасти-поле, которую гонит ветер, и ей всё равно, где она остановится и под каким ветром зашелестит... Больно это. Человек должен вырастать сыном своей страны, должен ощущать, что солнце Родины для него светит ярче и греет теплее, хоть и освещает и согревает весь мир. Любовь к родной земле можно и нужно воспитывать. И, может быть, тогда молодые люди не будут искать счастья на чужбине, а свои знания, свои силы используют на благо Отчизны. Чтобы почувствовать свою любовь к Отечеству и осознать ее, нужно бывает просто попристальнее взглядеться в синие дали с косогора своего детства, или узнать знакомые очертания одинокого дерева у деревенской околицы, или увидеть размытую дождем дорогу через поле, вспомнить вдруг забытый аромат какой-то травы, растущей только у твоего дома – всмотреться в эти фотографии и поразмыслить...

Надежда Балабанова

Заключение

«Покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак.2:18)

Благодатная тишина опустилась в предзакатный час на Волоколамскую землю. Неожиданно вспорхнувший ветерок встревожил метелки камыша, что густо опоясал большой Иосифовский пруд, пробежался мелкой рябью по его водной глади и затих, запутавшись в камышовых зарослях.

Всполох последнего луча закатившегося за монастырскую стену солнца зажег золотом купола Успенского собора и храма Богоявления Господня, и они ярко высветились на фоне потемневшего неба. Но вот исчезла последняя багровая полоска за западной стеной Иосифо-Волоцкого монастыря, и сумерки мягко окутали обитель, пруды и всю Волоколамскую землю. Наступило время умиротворения. В эти минуты так и хочется отрешиться от суетности жизни и прислушаться к себе, подумать о душе своей. Вот и в монастыре внешняя сторона жизни замерла, но усилилось напряжение жизни внутренней. Возносятся ко Господу молитвы о спасении душ грешных, заблудших, потерявшихся, отчаявшихся, молитвы о возрождении Отечества в былом величии его национального духа.

С восстановлением Иосифо-Волоцкой обители – святыни русского Православия – неразрывно связаны последние годы жизни митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, ставшего с момента возвращения монастыря Церкви 15 мая 1989 года его игуменом. На закате архипастырского пути он принял на себя еще одно трудное послушание. «Когда меня постригали в монашество в Лавре, – вспоминал Владыка, – у мощей преподобного Сергия стоял старый монах, который вскоре умер. И только когда я был назначен епископом Волоколамским, кто-то вспомнил, что он был из Иосифо-Волоцкого монастыря».⁴⁶ Почти тридцать лет мечтал митрополит Питирим о возрождении обители. Глубоко почитая преподобного Иосифа, он, по свидетельству очевидцев, постоянно призывал его в своих молитвах, а будучи профессором Московской духовной академии, в день

Преподобного приглашал семинарский хор, студентов и преподавателей на богослужение в село Спирово, где находился ближайший от монастыря действующий храм. Именем преподобного Иосифа Волоцкого Владыка назвал основанный им домовый храм в Издательском отделе. Под его наблюдением велись строительные и реставрационные работы в возрождающейся обители, при нем произошло великое событие – обретение мощей Преподобного, ранее находившихся под спудом. 12 июня 2003 года мощи были торжественно положены в раку, и теперь каждый день в монастыре начинается с братского молебна у мощей. Так сбылись слова преподобного Иосифа, который в последнем обращении к братии сказал: «Вот вам знамение: если я получу некое дерзновение и милость у Господа – место сие не оскудеет». Всей своей жизнью митрополит Питирим совершал завещанный преподобным Иосифом Волоцким нераздельный подвиг молитвы и общественного служения, невзирая на все тяготы, сложности, непонимание...

Мое знакомство с Владыкой началось с чтения его проповедей «Верую...», напечатанных в «Журнале Московской Патриархии» (№ 8, 9, 11 за 1989 год). Осмысление прочитанного перевернуло мое сознание.

Не касаясь всех важнейших вопросов, досконально проанализированных и раскрытых Владыкой в статье, невозможно не поразиться тому, как актуально и ново звучат в его освещении, казалось бы, давно известные, часто повторяемые мысли.

Кажется, так ясно: сущность человека проявляется в чувстве нравственной ответственности. Но как же далек человек от осмысления своего бытия в повседневности. «Не просто жить, не просто существовать, не просто занимать место под солнцем во Вселенной, но быть носителем глубокой, духовной, нравственной силы – вот в чем высшее призвание человека», – писал Владыка.

Легко ли сделать мерой всех жизненных ценностей нравственную ответственность?! Нет, конечно. Но ведь «Господь сказал: *Входите тесными вратами... потому что тесны*

врата и узок путь, ведущие в жизнь (Мф.7:13,14)», – читаем в статье Владыки.

Ограниченность нашего рационального познания не позволяет нам найти точные определения и доказательства многих истин, но то, что очевидно, не требует доказательств. И главное то, что одна из важнейших нравственных истин – это преображение души, соблюдение чистоты совести, неустанной работы над просветлением духа.

Митрополит Питирим писал это в период коренного перелома в жизни страны. Власти постепенно отказывались от прежней советской идеологии. Начались бурные перемены. Крушение огромного советского государства повлекло за собой крах жизненных и нравственных устоев многих людей. На обломках системы вспыхнул пожар кровавых межнациональных разборок, междоусобных войн. Общественные катаклизмы привели к экономическому развалу – обанкротившимся заводам с замолчавшими, опустевшими цехами, производственным катастрофам, происходящим с пугающей регулярностью, опустошению сельского хозяйства. Начались «лихие 90-е» – годы разгула преступности, безработицы, нищеты, голода. Россия теряла свой облик великой страны в глазах всего мира.

Время, в которое мы жили и живем, определяли по-разному. Его называли смутным, называли аморальным, криминальным, называли переходным периодом, временем накопления капитала и временем решительных перемен. Но как бы ни называли его, надо признать, что это было время, когда грех часто становился нормой жизни, а порок возводился в добродетель. Захлебнувшись свободой слова, общество презрело общественную мораль, которую во все времена составляли вероуставные заповеди. Была отвергнута и забыта та истина, что только через претворение в практике жизни нравственных норм можно достичь того желанного благополучия, о котором так долго и болезненно стелает до сих пор наше общество.

Позже Владыка Питирим отмечал, что даже в парадоксальные времена советской действительности, «несмотря на все тяжкие испытания... сохранялись и даже

культивировались какие-то глубинные основы нашего национального духа: общинность, отзывчивость, бескорыстие. В последнее время удару подверглись именно эти стороны и стали насаждаться противоположные качества: индивидуализм, эгоизм, расчетливость».⁴⁷

О масштабах нравственной деградации общества с душевной болью, но и с надеждой на возрождение говорил митрополит Питирим: «Масштабы угрожающие, но не катастрофические. .. Положение с духовностью сегодня действительно тяжелое, но Россия велика, и не стоит всё мерить одним аршином. Есть много хорошего и в наши дни».⁴⁸

Вера в Россию у Владыки была непоколебима. Поднять достоинство русского человека – вот первостепенная задача на пути к нравственному преображению общества, – неоднократно подчеркивал архиерей. Настала пора серьезно задуматься о наших корнях, потому что народ, который бережет собственные корни, всегда способен к возрождению.

Митрополит говорил, что общество должно осознать необходимость обратиться к Церкви, к ее неисчерпаемому духовному и культурному наследию, к ее помощи и участию в разрешении многих назревших проблем. Однако долгие годы безбожия, массовой религиозной невежественности, сатирическое изображение священников в некоторых произведениях искусства как вечно пьяных, недалекого ума корыстолюбивых чревоугодников сформировали у народа недоверчивое и негативное отношение к священнослужителям.

В такой ситуации уже только само появление Владыки Питирима, его величественный образ поражали воображение. Его благородная осанка, внушительный вид библейского старца, убеленного сединами, мгновенно рождали почтительное уважение к нему. Общение же с ним просто ошеломляло: так глубоки и широки были его знания в различных областях науки, культуры и искусства. Он мог находить верные слова для людей любого социального круга и интеллекта, был прост и доступен для людей. Внешне необыкновенно легкий в контактах с людьми, тонкий интеллектуал, глубокий богослов, мыслитель, человек, принявший на себя духовный подвиг: каждодневную

углубленную молитву – настоящую внутреннюю глубочайшую духовную работу. Доктор богословия, профессор, он умел о сложном говорить просто, о непонятном

– понятно. И всегда интересно. Определения митрополита Питирима точны, емки и неординарны.

– Дух есть не что иное, как свойство ответственности.

– Достоинство человека не в талантах, а прежде всего – в мере его ответственности.

– Великий пост – это вскрытие истоков собственной нравственности.

– Свобода – это свойство личности, обладающей духовными ценностями. Чем выше духовная культура человека – тем более он свободен в своем самосознании и деятельности.

– Свобода духа, свобода от порабощения материальным миром в огрубленном до предела понимании – это культура.

– Путь к счастью – это путь к достижению гармоничного состояния духа... гармония на высоком напряжении духовных сил.

Но как же достичь гармонии духа?.. Ведь человек слаб... Сколько искушений преследуют его на жизненном пути!.. Как бороться с ними?..

«Человек, – говорил Владыка Питирим, – наделен крайне неудобным для себя свойством

– нравственной свободой. Один из глубочайших христианских богословов архиепископ Александрийский Афанасий сказал: «Бог может всё, но не может спасти человека без самого человека"». ⁴⁹

В интервью корреспонденту газеты «Советская культура» архиерей на вопрос «Что радует и что печалит Вас в людях?» ответил: «Печалит безответственность. Радует сознание человека, хотя бы иногда в нем пробуждающееся, что он должен быть лучше». «У французов есть поговорка: нравственность, которую нужно охранять, недостойна того, чтобы ее охраняли», ⁵⁰ – говорил митрополит. Создание приоритета ценностей – главная церковная и мирская воспитательная методика.

Одной из наиглавнейших ценностей народа является национальный язык. «Связывает нас со своей нацией больше всего язык», – писал известный русский писатель И. А. Гончаров. Связь языка с национальным характером, с национальным самосознанием и его выражением – очевидная истина.

«Великий и могучий» русский язык в последние десятилетия онемел от ужасающей безнравственности общества, которое, не стесняемое более цензурой, выплеснуло на простор грязный поток бранной речи, захлестнувшей улицы, транспорт, учреждения, СМИ. Искусство как зеркало действительности отразило и едва ли не узаконило это положение: герои литературных, а также теле– и кинопроизведений заговорили блатным языком, диалоги заполнил тюремный жаргон, даже величайшая сцена России – МХ АТ – содрогнулась от «черных» слов.

Владыка Питирим не раз предостерегал общество от употребления грязного слова. Еще в 1982 году появилась его статья «Слово злое и слово доброе», в которой Владыка разъяснял: «Дорогие во Христе братья и сестры! В стремлении к душевной чистоте и христианскому совершенству мы часто обращаем преимущественное внимание на свои действия и поступки, забывая об одном очень важном явлении нашей нравственной жизни. Это явление – наша речь, как словесное выражение мыслей, поступков и намерений. Это наши слова, которые мы постоянно произносим, употребляя их обдуманно и необдуманно, с доброй или с дурной целью, уместно и неуместно. Священное Писание многократно предупреждает, что есть слова добрые и слова злые, слова благодатные и греховные, слова утешающие, ласковые и слова возмущающие, жестокие... И вот, чтобы люди не предавались злоречию, не произносили злых, бранных и оскорбительных слов, Священное Писание заповедует словесное воздержание, удерживает от согрешений словом»... Владыка вспоминал об отношении к «черному» слову в его семье: «Мне в детстве говорили, что от такого слова сотрясается земля, и я всегда боялся, что рядом со мной появится трещина, в которую я провалюсь».⁵¹

Сам он всегда был очень внимателен к слову и осторожен в речи, особенно в письменной. «Лишняя соль портит стол, а лишнее слово – речь», – приводил Владыка в пример русскую пословицу.

Его внимание к словам позволяло видеть их скрытые смысловые связи и исконные значения. Так, он пояснял, что изначальный смысл слова «счастье» в стремлении человека стать частью некоего целого (таковы же однокоренные слова – «участие, причастие, соучастие»). Следовательно, счастье в любви – соединение любящих людей. А смысл слова «вера» Владыка раскрывал через родственное ему слово «доверие», «верность». Простое внимание к слову помогает понять глубокие исторические связи, различия межнациональные и многое другое. (Например, русское слово «гражданин» – от слова «град», «город»; а немецкое «бюргер» родственно со словом «буржуа».)

Следить за развитием мысли митрополита Питирима всегда необыкновенно интересно. Вот он рассуждает на тему соотношения христианской морали и бизнеса: казалось бы, какая в последнем нравственность?.. Но Владыка убежден, что «любая деятельность – интеллектуальная, производственная, коммерческая – должна быть окрашена в нравственные тона. В Писании сказано: возделывать и сохранять райский сад. Нарушив Божию заповедь, человек был изгнан из рая и получил суровый приговор: в поте лица добывать свой хлеб, и земля выращивала ему сорняки вместе с плодами его труда. С тех пор вся жизнь человеческая сопряжена с добродетелью и грехопадением. И несмотря на те условия, в которые поставлен человек, несмотря на постоянную необходимость борьбы со своими греховными побуждениями, перед ним остается начертанным светлый образ нравственной деятельности, которая формирует его как личность и которая делает его труд положительным».⁵²

Владыка Питирим вспоминает слова апостола Иакова, который сказал: вера, если не имеет дел, мертва сама по себе (Иак.2:17). «Неверно благотворительность понимать только как подаяние милостыни, – говорит далее митрополит, – это

средство, способное облегчить жизнь людей во всех ее формах... Очень важно поддержать человека в трудную минуту, но гораздо важнее поддержать его достоинство».⁵³ «Эгоизм, корыстный расчет, алчное накопление, стяжательство всегда осуждались христианской моралью... Собственность должна быть средством служения окружающим людям, а не средством личного обогащения».

«Понимания этой закономерности пока нет в нашем обществе, – говорил Владыка, – поэтому российское предпринимательство преимущественно формируется на крайнем участке нравственного поля».⁵⁴

Что же делать?! Архипастырь подчеркивал, что необходимо создать препятствующую росту бездуховности атмосферу. Такую атмосферу, которая императивно обязала бы новое поколение российских предпринимателей заботиться не только о накоплении личных материальных благ, но и о создании общественного – и духовного в том числе – богатства. Ибо сказано в Писании: *никто не ищи своего, но каждый пользы другого* (1Кор.10:24).

Говоря о благотворительности, Владыка отмечал: «Степень жертвенности определяется моральным обликом. Когда человек пресыщен... и не знает, куда ему деть деньги, и поэтому «кидает» какую-то сумму, как милостыню... это не говорит о его нравственности. Любая благотворительность должна быть окрашена в нравственные тона».⁵⁵

Каждая мысль, любая тема, которую обсуждал Владыка, в его изложении становилась остро злободневной, а высказывания – прицельно точными, он словно направлял общественную мысль на профилактическое решение тех проблем, которые уже завтра могут иметь жизненно важное значение. В начале 1990-х годов, когда митрополит Питирим говорил о нравственной стороне милосердия, шел только поиск путей благотворительности, поиск трудный, часто ошибочный. И разъяснения, данные Владыкой, оказали свое влияние на развитие милосердия в следующем десятилетии.

Сегодня, после долгого пути проб, ошибок и прямого надувательства, можно увидеть примеры той

благотворительности, о которой мечтал митрополит Питирим. Это и помощь в восстановлении старых храмов и монастырей, в возведении новых церквей, перечисление денежных средств на содержание детских домов, благотворительные акции по оказанию помощи больным детям, инвалидам, наконец, содействие возвращению на родину утраченных ранее произведений искусства, раритетов, выкупленных на аукционах или у их собственников богатыми российскими предпринимателями-меценатами, без помпезности, без афиширования личности – спокойно и достойно.

Истинная благотворительность – «это та соль, без которой нация деградирует», – определял значение милосердия Владыка Питирим. И подчеркивал: «Рука дающего не оскудевает, и Бог всё возвращает сторицей».⁵⁶

О чем бы ни говорил Владыка Питирим: о взаимоотношении Церкви и власти, о духовном возрождении России, о состоянии культуры и факторах, влияющих на ее развитие, о взаимодействии искусства и духовности, – всегда ощущался его редкий талант полемиста, просветителя, проповедника, церковного историка и богослова. Он понимал мир как единую систему осуществления творческого замысла Создателя, который во взаимодействии со свободной волей человека становится направляющей силой мирового процесса.

Многогранно одаренный, обладающий блестящим интеллектом, широчайшей эрудицией Владыка занимался научными исследованиями в области православной антропологии и аскетического пути богопознания. Его работы были изданы в Италии, Германии, Швейцарии на русском и иностранных языках.

Большое значение Владыка придавал возрождению и популяризации русского православного пения. Ведь недаром говорят, что песня – душа народа. По его инициативе было создано несколько церковных хоров, выступавших с концертными программами в России и за рубежом. Он понимал и ценил хорошее исполнение вокальных и инструментальных произведений, сам имел музыкальное образование и играл на виолончели, инструменте, предполагающем вдумчивое,

философское осмысление и прочувствование игры, как называл ее митрополит, «задумчивая виолончель».

Удивительный духовный мир Владыки так искренне располагал к себе людей, что каждому казалось, что это именно ему дарится расположение архиерея, часть его щедрой души. Вокруг него сформировался в храме Воскресения словущего на Успенском Вражке большой круг интеллигенции, среди которой были известные ученые, артисты, художники, военные. Общаясь с огромным количеством людей, Владыка Питирим был всегда естественен, в нем не было ничего показного, и в людях он ценил прежде всего простоту и непринужденность. В одном из интервью он говорил: «Я очень открыт и ни от кого не скрываюсь... Мой рабочий день длится 18 часов, иногда и 20». Он не терпел лжи в людях, особенно когда дело касалось духовной жизни. Владыка поражал обширностью круга своего общения и бездной своих интересов. В 1989 году он был избран народным депутатом СССР от Советского фонда культуры и представлял Русскую Православную Церковь в таких общественных организациях, как Фонд Славянской письменности и культуры, Славянский фонд России, Международный фонд за выживание и развитие человечества. Именно через последний митрополит Питирим был связан с широкими кругами ученых, которые при обсуждении сложнейших глобальных проблем, стоящих перед человечеством, испытали глубокое влияние его личности, целостности его взглядов.

Конечно, такая яркая одаренная личность вызывала у разных людей разные эмоции и разные впечатления. В печати порой появлялись статьи критического характера, высказывались различные предположения о Владыке. Это естественно, потому что человеческая греховность (зависть, тщеславие, честолубие, а иногда просто недальновидность или недостаток ума) располагает людей на поиски темных сторон у других. Однако это приводит к возникновению непонимания, недоразумения между людьми, к зарождению взаимных подозрений в грехах или предательстве, что основательно мешает общему делу. Ради блага Православной Церкви и

Отечества митрополит Питирим шел на широкие контакты с людьми, имеющими разные, подчас противоположные, мировоззрения, вел с ними и с многочисленными организациями диалоги, оставаясь истинно православным человеком в своей жизни, Архиереем с большой буквы.

За выдержанным поведением Владыки, поддерживаемым твердостью духа, не многие видели, как ему тяжело. Спасение, поддержку и отраду находил он в богослужении и черпал в нем новые силы, подчас уезжая в самые глухие приходы Волоколамского района и служа там иерейским чином. В этих приходах он был своим для простых прихожан, находил для каждого старичка или бабушки много теплых и добрых слов. Староста одного из самых отдаленных приходов Волоколамского благочиния, пожилая женщина, трогательно рассказывала о встречах с Владыкой. Как по расхлябанным российским дорогам на грузовике добрался он в первый раз до этого прихода и осветил глухой забытый уголок земли русской удивительным светом доброты и любви. Трепетно сохраняют здесь люди память о Владыке, берегут в неприкосновенном виде его келью, где он отдыхал и молился во время своих приездов, его фотографии и смотрят на позолоченные при нем купола своего храма, вспоминая со светлой грустью искреннюю радость, с которой архиерей любовался ярким завораживающим огнем, каким вспыхивали эти купола под солнечными лучами. «За все годы это был первый Владыка, посетивший нас, – печально говорила староста. – Даже в царское время сюда никто не приезжал. Грустно нам будет без Владыки. Ох, как грустно!».

24 января 2002 года митрополит Питирим принял участие в «Совместном молении за мир» на городской площади в итальянском городе Ассизи. Это мероприятие трудно было назвать молением, по свидетельству самого Владыки, но в нем участвовали 300 представителей 12-ти различных религий и всех их объединял «дух единства и братской любви». Некоторые за это осудили архиерея. А ведь жизнь Церкви – это жизнь народов, потому что Церковь не только молится о спасении душ верующих, но и влияет на гуманизацию общества

и его социальной жизни. И на этом пути необходимы дипломатические усилия и мудрость.

Земной путь митрополита Питирима был предопределен всеми предшествующими поколениями его семьи. Как известно, Владыка стал священнослужителем в девятом «колене». Он с детства был носителем подлинно русского благочестия, знатоком многих традиций церковного богослужения и сам прошел школу подлинного старческого послушания.

На всю жизнь он запомнил слова ректора Богословского института протоиерея Николая Чепурина: «Вас здесь учат многим наукам и по ним вы сдаете экзамены. Но есть одна, по которой вы сдадите экзамен однажды в жизни и навсегда – это наука жертвовать собой». Митрополит Питирим всю свою земную жизнь руководствовался этой наукой.

Наверное, были такие минуты в жизни Владыки, когда он задавал себе вопрос: «Правильно ли я поступаю?» Ведь он был пострижен в монашество, мог бы удалиться от мира, стать богословом-затворником, уединясь в своей келье для созидания самого себя... Но он избрал тяжелейший путь духовного подвига и всегда помнил слова апостола Павла: *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1Кор.9:22).

И Владыка спасал. Он изменил жизнь многим людям, указав им истинный путь к Богу. И многих благословил на служение Господу. Он сознательно избрал для себя путь действенной любви и деятельного служения Богу, Православной Церкви и Отечеству, путь, освященный преподобным Иосифом Волоцким, путь социального служения во имя преобразования мира.

Владыка был личностью крупного масштаба, поразительно цельной, сочетающей в себе несомненную внешнюю красоту и глубокую духовность, достигнутую самоограничением и молитвой. Он говорил, что человек создан по образу и подобию Божию, и образ – это то, что заложено в человеке: свобода, совесть, «начатки» вечной жизни; а подобие – это задача человека, это тот духовный мир, к которому человек должен стремиться. Первый этап восхождения к Богу – наслаждение

красотой окружающего мира; следующий – видение красоты духовной, прежде всего красоты человеческой души. «Душа, – говорил Владыка, – не измерима никакими ценностями. Когда мы придем на суд к Богу... мы обязаны будем ответить на вопрос: «Что ты сделал со своей совестью?.. Сколько раз ты ею пренебрегал?»»⁵⁷

Нельзя начать путь духовного преобразования, не признав своих ошибок и не отказавшись от них. Это значит, что необходимо пройти путь от раскаяния к покаянию. В последние годы много разговоров идет о покаянии на уровне политиков, журналистов, деятелей искусства. ..

Покаяние – это возвращение к беспорочному состоянию. А это предполагает, что отказ от своих ошибок должен быть искренним. Владыка говорил: «Кто нагабил, должен раскаяться и отказаться от нагабленного, кто обманывал – честно в этом сознаться: «Дорогие мои товарищи, граждане России!.. Я украл у вас столько-то миллионов... Прошу извинить меня, увлекся. Прошу оставить мне на прожитие, остальное пусть вернется государству"». Этот нравственный аспект кажется фантастическим, «но на самом деле это та реальность, без которой нам нельзя идти вперед».⁵⁸

Как трудно осознать реальную опасность зла!.. В каждом человеке заложено доброе начало и злое, т. е. «в каждом человеке сидит маленький антихрист (как говорил Владыка): если дать ему волю, он вырастет в большого»... И если мы вовремя не тормозим себя на пути моральной деградации, то ускорим мировую катастрофу. В целом ряде своих проповедей митрополит Питирим предостерегал людей от беспечности. «Во всяком усыплении таится опасность проспать что-то важное, главное. Бодрствуйте, ибо не знаете, в какой час и день воры подкапывают ваш дом для того, чтобы украсть у вас духовное ценное сокровище» (Проповедь в день празднования Введения во Храм Пресвятой Богородицы). На этом пути не надо бояться трудностей. Житейские скорби только укрепляют наш дух. Ибо прекрасно сказал апостол Павел: *когда я немог, тогда силен* (2Кор.12:10).

Искренне и глубоко радея о судьбе Отечества, о русских людях, Владыка, выступая однажды на съезде народных депутатов СССР, обратился к М. С. Горбачеву, тогда еще Президенту страны: «Люди доверили Вам свою надежду, не дайте потерять ее».

Как-то, находясь в Италии, Владыка зашел в музей, где были выставлены карандашные рисунки и офорты Рембрандта. Техника рисунка поразила Владыку: стереть неправильную черту художник не мог, ведь ластиков для свинцовых карандашей не существовало. Какой же точности должен быть рисунок и какой силы талант, не имеющий права на ошибку!

В переломный момент встав во главе страны, политик тоже должен обладать политическим даром такой силы, который не имеет права на ошибку. Тогда надежды людей не будут обмануты.

Несмотря на все потрясения, происходившие в стране, политические просчеты властей, несмотря на тяжелейшее положение людей, как материальное, так и духовное, Владыка Питирим всегда верил в Россию. «У России непременно будет будущее, и будущее великое, – как мы глубоко исповедуем на основании того исторического опыта, которое прошло наше Отечество», – говорил он. – Потому что, «несмотря на катаклизмы, остается некая таинственная глубина национального достоинства, внутренней силы нации, способной в любых потрясениях сохранить свои истоки».⁵⁹

«Нет такой силы, которая одолела бы русскую силу», – часто повторял Владыка слова Н. В. Гоголя. Он был постоянен в этой своей уверенности и считал, что необходимо напоминать людям о самоуважении, которое всегда было свойственно русскому народу. Он так говорил: «Вообще достоинство в нашем русском обществе всегда хранили свято – Боже упаси уронить его хотя бы в какой-то детали поведения: в манерах, в осанке – согнуть перед кем-то спину».⁶⁰ И приводил в пример пословицу, услышанную в молодости от старого солдата: «Ешь солому, а вида не теряй».⁶¹

Служение Отечеству Владыка считал честью, российской национальной традицией. Он говорил: «Священник не

принадлежит самому себе, как и солдат... Все работают, только духовенство и военные служат». ⁶² И добавлял, подчеркивая особое отношение русского народа к солдату: «Каждый русский человек в душе солдат». ⁶³

Возродить достоинство русского человека невозможно без знания истории своего народа. Пока жива в народе память, уважение к прошлому, есть надежда и на будущее.

В истории России много героических страниц, но есть и особенные события, такие, как Куликовская битва, когда стойкость и сила народного духа определяли дальнейший ход истории. Это отмечал Владыка Питирим.

Как величайшее судьбоносное событие в истории России определял Владыка и Великую Отечественную войну.

Он вспоминал, что настрой народа тогда был особенный. «Сразу появился замечательный гимн «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», – рассказывал Владыка Питирим. – Мы до сих пор его поем». ⁶⁴ И, как когда-то перед Куликовской битвой, вместе с воинством, вместе со всем народом была Православная Церковь. В первый день войны, 22 июня 1941 года, Патриарший Местоблюститель Блаженнейший Сергей, митрополит Московский и Коломенский, обратился к верующим с посланием, в котором призвал всех православных встать «на защиту священных границ нашей Родины». «Кровь мирных граждан уже орошает мирную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству» ⁶⁵... «Голос Русской Православной Церкви прозвучал совершенно легально через московское центральное радио» ⁶⁶ и вселил уверенность в победе, вспоминал Владыка. Праздник Победы был действительно всенародным праздником – торжеством единства, торжеством русского национального духа, а Великая Отечественная война стала тем оселком, тем критерием, которым было проверено национальное самосознание.

Пройдя в юношеские годы через суровые испытания военного времени, Владыка через всю свою жизнь пронес чувство благодарности и уважения к памяти погибших за спасение Отечества.

Митрополита Питирима всегда волновала судьба молодого поколения. Какой путь изберут молодые: сохранение духовных национальных традиций или вновь разрушение народных истоков, идеалов предыдущих поколений и приобщение к западным образцам поведения. Вот и стремился Владыка Питирим в первую очередь спасти юные души, прививая им христианские добродетели. Именно такую цель преследовал митрополит, когда открывал кафедру теологии в МИИТе. Хочется верить, что эта цель не будет со временем затерта и скрыта в тумане житейских будней, суеты и проблем.

В одном из выступлений архиерея перед молодежной аудиторией как наказ всем православным людям России прозвучали такие слова: «Россия вступила в новое тысячелетие, новое столетие, новую эру поиска своего исторического пути. Мы имеем глубокие корни, славное величественное Отечество. Мы должны быть идентичны с нашей былой славой и взять из нее всё то лучшее, что можно пронести вперед, и это прежде всего делать вам. Помните, что наша Земля, наша атмосфера, наши просторы рожают совершенно особый характер – творческий, воодушевленный, радостный. Вы должны сохранить себя и свою природу. Сберегите себя для будущего и смелее идите на этот благородный и важный вдохновенный труд. Бог вам в помощь».⁶⁷

Понять и оценить масштаб личности Владыки Питирима можно будет только со временем. Но сколько бы ни пронеслось дней, месяцев, лет, наполненных делами, страстями, взлетами и падениями, невозможно стереть из памяти его слова: «Вдыхайте дух России, который невредим, стоек и способен выдержать любые нагрузки».⁶⁸

Митрополит Питирим не писал мемуаров. Каждый его день был заполнен до предела, он с полной отдачей своих сил участвовал в стремительном потоке современной ему жизни,

при этом его духовная жизнь не прекращалась ни на мгновение. Но если бы он оставил для нас свои воспоминания, то это была бы удивительная книга ярчайшей жизни, отданной Русской Православной Церкви. И чего это стоило – знал только он один.

К счастью, Владыка был прекрасным рассказчиком и по его рассказам издана книга «Русь уходящая», позволяющая нам прикоснуться к его живому слову, ярким впечатлениям, образному видению мира, отношению к окружающим людям.

В настоящей книге воспоминаний образ архиерея коллективно воссоздается людьми, которые знали его, работали с ним, дружили или просто встречались в разные периоды жизни. О нем рассказывают церковнослужители, политики, люди искусства, военные, журналисты, общественные деятели, бизнесмены, простые прихожане. И неважно, длилось ли их общение с Владыкой продолжительное время или очень недолгое – это были запоминающиеся страницы жизни людей. Можно сказать, что все они имели счастье знать его, такой неизгладимый след оставили у всех встречи с митрополитом! В одном из рассказов А. П. Чехова дается такая характеристика таланту героя: «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – человеческий». Это в полной мере относится и к митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму.

* * *

Есть в природе такая пора в году, когда кажется, что даже земля светится. Посмотришь вокруг – думаешь: играет солнце, а это клены в золотом сиянии. И горят багрянцем, как трепетные сердечки, листья осин, и обжигает огонь рябин, и воздух становится прозрачнее день ото дня, и небеса лучезарнее. А уж если солнце проглянет, свет умножается в тысячу раз, и радость наполняет душу, и хочется разделить с природой ее праздник. Но всегда в русской осени есть щемящая грусть. Светлая грусть, без которой невозможна и большая любовь. Осенью освобождаются дали и кажется, что и видишь яснее, и слышишь лучше, и чувствуешь тоньше. Всё устоялось, притихло и замерло, чтобы можно было собраться с мыслями, заглянуть глубже в себя и увидеть в отстоявшейся синей воде свое

лицо. В такие дни особенно остро чувствуешь, что живешь, что ты частица этой земли и тебе принадлежит этот мир. Увидишь однажды такую картину осени и помнить будешь всю жизнь.

Шуршат под ногами опавшие листья. Так же шуршали они под ногами Владыки Питирима в дни последней в его земной жизни осени, когда тихо бродил он по аллеям госпитального парка, похудевший, измученный тяжелейшим физическим недугом, но с той же присущей ему естественной величественностью осанки и твердостью духа. Всматривался в себя с обычной своей беспристрастностью, продолжая и завершая свой тяжелейший духовный подвиг, готовясь к переходу в другую жизнь. И, может быть, губы его шептали слова последнего стихотворения, написанного чуть раньше и оставленного нам, людям, продолжающим свой земной путь, как наказ беречь и ценить жизнь – священный дар, ниспосланный Господом.

Не собирай сухие листья,
Они хрупки, в них жизни нет.
Живую красоту родного разнолесья
Хранит лишь в позолоте желтый цвет.
Они лишь хороши, когда хрустальным днем
Сгребашь их неспешною стопою
И слушаешь их шорох о былом
Или следишь полет над головою...
Но есть иной листок,
вдруг найденный в пыли,
Среди томов в потертых переплетах.
Коснись его. Он цвет еще хранит.
А в нем и прошлое, и радость, и невзгоды,
И что-то тайное, понятное без слов,
И что звучит, как песни тихий голос...
Он всё еще живет. И вновь весна грядет,
И вновь бушует лес,
И вновь в дверях любовь,
И клонится к земле согретый
солнцем колос...
Надежда Балабанова,

член Союза писателей России,
советник генерального директора Фонда
«Наследие митрополита Питирима»

Фонд «Наследие митрополита Питирима»

Некоммерческая организация «Фонд «Наследие митрополита Питирима» учреждена на основании решения общего собрания учредителей, протокол № 1 от 24 февраля 2004 года.

Председателем Правления Фонда избран доктор технических наук профессор Борис Алексеевич Левин, ректор Московского государственного университета путей сообщения (МИИТа), генеральным директором назначен доктор военных наук профессор Виктор Павлович Егоров, советник ректора и заведующий кафедрой социально-политической истории этого университета. В Попечительский Совет Фонда вошли известные общественные и государственные деятели, иерархи Русской Православной Церкви, бизнесмены, представители генералитета Вооружённых сил Российской Федерации, среди которых архиепископ Орехово-Зуевский Алексей, игумен Ново-Спасского монастыря; Дмитрий Владимирович Гаев, генеральный директор государственного предприятия «Московский метрополитен»; Игорь Евгеньевич Левитин, министр транспорта Российской Федерации; Людмила Петровна Яирова, советник министра культуры Российской Федерации; Виктор Николаевич Захаров, генерал-полковник, начальник УФСБ по Москве и Московской области; Филиппов Анатолий Иванович, генеральный директор компании ООО «Тунайча» и Трифонов Сергей Владимирович, генеральный директор ЗАО «Бецема».

Продолжая дело, начатое митрополитом Питиримом, Фонд направляет свою деятельность на нравственное воспитание молодёжи, укрепление духовного единства и сотрудничества общественных и церковных организаций, на возрождение Иосифо-Волоцкого ставропигиального мужского монастыря.

Фонд духовно, идеологически и топографически связан с Московским государственным университетом путей сообщения (МИИТом), который гордится тем, что в его стенах учился, а затем и работал выдающийся Иерарх Русской Православной

Церкви, общественный и государственный деятель, гражданин России митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Бережно храня память о Владыке Питириме, о его духовном наследии, Фонд ежегодно проводит Рождественские Питиримовские чтения, в которых принимают участие учёные, общественные деятели, военные, священнослужители, каждый, кто желает поделиться своими воспоминаниями о митрополите, рассказать о продолжении начатых им дел, о развитии и воплощении в жизнь его идей и планов. По инициативе Фонда и с его участием выпущены два кинофильма о Владыке Питириме («Архиерей» и «Душа с душою говорит...»), памятные буклет, медали и значки. В декабре 2007 года с благословения Святейшего Патриарха Алексия II Фондом проведена благотворительная Рождественская Православная выставка-ярмарка на ВВЦ в павильоне «Москва», в которой приняли участие более 100 монастырей и храмов России. Следуя завету митрополита о необходимости постоянной заботы о подрастающем поколении, Фонд оказывает помощь детским домам и школам-интернатам, организуя сбор средств, вещей, мебели, книг и школьных пособий. Осуществляя постоянную связь с Иосифо-Волоцким монастырем, Фонд заботится об укреплении и дальнейшем развитии святой обители, внося свой вклад в дело, начатое Владыкой Питиримом.

Фонд открыт для сотрудничества со всеми организациями и учреждениями, сохраняющими память о митрополите Питириме.

Фонд «Наследие митрополита Питирима» выражает свою признательность и благодарность всем, кто принял участие в подготовке и выпуске данного издания – книги воспоминаний о Владыке Питириме.

Адрес Фонда:

127994, г. Москва, ул. Образцова, 15

Тел.: (495) 684 2176

E-mail: fnpitirim@mail.ru

Принятые сокращения

«ЖМП» – «Журнал Московской Патриархии».

«ЦВ» – «Церковный вестник».

РЧМП-1 – Рождественские чтения памяти митрополита Питирима (Сб. докладов) / Московский государственный университет путей сообщения. Кафедра теологии. М.: МИИТ, 2004.

РЧМП-2 – Вторые Рождественские чтения памяти митрополита Питирима (Сб. докладов) / Московский государственный университет путей сообщения. Кафедра теологии. М.: МИИТ, 2005.

РЧМП-4 – Четвертые Рождественские чтения памяти митрополита Питирима (Сб. докладов) / Московский государственный университет путей сообщения. Кафедра теологии. М.: МИИТ, 2008.

ФНМП – Фонд «Наследие митрополита Питирима» (буклет) / Сост. И. Шумейко. М., 2007.

МПЧ – Материалы Питиримовских чтений / МГУ У Правительства Москвы. М., 2005.

ВК – «Волоколамский край. Православный вестник»

Указатель авторов

Алексий I, Патриарх Московский и всея Руси
Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси
Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский
Андроник (Трубачев), игумен
Бабурова Т. И.
Байрашев Р. Г.
Балабанова Н. Г. 523,
Бондарев Игорь, протоиерей
Бувевский А. С.
Бухтеев Г. Д.
Выгнанов А. А.
Вьюнова Л. В.
Гавриил, митрополит Ловчанский (Болгарская
Православная Церковь)
Горбачев М. С.
Грибин Н. П.
Гринденко А. Т.
Джурова А.
Доброва В.А.
Дога Е. Д.
Драгункина З. Ф.
Ивашов Л. Г.
Иларион, епископ Венский и Австрийский
Казанцев Виктор, иерей
Карабанов В. Н.
Карпов А. Е.
Касьянов А. М.
Климашин А. С.
Красноложкина Л. Г.
Крупин В. В.
Крупин В. Н.
Лазарева Л. И.
Левин Б. А.
Лисовой Н. Н.

Лоргус Андрей, иерей
Любартович В. А.
Малинчева Г. И.
Мартынов А. Г.
Медведева Л. П.
Михалин А. С.
Нефедов А. В.
Нечаев С. И.
Никитин В. А.
Николаенко А. К
Никонов В. Г.
Ниниченко В. И.
Овда Л.
Овсянников В. П.
Овчаренко О. А.
Ораевская С. С.
Осипов В. О.
Осипов Ю. М.
Панков В. Б.
Перемышлев В. И.
Питирим (Нечаев), митрополит
Полищук Е. С. 16,
Попов Константин, протоиерей
Попов Николай, протоиерей
Ригин Владимир, протоиерей
Родимцева И. А.
Рубцов Н. Н.
Рябов Я. П.
Ряпов Е. М.
Сергеев Михаил, иерей
Сергеева И. В.
Сергий (Воронков), игумен
Скурат К. Е.
Смыслов В. В.
Соболев Г. С.
Солдаткин В. Т.
Соломин Ю. М.

Спиридонов Э. С.
Терешков Г. С.
Тихон, архиепископ Новосибирский и Бердский
Углов В. Т.
Ужва Т. В.
Филарет, митрополит Минский и Слуцкий.
Фомин С. П.
Хаиров Р. И.
Цвиркунов Анатолий, протоиерей
Чаплин Всеволод, протоиерей
Яковлева Е. М.
Якубенко В. Г.
Ямщиков С. В.

Издательский Совет Русской Православной Церкви выражает благодарность следующим лицам, оказавшим содействие изданию книги:

- Владимиру Васильевичу Иванову – заместителю генерального директора Фонда «Наследие митрополита Питирима» – за организационную помощь;*
- Екатерине Михайловне Яковлевой – за предоставление собранных ею воспоминаний и фотографий о митрополите Питириме;*
- Сергею Ивановичу Нечаеву, Ораевской Сусанне Сергеевне – за предоставление материалов и фотографий из личного архива.*

Примечания

¹ - Речь идет о статье: А. Просвирник. Равноапостольная Великая княгиня Российская Ольга // ЖМП. 1969. №7. С. 56–67.

² - Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 312 (далее – «Русь уходящая...»); речь идет о статье: На лесах Успенского собора Лавры // ЖМП. 1967. № 10. С. 17–20.

³ - Поснов Михаил Эммануилович (1873–1931) – русский православный библеист, доктор церковной истории; после 1917 г. эмигрировал.

⁴ - На это приходилось идти из-за крайне низкого уровня церковного образования в советское время.

⁵ - Уже в новой России она вышла тремя изданиями под названием: «И сказал Бог...» (Клин, 1997; 1999; 2005).

⁶ - Из-за этого ограничения, сообщавшего базе данных сугубо исследовательский характер, она так и не нашла нигде реального применения.

⁷ - Капитуляция или компромисс? // ЖМП. 1992. № 11/12. С. 63–70.

⁸ - Этапами этой деятельности стали утверждение в НИВЦ МГУ научной темы «Христианская информатика» (конец 1992 года), подготовка справочно-информационного отдела для 3-го тома энциклопедии «Христианство» (М.: БРЭ, 1995. С. 560–761) и три гранта РГНФ в 1995–1997 гг.

⁹ - Церковь и интеллигенция: к истории диалога // ЖМП. 1991. № 4. С. 25–31.

¹⁰ - Православная мысль. №11. Париж, 1957. С. 100–122; ЖМП. 1993. № 11. С. 60–72.

¹¹ - ЖМП. 1994. №6. С. 137–139.

¹² - Полищук Е. С. Христианская информатика// Библиография. 1993. №2. С. 20–26.

¹³ - Библиография публикаций в официальных периодических изданиях Русской Православной Церкви (1931–

2005) на сайте Издательского Совета // ЖМП. 2005. № 12. С. 80–82.

¹⁴ - Преподобный Иосиф Волоцкий.

¹⁵ - В настоящее время – настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Кунцеве в Москве.

¹⁶ - ЖМП. 1983. №4. С. 55.

¹⁷ - Некоторые из взглядов С. Н. Булгакова (в частности, его учение о Софии) отвергаются в современном православном богословии.

¹⁸ - Автор работал в реставрационных мастерских на объектах – памятниках русского деревянного зодчества в Карелии и Архангельской области; построил деревянную часовню на Полянке, храмы на территории штаба ВДВ РФ в Сокольниках и в 1-м Московском кадетском корпусе, в Московском институте погранвойск.

¹⁹ - В 1992–1996 гг. Леонид Григорьевич Ивашов – секретарь Совета министров обороны государств-участников СНГ, в 1996–2001 гг. – начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. Президент Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор книг по геополитике и поэтических сборников.

²⁰ - Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев). Культурное наследие Руси как объект паломничества: Курс лекций. – М.: «Фактория-С», 2003. – 208 с.

²¹ - АПН – Агентство Печати «Новости», созданное в 1961 году на базе Совинформбюро; ныне – Российское агентство международной информации «РИА Новости».

²² - Свечин Александр Андреевич (1878–1938) – русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик; необоснованно репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1956 г.

²³ - По-видимому, речь идет о земляке Владыки, почетном гражданине города Тамбова, протоиерее Николае Андреевиче Степанове (1931, с. Нижне-Спасское Рассказовского р-на Тамбовской обл. – 15.07.2008, Тамбов); окончив в 1957 г. Ленинградскую Духовную академию со степенью кандидата

богословия за работу «Вклад русских богословов в экзегезис книг Соломоновых: «Екклесиаст» и «Песнь песней"», о. Николай с 1970 г. был настоятелем Покровского собора г. Тамбова.

²⁴ - Русь уходящая... С. 317.

²⁵ - Русь уходящая... С. 117.

²⁶ - Русь уходящая... С. 112–113.

²⁷ - Митрополит Питирим (Нечаев). Введение в курс «Культурно-религиозное наследие России». Конспекты лекций для студентов всех специальностей. – М.: МИИТ, 2003. С. 6–7.

²⁸ - Раушенбах Борис. Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. – М.: Гареева, Аграф, 2003. С. 268.

²⁹ - Митрополит Питирим. Указ. соч. С. 6.

³⁰ - Там же. С. 7.

³¹ - Там же. С. 8.

³² - Там же. С. 9.

³³ - Филарет, Митрополит Московский и Коломенский. Творения. М.: Отчий Дом, 1994. С. 299.

³⁴ - Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев). Культурное наследие Руси как объект паломничества: Курс лекций. М.: «Фактория-С», 2003. 208 с.

³⁵ - Житие и жизнь Преподобного отца нашего игумена Сергия. Списано учеником его священноиноком Епифанием // Богословские труды. Сб. 11. М., 1973. С. 220.

³⁶ - Волоколамский Патерик // Богословские труды. Сб. 10. М., 1973. С. 202, 212.

³⁷ - Преподобный Серафим Саровский. О цели христианской жизни. Сергиев Посад, 1914. С. 43, 44.

³⁸ - Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Спасительное дело Христа на Кресте и в Воскресении // ЖМП. 1973. №2. С. 64–69.

³⁹ - Игнатий Богоносец. Послание к Ефесеянам, гл. 9.

⁴⁰ - Канон Честному Кресту.

⁴¹ -

⁴² - Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2 т. М., 1984. Т. I. С. 173.

- 43 - См.: Богословские труды. Сб. 8. М., 1972. С. 68.
- 44 - Вопросы религии. 1996. Вып. 1. С. 50–52.
- 45 - Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 136.
- 46 - Русь уходящая... С. 316.
- 47 - Там же. С. 42–43.
- 48 - Митрополит Питирим: «Масштабы угрожающие, но не катастрофические». Беседы митрополита Питирима с журналистом В. Дунаевым. Информ – ОПК №4.
- 49 - Нравственность – вектор бытия // Советская культура. 15 июня 1989 года.
- 50 - Религия – это связь. Интервью А. В. Знатнова с митрополитом Питиримом. Декабрь 1997 год.
- 51 - Русь уходящая... С. 59.
- 52 - Милосердие должно быть нравственным. Беседы митрополита Питирима с А. Стаховым. «Мирянин» (издание фонда «Русский мир») март 1993 год.
- 53 - Там же.
- 54 - Там же.
- 55 - Там же.
- 56 - Там же.
- 57 - Русь уходящая... С. 507–508.
- 58 - Там же. С. 559.
- 59 - Там же. С. 560.
- 60 - Там же. С. 57.
- 61 - Там же. С. 58.
- 62 - Там же. С. 526.
- 63 - Там же. С. 66.
- 64 - Там же. С. 65.
- 65 - ЖМП. 1994. №5. С. 122–123.
- 66 - Русь уходящая... С. 66.
- 67 - Подвижник, праведник, ученый // Десятина. 2003. № 11 (86).

⁶⁸ - Речь митрополита Волоколамского и Юрьевского
Питирима перед слушателями Академии пограничной службы 28
мая 2004 года // Воинское Братство. 2005 (спецвыпуск). С. 59.